

УДК 908(571.66)
ББК 63.3(2Камч)
В74

Рецензент канд. ист. наук, доцент Н. В. Толкачева

Вопросы истории Камчатки. Выпуск 5. — Петропавловск-Камчатский: Холд. комп. «Новая книга», 2011. — 576 с., ил.

Рубрика «Камчатская историческая библиотека» посвящена творчеству исследователя Камчатки, начальника Петропавловского уезда в 1903—1904 гг. А. П. Сильницкого. Авторские статьи рубрики «Восполняя белые пятна» рассказывают об истории первоначального освоения полуострова, окончании гражданского противостояния в 1922—1923 гг., особенностях работы единственной камчатской судоходной компании «Камчатрыбфлот» в 1946—1948 гг. Рубрика «От первого лица» включает автобиографические материалы, рисующие глазами подростка и юноши жизнь в г. Петропавловске-Камчатском в 1950—1960-х гг.

Издание адресовано всем интересующимся историей Северо-Востока России.

Редактор-составитель С. В. Гаврилов

ISBN 978-5-87750-212-3

© Холдинговая компания
«Новая книга», 2011
© С. В. Гаврилов,
составление, 2011
© Авторы, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Сведения об авторах	4
КАМЧАТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА	
<i>А. П. Сильницкий.</i> Краткий очерк современного состояния Петропавловской округи (Камчатки)	6
<i>А. П. Сильницкий.</i> Поездка в Камчатку и на реку Анадырь	39
<i>А. П. Сильницкий.</i> Поездка в северные округи Приморской области	93
<i>А. П. Сильницкий.</i> Четырнадцать месяцев службы на Камчатке	207
ВОСПОЛНЯЯ БЕЛЫЕ ПЯТНА	
<i>В. Е. Быкасов.</i> Поход Родиона Преснецова	245
<i>В. П. Пустовит.</i> Противостояние. Очерки истории гражданской войны в Охотско-Камчатском крае. Часть вторая	286
<i>С. В. Гаврилов.</i> Три послевоенных года Камчатрыбфлота	462
ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА	
<i>А. П. Пирагис.</i> Я жил на «Сухарном»	506
Именной указатель	567

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Быкасов Валерий Егорович — научный сотрудник Института вулканологии и сейсмологии Дальневосточного отделения Российской Академии наук (РАН). На Камчатке с 1942 г. Специалист в области природного районирования, ландшафтоведения, экологии. За время исследований пешком обошёл почти весь полуостров. Публиковался в журналах «Вопросы географии Камчатки», «Известия РГО», «Известия РАН», «Вестник ДВО РАН». Автор свыше ста научных и более двухсот популярных статей по экологии, экономике, природопользованию.

Гаврилов Сергей Витальевич — преподаватель мореходного факультета Камчатского государственного технического университета (КамчатГТУ). Родился на Камчатке. Окончил механический факультет Дальрыбвтуза. Области научного интереса: история развития судовой техники, история морского транспортного и рыбопромышленного освоения охотско-камчатского побережья. Автор десяти книг, ряда научных, учебно-методических и научно-популярных работ. Публиковался в журналах «Морской флот», «Дальний Восток», «Краеведческие записки», «Неизвестная Камчатка». Инициатор издания и редактор ежегодников «Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки» и «Вопросы истории Камчатки». Действительный член РГО, член Союза журналистов России, член Союза писателей России, лауреат премии имени С. П. Крашенинникова.

Пирагис Александр Петрович — краевед, писатель. На Камчатке с 1954 г. Окончил Всесоюзный юридический заочный институт, полковник милиции в отставке. Области научного интереса: история камчатской милиции, история г. Петропавловска-Камчатского. Автор трёх книг, свыше ста пятидесяти статей. Публиковался в газетах «Камчатский комсомолец», «Вести», «Комсомольская правда», «Камчатская правда», «Рыбак Камчатки», «АИФ. Камчатка», ежегоднике «Камчатка», журнале «Неизвестная Камчатка», сборниках материалов Крашенинниковских чтений и других изданиях, выпускаемых на Камчатке. Первая краеведческая публикация вышла в 1977 г.

Пустовит Валентин Петрович — историк, писатель. На Камчатке с 1953 г. Окончил филологический факультет КГПИ. Области научного интереса: история революции, гражданской войны и политических репрессий на Северо-Востоке России. Автор пяти книг, публиковался в журналах «Неизвестная Камчатка», «Дальний Восток», «Казачий вестник», ежегодниках «Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки» и «Вопросы истории Камчатки», сборниках материалов краевых Крашенинниковских чтений. Первая историческая публикация об убийстве С. М. Кирова «Закат на рассвете» вышла в 1988 г. Член Союза писателей России.

КАМЧАТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

В этой рубрике мы представляем четыре работы, принадлежащие перу значимого для Камчатки человека — Антона Петровича Сильницкого: «Краткий очерк современного состояния Петропавловской округи (Камчатки)» (1896 г.), «Поездка в Камчатку и на реку Анадырь» (1897 г., её первая глава «Из Владивостока в Петропавловск. Впечатления Камчатки» опубликована в третьем выпуске «Вопросов...»), «Поездка в северные округи Приморской области» (1903 г.) и «Четырнадцать месяцев службы на Камчатке (1909 г.).

Антон Петрович Сильницкий (8 ноября 1864 — 27 октября 1910). Краевед, литератор, член Приамурского отдела Императорского Русского Географического общества (ИРГО), один из первых редакторов газеты «Приамурские ведомости», первой официальной газеты Приамурского края. Надворный советник, поручик запаса.

Родился в Смоленской губернии в семье православного священника, но по стопам отца не пошёл. Окончил Московское пехотное училище. С октября 1894 г. служил в Хабаровске в 10-м Восточно-Сибирском линейном батальоне. По приказанию командующего войсками Приамурского военного округа занялся изучением архивов в Мариинске, Софийске, Николаевске-на-Амуре и Владивостоке. С лета 1896 г. в отставке, перешёл на гражданскую службу. В 1897 г. за участие в первой Всероссийской переписи населения награждён бронзовой медалью.

Вскоре после приезда в Хабаровск А. П. Сильницкий стал членом местного отделения ИРГО. Он начал серьёзно изучать край, собирать этнографический материал. Из командировки в Анадырский округ привёз переданные в дар музею Приамурского отдела ИРГО 28 ящиков с ценной коллекцией, собранной начальником округа Н. Л. Гондатти.

А. П. Сильницкий регулярно писал отчёты о своих поездках, выступал с ними на заседании общества. В 1896 г. отдельным изданием вышел его «Краткий очерк современного состояния Петропавловской округи (Камчатки)». В 1897 г. в Хабаровске издана книга «Архивные материалы к истории событий на Дальнем Востоке России с 1847—1855 гг., извлеченные из дел Владивостокского портового архива», воспроизведённая нами в предыдущем выпуске «Вопросов...» В этом же году «Записки Приамурского отдела ИРГО» опубликовали в отдельном томе его «Поездку в Камчатку и на реку Анадырь». В конце сентября 1897 г. А. П. Сильницкий стал редактором «Приамурских ведомостей». Редакторскую работу он совмещал с исследовательской. В 1901 г. побывал в Петропавловском, Охотском и Гижигинском округах, после чего в «Записках

Приамурского отдела ИРГО» появилась публикация «Поездка в северный округи Приморской области». В 1901 г. в Хабаровске вышла книга «Культурное влияние Уссурийской железной дороги на Южно-Уссурийский край» с подробным изложением истории заселения и освоения края с 1860 г.

В апреле 1903 г. назначен Петропавловским уездным начальником. Находясь на этом посту по июнь 1904 г. пытался остановить спаивание местного населения и обеспечить справедливую торговлю с ним, введя меховые аукционы, чем нажил себе много недоброжелателей. В 1904 г. местное «высшее общество» предприняло попытку сместить его с занимаемого поста под предлогом «сумасшествия». Тем не менее, он возглавил оборону Камчатки от японцев в начавшейся войне и действовал весьма успешно. Из-за происков недоброжелателей осенью 1904 г. ему с семьёй пришлось покинуть Камчатку. После медицинского освидетельствования признан абсолютно здоровым. О своих попытках навести порядок в Петропавловском уезде он написал в очерке «Четырнадцать месяцев службы на Камчатке», вышедшем в 1909 г.

С 1 января 1905 г. А. П. Сильницкий вернулся к редактированию «Приамурских ведомостей». За заслуги в русско-японской войне 25 июля 1905 г. награждён орденом Святой Анны второй степени и чином надворного советника. В качестве ревизора в 1905 г. снова побывал на Камчатке и Командорах. Вернувшись в Хабаровск, он вновь занял пост редактора «Приамурских ведомостей». В 1906 г. вышел в отставку, редактировал первую в Хабаровске частную газету «Приамурье», был владельцем фирмы «Товарищество “Приамурье”». Избран гласным Хабаровской городской думы. Скончался в 1910 г. от инфаркта. Похоронен в Хабаровске.

А. П. СИЛЬНИЦКИЙ

КРАТКИЙ ОЧЕРК СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ ОКРУГИ (КАМЧАТКИ)

Кроме печатных источников, как, например, Э. Реклю Т. VI. Полное собрание учёных путешествий по России. Издательство Императорской Академии Наук, 1818—1825 гг.; Записки гидрографического Департамента Морского Министерства, 1852 г. Ч. 10; Современное состояние Камчатки и Сахалина. Владивосток, 1890 г. № 40, 41 и 42, и другие, мы при составлении этой статьи пользовались отчётами начальника округа с 1891 по 1894 г.

Петропавловская округа занимает собою полуостров Камчатку между 50° и 60° северной широты и 125° и 135° восточной долготы. Северную границу Петропавловской округа составляет

Гижигинская округа. Естественными границами между этими двумя округами служат реки: Лесная, впадающая в Охотское море, и Карачинская, впадающая в Великий океан.

По приблизительному исчислению, Петропавловская округа занимает площадь около 210 000 квадратных верст.

Горы, соединяющие полуостров Камчатку с материком, составляют отдельную орографическую систему.

По устройству поверхности Камчатка состоит из болотистых, низменных тундр и горных кражей, тянувшихся вдоль всего протяжения полуострова. В общем рельефе полуострова Камчатки западные высоты, господствующие над Охотским морем, более возвышены, чем правильные цепи и горные массы восточного берега, омываемого Тихим океаном.

К хребтам из гранита, порфира и палеозейских сланцев, составляющих древний остов полуострова, впоследствии прибавились вулканические горные породы: трахиты, базальты, лавы, шлаки новейшей формации, которые поднялись на высоту, гораздо большую, сравнительно с возвышением других горных цепей. Эти конусообразные горы недавнего образования иззубрили мысами берега Камчатки, омываемые Тихим океаном, а потому восточные берега Камчатки мало имеют удобных пристаней, между тем как западная сторона полуострова изрезана бухтами и бухточками самых разнообразных форм. Один из этих маленьких заливов, находящийся недалеко от южной оконечности Камчатки, знаменитая Авачинская губа по справедливости оспаривает у Сан-Франциско и у Рио-де-Жанейро право названия «лучшего порта в свете».

В Камчатке около сорока гор, и все оне вулканического происхождения. Это видно из того, что форма всех гор конусообразная; на вершинах существуют кратеры, остатки потоков лавы, вылившейся когда-то из их трещин. Многочисленные камчатские сопки послужили основанием к тому, что изображение двух сопкок вошло в герб Приморской области.

В настоящее время число гор, подземный огонь которых не потух, доходит до десяти. Колосс этих дымящихся гор, Ключевская сопка, до 10 131 футов высоты, находится близ моря на юг от большой долины, по которой протекает река Камчатка. Основание Ключевской сопки имеет около 310 вёрст в окружности. Вершина сопки постоянно дымится и выбрасывает пепел по два и по три раза в год. Одно извержение, о котором рассказывает Крашенинников, продолжалось четыре года, с 1827 по 1831 г. Огненная река, спустившаяся с вершины Ключевской сопки в 1854 г., по

своей величине и энергии, по свидетельству очевидцев, была так значительна, что превосходила подобныя явления, имеющие место на Везувии и Этне.

В 1737 г. одно из землетрясений, часто колебавших Камчатку, было так значительно, что подняло морской вал на громадную высоту. Этот вал обрушился на берег, смыл юрты камчадалов и обнаружил на дне морском скалы, которых туземцы прежде никогда не видели. Осенью 1878 г. Ключевская сопка сильно горела и по временам выбрасывала камни, падавшие на большом от сопки расстоянии, а временами из нея текла лава. При выбрасывании камней обыватели Ключевского и других селений ощущали сильное колебание почвы, до такой степени сильное, что тряслись дома, и двери самопроизвольно отворялись, что и заставило часть жителей выехать из селения, куда они вернулись по миновании опасности. Огонь, выбрасываемый из жерла сопки, был настолько яркий, что в Ключевском селении, отстоящем от сопки в 45 верстах, по ночам было совершенно светло. Вытекающая же лава казалась небольшими огненными змейками. Обывателями Ключевского селения наблюдается, что все три близлежащая сопки: Шевелюч, Ключевская и Толбинская никогда не горят в одно и тоже время, а всегда одна после другой. Осенью и зимою 1887 г. из Ключевской сопки несколько раз был выбрасываем пепел.

Вулканические силы Камчатки сказываются в существовании больших горячих ключей и многих источников минеральных вод.

В Петропавловской округе известны по своим целебным свойствам Паропирские и Манкинские горячие ключи. Кроме этих ключей находятся ещё много совершенно неизследованных горячих ключей. Ключи, имеющие наибольшую температуру, находятся в вершинах рек: Налычевой, в расстоянии 150 верст от г. Петропавловска и Двух-Юртенной, впадающей в реку Еловку около Харчинского селения.

Вокруг Двух-Юртенных ключей находится выбрасываемый с водою песок стального цвета, похожий на олово. Налычевские горячие ключи находятся между гор, и площадь, занимаемая ключами, около 50 квадратных саженей. Диаметр самого кратера около двух саженей, вода в кратере кипит, как на огне, и, разливаясь по окружающим кратер камням, стекает вниз в протекающую вблизи речку с холодною водою. Запах горячей воды не отличается от запаха гнилого яйца. Камни, окружающие кратер, весьма мягки, ноздреваты и, вероятно, образовались из частиц, выбрасываемых водою кратера. На отвердевшей почве, по которой течёт вода из

кратера, находятся ясно отпечатанные окаменелые следы копыт оленя и лап медведя.

Какого-либо исследования этих вод никогда не было. Главная река полуострова, впадающая в Тихий океан, называется Камчатка, и от имени этой реки полуостров получил своё название. Река протекает по равнине, отличающейся своим плодородием. По этой равнине расположено около двадцати селений камчадалских и русских, и у всех почти селений имеются возделанные поля. Из других рек полуострова Камчатки заслуживает внимания река Большая, впадающая в Охотское море у южной оконечности полуострова.

Климат Петропавловской округи таков: средняя температура +2,8 °С. Самый холодный месяц — 7,9 °С; самый теплый — +14,5 °С; разность 22,4°. В течение зимы выпадает громадная масса снега; глубокие снега тают поздно. В мае месяце случаются очень холодные утренники. Лето — сырое, холодное, дождливое. К осени дожди усиливаются. Иней выпадает рано, а за инеем наступает и зима. С 20-го мая устанавливается короткое, но жаркое камчатское лето. Земля камчатских тундр от действия солнечного тепла высыхает и нагревается очень сильно.

Камчатская флора включает большую часть сибирских древесных пород: лиственницу и различные породы других хвойных; берёзу, рябину, тополь, иву. Многочисленные ягодные кусты растут в подлесьях и составляют один из источников продовольствия для местных жителей. Есть в Камчатке растения, корни которых употребляются туземцами в пищу, а из некоторых корней приготавливаются опьяняющие напитки. По растительному царству восточный берег Камчатки богаче западного. Западный берег представляет из себя сплошная тундры, изредка прерываемая тальником, ветлой, ольхой, растущими по берегам небольших рек и речек. Камчатские горы западного берега в большинстве покрыты плохорастущей берёзой, тополем, ветлой и другими мелкими кустарниками, не дающими населению хорошаго строительного материала.

По восточному берегу местность с верховьев реки Камчатки до Озерковского селения лесиста. Кроме берёз и прочих пород деревьев западного берега растёт ель, лиственница и пихта. Хребты камчатских гор каменисты и лишены растительности.

Наиболее богата растительностью долина реки Камчатки. Здесь травы часто превышают рост человека, и русские поселенцы, случается, косят по три раза в год. В этой долине (600 вёрст длины) возможна культура хлебных растений и разведение огородов.

Из пушных животных, доставляющих драгоценные меха, водятся соболи, горностаи, росомахи, лисицы. Кроме этих зверей есть в Камчатке: волки, медведи, горные бараны и другие. В настоящее время численность пушных зверей сильно уменьшилась. В прошлом столетии, по свидетельству Стеллера, лисицы разных пород, а в особенности песцы, водились в таком множестве, что камчадалы отгоняли их от своих юрт палками. Когда давали корм собакам, лисицы всегда принимали участие в собачьей трапезе. Всего сильнее и заметнее истребление животных в Камчатке видно в области моря. Некоторые виды животных, существовавших когда-то в большом числе, ныне совершенно исчезли, например, стеллерова морская корова. По сведениям, собранным Нордешильдом, последние особи стеллеровой коровы были убиты в 1880 г.

Морской кот тоже мог бы совершенно исчезнуть с лица земли, если бы не были приняты меры к охранению этого ценного зверя от беспощадного хищнического истребления. Кроме пушных зверей в Камчатке в большом количестве водятся олени; из морских — моржи, сивучи, нерпы.

Народонаселение. Общая численность населения Петропавловской округи в настоящее время доходит до 8 000 чел. Эта цифра составляется так: русских 2 200 обоого пола; оседлаго инородческого племени: камчадал 4 000 чел., бродячих инородцев (коряк, ламут, чукчей) около 2 000 душ обоого пола.

В числе иностранцев, проживающих в Петропавловской округе, считается: германских подданных четыре мужчины и одна женщина, американских граждан шесть мужчин и две женщины.

Из Камчатского населения первое место, как по численности, так и по умственному развитию, принадлежит русским крестьянам. Крестьяне, населяющие Камчатку, суть потомки крестьян, привезённых в Камчатку в самом начале её заселения. Русские люди, заброшенные в отдаленнейший уголок нашего отечества, в Камчатку, окруженные инородцами, сохранили все свои обычай и язык.

В то время как инородцы ищут пропитания исключительно в промыслах лесного и водяного зверя, в ловле рыбы, русские, занимаясь промыслом зверя, не забыли совершенно и исконного своего русского промысла — хлебопашества. Занимаясь хлебопашеством, хотя и в ничтожных размерах, они промышляют и зверя, а потому и быт их является более обеспеченным: русское население Камчатки незнакомо с голодовками. Довольство — вот общий признак русского населения далёкой Камчатки. Близлежа-

ция инородческие селения, имея ясные и неоспоримые доказательства, что при некотором с их стороны усилии, даже при отсутствии хорошаго промысла на пушного зверя, они могут земледелием поддерживать своё существование, занялись разведением огородов и скота, но, к сожалению, в ничтожном количестве.

Следующее за русскими место занимают камчадалы. Камчадалы — аборигены округа. Отличаются они флегматическим темпераментом, религиозны, добры, строго уважают чужую собственность. Камчадалы, живущие в местностях, расположенных к югу от Тигиля и Ключевского селения, говорят русским языком и совершенно забыли свой родной язык. В местностях же к северу от Тигиля и Ключевского селения говорят на камчадалском наречии. Образ жизни у этих камчадалов остался в первобытном состоянии. Русская культура почти не коснулась их. Всё новое представляется им чем-то необыкновенным, от чего они отстраняются. Привычка к старым обычаям и способам промыслов так укоренилась у северных камчадалов, что объяснения и разъяснения об улучшении их выслушиваются ими с явным недоверием.

За камчадалами следуют ламуты. Ламуты или тунгузы ничего общаго с русскими не имеют, кроме исповедуемой ими православной веры. Ламуты — народ добрый, честный, трудолюбивый. Их занятие — охота, рыбный промысел и оленеводство. Живут они вдали от селений отдельными, переносимыми с места на место юртами и приходят в селение только для приобретения от торгующих необходимых для них припасов: табаку, пороха, свинца, чаю, ситцев.

Последнее место занимают бродячие оленные коряки, пришедшие из Гижигинской округи. Это грязный, полудикий, грубый народ, подчиняющийся только физической силе, придерживающийся язычества и почти не подающий никаких надежд на принятие православной веры. Постоянных мест жительства они не имеют, а перекочевывают со своими стадами с места на место по хребтам камчатских гор и вершинам речек. Главные занятия коряк — оленеводство, промысел пушного зверя и рыболовство.

Как ламутам, так и корякам русская речь совершенно неизвестна и весьма туго прививается. Причина заключается в том, что сказанные инородцы, завися в своей жизни от оленей, идут со своими стадами туда, где есть основание предположить обильный корм. Вследствие чего ламуты и коряки, мало соприкасаясь с русским населением, остаются чужды русскому языку и русской культуре.

БЫТ НАСЕЛЕНИЯ

Земледелие. Центром жизни Петропавловской округи можно считать долину реки Камчатки. Долина реки во всех отношениях для заселения удобна. Селения, расположенные по течению этой реки, имеют в достаточном количестве лес, луга и пашни. В реку Камчатку вверх по течению входит из моря во время метания икры масса рыбы. Жизнь населения долины Камчатки вполне обеспечена. Местность Кроноцкого и Камчатского заливов и долины реки Камчатки изобилует хорошим, годным на постройки лиственничным и еловым лесом. В лесах этих водится разного рода пушной зверь, дающий населению возможность удовлетворить свои неотложные денежные нужды и поддерживать хозяйство. Эти леса, к чести населения, ревниво охраняются от пожаров и хищнических порубок. Население, расположенное в долинах реки Камчатки, занимается, частью, земледелием.

Засевают ячмень, коноплю и с успехом разводят огороды. Засевом ячменя занимаются преимущественно крестьяне селения Ключевского и смежных с ним. Сеют ячмень и камчадалы, соседних с русскими селениями, камчадальских острожков. По сведениям, данным администрацией округи, всей земли, находящейся в эксплуатации населения, состоит: огородов около 300 десятин, пахотной 800 десятин, лугов 35 651 десятин. Из этого количества находится под ячменем 570 десятин, под огородами — 230 десятин, под коноплю — 5 десятин. В 1890 г. средняя цифра посева выражалась так: ячменя в Петропавловской округе засевалось до 3 000 пудов, урожай около 20 000 пудов, прочих огородных овощей (репы, редьки, брюквы, капусты) снимается ежегодно около 3 000 пудов. Конопля засеивается около 75 пудов. Урожай около 150 пудов.

Сена в последние годы заготовлялось в Петропавловской округе средним числом до 100 000 пудов. Урожай ячменя колеблется между сам 5,5 и сам 7. Посев ячменя и конопли производится обыкновенно не позже 10 мая, но зависит от того, как освободится земля от снега. Огородные овощи и картофель сеются немного позже 10 мая. Уборка ячменя и конопли производится в половине или конце августа, смотря по степени созревания. За уборкою хлеба следует уборка огородных овощей и затем картофеля.

Обработка полей производится самыми первобытными орудиями. Агрономические усовершенствования не коснулись пока далекой Камчатки. Средняя цена пуду ячменя от 2—3 руб. Из ко-

нопли обыватели Ключевского селения и соседних камчадалских селений выделывают неводное прядево, употребляемое ими для рыболовных сетей и неводов. Конопля засеивается в размере, нужном для собственного употребления, и производство конопли не составляет в округе особой отрасли промышленности. Картофель сеется на восточном и западном берегах полуострова, но преимущественно в долине реки Камчатки. Средняя цена одного пуда картофеля от 1 руб. — 1 руб. 50 коп. Остальные овощи возделываются исключительно для собственного потребления населения и в продаже не существуют.

Скотоводство. Разведением скота занимается преимущественно русское крестьянское население округа и в самых незначительных размерах оседлое инородческое население. Бродячие инородцы — ламуты и коряки — имеют табуны оленей. На успешность скотоводства имеет важное влияние климат страны. В 1889 г. за зиму выпало громадное количество снега. Растаял снег поздно. Вследствие этого заготовленного сена оказалось недостаточно. Лошади проводят зиму на подножном корму, но в зиму 1889 г. лошади не только не могли доставать себе корм из-под снега, но не могли даже переходить с места на место (вязли в снегу).

Обыватели селений, расположенных по реке Камчатке, должны были привозить своих лошадей ко дворам на собаках. Последствием злополучной зимы 1889 г. было сильное уменьшение численности скота Петропавловской округи. Породы рогатого скота и лошадей определить весьма трудно, но полагают, что это есть акклиматизировавшаяся в Камчатке порода, завезенная сюда из Иркутской губернии и Якутской области крестьянами и якутами, переселенными в Камчатку через Аян.

Рогатый камчатский скот небольшого роста, неразборчив в сене, плохо переносит холод, требует тёплых помещений, даёт молоко весьма недолго и в самом ограниченном количестве. Лошади, преимущественно якутской породы, низкорослы, слабосильны, невыносливы, с короткими шеями, небольшой головой и толстыми ногами, рысистых совсем нет. Камчадалское население имеет лошадей только верховых для поездок по промыслам разного рода пушного зверя до тех пор, пока снег ещё мелок и не мешает ходу лошади. Лошади камчатские не знают подков. По тундрам и гористым местам они идут очень осторожно, большею частью шагом, делая три или четыре версты в час.

Около Толбачинского и Козыревского Камчадалских селений замечены два табуна одичавших лошадей — всего около двухсот

голов. Одичавшие лошади чутки, сторожки, не допускают человека, и поймать их никому не удастся. В настоящее время во всей Петропавловской округе насчитывается: лошадей 800, рогатого скота 2 900 штук, оленей 45 тысяч, езжалых собак 6,5 тысяч. Цены на скот существуют в настоящее время следующие: лошадь от 30—60 руб.; корова от 15—60 руб.; олень от 6—10 руб.; езжалая собака от 3—15 руб. Цена на мясо: говядина от 6—8 руб. пуд, оленина от 3—4 руб. пуд.

Бродячее население Петропавловской округи — ламуты и коряки — имеют табуны домашних оленей, служащих им для пищи и как перевозочная сила. Олень как перевозочная сила бродячаго инородца выгоден для своего хозяина тем, что не заставляет его заготавливать на зиму сена. Олень круглый год на подножном корму. Камчатский олень гораздо ниже ростом и меньше севернаго оленя, малосилен и при перекочевках скоро утомляется. Коряки и ламуты при перекочевках запрягают в особаго устройства сани не менее двух оленей, кладя на каждая сани не более четырёх пудов груза. Переходы делаются не более 30 вёрст в сутки с остановкой в пути для отдыха и кормёжки оленей.

Бродячие инородцы, при всём своём желании увеличить свои табуны оленей, не достигают желаемых результатов по следующим причинам: у инородцев, кочующих по западному берегу Камчатки, случаются частые голодовки. Для поддержания своего существования инородец режет своих оленей и питается ими. В стаде получается не прирост, а убыль. Вторая причина — большое истребление оленьих стад волками. Стаи волков перекочевывают с места на место, следом за табунами оленей. Инородец беспомощен против такого хитраго, выбирающаго тёмные ночи врага, не стреляет в волка из суеверия, а отравы, которой, по мнению инородца, волк не отравляется, а угощается, у него нет.

Кроме истребления оленьих табунов самим хозяином в дни голодовок и волками во всякое время, много оленей гибнет от эпизоотической, заразной болезни копыт, при появлении которой владелец лишается почти всего табуна, не зная и не имея средств предотвратить заболевания. По словам оленных ламут и коряк, болезнь копыт, от которой часто погибает всё стадо, является последствием неудобных пастбищ и мест стоянки табунов. Табуны оленей, находясь на мокрых тинистых местах, набивают копытные части мокрою глиною, которая при переходе оленей на более сухое место, засыхает в канале и производит воспаление и нагноение, которая, быстро увеличиваясь, прекращают жизнь оленя.

Больной олень, ходя по траве, оставляет на ней часть нагноения, а проходящий по следам больного здоровый олень, наступая на заражённую гноем траву, заражается и заболевает. Некоторым паллиативом эпизоотии служит у инородца следующее средство: заболевший табун вгоняется в быструю горную речку. Текучая вода, промывая гной у заболевших, несколько предохраняет стадо от дальнейших заболеваний. Случая же, чтобы уже заболевший олень выздоровел, никогда не было. В 1892 г. от копытной болезни пало в Петропавловской округе 2 000 оленей.

Для всего населения Петропавловской округе, как русского, так и инородческого, необходимейшим домашним животным является собака. Вследствие местных климатических условий собака заменяет населению лошадь, не требуя никаких особых расходов на своё содержание. Без собак обыватель Камчатки совершенно беспомощен. Без собак он не может выезжать на промыслы пушного зверя, дающего ему средство к существованию. Без собак обыватель Камчатки не может заработать что-либо по перевозке купеческих грузов в селения округе. В округе существует две породы собак: езжалая и зверовая.

Езжалая собака небольшого или среднего роста, на крепких мускулистых ногах, с хорошо развитою грудью. Голова средняя, рыло узкое, уши стоячие, короткия. Шерсть различной пушистости и цветов. Хвост, обыкновенно на втором году, подрезается между третьим и четвёртым позвонком от основания. Собаки этой породы сильны, крепки, не требуют почти никакого ухода, ласковы, привязчивы к своему хозяину. Оне могут пробегать с грузом без остановки 60—70 вёрст в сутки. Безпрерывной, каждодневной езды оне не переносят. Во время переездов необходимо давать небольшой отдых, а через каждые двое суток езды — день отдыха.

Обыкновенная езжалая собака ценится от 5 до 10 руб., а передняя от 10 до 20 руб. Порода зверовых собак, выслеживающих и загоняющих соболя, известна под названием «ламутской», и эта порода в округе считается лучшею. Ламутская собака роста среднего, на тонких, стройных высоких ногах, с сильно развитыми грудными мускулами. Голова с узким рылом, глаза выразительные, нос развитой, шерсть средней величины — чёрная.

Отличительный признак ламутской собаки — желтоватая, небольшая, круглая пятна под каждым глазом. Рот, грудь, брюхо и оконечности опушены желтоватого цвета шерстью. Ламутская собака весела, ласкова, быстра на бегу, неумоима, понятлива, сильна и обладает прекрасным чутьём. Хорошая собака ламутской породы

ценится не менее 100 руб. По отзывам старожилов, порода езжалых и зверовых собак в Петропавловской округе с каждым годом постепенно ухудшается вследствие плохих кормов по количеству и качеству. Собак зачастую кормят рыбою, пролежавшею по два и по три года в земляных ямах, вполне испортившеюся и издающею сильное зловоние.

Болезни собак весьма различны. До 1870 г. преимущественно замечалось тихое бешенство, происходящее от небрежного ухода за собаками их владельцев. В жаркие камчатские летние дни, когда собаки сидят на привязи, хозяин не позаботится даже переменить собакам воду для питья. В начале 1890 г. в округе появилась совершенно новая, не бывавшая ранее болезнь, отличительными признаками которой были кашель, насморк и болезнь глаз. Заболевшая собака худела и затем пропадала. Все принимавшиеся населением меры не помогали. Болезнь эта сильно распространилась по всей округе, не пощадив и зверовых собак. К числу причин, служащих к ухудшению породы собак, служит то обстоятельство, что население не желает оставлять лучших самцов.

Для езды употребляются холощёнья собаки, и потому каждый, имеющий годовых щенков, холостит оказавшихся лучшими, но для приплода не оставляет, надеясь, что кто-нибудь оставит. Оставляют на приплод обыкновенно самых худших щенков, для езды негодных. Дело грозит окончиться вырождением некогда знаменитых камчатских собак. В настоящее время в Петропавловской округе числится езжалых собак 6 500 штук, а в 1889 г. числилось около 11 тысяч. Так велика за последние годы убыль собак.

Жилища. Все население Петропавловской округи, как сказано выше, разделяется на бродячее и оседлое. А потому и жилища обывателей Камчатки приспособлены к их образу жизни.

Во всей Петропавловской округе нет ни одного каменного здания. Все жилия постройки города Петропавловска одноэтажные, крытые в большинстве случаев соломою или сухою травою. Материалом для постройки служит ель и лиственница. Эти деревья, вполне удовлетворяющая условиям строевого леса, растут на восточном берегу полуострова, начиная от Пущенского селения до Озерковского, на протяжении 579 вёрст. В остальных же местах Камчатки жилия помещения строятся преимущественно из ветлового и тополевого леса.

В округе плотников нет, с пилами население обращаться не умеет. Плахи и тёс выделываются топорами. Все жилия помещения оседлаго населения строятся из тонких деревьев, строятся

неопытными руками, а потому на вид некрасивы, и деревня камчатская имеет вид самый плохой, бедной, разоренной каким-либо бедствием деревушки. Сложенные на мху и непроконопаченные постройки летом пробивает дождь, а зимою стены промерзают. Окна двойных рам не имеют, и в большей половине камчатских окон стекла заменены выделанными и шитыми в продолговатых полотнища кишками медведя или нерпы. Все почти дома сыры, холодны, угарны, содержатся крайне грязно и неряшливо.

Камчадалы, обитающие к северу от Тигиля и Озерковского селения, живут в земляных юртах и находятся в ещё худших гигиенических условиях. Их юрты не имеют деревянных полов и не защищены от дождя крышей. Юрты бродячих инородцев округи легкия, удобно перевозимыя с места на место при перекочевках. Для устройства юрты одновременно заготавливается несколько десятков тонких палочек, полвершка в диаметре и около двух аршинов длины. Каждая три палочки в верхнем конце скрепляются через небольшие отверстия ремнём. Срубается также несколько штук длинных жердей.

При постановке юрты четыре жерди связываются в вершине, а толстые концы раздвигаются в противоположные стороны, смотря по требующейся величине юрты. Концы двух жердей с каждой стороны раздвигаются до такого размера, чтобы человек в теплой одежде мог пройти свободно, так как пространство между жердями служит входом в юрту. От одной крайней жерди до другой разставляются, смотря по нужной величине, на расстоянии одного и одной трети аршина скрепленные по три палочки. Концы двух палочек в косвенном направлении втыкаются в землю, а третья накладывается в развилину следующих трёх палочек и так далее до жерди, к которой привязываются. То же делается и с другой стороны жерди. Установленные так палочки обтягиваются ламутами выделанной оленьей кожей без шерсти, а коряками такой же кожей, но с шерстью.

После этого в развилины тонких палочек, воткнутых в землю, вкладываются толстым концом длинные жерди, а тонкий конец их накладывается на связанные вверху средние четыре жерди. Положенные жерди тоже покрываются оленьей кожей, и вверху оставляется отверстие для выхода дыма. Пол юрты очищается до земли от снега, покрывается прутьями, на которые настилаются невыделанные олени и других зверей шкуры, служащая вместе с тем постелями. Огонь для тепла и варки пищи раскладывается по середине юрты, под верхним отверстием.

Юрты означенного устройства очень холодны, а потому ламуты никогда не снимают теплой меховой одежды. Юрты оленных коряк отличаются от ламутских тем, что коряки кроют юрты выделанными шкурами оленей с мехом и для получения большей теплоты привязывают к жердям внутри юрты большие полога, сшитые из таких же меховых оленьих шкур. В этих-то пологах и помещаются коряки со своими семействами. Более трёх пологов в юрте почти никогда не бывает. В каждом пологе может помещаться от 8—10 чел. Число юрт бродячих инородцев с точностью определить нельзя. Приблизительно 110—120 юрт.

Пожары в Петропавловской округе — очень редкое явление, и это благодаря тому, что между строениями городскими (г. Петропавловска) и сельскими оседлаго населения очень большая разстояния. Всех домов: в округе 865, в городе 75, а всего 840 домов. Нежилых строений в округе нет, а в городе 100. Иностранческих юрт 48 (о кожаных сказано выше).

Промыслы. Рыбный промысел. Главное продовольствие населения Камчатской округи составляет рыба. Заготовление ежегодных запасов из рыбных продуктов обусловливается количеством вошедшей в речки для метания икры рыбы, необходимой как для пищи людям, так и для корма собак. Рыба ежегодно появляется в речках Камчатки в громадном количестве, но инородцы нередко терпят голодовки от недостатка рыбных запасов. Происходит такое явление потому, что рыба идёт с небольшими промежутками с мая почти до октября месяца. Камчадалское население в летнее время добывает рыбы самое ничтожное количество, нужное лишь для ежедневного употребления. Только немногие инородцы заготавливают в летнее время юколу и солят рыбу впрок. Заготовку же рыбы впрок оставляют до самого позднего осеннего хода рыбы. С наступлением холодов получается возможность заготавливать рыбу впрок без всяких хлопот — замораживанием. Этот лёгкий способ заготовки рыбных запасов так приучил надеяться камчатское инородческое население на осенний ход рыбы, что при невыходе ея из моря по осени инородцы остаются совершенно без всяких запасов.

Рыба, из которой заготавливается продовольствие на зиму, преимущественно морская порода лососей: красная рыба, горбуша, хайко, входящая в речки с 1 июня, и кижуч, появляющийся с августа месяца.

Кроме этих главных видов рыб, составляющих основное продовольствие камчатского населения и собак, около берегов полу-

острова и в реках водятся следующие породы рыб: чавыча, семга, треска, кунжа, гольцы — род форели, сельдь, навага, корюшка и другая мелкая рыба.

Ежегодно повторяющиеся в разных местностях Петропавловской округи голодовки происходят частью от причин, от местного населения не зависящих: высший уровень воды в реках и речках, происходящий от таяния снегов в горах, сильные дожди во время хода из моря рыбы в осеннее время. Заметывание устьев рек громадными массами льда. Но большинство голодовок, все-таки, происходит от беспечности инородца и нежелания его сделать какая-либо улучшения в снарядах для промыслов и в самом заготовлении впрок уже пойманной рыбы. Рыболовные снаряды, употребляемые камчатскими инородцами, — суть деревянные запоры, самага первобытного устройства. Запоры делаются из деревянных пластин, шириною в вершок, толщиною в четверть вершка, высотой около сажени. Эти пластины вделываются в четырёхугольные рамы длиной от полутора до двух сажен. Таких рам делается четыре. Две из них ставятся параллельно, и к одной из них привязывается третья рама так, что свободный конец рамы лежит по линии другой, параллельно поставленной. К свободному концу третьей рамы привязывается под острым углом четвёртая рама с таким расчётом, чтобы конец её проходил немного дальше и в сторону от параллельной рамы, образуя небольшой коридор.

К другим концам параллельных рам прикреплена дверь, закрывающая вход. Около этого входа по обе стороны концов рам вбиваются кольца, между которыми вкладывается открытым концом к двери сделанное из деревянных же пластин, отстоящих одна от другой на один вершок расстояния, подобие бочки продолговатой формы, диаметром около трёх четвертей аршина, а длиной около двух сажений. Один конец бочки заделан такими же пластинками, из которых устроены все части запора. Описываемая бочка предназначается для входа туда чрез открытые двери рыбы. В верхней части около закрытого конца бочка имеет отверстие, закрываемое доскою. Отверстие служит для вынужения попавшей рыбы. Для постановки запора в дно реки в удобных местах вбивают кольца, переплетают их тальником, а на глубине двух аршин привязывают к вбитым кольям рамы запора и обращают вход в коридор по течению реки. С другой стороны запора опять идёт небольшой промежуток, заделанный тальником до дна реки, а затем ставится следующий запор. Количество запоров зависит

от ширины реки, и река, таким образом, перегораживается с одного берега до другого.

Рыба, стремясь в верх реки для метания икры, встречая на пути своём преграду, ищет прохода и, вплывая в довольно узкий коридор между рамами, не имеет возможности повернуться, чтобы идти назад и, доходя до конца параллельно стоящей рамы, повертывается вниз по течению реки. Между параллельно стоящими рамами попадает она чрез открытую дверь в продолговатую бочку. Когда бочка наполнится рыбою, то инородец на лодке подплывает к запору, закрывает дверь и приподнимает бочку между кольев кверху, а затем, открыв верхнее отверстие, достает оттуда всю попавшую рыбу.

Большая вода часто сносит один или несколько запоров. Рыба, имея свободный проход, не идёт уже в коридоры других запоров. Случается, что прибывшая вода сносит все запоры, и в большие воды приходится ловить рыбу неводами или сетями, или ожидать спада вод. Кроме запоров ловят на Камчатке рыбу неводами, сетями и на крючок. Невода в небольшом количестве имеются лишь в г. Петропавловске, по селениям же нет ни одного невода. Невод заменяется несколькими связанными сетями. Лов рыбы неводами производится так: невод или связанные сети ставятся в известном месте реки или моря, саженьх в десяти от берега; место выбирается глубокое. Концы верёвок от невода держатся на берегу. Когда рыба войдёт в пространство между неводом и берегом, тогда невод вытягивается. Если попадает в невод около ста штук рыбы, то это считается хорошим уловом (а рыба между тем идёт по реке сплошною массою).

Промысел рыбы чавычи производится исключительно сеткой. Сети делаются с восемью крупными ячейми.

Сеть берётся в бат, который вместе с другим батом заводится вверх по реке и там, растянув сеть поперёк реки между батами, плывут на батах по течению реки и тянут сеть. Чавыча, идя вверх по реке, попадает в сеть и запутывается в ней. Тогда промышленники, вынув из сети рыбу, вновь растягивают сеть между батами и плывут дальше. Затем опять заводят сеть вверх по реке и повторяют те же приёмы.

Камчатское население заготавливает юколу в весьма ограниченном количестве, надеясь на осенний ход рыбы кижуча, которая идёт в реки полуострова позднею осенью, с наступлением холодного времени. Обыкновенно эта рыба идёт в реки Камчатки несметными массами, и население ловит эту рыбу всеми вы-

шеописанными способами. Так как кижуч, вынутый из воды, быстро замерзает, то инородец нисколько не заботится о заготовлении ея впрок. Вся забота инородца сводится к тому, чтобы наловить рыбы как можно больше и сохранить её в мерзлом виде до поздней весны.

С этую целию население Камчатки по берегам речек в местах осеняго промысла, уже покрытых толстым слоем снега, выкапывает до земли ямы, бока которых обставляет тальником и туда складывает всю добытую рыбу. Закрыв яму сверху жердями, засыпают её снегом. Рыба таким образом сохраняется свежую до таяния снега. Если снега ещё неглубоки, то делают из деревянных жердей небольшие срубы (сайбы) и туда складывают до весны мерзлую рыбу. С наступлением теплаго времени эта рыба портится и имеет очень сильный, острый запах, но камчадал с наслаждением употребляет её в пищу, и только при совершенном разложении рыбы она идёт для прокорма собак.

Кислая рыба получается из рыбы хайко и кижуча, входящих в речки летом и раннею осенью. Хайко и кижуч составляют главный корм собак во время нахождения их при селениях. Для приготовления и хранения пойманной в июле и августе месяцах рыбы на берегах речек выкапываются квадратныя ямы глубиною не более двух аршин. В эти ямы сваливается вся наловленная в летнее время и не идущая на заготовление впрок рыба. Когда яма наполнена до краёв рыбой, то она закрывается жердями, покрывается травой, засыпается тонким слоем земли и оставляется в таком виде до наступления морозов. Оставаясь в яме в течение всего лета, рыба от действия тепла успевает настолько испортиться, что теряет даже форму рыбы и превращается в какую-то жидкую, страшно вонючую массу.

В этой смрадной массе можно отличать только рыбы головы и остатки спинной кости рыб. Масса эта с наступлением морозов замерзает и в мерзлом виде на нартах вывозится к селениям, где и поступает на корм собак. Запах этой «кислой» рыбы настолько силён и отвратителен, что даже свыкшийся с ним камчадал имеет для привоза «кислой» рыбы особую нарту и одежду.

Недостаточное заготовление «порса» (порошок из сушеной рыбы) как в человеческую пищу, так и для корма собак, описанные способы промысла, заготовления впрок и хранения рыбы — дают место голодовкам. Камчатския голодовки за полным отсутствием удобных путей сообщения, за громадностью расстояний делают решение вопроса о помощи голодающему населению

трудноразрешимым. О мерах, принимаемых администрацией, будет сказано ниже, при рассмотрении общественного благоустройства Петропавловской округи, а теперь будем говорить о других промыслах населения.

Пушной промысел. После рыбного промысла следует пушной. Петропавловская округа богата всякого рода пушным зверем: морскими бобрами, медведем, лисицею, белым песцом, выдрю и прочим. Пушной промысел даёт населению Камчатки средства к удовлетворению насущных потребностей. Материальное благосостояние жителей Петропавловской округи за отсутствием других местных заработков находится в полной зависимости от успешности промысла пушного и морского зверя.

Главным предметом промысла служит дорогой зверёк — соболь. Добыча этого зверя производится по всему полуострову. Начинается промысел соболя с 1 ноября и оканчивается 1 марта. Промысел этот производится ружьём, собакой и сеткой. Все другие способы добычи этого дорогого зверя, клонящиеся к быстрому его уничтожению, воспрещены. Каждый промышленник, желая добыть соболя, кроме необходимых перевозочных средств для поездки в местности, отдаленные от селений, должен иметь заготовленную провизию, по крайней мере, на один месяц, ружьё-дробовик, собаку, умеющую выслеживать зверя, сетку и лыжи.

Все эти предметы промысла, как дорогостоящие, передаются по наследству от отца к сыну или заводятся постепенно. Промышленники, владеющие хорошим ружьём и, в особенности, собакой, не остаются без хорошей добычи. На промысел выезжают к верховьям речек, ставят на снегу палатку и, смотря по количеству заготовленной провизии, живут в ней недели две-три. Ежедневно утром промышленник берёт с собою зверовую собаку, пристёгивает к надетому на ней алыку (собачья сбруя) вложенную в узкий мешок из нерпичьей кожи сетку, надевает лыжи и отправляется отыскивать на снегу свежий след соболя. Найдя соболий след, промышленник, смотря по тому, позволяет ли снег бежать собаке свободно, отпускает собаку по следу, надеясь, что собака, догнав соболя, загонит его на дерево или другое какое-либо место и не допустит соболя убежать до прихода хозяина. Если же снег настолько рыхл и глубок, что собаке и без сетки идти трудно, то промышленник выслеживает зверя, идя сам по его следу на лыжах. В этом случае, даже преследуя соболя по следу целый день, редко удастся добыть его. Измученный возвращается промышленник в свою палатку с пустыми руками.

На следующий день та же история. Самое благоприятное время для промысла то, когда снег настолько твёрд, что не затрудняет ходьбы на лыжах, и если, к тому же, ночью выпадет небольшой снег. Выпавшая ночью мелкая пороша даёт промышленнику возможность точно определить время, когда пробежал соболь. Собака скоро настигает соболя, и соболь прячется от собаки на лысину или в кедровник, или в расщелины камней. Собака же, находясь поблизости соболя, не даёт ему возможности убежать до прихода промышленника.

Промышленник, по приходе осмотрев следы соболя, точно определяет место, где соболь скрылся. По снегу в стоячем положении расставляется сеть на заранее привязанных к сетке тонких палочках в полтора аршина длины. Длина сети около 15 саженей. Сеть расставляется вокруг того места, где спрятался соболь. Снег в том месте, где ушёл соболь в кедровник, раскапывается. Если промышленник удачно начал свои поиски, то соболь долго не сидит в снегу и, видя, что ему не избежать гибели, выскакивает из своего убежища, попадает в сеть, запутывается в ней и схватывается собакой или самим промышленником.

Добыча же соболя, спрятавшегося в расщелине камня или скалы, требует от промышленника больших усилий. Разставя сетку и оставив около нея собаку, промышленник собирает дрова и около норы, куда скрылся соболь, раскладывает огонь. Дым скоро заставляет соболя покинуть своё убежище. Выстрелами из ружья убивают соболя только тогда, когда он прячется на дереве или, прорвав сетку, убегает. Самая лучшая порода собак для выслеживания соболя — ламутская.

Промышленник, не имеющий собственной зверовой собаки, берет у имеющего лишнюю с тем, что половина всех добытых соболей поступает в пользу владельца собаки. Хотя это условие и тяжело, но промышленник охотно на него соглашается: без хорошей собаки нельзя добыть ни одного соболя. Ежегодная добыча соболя по всей Петропавловской округе колеблется около 2 700 соболей. Цена на соболя от 16 до 25 руб. за штуку.

Промысел медведя, шкура которого за последние годы сильно поднялась в цене, стал по сумме получаемого дохода на первое место после соболя. Промысел медведей производится преимущественно весной, когда медведи выходят из берлог и ищут себе пищи по берегу моря и осенью, когда медведи разбредаются по мелким речкам, в которых входит рыба, служащая медведям пищей.

Камчатский медведь очень смирен. Он никогда не нападает на человека и, даже раненый, бежит. Когда рыбы в реках достаточно,

медведь очень осторожен. Невыход же рыбы из моря в речки и оскудение поэтому пищи для медведя, делают медведя смелым, и голод, не позволяя ему ложиться на зиму в берлогу, заставляет его приближаться к человеческим жилищам. Зима 1887/88 года была особенно неблагоприятна для медведей по случаю невыхода из моря рыбы. Голодные медведи целую зиму шатались близ селений и убивались обывателями во множестве. За 1888 г. было убито в Камчатке 2 083 медведя. Среднее ежегодное число убиваемых медведей около 1 100 штук.

Промысел медведя составляет для камчатского населения немалую поддержку в его благосостоянии. Цена на шкуру медведя ежегодно повышается. Мясо и жир убиваемых медведей употребляется в пищу. Медведи в Камчатке убиваются преимущественно пулями, никаких ловушек и ям население не употребляет. Цена за шкуру медведя в настоящее время 18—35—40 руб., смотря по качеству.

Для промысла красной лисицы и белого песца употребляются привозимые торговцами железные капканы. Вблизи лисьих троп вырываются в лесу ямы, в которых в лунные ночи сидит промышленник, поджидая лисицу. В случае ее появления стреляют по ней крупною дробью. Этими же способами добывают и белых песцов, водящихся в северной части полуострова. Цены на лисьи меха следующие: красная от 4—5 руб., сиводушка от 14—22 руб., белого песца — 3 руб. До 1883 г. промысел лисиц был весьма значителен, но в том же и последующем 1884 г. вследствие употребления для промысла лисиц стрихнина зверь этот почти совершенно исчез. В настоящее время стрихнин, безусловно, воспрещен. В три последние года число добываемых лисиц стало возрастать.

Выдры водятся в реках округи. В среднем ежегодно добывается, преимущественно капканами, около 400 штук выдр. Цена за шкуру выдры 8—15 руб. Охота за лисицею, песцом и выдрюю, и другим мелким пушным зверем не составляет для камчатского промышленника особого, требующаго каких-либо затрат промысла. Добыча этих зверей производится, так сказать, попутно.

Промысел морских зверей. По морским берегам Петропавловской округи производится промысел морских зверей: бобров, моржей, сивучей, лахтаков и нерп.

Морские бобры водятся в весьма ограниченном количестве на южной оконечности мыса Лопатки и к северу от него по восточному берегу Камчатки до камня Гаврюшкина. Заходят иногда до мыса Жёлтого. В прежнее время морские бобры водились в се-

верной части Кронцкой бухты и между мысами Козловым и Кронцким. Морские бобры в местностях восточного берега истреблены иностранными хищническими шхунами, ежегодно заходившими в эти местности, не защищенные от хищничества иностранцев. Иностранные шхуны, производя хищнический промысел морских котов на Командорских островах, зная хорошо беззащитность берегов Камчатского полуострова, не упускают случая добыть и морского бобра.

Лежбищем морских бобров жители Нижнекамчатска указывают камни, стоящие между Камчатским и Столбовым мысами. Камни, на которых лежат морские бобры, находятся в довольно большом расстоянии от берега. Лежбища морских бобров на южной оконечности Камчатки находятся между южным концом мыса Лопатки и камнем «Три сестры». Промысел морского бобра производится исключительно сеткой, так как ружейный выстрел пугает бобров и заставляет их уходить от лежбища. Сетка для ловли морского бобра делается из тонкой белой бечевки, длиною до 15 саженей и шириною около полторы сажени. Ячея сетки длиною 10 дюймов. Сетка ставится на два якоря между камней, где проходят на лежбище бобры.

Лежбище морских бобров представляет группу камней, находящихся отдельно друг от друга и на порядочном расстоянии от берега. Промышленник ставит сетку около лежбищ с вечера на всю ночь и смотрит её один раз, утром. Бобёр подходит к лежбищу с подветренной стороны, осматривается, нет ли опасности, и взлезает на лежбище. С утреннею зарею бобёр подходит к берегу искать раковин, служащих ему пищею, и нередко попадает в разставленные сети.

Лучшее время для промысла бобров — май, июль, сентябрь и октябрь. В эти месяцы бобёр бывает вблизи берегов, а остальное же время, как говорят, проводит в море, но, вероятнее всего, он уходит на острова Курильской гряды. Лица, промышлявшие морского бобра на Лопатке в 1892 г., видели на лежбищах за всё время своего пребывания около двадцати бобров. Добыто было семь бобров, проданы эти бобры в Петропавловске с аукциона от 300—400 руб. за каждого.

Моржи, клыки которого ценятся в торговле довольно дорого, имеют свои лежбища в Кронцком заливе: 1) против устья реки Жупановой, 2) от бухты Столбовой до мыса Козлова. В прежнее время на этих лежбищах занимались промыслом моржей иностранные хищники, составившие для этого компанию. Хищники...

[фрагмент текста утрачен] спицей, находится около лежбища в месте, откуда ветер не может обнаружить зверю его присутствия. Выжидая удобную минуту, когда бурун только что прошёл, промышленник бежит к лежбищу и бросает в первого попавшегося зверя спицу и, удерживая раненного зверя на ремне, привязанном к концу древка спицы, добывает зверя ножом. При приближении буруна — отходит в безопасное место.

Но бывают такие случаи, что зверь, получив удар спицей, бросается в воду, и промышленник, крепко держащийся за ремень, стаскивается зверем в воду и погибает. Случаи эти редки, но чаще всего причиной гибели промышленника служит то, что промышленник, убив зверя, по каким-либо причинам замедлит уйти от надвигающегося буруна. Гибель его в этом случае неизбежна. Подошедший бурун перебрасывает промышленника в речку, откуда он уносится в море быстрым течением речки и отходящего от берега буруна.

Лахтаки и нерпы заходят по более глубоким речкам вверх, вёрст на тридцать и более. Заходящих в речки стреляют из сделанных в известных местах засадок, но поймать убитого зверя удаётся редко: в пресной воде он скоро тонет.

Все описанные промыслы всякаго рода зверя составляют главное занятие инородческого населения Камчатки. Промыслы морских бобров, моржей и трески хищнически эксплуатируются иностранцами. В виду всё большего и большего с каждым годом оскудения морских промыслов желательно было бы безотлагательно принять меры к охране этих промыслов от хищничества иностранцев. Бобровые промыслы так привлекательны, что иностранцы, несмотря на различные меры, не оставляют своего хищничества. Организация военных постов на мысе Лопатки и камнях «Три сестры» принесёт несомненную пользу. В распоряжении окружной администрации имеется лишь одна маленькая, на двух гребцов, шлюпка. Пускаться же на этой шлюпке в открытое море нельзя.

Желательно бы было дать в распоряжение администрации большой, хороший вельбот. Тогда окружная администрация могла бы знать, что делается по берегам полуострова и, в случае надобности, пользуясь военными постами, дать некоторый противовес беспощадному хищничанью иностранцев. Расходы, как на содержание постов, так и приобретение хорошаго вельбота, окупилась бы, как свидетельствует окружная администрация Камчатки, в первое же лето.

В дополнение к очерку промыслов Камчатки следует упомянуть о промысле трески. К обоим берегам Камчатки, и в особенности к западному, к селениям Явинскому и Голыгинскому в июне месяце приходит треска в громадном количестве. Камчатское население, не имея никаких средств к промыслу этой рыбы, говорит, что треска не годится в пищу не только людям, но даже собакам. А иностранцы, между тем, ежегодно приходят к западному берегу Камчатки и занимаются ловлею трески не более как в 10—15 милях от берега, около селений Явинского и Голыгинского. В 1890 г. в течение полутора месяцев ловлею трески занималась команда двух американских шхун. Команда состояла из 82 чел., и в течение сказанного времени она наловила и нагрузила на свои шхуны 310 100 штук трески (каждая рыба около 28 фунтов весом). Проживающий в Явинском селении финляндец заявил, что он поймал в тот же год 10 000 штук трески и продавал американцам 1 000 штук по 25 долларов, то есть весь промысел дал ему 500 руб.

Ловить треску, не имея хотя бы одной двухмачтовой шхуны, нельзя. Население по бедности не может приобрести шхуну. А неимение шхуны у камчатского населения имеет следствием то, что богатства, данная природой Камчатке, идут не на пользу населения, а на пользу иностранцев. Шхуна, если бы она была приобретена, могла бы сослужить немалую пользу и в деле охраны бобровых и других промыслов Камчатки.

ОБЩЕСТВЕННОЕ БЛАГОУСТРОЙСТВО ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ ОКРУГИ

Земли, входящая в состав Петропавловской округи, все без исключения принадлежат казне. Земель, принадлежащих частным лицам, городам, селениям и обществам на правах полной собственности, не имеется. Все земли, занятые городом, селениями под жилья и другия помещения, огороды, сенокосы, поля считаются во временном пользовании лиц, занявших таковыя с разрешения окружной администрации. Ввиду же устранения споров и пререканий между сельскими и инородческими обществами и бродячими инородцами относительно промысла пушного зверя, все земли округи разделены между селениями обоих берегов Камчатского полуострова.

Границею, разделяющею полуостров на две половины, считаются хребты Камчатских гор, проходящих от южной оконечности

полуострова до северной границы, отделяющей Петропавловскую округу от Гижигинской. Границы земель, находящихся в общинном владении, по согласию обществ считаются на половине расстояния между селениями, гранича с одной стороны с берегом Охотского моря или Тихого океана. Местности близ Кроноцкого залива и Авачинской губы, как признанные удобными для разведения соболя, считаются заповедными.

Вследствие слабого развития хлебопашества, полного отсутствия кустарной и фабричной промышленности всё благосостояние населения зависит от успешного промысла рыбы и пушного зверя. Рыба составляет главный предмет продовольствия как людей, так и собак. Как сказано выше, рыба появляется в реках Камчатки весной, летом и осенью в громадных массах. Между тем неумение заготовить её впрок, а частью и нежелание делать это заготовление в летние месяцы ввиду возможности заготовить запасы из осеннего хода, когда при морозах заготовление рыбных запасов не требует особого труда, служат причиною того, что Камчатку из года в год посещают голодовки.

В настоящее время администрация ведёт борьбу с этим злом. Осенний ход рыбы не всегда бывает, ибо устья рек иногда загромождаются пловучими льдами. Все усилия администрации направлены к тому, чтобы заготовить рыбные запасы летом, не ожидая осеннего хода и заготовить их в количестве, достаточном для пропитания как населения, так и собак. В 1891 г. окружным начальником приняты были следующие меры.

В июне месяце в реках Камчатки появляется рыба хайко. Прежде наловленная хайко развешивалась для сушки на открытом воздухе. Дожди и сырая погода делали то, что развешанная рыба пропадала. По мысли же окружного начальника, все сельские общества Камчатки обязались построить в каждом селении общественные поварни. Всё общество должно принять участие в заготовлении хайко впрок. Рыба, засушенная в поварнях, будучи хранима в сухих помещениях, может сохраняться несколько лет.

Каждый общественник, кроме заготовления рыбы собственно для себя, должен вносить по 100 штук юкалы с каждого мужчины в экономические рыбные магазины, устроить которые предположено во всех селениях округи. Запас, хранящийся в экономических магазинах, не должен расходоваться до окончания нового заготовления этого запаса, то есть до осени будущего года. Осенью же следующего года находящийся на хранении в экономи-

ческом магазине запас заменяется свежим, в равном количестве, но с подбавкою для будущего года ещё 100 юкал.

Юкала из «хайко» служит для собачьяго корма. Но обезпечение прокорма собак имеет большее значение, чем обезпечение продовольствием людей: на случай голодовки камчатское население имеет возможность вывозить из мест расположения продовольственных магазинов нужные для его пропитания припасы, не имея же собачьяго корма и лишаясь через это перевозочных средств, камчатское население будет поставлено в критическое положение. Громадные расстояния от продовольственных казённых магазинов, отсутствие у населения перевозочных средств и неимение таковых у администрации могут поставить население Камчатки на случай голодовки в безвыходное положение.

Население Камчатки, как и большинство жителей Крайняго Севера, отличается флегматичностью, апатией к труду и малою заботою о завтрашнем дне. При тех богатых дарах природы, которыми награждена Камчатка, более энергичное и трудолюбивое население не имело бы понятия о голодовках. Окружной администрации приходится много хлопотать, чтобы приучить население к более усиленному труду и к принятию тех улучшений, которые могли бы устранить голодовки.

Для приведения в исполнение мысли об учреждении в каждом селении экономических магазинов, окружной начальник назначил особых помощников — старост, которым было вменено в обязанность заботиться о том, чтобы все жители селения безотлагательно заготавливали впрок рыбу летом, не надеясь на осенний её ход. На обязанность же помощников старост была возложена и забота о непременно пополнении экономических магазинов. Помощникам старост было предоставлено право налагать взыскания, определенные за непослушание, леность и беспечность о своём благосостоянии.

Благодаря этой мере, которая была принята в 1891 г., в 1892 г. сказались следующие результаты: рыбных запасов во всей округе было заготовлено достаточное количество как для людей, так и для собак. Многие селения уплатили также состоявшие за ними долги в казённые продовольственные магазины за забранные ранее припасы.

Во всей Петропавловской округе на случай нужды устроено три казённых продовольственных магазина. Из этих магазинов отпускаются припасы как за наличный расчёт, так и в долг, за круговым поручительством всего общества. Магазины устроены

в следующих пунктах: г. Петропавловске, с. Усть-Камчатске и с. Тигильском. В 1892 г. из всех этих магазинов было продано следующее количество припасов: из Петропавловскаго — муки 1 168 пудов 2 фунта, крупы 44 пуда 28 фунтов, соли 319 пудов 23 фунта, пороха 20 пудов 9 фунтов, свинца 51 пуд; из Усть-Камчатскаго — муки 534 пуда 2 фунта, крупы 13 пуда 20 фунтов, соли 468 пудов, пороха 4 пуда 18 фунтов, свинца 10 пудов 28 фунтов; из Тигильскаго — муки 101 пуд, крупы 15 пудов 5 фунтов, соли 407 пудов 3 фунта, пороха 17 пудов 18 фунтов, свинца 41 пуд 25 фунтов.

Кроме припасов продовольственных, предположено снабжать неводным прядевом и отпускать его населению по заготовительной цене. Прядево имеется в продаже, но цена его доходит до 2 руб. за фунт. А потому население Камчатки, не имея возможности купить прядево, должно обходиться прядевом из волокон дикорастущей в Камчатке крапивы. Невода же и сети из крапивного прядева весьма непрочны и при самом бережном с ними обращении едва выдерживают один год. Отсутствие же хороших неводов имеет немалое влияние на успешность заготовления достаточных рыбных запасов.

ТОРГОВЛЯ

Торговля в городе Петропавловске и Петропавловской округе за неимением в обращении у населения денег исключительно меновая. Ведется торговля способом, по которому инородец всегда находится в неоплатном долгу у торговца. Цены на предметы первой необходимости камчатскаго населения благодаря увеличивающимся рейсам пароходов Добровольнаго Флота, снабжающего как казенные магазины, так и торгующих в Петропавловске купцов 2-й гильдии, с каждым годом всё уменьшаются.

Петропавловские купцы выписывают себе товары частью из Владивостока, а частью из Одессы. В настоящее время в Петропавловской округе имеется следующее количество торговцев: 1-й гильдии — один, 2-й гильдии — 11, торгующих в округе по свидетельствам на мелочной торг — 17, на развозный торг товарами — 41.

Как сказано выше, торговля ведётся в долг. Это имеет своим следствием то, что камчадалское население привыкло не подводить итогов своим долгам, не спрашивать, что стоит вещь, а брать её потому только, что она пригодна для хозяйства. Иностранческое население округи живёт выше своих средств, получаемых им от промысла пушного и морского зверя. Средние торговцы, получая

свои товары в кредит от Владивостокских купцов, оплачивают на следующий год свои кредиты вывезенной ими из Петропавловска пушниной, получаемой ими в обмен товаров.

За последнее время число средних торговцев с каждым годом все увеличивается. Возникающая между ними конкуренция способствует удешевлению привозных товаров и вздорожанию пушнины, спрос на которую значительно увеличивается с каждым годом. В начале восьмидесятых годов соболь стоил не ниже 15 руб., в настоящее же время — не ниже 20—25 руб. Вообще, цены на пушнину, существующия в настоящее время в Петропавловской округе, должны бы были считаться очень высокими и не приносящими купцу никаких барышей. Но, принимая во внимание, что Камчатская торговля исключительно меновая, и что купцы при покупке соболей уплачивают деньгам не более 3 руб. за шкурку, а остальную сумму оплачивают товаром, необходимым инородцу, можно положительно сказать, что торговля в Камчатке не так убыточна, как рассказывают об этом сами торгующие. Не убыточна она потому, что купец получает свои товары из Владивостока с ничтожным фрахтом, а продает товар в Камчатке по ценам вдвое и более высшим, что и даёт торговцу возможность, не принося своим делам никакого ущерба, возвышать цену на пушнину.

Выгодность торговли с инородцами привлекает всё большее и большее число торговцев средней руки, желающих поживиться за счёт инородца. Задолживание до сих пор велось при посредстве спаивания, так как инородец питает великую страсть к спиртным напиткам.

Конкуренция между торговцами, изгнание при торговых сделках спирта даёт надежду на установление нормальных цен как на привозные товары, так и на нормальное оплачивание пушнины.

Из предписаний бывших генерал-губернаторов Восточной Сибири и губернаторов Приморской области видно, что, несмотря на категорическое запрещение ввоза в Петропавловскую округу спиртных напитков, снабжение ими инородцев, хотя бы под видом угощения, ввоз спирта до 1890 г. практиковался в широких размерах. Торгующие в округе купцы и мелкие торговцы вывозили сюда спирт, как бы для собственного употребления, целыми четырёхведерными бочёнками. Ввезённый спирт частью выпивался самими торговцами, но большей частью шёл в незаконную продажу и на угощение камчадалов при выезде их с промысла.

Окружный начальник в бытность свою в с. Большерецком разспрашивал проживавшаго здесь торговца о том, от кого он торгует,

по какой цене и прочее. Торговец, весьма откровенно рассказывая о своих делах, пояснил, что в 1889 г. он в виде опыта выписал товар от купца Альберса из Владивостока на сумму около 500 руб., и при этом торговец показал окружному начальнику счёт Альберса. Просматривая счёт, окружный начальник был очень удивлен тем, что в числе товаров помещена была одна банка спирта в 96 %. Он спросил торговца, зачем он выписывает спирт? На это торговец дал ответ, что спирт ему необходим для угощения камчадалов, так как камчадал без угощения спиртом не торгуется, и благодаря этому все торговцы прибегают к угощению спиртом. При дальнейшем расследовании способов торговли в Петропавловской округе, выяснилось, что все едущие в округу за каким-либо делом неизменно везут с собою спирт. Факт открытого и поголовного спаивания инородца и обирания его торговцами был очевиден.

Спаиваемые камчадалы не только за безценок отдавали торговцам продукты своего промысла, но под влиянием развивающегося между ними пьянства они упускали даже время промысла. Нужно было войти в положение инородца и избавить его от кабалы торговцев и полного разорения. Средство было одно — запретить ввоз спирта.

В 1890 г. начали применяться на деле все бывшие предписания о невывозе в округу спирта, предписания, имевшие единственною целью оградить инородческое население от спаивания и получающихся отсюда печальных последствий. Не имея возможности сразу прекратить ввоз спирта, окружным начальником было объявлено торгующим и всему камчатскому населению, что лица и общества, желающие ввозить для собственного употребления крепкие напитки, должны каждый раз испрашивать особое разрешение окружного управления.

Было объявлено также, что бутылки и посуда, в которых будут помещаться разрешенные администрацией к вывозу напитки, будут опечатываться печатью окружного управления и, кроме того, будут выдаваться удостоверения, какое количество разрешено вывезти, кому и куда. Старосты селений должны были осматривать разрешенные к вывозу бутылки, и найденные не опечатанными печатью окружного управления, должны были быть конфискуемы. Опечатывание напитков было необходимо ввиду того, что незапечатанные бутылки могли быть распиваемы в попутных селениях.

Дабы распоряжение о невывозе в округу спирта не было только на бумаге, администрация распорядилась, чтобы все нарты,

выходящая из города, тщательно осматривались. Лица, виновные в вывозе спирта без разрешения, подвергались взысканиям. Для осмотра выезжающих из города нарт были наряжены по городу дежурные казаки. Благодаря принятым мерам, ввоз в округу спирта из г. Петропавловска почти прекратился. Для предупреждения же ввоза спирта в Тигиль, Усть-Камчатск и распространения его оттуда по округе, окружная администрация обратилась к командирам пароходов, посещающих камчатские порты, с просьбой не сгружать напитков, адресованных в Тигиль или Усть-Камчатск, в пунктах адресования, а, по возможности, доставлять таковые в г. Петропавловск.

Все приведенные меры окружной администрации, принятые в видах прекращения спаивания инородца, имели своим следствием то, что в 1893 г. большинство селений пожелало вносить в уплату ясака не деньги, как то было прежде, а соболей для продажи их с аукциона в г. Петропавловске. Остаточные же от ясака соболи не продавались мелким торговцам, а отправлялись для продажи с выборными от обществ людьми в г. Петропавловск. При этом большая часть не только казённых долгов в продовольственные магазины, но и частных, была погашена.

В марте 1893 г. в г. Петропавловск съехалось более ста нарт с соболями. Эти соболи были проданы по хорошей цене, а предметы, необходимые населению, были куплены по дешёвой цене, то есть была заплачена за товар его фактическая стоимость.

Нужно думать, что если прежде бывшие распоряжения высшей власти о невывозе в Камчатку спирта получают новые подтверждения, то одно из главнейших несчастий инородца — пьянство — будет искоренено.

О торговых оборотах Петропавловской округи можно судить из следующих данных. В навигацию 1892 г. привезено в г. Петропавловск на судах Добровольного Флота и некоторых других частных коммерческих различных товаров, потребных населению округи, всего на сумму 61 624 руб. От 1891 г. оставалось на сумму 84 292 руб. 80 коп., а всего за 1892—1893 гг. состояло в округе привозных товаров на сумму 145 916 руб. Из этого числа продано: в г. Петропавловске на 31 906 руб., в округе на 49 895 руб. Сумма 81 801 руб., полученная торговцами с населения за привозные товары, в самой незначительной части оплачена деньгами, а 74 362 руб. оплачено пушниной. Ярмарок в округе нет.

Устроенных путей сообщения не имеется. Сообщение производится летом верхом на лошадях — по протоптанным тропинкам

и по рекам — на батах. В зимнее же время на собаках и оленях. Перевозка грузов для торговли и поездки служащих в управлении округа по делам службы, духовенства и местного населения совершается, главным образом, на собаках, запряжённых в нарты и повозки по семь и двадцать штук, а иногда и более. Собаки в приспособленной для них сбруе (алык) на довольно коротких ремнях привязываются по две в ряд на длинных, толстых ремнях, крепящихся к передку нарты или повозки.

Нарты делаются в виде дровень, но длиннее их, уже в ходу и значительно легче. Все части нарты скрепляются ремнями, чтобы получить некоторую гибкость, необходимую при встречающихся неровностях дороги, рытвинах и раскатах. Впереди запряжённых в нарту собак запрягаются одна или две собаки, обученные нескольшим звукам, указывающим передним собакам в каком направлении они должны бежать. Для более же скорой езды употребляются разнообразные слова и звуки. Задерживают нарту под гору, на раскатах и останавливают при езде так называемым «оштолом», то есть берёзовой или рябиновой, толщиной с вершок, немного загнутой палкой с острым насаженным на неё железным наконечником. Пропуская «оштол» между копыльями нарты в снег, задерживают ход нарты и удерживают собак. Ход нарты делается всегда одной меры, и это делается для облегчения собак.

После выпавшего снега дорога бывает, обыкновенно, занесена им настолько, что она незаметна. Первая прошедшая нарта, продавливая полозьями снег, делает дорогу, следующая нарта, попадая своими полозьями «в накат», идёт уже значительно легче. Двенадцать собак, запряжённых в нарту с положенным на неё грузом от 10—15 пудов, проходят расстояние от Петропавловска до с. Тигильскаго в количестве 800 верст не более двадцати и не менее десяти суток. При переменах же в каждом селении собак средняя скорость езды по готовой дороге равняется восьми верстам в час. В летнее же время перевозка необходимых для торгующих товаров совершается вьюком на лошади. Вьюк не более пяти пудов.

Бат, на котором производится сообщение по рекам Камчатки, есть ничто иное, как длинное, с высокими краями и узкими концами корыто, выдолбленное из толстаго ствола тополёваго дерева. Лодок и других пловучих приспособлений в Петропавловской округе нет. Плывая по течению реки, двое сидящих по концам бата приводят его в движение двумя небольшими с короткими ручками вёслами. Для плавания же вверх по рекам, сидящие на концах бата имеют шесты и упираются ими в дно реки, обыкновенно

венно неглубокое у берегов. Они быстро двигают бат с находящимся на нём грузом и пассажирами, проходят таким образом по пятьдесят вёрст в день. Самый большой камчатский бат может поднять грузу до 30 пудов. Обыкновенный же бат — до 10 пудов.

Устройство путей сообщения в Камчатке возможно, но не вызывается никакою настоятельною необходимостью.

В зимнее время случается сильная пурга. Дорога, занесённая снегом, в ночное время угрожает путнику возможностью сбиться с пути. С давняго времени во всей округе практикуется обычай обставлять дорогу вехами. Но при громадных между селениями расстояниях ежегодное «провешивание» дороги трудно и тяжело для населения. По мысли администрации, производятся опыты посадки живых деревьев по направлению зимней дороги.

В недалеком, вероятно, будущем в безлюдной Петропавловской округе на сотни верст протянутся аллеи деревьев. Во время страшной Камчатской пурги эти аллеи не одного путника предохранят от опаснаго и часто гибельнаго «блуждания» по пустынным снежным равнинам Камчатки и ея горным хребтам.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПОДАТИ

Подати с государственных крестьян до 1892 г. производились по 81 коп. с души. В 1892 г. сделано распоряжение об увеличении подати до 90 коп. с души. В прежнее время подати всегда поступали полностью, без недоимок. В 1892 г. последовавшее распоряжение об увеличении подати до 90 коп. было получено летом. Вследствие отдаленности селений и отсутствия путей сообщения, получилось недоимки в 29 руб. 34 коп.

В Петропавловской округе в настоящее время поступает в доход казны следующее количество податей:

Государственные доходы. Подать с крестьян 397 руб. 80 коп. В ясак с оседлых инородцев 2 399 руб. 54 коп. В ясак с бродячих инородцев 388 руб. 96 коп.

Земские сборы. В пожарный капитал: с крестьян 17 руб. 68 коп., с оседлых инородцев 33 руб. 56 коп.

Кроме того поступает: податного сбора с заведений для продажи крепких напитков 280 руб., табачнаго сбора 410 руб., губернский земский сбор с крестьян 176 руб. 80 коп.

Инородческое население платит ясак с величайшею исправностью. Особья причины, как, например, голодовка, служат к появлению за инородческим населением недоимок.

О ГОРОДЕ ПЕТРОПАВЛОВСКЕ

Всё население города Петропавловска достигает лишь цифры 400 чел. обоего пола (196 мужчин и 203 женщин). Состав населения г. Петропавловска следующий: дворян потомственных — мужчин 7, женщин 6; личных — мужчин 7, женщин 8; духовенства белого — 4; потомственных почётных граждан — мужчин 3, женщин 2; купцов — мужчин 2, женщин 2; мещан — мужчин 93, женщин 91; крестьян — мужчин 7, женщин 7; матросов — 7; казаков — мужчин 46, женщин 62; отставных матросов — мужчин 16 и их жён и дочерей 16, иностранных подданных — 10.

В 1892 г. в г. Петропавловске было совершено семь браков (в округе 70); законнорожденных в городе 43 (в округе 260); незаконнорожденных в городе Петропавловске четверо (в округе 20). Умерших в городе 36 (в округе 117). В г. Петропавловске имеется три православныя деревянныя церкви, домов жилых 75, нежилых зданий 109, а всего 187 зданий.

Хозяйственное управление г. Петропавловска, отнесеннаго к числу малолюднейших городов Приморской области, находится под единоличным управлением городского старосты, руководствующагося законоположениями, для малолюдных городов установленными. Городского капитала в настоящее время по г. Петропавловску состоит в наличных деньгах и процентных государственных бумагах 9 110 руб. 19 коп. Годовой доход г. Петропавловска доходит до 1 900 руб. серебром. Этот доход составляется из следующих статей:

— с документов на право торговли и промысла — 273 руб. 25 коп.
— процентный сбор с аукционных продаж пушнины — 347 руб. 48 коп.

— процент с принадлежащего городу капитала — 107 руб. 50 коп.
— ластовый (грузовой. — *Ред.*) сбор с судов — 45 руб.
— за записку в городскую обывательскую книгу — 112 руб. 50 коп.
— возврата по ссудам — 1 000 руб.

Расход города Петропавловска:

— содержание городского общественного управления — 389 руб. 68 коп.

— содержание караульнаго дома при полиции — 70 руб.
— на народное образование — 150 руб.
— ремонт мостов, улиц и площадок — 113 руб. 60 коп.
— разные расходы — 1 руб. 08 коп.
— оборотные расходы — 1 000 руб.

В г. Петропавловске имеется четыре ренсковых погреба для продажи крепких напитков.

Санитарная часть в Петропавловской округе находится в весьма плачевном состоянии. На всю округу имеется лишь один окружный врач да два лекарские ученика, из которых один проживает в Тигильском селении, а другой в с. Ключевском.

Врачебная помощь окружного врача за дальностью расстояний ограничивается почти исключительно жителями г. Петропавловска. Оспопрививание, столь важное для Петропавловской округи вследствие не раз бывших великих опустошений этою заразительною болезнью населения Камчатки, производится врачом, лекарскими учениками и некоторыми лицами из населения, как русского, так и инородческого, снабженными лимфой и обученными этому делу.

Кроме обычных заболеваний и посещающей за последнее время Камчатку инфлюенцы, в среде населения существует сифилис и проказа. Сифилис, занесённый в округу иностранными матросами, посещающими камчатские порты, при отсутствии медицинской помощи нашёл для своего распространения благоприятную почву. Проказа наблюдается даже в форме новых, ненаследственных заболеваний. В 1892 г. обнаружено 19 случаев новых заболеваний. Употребление населением гнилой, предавшейся разложению рыбы немало способствует развитию этой болезни.

Предоставленное самому себе население Камчатки в своих недугах, из коих главные: цинга, чирьи и рак пользуются больше «заговорами» и «наговорами». Не пренебрегают также камчатские знахари травами и кореньями. Считаю не лишним сказать несколько слов о камчатской медицине, которая со времени Крашенинникова остается в том же, не поддающемся прогрессу состоянии. От цинги камчадалы пользуются листьями травы «мыт-кажун», листья которой прикладывают к деснам и, кроме того, пьют декокт из брусники.

Русские же пьют «сланец» или тамошний кедровник и едят дикий чеснок, который называется в Камчатке «черемша».

Чирьи, по-камчатски «оон», болезнь весьма опасная, от которой многие умирают. Некоторые чирьи бывают диаметром до трёх дюймов. Заболевшие «ооном» лежат в постели по шести и более недель. К чирьям камчадалы прикладывают сырую заячью шкуру. Открывшийся чирий имеет по 40 и 50 скважин, из которых вытекает гной. Если же из скважин материя перестала сочиться, то это признак смертельного исхода болезни.

Сифилис камчадалы называют «аорожиг». Эта болезнь считается камчадалами неизлечимой. Средства, которые употребляются камчадалами при различных заболеваниях, суть следующие:

Морская губка, которая прикладывается камчадалами к чирьям, чтобы вытягивало материю. Малина морская употребляется женщинами для скорейшего разрешения от бремени. Как мочегонное средство употребляется инородческим населением Петропавловской округи «нинча», или морская репа.

Жир «морского волка» с большою пользою употребляется при запорах. При боли в животе от простуды пьют «курильский чай».

От поноса едят белую глину, которая называется «земляною сметаною» и находится во многих местах Камчатки. От болезни горла пьют кипрейное сусло. При укушении собакой или волком, а также при ожогах камчадалы прикладывают к ранам толчёные листья шеломайника. При боли головы прикладывают мерзлую бруснику. От одышки камчадалы жуют «папоротник», отвар из которого употребляется также и при кашле с кровью. При внутренних болезнях камчадалы пьют «камчатский зверобой». От сифилиса пользуются питьём из «пьяной травы».

В случае ушиба морскую траву, мочёную в рыбьем жире, прикладывают к больному месту. От бессонницы пользуются травой Ефемера. Инородческие обыватели южной Камчатки ставят и клистиры. Отвар из разных трав, иногда с жиром, наливают в тюлений пузырь и обтягивают отверстие его около какой-либо «дудки». Клистиры признаются камчадалами очень полезными, почему и употребляются почти при каждой болезни.

От желтухи берут корень лесной фиалки, чистят его и свежий толкут с тёплой водою. Сок, который по цвету делается похожим на молоко, наливают в нерпичий пузырь. Употребляют этот сок клистирами два дня подряд по три раза в день. Кровопускание камчадалами не применяется.

При ломоте в спине камчадалы трут больную спину корнем цикуты. Из корня лютика и травы «омег» добывают ядовитые вещества. Ядом из корня лютика намазываются камчадальския стрелы.

ШКОЛЬНОЕ ДЕЛО

Ни в городе Петропавловске, ни в селениях округи до 1894 г. не было ни одного учебного заведения, содержимого казною. С 1872 г. в г. Петропавловске существует городское училище, содержимое на частныя пожертвования. Ежегодное число учащих-

ся в этой школе не превышает 30 мальчиков и 12 девочек. В селениях: Тигильском, Мильковском, Ключевском, Нижнекамчатском и Дранкинском имеются школы, содержимыя на средства церковно-приходских попечительств этих селений. Тигильская же школа содержится на средства инородцев, обитающих вблизи. Всех учащихся в церковно-приходских школах около 620 чел. мальчиков и 20 девочек.

Две трети учащихся — дети русского населения, а одна треть — дети камчадальския. Преподавание в школах ограничивается обучением детей чтению и письму. Других каких-либо знаний за полным отсутствием в Петропавловской округе подготовленных учителей, а также за неимением учебных пособий, камчатския школы не дают. Нужда в образовании детей побудила общество г. Петропавловска подумать серьёзно, и в 1889 г. был составлен приговор городского общества, по которому город обязался ежегодно давать училищу 900 руб. Изыскав скромныя средства, город вошёл по начальству с ходатайством о преобразовании Петропавловскаго училища в двухклассное, с преподаванием в нём предметов, положенных программю училищ этого типа. Просил также город о назначении в г. Петропавловск учителя-педагога, с предоставлением ему прав государственной службы, отдаленнейшим местам Империи присвоенных.

А. П. СИЛЬНИЦКИЙ

ПОЕЗДКА В КАМЧАТКУ И НА РЕКУ АНАДЫРЬ

Личныя впечатления действительнаго члена
Приамурскаго отдела ИРГО

ГЛАВА II. ОТ ПЕТРОПАВЛОВСКА ДО УСТЬЯ РЕКИ АНАДЫРИ. КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ ЧУКОТСКОЙ ЗЕМЛИ И ЕЯ ФИЗИЧЕСКИХ СВОЙСТВ

В передний путь мы простояли в Петропавловске пять с половиной дней. 19 июля в девять часов утра мы снялись с якоря. Путь от Петропавловска до устья Анадыря был более благоприятен, чем путь от Владивостока до Камчатки. Туманы были, но не продолжались непрерывно более 10—12 часов. Это плавание замечательно тем, что, пройдя параллель Командорских островов, последняго пункта, обитаемого культурным человеком, чувствуешь свою полную изолированность от всего мира. Здесь уже трудно

увидеть дымок встречного парохода. Бывали, говорят, времена, когда пустынные воды северо-восточного побережья Азии, начиная от мыса Кронотца, были оживлены целыми флотилиями китобойных американских шхун. Но времена эти, видимо, прошли. Зверь оскудел, барыши от китобойного промысла сделались меньше, и американцы не посещают уже так охотно берегов Камчатки. Мы, по крайней мере, не встретили ни одного судна и за всё наше плавание от Камчатки до Анадыра не встретили ничего, напоминающего собою присутствие человека. Морские чайки, утки, да изредка киты и нерпы оживляли однообразную картину волнующагося моря. Китов, впрочем, мы видели мало, не более пятнадцати штук, но зато двух китов я видел у самого борта парохода.

Не могу объяснить причину, почему они очутились у борта, но факт тот, что два кита, вынырнув неожиданно для нас у кормы парохода, некоторое время, минуты три, плыли рядом с пароходом, держась на поверхности воды так, что средняя часть тела, примерно сажени четыре, была видна, и будь у кого-нибудь из нас гарпун, оба кита могли бы быть пойманы. Моряки очень сожалели, что они, отправляясь в северные моря, не захватили с собою на всякий случай китобойных принадлежностей. Других китов мы видели в большем или меньшем отдалении. Чем ближе подходил наш пароход к Анадырскому заливу, тем более чувствовался холод. Выходя на палубу, уже нужно было одевать пальто, а на вахту становились в тёплой одежде.

Подходя к Анадыру, мы застали конец полярных белых ночей. Странное впечатление производят эти ночи! Солнце уже давно закатилось; часы показывают десять вечера, а светло, как днём, светло так, что даже в каюте без всякого огня можно читать. Туземцы любят свои летние светлые ночи и говорят о них с восторгом, как о лучшей красе их страны. Но на меня, непривычного, эти ночи действовали дурно. Непрерывный свет, продолжающийся в течение нескольких суток, производит не особенно приятное впечатление. Сбиваешься с толку и не знаешь, когда ложиться спать, когда вставать. Но светлые ночи по достоинству оцениваются моряками. Подходя к Анадыру, пароход идёт вдоль берега. А берег этот усеян камнями, даже простым глазом видны торчащая из воды верхушки камней, обдаваемая брызгами разбивающихся волн. Плавание близ берега, огражденного камнями, считается мореходами самым опасным. Чем ближе подходит пароход к полярному кругу, тем склонение магнитной стрелки больше и тем внимательнее следит капитан за показанием компаса,

и тем чаще производит вычисления. Последние двое суток нашего плавания прошли без тумана. Простым глазом виден берег без всяких следов растительности. Лишь у подошвы гор кое-где зеленеет травка. Горы и их долины покрыты снегом, этот снег, как говорят, никогда не растаивает.

24-го июля в одиннадцать часов утра на горизонте показалась гора св. Дионисия, находящаяся на высоте Анадырского лимана. До устья Анадыря, конечной цели плавания, осталось два часа.

Не доходя пятнадцать вёрст до устья Анадыря, прямо против него возвышается скалистый остров, имеющий поразительное сходство с гробом. Этот остров, величиною до пяти квадратных верст и высотой до двухсот футов, называется англичанами «Sarkophagus», и есть своего рода «memento mori» путешественнику, вступающему в реку Анадыр. Пройдя остров, уже простыми глазами различаются несколько чукотских юрт на берегу и огромный русский флаг, развивающийся над каким-то бесформенным зелёным холмом. Этот бесформенный издали холм есть здание, в котором помещается Анадырское окружное полицейское управление. Чем ближе пароход подходил к Анадыру, тем больше заметна была та суматоха, которая происходила на берегу. Прибытие парохода есть событие, от которого обыватели Мариинского поста, находящегося на устье Анадыря, ведут времяисчисление. Казённый пароход есть единственное звено, связующее анадырский люд с внешним миром.

Мы вошли в реку Анадыр 23 июля в три часа дня. Видно было, как давным-давно стояла на берегу группа людей, одетых в форму. Эта группа состояла из одиннадцати человек: начальника Анадырской округи Н. Л. Гондатти, его помощника и девяти человек казаков. Со всеми предосторожностями опытного моряка вёл командир пароход к месту, обозначенному на карте якорем. Лишь только мы вошли в реку, как было приказано убавить ход. Но приказание это потребовалось отменить. Было время отлива, а в это время и без того быстрое течение реки усиливается от 12—14 верст в час. Когда был дан половинный ход, то наше судно не только не подвигалось вперед, но течением понесло его обратно в море. Половинный ход сменили на полный, и лишь тогда получилась возможность поставить пароход на желаемое место и бросить якорь. Лишь только загремела цепь отдаваемого якоря, как группа, стоявшая на берегу, села в шлюпку и отвалила от берега. Мы остановились примерно в ста сажнях от берега.

Казалось бы, что восемь гребцов, которые сели на вёсла, выгребут к пароходу в пять-десять минут. Но это так казалось. На самом же деле на проезд в лодке ста саженой, отделявших пароход от берега, потребовалось более часу времени. Прежде чем взять направление на пароход, шлюпка плыла вдоль берега, вверх по реке, и, проплывши не менее версты вверх, направилась к пароходу. Быстрота течения так велика, что вода реки, разбиваясь о нос парохода, журчит, точно ручей. Но вот Гондатти подплывает на шлюпке к пароходу. Нужно бы бросить с борта веревку, но сделать этого не догадались, а потому шлюпка была отнесена течением, не пристав к пароходу. Выгребли на берег, повторили ту же процедуру, заводя лодку вверх по реке.

Когда шлюпка с Гондатти и казаками приблизилась к борту вторично, то были брошены сразу две верёвки. Ухватившись за верёвки, четверо дюжих казака не без труда подтащили шлюпку к трапу, и Гондатти взошёл на пароход. Я никогда не видал Гондатти. Слышал, что он человек молодой, полный сил и здоровья. Поэтому я был немало удивлён, когда увидел перед собою человека с сильною проседью в голове, с морщинистым землистаго цвета лицом. Меня поразило также, что Гондатти, пройдя несколько ступенек трапа, так запыхался, что пока не мог говорить. Но дивиться нечему: Гондатти провёл на Анадыре два года, а прожить на Анадыре два года и не потерять здоровья — едва ли возможно.

Впрочем, попытаюсь описать условия Чукотской земли. Край, орошаемый рекою Анадыр, известен русским с конца первой половины XVII века. Казаки, открывшие и завоевавшие Анадыр под власть Белаго Царя, вывозили оттуда много моржевой, мамонтовой кости и пушнины. До 1785 года об этом крае не было никаких сведений. Но снаряженная в этом году по указу Екатерины II экспедиция капитана Биллингса познакомила науку с характером Чукотской земли и частью с ея населением.

Лучшия сведения о Чукотской земле дал лейтенант Врангель, совершивший свою экспедицию в 1822 году и, наконец, барон Майдель. Историю Чукотской земли можно резюмировать так: казаки, открывшие эту землю, будучи, по выражению Миллера, землеискателями по преимуществу, воюя с чукчами и объясачивая их, шли вперёд. Но идти на восток было некуда, ибо они дошли до берега океана. Повернув к югу, они дошли до Камчатки, и в этом году исполнилось ровно двести лет, как казаки, пришедшие в Камчатку, найдя ее землю вполне удовлетворявшей их требованиям, водворились там на постоянное жительство. В Анадырском же

крае, представлявшем более суровые климатические условия и населенном к тому же чукчами, племенем сильным и воинственным, осталась небольшая горсточка русских, живших сначала в Анадырском остроге, а затем переселившаяся в верховья Анадыря, как представлявшая более жизненных удобств. К концу первой половины XVIII века кровавые войны русских с чукчами закончились. Те и другие друг друга узнали, да повода к войне не было: простору в Анадырском крае так много, что как пришельцы русские, так и аборигены страны, чукчи, перестав враждовать, нашли себе места, где, не мешая друг другу, могли жить так, как кому хотелось. Русские же предприниматели после покорения Камчатки стремились не на Анадыр-реку, а в Камчатку. Таким образом, к концу XVII и началу XIX века русские почти не знали о существовании края, завоеванного когда-то казаками. Между тем, XIX век ознаменовывается занятием западного берега Америки и развитием там торгового судоходства.

Наши заокеанские соседи, плавая по Берингову морю, обратили своё внимание на огромные стада китов, два раза в году совершающие свои периодические передвижения из вод Ледовитого океана в воды Тихого и обратно. Обратили они внимания и на то, что по берегу Чукотской земли, на островах и отмелях, водятся моржи и в таком количестве, что целые острова по нескольку верст в окружности были сплошь покрываемы лежащим зверем. Начался промысел моржей и промысел китов.

Множество американских шхун посещали наши берега. По рассказам стариков-чукчей бывали такие годы, что несколько десятков американских шхун успевали за короткое полярное лето нагружаться моржевыми клыками и китовым усом. Большую пользу извлекали американцы от эксплуатации наших вод, но одновременно с этим начали сказываться и результаты хозяйничанья американцев. Зверь из года в год оскудевал, и посещения американцев в зависимости от этого сделались реже. Американцы, приезжая за добычей зверя, привозили, между прочим, и товары. Товары, попадая в руки носовых чукчей, во время зимы развозились ими к чукчам, обитающим внутри страны. С уменьшением китобойного и моржевого промыслов, уменьшился и привоз товаров, хотя потребность в них с каждым годом увеличивалась. Словом сказать, к 80-м годам этого столетия положение дел было таково: страна, считающаяся во владениях Русского Государя, населённая десятитысячным племенем чукчей, почти не слышала имени русского. На побережье Чукотской земли развивался

американский флаг, многие чукчи успели побывать в Сан-Франциско и весьма многие объяснялись по-английски. Такой порядок вещей был признан ненормальным. Было признано также, что гижигинская администрация, в ведении которой находилась и Чукотская земля, не может сделать что-либо для нея за огромною дальностью разстояния. Вследствие этого, в 1889 году Чукотская земля составила особую административную единицу, получившую название Анадырской округи. Первым начальником был назначен доктор Гриневецкий. Он скоро сделался жертвою анадырского климата, и на его место был назначен учёный секретарь Императорскаго общества антропологии, этнографии и естествознания при Московском университете Николай Львович Гондатти. Страна, в которую приехал служить молодой учёный, находясь большей своей половиной за полярным кругом, сурова. Необозримая тундра Анадырскаго края, простирающаяся на тысячи вёрст, безлесна и бесплодна. Покрытая восемь месяцев в году глубокими снегами, оне могут быть обитаемы лишь оленем, который находит в тундре в изобилии свою единственную пищу — мох ягель.

Зима в Анадырском крае начинается с сентября и продолжается по первыя числа мая месяца. Эта продолжительная зима сопровождается морозами, доходящими до 60 °С и пургами, продолжающимися по несколько недель сряду. Трудно, говорят, выносить анадырский мороз, но ещё труднее выносить пургу, сопровождаемую леденящими ветрами Севернаго океана. Эти пурги, при которых, говорят очевидцы, буквально не видно божьяго света, заматают всю тундру огромным, до пяти аршинов, слоем снега. По словам очевидцев, по мере наступления холодов дичь подвигается к югу, а следом идут волки, медведи, песцы. К январю месяцу всё живое покидает тундру, и она мертвеет.

Но лишь вешнее апрельское солнышко начало пригревать землю, лишь появились там и сям чернеющия проталины, как тундра вновь оживает.

Идут на север несметными стадами олени, потянулись перелетныя птицы и могильная тишина тундры наполняется шумом и гамом птиц, гнездящихся в ея недрах в неисчислимом множестве.

Лето в Анадырском крае продолжается, собственно говоря, два с половиной месяца, с 1 июля до половины августа. Это короткое лето успеваеет согнать снежный покров с поверхности земли и оттаять её, замерзшую, как кремьнь, на четыре-пять вершков. Глубже пяти вершков вся тундра Анадырскаго края представляет никогда не оттаивающий пласт земли.

При таких условиях по всему северному побережью почти до селения Маркова растительность тощая, а о дереве нет и помину. Вследствие этого обитатели Чукотской земли ищут пропитания не в земле, а в промысле рыбы и зверя.

ГЛАВА III. НАСЕЛЕНИЕ ЧУКОТСКОЙ ЗЕМЛИ И ЕГО ПРОМЫСЛЫ

Это население, числом до двенадцати тысяч душ обоего пола, состоит: из русских до трёхсот душ, чуванцев, юкагир и ламут, совершенно обрусевших и даже забывших язык своих предков, числом до пятисот душ, и племени чукчей до десяти с небольшим тысяч.

Русские обитают в селе Маркове и близ него. Марковцы — это потомки первых завоевателей Анадырского края, казаков, оставшихся здесь на постоянное жительство. Северные казаки, вступая в браки с инородческими женщинами, имели детей с примесью инородческого типа, который, переходя из рода в род, сделал марковца трудноотличаемым по лицу от чукчи и других инородцев. Но, утратив русский тип, марковец вполне сохранил язык своих предков, их веру и обычаи, сохранил он старинные русские песни, сказки и пословицы. Живя в течение двух веков в дебрях анадырской тундры, не имея никакого сообщения с матушкой Россией, зная о ней только по тёмным слухам, марковец поёт те же песни, которые поёт весь русский народ. Живя в постоянной борьбе с чрезвычайно тяжёлыми условиями природы, марковец выработал в себе энергию, не поддающуюся описанию, выработал выносливость, возбуждающую удивление. По условиям природы Анадырского края марковец, как и всё вообще население Чукотской земли, имеет основным источником своего существования промысел рыбы и зверя. Второе место по значению занимает извозный промысел и третье — кустарный.

Перейду к краткому описанию этих промыслов, причём долгом считаю заметить, что русские промышленяют рыбу и ловят зверя совершенно так же, как и чукчи. А потому я буду говорить о промыслах вообще. Первое место в экономической жизни оседлого населения Анадырской округи, как выше я заметил, занимает промысел рыбы.

Промышляемая рыба разделяется на два сорта: на ходовую и постоянную. К числу ходовой рыбы относятся лососёвые породы, а к числу постоянной — обыкновенная порода речных рыб, так называемая белая. Ход красной рыбы начинается с половины июля,

а иногда и раньше. Ход красной рыбы ожидается с большим нетерпением всем населением, так как от удачного промысла этой рыбы зависит годовое безбедное существование населения. Лишь попалась в какую-либо сетку красная рыба, как по всей тундре пошёл говор: «Красная рыба пошла», и все от мала до велика принимаются за неводьбу.

Промысел производится на местах, удобных для закладки и выемки сетей. Тут же устраиваются и вешала. На Анадыре по случаю дороговизны соли рыба заготавливается без соли. Засаливают рыбу лишь люди с достатком, и солёная рыба считается лакомством. Рыба, пойманная до 9-го августа, когда ещё выпадают теплые деньки, готовится так: вынув из воды сетку и выбросив рыбу на берег, берут длинную палку, на которую навязывают за жабры до восьми штук рыб. Середина палки остается свободною от рыбы и кладётся на плечо работника, который несёт рыбу к вешалам, подобно как на коромысле. У вешал на каком-либо месте земля засыпана травой или мохом, на котором и складывают пойманную рыбу. Разделкой рыбы занимаются женщины. Разделка состоит в том, что, вырезав жабры, выбросив внутренности, разрезают рыбу вдоль спинного хребта на две пластины. Кость с некоторою частью мяса совсем выделяется от рыбы. Кость вешается отдельно и предназначается для корма только собак, а две пластины, соединяемые головой, будучи высушены, поступают для корма и людей, и собак.

Если во время хода рыбы погода стоит хорошая, то двух недель совершенно достаточно для того, чтобы заготовит годовое продовольствие, потребность которого определяется как первая забота промышленников заготовить рыбы столько, чтобы собаки были обеспечены. Каждая средняя семья имеет нарту. Нарта считается в двенадцать собак. На каждую собаку при отличном питании и при тяжёлой работе, например, в дороге, полагается в день одна юкала и одна кость. Кормят собак от восьми с половиной до девяти с половиной месяцев, в зависимости от количества улова и времени наступления весны и осени. При этом расчёте на нарту требуется до 3 000 штук рыб. На семью же, считая её в шесть душ, принимая во внимание добываемую зимою свежую рыбу, мясо оленей, а иногда и птиц, требуется до 1 000 рыб. Таким образом, для семьи из шести душ требуется 4 000 рыб. При хорошей погоде заготовить это количество легко, но случается, что во время хода рыбы пойдут дожди, река выступает из берегов и заливают так называемые летники, где производится промысел рыбы. Вышед-

шая из берегов река широко разливается по тундре, так что найти места, удобные для лова рыбы, делается невозможным. Если же дожди и не настолько сильны, чтобы вызвать наводнение, то, во всяком случае, развешанная рыба, попадая под дождь, слизнет, загнивает и сама собою падает с вешал. Вследствие этого, промышляя рыбу, при всякой возможности стараются заготовить её сколько возможно больше, ибо удачные годы сменяются иногда двумя-тремя неудачными. С 15-го августа на Анадыре начинаются утренние заморозки, а к концу этого месяца делается уже настолько холодно, что промышляемая с этого времени рыба не просушивается, а замораживается. Замороженная рыба не имеет, впрочем, такого значения, как просушенная, ибо вследствие своей тяжести не может служить дорожным кормом собак.

Кроме красной рыбы, как я выше сказал, на реке Анадыре круглый год промышляется белая рыба. Пойманная летом, она просушивается и составляет так называемую белую юкалу, считающуюся лакомством, а пойманная зимою употребляется в свежем виде. Зимою, в дни особенно сильных морозов, рыба не попадает. Но лишь наступила малейшая оттепель, как рыба ловится вновь. По случаю хорошего улова красной рыбы зимний лов производится изредка, лишь для того, чтобы сменить надоевшую юкалу свежинкой. Но если промысел был плох, то ловят рыбу зимою, чтобы избежать голода.

После рыбного промысла второе место по значению имеет промысел зверя и, в частности, промысел оленя. Промысел оленя имеет очень важное значение для всего края.

Оленей в Анадырском крае множество. Олени стада два раза в году, весною и осенью, совершают переходы с севера на юг и обратно. Идёт олень несметным количеством и идёт всегда почти по одним и тем же путям, и всегда почти в одно и то же время. Весенний ход оленя открывают тельные самки, важенки. Оне идут, когда реки ещё не тронулись. Идут оне с юга на север потому, что там в летние месяцы, поближе к океану, больше удобств для их будущего потомства. Там нет такого количества комара и прочаго гнуса, который господствует в южных тундрах. По словам очевидцев, если важенка до тельбы по каким-либо причинам не успеет перебраться через реку Анадыр, то стадо остается летовать на этом, южном берегу реки. Но почти одновременно с появлением теленка появляются оводы, слепни и прочий гнус. Молодая нежная кожа телёнка вся покрывается гнусом, который, прокусив кожу, тут же кладёт свои личинки. Бедное животное подвергается

страшным мучениям, не может есть и обыкновенно через несколько дней после появления гнуса пропадает. Я видел кожу молодого телёнка, добытого летом в южной тундре. Если посмотреть на неё на свет, то она очень похожа на решето. Важенки поэтому идут на север заблаговременно, самцы же идут тотчас по вскрытии реки. Обратный ход совершается всеми вместе, начинаясь 6-го августа, иногда несколькими днями ранее, иногда позже. Весенних важенок никогда не бьют. Охота производится: весенняя на самцов и осенняя на всё стадо. Главное значение имеет осенняя охота. Как весенняя, так и осенняя охота на оленя производится во время переправы его через реки. За несколько дней до начала хода на места, где олень обыкновенно переправляется, на байдарках и баркасах съезжаются промышленники. Олень идёт не сплошным стадом, а стадами большей или меньшей величины. Ожидают оленя на берегу, с которого он идёт. Лишь только стадо вошло в реку и отплыло от берега на несколько сажен, как промышленники на маленьких лодках, называемых «ветками» и «байдарками», врываются в стадо и копьём, приделанным к веслу, начинают колоть плывущаго оленя. Ловкость промышленников изумительна: сидя на крайне неустойчивом судёнышке, ежеминутно рискуя быть опрокинутыми, они колят оленя прямо в сердце.

Убитый олень не тонет, а, всплывая, плывёт по течению. В то время, как одна партия бьёт оленя, другая в двух-трёх верстах занята ловом плывущих убитых оленей. Если стадо большое, то мерилом добычи служит время, которое необходимо для того, чтобы было возможно поймать все убитыя туши. Больше того сколько можно поймать, не бьют. Охота на оленя принадлежит к числу опасных. Суденышки, на которых сидят охотники, до того утлы, что достаточно малейшаго толчка рогом оленя, чтобы они опрокинулись. Опрокинутая «ветка» ещё даёт возможность выкарабкаться, если, впрочем, охотник успеет схватиться за неё руками («ветка» делается из тоненьких досок, ея вес не более пятнадцати фунтов: более одного человека она поднять не может).

Но если ему не удалось этого сделать, то гибель его неизбежна, так как анадырцы не умеют плавать. Опрокинутая же байдарка, не давая по своему устройству возможности освободить ноги, играет роль пузыря, который ни в каком случае не позволит охотнику вынуть голову из воды. Охота на оленя никогда не обходится без жертв, но она так заманчива по своей выгоде, что русские и чукчи, из года в год принося в жертву этой охоте одного из своих

родичей, все-таки никогда не упускают хода оленя. В прошлом году добыто оленя на реке Анадырь 2 000 шт.

Кроме охоты на оленя, во время его переправы через реку существует охота на него и в горах с ружьём, но эта охота имеет частное значение, и количество добычи ничтожно. Мясо добытаго оленя употребляется в пищу, шкура на одежду. После оленя следующее место занимает промысел пушного зверя.

В Анадырском крае водятся следующие звери: сухопутные — медведь бурый и белый, волк, песец, лисица чёрно-бурая и красная, сиводушка, заяц, белка, горностай, овражек и росомаха. Морские: кит, морж, белуга, нерпа и лахтак. Охота за сухопутным зверем производится зимою, так как шкура его имеет в это время наибольшую цену. Впрочем, медведя, волка и росомаху бьют при всякой возможности. Медведь и волк уничтожаются как вредные звери, истребляющие оленьи стада, а часто и рыбные запасы, а росомаху бьют потому, что шкура росомахи, считаясь самым ценным украшением одежды чукчи, будучи в постоянном спросе и высокой цене, одинаково хороша как летом, так и зимой. Белые медведи промышляются по берегу Ледовитаго океана, но бывают случаи, что белые медведи, занесённые на льдине южнее Анадырского лимана, встречаются пробирающимися на север даже у Марковой. Гондатти подарил мне шкуру белаго медведя, убитаго близ Маркова: эту шкуру я со своей стороны счёл долгом пожертвовать в Хабаровский естественно-исторический музей. Кстати заметить, что внутри страны, случается, убивают и нерп. Если нерпа в погоне за красной рыбой зайдёт далеко вверх по реке, и река станет, то она возвращается в море по совершенно прямой линии и по сухому пути. Это мне сообщил Н. Л. Гондатти. Наибольшее значение для Анадырского края по количеству добычи имеет песец и лисица. Песцов на Анадыре множество. Охота на зверя производится с ружьём. Ружья в Анадырском крае последних систем. Наиболее предпочитают американские винчестера и русские берданки. Винчестера доставляются американцами носовым чукчам, этими последними продаются прочим жителям, берданки же приобретаются в казённом склад в посту Мариинском. Главное затруднение встречает население в патронах. Вследствие этого патроны расходуются очень бережливо, зверя предпочитают лучше поймать в западню, чем убить его из ружья.

Самый распространенный способ добывания зверя — это устройство пастей. Пасть представляет из себя узкое, в один-два аршина пространство, огороженное с двух сторон жердями, до двух-четырёх

аршин длины. Поверх таких жердей делается плотная кровля, один конец которой лежит на земле, а другой поддерживается при помощи особого приспособления на высоте один-два аршина. Под эту кровлю кладется нажива (кусок юкалы, оленьего мяса или свежей рыбы), приделываемая так, что при малейшем движении наживы кровля падает и своею тяжестью придавливает всё внутреннее пространство пасти. Для большей тяжести на кровлю накладываются камни. Пасти разставляются главным образом по берегам рек. Некоторые промышленники имеют по 50—100 пастей, которые разставляют на пространстве нескольких сот вёрст. Каждое лето, обыкновенно перед ходом красной рыбы, эти пасти объезжаются на лодках. Летом, по случаю обилия корма, в пасти попадает мало зверя. Летний объезд пастей имеет целью поставить наживу, исправить случившиеся повреждения и вообще привести пасть в порядок. С целью же собрать добычу объезжаются пасти в октябре и начале марта. Наибольший вред разставленным пастям приносят пурги, которые их заносят совершенно, и пасти делаются никуда негодными. Вредят пастям также медведи и росوماхи. Медведь попросту ломает пасть, а росوماха умеет вытаскивать приманку сбоку, не рискуя быть пойманной. Росوماха считается самым умным зверем Чукотской земли. Как на доказательство ея ума указывают, между прочим, на то, что она, несмотря на свои медленные движения, всё-таки ухитряется добывать оленя и зайца. Кроме описанной пасти употребляются различного рода капканы и ловушки. В пасти, капканы и ловушки попадает всякий зверь, кроме медведя, который добывается исключительно ружейной охотой. Шкуры, добытые с пойманных зверей, служат предметом мены на различные привозные товары: табак, чай, сахар, железо, порох, свинец и прочие. Исключение составляет горностаи. Все горностаи, сколько бы их не было поймано, скупаются православным населением и употребляются ими на покупку свечей в церкви. Марковцы приходят в церковь с горностаем в руках. Если принесено два горностаи, то на один покупается восковая свечка, а другой кладется на тарелочку при обходе старосты с колокольчиком. Церковные горностаи продаются с аукциона, и цена на них доходит, как, например, в прошлом году, до 25 коп. штука.

После пушного промысла следующее место занимает промысел птицы: гусей, уток, лебедей и куропаток. Охота на гусей, уток и лебедей производится во время перелета, весной и осенью. Охотятся за птицей с ружьём и ставят капканы. Стреляют дробью,

а за недостатком дроби употребляют мелко изрубленный свинец, мелкую гальку, нарезанные кусочки из твердаго дерева, а также из старых медных чайников и котлов. Добытая птица употребляется исключительно для еды людям и собакам. На пух и перо, как гусиное, так и лебяжье, к сожалению, спроса нет, хотя, в случае спроса Анадырский край мог бы доставлять огромное количество этого продукта далекаго севера. Начиная с марта месяца и до ледохода промышляют куропаток. В это время куропатки слетаются к рекам, где есть какие-либо кустики, молодые побеги которых служат им пищей. Куропаток ловят в пасти, которыя и устраиваются из льдин. Приманкою служат отломанные молодые побеги деревьев. Устроены пасти так, что льдина падает тогда, когда куропаток набралось в пасти так много, что оне начинают драку из-за ветки. Усилия нескольких пар куропаток достаточны, чтобы пасть прихлопнула всех собравшихся. Куропаток годами добывается множество, и оне служат серьёзным подспорьем к оскудевающим рыбным запасам. Бывали годы, в которые куропатка избавляла весь край от ужаснаго голода, как это было, например, в 1889 году. В этом году к марту месяцу рыбный запас истощился, морозы стояли страшные. Белая рыба ловилась плохо, и населению грозила большая опасность, но прилетевшия стада белых куропаток выручили из беды. Промысел куропатки, во всяком случае, имеет серьёзное значение для Чукотской земли.

Кроме указанных промыслов, существует ещё на Анадыре промысел морских животных: нерп, лахтаков, белух, а иногда и моржей. Наиболее ценен морж, но моржей стало мало и они, запуганные американскими хищниками, сделались так осторожны, что добыть моржа составляет для чукчи трудную задачу. Чукчи, обитающие по берегам моря, все свои усилия направляют к тому, чтобы обзавестись байдарой. Байдара — это огромная лодка, поднимающая до 300—400 пудов. Делается байдара исключительно из шкуры моржа. Чукча без байдары бедствует. Лесу по близости моря нет и, кроме как из моржа построить лодку не из чего, а без байдары чукча не может ни съездить на промысел дикаго оленя, ни объехать летом разставленные им пасти, ни выехать в море для добычи нерпы и других зверей. Между тем морской зверь для приморскаго чукчи главный источник существования. Если, например, чукча добудет моржа, то его семья на долгое время обеспечена. Чукчи едят в морже всё, и туша моржа, доходящая до 300—400 пудов веса, надолго обезпечивает чукотскую семью. Промысел морских животных, а в том числе и моржа, начинается

тогда, когда устья рек очищаются ото льда. В это время зверь обыкновенно лежит на льдине и греется на солнце. Охота производится на байдарках. Заметив на льдине зверя, подплывают к ней с подветренной стороны. Осторожно пристав к льдине, охотники выходят на неё и ползком пробираются к лежащему зверю. Приблизившись на 5—8 сажень, чукча бросает в зверя копьё, устройство которого таково: на длинную палку прикрепляется наконечник, делаемый из железа или из моржевой кости. Наконечник привязан к ремню из нерпы, длина которого бывает до 50 сажень. Наконечник устроен так, что лишь только он вонзился в тело животного, которое, почувствовав боль, рванулось, как наконечник отделяется от палки, и животное с засевшим в теле наконечником, не сдерживаемое ничем, стремительно бросается к воде. Промышленник даёт раненому зверю полную свободу. Ремень из нерпы раскручивается, а привязанный к концу ремня пузырь из нерпы, оставаясь на поверхности воды, всегда покажет зверя. За пузырём следят на байдаре. Раненый зверь не может долго остаться в воде, но лишь только он вынырнет, как получает другой удар. Два удара обезсиливают зверя настолько, что его подтягивают к льдине и здесь добивают ударом копья в глаз. Этот удар, безусловно, смертелен. Охота на байдарках наиболее прибыльна. Но охотятся иногда и до наступления ледохода, с поворотом солнца на весну, количество добываемого в это время зверя ничтожно, но охота на него любопытна, а потому позволяю себе сказать о ней несколько слов. Нерпы, лахтаки и белухи, приплывая к началу весны к берегам, своим дыханием устраивают во льду отдушины, из которых в ясные солнечные дни выходят на лёд. Чукчи на этот случай устраивают себе особый костюм, состоящий из оленьей камлейки шерстью внутрь, шапки из шкуры нерпы и из двух лоскутов шкуры белого медведя, пришиваемых сбоку и похожих на лапы морских животных. В руках у охотника палка, к которой приделаны нерпичьи когти. Увидев зверя, охотник с расстояния 300—400 шагов ложится на брюхо и, подражая движениям лахтака или нерпы, издавая характерные гортанные звуки этих животных и царапая набитыми на палку когтями лёд, приближается к обманутому животному настолько, что может бросить в него копьё. Раненый зверь немедленно бросается в лунку, но длинным нерпичьим ремнём, привязанным к крепко засевшему в теле копьё, он подтягивается к лунке, получает смертельный удар в глаз и мертвым вытаскивается на лёд. Бывают редкие случаи, что морские животные застигаются промышленниками вдали от воды, как

говорят, «обсохшими». Тогда беззащитных животных убивают, чем попало: палками, копьями, ружейными прикладами.

Если случается застать вдали от воды моржа, то он, как мне говорили, защищается криком. Крик моржа громкий и в то же время страшный, по словам охотников, такой жалобный, что стараются поскорее убить моржа, дабы не слышать этого крика. Мясо убитых морских животных едят: жир едят и освещают им юрты, а также пользуются им как целебным средством при различных недугах. Кожа нерп и лахтаков идёт на выделку дорожных сум, ремней для оленьей и собачьей сбруи и подошв к торбасам. Шкура моржа ни на какие поделки, кроме постройки байдар, не употребляется.

Остается ещё упомянуть в нескольких словах о ките. Киты, хотя в большей части и истреблены, но все же водятся и ныне в прибрежных водах Чукотской земли. Киты могли бы служить источником благосостояния всей Чукотской земли, но у чукчей и у русских нет никаких приспособлений для промысла этого зверя, а потому прибрежные чукчи поджидают, когда морские волны выбросят мёртвого кита. Если это случится, то все соседние чукчи празднуют это событие как особое знамение внимания к ним духа моря. Выброшенный кит обеспечивает годовое продовольствие нескольких десятков семейств, а кости его служат предметом торга с оленными чукчами, которые китовыми костями покрывают полозья нарт.

Кроме перечисленных промыслов в Анадырском крае существует, хотя и в зачаточном состоянии, кузнечный промысел и выделка оленьих кож. Кузнечным промыслом занимаются марковцы, и их изделия, грубые, но прочные по преимуществу, пользуются большим уважением чукчей. Нож марковской работы чукча предпочитает самому лучшему английскому и американскому ножу. Как кузницы, так и инструменты марковских мастеров примитивны. Только в самое последнее время выписаны наковальни и хорошие меха, ранее же наковальнею служил простой камень, а мехом особый снаряд домашнего устройства, напоминающий гармонику. Выделка же оленьей кожи, так называемой ровдуги, достигла довольно высокой степени совершенства и могла бы найти себе значительный сбыт. Замшевые перчатки, сделанные в Маркове, только при внимательном осмотре изобличают не фабричную работу. Оленьих шкур на Анадыре такое множество, что при возможности сбыта оленьей замши можно было бы со временем обзавестись машинами и, заменив кропотливый и тяжёлый ручной

труд машинным, производить замшу в более широких размерах. Выделка замши может не только поднять благосостояние Чукотской земли, но и сделаться источником обогащения жителей, не исключая и инородцев, которые также выделывают из нея дымленину.

ГЛАВА IV. ТОРГОВЛЯ В ЧУКОТСКОЙ ЗЕМЛЕ

Всё население Чукотской земли разделяется на две главные группы: чукчей оленных и сидячих. К числу сидячих можно отнести и все другие народности края. Оленные чукчи, как кочующие, обитают по всей тундре. Их кормит и одевает олень. Сидячие чукчи были когда-то оленными, но по разным причинам потеряв своих оленей, как говорится, осели и занялись промыслом рыбы и морского зверя. Самые богатые и главные истребители привозных товаров суть чукчи оленные. Сидячие же, по бедности, покупают мало, а потому центр тяжести торговли в Анадырском крае лежит в чукчах оленных. Денег в крае нет, торговля исключительно меновая. Главный предмет, предлагаемый оленными чукчами, олень и его продукты. Предметами же их спроса служат: черкасский табак, чай, сахар, оружие, огнестрельные припасы, металлические изделия, бисер и корольки.

Я уже сказал ранее, что морской зверь в водах Чукотской земли оскудел. В настоящее время американцы, посещая наши берега, обратили своё просвещенное внимание на наше богатство оленем. Они, приезжая в Анадырский край, стараются за недостатком морского зверя приобрести, и притом как можно больше, оленьих кож, мяса и живых оленей. Носовые чукчи, с которыми американцы ведут дела, оленей не имеют, а потому играют роль как бы комиссионеров американских товаров. Американцы доставляют: дрель (ткань. — *Ред.*), металлические изделия, муку, винчестеры и рожь, а требуют в обмен, как сказано выше, продукты оленеводства.

Одновременно с установлением зимнего пути носовые чукчи, нагруженные американскими товарами, едут в тундру к оленным и выменивают от них американские изделия на оленье шкуры, оленье мясо и живых оленей. С наступлением навигации продукты тундры нагружаются на американские суда и увозятся в Америку. Нужно заметить, что в настоящее время между инородцами американских островов появился большой спрос на кирпичный чай, русскую махорку и русский сахар, который инородцами предпочитается всякому другому. Этих продуктов американцы

не привозят. Носовые же чукчи, проникая на своих байдарках к американским инородцам, вода с ними в течение, быть может, нескольких веков торгового сношения, стараются удовлетворить спросу американских инородцев на русский табак, сахар и кирпичный чай. Вследствие этого носовые чукчи, приезжая в тундру, стараются кроме оленьих продуктов достать, и притом как можно больше, табаку, сахару и чаю. Взамен этих товаров они берут от американских туземцев куниц, речных бобров и прочую пушнину. Таким образом, вывозимые из Анадырской тундры бобры, куницы — американского происхождения, а не чукотского, как некоторые думают.

До учреждения Анадырской округи вся торговля с чукчами находилась в руках американцев. Русских торговцев было очень мало, да и те, доставив русские товары, складывали их в Гижиге, а оттуда сухим путём везли в Марково. Попадая в тундру, товары были страшно дороги. Вследствие этого чукчи, пристрастившись к табаку и чаю, которые, хотя и в малом, сравнительно, количестве, но всё-таки вошли у чукчей в употребление, ездили за этими товарами в Колыму, где цены на них, будучи весьма дороги, всё же были дешевле цен, требуемых анадырскими торговцами. Одновременно с учреждением Анадырской округи стали посылать туда пароход, который нагружали и купеческими товарами. Эти товары, попадая в казённый склад, стали отпускатся чукчам. В настоящее время на фрахтуемом казною пароходе доставляются всякого рода товары, как в казённый склад, так и для торгующих. Вследствие этого получилось, с одной стороны, большее предложение товаров, а с другой — меньшие на него цены. Но то, что с точки зрения анадырцев дешево, с нашей — баснословно дорого.

Торговля на Анадыре даёт огромную прибыль, хотя и сопряжена с постоянным риском не только потерять всё имущество, но даже и самую жизнь. С доставкой товаров на Анадыр, с увеличением их количества, появляются новые торговцы, которые, конкурируя друг с другом, не задумываются над средствами вредить своему конкуренту. Так, с прибытием в край Гондатти случилось, что один торговец, прибыв в стойбище, сказал: «Завтра приедет Брагин, у него табак с болезнью — не берите». И действительно, как на зло, один из чукчей, купивший у Брагина табак, скоропостижно умер. По всей тундре пошёл говор, что русские изводят чукчей, и что все русские товары отравлены. Так как это совпало с прибытием в край Гондатти, то народная молва главную долю участия в деле извода чукчей приписала Гондатти. Положение

Гондатти было незавидно, ибо волнение, охватившее тундру, никакими средствами, кроме как нравственным воздействием единой его личности, подавить было нельзя.

И вот Гондатти вводит на Анадыре ярмарки. Первое его мероприятие состояло в том, что он воспретил торгующим под страхом строжайшей ответственности выезжать для торгова в одиночку. Ознакомившись с местными условиями, определив места кочёвок чукчей, Гондатти назначил для торгова место и время, приуроченное к обычному становищу чукчей, а так как эти становища разбросаны по всей тундре, то на первый раз были назначены местами ярмарок ближайшия становища. Ни один торгующий не мог начать торгова ранее поднятия флага, который, как сказано в приказе, «будет подымать анадырский окружный начальник».

Лишь настала зима, как все торгующие под предводительством самого Гондатти выехали в тундру на места кочёвок. Чукчи были изумлены, когда увидели такое множество нарт. Когда же эти нарты остановились, и все товары были разложены так, что каждый чукча мог видеть всё привезенное, то чукчи, рассказывал мне Гондатти, пришли в восторг. Они так и не отходили от выставки товаров. Нужно заметить, что Гондатти с первого же дня прибытия в край усердно занялся изучением чукотского языка. А потому к началу первого торжка он, ставши на нарты, объявил по чукотски, что с этого дня торговцы в одиночку приезжать не будут, что будут приезжать все сразу и сразу же выставлять все привезённые ими товары, что чукчи и торговцы могут торговаться о цене, как им угодно, но что раз торговец и чукча обменялись товарами, то дело кончено. Брать обратно отданную за товар пушнину нельзя.

Был поднят флаг, сделаны три выстрела, и торг начался. Это нововведение пришлось по сердцу чукчам: чукча мог купить то, что ему надо, притом, как говорится, по божеской цене. Ранее же, когда торговец приезжал в тундру, то цена товара была пропорциональна потребности в нём чукчи. Если, например, чукче нужен котёл, а котлов у торговца мало, то он брал в пятнадцать раз более стоимости котла. Молва об этом нововведении быстро распространилась по всей тундре. Замечу кстати, что всякия известия, интересующия чукчей, распространяются по тундре чрезвычайно быстро. Чукчи жадны до новостей, а потому всякий чукча, прибывший в становище с какой-либо новостью, желанный гость становища. Вследствие этого при появлении какого-либо сенсационного известия всякий, услышавший его, спешит поделиться им с соседом.

Ко времени, назначенному для второго торжка, приехало уже такое множество чукчей, что привезённых товаров едва хватило, и цены на них стояли высокия. Всю зиму 1894 года Гондатти провёл в разъездах по торжкам, в личном наблюдении за торгом. Одно это обстоятельство подняло авторитет Николая Львовича в глазах чукчей. О нем прошла добрая молва по всей тундре.

В настоящее время торговля русскими товарами производится следующим образом: фрахтуемый казною пароход производит как казённую, так и частную доставку товаров. Пароход приходит на устье Анадыра в двенадцатых числах июля. К этому времени из Маркова и других селений, расположенных в верховьях Анадыра, приходят баркасы, которые собирают весь товар и сплавляют вверх по реке Анадырь. В этом году в первый раз привезены на Анадырь товары компании котиковых промыслов. Товаров привезено свыше четырёх тысяч пудов. Но нужно думать, что товары эти едва ли пойдут в дело: компания начала дело, не осведомившись с местными условиями. Думали, что тотчас по разгрузке часть товара может быть сплавлена в Марково, а часть сложена в Мариинском посту. Но ни в Мариинском посту, ни в Марковке никаких построек под склады товара нет, и весь выгруженный с «Фрайера» товар, в числе 1 140 мест за отсутствием средств передвижения и амбаров остался сложенным на берегу. Компания оказалась настолько легкомысленной, что приказчику, сопровождавшему товар, не было дано даже брезентов для покрышки. Кое-как пособрали олени шкуры, и компанейская мука, соль и прочие товары остались до зимы покрытыми шкурами. Весьма возможно, что добрая половина товаров пропадёт.

Ко дню прибытия парохода с окрестных стойбищ собираются байдарные чукчи и забирают товар из склада. Запас товара в казённом складе, сравнительно с потребностью, ничтожен, а потому чукчам отпускают не более десятой части того, что они просят. В казне приберегают товары к зиме и весне. Когда цены на них доходят до чрезвычайно высоких размеров, казённый склад, по выражению Гондатти, служит регулятором цен. В настоящее время нормальные цены товаров выражаются так: цена песка в тундре — два кирпичика чаю, фунт сахару и две папуши махорки; пыжика — один кирпичик чаю; оленя — два кирпичика чаю. Переведа это на владивостокския цены, имеем: за песка около 1 руб., за пыжика — 24 коп. и за оленя — 48 коп. В казённом складе за песка дают: товаров на 4 руб., считая по владивостокской цене, с добавкой 10 % на затраченный капитал. Вообще в казённом

складе на устье Анадыра цены в шесть раз дешевле, чем в тундре; в Марковском складе в пять раз дешевле (здесь считается провоз). Но цены тундры, в столько раз превышающие казённые, по словам Гондатти, весьма добросовестны, ибо нужно принять во внимание расходы за извоз и что-нибудь заработать торговцу. Хотя в настоящее время на Анадыр доставляется сравнительно и много товаров, но Гондатти говорит, что если бы доставлялось в четыре раза больше, то и тогда было бы только достаточно, так как спрос на табак, чай и металлические изделия с каждым годом возрастает. Насколько серьезна потребность в Чукотской земле в товарах, видно из того, что одна американская компания с прошлого года устроила на Чукотском Носу склад и обставила его с полным комфортом. Служащие в складе живут в прекрасном доме, приспособленном к условиям полярного климата и имеющем все удобства, не исключая и ванной. Гондатти говорил, что спрос на олени шкуры в Анадыре настолько серьёзен, что Гондатти из чувства патриотизма рекомендует вниманию русской промышленности это богатство Анадырского края. Американцы стараются теперь закупать живых оленей, но Гондатти, безусловно, запрещает эту продажу. «Покуда, — говорил он мне, — буду здесь я, я не допущу, чтобы наши олешки перебрались на тот берег».

Открытие американцами склада на Чукотском Носу сильно озабочивает Николая Львовича. Он не на шутку боится, как бы оленей не постигла та же судьба, какая постигла моржей и китов, не говоря уже, что этот склад, поставленный на широких началах, может убить русскую торговлю в Чукотской земле.

Таким образом, сказанное о торговле можно резюмировать так: в настоящее время товары для Чукотской земли идут из Америки и из России. Американцы спрашивают по преимуществу продукты оленеводства; русские — пушнину. Посредничают в торговле американскими и русскими товарами носовые чукчи. В настоящее время привоз товаров, сравнительно с потребностью, мал, и склад, о котором упомянуто выше, только лишь начинает свою деятельность. Цены на товары высоки. Казённый склад регулирует цены лишь отчасти, так как его запасы ничтожны.

Попытка компании котиковых промыслов учредить на Анадыре торговлю желательна, но первый шаг компании, о котором, сказано выше, вызывает недоверие. Торговля на Анадыре может быть весьма выгодною, но серьёзных предпринимателей нет. Если компании удастся поставить дело прочно, то никаких особых мер к поддержанию русской торговли принимать не придётся.

Если же компания по каким-либо причинам оставит своё предприятие, то единственная возможность конкурировать с американцами — устроить на Анадыре такой же склад русских товаров, какой устроен на Носу американцами. Открытие склада товаров на более широких началах, как полагает Гондатти, будет иметь двоякую пользу: 1) даст хороший процент на оборотный капитал и 2) послужит самым надёжным средством к распространению русского влияния над чукчами. Распространение же между чукчами русской власти без снабжения их товарами Гондатти считает невозможным. Чукча считает благодетелем торговца, который, доставив ему, положим, котёл, взял за него в 10—15 раз более его стоимости. Коли, поэтому, у представителя русской власти чукча получит возможность приобрести котёл, порох, чай и всё, что ему потребуется, приобрести при том очень дёшево, то эта власть в его глазах уже является источником его благосостояния. Таким образом, чукча, считая себя одолженным кем бы то ни было из торгующих, считает себя в то же время его другом и готов исполнить всё, что потребует от него его друг.

Выше уже было сказано, что в настоящее время торг производится на устроенных Гондатти ярмарках. Если бы допустить, что в Мариинском посту и Марковке были открыты склады товаров, в размере, удовлетворяющем требованию, то учрежденные торжки, конечно, упали бы. Центром торговли, а, следовательно, и центром всего края, была бы резиденция представителя русской власти.

В учреждении обширных складов Гондатти видит залог обрусения чукчей, поднятия их экономического благосостояния и реального противовеса американцам. Капитал, который был бы пущен в оборот, мог бы при самых худших условиях, как говорил Гондатти, давать 10—15 %, выключая накладной расход.

Изложенное о торговле составляет *compendium* моих бесед с Николаем Львовичем. Насколько правильны приведённые мысли, судить не берусь, хотя полагаю, что мнение Гондатти, как человека, всесторонне знающего Чукотскую землю, авторитетно. Стремление же Николая Львовича путём урегулирования торговли, путём указания способов наивыгоднейшей эксплуатации главного богатства края — оленей поднять экономическое благосостояние Чукотской земли, а через то воздействовать на умственную и нравственную сторону дикарей-чукчей, есть одна из тех благородных задач, к решению которой должна стремиться культурная нация.

В течение двух с половиной веков мы владеем Чукотской землёй, но только с 1894 года чукчи увидели русского деятеля

в лучшем значении этого слова, увидали его в лице Николая Львовича Гондатти.

Ниже я скажу об отношении чукчей к Гондатти, расскажу о его службе, исполненной подвигов высокого самоотвержения, а теперь, в интересах системы очерка, скажу несколько слов об извозе и огородничестве.

Всякий, у кого имеется нарта собак и достаточно корма, в зимнее время, то есть с начала октября до мая месяца, занимается извозом. Товары возятся из Мариинского поста в Маркове, из Маркова в стойбища чукчей, на Анюйскую ярмарку и в Гижигу. Цены за извоз неравномерны и не соответствуют расстояниям. Так, например, за провоз товаров из Маркова в Гижигу и из Маркова в Мариинский пост платится 3 руб. с пуда; между тем за извоз до Гижиги и обратно тратится от 40—50 дней, а до Мариинского поста 22—34 дня. На провоз товара на торжки берут от 1—2 руб. с пуда. Извозный промысел, будучи главным занятием русского населения в зимнее время, имеет весьма важное значение. За зиму нарты вырабатывает до 200 руб.

Скотоводства в Анадырском крае нет, если не считать корову и быка, имеющих у марковского священника. Эта пара скота, будучи привезена в Марково из Гижиги два года тому назад, не дала еще приплода, и этот опыт заведения на Анадыре скота вызывает сомнение в пригодности края к скотоводству.

Некоторые жители селения Маркова пытались разводить огородные растения, и хотя некоторые из них, как, например, репа, редька, брюква и морковь и выращивались, но уход за ними требовал так много труда, что полученные результаты не оправдывают хлопот.

Таковы, в общих чертах, жизненные условия страны, в которой по желанию Приамурского генерал-губернатора Сергея Михайловича Духовского работает во славу русского имени и русской культуры бывший учёный секретарь Императорского общества естествознания, антропологии и этнографии Николай Львович Гондатти.

Да простит мне читающая публика мою смелость обрисовать с возможной подробностью в связи с условиями Чукотской земли образ Николая Львовича, личность которого на меня, пишущаго эти строки, произвела неизгладимое впечатление: писал я эти строки под непосредственным впечатлением виденного и слышанного.

ГЛАВА V. АНАДЫРСКИЙ ОКРУЖНЫЙ НАЧАЛЬНИК НИКОЛАЙ ЛЬВОВИЧ ГОНДАТТИ И ЕГО АДМИНИСТРАТИВНО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Говоря о Гондатти, я остановился на том, что он взошёл на пароход. Немного оправившись от охватившей его одышки, он спросил у меня: «Какой теперь день, какое число и какой час». Этот вопрос, как увидим ниже, не был праздным. Вести на Анадыре точное времяисчисление очень трудно, но на этот раз оказалось, что дни и числа считались на Анадыре верно, а часы, проверенные Николаем Львовичем в день нашего прихода по солнцу, оказались отстающими всего лишь на шесть минут против хронометра капитана, проверявшагося, когда не было тумана, ежедневно при помощи инструмента. В то время когда Гондатти сверял часы, я выстроил на палубе парохода привезённых мною шесть казаков, предназначенных для смены. Мои казаки до остановки парохода были одеты в камчатское одеяние: на ногах были торбаса, на плечах пиджаки, камлейки и прочее, но, увидев, что Гондатти встречает нас в полном параде, имея казаков при холодном оружии, я приказал своим казакам приодеться в форму и надеть шашки. Гондатти вышел на палубу, принял рапорт от старшего казака, поздоровался с командой и опросил у каждого претензии и здоровье. Затем он приказал прибывшим сгружать свои вещи в баркас и съезжать на берег. Эта парадная встреча парохода, педантическое и серьёзное исполнение правил воинских уставов при приёме вновь прибывшей команды имеет великий смысл и значение: Гондатти работает русскому делу среди десятитысячного племени чукчей, не слышавших русского имени, не опирая свою власть на силу, которой у анадырской администрации нет и не может быть, Гондатти задался целью управлять краем и проводить русскую идею силою нравственного влияния своей личности.

Да позволено мне будет заметить, что я, прослуживший в военной службе около двенадцати лет, никогда и нигде не видел столь образцового порядка, столь дисциплинированной и проникнутой сознанием долга команды, каковою я видел маленькую команду анадырских казаков. Думаю, что много труда, таланта и глубокого знания человеческой природы положил Гондатти в дело воспитания своих казаков. Нет никакого сомнения, что честь русского имени, пока краем управляет Гондатти, омрачена не будет, а укрепление в чукчах сознания, что русский начальник и его

подручные не обманут, а при случае и помогут, есть единственное средство укрепления русской власти в Чукотской земле.

Все старания русских казаков в XVII и XVIII веках, все их усилия покорить чукчей силою оружия окончились, как известно, полной неудачей. Чукчи — народ сильный, смелый, свободолюбивый, имеющий ныне благодаря американцам прекраснейшее новейшее оружие, не могут быть покорены никакими армиями, так как, послав туда войско, его негде будет поселить и нечем будет кормить.

Главный начальник Приамурского края С. М. Духовской, пославший в Чукотскую землю Гондатти, сделал всё, что могло сделать русское правительство для замены там американского флага российским и для цивилизации этой ответно дикой и абсолютной первобытной страны.

Обстановка, среди которой живёт Николай Львович Гондатти, не удовлетворяет самым скромным требованиям самого скромного человека. Эта обстановка есть лучшее доказательство справедливости народной мудрости, формулируемой словами: «Дитя не плачет, мать не знает». Претерпевая чрезвычайные лишения, Николай Львович никогда не утрудил начальство никакою просьбой об улучшении его личного существования. Все его представления начальству имеют единою целью благо доверенного ему края и нигде, ни одним намеком, ни одним словом он не свидетельствует начальству о своих личных лишениях. В этом факте позволяю себе видеть величайшую заслугу Николая Львовича перед Отечеством. Он показывает, что во имя идеи человек может мириться с реальнейшими бедствиями живого существа: холодом, голодом и с реальнейшим лишением человека: полным отсутствием себе подобных. Он показывает, что в великой России во всех случаях, где требуются люди долга, способные на самозабвение, таковые находились повсюду изстари и теперь. Думаю также, что Николай Львович, несмотря на свои молодые годы, завоевавший себе некоторое место в русской науке, индифферентно относится к той обстановке, которая обыденного человека может привести в ужас потому, что вся, так называемая «обстановка», почитается Николаем Львовичем «мелочами жизни», которых он не удостоивает своего внимания. Претерпеваемые же им лишения, при том огромном труде, который он так щедро кладёт и в науку, и в исполнение предначертаний русского правительства, несомненно послужат данными к признанию Николая Львовича подвижником, имеющим все права на запись его имени как на

скрижали истории науки, так, в частности, и истории культуры Приамурского края.

В то время как Гондатти принимал прибывших казаков, в кают-компании был накрыт стол, и капитан пригласил Гондатти и его помощника, Анкудинова, закусить. Консервы, которые были предложены на закуску, не удостоились внимания анадырской администрации: консервы — главное продовольствие Гондатти и его помощника и приелись им настолько, что, как говорит Николай Львович, один вид жестяной банки возбуждает отвращение. Но зато, когда подали отваренный картофель, как приправу к солонине, то Гондатти и Анкудинов пришли в восторг: «Знаете ли, — сказал мне Гондатти, — ведь мы с прошлого парохода не видели картошки: оставили, было, пудов сорок на запас, да где же у нас держать запасы? Погребка выкопать нельзя: ведь наша земля на четыре вершка уже не более, как сплошная глина, а апартаменты наши такие, что я удивляюсь, как мы сами не замерзли. Не ели, батенька, мы картошки вот уже год, а если бы вы знали, как другой раз хочется растительной пищи!»...

Помощник Николая Львовича, Анкудинов, даже не комментировал своей радости картошке, но то удовольствие, с которым он её ел, ясно говорило, что это было не простое удовлетворение голода, но потребность организма в растительной пище, которую едят на Анадыре лишь один раз в год, в дни стоянки парохода.

«Отчего же вы, Николай Львович, — спросил я, — не закупите консервированных овощей?» «Э, батенька, консервов у нас хоть отбавляй, да разве в консервах есть какой-нибудь вкус? Ну, посмотрите, понюхайте эту картошку! Тут и аромат, тут чувствуешь, что это действительно картофель». «Вот завтра, — сказал он по-английски, обращаясь к капитану, — прошу ко мне на обед». А мне добавил по-русски: «Вот вы и увидите, какой такой вкус в консервах, хранившихся в нашем амбаре целую зиму... Как-никак, сударь мой, а морозики в шестьдесят градусов на меня хоть и мало действуют, а вот на консервы действуют: весь дух вышибают»...

Весёлый, приветливый Николай Львович беседовал, как говорится, залпом: ведь мы, пароходные, привезли ему вести с того мира, в котором, когда в Анадырской тундре всё мертво, жизнь бьёт ключом. «Ну, говорите, говорите, что делается на свете»...

Всё виденное мною произвело на меня глубокое впечатление. Я не мог сразу собраться с мыслями, чтобы ответить... Я медлил ответом, соображая, с чего начать. «Говорите же скорей, голубчик», —

сказал Гондатти и потряс меня за руку. Я стал отвечать. Всякий мой ответ вызывал восклицание Николая Львовича. Он не знал, например, что война Японии с Китаем окончилась, что эта война сопровождалась дипломатическим вмешательством европейских держав. Он не знал, что коронация Государя совершилась, что главный начальник края пребывает в Петербурге. Он не знал о крупных переменах, происшедших по случаю коронации со многими его знакомыми. В то время как я, по возможности кратко, рассказывал чуть ли не летопись всего года, а Гондатти жадно слушал, капитан, не разумевший нашей беседы, смотрел на нас вопросительно. Продолжать разговор по-русски было неудобно, а потому я, невозможно коверкая слова, стал рассказывать по-немецки. Этот язык более или менее был известен всем, а помощник Гондатти, Анкудинов, уроженец Прибалтийского края, прекрасно изъяснялся по-немецки и, при его помощи разговор сделался общим. Наш обед, состоявший по моей просьбе из разнообразных блюд, запитый шампанским, закончился около восьми часов вечера.

Николай Львович принял от меня почту и деньги, которые, пока находились на пароходе, составляли предмет моей постоянной тревоги. Уходя с парохода, Николай Львович сказал мне: «У меня в настоящее время так много дела, что едва ли нам удастся поговорить с Вами, но, во всяком случае, прошу иметь в виду, что я буду рад всякому Вашему посещению, а, в частности, прошу завтра на обед». Признаюсь, что так формулированное приглашение не очень мне понравилось, но у Гондатти были на это причины, из коих главная состояла в том, что в дни стоянки парохода ему было нужно: 1) прочитать все бумаги, адресованные к нему из разных учреждений и Приморского областного правления по преимуществу; 2) дать на все бумаги ответ; 3) принять с парохода груз, что, как увидим ниже, составляет на устье Анадыра нелегкую задачу; 4) снарядить отправку товаров в Марково. Словом сказать, в дни стоянки парохода, продолжающейся отнюдь не более двенадцати дней, приходилось сделать всё, что при обычном порядке делается в течение года. Деятельность Гондатти в эти двенадцать дней, очевидцем которой я был, служит, по моему мнению, показателем мощи нравственных его сил.

На пароходе встают рано. В семь часов утра, хочешь, не хочешь, а зовут пить чай или кофе. Иногда хотелось бы поспать, да нельзя: датчане вообще педантичны, а моряки в особенности: не придёшь к семи-восьми часам к чаю, после уже не дадут. Один

раз из любопытства я спросил себе чаю в девять часов утра, но это повело к целой истории с командиром парохода. Вследствие этого около семи часов утра я уже вставал.

24 июля, в первый день нашей стоянки на Анадыре, я проснулся рано и напился чаю. До званного обеда оставалось пять часов. Долго ждать на пароходе скучно. Я попросил у командира шлюпку и поехал на берег, на котором расположен Мариинский пост. Этот пост стоит на песчаной кошке, покрытой тощей травой и образуемой рекой Анадыр с одной стороны и морем с другой. Пост состоит из четырнадцати юрт чукчей, постоянно здесь живущих, и землянки, в которой помещается анадырский окружный начальник. Говорю «землянки», потому что это здание нельзя назвать ни домом, ни шалашом, ни юртой, ни даже землянкой. Это сочетание всего вместе и, обложенное снаружи со всех сторон дёрном, лучше всего может быть принято за землянку. Юрты чукчей расположены близ самага берега.

Юрта — это конический шалаш, устраиваемый из оленьих шкур. Делается он так: на земле по сторонам неправильного многоугольника вбиваются колья до двух аршин высоты. На эти колья ремнями из нерпы привязываются длинные жерди, образующия горизонтальный многоугольник. К местам соединения жердей с копиями привязываются длинные тонкие шесты, числом тринадцать, которые, будучи наклонены внутрь юрты под острым углом, соединяются почти в одной точке (приблизительно, конечно) и образуют конус. Описанный остов покрывается оленьими шкурами, причём самая верхняя часть юрты, то есть вершина конуса, остается непокрытой и служит для выхода дыма. Площадь, занимаемая юртой, различной величины, в среднем, как я полагаю, не более пятидесяти квадратных аршин. Внутренность юрты, собственно говоря, не имеет никакой обстановки, так как у чукчей нет решительно никакой мебели.

Опишу обстановку той юрты, которую мне пришлось посетить.

В юрту не входят, а влезает: входной дверью служит отверстие, не более полутора аршина высоты и три четверти ширины. Это отверстие закрыто шкурой оленя. Чукча, прежде чем войти в юрту, становится на колени, отворачивает рукой шкуру, служащую дверью, и вползает в юрту. Тотчас по входу в юрту видеть что-либо нельзя: едкий дым, наполняющий собою всю юрту, застилает всё, и без привычки от густого дыма, наполняющего юрту, больно глазам. Этот дым исходит из постоянно тлеющего посреди юрты очага, наложенного из собранных по берегу моря наносных палок

и целых деревьев. Очаг разложен просто на земле, без каких бы то ни было дымоотводных или иных печных приспособлений. Над очагом, спускаясь на ремне, привязанном к одной из жердей, составляющих крышу юрты, висит металлический чайник или жестяное ведро, именуемое на Анадыре котлом. Прямо против входа устроен из оленьих шкур полог. Этот полог, в зависимости от величины семьи, делается различной величины. Устройство же его таково: четыре полуторааршинные кола, вбитые в землю, с наложенными на них четырьмя жердями покрываются со всех сторон сшитыми друг с другом оленьими шкурами. Пространство земли, осеняемое оленьим пологом, покрыто оленьими же шкурами в несколько рядов. Эти разостланные под пологом шкуры служат постелью для всей семьи. Длина постели постоянна, три аршина, но ширина, как я выше заметил, различна, от двух-шести аршин. Наибольшая ширина полога встречается в том случае, если у чукчи две-три жены и от каждой есть дети, так что на ширине шесть аршин помещается иногда семья из двенадцати душ и более. У стен юрты разставлен различный скарб чукотской семьи. Этот скарб поражает своей несложностью: ничего такого, что не входило бы в предмет постоянного употребления, в юрте нет. В одном углу сложена посуда, состоящая из нескольких металлических или глиняных тарелок и большой деревянной доски, выдолбленной наподобие корыта, имеющего глубину не более половины дюйма. В другом стоит нерпичий пузырь с нерпичьим или моржовым жиром, вывернутая шкура лахтака, предназначенная для выделки подошв к торбасам, оленьей и собачьей сбруи. К горизонтальным жердям в чехлах из различных шкур привешен винчестер или бердана. Несколько нерпичьих мешков со сложенной в них пушниной, оленьими выпоротками и пыжиками, иногда мамонтовой костью, дополняют убранство юрты. В одном из этих мешков, в какой-либо жестянке из-под консервов или бисквитов, сложены чайные чашки и стаканы, составляющие предмет особенных попечений каждого их владельца. Каждый чукча и чукчанка, не исключая и малолетних, имеют свою собственную чашку, и эта чашка — единственная вещь, неуклонно обмываемая после употребления.

Когда я вошёл в юрту, было около восьми часов утра. Чукотская семья, состоящая из восьми душ, считая и двух маленьких детей, завтракала. Между очагом и пологом было поставлено упомянутое мною деревянное блюдо, на котором лежало огромное количество кусков сваренной и, конечно, без соли рыбы. Лежа на

животах, забирая куски рыбы руками, чукчи выплевывали кости изо рта в тот же сосуд, из которого ели. Брала пищу огромными кусками и клала куски в рот без предварительного отделения их от костей. Чавканье и постоянные плевки чукчей на еду, невыразимо грязные их руки возбуждали во мне чувство брезгливости.

Глава семьи, чукча лет пятидесяти со включенной, нечесаной головой, высовывавшейся из-под полы полога, в котором он лежал совершенно нагим, когда все насытились, отдал блюдо чукчанке, которая это блюдо вместе с лежавшими на нем объедками поставила собакам. С любопытством смотрел я на завтрак чукчей, продолжавшийся не менее получаса времени. Рыбы за завтраком было съедено несметное количество, думаю, во всяком случае, что не менее одного пуда.

В то время как ели рыбу, на очаге, горевшем ярким пламенем, кипятилась вода для чая. Чайник вскипел. Сам старик отломил кусок кирпича и заварил чай. Была вынута посуда. Каждая чашка, каждый стакан был обмотан в какую-либо ткань: бумажную, шелковую, шерстяную, суконную. Главное применение всевозможных лоскутков в чукотском обиходе — это оборачивание ими чайной посуды. Некоторые тряпочки, которыми были обмотаны стаканы, служат, по-видимому, уже не первый год, так как были покрыты таким слоем грязи, который бросается в глаза издали. Каждый член семьи поставил перед собой чашку, а чайник поставили посредине. У каждого чукчи имеется на шее кожаный мешочек, предназначенный для хранения табаку (махорки) и сахара. Кусочек сахара, полежавший с табаком, пропитанный насквозь табачной пылью, особенно приятен вкусу чукчи. Налив в чашки чай, все, как мужчины, так и женщины, повытаскали из-за пазухи эти мешочки и вынули оттуда по кусочку сахара, черного на вид, а на вкус, полагаю, напоминающего что угодно, но только не сахар. Чукчи пили чай очень долго, и старик выпил, по моему счёту, четырнадцать больших стаканов чаю. Чукчи пьют чай огромными глотками. Чем глоток более жжёт, тем, видимо, доставляет больше удовольствия. Сахар служит лишь прелюдией к чаепитию: прежде чем приступить к чаепитию, чукчи, положив сахар в рот, съели его зубами. Хруст от съедаемого одновременно несколькими чукчами сахару мог бы быть слышен, полагаю, с расстояния 20—30 шагов.

Мало-помалу чаепитие закончилось. Тут я был свидетелем оригинального зрелища. По мере прекращения чаепития каждый чукча брал в правую руку тряпочку, которою была обмотана

чашка, а в другую брал чашку. Поднеши чашку ко рту, чукча высовывал до возможной степени язык и облизывал им внутренность чашки, после чего относил чашку ото рта и имеющейся в руках тряпочкой обтирал внутреннюю сторону чашки. Покончив с внутренней стороной, приступали к наружной. Здесь уже процедура другая. Чашка подносилась ко рту и тщательно вылизывалась языком одна полоса и, достаточно наслюенная, вытиралась тою же тряпочкой: чашка подносилась ко рту и вылизывалась по наружной поверхности столько раз, сколько нужно, чтобы вся чашка, не исключая и ручки, была облизана и вытерта. Вытертые таким образом чашки были вновь обмотаны тряпочками и сложены в жестянки, а потом и в мешки.

Описанный мною завтрак и чаепитие продолжались более двух часов. Было уже четверть одиннадцатого, когда я хотел уйти из юрты, но тут я увидел ещё более любопытную картину.

Маленький, не более восьми месяцев, чукчёнок, спавший в пологе, заплакал. Мать справилась о причине его плача: оказалось, что ребёнка требовалось обмыть. В одном из углов я давно уже видел три деревянные чашки с жёлтой жидкостью, принятой мною за нерпичий или другой какой жир. Держа испачкавшегося ребёнка в левой руке, чукчанка взяла одну из посуды, поставила её посреди юрты и, положив ребёнка на колени, правой рукой взяла горсть жидкости и стала обмывать ею лицо ребёнка и всё его тело. Но лишь она тронула рукой жидкость, как едкий запах застоявшейся мочи наполнил всю юрту.

Нужно заметить, что чукчи вообще редко моются, а если моются, то исключительно мочой. Чем более она застоялась, тем более почитается пригодной к туалету чукчи или чукчанки. Чукчи думают, что при тех холодах, которые имеют место на их родине, ничем другим, кроме мочи, умываться нельзя.

Мне при виде омовения лица ребёнка мочой, окончательно сделалось тошно, и я вышел на свежий воздух.

По всему берегу бродили чукчи. Из соседних летников по случаю прибытия парохода многие приехали накануне, а некоторые, пользуясь попутным ветром, подплывали теперь. С парусом из оленьей шкуры быстро разрезали анадырския волны две байдары, на каждой из которых сидело до пятнадцати душ чукчей. Все чукчи сидели с непокрытыми головами, хотя ветер был холодный и пронизывал до мозга костей. Не доезжая до берега нескольких шагов, взрослые выскакивали прямо в воду, и байдара, с нагруженными на ней шкурами, скарбом и маленькими детьми, бра-

лась руками за борты и на руках выносилась на берег, не менее как на сорок шагов от воды. Чукча страшно дорожит байдарой. Он скорее продаст, в случае нужды, две жены, чем лишится байдары. Выносят байдару на руках из опасения не проколоть её галькой, изобильно покрывающей весь анадырский берег.

На берегу шла деятельная переторжка между чукчами и пароходными (чукчи такие страстные любители спирту, что одной его бутылкой можно буквально разорить две-три семьи. Чукча отдаст за спирт все, что у него есть. Вследствие этого Гондатти безусловно воспрещает продажу спирта. Я дал слово Гондатти, что с нашего парохода не будут продавать спирта, а потому воспретил вообще торговаться на пароходе, где трудно наблюдать за исполнением этого распоряжения).

Я подошёл к группе торгующихся. К ужасу своему, у одного из господ пароходных офицеров я увидел торчащую из кармана бутылку, потащив за которую, убедился, что это был спирт. Бутылка моментально была разбита, а господину, преступившему усердную просьбу Гондатти, я, насколько мог, сердито крикнул: «Хераус фон хир» и, не дав ни отдыха, ни срока, погнал всю компанию с берега.

Был двенадцатый час в начале, можно было отправиться и к Гондатти. Помещение Гондатти, именуемое местными казаками и приезжими марковцами казармой, построено на берегу залива, глубоко врезающагося в песчаную косу, о которой упомянуто выше. Не доходя пятидесяти шагов до казармы, устроены вешала, на которых было развешано и подсыхало около десятка тысяч рыб. За вешалами сложена куча дров из наноснаго леса. Лес различных пород и различных величин: начиная от щепки и кончая пятивершковым бревном. Все почти палки и брёвна без коры, словно обточены на станке. Этими дровами очень дорожат.

В Мариинском посту и берегут их почти исключительно для подтопки, а топят печи каменным углём, доставляемым из Владивостока на фрахтуемом пароходе.

В нескольких шагах от складов угля находится и самое здание Анадырского окружного полицейского управления. История этого здания такова: в 1889 году, при отправлении доктора Гриневцакого из Владивостока, на отпущенные ему 1 500 руб. им были куплены два досчатых барака по восемь аршинов длины и ширины и три с половиной высоты. Жить в этих бараках без особых приспособлений при шестидесятиградусных морозах не представлялось никакой возможности. Одновременно с установкой барачков

началось обсыпание их сухой землей и обкладывание дёрном. Дело, начатое Гриневецким, продолжается и Гондатти. Земляная присыпка к стенам год от году утолщается и теперь достигла уже не менее трёх аршин толщины. Крыша обмазывается глиной и также обложена дёрном. Плотнo слежавшийся в течение семи лет дёрн образует футляр для досчатого барака, укрывающего Гондатти, его помощника и девять казаков с их женами и детьми от полярных морозов. Оконца этого здания, числом пять, не более двенадцати квадратных вершков в стороне, входная дверь одна. Близ казармы из дёрну же, досок и лесу от старого, разбившегося баркаса устроен склад для всякого рода товаров и вещей. У самых окон казармы, выходящих на бухточку, стоит привязанная к берегу флотилия анадырской администрации, состоящая из баржи грузоподъемностью до трёх тысяч пудов, баркаса и трёх маленьких лодочек. Четырнадцать юрт и описанная казарма составляют все жилища постройки Мариинского поста, а Гондатти, его помощник, девять человек казаков, три их супруги с пятью маленькими детьми и 93 чукчей обоего пола составляют всё население резиденции русской власти в Чукотской земле.

Была половина двенадцатого, когда я открыл входную дверь, ведущую в казарму. Первая комната казармы, отделённая маленькой досчатой перегородкой от средней комнаты, представляет кухню с плитой и печью. В момент моего прихода кухня и вторая комната, служащая помещением девяти казаков и их жен и имеющая около семи аршин длины, были полны чукчами.

Чукчи вообще любят толпу, любят видеть новых людей, с прибытием же парохода прибыли и новые люди, прибыли и новые товары, и новые вещи. Не нужно думать, что в этих двух комнатах было несколько чукчей. Нет, они были буквально наполнены чукчами, чукчанками и чукчатами. Некоторые из чукчей сидели, некоторые стояли, а некоторые лежали. Нужно заметить, что Николай Львович находит нужным давать чукчам подарки: кусочек сахара, кусочек хлеба, листочек табаку, блестящую безделушку девушке. Эти ничтожные подачки, на которые, однако, уходит всё личное содержание Гондатти, делают его общим любимцем необъятной тундры, и его ими переходит из уст в уста, соединённое в глазах чукчей с понятием о доброте, уме и справедливости. По нашему законодательству чукчи управляются своими обычаями. К числу важнейших обычаев относится, между прочим, кровавая месть, убиение больных и стариков. Всякий оскорбленный чукча имеет, по своим понятиям, полное право убить

своего оскорбителя; скажу больше: он обязан убить его, ибо в противном случае он, оскорбленный, не смывший кровью полученной им обиды, пользуется общим презрением. Кровная месть родовая. Отец, не успев выследить и убить своего врага при жизни, умирая, завещает не выполненное им сыну. Тундра велика, всю жизнь сын хранит завет умирающего отца, но, не успев выполнить его, завещает своему сыну и внуку оскорбленного. Убийение же больных — есть обычное явление в Чукотской земле. Говорить об этом обряде не буду, так как он совершенно подробно описан у Реклю.

Само собою разумеется, что русская власть в лице Н. Л. Гондатти не могла выслушивать заявлений вроде следующего. Скоро, по прибытии Гондатти на Анадыр, у него в качестве учителя чукотского языка был чукча, немного говоривший по-русски. Этот чукча по имени Кухлянто сопровождал Гондатти во время его поездок в качестве каюра. В одну из их поездок на торжок он заявляет Гондатти: «Я, капитан, тебя брошу, мне нельзя: носовые говорят, что в соседнее становище приехал мой враг, и я еду его убить». Запретить, удержать чукчу силой, которой к тому же нет и не может быть в распоряжении анадырской администрации, Гондатти не мог... Его каюр направился убивать своего недруга, а представитель русской власти остался среди тундры без каюра. Случилось, впрочем, так, что на этот раз убийство, за нерозыском недруга, не совершилось.

Но этот случай произвёл на Гондатти глубокое впечатление. И вот, неумоимо изучая чукотский язык две зимы 1894 и 1895 годов, странствуя по тундре, проводя в юртах чукчей целые месяцы, питаюсь тою же пищей, которою питаются чукчи, спя на той же постели и в том же пологе, в котором спит и совершенно нагая чукотская семья, Гондатти мало-помалу изучил чукотский язык, проник в тайну мировоззрения дикаря. Необыкновенно любопытны рассказы Николая Львовича о его жизни в чукотских юртах, о его странствованиях по тундре, о его ночлегах на открытом воздухе при шестидесятиградусном морозе. Напечатать эти рассказы не считаю себя вправе, так как эти устные рассказы, которыми меня удостоил Николай Львович, создадут ему славу, и его имя, как одного из исследователей полярной страны, посвятившего ей три лучших года своей молодой жизни, по моему искреннему убеждению, будет поставлено в ряду с именами, украшающими человечество: Беринга, Норденшильда и других, им равных. Но эти великие создали свою славу, истратив огромные средства. Гондатти

же поддерживает честь русского имени, не утруждая государство никакими чрезвычайными расходами.

Постигши философию чукчи, Николай Львович начинает действовать. Отдаётся в Мариинском посту и в Маркове приказ: всякого чукчу, по какому-либо случаю прибывшаго к Гондатти, накормить, напоить чаем, дать какой-либо подарок. Обращаю внимание читателя на то, что на это нет казённого отпуска и, делая всё это, Гондатти приказал ставить расход за его счёт. Чукчи же превыше всего ценят ласку и оказываемое им уважение. По всей тундре, от Анадыра до Ледовитаго океана, из уст в уста распространяется слава русского капитана. Мариинский пост и Марково делаются популярными. Оленные чукчи при своих зимних перекочевках не минуют русского поста и хоть на несколько дней разбивают близ него свои лагерь. Все, от мала до велика, приходят в казарму, и всем, сколько бы их ни пришло, заваривается в котле чай, дается по юкале и куску хлеба. Распространяя в Чукотской земле понятие о Великом Русском Царе, Гондатти с торжественностью, насколько возможно по местным условиям, празднует Царские дни.

Царский день празднуется в Чукотской земле так: все окрестные чукчи оповещаются, что завтра в такое-то время в казарме по случаю Именин Царя, который послал капитана беречь чукчей от злых духов, будет праздник.

Нужно сказать, что все болезни чукчи, по его понятиям, происходят от действия разсердившихся на чукчу злых богов. Гондатти, как естественник, постарался с точки зрения учёного ознакомиться с чукотской медициной. Многие лекарственные средства чукчей он признал вполне рациональными, а потому принял к руководству чукотскую медицину, дополнив её своими учёными познаниями и средствами, выработанными медицинской практикой. Таким образом, Гондатти, свято соблюдая все чукотския обрядности при лечении, сделался главным лекарем тундры. Судьба, очевидно, покровительствует молодому самоотверженному учёному.

В одном становище собирались убить безнадежно больного старика. Зная верования чукчей лучше любого шамана, Гондатти, выяснив обстановку, нашёл, что убивать сейчас нельзя, так как в этот день бог, который покровительствует в таких случаях душе убиваемаго, находится в отлучке, и что убить больного следует через четыре дня. Доводы показались вполне основательными. Больного не убили, и вот Гондатти, пользуясь своей аптекой и дорожной фляжкой коньяку, начинает пользоваться больного. К вели-

чайшей радости Гондатти, больной почувствовал облегчение, и уже на третий день родственникам было заявлено, что больной не может быть убитым. Больной выздоровел, и с этого времени слава Гондатти окрепла и его сверхестественная сила была признана чукчами.

Гондатти, посланный Царём оберегать чукчей от злых сил и оберегающий их так осязательно, укореняет в чукчах понятие о Русском Царе как об источнике блага, а потому имя Царя, только с 1894 года известное чукче, произносится с благоговением.

Немудрено поэтому, что повестка о праздновании Царского дня находит себе живой отклик у чукчей. К назначенному времени Гондатти одевает мундир, вешает на грудь своего единственного Станислава третьей степени, одевает для вящего эффекта даже кобуру с револьвером, шнур которого, играя роль украшения, даёт чукчам больше видимости. Казаки одеваются в новые мундиры. Всё в казарме чистится и прибирается. Перед образами горит лампада, и зажигается множество восковых свечей. Всё готово.

Валом вялят чукчи. Три казака сбиваются с ног, готова обед на 200—300 человек чукчей. Готовят в Царские дни рыбу и кашу. Назначенное время настало. Вся казарма переполнена чукчами. Гондатти, когда ему доложат, что всё готово, выходит из своей комнаты и объясняет чукчам причину и значение праздника. Все казаки, управляемые Гондатти, весьма стройно, в чем я лично убедился, начинают петь молитвы. Чукчи, видя всё это, слыша пение, о котором ранее не имели понятия, стоят, по рассказам казаков, не шелохнутся (музыка чукчам неизвестна. Чукотская песня — это подражание голосу нерпы и ея телодвижениям. Две девушки или парня становятся друг перед другом на один-два шага и, двигая, подобно лапам морского зверя, руками, издают хриплые гортанные звуки).

После молитв Гондатти возглашает Государю Императору «ура». Это «ура» подхватывается всеми чукчами, оглашает собою безмолвную тундру и, среди ея могильной тишины впервые стал раздаваться победный клик русского народа, произносимый во здравие его Державнаго Вождя.

После описаннаго парада начинается угощение. Особенно почетные старики-чукчи приглашаются стать с казаками. И Гондатти, а за его отсутствием его помощник Анкудинов, из собственных рук подносит казакам и вызванным к ним чукчам по чарке спирту. Все же прочие чукчи садятся за обед. Посуду чукчи приносят свою. Чинно, в полном порядке, подходят чукчи к котлам

и получают сварившуюся рыбу, кусок хлеба и кашу. Особенно любят чукчи кашу. После еды идёт чаепитие. В Царские дни всегда устраиваются атлетические игры.

По моей просьбе Гондатти во время моего там пребывания устроил эти игры, а потому я буду говорить о них как очевидец.

Второго августа посланный казак оповестил всех чукчей, что назначены игры. Нужно заметить, что чукчи очень любят быть на народе. Всё время они проводят в непрерывных разъездах по гостям. Зимой же, во время торжеств, оленные чукчи устраивают бег оленей: в этих бегах принимают участие несколько десятков нарт. Получить приз, которым служит берданка или винчестер, составляет гордость чукчи. Вообще чукчи большие спортсмены и относятся к спорту, как истые знатоки и любители. В то время, как посланный казак оповещал чукчей, я с Анкудиновым заготовили призы. Призов устраивается двенадцать: три для бега мужчин, три для бега женщин и по три для борьбы. В состав призов входят: кирпичи чаю, сахар, табак, зеркалаще, иголки, ножницы, чашки, котелок и прочие. Призы не равного достоинства: первый лучше и дороже. К назначенному времени на месте, предназначенном для игры, вбивается шесть кольев, на которые вешаются призы.

В два часа дня, когда мы с Гондатти пришли на место игр, там уже было множество чукчей. Отстали лишь носчики больных, но и те спешили не упустить зрелища. Призовых бегов и игр не пропустит ни старый, ни малый, ни больной. Больные, возседая на плечах здоровых, тоже спешили на зрелище. На этот раз было принесено четверо больных. Игры начались с бега. Мужчины, принявшие участие в беге, прямо из юрт направлялись к месту, с которого начинается бег. Это место отстоит от кольев, где он кончается, на три версты. Женщины же начали бег с расстояния не более трёх четвертей версты. У кольев группами расположились чукчи — это были судьи. Присуждение приза — дело чрезвычайной важности, и во всех сомнительных случаях, когда среди чукчей получается разногласие, конкурентам на приз предлагается повторить состязание. Женщины начали первья. В беге приняли участие семнадцать женщин, из коих две почти дряхлые старухи, остальные более или менее молодые. Выстроившись в шеренгу, они начали бежать одновременно. Бегут чукчанки некрасиво, так как костюм, составляющий одно целое от головы до пяток, очень неуклюж и стесняет движения. Первой прибежала молоденькая чукчанка. Нужно сказать, что чукчи, вообще, краси-

вы: высокие, стройные, с умными, выразительными глазами, они, с гордо поднятой головой, производят прекрасное впечатление. Чукчи по своей наружности не имеют ничего общего ни с гилеями, ни с гольдами. Это народ прекрасно развитой физически, из молодых же женщин есть прямо красавицы. Впрочем, я особенно не настаиваю на этом: понятия о красоте условны, но я, по крайней мере, нахожу, что победительница в беге 2-го августа, запыхавшаяся и раскрасневшаяся, подбежав к призовому столбу, была положительно красива. Призов, как я сказал, три, и преимущество первого победителя состоит в том, что он выбирает из них тот, который ему больше нравится. Но чукчанка, прибежавшая первой, взяла не первый приз, а третий, так как там было зеркальце, а кокетство не чуждо и чукчанкам. Взяв зеркальце в руку, она долго смотрелась в него и шептала «метеньки», то есть «хорошо». К чему относилось это «метеньки», к изображению ли, виденному в зеркале, или к самому зеркальцу, решить не берусь.

В то время как женщины разбирали призы, показались и бегущие мужчины. Отставшие шли шагом: не потерявшие надежду на приз, приближаясь к кольям, видимо, надрывали последние силы, и из тридцати состязавшихся добежали до призового столба лишь восемь человек, все остальные отстали на более или менее значительное расстояние.

Затем, тотчас по разборе беговых призов мужчинами, началась борьба между женщинами. Чукчанка лет тридцати, огромного роста, полногрудая, с сильно развитыми формами, вышла вперед и села на корточки, поджидая противницу. Долго сидела исполн-баба, никто не решался противостать этой чукотской Кунигунде. Но всему бывает конец, а честолюбие свойственно и чукчам: победить великаншу было заманчиво. Выискалась рослая и, по-видимому, сильная противница, и между ними завязалась борьба. Но великанша скоро отшвырнула соперницу в сторону и села на неё верхом.

Сесть верхом на побежденного — есть обязательный акт, свидетельствующий беспорную победу. Для этого дозволяются все средства, исключая употребления каких бы то ни было приспособлений, как, например, смазывание кухлянки салом, отчего скользят руки. Такие вещи считаются мошенничеством. В каком бы положении противник не был, но пока победитель не посидел на нём верхом, борьба считается неоконченной и продолжается до тех пор, пока не завершится сказанным актом. На смену побежденной тотчас явилась другая соперница, которая вскоре очутилась под

верхом у первой. Победительница торжествовала, и в то время, как она гордо расхаживала по арене, чукчанка, получившая приз за бег, отложила зеркальце в сторону и жадно наблюдала за великаншей. Выступила третья противница, которая, хотя также была побеждена, как и ея противница, но долго боролась, и великанша, поборов трёх противниц, почувствовала утомление. Лишь только третья противница, сконфуженная, смешалась с толпой, как победительница на бегах немедленно вышла на арену, и не успевшая отдышаться от предыдущей борьбы великанша была обвита руками молодой чукчанки. Разчёт был верен, и борьба с уставшей великаншей была выиграна. Ловкость девушки была необычайна: подставив ножку, она опрокинула свою соперницу и с быстро-то кошки уселась на неё верхом.

Гул одобрения прошёл в толпе чукчей, и торжествующая чукотская красавица получила первый приз за борьбу.

Борьба мужчин продолжалась долго и упорно. Мужчины борются полунагие. Борются истоиво: спины, царапаемые ногтями, конечно, неумышленно, скоро покрываются кровью. Кровь размазывается по всему телу, и вид крови, как мне кажется, удешевляет энергию борцов. Зрители принимают живейшее участие в исходе борьбы. Всякая заинтересованная сторона понукает ослабевающего ободряющими криками. Глядя на зрителей, видишь, как они переживают каждый момент борьбы. Голосом, самыми выразительными жестами они выказывают своё душевное волнение. Одолевает борец противника, и чукча сторожит вероятного победителя, вытянув шею, нервно дёргает руками и говорит: «Тань-тань», то есть «ещё, ещё — ну!»

В Царские дни, как я выше сказал, обязательно устраиваются эти игры. На них сохраняется отменный порядок, и никогда не бывает никаких недоразумений.

Я остановился на том, что первые две комнаты были переполнены чукчами. Этот день, как я убедился впоследствии, не составляет исключения. С раннего утра и до поздней ночи чукчи толкуются в казарме, и Гондатти это любит и этому покровительствует.

ГЛАВА VI. ЖИЗНЕННАЯ ОБСТАНОВКА Н. Л. ГОНДАТТИ

Я шёл, как было выше сказано, на званый обед. Обед готовился. На плите жарилась рыба, пеклись фаршированные рыбой же пирожки, но сковородка, на которой они жарились, была треснувшая, и масло, вытекая со сковороды, падая на раскалённую камен-

ным углём плиту, наполнило всё помещение смрадом. Выпекавшийся в русской печи хлеб дополнял кухонную атмосферу.

Кое-как пробравшись сквозь толпу чукчей, я пошёл во вторую половину, где помещаются казаки.

Снимая пальто и калоши, я рассматривал обстановку этой комнаты. Оклеенная газетной бумагой, с кое-где развешенными картинками из иллюстрированных журналов и фотографическими снимками, эта комната тускло освещалась двумя крошечными оконцами. Нары вдоль одной стены, стол у другой, образа, поставленные в киот, перед которым теплилась неугасимая лампада, и пирамида с ружьями Бердана, револьверами Смита и златоустовскими пашками исчерпывали всю обстановку этой комнаты.

Маленькая, оклеенная газетами дверь вела в собственное помещение Гондатти. Не без некотораго волнения открыл я эту дверь. Помещение Гондатти состояло из одной комнаты, длина и ширина которой одинакова: восемь аршин. Эта комната, равно как и помещение казаков, оклеена газетами, освещается двумя крошечными, не более двух вершков, окнами, между которыми устроена досчатая стенка, отделяющая кровать Гондатти от кровати его помощника Анкудинова.

Посреди комнаты стоит старая, совершенно выгоревшая железная печь, около двух аршин длины, один аршин ширины, в поларшина высоты. Железная труба, также выгоревшая и заржавевшая, густо замазанная на стыках глиной, была пущена по комнате в два колена, предназначаясь для вящего нагревания комнаты. Мебель состоит из двух столов, не более полутора аршина длины и одного аршина ширины, предназначенных для письма, одного, меньших размеров, стола, служащего обеденным, двух кроватей, трёх складных стульев, кассы для денег и четырёх сундуков для письменных дел, книг и кое-каких вещей.

В момент моего прихода вся комната была завалена пятью почтовыми сумами, полученными от меня накануне, из коих три были уже раскупорены и разобраны, а две ожидали своей очереди. Масса пакетов, посылок, книг были разложены на сундуках, кроватях, стульях, столах.

Гондатти, когда я взошёл, писал, весь заваленный казёнными бумагами да отчётными книгами.

Дни стоянки парохода являются истинной каторгой для Анадырского окружного начальника. Пароход привозит за целый год почту. Получив всё сразу, сразу же надо и ответить. От Гондатти требуются различные сведения, к нему посылаются все циркуляры,

все распоряжения, имеющие, так сказать, повсеместное значение. Немудрено поэтому, что Гондатти за те двенадцать дней, которые я провёл на Анадыре, не спал ни одной ночи. Нет, виноват, две ночи он, к счастью для него, спал, но на то были особые причины, именуемые в законе «непреодолимыми препятствиями».

Но не буду предвосхищать события.

Николай Львович Гондатти встретил меня ласково и приветливо. Мне сразу, когда я присел, бросилась в глаза груда писем, груда телеграмм со штемпелями: «Санкт-Петербург», «Москва», «Париж», «Нью-Йорк», адресованных ему лично. Эти письма ещё не были распечатаны, тогда как на полу уже валялась масса разорванных пакетов, помеченных номерами и снабженных казенными печатями, а вынутые из них бумаги уже имели пометки с номерами входящего журнала Анадырского окружного полицейского управления. Я не мог удержаться, чтобы не высказать своего удивления по поводу того, что Гондатти, не читая своих личных писем, набросился на канцелярския бумаги. «Эх, батенька, — сказал Гондатти, — страшно хочется почитать эти письмеца, да разве могу я это сделать? Ну, возьмите хотя бы вот это письмо — оно от моей сестры: видите, какое толстое! Представьте себе, что оно, это письмо, принесло мне недобрья вести? Ведь нервы, какие были, за два года кочевки по тундре немного истрепались. Разве я могу поручиться, что я не разнежусь? А вот письма от моих друзей, ныне профессоров университета...» «Нет, — заключил он, — *Les affaires avant tout*. Я, во-первых, не хочу, чтобы столоначальник областного правления сказал, что Гондатти не исполнил такой-то бумаги и тем остановил всю машину его стола, а во-вторых, от этого парохода зависит все наше годовое существование: мне же нужно выгрузить, проверить и разсортировать весь товар, а это, как увидите, не так легко. Ведь вы же видите, что я один. Не подумайте однако, что кто-либо из моих сотрудников, спешил оговориться Гондатти, не помогает мне: у нас во время стоянки парохода, у всякого своё дело, даже наши собачки и те будут не без дела»...

Когда Гондатти говорил все это, в комнату вошёл командир парохода. Стали накрывать на стол. Подали солёные бруснички, консервированное масло, хлеб и шесть редисок. Эти редиски, выращенные в этом году после многих хлопот на Анадырском лимане, были единственною, как говорил мне Гондатти, его радостью за два года. Нужно ли говорить, с каким чувством мы, став закусывать, взяли эти редиски, оказавшиеся очень вкусны-

ми и сочными. Эти редиски были первым растением, взрощенным человеком на Анадырском лимане. Подали уху, сваренную из отборных частей чавычи, преимущественно молоко и головки; к ухе подали горячие пирожки.

Во время обеда Гондатти и Анкундинов восседали на сундуках, а нас, пароходных, как гостей, посадили на складных стульях. Командир парохода, много слышавший о Гондатти ещё во Владивостоке, был очень изумлен его обстановкой. Хотя он из деликатности ничего не спрашивал, но недоумение, светившееся в его глазах, было очевидно и всем понятно. Выпив же изрядное количество коньяку, наш моряк сделался смелее и спросил Гондатти, как он, русский губернатор Анадырского края, живёт так мизерно?

На это Гондатти сказал датскому капитану, что эта его резиденция — временная, главная же его квартира находится в Маркове, в восьмистах верстах отсюда, и что там у него и дом, и мебель, и всё необходимое. Это объяснение совершенно удовлетворило иностранца.

На второе блюдо подали жареную рыбу, и обед был запит двумя бутылками «редерера».

Тотчас после обеда, выпив стакан чаю, Гондатти, извинившись перед нами, гостями, уселся писать, а мы с командиром отправились погулять. При наших беседах выяснилось, что факт выноса с парохода спирту уже известен капитану, и он сказал, что им приняты все меры, чтобы это не повторилось. Я поблагодарил.

Разговаривая, мы подходили к юртам чукчей. Возле одной юрты, в кружок, на животах, лежала группа чукчей, человек десять. Манипуляции этой группы были какия-то особенные. Мы с капитаном подошли. Зрелище, увиденное нами, было достойно кисти художника. Оказалась, что чукчи ухитрились-таки достать бутылку спирту. Драгоценную влагу моментально выпили. Но запах спирта в бутылке был, и мы застали чукчей, поочередно с неопишуемым наслаждением нюхающими бутылку. Право нюхать и время, даваемое на это право, было разделено по-братски. Никто не нюхал более положенного срока. Но зато тот, до кого доходила очередь, нервно дрожал в ожидании хоть носом изведать желанную, но, увы, запретную жидкость. С мольбой, не поддающейся описанию, старик-чукча, указывая на бутылку, знаками выяснил мне своё страстное желание выпить... Мольба чукчи была так заразительна, он, видимо, так желал выпить, что я решил удовлетворить страстной просьбе старика. Мне нужно было кое-что сделать

на пароходе. Капитан знаками и голосом требовал шлюпку, но его, видимо, не слышали. Я предложил капитану отправиться на байдаре, а чукчам, нюхавшим бутылку, объяснил знаками, чтобы они достали байдару и свезли меня и капитана на пароход, и обещал, знаками же, что дам им выпить. Мгновение, и байдара была близ берега. Меня и капитана на руках внесли в воду. Восемь чукчей сели на весла, и наша байдара с быстротою парового судна пристала к трапу. Капитан, и сам заинтересованный, охотно дал мне бутылку спирту. С бутылкой и рюмкой в руках я вышел к борту и, показав чукчам, пригласил их на пароход. С быстротой, точно спасаясь от смертельной опасности, чукчи стали выскакивать из байдары на трап. Но трап был узок: двум человекам не пройти, а потому двое задних не могли выждать своей очереди и полезли на пароход по спущенным с борта верёвкам. Ближе всех стоял ко мне старик, просьба которого так меня разжалобила, и я дал ему рюмку в руку. Не думаю, чтобы кто-нибудь когда-либо ожидал чего с таким страстным нетерпением, как ожидали чукчи, пока я вынимал из бутылки пробку! Но вот пробка вынута: облизываясь, смотря на меня необычайно масляными глазами, бурча мне какая-то чукотския ласковые слова, подставил старик-чукча рюмку, и я её наполнил спиртом. С величайшей бережностью, поддерживая доньшко левой рукой, поднес чукча рюмку ко рту и начал медленно, испытывая, вероятно, неопишное наслаждение, пить. Втягиваемое он, однако, не проглатывал тотчас, а некоторое время держал во рту. Наконец в рюмке осталось лишь несколько капель спирту, и я хотел было взять рюмку, но энергичным жестом правой руки чукча отстранил меня, а левой в то же время вынул из-за пазухи кожаный мешочек и, вытащив оттуда несколько листочков табаку, вылил оставшиеся капли на табак.

Табак, смоченный каплей спирту, уже не употребляется для обычного назначения — курения или жевания. Эти драгоценные листочки чукча в течение долгаго времени нюхает, когда же запах спирту изсякает, то отсутствие его дополняется воображением и сознанием, что хотя теперь нет запаха, но было то блаженное время, когда эти листики табаку услаждали обоняние чукчи. Такие листочки, как нечто заслуженное, долго сохраняются у чукчи, служа ему источником самых сладостных воспоминаний. Все другие чукчи, так же как и первый и с таким же наслаждением, выпивали свои порции, а остававшиеся в рюмке капли выливали на табак.

Наконец уже все чукчи обнесены, но они переминаются и, видимо, желают выпить ещё. В бутылке оставалось ещё несколько капель, но раздавать по второй рюмке было нечего. Я показал, чтобы они открыли свои мешочки с табаком, и стал по очереди вливать туда спирт. Последнему из чукчей досталось много: когда я наклонил бутылку вертикально, то оттуда сразу вылилось так много спирту, что часть его пролилась на борт. На эти пролитые капли чукчи бросились так же, как близ мясной лавки собаки бросаются на капли крови. Владелец же последнего мешочка, видя, что спирт протекает на пол, стал сосать мешок, ни мало не смущаясь, что сосет спиртовую вытяжку табака.

После этого старик выпросил у меня пустую бутылку и, размахивая ею, как победным трофеем, сошёл с парохода и сел на парус у байдары, следом за ним сошли с парохода и все мои гости. Вид бутылки, которую старик держал в руке, обратило внимание всего поста. Со всех сторон бежали чукчи к месту причала байдары. Бутылка великодушно была уступлена другим, а все побывавшие на пароходе и угощенные мною стали, как казалось с парохода, целоваться с береговыми. Это выпившие своим дыханием, имеющим некоторый запах спирта, угощали не выпивших. Этот обычай, как мне говорили, всегда соблюдается чукчами.

Было уже два часа дня, когда чукчи уехали с парохода. Команда, исключая вахтенного, улеглась отдыхать. Дело, за которым я приехал, было исполнено. Скучно на корабле. Пронизывающий холодом ветер, начавшийся с утра, погнав тучи, которые нависли над самой землей. В воздухе стояла какая-то мгла. Стал накрапывать дождь. Тоскливо кричали чайки, сердито шумели андырския волны. Страшная тоска одолела меня, и я решил во что бы то ни стало съехать на берег и отправиться к Гондатти.

Лишь около семи часов вечера мне удалось получить шлюпку, съехать на берег и прийти в казарму. Когда я вошёл в комнату Николая Львовича, в ней царил полумрак. Сырой ненастный день заставил, несмотря на июль месяц, затопить железную печь. Эта печь, затопленная каменным углём, не имея к тому никаких приспособлений, наполнила всю комнату дымом и смрадом. В чаду от дыма чугунок и от смрада плиты, на которой жарилась рыба, сидел Николай Львович и записывал во входящий журнал поступившие бумаги. Эта атмосфера делалась для меня невыносимой. Но Гондатти невозмутимо разбирал бумаги. На моё замечание, как он может выносить такую атмосферу, он сказал: «Что вы, батенька, ведь это же благодать: зимою — ну, действительно не

важно. Теперь можно и пройтись: одет легко, члены не костенеют, дышишь свежим воздухом, питаешься свежей рыбкой. А вот когда вы уедете, у нас пойдёт на зиму. Пойдёт по Анадыру пуга, начнутся северные ветры, выпадет снег и наступит наша анадырская зима. В октябре месяце мы уже занесены снегом, а в ноябре наступают пятидесятиградусные морозы и начинаются пурги... Тогда — да!.. Теперь вот топится камин: правда, хоть и дымит, но зато тепло. А зимою целый день мы его топим, целый день обретаемся в дыму и смраде, но наша хата, как изволите видеть, сквозит со всех сторон, хотя для порядка и обложена дёрном. И вот по целым дням мы топим чугунок, но никогда не случилось, чтобы мы нагнали тепла более семи градусов, и то к вечеру. С момента появления снега мы облакаемся в двойную кухлянку и никогда уже за всю зиму не снимаем её. Состояние скверное: что-либо делать нельзя, ибо костенеют руки. Писать, например, руками совсем нельзя, а так как человек ко всему применяется, то я в экстренных случаях пишу зубами (?). Мы заканчиваем наш зимний день чаепитием. Вы не можете себе представить, какое удовольствие держать в руках горячий стакан чаю! Но когда мы пьём чай, то сидим точно в облаках и друг друга не видим. Вся комната наполняется густым паром, при котором меркнут свечи и лампа. После чаю мы ложимся спать. Кухлянок, торбасов, конечно, не снимаем и, кроме двух песцовых одеял, закутываемся несколькими медвежьими шкурами. Тяжело было, по первоначальному, засыпать под такой грудой. Да иначе нельзя... Когда мы уляжемся, скоро погасает чугунок. Бывшее во время его топки тепло скоро улетучивается, и часа через два-три температура наружного воздуха и температура помещения окружающего начальника почти уравниваются. Стены жилья, звериные шкуры, под которыми мы лежим, покрываются инеем, а иногда и ледяными сосульками. Греемся собственным дыханием, вдыхая миазмы от звериных шкур, ибо высунуть из-под них голову нельзя: это сопряжено с риском отморозить нос и уши...»

«Я, — продолжал мне свою повесть Гондатти, — когда читал “Хозяина и работника”, подумал, что Толстой побывал на Анадыре и лично испытал те грезы, которые являются застывающему человеку. Случается, что в наши лютые зимние ночи и я вижу, что хочу пойти, но мои калоши пристали к полу, и я не могу двинуться... Проснёшься и видишь, что нога высунулась из-под шкуры и начала стынть. Самоварчик наш, вечерний, если мы его оставим с водой, замерзает за ночь так, что вся вода превращается

в сплошную глыбу льда. К утру наша казарма по своей температуре почти не отличается от тундры. Скверное чувство подыматься с постели: как-никак, а под бесчисленными шкурами согреешься... А тут сразу на мороз. Ну, да один мороз ещё не беда, а вот как пойдёт дело на пургу, тогда ещё хуже. Здешние пурги бывают по три, по четыре недели сряду. Мы поэтому всегда готовы: у нас тут же в казарме склад льда для воды, дров для подтопки и каменного угля для топлива.

Наша пурга в какие-нибудь 6—10 часов заносит всю казарму до окон. Если она началась с вечера, то к утру мы лишь по часам узнаем, что должен быть свет, ибо окна заносятся огромным слоем снега, который, утолщаясь с каждым часом, доходит через два-три дня до двух-трёх саженей толщины. Три дня пурги абсолютно лишают нас света, и у нас в течение нескольких недель горят неугасимые лампы. А в прошлом году случилось, что все наши часы испортились, и мы различали день от ночи по догадкам. Выйти из казармы, безусловно, нельзя, и бывали случаи, что вышедший отойдя от казармы несколько шагов, особенно ночью, в случае перемены ветра, заблуждался, и приходилось принимать чрезвычайные меры к розыску заблудившегося. Так мы пургу и сидим, не видя света, не дыша свежим воздухом, в течение трёх-четырёх недель».

Пока Николай Львович повествовал мне о зимних годах Чукотской земли, в казарме становилось темно. Подали лампу: лампа, бывшая когда-то хорошей, была подана с отколотым стеклом. Огонек маленький, а когда я попробовал прибавить его, то лампа закоптила. «Нет уж, — сказал Гондатти, — вы лучше не троньте: сейчас подадут свечи». Подали две свечи, и в комнате стало светло.

А в казарму, между тем, стали собираться казаки, в кухне готовился ужин как для казаков, так и для Гондатти.

Кухонный смрад делался ощутительным, казачьи дети, числом пять, укладываемые матерями спать, подняли ужасный плач.

Этот плач детей, убаюкивание их матерями, говор казаков и чукчей, перебранка между двумя казачками из-за разбитой тарелки были слышны в помещении Николая Львовича так же отчётливо, как если бы весь этот гам и шум происходил тут же, у самого уха.

Гондатти, однако, это не беспокоило. Живя в такой обстановке два года, он привык и к плачу детей, и к стону больных, и к перебранке горластых казачек.

ГЛАВА VII. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОНДАТТИ В ДНИ СТОЯНКИ ПАРОХОДА

Подали чай. Выпив два стакана, Николай Львович сел заниматься. К нему поступила масса бумаг. Одне бумаги уведомляли его о высылке таких-то вещей и денег, другими запрашивалось о количестве чинов запаса, пребывающих в Анадырской округе, третьими требовался розыск бежавших солдат, розыск уклоняющихся от суда и следствия.

Почта, полученная Гондатти, была различного сорта: в пост-пакете на имя анадырского окружного начальника находилась корреспонденция, адресованная на Командорские острова, в Гижигу и в Херсонскую губернию. В числе полученной почты находились пакеты со штемпелем 1891 года. Владивостокская почтовая контора прислала также и ту повестку, которою в прошлом году Гондатти приглашался прибыть в контору за получением присланного на его имя пакета на 125 руб. Не имея возможности прибыть во Владивосток лично, Гондатти доверил получение пакета одному лицу, но когда это лицо пришло получить пакет, то оказалось, что пакет за неприбытием адресата в шестимесячный срок отправлен обратно. Отправив пакет обратно, Владивостокская контора сочла нужным надписью на повестке уведомить о сем Гондатти. Нужно заметить, что Анадырское окружное полицейское управление есть в то же время и почтовое отделение. Гондатти разбирал бумаги, а я, посидев немного, стал откланиваться. В сопровождении четырёх казаков, порученных мне в перевозчики, я отправился на берег. Плыть до парохода нечего было и думать. Ветер, дувший, как я сказал, с утра, к вечеру усилился. Вечер был тёмный. Завывания ветра, аккомпанируемые грозным шумом моря, убили во мне решимость плыть на пароход. Я возвратился в казарму.

«Я так и знал, что вы вернётесь, — сказал Гондатти. — Ну, располагайтесь как хотите, а мне некогда».

Я взял книжку, но буквы мелькали у меня перед глазами, и я не понимал прочитанного: я весь был под впечатлением виденного и слышанного... В девять часов на два сундука, поставленные рядом, были посланы шкуры; их закрыли простыней, дали мне подушку, и я лёг. Спал я хоть тревожно, но все же спал, что же касается Гондатти, то он всю ночь не смыкал глаз. Эта бессонная ночь была по счёту вторая. Как сел Гондатти за бумаги с вечера, так и встал с места утром лишь для того, чтобы, умывшись, снова приняться за работу.

В этот, второй день нашей стоянки на Анадырском рейде, Гондатти решил начать разгрузку. Проработав полтора суток над бумагами, всякими накладными и коносаменами, он привёл в ясность весь груз, который прибыл, и сделал распоряжение, куда что класть. Это очень важно, ибо склад один, а половина груза идет в Марково. Сложив, что называется, без толку, разобраться было бы трудно, а время между тем не терпит. Если товар не отправить в Марково 2-го августа, то он не дойдёт по назначению.

В шесть часов утра стали подыматься казаки. Умывшись, напившись чаю, в половине седьмого утра они стали на молитву. Молитвы пелись хором и очень стройно. После молитвы старший в команде пришёл в комнату Гондатти с рапортом: рапорт был принят стоя. Выслушав рапорт, Гондатти отдал приказание сплавлять баржу к пароходу и начинать приёмку товара.

Баржа, буксируемая весельной лодкой, медленно потянулась по бухточке, а часа через два пристала к пароходу.

Нужно ли говорить, что причалить баржу к пароходу было делом очень нелегким: в то время как баржа плыла, ясная, тихая погода сменилась ветром, задувшим с моря. Река, встречая противный ветер у самого устья, делается бурлива. Когда явилась возможность приступить к разгрузке, то волнение усилилось до того, что погружать муку, как то приказал Гондатти, было нельзя: баржа захлестывалась волной. Стали сгружать каменный уголь и ящик с посудой, железом и прочими, не боявшимися подмочки товарами.

К вечеру, часам к пяти, баржа пришла вторично. Стало тихо, и баржа погружалась мукой. Грузят на баржу при приёмке товаров с парохода никак не более пятисот пудов, большее количество было бы слишком трудно выгрести.

Нагруженная баржа собиралась отчалить от борта.

Капитан парохода попросил меня непременно пригласить Гондатти на пароход «тринкен ейн вениг те унд ейн вениг вайн». Я исполнил усердную просьбу капитана и написал Гондатти письмо. Около восьми часов вечера на чукотской байдаре прибыл Гондатти. Входя на пароход, он объявил, что пробудет на пароходе не более часу. Сервировали чай, были поданы консервированные фрукты, вино и шампанское.

Но пока мы в кают-компании пили чай, погода свежела. Пароход слегка качнуло: толчок повторился ещё и ещё. Качка делалась сильнее, и над Анадырским лиманом стала разыгрываться настоящая буря. Гондатти, несмотря на огромные волны, которые,

яростно разбиваясь о пароход, обдавали брызгами всю палубу, хотел съехать на берег, но командир сказал: «Гондатти! Я старый и опытный моряк. Послушайте меня: теперь никакая шлюпка не выгребет и, кроме того, Вы на судне, и я не разрешаю Вам сойти с трапа». Гондатти покорился необходимости.

А буря между тем крепчала. Пароход начало швырять так серьёзно, что командир, памятуя многочисленныя мели и камни на фарватере Анадырского лимана, приказал бросить в воду второй запасный якорь. Но этого оказалось мало. Рёв ветра, свист его по корабельным снастям, грозный шум разъярённого моря были так внушительны, что даже капитан, выдавший за сорок два года своей морской службы всякие виды, нашёл нужным прибегнуть к чрезвычайной мере: пароходу, стоящему в гавани, было приказано развести полные пары, а вся команда была поставлена на вахту.

Буря, сопровождаемая сильнейшей качкой парохода, продолжалась около двух суток. Моряки в один голос говорили, что они нигде в мире не видели такой реки и такого лимана, и что они предпочитают любой шторм в открытом море, чем якорную стоянку в Анадырском лимане. Я же благословляю судьбу, пославшую эту бурю: эта буря, задержав Гондатти на пароходе сорок часов, дала мне возможность беседовать с ним, а эта беседа дала мне тот материал, из которого составлена моя настоящая книжка. Что же касается Гондатти, лишённого всякой возможности возвратиться к своим делам, то ему эта буря дала возможность проспять две ночи. Эти две ночи, проведённые им на пароходе, были единственными из всех двенадцати, которые он спал во время стоянки парохода.

На пятый день нашей стоянки уже стояла прекрасная погода, и пароход продолжал безостановочно разгружаться. Баржи успевали по три раза в день доставлять товар с парохода в склад. Работа кипела. Дошла очередь и до груза, купленного согласно просьбы Гондатти у одной видной на Амуре фирмы. В составе этого груза входили различныя материи, различныя колониальные и москательные товары.

В этот день я пришёл к Гондатти около двух часов дня. Тюки с товарами, выписанными Гондатти, были только сгружены. Полученные тюки было нужно немедленно разсортировать, да, кстати, и проверить. Ящики и тюки стали вскрывать. Каково же было моё изумлению, когда в тюках попеременно с товарами оказались кедровые чурбаны, из коих один был более одного пуда весом. Все тюки, все ящики с маркой почтенной на Амуре фирмы оказа-

лись содержащими в числе товаров и дрова. Но, выслав дрова, фирма, на такое же количество по весу, не дослала товаров, и разница накладной и фактической погрузки выразилась довольно серьёзной цифрой, в несколько сот рублей.

Убыток в деньгах будет, конечно, восполнен, так как об этом грустном факте составлен узаконенный акт, который, будучи подписан всеми присутствующими, а в том числе и мною, представлен господину приморскому губернатору. Но суть здесь не в деньгах, которые на Анадыре не имеют значения: если товар не доставлен с пароходом, то достать его, безусловно, нельзя. К искреннему сожалению, в число недосланных товаров попали и такие, которые имеют первенствующее жизненное значение.

Этот грустный факт произошёл потому, что лицо, на котораго губернатор возложил наблюдение за заготовкой запасов для Анадырского края, доверилось торговой фирме. Торговая фирма доверилась рабочим, которые, затюковывая заказ вместо отпущенных товаров, положили дрова. Но, к счастью для Гондатти, по моём приезде во Владивосток оказалось возможным выслать ему в Гижигу всё, в чём он нуждался, а доставленный мною акт о вскрытии тюков и об оказавшихся там дровах принят заступавшим место губернатора Приморской области действительным статским советником Яковом Павловичем Павленко близко к сердцу, и, как я слышал, к выяснению причин этого случая и к примерному взысканию с виновных приняты, по распоряжению его превосходительства, самые энергичные меры.

На седьмой день нашей стоянки весь товар, высланный в адрес Гондатти, был получен и свезён на берег. Все запасы, заготовленные интендантством, оказались высокого качества и свидетельствовали о том, что всё было послано заботливо: даже мешки были новенькие, чистенькие. Все места мерою и весом соответствовали накладным.

Покончив с пароходом, Гондатти стал грузить баржу в Марково.

31-го июля в шесть часов вечера нагруженная баржа готовилась уже тронуться в путь, но тут встретилось непредвиденное обстоятельство. В ночь с 31 июля на 1 августа сильный ветер, задувший с моря, приостановил течение верхнего слоя воды. Бухточка, в которой стояла баржа, имеет свойство наполняться водою и мелеет периодически. В часы прилива она полна водою и судноходна, в часы отлива она мелеет, делаясь к концу его совершенно сухой. В эту ночь бухточка неожиданно наполнилась водою, которая, подхватив баржу, понесла её на якорный стержень, пробивший

ея дно. К счастью, Гондатти не спал. Авария баржи была тотчас замечена, и началась поспешная её разгрузка.

Нужно сказать, что в первый же год пребывания Гондатти в Анадырском крае, баркас, на котором он плыл в Марково, сев на камень, потерпел крушение. Много вещей и денег погибло тогда у Гондатти, а он сам, пробывши несколько дней в мокрой одежде, сменить которую было нечем, проболел и был готов, как он рассказывал мне, отправиться за доктором Гринивецким, похороненным на пустынном берегу Анадыра в 120 верстах от устья реки.

На могиле первого анадырского начальника ныне попечением Гондатти сооружён памятник.

В числе вещей, погибших в это крушение, находились, между прочим, различные научные инструменты, фотографические принадлежности, а главное — погибли заметки Гондатти о его путешествиях на Новую Землю, на устье Оби, на остров Цейлон, в Ост-Индию, Китай, Японию и Америку, которые он совершил с научною целью по поручению различных учёных учреждений, и которые он собирался издать.

На этот раз случилось почти то же. На самое дно баржи был нагружен каменный уголь и железо. На уголь были поставлены сундуки с письменными делами, с вновь полученными фотографическими принадлежностями, материями и прочим. Мука, соль, сахар, чай, к счастью, были сложены наверху, а потому обильно полившаяся в пробоину баржи вода подмочила всё, кроме съестного.

Когда я подошёл к казарме, то увидел возле казармы и в казарме развешенные для просушки подмоченные материи, разложенные мокрые книги и бумаги. Не скажу, чтобы Гондатти был опечален этим событием. Его, как мне кажется, ничем нельзя вывести из его обычного настроения. Дрова ли вынимают из тюков, он острит над догадливостью и предупредительностью купцов, знающих, что на Анадыре дров нет и любезно восполняющих этот недостаток.

Баржа разбилась, и товаров попортилось не менее как на шестьсот рублей, но Гондатти, даже и работая с казаками плечо в плечо, находил возможным острить: выписал он себе чёрные часы за сорок рублей, которые показывали фазы луны и дни месяца и недели. Держа часы в руках, он наблюдал за обильно стекающей с них водой и балагурил: «Вот, законы гигроскопичности на Анадыре можно изучить основательно. Посмотрите — маленькие часы, а как много забрали воды». А вода из часов так и струилась.

Камин топился во всю, но на высушку не было времени: 3-е августа есть крайний срок, в который можно отправлять караван в Марково. Едва просохшие товары и письменные дела вновь сложили в ящики и нагрузили в баржу, законопаченную лично самим Гондатти.

Вечером 2-го августа вторичная нагрузка баржи была закончена. В ночь с 2-го на 3-е я ночевал в казарме. В эту ночь, как говорил Гондатти, он должен был закончить служебные дела, а на другой день приняться за свои личные.

После вечерней молитвы казаков и рапорта старшего Гондатти приказал поставить вахтенного на баржу, к шести часам приготовить собак и юколу для них, к половине седьмого приготовить завтрак, а в семь стать на общую молитву, после которой немедленно отваливать. До одиннадцати часов ночи в казачьей половине шли сборы, и Гондатти и эту ночь, так же как и все прочия, не спал ни одной минуты.

Я дивился силам этого человека, но, полагаю, сознание необходимости есть сила, удешающая обыкновенные силы человека. Не спавши, не переставая работать ни на одну минуту, он едва-едва управился с казёнными делами 3-го августа к пяти часам вечера.

А 4-е августа был конечный срок стоянки парохода в Анадырском лимане.

ГЛАВА VIII. ПОСЛЕДНИЙ СУТКИ НА АНАДЫРСКОМ ЛИМАНЕ. ЧТО СДЕЛАЛ ГОНДАТТИ В ЧУКОТСКОЙ ЗЕМЛЕ

3-го августа в пять часов утра послышался визг ездовых собак, ловимых с воли и привязываемых на барже. В половине шестого все уже были на ногах. На столе кипел самовар. За чаем Николай Львович давал наказ Анкудинову, отправлявшемуся начальником баржи.

Было видно в окно, как привязанные собаки, желая сбросить с себя алык и выбраться на волю, рвались и метались. Но алык крепок, и умные животные поняли, что им не сорваться. Положив свои мохнатые мордочки на борт баржи, они покорились своей участи.

Без пяти минут в семь часов перед командным образом были затеплены восковые свечи. Казаки приоделись в форму, надел форму и пашку и сам Гондатти.

Ровно в семь часов Гондатти доложили, что всё готово. Выйдя и поздоровавшись, Гондатти сказал: «Ребята, путь вам длинный, река бурная. Помощник у нас один Господь Бог, помолимся ему».

Запели «Царь Небесный». Обстановка, при которой с истинным чувством пелись святые мотивы, была такова, что, думаю, какой бы нации, какой бы веры, каких бы убеждений не попал сюда человек, но он проникся бы молитвенным настроением маленькой горсточкой людей, заброшенных в страну далёкую, в страну суровую и пустынную, в страну, в которой рассчитывать на чью либо помощь, кроме помощи «Жизни Подателя», трудно, а, пожалуй, и невозможно. Я, по крайней мере, никогда не забуду того могучаго впечатления, которое произвела на меня эта молитва полудикарей-казаков и русского учёнаго. Молились полчаса. С последним аккордом церковной песни «Под Твою милость прибегаем», Гондатти со словами: «Ну, дай Бог, в добрый час» приказал отваливать.

Порядок был изумительный. Всё делалось, точно разыгрывалось по нотам: пять минут и все были на местах. Вытянут якорь, поднят на борте флаг, и анадырская флотилия тронулась.

Мы с Гондатти проводили баржу до того места, где она, пользуясь попутным ветром, наставив паруса, скоро отплыла от нас настолько, что люди, сидевшие на барже, и собачки, предназначенные для бурлаческой службы, смешались в один темный контур, скользивший по поверхности реки. Скрылась баржа из вида, и мы с Гондатти возвратились обратно в казарму.

Казённые дела Гондатти ещё не были закончены вполне. Нужно было записать груду пакетов в исходящий журнал, нужно было исполнить кое-какия, второстепенной важности, бумаги (да не подумает читатель, что Гондатти делает всё сам потому, что кто-нибудь из его подчинённых ленился бы. Почтенный помощник Гондатти Василий Васильевич Анкудинов имеет свои специальные обязанности, заключающиеся, главным образом, в хозяйственной части. Гондатти очень ценит труд своего помощника и, насколько мне известно, вошёл с ходатайством по начальству о награждении Анкудинова за его примерную службу первым классным чином). Лишь в пять часов вечера 3-го числа Гондатти запломбировал кожаную почтовую суму и сказал: «Баста».

Но, покончив казённые дела, он не начинал ещё своих личных. Груда его собственных писем лежала ещё не распечатанной. Лишь в пять часов вечера начал он распечатывать и читать письма от своих друзей и от родных. Здесь начинается, так сказать, интимная жизнь Николая Львовича, говорить о которой, конечно, нельзя. Замечу, однако, что многочисленные письма были полны упреков, что он, оставаясь так долго в Чукотской земле, губит свое здоровье, губить свою жизнь.

Письма некоторых членов Императорского Антропологического общества при Московском университете звали Гондатти в Москву к его прежней деятельности. Они уведомяли его, что даже та казенная квартира при Политехническом музее, которая полагается учёному секретарю общества, не занята ещё и ждёт его. Гондатти был растроган такими знаками к нему внимания, но, поработав так долго, поработав так много в отдалённом уголке Приамурского края, видя воочию реальные плоды своей цивилизаторской деятельности, находя, что и в других странах необъятного Приамурья его деятельность могла бы быть не бесполезной, и, желая посвятить себя службе Приамурскому краю, он поручил мне доложить господину приамурскому генерал-губернатору Сергию Михайловичу Духовскому, что он, Гондатти, полюбил первобытные страны Приамурья и желает работать на благо их культуры и цивилизации.

Утро 1-го августа, день нашего отъезда, я и Гондатти встретили, не спавши ни одной минуты.

Ответы на письма, исключая весьма немногих, были написаны телеграммами.

В двенадцать часов дня был назначен отход парохода. К этому часу Гондатти приехал на пароход. Простился Гондатти с командиром, простился со мной и, салютуемый выстрелом из сигнальной паровой пушки, пальбою из ружей и револьверов, которую производили капитан, штурман, боцман и некоторые из матросов, Гондатти сел на шлюпку, а пароход стал медленно двигаться... Скоро Гондатти и его резиденция, Мариинский пост, скрылись из вида. Пароход с каждым оборотом приближал нас к странам, где трудами таких же деятелей, как Гондатти, ярко горит светоч веры и цивилизации и где, как заветную святыню, хранят имена тех самоотверженных деятелей, которые, пренебрегая голодом, холодом, пренебрегая самой жизнью, работая во имя блага родины, дали жизнь ответно пустынным странам.

Что же сделал в Чукотской земле Гондатти?

Как представитель русской власти, он через меня послал губернатору девять мешков пушнины, полученной в ясак с чукчей, народа, никогда никому никакого ясака не платившаго. Та пушнина, которую в XVII и XVIII веках вывозили казаки, не была ясаком — это была военная добыча случайных победителей.

Как администратор и цивилизатор он сделал то, что кровавые обычаи Чукотской земли заменяются обычаями народов культурных: безнадежных больных начинают лечить, в случае

недоразумений между чукчами вмешательство ножа или пули заменяется ныне обращением к гуманному и справедливому суду русского «капитана».

Перваго августа я лично видел, как с верховья реки, за четырёхста вёрст на двух байдарках приехали девятнадцать чукчей разбирать семейное дело, заключавшееся в том, что чукча, условившись проработать за свою будущую жену пять лет, обманом вывезя её из становища, через два года взял себе другую жену, не сказав ей, что уже имеет одну. Две обиженные семьи приехали искать защиты Гондатти от таких походов чукотского ловеласа. Гондатти присудил: чукче, не исполнившему условия, исполнить его и отработать ещё три года, а второй жене предоставить поступить по её свободному усмотрению.

Здесь важен уже самый факт, что чукчи по своей воле стали обращаться к компетенции русской власти.

Как земский деятель Гондатти урегулировал отчасти торговлю, и можно думать, что его проекты о поднятии экономического благосостояния будут осуществлены и проведены в жизнь.

Наконец, как учёный, он, изучив чукотский язык, проведя в среде чукчей целые месяцы, проник в тайну мировоззрения дикаря, что всегда составляло задачу науки.

Гондатти собрал колоссальную коллекцию черепов и различных частей скелета чукчи, имеющую значение для учёных исследователей. Он собрал полную коллекцию флоры и фауны страны, и та коллекция, которая пожертвована им в Хабаровский естественно-исторический музей, не составляет всего: это только ничтожная часть того, что собрано Гондатти. В так называемом «складе» самое большее место занимают ящики с коллекциями. Впрочем, не мне судить об учёной деятельности Гондатти, об этом он расскажет сам, когда возвратится.

Но возвратится ли когда-нибудь Гондатти, хватит ли его пошатнувшегося здоровья, чтобы провести в Чукотской земле ещё третью суровую полярную зиму, сказать трудно. Я же со своей стороны могу по этому поводу высказать в заключение своё искреннее и глубокое убеждение: останется ли Гондатти жив, сложит ли он свои кости в Чукотской земле, но его имя, его самоотверженная деятельность, очевидцем которой я был, составит гордость не только Приамурского отдела Императорского Русского географического общества, членом-учредителем которого он состоит, но оно составит гордость всех истинно русских людей, любящих своего Царя и Отечество.

ПОЕЗДКА В СЕВЕРНЫЕ ОКРУГИ ПРИМОРСКОЙ ОБЛАСТИ

В начале июня 1901 года военный губернатор Приморской области генерал-лейтенант Чичагов обратился к Приамурскому генерал-губернатору с представлением о командировании меня в его, губернатора, распоряжение, на что главный начальник края изъявил своё согласие.

13-го июня я прибыл в г. Владивосток, где и получил от генерала Чичагова поручение отправиться в северные округа Приморской области: Петропавловскую, Гижигинскую и Охотскую, причём, помимо дел административно-канцелярского характера, мне поручено представить описание своей поездки.

ГЛАВА I. ОТ ВЛАДИВОСТОКА ДО ПЕТРОПАВЛОВСКА. ПРИБЫТИЕ В ПЕТРОПАВЛОВСК

Прибывши в г. Владивосток 13-го июня, 14-го июня я получил все нужные бумаги и путевое довольствие и 15-го с разсветом думал уже выехать в северные порты на пароход Китайской восточной железной дороги «Гири», но «Гири» 15-го не ушёл, так как портовая комиссия, осматривавшая механизмы этого парохода, нашла его котлы в чем-то неисправными, и пароход, несмотря на развешанные по городу объявления об отходе его 15-го числа с разсветом, снялся с якоря только 16-го в двенадцать часов дня.

В момент выстрела крепостной полуденной пушки, на «Гирине» заработала паровая лебедка, тащившая якорь, и пароход тронулся.

Погода в этот день стояла ясная, тихая, и мы, пассажиры «Гирин», имели возможность любоваться с палубы парохода дивною панорамой Владивостока с моря. Мы и не заметили, как дошли до Скриплева, а потом уже показался дикий, скалистый Аскольд, а за Аскольдом и безбрежное, безграничное море, тихое, зеркальное.

Пассажирских помещений на «Гирине», собственно говоря, нет. В кормовой части парохода под палубой отведена небольшая клетушка, разгороженная перегородками на три каюты: капитанскую, две пассажирских, между которыми крохотная кают-компания, где трудно и повернуться. На этот раз на «Гирине» было четверо пассажиров: заведывающий рыбными промыслами Приамурского края, Н. Я. Д., две акушерки: одна ехала в Камчатку,

а другая на Командорские острова; четвёртым пассажиром был я. Мы, пользуясь хорошей погодой, все сидели на палубе, хвалили море, любовались стадом дельфинов, резвившихся недалеко от кормы, в волне, которую оставлял за собою винт «Гирина».

Наши пассажирки, ехавшие на дальний север служить, имели смутное представление о той стране. Одна из них, молодая, интеллигентная, ехала на Командорские острова прямо из Петербурга, представляя себе эти острова поэтическим уголком, где слышен убаюкивающий плеск волны, где шумят зелёные рощи и где можно отдохнуть от петербургской суеты. Дикий остров, да ещё в далеком море, был в представлении молоденькой барышни настолько заманчивым, что она мирилась и с его безлюдьем, и с полной отрезанностью острова в осенние и зимние месяцы от всего мира.

Жаль, что едут в такие палестины, как Командорские острова, не узнавши, что острова эти — не более, как голая скалы, вечно окутанные туманами, что на скалах этих не растёт даже тощее дерево, не греет там солнце, а вечно, почти круглый год дуют пронизывающие ветры, а море не «плещет, не убаюкивает своей волной», а «ревёт и стонет», и этот яростный рев моря, густые туманы, холод да ветры встретят и проводят всякаго насельника того суровейшего уголка. Собираясь жить на Командорских островах, нужно это знать и быть к этому готовым, тогда, пожалуй, легче будет и жить там.

В шесть часов вечера, когда мы уже прошли Аскольд, позвонили к обеду. Обед и вообще всякая еда при однообразии морского путешествия играет в пароходной жизни столь крупную роль, что считаю не лишним сказать несколько слов о нашем продовольствии на «Гирине». Обед сервировался в кают-компании на восемь приборов: четыре прибора для пассажиров, три прибора для капитана, старшего его помощника и старшего механика, а восьмой прибор для жены капитана, прибалтийской латышки, ни слова не говорившей по-русски.

На стол подавалось множество тарелочек с закусками: солёной рыбой, кусочками колбасы, сыру, холодного мяса и проч.; тарелочек счётом много, но, собственно, закуски на каждой из них мало. Лишь только мы прожёвывали два-три кусочка какой-либо закуски, как услужливые бойки уже появлялись с тарелкою супу, еле прикрывающего дно тарелки, холодноватого, без кусочка мяса. Суп всегда безвкусный. Пять-шесть ложек супу — и китайцы несут уже второе блюдо, какую-нибудь разварную рыбу, чаще кэту или камбалу, непременно с картофелем,

подаваемым на особой тарелке, и всегда одним и тем же китайцем, у котораго, кажется, и нет другого дела, как подавать картофель. Рыбу сменяли мясные жаркия, два подряд, и тоже с неизменным картофелем. После жарких подавалось какое-нибудь сладкое, а затем в заключение подавался стакан чаю, банка фруктов и орехи. По такой карте ели два раза в день: в двенадцать с половиной часов дня и в шесть часов вечера, а в восемь часов утра подавался мясной горячий завтрак.

Кушаний счётом много, но всё подавалось в таких маленьких дозах, что, выйдя из-за стола, можно бы с не меньшим аппетитом пообедать или позавтракать и вторично. За продовольствие взымалось в пользу ресторатора 2 руб. 50 коп. в день. На амурских пароходах берут по 2 руб. в день, кушаний дают меньше счётом, кормят реже, но стол на амурских речных пароходах не в пример лучше, чем на морском пароходе общества Китайской восточной железной дороги.

Особенно дурно подавался чай. Воду на «Гирине», как и на всяком морском пароходе, держат в особых цистернах. На других пароходах эти цистерны, быть может, держат более чисто, и там, поэтому, и вода чище, но на «Гирине» цистерну цементировали несколько лет тому назад, и стенки цистерны стали ржаветь. Пресная вода, наливаемая в цистерну помпой, прямо со шлюпки, в которой, случается, плавают, и дно которой попирают ногами, но никогда не моют, грязна сама по себе, а, попадая в грязную цистерну, она уже делается помоями. Когда нет качки, то вода в цистернах хоть немного отстаивается, но эта же вода во время качки до такой степени грязна, что нужно особое мужество, чтобы решиться выпить на «Гирине» стакан чаю, да ещё приготовленного китайцами, которые засыпают чай прямо в холодную воду и ставят его кипятить вместе с водою; чай, заваренный таким образом рано утром, стоит на плите целый день и, понятно, он теряет всякий вкус, всякое подобие того чая, к которому привык русский человек. На «Гирине» вся команда, исключая командира, штурманов и механика, состояла из китайцев и корейцев. Командир и его ближашие сотрудники, правда, русские подданные, но хорошо говорят по-русски только трое, да и те англоманствуют, ругают всё русское и хвалят, хотя больше понаслышке, всё английское.

Не скажу, чтобы на этом русском пароходе было хоть что-нибудь русское, один флаг разве русский, да образ святителя Николая в кают-компании, перед которым накануне праздников китаец, срывающий листки отрывного календаря и отличавший праздники

от будней по красным и чёрным числам, неизменно зажигал лампадку, говоря, что этот «русский Бог — хороший Бог: огонь гори — шторма нет, пароход качай нет».

Зажег китаец лампаду перед образом и 16-го числа, в субботу, но на этот раз лампада не помогла: с одиннадцати часов ночи погода стала свежить, началась легкая качка, послышался заунывный свисток «Гирина», попавшаго в полосу тумана. Качка всё больше и больше, свистки всё чаще и чаще, и в крохотном пассажирском помещении послышались легкие охи. Пароход покренивает уже так, что багаж, кое-как сложенный, ещё не прикрепленный, стал ездить по каютам, а там звякнул об пол и неубранный во время стакан.

Море вступало в свои права.

Целую ночь маялись пассажиры, не привыкшие к качке, и охали, и стонали, и требовали мятвые капли, и натирали виски мигренными карандашом, но это, видимо, помогало мало. Позвали боя, потребовали коньяку с лимоном, этого радикального средства от морской болезни, но и коньяк не помог. Ветер всё свежее, волна больше, и винт от времени до времени стал работать в воздухе, заставляя дрожать весь корпус и наполняя ужасом сердца незнакомых с морскими штормами.

Прошла ночь. Утром тумана не было, но небо заволокло тучами, и над морем нависла какая-то мгла. Качает, но слабее. 18-го июня рано утром вошли в Сангарский пролив, отделяющий Мацмай от Иезо. Показались японские острова. Около четырёх часов вечера показался Хакодате. По всем направлениям снуют японские суда и парусные, и паровые. Жаль, что идём мимо Хакодате: очень хотелось бы побывать в этом большом торговом японском городе и познакомиться с жизнью здешних японцев, которые сохранили ещё свою самобытность и живут по заветам старины. Но мы идём мимо и, поворачивая всё более и более на северо-запад, выходим из Сангарского пролива и попадаем в безпредельный океан.

Неприветливо он встретил нас. Свежаго ветра не было, но по океану ходила мертвая зыбь, не страшная, если она идёт прямо на нос судна, но страшная, если она хлещет о борты. Мы попали как раз в бортовую зыбь, и она дала себя знать. Вспомнили мы штормик в ночь на 17-е, пожалели о нём и желали скорее ветерка, да посвежее.

19-е и 20-е мы шли к северу вдоль японских островов, и чем дальше мы подвигались к северу, тем море делалось оживлённей.

В разных направлениях видны стайки морских птиц. То подлетит к пароходу, то отлетит от него какая-либо птичка, понадеявшаяся на свои силы и залетевшая в море дальше, чем следовало.

Удивительно доверчива птица, приютившаяся на отдых в каком-либо уголке парохода. Её, видимо, совсем не смущает ни движение людей по палубе, ни стук машины, ни скрип всего корпуса парохода, борющегося с морскою зыбью. И птица не даром верит людям: трогать отдыхающую птицу моряки, какой бы они нации не были, считают грехом. Первое время нас занимало, когда к пароходу подлетает стайка птиц. Долго она кружится около парохода, то улетаая от него, то подлетая вновь, пока, наконец, вся птичья компания, набравшись духу, решается залететь на пароход. Идя вдоль японских островов, мы привыкли к пернатым пассажирам, и нас ничуть не интересовало, сидят ли птицы на мачте, сидят ли оне на веревках у борта. Другое дело, если залетит на пароход молодая утка, как это часто случалось на возвратном пути в конце августа и начале сентября. Утка не может сидеть ни на мачте, ни на веревках, а сядет на палубе, на самой дороге, и никому не хочет уступать своего места. Сидит молодой топорок: идёшь мимо него, а он уже шипит, хочешь взять его в руки, а он лезет в драку, и забавляешься с ним от скуки, пока надоест, а затем выбросишь глупую птицу за борт и любиешься, как она удирает, поминутно ныряя.

Морская пучина тоже не без жизни. То там, то здесь всплеснёт какая-то рыба, то проплывут, направляясь к северу, два-три морских котика. Котики, совершая свои путешествия, держатся почти всегда на самой поверхности воды, и когда они спят, то они ложатся на спину, а головы закрывают ластами и хвостом, так что спящий на волне морской котик похож на конверт. Мы, идя вдоль Японских островов и Курильской гряды, видели много котиков, направлявшихся, видимо, на лежбища.

20-го июня показались скалистые острова Курильской гряды, дикие, мёртвые, покрытые, несмотря на вторую половину июня, снегом. Было холодно в каютах, а на палубе даже мерзли ноги. В каюты пустили паровое отопление, но новыя трубы, проводивши текучий пар в каюты, раскалившись, наполняли их каким-то одуряющим смрадом, и вместо холода в каютах становилось так душно, что, хотя-нехотя, приходилось выходить на палубу и мерзнуть на пронизывающем северном ветре. На палубе можно было и простудиться, а могло обойтись и благополучно, но оставаться в каюте — это обречь себя на верную головную боль.

Шестыя сутки мы были в море. И чем больше плыли, тем больше хотели скорее добраться до Петропавловска. Острова, наконец, не стали видны, чем больше мы удалялись от островов, тем меньше было жизни в море: не залетали уже к нам птицы, не видны были всплески рыб. Кругом, как видит глаз, море — серое, солёное, скучное, всё время качает, всё время холодно и всё время шипит в трубах текущий пар, делая невыносимым, по крайней мере для меня, пребывание в каюте.

22-го июня к вечеру ветер стал свежить, а 23-го июня, с четырёх часов вечера, когда мы были милях в ста от мыса Лопатки, мы попали в жестокий шторм.

По морю ходили не волны, а целые горы, между которыми зияли пропасти. Бедный пароход, вздрагивая, то подымался на гребень волны, то стремительно летел вниз, черпая воду и носом, и бортами, а винт, почти всё время работая в воздухе, не только не давал ходу, но первое время пароход держался почти на нуле, а затем, 24-го июня, с десяти часов утра и до пяти вечера, когда шторм наиболее окреп, мы получили скорость при полной работе машины минус две мили в час, то есть мы шли не вперёд, а разбушевавшееся море гнало нас назад.

Нас трепало двое суток. Насколько силён был шторм, заставший «Гирин» вблизи Лопатки, видно из того, что командир военного транспорта «Якут», стоявшего на якоре в Петропавловской бухте, опасаясь, чтобы судно не выбросило бурей на берег, принял особые меры, рекомендуемые морским уставом для якорных стоянок во время особо сильных штормов. А мы ведь были в открытом море.

Но всему бывает конец, и свирепый шторм в семь часов вечера 24-го июня стих. Мы пошли вперёд, а 25-го к разсвету пришли на высоту Авачинской губы, и взошедшее солнце осветило нам чудные снеговые вершины камчатских красавиц-сопок: Авачинской и Коряцкой.

Кончились наши страдания, и мы радостно входим в Авачинскую губу. Справа от нас Петропавловский маяк, а там показались за створами бухты и камни: «Три брата», «Монах» и «Бабушка». Показалась Сигнальная гора. Ход всё меньше и меньше. Мы вошли в Петропавловскую бухту. Вот и якорь отдали.

В Петропавловске ожидали, что на «Гирине» прибудет военный губернатор генерал Чичагов, и к пароходу, лишь стал он на якорь, подходили шлюпки, на которых восседали местные власти, купечество и даже простые обыватели. Причалил к «Гирину» и па-

ровой катер, на котором сидели командир «Якута», капитан 2-го ранга Н., и старший офицер, капитан 2-го ранга Е.

В Петропавловске, как и всюду в северных округах Приморской области, ждут пароход с нетерпением: пароход привозит и новости, и почту, и различные запасы, выписываемые из Владивостока. Лишь покажется пароход в створах Авачинской губы, как в Петропавловске все мальчишки кричат во все горло: «Пароход идёт!» и бьют при этом в сковороды и медные тазы. Все волнуются, все ждут от парохода чего-нибудь особенного, и это понятно, если принять во внимание, что в тех краях нет телеграфа, нет иного сообщения с остальным миром, как на пароходах.

На палубу «Гирина» один за одним стали подыматься петропавловцы, а мы встречали их. Начались взаимные приветствия, расспросы о том, что делается на Божьем свете, что делается во Владивостоке, Хабаровске и т. д. «Гирина» не привёз сенсационных новостей, редко привозят их и другие пароходы, но при всяком новом пароходе камчатский обыватель неизменно ждёт чего-нибудь особенного.

И прибывшие, и встречавшие прошли в кают-компанию поздравить пароход с прибытием: таков уж обычай. В кают-компании за лёгкой холодной закуской происходит первое знакомство с местными жителями, а затем, если пароход прибыл до заката солнца, то вновь прибывший в этот же день делает визиты ко всем тем, с которыми познакомился на пароходе. Визиты в Петропавловске, да и везде в северных округах, оригинальны.

Пришли вы к А., вам сейчас же предлагают обильное угощение, и вы обязаны попробовать и того, и другого. Предлагают угощение так радушно, да и самое угощение такое вкусное, что хочешь — не хочешь, отведаешь и того, и другого. От А. вы идёте к Б., но уже не один, а в компании с А.; у Б. тоже угощение и такое упрашивание гостя «покушать», что кушаешь и у Б., а затем идёшь к В., но уже в компании с А. и Б., и везде угощают. В конце-концов, вы делаете последний визит, и в вашей компании вы видите представителей всего петропавловского общества.

ГЛАВА II. РЫБНЫЕ ПРОМЫСЛЫ НА КАМЧАТКЕ И СПОСОБЫ ЗАГОТОВКИ РЫБЫ ВПРОК ЖИТЕЛЯМИ ЭТОЙ СТРАНЫ

Я недолго оставался в Петропавловске, ибо не мог упустить случая отправиться на «Якуте» к мысу Лопатке, а затем на западный берег Камчатки, рыбные богатства которой всё более и более

привлекают внимание японских рыбопромышленников, ежегодно снаряжающих к берегам этой страны целыя флотилии парусных шхун.

Говоря об этой поездке, я должен коснуться вопроса о рыбных и вообще морских богатствах Камчатки и о положении дела эксплоатации их. Этот вопрос, конечно, более основательно будет рассмотрен моим спутником по путешествию на «Гирина» и «Якуте» Н. Я. Домашневым, специалистом рыбнаго дела, но это едва ли лишает меня права также высказаться об этом предмете. Затрагивая положение рыбнаго промысла в Камчатке, я далёк от мысли предрешать этот важный вопрос, а я просто расскажу то, что видел, что слышал.

В моих рассказах, быть может, встретятся факты, несогласные с теми, которые, составляя достояние литературы со времен Крашенинникова, подтверждены позднейшими учёными исследователями. Я не задаюсь целью опровергать что бы то ни было, а я задаюсь целью сказать в этой статье только то, что я или наблюдал своими собственными глазами, или слышал непосредственно от жителей Камчатки.

Наблюдая то или другое явление непосредственно, я мог его понять не так, как следовало, а рассказы жителей могли и не соответствовать истине, и своё сообщение я не выдаю, поэтому, за непреложную истину, хотя и полагаю, что оно близко к ней.

В недавно изданной Министерством финансов книге Слюнина под названием «Охотско-Камчатский край», а равно и в книге Маргаритова, изданной нашим отделом, перечислены все породы камчатских рыб, как обитающих в камчатских реках, так и рыб ходовых, появляющихся в реках в известные периоды для метания икры, причём для этой последней рыбы в сказанных книгах указаны даже сроки пребывания их в пресных водах.

Рекомендуя интересующемуся эти книги, я прямо перейду к описанию рыбнаго промысла в Камчатке.

Рыболовные снаряды, употребляемые камчатскими инородцами, суть деревянные запоры самага примитивнаго устройства. Запоры делаются из деревянных пластин шириною в вершок, толщиною четверть вершка, высотой около сажени. Эти пластины вдельваются в четырёхугольныя рамы длиною от полутора до двух сажен. Таких рам делается четыре. Две из них ставятся параллельно, а к одной из них привязывается третья рама так, что свободный конец рамы лежит по линии другой, параллельно поставленной. К свободному концу третьей рамы привязывает-

ся под острым углом четвёртая рама с таким расчётом, чтобы конец её проходил немного дальше и в сторону от параллельной рамы, образуя небольшой коридор. К другим концам параллельных рам прикреплена дверь, закрывающая вход. Около этого входа по обе стороны концов рамы вбиваются кольца, между которыми вкладывается открытым концом к двери сделанное из деревянных же пластин, отстоящих одна от другой на один вершок расстояния, подобие бочки продолговатой формы, диаметром около трёх четвертей аршина, а длиною около двух саженьей. Один конец бочки заделан такими же пластинами, из которых устроены все части запора. Описываемая бочка предназначается для входа туда чрез открытые двери рыбы. В верхней части около закрытого конца бочка имеет отверстие, закрываемое доскою. Отверстие служит для выбрасывания попавшей рыбы. Для постановки запора в дно реки в удобных местах вбивают кольца, переплетают их тальником, а на глубине двух аршин привязывают ко вбитым кольям рамы запора, и обращают вход в коридор по течению реки. С другой стороны запора опять идёт небольшой промежуток, заделанный тальником до дна реки, а затем ставится следующий запор. Количество запоров зависит от ширины реки, и река, таким образом, перегораживается с одного берега до другого.

Рыба, стремясь вверх реки для метания икры, встречая на пути своём преграду, ищет прохода и, вплывая в довольно узкий коридор между рамами, не имеет возможности повернуться, чтобы идти назад и, доходя до конца параллельно стоящей рамы, повертывается вниз по течению реки. Между параллельно стоящими рамами попадает она чрез открытую дверь в продолговатую бочку. Когда бочка наполнится рыбою, то инородец подплывает на лодке к запору, закрывает дверь и приподнимает бочку между колеи вверх, а затем, открыв верхнее отверстие, достает оттуда всю попавшую рыбу. Большие воды часто сносят один или несколько запоров. Рыба, имея свободный проход, не идёт уже в коридоры других запоров. Случается, что прибывшая вода сносит все запоры, и в большие воды приходится ловить рыбу неводами или сетями, или ожидать спада вод.

В узких речках запор ещё проще. Это не более как бревенчатый ящик, две стороны которого могут быть закрываемы или открываемы при помощи так называемого плетня. В такой ящик с началом рыбного хода попадает так много рыб, что жители прямо не знают, куда и девать её.

Пункты, где устроены такие запоры, называются летниками, и туда выезжает на летние месяцы всё соседнее население со всем своим скарбом. Здесь строят из тополёваго леса дома, не более четырех аршин ширины и длины, всегда без потолка. Возле стен такого дома расположены нары, а посредине устроен очаг, над которым сделано в крыше отверстие. Все пространство между крышей и верхним венцом сруба наполнено балками, брусками, которые день и ночь копятся дымом от очагового огня, причём топливом служат исключительно гнилушки, к которым от времени до времени подбрасываются можжевельные ветки, дающая дым приятного запаха, прекрасно коптящий балки и бруски. Дым в летней хатке нужен не только для копчения рыбы, но он нужен и как средство для борьбы с невыносимыми камчатскими комарами и мошкой.

На околице такого летника проводят летние месяцы и ездовые собаки, привязанные к кольям, вбиваемым для каждой собаки в отдельности. Подъезжая к летнику, версты за две уже слышишь невыносимую вонь разлагающейся рыбы и чем ближе подходишь к нему, тем запах всё резче и отвратительней. Дышишь потом, но и это помогает мало.

При въезде в летник вас встречает адский лай сотен собак. Привязанные собаки лишь завидели посторонняго, начинают рваться и, сорвись оне, несдобровать — их несколько сот, а злы оне непомерно.

Собачий яростный лай, сменяющийся затем жалобным воем, действует на нервы отвратительно, а тут вонь, а тут и камчадалы, потрошившие рыбу несколько недель подряд, но ни разу за это время не менявшие белья и одежды и не мывшиеся теплой водой.

Самое видное место на летниках занимают рыбные вешала, простые навесы, крытые травой или корьём. В призматическом пространстве крыши камчатских вешал устроены параллельные ряды жердей, на которых вешается для сушки рыба, разрезанная вдоль спинного хребта на две пластины, причём самая кость и голова при ней вешается отдельно, а мясо рыбы, разрезанное до хвоста, вешается отдельно. Голова и кости есть лучший корм для собак во время зимних поездок, а рыбы бока, до хвоста включительно, если удастся хорошо засушить их, — и есть знаменитая юкала, главное продовольствие всего населения северных округ.

Но хорошо просушить юкалу удается не часто. Травяные и корьевые крыши вешал, редко ремонтируемые, плохо защищают висящую под ними рыбу от дождя, и если, как это часто случается

в Камчатке, зарядит на несколько дней дождь, то рыба, подмоченная дождем, начинает гнить, и хвостовые связки, подгнивши, не могут выдерживать тяжесть рыбьей туши, и юкала валится на землю и пропадает окончательно.

Человеку брезгливому не следует входить в вешала. Одновременно с рыбой появляется в Камчатке множество комаров и прочей насекомой твари. Вся юкала сплошь покрыта насекомыми. Они и питаются соками подвешенной рыбы, и кладут на рыбу свои яички, и вы, взглядевшись в любую рыбину, видите её покрытою неисчислимым множеством белых червей с чёрными головками. Черви падают на землю и покрывают белым слоем весь пол вешала, и вы не можете и шагу ступить под его крышей, чтобы не дать массы червей. С непривычки может стошнить не на шутку.

Рыбу вынимают из запора несколько раз в день, лишь только запор заполняется ею от края до края. Вынимают рыбу особыми крючками, а когда вынут, то считают её и делят на паи. Единицею пая служит взрослый работник, каюрная душа, как говорят в Камчатке, а дети и женщины принимаются за половину каюрной души. Рыбу обдeldывают тут же, у самого берега, и вся обделка сводится, собственно, к потрошению рыбы и срезке ея мягких частей от головы до хвоста, оставляя последний как связку обеих пластин рыбы. Внутренности и икра бросаются тут же, на берегу речки. Мелкая порода рыбы, так называемая горбуша, не более трёх футов весом, прямо целиком бросается в особые ямы, в которых она, будучи затем засыпана землёй, загнивает. Загнившая и превратившаяся в невероятно смрадную кашицу, она служит кормом для собак, причём рыба в ямах, если оне не раскрыты, может быть годна для собак и по истечении двух-трёх лет.

Сколько же попадает в описываемой запор рыбы за весь период ея хода? Трудно сказать это, и всякая статистика этого вопроса — праздная попытка. Идёт в такой запор столько рыбы, что, сколько бы её ни портили, сколько бы её ни сваливали в ямы, сколько бы её ни падало с вешал, её всегда будет достаточно для населения данной речки и, думая мы, было бы достаточно и для населения в несколько раз большего, чем теперешнее. Случается годами, что рыбы, вообще, идёт мало, но такие годы редки. Камчадалы, хотя и избалованы обилием рыбы, но заботятся о ея размножении. Рыбу, как мы сказали выше, выбирают ежедневно и по несколько раз в день, но во все праздничные дни, без малейшего исключения, рыбе даётся свободный ход. В воскресные и праздничные дни запоры по всем камчатским рекам поднимаются и рыбе

ничто не мешает в ея стихийном стремлении идти вверх по реке. Мало того, ни один камчадал в праздник не станет чем бы то ни было ловить рыбу.

Кроме запоров ловят на Камчатке рыбу неводами, сетями и на крючок. Неводов мало. Лов рыбы неводами производится так: невод или связанные сети ставятся в известном месте реки или моря, саженьх в десяти от берега. Место выбирают глубокое. Концы веревок от невода держатся на берегу. Когда рыба войдёт в пространство между неводом и берегом, тогда невод вытягивается. Промысел рыбы чавычи производится исключительно сеткой. Сети делаются с восемью крупными ячейми. Сеть берется в бат, который вместе с другим батом заводится вверх по реке и там, растянув сеть поперек реки между батами, плывут на батах по течению реки и тянут сеть. Чавыча, идя вверх по течению реки, попадает в сеть и запутывается в ней. Тогда промышленники, вынув из сети рыбу, вновь растягивают сеть между батами и плывут дальше, затем опять заводят сеть вверх по реке и повторяют те же приёмы.

По берегам речек, в местах осеняго промысла, уже покрытых толстым слоем снега, выкапывают до земли ямы, бока которых обставляют тальником, и туда складывают всю добытую рыбу. Закрыв яму сверху жердями, засыпают её снегом. Рыба таким образом сохраняется свежее до таяния снега. Если снега ещё не глубоки, то делают из деревянных жердей небольшие срубы — сайбы, и туда складывают до весны мёрзлую рыбу. С наступлением теплаго времени эта рыба портится и имеет очень сильный, острый запах, но камчадал употребляет такую рыбу в пищу, и только при совершенном ея разложении она идёт для прокорма собак.

Таковы способы ловли рыбы камчадалами. Они примитивны, как примитивна и вся, вообще, жизнь в этой стране. Огромныя, можно сказать, несметныя рыбныя богатства лежат здесь втуне, служа для местного населения и его ездовых собак лишь кормом, тогда как та же рыба, будь она в руках более развитаго населения, могла бы служить средством его обогащения.

Проведение Великаго сибирскаго рельсоваго пути внесло живую струю и в жизнь Камчатки. Явились там предприниматели, которые пробуют извлечь должную пользу из камчатской рыбы. Мысль о приготовлении камчатской рыбы к экспорту принадлежит теперешнему камчатскому окружному начальнику, статскому советнику Ошуркову, и зерно, им брошенное, выросло теперь в солидное фабрично-заводское предприятие, речь о котором ниже.

Трудно предрешить будущность новаго камчатскаго завода, только что открывшаго свои операции, но предприятие это даже и в лето сего года с первых своих шагов предвещает произвести радикальный перелом в экономическом строе Камчатки, ибо паровой рыбо-консервный завод, построенный на берегу Тарьинской бухты в восемнадцати верстах от Петропавловска и пущенный в ход 8-го июля минувшаго 1901 года, немедленно, с первым же оборотом своих многочисленных машин, дал известную цену каждой местной рыбе. Так что бросать её, как то делалось в Камчатке до открытия завода, стало невыгодным, ибо рыба с открытием завода приобрела известную и при том постоянную рыночную ценность, а это, если завод будет действовать и впредь, перевернёт вверх дном весь жизненный обиход камчадала, решительно не знавшаго до сего времени, куда девать ту массу рыбы, которую ежегодно посылал Бог в камчатския реки, а потому, как видели мы выше, и ловившаго, и засолкой заготавливавшего рыбу впрок также, как ловят и заготавливают её аборигены того края, первобытнейшие северные инородцы.

ГЛАВА III. РАЗВИТИЕ НА КАМЧАТКЕ РЫБНОГО ПРОМЫСЛА. РУССКИЕ И ЯПОНСКИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ

История развития в Камчатке рыбнаго промысла весьма поучительна. Она, прежде всего, указывает, что рыбныя богатства этой страны всего более переходят в руки японцев, что мы не принимаем ровно никаких мер к охране наших богатств от японцев и в то же время не содействуем развитию на Камчатке собственного русскаго рыбнаго промысла.

В 1895 году, когда прибыл на Камчатку доверенный Русскаго товарищества котиковых промыслов г. Гринвальд, начальник округи стал убеждать его заняться помимо торговли и рыбным промыслом. Весною 1896 года Ошурков отправился вместе с Гринвальдом на пароходе «Котик» на устье реки Камчатки, где и отвёл в пользование товарищества рыболовный участок, обложивши упромышленную рыбу пошлиной, установленной временными правилами, утвержденными приамурским генерал-губернатором 2-го декабря 1894 года. В эту навигацию Гринвальдом было доставлено 900 пудов соли и соответствующее количество бочек, причём на усть-камчатскую рыбалку Русскаго товарищества котиковых промыслов был привезён Зубков, архангельский помор, специалист-засольщик и бондарь и, как оказалось, больше на словах.

В сезон 1896 года на устье реки Камчатки Гринвальдом было упромышлено и засолено всего 87 бочек чавычи, 34 бочки разной прочей рыбы лососёвых пород, всего весом 1 218 пудов.

Для обучения искусству солить рыбу и делать бочки Ошурков командировал к Зубкову двух казаков. К сожалению, первый засол камчатской рыбы по архангельскому способу оказался плохим, и рыбу, отправленную через Сан-Франциско в Петербург, пришлось выбросить в море ещё не доезжая Сан-Франциско, а девять бочек, оставленных в Усть-Камчатске для отправления их с навигацией 1897 года в г. Владивосток, испортились настолько, что усть-камчатский частный командир, даже привыкший к запаху тухлой рыбы, нашёл невозможным не уничтожить эти девять бочек и 20 июня 1897 года составил акт о полной негодности рыбы, засоленной Зубковым, и выбросил её в море.

Гринвальд, не ожидая таких печальных следствий своего нового предприятия, ещё с осени 1896 года заказал для дальнейшей засолки рыбы 500 бочек и 2 500 пудов отборной соли, и этот заказ бочек и соли хотя и пришёл в Петропавловск своевременно, но уже тогда, когда обнаружилось полное незнание Зубковым того дела, за которое он взялся. Заменить же Зубкова было некем.

На неудачном опыте 1896 года кончилась попытка солить камчатскую чавычу по образцу двинской семги и снабжать ею не только петербургский и московский рынки, но и рынки заграничные.

В то время, когда Гринвальд прогорал на своём предприятии, на Амуре энергично вводились новые правила о рыбных промыслах, и японцы вместо устья Амура и речек, впадающих в Императорскую гавань и в другие заливы нашего побережья, обратили внимание на привольную Камчатку и не замедлили показать здесь своё искусство заготавливать рыбу впрок по особому способу, который не требовал ни бочек, ни отборной соли, ни какого-то бы ни было искусства.

Этот способ, так называемый японский сухой, понравился и Гринвальду, и он ещё в 1896 году выпросил себе рыболовный участок у устья реки Столбовой, впадающей в бухту того же имени, расположенную в нескольких верстах от Камчатского мыса, и, потерпевши полное фиаско в архангельском способе, в 1897 году вместо продолжения своих неудачных попыток послал на реку Столбовую сорок восемь человек японцев ловить там рыбу и солить её сухим способом. Способ этот состоит в том, что рыбу, только что пойманную, потрошат, пластуют, складывают рядами на циновку, обильно пересыпают каждый ряд сухой солью, а затем покры-

вают известное количество рядов такой рыбы простою циновкою и оставляют затем рыбу на произвол судьбы до того времени, когда её можно будет везти в Японию. Рыба, заготовленная таким образом, не портится и охотно покупается на японских рынках и даже по высокой цене.

С этого времени, то есть со дня посылки Гринвальдом японцев на реку Столбовую, и начинается хозяйничанье японцев в камчатских водах, которому, если немедленно не заведут специальную сторожевую шкуну, известных морских качеств, надлежаще вооружённую, не предвидится и конца.

Операция Гринвальда на Столбовой была удачна: японцы засолили восемь тысяч пудов, и вся эта рыба была вывезена в Японию и продана там по высокой цене. Наловили японцы рыбы и, вероятно, не меньшее количество, и на устье реки Камчатки, но сколько было там японских рабочих, и сколько последние наловили рыбы, я не нашёл об этом сведений в делах Петропавловского окружного управления, хотя жители села Ключевского 14 июля 1897 года жаловались усть-камчатскому частному командиру, что в реке нет рыбы. «И мы так располагаем, — пишут жители, — что это не от ловли ли японцев».

В 1898 году Русское товарищество уже расширяет свой промысел японскими рабочими. Оно берёт рыболовные участки: в устье реки Камчатки, в Тарье, в Озерной, причём за операцию 1898 года им уплачивается одной попудной пошлины 1 941 руб. 57 коп., что при 5 коп. с пуда дает 30 831 пудов солёной рыбы.

В 1899 г. товарищество расширило свои промыслы уже настолько, что оно уплачивает пошлины в три раза больше против 1898 года, а именно 5 840 руб. 40 коп.

Вся масса рыбы, упромышленной японскими рабочими в камчатских водах за промысловый сезон 1899 года, была благополучно вывезена в Японию, и товарищество получило немалые барыши, что обратило на себя внимание предприимчивых людей, и в Петропавловское окружное управление с первой почтой 1900 года стали поступать многочисленныя заявления об отдаче рыболовных участков в аренду. Некий надворный советник Чекерский просит отдать ему северо-восточный берег Тарьинской бухты, участок у устья реки Паратунки, впадающей в Авачинскую губу, и участок по берегу бухты Лагерной. Действительный статский советник Ивашинцев просит отдать ему участок у подножия горы Никольской, где находятся и склады угля военного ведомства, и пакгаузы Русского товарищества котиковых промыслов, и склады

общества Китайской Восточной железной дороги. За этими чиновными предпринимателями потянулись и предприниматели простые: крестьянин Зубков, мещанин Огородников, ссыльно-поселенец Беккер и многие другие.

Все эти предприниматели, как оказалось впоследствии, не имели ровно никаких капиталов, и всякий из них рассчитывал извлечь выгоды из своего русского имени, ибо согласно новому закону, утвержденному Приамурским генерал-губернатором 1-го ноября 1899 года, лов рыбы японцам в северном районе был воспрещён, а этот лов предоставлен исключительно русским подданным. 26-го июня 1900 года заведывающий рыбными промыслами Приамурского края Н. Я. Домашнев на основании этого закона уже отказал двум японским шкунам в выдаче им разрешительных документов на право рыбного промысла у устья реки Камчатки.

В то самое время, когда с надлежащей строгостью была соблюдена формальная часть нового закона, в Петропавловск приходит японский пароход «Избуки-мару», зафрахтованный владивостокским купцом Бринером, на котором привозится 18 000 пудов соли на сумму 21 тыс. руб., и общий промысел японскими рабочими, но под русскою фирмою, выражается следующими цифрами:

У Зубкова на четырнадцать рыбалках, расположенных у устья различных камчатских рек, работало 462 японца; у Русского товарищества котиковых промыслов на двадцати семи рыбалках работало 600 японцев, у Бринера на девяти рыбалках работало 348 человек японцев, у Кахтина, доверенного графа Кейзерлинга, в бухте Карягинской работало 45 японцев.

Русские промышленники работали японскими рабочими в рыболовный сезон 1900 года легально, ибо сие было разрешено приамурским управлением государственными имуществами 7-го марта текущего года, о чем отношением от того же числа за № 1387 была и уведомена Петропавловская окружная администрация.

От поименованных промышленников в сезон 1900 года поступило в казну следующее количество сбора: от Зубкова — 7 846 руб. — коп., от Русского товарищества котиковых промыслов — 8 014 руб. 30 коп., от Бринера — 1 239 руб. — коп., от Кахтина — 707 руб. 40 коп.

Кроме того, за рыбные участки, отданные на сезон 1901 года, поступило в казну 4 284 руб. — коп. А всего 22 047 руб. 70 коп. Одновременно с промышленниками, ловившими рыбу в камчатских водах на основании выбранных ими документов, за которые внесены ими и подлежащие сборы в пользу казны, промышленляли

и хищнических японских шкуны. Хищники оперировали и на восточном, и на западном берегах Камчатки, но сколько было хищнических шкун — этого никто не знает. По подсчёту русского консула в Хакодате и по заявлению г. Яковлева, доверенного Бринера, в сезон 1900 года в Камчатском районе промышляло более тридцати хищнических парусных японских шкун. Во всяком же случае, японских рыболовов-хищников было значительно больше, чем производивших промысел на законном основании по выбранным установленным порядком документам.

Такой наплыв японских хищников в камчатские воды объясняется огромным спросом рыбы на японских рынках, а затем и высокими на неё ценами, обуславливаемыми, как нам передавали коммерсанты, всё более и более повышавшеюся арендной платой за рыболовные участки на Амуре.

В прошлом году была некоторая льгота русским промышленникам, состоявшая в том, что им, несмотря на вновь введённые правила, было разрешено производить промысел японскими рабочими. В этом году этой льготы не дали, но на неё надеялись, и возможность новой льготы послужила на пользу многих предпринимателей, из коих один, а именно Зубков, попался с поличным.

Японцам рыба нужна во что бы то ни стало. Рыба для Японии — вопрос жизни. Камчатское побережье, несмотря на ежегодное крейсирование «Якута», речь о чём ниже, собственно говоря, совершенно незащищено, и русские местные власти не имеют в своём распоряжении ровно никаких способов заставить наших соседей уважать распоряжения русского правительства. Зная это, японцы и в этом году хлынули в Камчатку на рыбные промыслы, причем японцев-хищников было в текущем году больше прошлогоднего, так как один командир «Байкала», собирая в июле месяце 1901 года по западному берегу Камчатки рыбу прошлогоднего промысла, производившагося котиковым товариществом, насчитал на одном только западном берегу тридцать две парусных шкуны, а кроме западного берега есть и восточный. В этом году, если не считать плавания «Якута», вдоль восточного берега Камчатки проходил только пароход Восточной китайской железной дороги «Гирин», который хотя и не занимался осмотром восточного берега, ибо он имел точно определенный рейс, хотя командира «Гирин» и не занимал вопрос о количестве японских хищнических шкун, но он, тем не менее, не только насчитал на своём пути свыше 20 японских парусных рыболовных шкун, но он, бросивши якорь в бухте Корфа, имел от казака, оберегающего эту

бухту от вражеских покушений, письменную просьбу изгнать японских хищников (рапорт начальника Гижигинской округи военному губернатору Приморской области от 24 августа 1901 года за № 252) из ея окрестностей, чего «Гири́н» за погоду, недостатком времени и по непригодности его для этой цели, не мог сделать.

Доказывать, впрочем, что и на восточном, и на западном берегу Камчатки промышляют целыя флотилии японских хищнических шкун нет никакой надобности, ибо при отсутствии там охраны иначе не может и быть. Не все, однако, японцы уверены в безнаказанности хищнического промысла, и у многих из них наблюдаются попытки соблюсти законность, но, к сожалению, это похвальное качество японцев в лето 1901 года пошло не на пользу казны и Камчатки, а на пользу предпринимателей.

Нужно заметить, что Приамурское управление государственными имуществами, озабочиваясь охраною камчатскаго побережья от японских хищников, в прошлом, 1901-м, году учредило на западном берегу Камчатки должности двух надзирателей с окладом 600 руб. в год каждому. Хотя восточный берег Камчатки и остался вне надзора агентов управления, хотя упомянутые два надзирателя, не имея в своем распоряжении никаких плавучих средств, могли оказать сомнительное сопротивление хищничеству японцев, особенно, если принять во внимание, что наблюдение этих двух надзирателей предоставлена береговая полоса свыше 1 200 вёрст, тем не менее, один из этих надзирателей, Сотников, ухитрился не только конфисковать хищническую японскую шкуну, но и дать документальное основание к заключению, что попутно с японцами хищничают и русские предприниматели.

13-го июня 1901 года Сотников конфисковал на устье реки Апалы японскую шкуну «Сейсио-мару», у которой не оказалось разрешительных документов, и которая поэтому была признана хищнической. В числе судовых бумаг, переданных капитаном «Сейсио-мару» Сотникову, находилось удостоверение, выданное шкуне Зубковым и явленное им 2-го мая 1901 года у владивостокскаго нотариуса Макаренко по реестру № 840, в том, что шкуна сия зафрахтована им, Зубковым, для перевозки материалов, припасов и инструментов из Японии в Камчатку на его, Зубкова, рыбные промыслы, а затем для перевозки из Камчатки в Японию солёной рыбы. Когда в числе бумаг, заарестованных Сотниковым, оказалось и это компрометирующее Зубкова удостоверение, то он подаёт Сотникову следующее заявление:

«Зафрахтовал шкуну “Сейсю-мару” мой доверенный в Японии Года-Мицимоса для перевозки в Камчатку различных материалов и других припасов, и я выдал шкуне удостоверение в том, что, действительно, шкуна зафрахтована мною, но когда получил от того же моего доверенного, Года-Мицимоса, уведомление, что командир этой шкуны передал груз обратно ему, Годе, отказался от зафрахтования, а идёт в Камчатку от японцев Маримото и Сото для покупки рыбы у гильчинских жителей, я хотел взять обратно своё удостоверение, но не мог этого сделать; оно осталось на шкуне, и я прошу считать его недействительным и возвратить его мне».

Сотников, посылая на распоряжение окружного начальника протокол о конфискации шкуны «Сейсио-мару» и торговое производство по продаже неводов этой шкуны и упромышленной ею рыбы, вместе с тем писал окружному начальнику следующее частное письмо, которое я привожу дословно: «Ваше Высокородие, Петр Александрович! Во-первых, сего покорнейше прошу в нижеследующем. Примите от души моё чистое откровение с пожеланием всего хорошего в предприятиях и мире, а пуще всего дорогого здоровья. При этом почтительнейше убедительно я вас прошу в случае каких-либо моих личных, на первый ныне раз, опшибок, именно в конфискации шкуны “Сейсио-мару”, производившей без документов рыбный промысел в реке Апалой, и в продаже конфискованного, то таковыя направить на дальнейший путь.

Во-вторых, совесть моя заставляет высказать вам, что эта названная шкуна сегодня в восемь часов вечера из реки вышла и близ устья остановилась на якорь, а часов в девять-десять вечера я узнал чрез немного лепечущаго по-русски японца с другой шкуны, “Иа-мару”, стоящей вблизи устья, фрахтованной Зубковым, что Зубков был на конфискованной мною шкуне и японцам на ней предложил идти прямо в Японию, не заходя в Петропавловск, в виду падающего на них штрафа. Из этого я заключаю, что Зубков является большим японским помощником. А может — шкуна и зайдёт».

Это безхитрое письмо Сотникова ярко рисует всю картину борьбы русской власти с японскими хищниками на Камчатке. Сотников конфисковал шкуну, отобрал у нея документы (чего надо ещё больше?), но он не уверен, что шкуна в виду «падающего на неё штрафа» пойдёт в Петропавловск платить оный. И думает так Сотников вполне основательно.

Дело в том, что редкая японская шкуна, конфискованная русскою властью, пойдёт туда, куда ей указывают наши власти, а она,

как это может подтвердить Н. Я. Домашнев, непременно пойдёт в Японию, ибо те документы, сложенные в жестяную цилиндрическую трубку, которую безропотно и охотно передают русским властям командиры японских шкун, не суть документы, имеющие в Японии юридическое значение. На Камчатке все утверждают, что судовым документом японской парусной шкуны служит особая дощечка с известною надписью. В дощечке врезана печать, и эта-то дощечка и есть истинный судовой документ, потеря которого лишает шкуну права свободного плавания в японских водах. Эта дощечка носится командиром судна на груди на шнурке или цепочке, подобно нашему шейному кресту.

Русские власти, конфискуя японские шкуны, ни разу не попытались получить эту дощечку, потому ли, что им неизвестно об её существовании, или потому, что японцы не отдают её. Что у японских судовладельцев есть такие дощечки, или что-нибудь иное подобное, и что выдаваемые ими русским властям судовые документы, всегда свёрнутые в трубочку и хранящиеся в особом жестяном цилиндрике, не имеют ровно никакого значения, — в этом не может быть никакого сомнения, ибо ни разу ведь не случилось, чтобы та или иная конфискованная шкуна, у которой в знак её гражданской смерти отобрали судовые документы, явилась в назначенный ей пункт для обратной их выборки. Японская шкуна, лишившаяся документов, свободно идёт в японский порт и благополучно плавает, тогда как любое европейское судно, утратившее по той или другой причине свои документы, уже не может плавать: его заарестуют за бесписьменность в любом порте и даже, как говорят, в японском.

Вопрос о значении документов, отбираемых русскими властями у японских парусных шкун, имеет большое значение в деле охраны охотско-камчатского побережья от японских хищников, и он настолько серьёзен, что заслуживает скорейшего его разрешения.

Таким образом, русские власти, вводящая в действие новый закон о рыбных промыслах в северном районе, с одной стороны, не имеют способов фактически воспрепятствовать хищническому промыслу японцев и силою заставить иностранцев уважать распоряжения русского правительства, а с другой, если им даже и удастся конфисковать японскую шкуну, то эта конфискация на практике сводится, собственно, к получению русскими властями жестяного цилиндрика, заключающего бумаги, не имеющие ровно никакого значения. И в водах Охотско-Камчатского края всё более и более развивается хищнический

промысел японцев, которому способствуют и некоторые русские предприниматели, вроде Зубкова, и другие, существование которых несомненно, но которые пока ещё не пойманы, а потому и не могут быть названы по имени.

Если заглянуть в книги кассы петропавловского специального сборщика, то сумма дохода, поступившего в эту кассу от рыбного промысла в 1900 году, и сумма сбора, поступившего в 1901 году, приводит к заключению, что японцы не считают уже нужным входить в какую бы то ни было сделку с русскою казною на право рыбного промысла в Охотско-Камчатском крае, а что они, не без советов, конечно, Зубкова и ему подобных предпринимателей, прямо идут на место промысла, где они рискуют разве потерять на одной-двух шкунах невода и упромышленную рыбу, а затем ничтожную жестяную трубочку с какими-то японскими каракулями.

Не нужно быть и пророком, чтобы сказать, что хозяйничанье японцев в наших северных водах будет развиваться с каждым годом всё более и более, и если русское правительство не примет, и при том немедленно, энергических мер к обузданию японских хищников, то наши рыбные богатства постигнет та же участь, какая постигла былые богатства наших северных морей китами, моржами и прочими морскими зверями, от которых теперь осталось лишь одно воспоминание.

В своё время граф Муравьев-Амурский настоятельно хлопотал об особых судах, которыя имели бы своим специальным назначением охранение наших северных морей от хищничества иностранцев. Муравьева не послушали — морских судов, приспособленных к охране наших морей от иностранных китобоев, не дали, и киты истреблены. Они не ходят уже теперь такими стадами, какими ходили пятьдесят лет тому назад. Истреблены и моржи, ибо на лайдах восточного побережья Камчатки, на земле Гека, что при входе в Анадырский лиман, их не считают уже тысячами, а считают несколькими десятками, да и то не во всякий год. Да и откуды браться моржам, если их беспощадно истребляли и истребляют даже и в наши годы. Вот что доносил не так давно, всего шесть лет тому назад, петропавловский окружный начальник приморскому губернатору Унтербергеру:

«В прошлом году американец Прот на бриге “Пай” с довольно многочисленной командой и нанятыми для добычи моржей инородцами Карачинского селения добыл на песчаном лайде, что у мыса Семёнова, 1 500 штук моржей. Промысел производился посредством закалывания моржа железными копьями, насаженными на

шесты, более сажени длины; на лежбище мыса Крашенинникова моржи добывались стрельбою из ружей. Прот, добыв сколько ему было надо моржевых клыков на мысе Семёновом, оставил всю массу моржевых туш на лайде и ушёл. Масса гниющего мяса издавала отвратительный запах в течение всего лета. Безпрерывная пальба по плавающим моржам сделала свое дело: морж стал очень осторожен; на лайде мыса Семёнова морж ложится уже весьма редко, и то в самом незначительном количестве. Обитатели Карачинского селения никогда не могут застать зверя на лежбище и добыть его на копьё. Стрельбою же из ружей из массы плавающих около Карачинского моржей всем жителям Карачинского селения удаётся добыть не более десяти штук моржей в год».

Лежбище моржей осталось лишь около устья реки Жупановой, на высоком лайде, непотопляемом водою, длиною около двадцати пяти саженей и шириною около пяти саженей. Лежбище со всех сторон окружено подводными камнями, идущими в открытое море версты на три, и на этом лежбище лежит теперь не более ста штук моржей. За невозможностью застать моржа на лежбище вследствие того, что зверь напуган выстрелами, промысел производится не на лежбищах, а на воде со шлюпки. В самую тихую погоду подкрадываются к спящему на поверхности моря моржу и с носа шлюпки бросают в него гарпун. После удара морж моментально ныряет и очень быстро тащит за собою шлюпку в течение, приблизительно, десяти минут, за верёвку, привязанную к гарпуну. Ослабевая, морж начинает показываться на поверхности воды. В это время подтягивают его к шлюпке и окончательно добывают копьями. После этого срезают голову моржа, а туловище бросают в море. В весьма редких случаях раненые моржи бросаются на шлюпку и наносят ей повреждения. В Жупановском селении в 1894 году добыли только одиннадцать моржей. Морж, напуганный американцами, не имеет постоянного пребывания на Карачинском острове, а также и на прочих лежбищах восточного берега Камчатки. Он пошёл к северу, на землю Гека, но и там уже мало моржей, на что жаловались мне чукчи и анадырские казаки еще в 1896 году, в бытность мою на реке Анадыре.

Истребили иностранцы китов и моржей, а теперь, видимо, дошла очередь и до остальных наших рыбных богатств. Местные власти, начиная с Муравьева, сознавали необходимость охраны, настоятельно просили особое судно для крейсирования в северных водах. Хлопотал об особой камчатской шкуне и генерал-губернатор Духовской, но все эти хлопоты не увенчались пока успехом.

В Камчатку и Охотско-Камчатский край не дают судна, вероятно, потому, что там каждый год крейсирует военный транспорт «Якут», и охрана «Якута», нужно думать, признается вполне достаточной для северных вод. Для суждения, насколько верно такое мнение, дам здесь простое описание моего личного плавания на «Якуте», совершенного в первой половине июля 1901 года сначала к мысу Лопатке, а затем и по западному берегу Камчатки. Это плавание было совершаемо «Якутом» с целью охранять наше побережье от иностранных хищников. Вместе со мною плыл на «Якуте» и заведывающий рыбными промыслами Приамурского края Н. Я. Домашнев.

«Якут» крейсирует в северных водах уже несколько лет. В его экипаже всегда есть несколько офицеров, не считая командира, которые, плавая здесь не в первый раз, более или менее знакомы с северными водами, вообще говоря, изученными крайне слабо.

«Якут» по своей конструкции есть судно коммерческое. Это судно приобретено в 1892 году в Англии. Его осадка 14, длина 210, ширина 28 футов, машина одна, развивающая скорость до девяти миль в час. Котлы «Якута» плохи настолько, что в навигацию 1901 года пришлось два раза прекращать пары, дабы чеканить швы котлов: первый раз потребовался ремонт тотчас по выходе «Якута» из владивостокской бухты, а во второй раз в бухте Корфа. Дно «Якута» ординарное, водонепроницаемых перегородок нет, деревянной обшивки, так необходимой для плавания в северных морях, где всегда можно встретить плавучие льды, тоже нет, якоря слабые. При наличности таких данных, «Якут» соблюдает в море крайнюю осторожность, ибо, имея одну машину, да и то плохую, он боится шторма. Не имея деревянной обшивки, он боится плавучих льдов, имея одинарное дно, не имея водонепроницаемых перегородок и имея дело почти с совершенно неизвестными берегами, он боится подходить к ним близко, ибо малейшая прибрежная банка может моментально пустить его ко дну, а имея слабые якоря, «Якут» может стоять в виду берега только при совершенно тихой погоде: чуть ветер посвежел, «Якут» снимается и уходит в море.

На «Якут» ежегодно возлагается так много задач, что командир этого судна при всём желании, при всём мореходном искусстве не может выполнить, как следует, ни одной из них. В навигацию 1901 года «Якуту» были даны следующие поручения: описать бухту барона Корфа, открытую не так давно Геком, крейсировать вокруг Командорских островов, крейсировать у мыса Лопатки;

с прибытием в Петропавловск заведывающего рыбными промыслами Приамурского края Домашнева обойти вместе с ним западный берег Камчатки, становясь на якорь у устья каждой реки, где то признает нужным Домашнев, а затем пойти в бухту Провидения, где и ожидать члена русско-американской учёной экспедиции Богороза, которого доставить в Петропавловск, а затем вновь крейсировать вокруг Командорских островов, снять на мысе Лопатке казаков, охраняющих бобровые промыслы, опять посмотреть, что делается у Командорских островов, а затем, уже глубокою осенью, когда в северных морях наступает сезон жесточайших штормов, когда наступают морозы, леденящие снасти, борты и палубу судна, «Якуту» разрешается возвратиться во Владивосток, что бывает не ранее первых чисел ноября.

Если взять в руки карту и проследить, какие рейсы были предназначены «Якуту» в прошлогодней его кампании, а затем принять во внимание приведённые данные этого военного судна, то нельзя не высказать сомнения в возможности выполнить всё то, что возложено было на «Якут» его начальством. «Якут» и не исполнил всего ему порученного, и не имел физической возможности исполнить, но «Якут» сделал всё от него зависящее, по крайней мере, в деле охраны нашего побережья от японских хищников.

Тяжела служба моряка во всех морях, но нигде она, кажется, не тяжела так, как в суровых водах дальнего севера: вечные туманы, свирепые штормы, безлюдье, неприступность и неизведанность берегов, плохия качества судна и постоянное сознание абсолютной беспомощности на случай какой-либо серьезной аварии. Командиру и экипажу «Якута», плавающим в северных водах с начала мая и по конец октября, приходится, преодолевая неимоверные трудности, исполнять крайне рискованные для парохода задачи.

Мы взошли с Домашневым на палубу «Якута» 27 июня, в одиннадцать часов вечера. Для нас по распоряжению командира, капитана 2-го ранга Новаковского, были отведены особые каюты. Мы встречены были офицерами «Якута» радушно, гостеприимно. На другой день рано утром «Якут» снялся с якоря. Погода стояла великолепная, и мы, выйдя из створов Авачинской губы, прошли миль пятнадцать по перпендикуляру от берега, а затем повернули к югу и взяли курс вдоль берегов Камчатки.

В одиннадцать часов утра на шканцы нашего транспорта вынесли медную карчагу с водкой, покрытую толстым брезентом. У карчаги стали боцман, артельщик, дежурный по команде, и все

они стали свистать «к водке». Долго и пронзительно свистали, но на этот раз пришли пить водку всего четыре матроса, а впоследствии и того меньше. За не выпитую порцию матросам предоставлялось получать деньгами, и они почти поголовно отказываются от ежедневной винной порции.

Одновременно с призывом к водке на палубу была вынесена пробная порция, которая подана была сначала командиру, затем командир указал дежурному на меня с Домашневым, а затем порцию понесли на мостик вахтенному начальнику, а с мостика проба поступала уже в кают-компанию, где к этому времени все, исключая вахтенного начальника, собирались к обеду. Проба великолепная.

Время обеда и ужина было самым веселым на «Якуте». Шли оживлённые разговоры, милые шутки, остроты, на которые так таровата молодёжь «Якута».

В кают-компании было пианино, и мичман Г. после обеда часенёк садился и играл, а тут и споёт кто-нибудь.

Около часу дня кают-компания пустела, шли отдыхать, потому что каждый из офицеров и прошлую ночь стоял три часа на вахте, и в наступающую ночь ему предстоит тоже удовольствие. От часу и до трёх дня, с какового времени начинается чаепитие, «Якут» точно вымирал, только и слышен ритмический стук машины, да подчас команда или приказание вахтенного начальника и стереотипное «есть» матроса.

В шесть часов ужин, тот же свисток к водке, то же милое общество в кают-компании, где и не заметишь, как часы показывают семь и три четверти, и на палубе играют к спуску флага, когда туда выводят всю команду и выходят офицеры. Спустили флаг, окончилась церемония рапорта, завершающаяся рапортом старшего офицера командиру, и судовой день окончен.

К десяти часам вечера все, кроме вахты, по каютам.

С шести часов утра начинается уборка судна, чистота которого составляет гордость моряков. На палубу нельзя ни плюнуть, ни бросить спичку, ни окурочок папиросы, а если кто в присутствии моряка сделает то или другое, то он тут же, на месте преступления, получает замечание, да такое, что виновный покраснеет.

Первый день нашего плавания на «Якуте» стояла великолепная погода. Идя полным ходом, мы до света могли подойти к камням «Три Сестры», где следовало сдать груз провизии для казаков, охраняющих бобровые лежбища, но подходить к берегам до разсвета считается опасным, а потому в два часа ночи был дан малый ход.

В девять часов утра мы стояли уже вблизи камня «Три Сестры» на якоре. Видна Лопатка, узкая низменная полоса земли, которую заканчивается у моря гористая Камчатка.

Мы стали на якорь в пяти милях от берега. Якорь отдали на глубину 30 сажен, дно каменистое, допускающее возможность якорной стоянки только в совершенно тихую погоду.

Отправляя шлюпки с провизией на берег, командир приказал офицеру, командовавшему шлюпками, не задерживаться на берегу ни одной лишней минуты: выбросить провизию на берег и немедленно идти назад. Как ни хотелось мне съездить на берег, но ввиду этого приказа ехать не стоило. Я и не поехал. Шлюпки отвалили от «Якута» около десяти часов утра. В то время, когда шлюпки уже скрылись из вида, ветер стал свежеть, барометр падать, и если бы ветер ещё более посвежел, то командир решил: не дожидая шлюпок, сняться с якоря и выждать погоду в море, подальше от берега. Но ветер, несмотря на дурные предсказания барометра, не окреп так скоро. В начале первого часа пополудни на горизонте показались наши шлюпки, а в три часа дня оне подошли к «Якуту», были подняты на палубу, и «Якут» немедленно снялся с якоря. Взяли курс сначала прямо в море, а затем на SW, к Лопатке. Пройдя этим курсом с полчаса, «Якут» очутился в тумане.

Командир обещал на другой день непременно спустить меня и Домашнева на берег, дабы дать нам возможность посмотреть знаменитыя бобровыя лежбища, познакомиться с их казачьей охраной и с условиями ея жизни и быта.

Мы были вблизи Лопатки, а потому, попавши в полосу тумана, нам нечего было плыть дальше, и «Якут» в пять часов сорок пять минут вечера этого дня вновь отдал якорь. Туман к семи часам вечера рассеялся, ветер стих, и я предвкушал удовольствие с разсветом побывать на лежбищах камчатских бобров. Но человек предполагает, а Бог располагает.

С девяти часов вечера «Якут» стало покачивать, ветер стал посвистывать, и репутация судового барометра к часу ночи была восстановлена. Начался шторм, заставивший командира «Якута» сняться с якоря и идти в море.

Скажу несколько слов о современном положении бобрового промысла на полуострове Камчатке.

До 1892 года бобры на Лопатке не промышлялись, ибо русские промышленники не знали об их существовании. Открыл бобров и создал бобровый промысел камчатский промышленник Петр

Карякин, отличный стрелок, отличный мореход, обогнувший на своей утлой парусной шлюпке весь полуостров и напавший в одном из таких путешествий на бобровое лежбище.

Окружная администрация воспользовалась открытием Карякина и объявила открытый им на мысе Лопатке бобровый промысел достоянием казны и приняла меры к охране этого ценного зверя от хищников как своих, так и иностранных. Меры заключаются в том, что с 1897 года на Лопатку стали посылать охрану, сначала по два казака, а затем это число дошло до шести. Казачья охрана живёт на самом мысе Лопатке в восьми верстах от бобрового лежбища. В становище охраны построены простая камчатская юрта, склад для провизии и несколько вешал для вяления рыбы и нерпичьяго мяса. Отправляясь из Петропавловска, охрана берёт с собою чай, сахар, муку, соль, табак и огнестрельные припасы, а затем остальное продовольствие добывает охотой и ловлею рыбы.

На Лопатке, как и везде в Камчатке, водится много медведей, лисиц, волков, росомах и прочего. Частенько заходят сюда и дикие олени. Рыбы — изобилие, много нерп и лахтаков. Охрана живёт в некотором отдалении от берега, потому что в виду бобровых лежбищ нельзя ни курить, ни разводить огня, ни стрелять, а в противном случае бобры покинут излюбленное ими лежбище и пойдут искать другого, где их покой не будет нарушаем. Этот зверь не раз уже перекочевывал с лежбища на лежбище.

В прежнее время охрана выступала из Петропавловска в первых числах мая, когда Авачинская бухта окончательно очищалась ото льда. Шла охрана у берега на простых батах, которые при малейшем ветре вытаскивались на берег. К половине июня добиралась охрана до своего становища, а за это время на лежбищах уже успевала побывать не одна хищническая шкуна.

Промысел бобров, открытый в 1892 году, год от году падал, не превышая в другой раз шесть бобров за всё лето. Теперь промысел поднялся, так что, случается, промышляют уже до шестнадцати бобров в лето. Можно бы промыслить и больше, ибо в прошлом году охрана видела уже одновременно по двадцать бобров, лежащих на камнях, но промышлять более того, что на данный год назначено окружной администрацией, строго воспрещается. Заметное увеличение бобрового промысла обязано инициативе г. Ошуркова.

Вступивши в управление Петропавловской округой в 1895 году, Ошурков в этом же году возбудил вопрос о покупке морского вельбота, на котором охрана могла бы добраться до Лопатки

скорее, чем добиралась она на батах. Вельбот разрешили купить, и он был куплен за 500 руб. Вельбот отличный, но как ни хорош вельбот, а всё же приходят на Лопатку так поздно, что бобровыя лежбища уже могли быть посещенными иностранными хищниками раньше прибытия туда охраны. Чтобы избежать последнего, Ошурков увеличил охрану до шести человек и стал посылать её двумя партиями: первая партия отправлялась в конце февраля из селения Явина, расположенного на западном берегу Камчатки, в двухстах верстах от Лопатки, а вторая партия, как и прежде, шла морем, на вельботе, на котором шла также и провизия. При этом порядке хищники уже не могли придти раньше охраны. В делах Петропавловского окружного управления есть жалобы, каждый год поступающие от начальников бобровой охраны, на то, что хищнические шкуны покушаются ловить ценных бобров. Жалуясь на такую предерзость хищников, казаки похваляются, что они, «держа в руках русский флаг и заряженную винтовку», успешно прогнали хищников. Правда ли это — сказать трудно: это дело совести казаков. Во всяком же случае, каждый бобр представляет такую солидную ценность, до 1 000 руб., что упромыслить хищнически одного-другого бобра заманчиво, тем более, что проверить охрану в количестве показываемого ею промысла морских бобров нет никакой возможности, а к тому же под боком, во Втором Курильском проливе, на южном берегу острова Парамушира, уже возник настоящий японский городок, управляемый офицером японской службы, говорящим по-английски и по-французски, где имеется уже более 1 000 постоянных жителей, куда во время навигации заходят паровыя японския суда запастись углём, а парусные — провизией. Из городка этого, как говорит народная молва, ходят шкуны и к бобровым лежбищам, ходят шкуны промыслять и морских котиков, на пути их к Командорским островам. Что это всё верно — вот доказательства:

В 1898 году до сведения Приморского военного губернатора дошло, что японский хищник по имени Сноу продал в Японии шестьдесят морских бобров, в том числе трёх камчатских, таких самых, какие водятся на лежбищах Лопатки. Предписанием от 17 апреля того же года за № 7688 губернатор запрашивает окружного начальника сведения по сему делу.

В том же году, 15 июня, против мыса Кронотского, в двадцати милях от берега «Якут» видел хищническую шкуну, с которой было спущено в море десять шлюпок. Шлюпки, расположенные полукругом на полувёрстном расстоянии друг от друга, плыли

в одну сторону, постепенно суживая круг. Эти хищническая шкуна была осмотрена «Якутом», причем в ее трюмах и на палубе оказалось шестьсот свежеснятых котиковых шкур и три шкуры камчатских бобров. Так как хищническая шкуна была застигнута в двадцати милях от берега, то она, как захваченная в экстерриториальных водах, была отпущена на все четыре стороны.

В 1899 году другая хищническая шкуна под командою англичанина Гольден-Орулье упромыслила у берегов Камчатки двенадцать бобров, которые и поступили затем на японские пушные рынки.

О хищниках бобров говорят многое, но я воздержусь передавать здесь ничем не подкрепляемую народную молву и ограничусь приведёнными фактами, о которых сохранился след и в делах Петропавловскаго окружнаго управления, и в делах Приморскаго областнаго правления, и, вероятно, в делах Владивостокской портовой конторы.

Казаки, охраняя бобровый промысел, вместе с тем и промышленяют бобров.

Промысел морскаго бобра производится исключительно сеткой, так как ружейный выстрел пугает бобров и заставляет их уходить от лежбища. Сетка для ловли морскаго бобра делается из тонкой белой бечёвки, длиною до пятнадцати сажень и шириною около половины сажени. Ячея сетки десять дюймов длины. Сетка ставится на якоря между камней, где проходят на лежбище бобры. Лежбище морских бобров представляет группу камней, находящихся отдельно друг от друга и на порядочном расстоянии от берега. Промышленник ставит сетку около лежбищ с вечера, на всю ночь, и смотрит её один раз утром. Бобр подходит к лежбищу с подветренной стороны, осматривается, нет ли опасности, и взлезает на лежбище. С утреннею зарёю бобр подходит к берегу искать раковин, служащих ему пищею, и нередко попадает в разставленные сети. Лучшее время для промысла бобров — май, июнь. В эти месяцы бобр бывает вблизи берегов, а остальное же время, как говорят, он проводит в море.

Выше я сказал, что количество промысла даннаго года каждый раз определяется окружной администрацией. Меньше может быть упромышлено, но больше того, что назначено, нельзя промышленять, и казаки ежегодно ухитряются добывать именно столько бобров, сколько назначено начальством. Это нам кажется странным, так как бобр, запутавшийся в сетку, ни в каком случае не выпускается обратно в море, да это было бы и бесполезно:

бобр — зверь нежный, — выпутываясь из сетки, он бьётся о камни, ранит себе лапы, и пусти его на волю — он всё равно пропадёт.

В течение последних шести лет, исключая текущий 1901 год, добыт всего 61 бобр. Все эти бобры проданы в Петропавловске с аукционного торга на сумму 37 773 руб., из коих 16 184 руб. 50 коп. поступили в депозиты военного губернатора Приморской области, и, как мне передавали, деньги эти имеют специальное назначение улучшать условия охраны бобрового промысла, но в этом отношении пока ничего не сделано, если, впрочем, не считать вельбот, стоимостью в 500 руб., на котором ходят казаки из Петропавловска на Лопатку.

Вторая половина суммы, выручаемой от продажи бобров, идёт на пользу казаков, бывших в охране и промышлявших зверя. Каждому казаку выдаётся по равной части, но из казачьяго пая выделяется по две копейки с рубля, которые идут, согласно закону, в пользу аукциониста, каковым является, собственно говоря, город Петропавловск, ибо вознаграждение аукциониста поступает в городскую кассу.

Аукцион производится в Петропавловске обыкновенно в конце августа. Цены на бобров, доходящая до 1 000 руб. за бобра, крепнут с каждым годом, и оне могут увеличиваться в любой степени, ибо во всем мире нет такого зверя, у котораго был бы такой великолепный мех, как мех камчатскаго бобра. В 1898 году была попытка продавать бобровые меха и другую камчатскую пушнину во Владивостоке, но эта попытка, успешная в 1897 году, была неудачна в следующем году, так что областная администрация предложила петропавловскому окружному начальнику и впредь продавать бобров и прочие меха в Петропавловске.

Последнее удобнее и для ясачнаго населения Камчатки: взнося ясак пушшиной, население получает разницу между стоимостью ясака и ценностью пушнины на руки. Если пушнина продается с аукциона в Петропавловске, то инородцы и русские, проезжая зимой в Петропавловск за товарами, тогда же получают от окружнаго начальника на руки и разницу ясака и внесенной ими пушнины, а если пушнина продается во Владивостоке, то население может получить эту разницу только с навигацией следующего года.

Из изложеннаго, полагаю, следует, что бобровый промысел у мыса Лопатки охраняется больше Господом Богом, чем людьми, и истинное его положение известно только казачьей охране, так как окружный начальник не имеет в своём распоряжении не только способ нежданно-негаданно нагрязнуть на поверку промысла, но он

вообще редко может попасть на Лопатку, ибо туда трудно пробраться даже на военном судне третьяго ранга.

Снявшись с якоря, «Якут», чтобы уйти подальше от берега, чего при ненадежности машины и слабости якорей и нельзя было не сделать, ибо шторм делался сильнее и сильнее, взял курс *O*.

К трём часам ночи мы попали в густой туман, и с трёх часов свисток «Якута» запел свою заунывную песню, и эту песню он пел целых семь дней.

Разсвело, а с палубы «Якута» нет никакого кругозора: густою стеною стоит туман, волна хлещет в нос судна, и ход всего три мили в час.

В камчатских водах берега не исследованы, и нашей лоции неведомы ещё как якорные стоянки те многочисленные бухты и бухточки, которыми изрезан весь восточный берег Камчатки, да и исследовать эти бухточки не было пока надобности, ибо, кроме Петропавловска моряки всех наций и не знали здесь другой стоянки, а вот теперь сама жизнь выдвинула бухту Корфа, уже попавшую в 1901 году в расписание почтовых рейсов и описанную в том же году «Якутом». Если остались не исследованными берега Камчатки, то тем более не исследованы течения в Камчатском море, неизследованы настолько, что моряки, при всем их знании моря, при всей их опытности, попадают иногда в трагикомические положения. В таком именно положении был «Якут», попавший у южной оконечности Камчатки и в шторм, и в густой туман.

Уйдя от мыса Лопатки, в ночь с 28 на 29 июня мы болтались в море целую неделю. Всё время был туман, всё время нас качало. Вахта вела точный счёт показаниям лага, точную запись малейшим изменениям курса. По исчислениям мы были в шестнадцать миль от берега и на высоте мыса Поворотнаго. Мы только ждали солнца и свободнаго горизонта, чтобы определиться и затем, определившись, хотели взять курс прямо на Петропавловск.

4-го июля, около двух часов дня, сквозь густую завесу тумана выглянуло солнце, но оно, хотя и показалось «Якуту» во всём своем блеске, не разогнало тумана и, как говорят моряки, горизонта не дало. Чуть завидели моряки солнце, как вооружились секстантами, и долгота, в которой беспомощно уже шестыя сутки болтался «Якут», была определена, но определить широту за туманом так и не могли.

И вот тогда стали вычислять широту, где находился «Якут», по теории вероятности. Взяли сомнерову линию, полученную секстантом долготу, показания лага и объявили, что мы находимся

на высоте Авачинской губы, и завтра, если развеется туман, войдём в неё. Мы все рады были окончить это томительное и вместе с тем безцельное путешествие.

Утро 5-го июля было сравнительно ясное, хотя и облачное. Туман не застилал кругозора, но он густую пелену застилал верхние слои воздуха, и камчатские ориентировочные пункты, Авачинская и Коряцкая сопки не могли быть видимы, но берега были видны. Берега в расстоянии двадцать-двадцать пять миль плохо различаются с палубы корабля, и при некотором воображении конфигурация данного берега может быть принята за конфигурацию берега желаемого. Наши моряки на основании сделанных вчера вычислений, на основании взятой им вчера сомнеровой линии признавали, что видимые берега суть соседние с Авачинской губой и, следовательно, с Петропавловском.

«Якут» держит курс прямо к берегам. По его палубе разгуливает камчатский промышленник и мореход Карякин, который не один раз ходил на своей парусной шлюпчонке вдоль всей Камчатки. Чем ближе подходим мы к берегу, тем уверенность моряков в сделанных вычислениях делается меньше. В конце концов, на мостик зовут Карякина и дают ему морской бинокль.

— Признаешь, Петр Михайлович, берега?

— Признавать-то я, Ваше высокоблагородие, признаю, да страшно сказать.

— Отчего же страшно? Ведь это мыс Поворотный?

Карякин молчит.

— Ну какой же это, по твоему, мыс?

— Страшно сказать, Ваше высокоблагородие!

— Ну, говори же, что за страхи такие?!

— Вы меня, Ваше высокоблагородие, извините, а только это, однако, мыс Жёлтый, а не Поворотный!..

И видимый мыс, как оказалось впоследствии, и был Жёлтый, то есть вчерашняя вычисления погрешили миль на сто. Таковы течения в Камчатском море, таковы в нём туманы и штормы, что теория мореходного искусства оказывается здесь совершенно несостоятельной перед действительностью.

Неожиданно очутившись на высоте мыса Жёлтого, то есть у Лопатки, вблизи того самого пункта, снявшись с которого мы болтались в море почти семь суток, мы пошли уже не в Петропавловск, а взяли курс на Первый Курильский пролив, отделяющий Лопатку от первого острова Курильской гряды, а оттуда пошли вдоль западного берега Камчатки.

Погода благоприятствовала, и мы около двух часов дня вошли в Первый Курильский пролив, считающийся совершенно непроходимым при малейшем тумане, ибо фарватер этого пролива есть как бы жёлоб, образуемый рифами, идущими от скверной оконечности первого Курильского острова. Малейшее уклонение судна к тому или другому берегу, так возможное при тумане, грозит судну неминуемой гибелью. Этим проливом, сокращающим расстояние от Петропавловска до Охотского моря миль на триста, ходят редко, ибо в этих местах редко стоят и ясные дни, когда отчетливо видны оба противоположных берега Первого Курильского пролива.

«Якут» шёл первым Курильским проливом полным ходом. И командир, и старший офицер, и штурман, и вахтенный начальник стояли на мостике, вооруженные биноклями.

Я стоял на палубе, любовался видом северной оконечности дикаго Курильского острова, видом низменной Лопатки и видом гор, начинавшихся милях в пяти от Лопатки и тянувшихся затем вдоль всего Камчатского полуострова, а там и вдоль материка Азии. Яркое солнце освещало пролив, и, вглядываясь в воду, можно было видеть морския водоросли. Было, значит, мелко, опасно, и моряки недаром стояли на мостике.

Но вот опасный пролив пройден, и мы вошли в Охотское море. Зыбь в Охотском море мелкая, хотя и частая, и эта охотская зыбь почти совершенно не качала наш пароход. Мы отдыхали от океанской качки, но не долго отдыхали мы от тумана и от пронзительных свистков «Якута», целых семь суток наводивших на нас грусть и уныние. В шесть часов вечера этого дня был дан первый свисток, как вестник того, что мы опять идём в тумане. Мы держали курс на север, к устью реки Явиной, где Домашнев хотел сойти на берег, чтобы разогнать японских хищников. Туман и близость берега заставили командира поминутно бросать лот. Мы шли до девяти часов сорока пяти минут вечера, когда отдали якорь. По расчёту мы стояли у устья реки Явиной, и на этот раз расчёт оказался вполне правильным.

6-го июля, с разсветом, тумана не было, и Карякин признал те сопки, которые окаймляют нижнее течение реки Явиной.

Охотское море у устья реки Явиной имеет свою историю. Здесь находятся знаменитыя тресковый банки, где можно бы развить огромный промысел трески, этой ценной рыбы.

До 1895 года на явинския тресковыя банки ежегодно приходили американския суда и промышляли здесь треску в огромном

количестве. Насколько этот промысел выгоден, видно из того, что американская шкуна «Гера», придя в 1895 году к устью реки Явиной, в течение трёх недель наловила и засолила здесь 320 000 рыб тресковой породы. Больше «Гера» не ловила, ибо не было соли, и судно не могло взять большого груза. Уходя с явинских банок, «Гера» увезла полный груз и продала камчатскую треску в Сан-Франциско по цене 7 руб. пуд, всего на сумму до 200 000 руб. (дело Петропавловского окружного управления, по описи № 570, т. 1).

С 1895 года американцы, по словам камчатской окружной администрации, не посещают уже более явинских тресковых банок, а не посещают потому, что в сказанном году русским властям как-то удалось взыскать с «Геры» пошлины 1 937 руб. 25 коп. Командир «Геры», шкипер Андерс, хотя и внес эту сумму в русскую казну, но протестовал. По его мнению, пошлина взыскана неправильно, ибо введение этой пошлины не было своевременно опубликовано русским консулом в Сан-Франциско и, наконец, в самом исчислении пошлины он разошёлся с русскими властями, которые посчитали тонну за шестьдесят пудов, а не за тридцать, как то считал шкипер Андерс. Этот протест Андерса кончился ничем, и русская казна не возвратила американцам 1 937 руб. 25 коп., взысканных за треску, нагруженную в 1895 году на «Геру». Американцы, вероятно, обидевшись на русских, перестали посещать явинские банки и промыслять здесь треску.

Промысел этот, нет сомнения, перешёл теперь к японцам, ибо эти предприимчивые рыболовы не могут не пойти навстречу английскому рынку, требующему тресковый жир в любом количестве. Пока что не установлено, промысляют ли японцы треску, или они ограничиваются рыбою лососёвых пород, да при тех средствах наблюдения за японскими промышленниками, какия имеются в камчатских водах у русского правительства, едва ли это и может быть установлено.

«Якут», ставши на якорь в виду устья реки Явиной, решил простоять здесь столько времени, сколько потребуется Домашневу для инспекции рыбного промысла.

6-го июля в восемь часов утра была спущена с «Якута» шлюпка, на которую в качестве пассажиров сели Домашнев, я и Карякин.

Волна была порядочная, и нашу шлюпку порядком пошвыривала, но шлюпка хорошая, и Карякин уверял, что он в любой шторм пойдёт на этой шлюпке. По пути к берегу мы встречаем множество уток всевозможных пород. Особенно интересна утка, названная

камчадалами «глупышом». Эта утка совсем не боится ни шлюпки, ни сидящих на ней людей. Глупыш подпускает к себе шлюпку так близко, что его можно убить прямо веслом. А как метко называли камчадалы эту утку «глупышом»: у нея действительно вид крайне глупый, какой-то растерянный, точно её смертельно пристрелили, и она вот-вот подохнет. Мы шли от «Якута» до берега около двух часов. Довольно затруднительно было высаживаться на берег, у котораго ревел морской прибой. Когда мы дошли до «беляков», то нашу шлюпку уже так покидывало, что я инстинктивно посматривал, где лежат пробковые пояса, хотя, видя спокойное и веселое лицо Карякина, и стыдился в душе за свой страх. Опасности, конечно, не было, но прибой был такой большой, что он поминутно обдавал нас своими пенящимися брызгами. Последняя волна подхватила нашу шлюпку так энергично, что мы в один миг очутились па прибрежном песке, а на нас горою шел колоссальный седой прибой. Разсыпавшись, он продвинул нашу шлюпку ещё шагов на пять. Этот прибой, видимо, был самый сердитый, так как дальнейшие прибои уже не достигали шлюпки, и она, как говорится, обсохла, тем не менее, мичман, командовавший шлюпкой, нашёл, что она недостаточно далеко от берега. Матросы стали тянуть шлюпку, но не могли сдвинуть её с места. Тогда стали в тягло с матросами и мы с Домашневым, и кое-как общими усилиями и при помощи вёсел, служивших катками, мы стянули тяжелую и громоздкую шестивёсельную шлюпку с места и дотащили её на такое расстояние от берега, где её не могла достать даже ожидавшаяся прибывшая вода.

Устроивши шлюпку и оставивши несколько матросов охранять её, мы большою гурьбою отправились в Явино, где Домашневу нужно было добыть какия-то сведения, а затем попытаться нанять «морскую подводу», проще сказать, парусную шлюпку и гребцов для объезда западного берега Камчатки, по крайней мере, от Явина до Большерецка.

Селение Явино расположено верстах в четырёх от моря на берегу крайне мелководного пресного озера, верст пять длины и версты две с половиной ширины. Селение это находится вне камчатских трактов, и оно поэтому редко посещается чинами окружной администрации во время зимних поездок по округу. Явино посещается больше иностранными судами, раньше американскими, а теперь японскими. В Явине числится шестнадцать дворов, около ста голов рогатого скота, до трёхсот собак. Есть два десятка лошадей. Посреди села часовня, переделанная из простой камчатской

юрты. Крыша покрыта травой, посредине крыши укреплен небольшой деревянный крест, обитый жемчугом. Крест, хотя и мал, а всё же блестит. Не менее четвертой части внутреннего пространства часовни занято печью, сложенной из кирпича-сырца. Эта часовня имеет престол, на котором во время приезда из Большерецка священника совершается божественная литургия. Алтарь отделяется от внутреннего помещения простою досчатой перегородкою, имеющею некоторое подобие иконостаса, в перегородке этой есть и царские врата, есть и северные и южные двери.

Иконы — простые лубочные картины, продаваемые копейки по две за штуку, но сюжеты картин те же, что и во всех церквях: с правой стороны царских врат — Спаситель, с левой — Божия мать, над царскими вратами изображение тайной вечери, а против перегородки, изображающей клирос, образ святого Николая-чудотворца, в честь которого сооружена часовня. Во всей вселенной нет, вероятно, храма более бедного, более бедного, чем эта явинская часовня.

Жители села Явина живут зажиточно, как зажиточно живут русские по всей Камчатке. Помимо рыбных промыслов и хорошей охоты на пушных зверей, в числе которых по количеству первое место занимает лисица-огневка, а по качеству — соболь, явинцы разводят много скота.

Сбыта молочных продуктов, а равно и мяса, конечно, нет, но зато явинцы круглый год едят так вкусно и обильно, что им может позавидовать любой городской обыватель, особенно приамурский.

Образ жизни явинцев и их промыслы, в сущности, ничем не отличаются от таковых по всей Камчатке, а потому то, что я буду говорить в дальнейшем изложении обо всей Камчатке, одинаково относится и до Явина.

В Явине, между прочим, есть очень оригинальный насельник. Это — финляндский уроженец Отто Эрик, тридцати шести лет, кандидат прав Гельсингфорскаго университета, живущий в Явине уже восемь лет и по наружному виду ничем не отличающийся от прочих камчадалов.

Я совершенно не знал о существовании в Явине ученаго финляндца, а потому, зайдя случайно в дом Отто Эрика, я был несколько удивлён некоторым комфортом его жилья, а ещё того более полкой с книгами, в числе которых оказались сочинения Шекспира на шведском языке, сочинения Байрона на том же языке и многия другия книги, свидетельствующие об интеллигентности хозяина этого дома.

История Отто Эрика незамысловата: окончивши университет, он за что-то поссорился со своими родственниками и отправился в Америку искать счастья. В то время американские шкуны ходили ещё на явинские банки промыслять треску, и на одну из таких шкун в качестве простого матроса попал и Отто Эрик.

Промысляя треску, он частенько сходил на берег в селение Явино, где его пленила черноокая камчадалка, и Отто Эрик поставил крест над своим университетским дипломом, женился на понравившейся ему камчадалке и повёл жизнь, ничем не отличающуюся от жизни любого камчадала. Он ходит и соболевать, ходит и на медведя, промысляет дикаго оленя, нерпу и рыбу.

Из наноснаго леса им построен очень хороший, по тем местам, дом, в доме чистота, некоторый комфорт. У Отто имеются две нарты, промышленник он хороший, живет в довольстве, а к тому жена подарила ему четверых голубоглазых ребят, и Отто Эрик, учёный финляндец, опростел, но не на словах и не во имя какой-либо отвлечённой идеи, а ему просто полюбилась бесхитростная жизнь на Камчатке, полюбилась ему природа и «приятное содружество, — как говаривал Карамзин, — добрых поселян».

Лучшаго Отто Эрик, видимо, и не желает. Он счастлив по-своему, а если его, быть может, и гложет червь человеческого тщеславия, то этого он никому не высказывает. Оригинальный финляндец произвел на меня впечатление человека, совершенно уравновешаннаго и, во всяком случае, философа, променявшаго университетский аттестат на соболеву сетку да нерпичьи лыжи.

Кому удастся заехать в Явино, советую побывать у этого замечательнаго человека и побеседовать с ним. Отто Эрик человек общительный, хотя и не любит, если залезают к нему в душу.

Тут же, в Явине, живет и американец Кларксон. Он променял свою бойкую родину на безлюдную Камчатку также благодаря чарам здешней камчадалки. Кларксон также окамчадалился, хотя и в меньшей степени, чем Отто Эрик. Кларксон больше занимается коммерцией, чем промыслами, но в остальном он такой же камчадал, как и все явинцы.

В Явине мы пробыли часа четыре. Пили у старосты чай, к которому было подано несколько комков свежаго масла, несколько крынок с кипячёным молоком. Принесли и творогу, и сметаны, и сливок. Мы, голодные, не только поели до отвала, но и накупили молочной провизии и для кают-кампании, накупили столько, сколько могли унести.

Домашнев узнал в Явине, что у устья самой реки промышленяют японския шкуны, но не в двух верстах от устья, как то полагается по закону, а в самом устье. Подрядить шлюпку до Большерецка ему так и не удалось.

Мы отправились обратно на пароходе не берегом озера, как пришли, а решили переплыть озеро на бату. Уселись на бат и отчалили, но, пройдя от берега с версту, наш бат сел на мель. Никакия усилия не могли его двинуть дальше, да и не стоило трудиться: глубина не более трёх вершков. И вот мы все вышли из бата и пошли вброд. Мы были почти на середине озера, и это путешествие по озеру в огромном, более версты, разстоянии от берега было очень оригинально: оно и возможно разве в Камчатке. Дно по счастью было твёрдое, и мы, нагруженные, кто корчагой сметаны, кто творогом, кто сливками, благополучно добрели до берега, перевалили через крутую сопку, густо поросшую чудною сочною травою, испещрённую множеством душистых цветов, вышли к морю.

Было около трёх часов дня. Вода прибывала, и наша шлюпка вот-вот могла очутиться в воде. Матросы на досуге разгоняли чаек, реявших с пронзительным жалобным криком над остатками кита, раннею весною выброшеннаго морем. От морскаго чудовища остались лишь наиболее громоздкия кости, которыя не могли утащить прожорливыя волки и лисицы, лакомые до китовины.

Стащили шлюпку на воду, но отвалить от берега при сильном прибое было нелегко. Шлюпка не слушалась весла, а потому сошли в воду два матроса, которые пробуксировали её первых три-четыре прибоя, а затем вскарабкались на шлюпку, и мы пошли на вёслах. Чем дальше от берега, тем волна меньше. Не доходя мили две до «Якута», мы увидели на горизонте две парусныя шкуны. Эти шкуны шли прямо на «Якут» и были усмотрены вахтой «Якута» ещё раньше нас: когда мы взошли на палубу судна, командир сказал, что он уже следит за этими шкунами и сегодня к вечеру остановит их.

Лишь только подняли на палубу шлюпку, как немедленно был поднят якорь, и «Якут» отправился навстречу парусным японским шкунам. Мы скоро сошлись близко со шкунами. На «Якуте» был поднят сигнал шкунам убрать паруса и отдать якорь. Сигнал, видимо, не был понят шкунами, и оне продолжали идти вперед. Тогда командир приказал снять чехлы с двух носовых орудий, зарядить их холостыми патронами, и вскоре пустынное Охотское море огласилось резким звуком орудийнаго выстрела.

Дали выстрел из второго орудия, и шкуны поняли, чего от них хотят: паруса были убраны, якорь отдан и вывешен сигнал, приглашающий переговорить в чём дело.

Когда японцы убрали паруса и стали на якорь, с «Якута» немедленно была спущена шлюпка, на которую сел Домашнев и сопровождавший его лесной объездчик. Шлюпка пошла к японским шкунам под командою офицера. Ещё Домашнев не возвратился на «Якут», как японския шкуны снялись с якоря, подняли паруса и пошли своим прежним курсом. Оказалось, что обе эти шкуны были зафрахтованы Зубковым, причём у них имелись и разрешительныя на рыбный промысел свидетельства, в числе рабочих были даже русские, но, по словам Домашнева, всякий сброд. Были тут и сахалинцы, и служившие на маньчжурской железной дороге, но оттуда изгнанные. Формальная часть оказалась, однако, в порядке, и Домашнев отпустил с миром остановленныя «Якутом» шкуны. По возвращении шлюпки мы вновь снялись с якоря и пошли к устью реки Апалы. Раненько утром Домашнев ушёл на шлюпке к устью реки. Он пробыл там до часу дня и, возвращаясь, привёл с собою японский карбас, на котором японцы везли на «Якут» невода, конфискованные Домашневым. У устья Апалы промысел производился японскими рабочими и, кроме того, в устье самой реки. Независимо от конфискации невода, проданного затем в Петропавловске с аукциона, Домашнев составил протоколы, коими наложил на японских промышленников известный штраф и забрал их судовые документы, что в жестяных цилиндриках.

В этот день, 7-го июля, предполагалось по возвращении Домашнева на судно немедленно идти на Большерецк, но погода с одиннадцати часов утра стала свежить, и командир, видимо, был недоумен, что Домашнев так долго копается на берегу.

Только Домашнев возвратился и стал взбираться по шторм-трапу на судно, как уже было отдано приказание поднимать якорь. Барометр упал как-то сразу, над волною стали летать маленькия серенькия птицы — буревестники, и мы, снявшись с якоря, очутились в шторме, который на другой день сменился туманом, и предположение «Якута» пойти в Большерецк так и не осуществилось. Питали надежду, что туман рассеется, что мы пройдем Первым Курильским проливом, где можно будет сойти на берег и посмотреть бобровыя лежбища. Надеялись также побывать в японском городке, что возник на берегу Второго Курильскаго пролива, но всё это осталось праздным мечтанием: туман не позволил нам идти ни Первым, ни Вторым проливом, а пошли Четвёртым.

8 июля, в час дня, мы прошли остров Ширинку, очень похожий по своим очертаниям на медведя, в четыре часа дня прошли пролив и взяли курс прямо на Петропавловск, отказавшись от всякой остановки. 9-го июля при совершенно ясной и тихой погоде, даже при лунном свете, мы входили в створы Авачинской губы и в двенадцать часов ночи у устья Раковой бухты отдали якорь, а назавтра, часам к девяти утра, пришвартовались к берегу.

Таким образом, проплававши на «Якуте» тринадцать суток, сделавши, как показали вахтенные записи, 1 632 мили, мы исполнили четыре дела: свезли тридцать семь пудов провизии к камням «Три Сестры», побывали в селении Явине, осмотрели вблизи этого селения две японския шкуны, и у устья реки Апалы Домашнев осмотрел рыбные промыслы. Сделали мало, но сделать больше командир «Якута» не мог: плаванию, как мы видели, всё время мешала погода и, кроме того, «Якуту» нужно было идти к точно определённом сроку в Анадырский край, в бухту Провидения, дабы взять там члена русско-американской экспедиции Богораза.

При изложенных условиях охраны камчатских вод «Якутом», нельзя не согласиться, что эта охрана весьма призрачна, и пользы от нея нет никакой. Военные моряки имеют огромную ответственность за малейшую аварию, и военное судно может подойти к берегу и стоять в виду его на якоре только при совершенно благоприятных условиях погоды, а погода в северных морях очень редко благоприятствует этому, и военное судно очень редко может выполнить программу охраны так, как то предписано начальством.

Для охраны нашего севернаго побережья нужно специальное судно, и даже не одно, имеющее парусное вооружение, хороших две машины, развивающих скорость до двенадцати миль в час. Судно это должно иметь деревянную обшивку, дабы оно не боялось плавучих льдов. Оно должно иметь для устрашения хищников два-три артиллерийских орудия. В Камчатском море нужно иметь два судна, потому что одно судно при наличности пяти Курильских проливов не может угнаться за хищниками: охранное судно пойдёт Первым проливом, а хищники, завидя сторожевое судно, уйдут Пятым проливом и наоборот. Так, по крайней мере, говорят моряки, с их же слов я взял и желаемыя данныя судна береговой охраны в охотско-камчатских морях.

Вопрос о приобретении для Охотско-Камчатскаго края особаго сторожеваго судна не нов, он подымался, как я заметил выше, Муравьёвым. Но то было давно, а я расскажу здесь о положении

этого вопроса в наши дни, причём для большей убедительности процитирую здесь в извлечении представление по этому предмету начальника Петропавловской округи Ошуркова, поданное им 25 августа 1895 года бывшему военному губернатору Приморской области генералу Унтербергеру.

Ошурков, как я заметил выше, задался мыслью развить экспорт камчатской рыбы. Лучшеею рыбою он считает ту, которая ловится в устье реки Камчатки. Там, по мнению Ошуркова, и должен был начаться рациональный рыбный промысел.

Берега реки Камчатки, говорится в сказанном представлении, на сотни вёрст от селения Крестьянского до самой вершины реки Камчатки заросли прекрасным строевым лиственничным лесом. У жителей по долине реки Камчатки при массе рыбы, при массе материала для постройки бочек, нет соли, а завозить её туда трудно, ибо глубина усть-камчатского бара девять аршин. Морские суда, не имея поэтому возможности входить в устье реки, останавливаются в море, милях в пяти от берега, где всегда бывает волнение.

Ошурков рекомендует завести шкуну, вроде «Сторожа», охраняющего побережье Японского моря. Шкуна должна быть паровая, с осадкою не более девяти футов, дабы она могла свободно входить в устье реки Камчатки и подниматься по этой реке до селения Ключевского. Деятельность будущей шкуны, по мнению Ошуркова, должна быть такова: перезимовавши во Владивостоке, ранней весною шкуна приходит в Петропавловск и привозит груз, который, обыкновенно, приходит с первым рейсом (тогда пароходов Добровольного Флота, а теперь пароходов общества Китайской восточной железной дороги). Этот рейс охранного судна сберегает казне до шести тысяч рублей помильной платы, плюс судно зарабатывает на попудной плате до девяти тысяч рублей.

Сдавши груз в Петропавловске, шкуна идёт в Нижнекамчатск, куда также везёт владивостокский груз, а оттуда принимает лес, рыбу и везёт всё это в Петропавловск, где, сгрузившись, принимает охрану бобрового промысла и идёт на Лопатку, а затем идёт по западному берегу до Тигиля включительно, и осматривает устье каждой речки, заставляя тем иностранных хищников, в то время только одних американцев, ловивших на явинских банках треску, выбирать промысловые документы, от чего ожидалось в казну поступлений до десяти тысяч рублей в год. Обойдя западный берег, шкуна идёт в Нижнекамчатск, или, смотря по надобности, в другие пункты. Такая шкуна могла бы, подобно «Якуту», обслуживать побережье Камчатки до половины октября. Ошурков полагал, что

расход по покупке и содержанию помянутой шкуны оправдался бы не только отвлечённым развитием благосостояния населения Камчатского полуострова, но и видимым поступлением сборов в казну за право рыбного промысла. Теперь, с наплывом японцев, эти поступления дошли уже до двадцати пяти тысяч рублей в год, а будь особая сторожевая шкуна, поступления, несомненно, увеличились бы в несколько раз. Сборы за рыбные промыслы, поднявшиеся в 1900 году до двадцати пяти тысяч рублей, в 1901 году, вследствие отсутствия охраны нашего побережья, уже падают и будут падать с каждым годом до тех пор, пока в камчатских водах не будет постоянной сторожевой шкуны, у которой не было бы другого дела, как обслуживать побережье Камчатки и других северных округ.

Изложенное представление Ошуркова не имеет пока никаких последствий.

Позволим себе высказать, что современные обстоятельства требуют немедленного движения вопроса о покупке для камчатских вод особой сторожевой шкуны, возбужденного Ошурковым ещё в 1895 году, тем более, что с покупкою такой шкуны весьма возможно будет освободить «Якут» от крейсерства в северных водах, что даст государственному казначейству немалое сбережение.

ГЛАВА IV. ИЗВЕРЖЕНИЕ АВАЧИНСКОЙ СОПКИ. АГАФЬЯ КАРАНДАШИХА. КАМЧАТСКИЙ ПАРОВОЙ РЫБООБДЕЛОЧНЫЙ ЗАВОД И УСЛОВИЯ ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

За время плавания «Якута» по делам охраны камчатского побережья в жизни Камчатки произошли два важных события: 7-го июля началось извержение Авачинской сопки, а 8-го июля освящён и пущен в ход вновь устроенный паровой рыбообделочный завод.

Извержение сопки, редкое, грозное и величественное, начавшись 7-го июля 1901 года, продолжалось с большими или меньшими перерывами до 21-го июля.

7-го июля, около шести часов утра, у Авачинской сопки, как нам рассказывали по прибытии «Якута» в Петропавловск, начался сильный подземный грохот. Впоследствии оказалось, что грохот этот отчётливо был слышен на сто верст в окружности и в селениях, ближайших к Авачинской сопке: Петропавловске, Сероглазке, Калахтырке, Аваче, Паратунке, Николаевском, Старом острожке и Корьяках. Подземный вулканический грохот был так силен, что тряслись окна, двери сами собою отворялись. Подземный гул слы-

шался часами, и жителей перечисленных селений невольно обуял ужас и даже паника. Все сознавали свое ничтожество перед могучим явлением природы и страшились его.

Подземный грохот к девяти часам утра сказанного дня достиг своего апогея, и из кратера вулкана при ясном и безоблачном небе стал подыматься вверх колоссальный столб густых паров, смешавшихся затем с огненным столбом, которым вулкан извергал глыбы раскалённых камней, огненную лаву. Огненный столб был виден не более пяти минут и сменился теми же густыми парами.

Ослепительно белая снежная вершина Авачинского вулкана, к девяти с половиной часам утра оказалась чёрной, покрытой грязными, дымящимися потоками раскалённой лавы, а снег, покрывавший вершину сопки, растаял.

Снеговые ручьи и потоки лавы не замедлили скатиться к подошве сопки, а затем и к вершине речки Мутной, впадающей в реку Авачу, и эти потоки, насыщенные серою и всякого рода вулканическим примесями, быстро загрязнили и отравили воды реки Авачи, по которой в это время шла ходовая рыба. Рыба, очутившись в не сродной ей среде, изменила своему стремлению идти вверх по течению безостановочно, пока не найдёт гнездовья для метания икры, и массами повернула назад. Масса ходовой рыбы уснула и, всплывая на поверхность реки, быстро неслась ея течением к морю.

Приавачинское население, видя обратный ход рыбы, чего никогда не бывало, видя массы сонной рыбы, пришло в отчаяние: река Авача и ходовая в ней рыба, особенно июльская, главный источник пропитания населения перечисленных деревень. Извержение сопки не приняло больших размеров, и последующие взрывы вулкана были всё слабее и слабее, ограничиваясь в иные дни одним лишь столбом паров, да подземным гулом.

Эффектную картину представляла Авачинская сопка в ночь с 9-го на 10-е июля, когда мы возвращались на «Якуте» в Петропавловск: по ея поверхности от жерла кратера и до подошвы лились огненные реки лавы. Эти огненные потоки, то широкие, подобно реке, то узкие, подобно ручейку, бороздили сопку по всем направлениям и освещали каким-то невиданным светом могучую Авачу и ея ещё более могучую соседку, Корякскую сопку. Жители Петропавловска, хотя и боялись извержения и предсказывали всякие ужасы для Камчатки, но толпами ходили на Култукское озеро, откуда видна Авача, где и любовались редким и величественным явлением.

Среди бела дня случалось, что столб паров от действия ветра принимал различные фантастические формы, а 9 июля, при совершенно ясной, но ветреной погоде, от четырёх до пяти часов дня мы наблюдали с палубы «Якута», подхлывшего к Авачинской губе, как ветер придавал вулканическому столбу паров такую конфигурацию, что надо всей Камчаткой точно парил колоссальный богатырь с булавой в руке. Этот облачный богатырь сильно пугал и без того разстроенное воображение смиренных жителей Камчатки.

Извержение лавы было три раза: 7-го, 9-го и 13-го июля, а затем деятельность Авачинского вулкана ограничивалась одним лишь подземным гулом да извержением паров, а к 18 июля огненные потоки лавы уже потухли и, вероятно, скоро остыли. Мало-помалу очистилась река Мутная, а за нею и река Авача, и по этой последней опять пошла ходовая рыба, и в таком большом количестве, что приунывшие жители свободно назапасали годовыя порции рыбы как для людей, так и для собак.

Нельзя, однако, сказать, чтобы извержение Авачи прошло безследно для жителей Камчатки. Мелкая, невидимая глазом, вулканическая пыль покрыла собою всякую траву, всякий лист дерева почти на всём пространстве южной Камчатки. Странствуя в двадцатых числах июля по селениям Камчатки, я видел эту пыль и на листьях, и на траве. Пыль эта так тонка, что она совершенно напоминает пыль на лакированной мебели большого барского дома, спустя четыре-пять часов после уборки комнат. Эта пыль, видимо, не придавала траве какого-либо неприятного вкуса, так как и рогатый скот, и лошади охотно ели траву во весь период действия Авачинского вулкана, хотя за все это время и не было дождей. Вулканическая пыль не прошла безследно для здоровья жителей: начиная с 10-го июля и по конец этого месяца во всей южной Камчатке не было ни одного человека, который не кашлял бы. Кашляли и взрослые, и старики, и старухи. Этот «вулканический» кашель не походит на кашель простудный. Кашляя, чувствуешь какую-то резь во всех дыхательных путях, мокроты почти совсем нет.

Петропавловский окружный врач В. Н. Тюшев, между прочим, говорил мне, что огромное количество на Камчатка больных чахоткою обязано именно вулканической пыли, которая обильно даётся Ключевскою сопкой, постоянно действующей, хотя каждый раз и слабее, чем действовала в 1901 году Авачинская сопка.

С двадцатых чисел июля, за окончанием действия Авачинской сопки, стал прекращаться и поголовный кашель, и жизнь Камчатки вошла в свою обычную колею

Действие Авачинского вулкана не обошлось без характерного инцидента. Нужно заметить, что в июле месяце по всем камчатским рекам идёт ходовая рыба. Запрещение ловли рыбы японскими рабочими вызвало большой спрос на местные рабочие руки и на рыбалки, и для разгрузки и загрузки судов котиковой компании, так что в Петропавловске 7-го июля, когда начала действовать Авачинская сопка, оставались одне женщины да дети, а все мужчины были на тех или других промыслах. Вулканический грохот, предшествовавший извержению вулкана, привёл в ужас всё женское население Петропавловска, и оне в то время, когда загрохотал вулкан, толпами бежали искать помощи у окружного начальника Ошуркова.

— Ваше высокоблагородие, что же, как делать? Пропали мы, провалимся сейчас в море.

— Не робейте, миленькия. Я уже послал на сопку казаков...

— Ваше высокоблагородие! И сами поезжайте, а то что же с нами будет?

— Поеду, поеду, уже коня седлают...

И камчадалки успокоились. Такова вера у северного населения во всемогущество окружного начальника и его сподвижников — казаков. Но окружный начальник, когда я, сойдя с «Якута», пришёл к нему в гости, при всём его всемогуществе был в унынии: из острогов и селений, расположенных по реке Аваче, получались вести, что рыба дохнет от лавы, попадающей в эту реку с реки Мутной.

Нужно было проверить эти вести и принять каких-либо меры к предотвращению голодовки. Ошурков решил ехать в селение Авачу, расположенное на устье реки того же имени. В этой поездке приняли участие: командир «Якута», три морских офицера, морской доктор и Домашнев.

12-го июля, в десять часов утра, мы отправились в Авачу на паровом катере и через два часа были уже в этом селении.

Вести о гибельном действии вулканической лавы на ходовую рыбу хотя и подтвердились, но все же это явление, как оказалось на месте, не имело таких угрожающих размеров. Рыба, действительно, до 8-го июля массами дохла, но, затем, когда сошла в море вода, загрязненная вулканическими примесями, всё пошло своим порядком: рыба шла, и жители села Авачи ловили её в изобилии.

Обрадованные таким положением дела, мы совершили маленькую прогулку на батах вверх по реке Аваче. Кто охотился на уток, а кто плыл на бату без всякой видимой цели. Я, как не охотник, забавлялся молодыми чайками, уже оперившимися, хорошо плававшими, но не умевшими ещё летать. Серья, с желтыми носами, оне во множестве стояли на прибрежных песках и плавали в воде, а над детенышами с жалобным писком тысячами носились в воздухе старья чайки. На воде, плывя на бату, не поймашь молодую чайку: она по течению плавает и ловко, и быстро, но на песке, особенно если отбить молодую чайку от воды, её легко поймать. Очень забавная и храбрая птица: когда видит, что ей не уйти, она садится и принимает боевую позу и нещадно кусается, когда возьмешь её в руки.

Наша прогулка вверх по Аваче доставила нам большое удовольствие. Когда мы вернулись в селение, там денщики уже приготовили самовар и кое-что закусить.

Всё было приготовлено в доме камчатской героини, Агафьи Ивановны Карандашихи, восьмидесяти двух лет. Эта почтенная старуха принимала непосредственное участие в блистательной обороне Петропавловска от покушения на него в 1854 году англо-французской эскадры. Ея муж был казачий урядник, а она сама, тогда ещё молодая, частенько работала подённо для семьи Василия Степановича Завойко. Когда на Петропавловск неожиданно-негаданно напали враги, Завойко, как известно, всех призвал к оружию, причем правитель канцелярии камчатскаго губернатора коллежский ассесор Лохвицкий был командиром орудия батареи, расположенной на Кошке. На эту батарею, наиболее опасную, был назначен муж Карандашихи, урядник Василий Карандаш. Его жена, Агафья Ивановна, не пожелала вместе с прочими женщинами спастись в горы, но пошла на батарею и во время горячаго артиллерийскаго боя 17-го, 20-го и 24-го августа была на батарее, подавая заряды, поправляя лопатой подстреленныя земляныя закрытия батареи. Ея муж, раненый 20-го августа осколком снаряда, за неимением перевязочнаго пункта лежал тут же, в тылу батареи, и Агафья Ивановна, помимо активнаго участия, собственно, в обороне, исполняла роль сестры милосердия и в отношении к своему мужу, уряднику Карандашу, и в отношении к другим героям безсмертной обороны Петропавловска. В то время, когда Агафья Карандашиха доблестно несла на петропавловской батарее артиллерийскую службу, у нея тут же, на батарее, за земляным закрытием, лежал грудной младенец Иван. Грохот артиллерийскаго боя

не остался безследным для Ивана Карандаша. Он, как говорят в Камчатке, «мерячит», то есть с ним бывают припадки, которые делают его плохим работником и обузой для матери. Это меряченье есть следствие испуга грудного младенца пушечной пальбой, отразившегося на его психике и сделавшего его инвалидом.

У Карандашихи только и семьи, что этот полукретин сын, хотя, впрочем, уже женатый, и героиня лучшей страницы истории русской военной славы после смерти своего мужа от раны, полученной в бою 20-го августа, живёт в величайшей бедности.

С чувством глубокого уважения должен сказать об отношениях к Агафье Карандашихе экипажа транспорта «Якута» и петропавловского окружного начальника Ошуркова.

Раннею весною, лишь приходит в Петропавловск «Якут», как Карандашиха в тот же день является к командиру с визитом, и все командиры «Якута» и других военных судов, посещающих Петропавловский порт, а их переменялось уже много, принимают восьмидесятилетнюю героиню-камчадалку. Они подают ей руку, приглашают к себе в каюту. Приглашает Карандашиху и каюткомпания.

По какому бы делу ни пришла Карандашиха и к начальнику округа, она приглашается им в гостинную, и ей подаётся угощение. Помимо этого моряки и Ошурков кормят Карандашиху и её мерячащего сына. Ошурков ежемесячно отчисляет ей из собственного пайка провианта обычный солдатский паёк, а что касается «Якута», то таковой снабжает старуху решительно всем.

По моему мнению, защитница Петропавловска имеет право на признательность не частных лиц, каковыми в данном случае являются экипаж того или другого военного судна и личность окружного начальника, но правительства, тем более что на попечении Карандашихи остался больной сын, отец которого убит в бою, а он, тогда ещё грудной младенец, в том же бою получил увечье. Даже одно это обстоятельство делает Карандашиху достойной внимания и щедрот правительства. Да и сама-то она — разве не заслужила? Разве не стояла она грудью за своего Царя, за свою родину?

У нас на Руси частенько, впрочем, остаются в забвении подвиги высокой доблести, высокого самоотвержения. Многие славные деяния русских людей благодаря их природной скромности остаются в неизвестности, и узнают о них сплошь и рядом случайно. Живых героев Петропавловского боя только и осталось, что Карандашиха, да и той уже восемьдесят два года!

Не послужит ли изложенное мною об Агафье Карандашихе, живой реликвии Петропавловской славы, к тому, чтобы власти обратили внимание на эту старуху, чтобы ей дан был, хотя какой-либо знак признательности государства к тем, кто так блистательно, кто так героически отстаивал честь и достоинство России в отдалённом и пустынном ее уголке?

В Петропавловск мы возвратились около семи часов вечера. 14-го июля мы ездили, также на паровом катере, в Тарьинскую бухту посмотреть вновь открытый камчатский паровой рыбообделочный завод, только что начавший свою деятельность.

Завод устроен Камчатским торгово-промышленным обществом, учреждённым в 1897 году и действующим по уставу, Высочайше утверждённому 13-го июля 1897 года, и согласно постановлениям, опубликованным в «Собрании узаконений и распоряжений правительства»: в 1897 году за № 122, в 1898 году за №№ 58 и 109 и в 1900 году за № 93.

Сказанное общество имеет свою целию производство различных морских и речных водных промыслов (сельдяного, трескового и вообще рыбных, боя китов, лова и боя морских зверей, лова трепангов и крабов) в Охотском, Беринговом и Камчатском морях с заливами, проливами и реками, в них впадающими, в Татарском проливе и в реке Амуре с его притоками. Равно общество имеет целью устройство и содержание заводов для приготовления консервов, жиров и землеудобрительных туков. В цели общества входит также торговля разного рода товарами, а также добыча и разработка для надобностей предприятия ископаемого угля в Камчатке.

Этому обществу предоставлено право с соблюдением существующих законов, постановлений и прочего, приобретать в собственность, а равно устраивать и арендовать промысловые и торговые заведения и склады с приобретением для сего движимого и недвижимого имущества, а также содержать для нужд общества пароходы и другие суда.

Основной капитал общества определен в 1 000 000 руб. золотом, разделенный на 8 000 акций по 120 руб. золотом каждая.

Насколько уже реализованы теперь сказанные 8 000 акций, в чьих она руках, русских или иностранцев, я не знаю: одни говорят, что это есть предприятия русских капиталистов с г. Прозоровым во главе, а другие говорят, что камчатское рыбное дело находится в руках иностранных капиталистов. Где правда, я не мог узнать, да откровенно сказать, меня это и не интересовало. На основании виденного собственными глазами, я могу здесь ска-

зять только, что Камчатское торгово-промышленное общество взялось за дело совершенно серьезно, и все 1 500 000 руб. кредитными находятся в деле и имеются во вновь построенном на берегу Тарьинской бухты паровом консервном заводе и паровом же, огромных размеров, гуановом (туковом. — *Red.*) заводе.

Начавши строить два огромных завода, снабжая их совершеннейшими машинами, общество встретилось с массою затруднений, обусловливаемых пустынною и своеобразными условиями Камчатского полуострова с одной стороны и новизною дела с другой.

Нужны были огромные капиталы, железная энергия и полная вера в будущность предприятия, чтобы не опустить рук с первых же шагов.

Завод начали строить на берегу Тарьинской бухты, в восемнадцати верстах от Петропавловска. В этих местах лесу много, но он, тополёвый или берёзовый, сплошь дуплистый и корявый, для постройки не годится, и лес пришлось привозить извне: частью из Америки, частью из Японии и частью с Сахалина. В Камчатке никогда не было кирпичного завода, и все печи на этом полуострове сложены или из кирпича-сырца, или из кирпича привозного. Не делая кирпича, жители Камчатки и не занимались вопросом о местонахождении годной для кирпичей глины, и обществу, приступившему к постройке завода, требовавшему, помимо обыкновенного кирпича, и кирпич огнеупорный, пришлось, не теряя времени, привезти всё потребное количество кирпича из Японии. Мало этого, в камчатских реках, дно которых всегда глинистое или каменистое, не нашлось даже такого песка, который нужен для каменной кладки, а морской песок не годится для этой цели, а потому из Японии привозили и песок, не говоря уже об извести.

Приступая к постройке заводов, консервного и гуанового, общество выписало инженеров: для консервного завода из Америки с жалованием двенадцать тысяч рублей в год, не считая путевых пособий и процента с будущих прибылей, а для гуанового завода были выписаны инженеры из Норвегии.

Инженерам было сказано: составить чертежи заводов и оборудовать их самыми лучшими машинами.

В пустынной Тарьинской бухте целый год кипела работа. За неимением в Камчатке рабочих, таковые выписывались и из Америки, и из Японии, и из Норвегии, и из Швеции, и даже из Франции, и к концу июня сего года в Камчатке, точно гриб, вырос консервный завод и начат постройкой гуановый завод.

Высокая заводская труба, извергая клубы чёрного дыма от японского угля, видна уже на половине Авачинской бухты, а когда войдёшь в Тарьинскую бухту, то отчетливо видны заводские постройки и множество копошащихся там людей.

Местность, где построен завод, необыкновенно живописна. Завод построен на самом берегу, на несколько возвышенном плато, а в тылу заводских построек амфитеатром раскинулись горы, покрытия зеленеющим лесом. Рыбный завод, даже в лето сего года, когда он далеко ещё не был окончен, и когда его деятельность находилась ещё, так сказать, в стадии испытаний, уже производил впечатление и большей населённости, и большей оживлённости, чем самый Петропавловск, столица Камчатского края.

В июле месяце сего года там были возведены следующие постройки: 1) здание рыбоконсервного завода барачного типа, крытое волнистым железом, но не обшитое ещё тесом, за неприбытием онаго из Америки. На заводе этом были уже установлены и пущены в ход все машины, речь о которых ниже; 2) казармы для рабочих тёплыми, приспособленными для зимнего жилья; 3) флигель для всех служащих, разделенный на множество комнат, для каждого служащего отдельно, и имеющий, кроме того, общия залы, где служащие собираются для обеда, чтения газет, книг и проч; 4) баня и прачечная, и 5) рядом с консервным заводом уже было положено основание гуановому заводу, и выведена на две сажени его колоссальная железная труба.

Когда мы прибыли на завод, на берегу лежало множество ящиков и рам с частями всевозможнейших машин, лежали штабелями в тюках, покрытыя брезентами, всевозможные материалы для надобностей завода, как-то каменный уголь, лес для ящичков, жесьть для банок и многое прочее. По всем направлениям двигалось множество рабочих: плотников, столяров, каменщиков, печников, слесарей, кузнецов и т. п. Рабочие-японцы в особых палатках на самом берегу, а рабочие прочих наций были размещены, кто в казарме, кто в дощатых бараках, кто в палатках.

Всем делом правит американец Смит. Это типичный янки. В будние дни его не отличишь от обыкновенного рабочего: с трубо-носогрейкою в зубах, в синей американской рабочей блузе и в таких же штанах, с подвязанным поверх блузы грязным парусинным фартуком, с засученными рукавами на мозолистых руках, он работает плечо в плечо с простыми рабочими, и только повелительность жеста, а подчас тумак, которым Смит щедро наделяет рабочих, выказывают в нём распорядителя работ.

Таковы, собственно, и норвежские инженеры, строящие гуановый завод, но те все-таки ходят в пиджаках и соломенных шляпах, хотя и наряду с рабочими таскают особо тяжёлые части машин.

В праздничные дни и не узнаешь этих иностранных инженеров. Мне приходилось в праздники обедать в компании с ними. За столом сидели уже не те чернорабочие, какими я видел их на работах в будние дни, а сидели джентльмены, гладко выбритые, подстриженные, некоторые с нафабранными усами, наряженные в изящнейшие костюмы, а многие и в белых галстуках. За заводским табльдотом садилось до двадцати четырёх человек. И какая только нации не имели здесь представителей?! Разговор разноязычный, хотя английский язык преобладает. Работа начинается на заводе с пяти часов утра. Скажу несколько слов об изготовлении консервов.

Рыба, пойманная на заводских рыбалках заводскими рабочими, а равно и купленная у жителей по цене 8 коп. штука красная рыба и 3 коп. штука — горбуша, подвозится на баркасах к навесу, построенному сажень в пятнадцати от берега. Под этим навесом сделаны столы с проведёнными к ним трубами, из которых, по желанию, льется вода, накачиваемая в трубы паровую помпою. Под этим навесом производится потрошение и чистка рыбы. Работают японцы и быстро, и умело. Когда подойдёт к навесу баркас с рыбою, то рабочие, что под навесом, особыми крючками быстро бросают рыбу на помост навеса, а когда вся рыба выбрана из баркаса, то одни рабочие подают её на столы, а другие отрезают ей голову, потрошат и вынимают внутренности. Особый рабочий, имея в руках деревянную метёлку, вроде щетки, тщательно вычищает брюшную полость рыбы от сукровицы и от остатков внутренностей, а другой рабочий, держа в руках водопроводную кишку, всё время обильно обливает потрошимую рыбу водою. Рыба, очищенная от внутренностей, поступает на другой стол, стоящий рядом. На этом столе рабочие обтирают особыми деревянными щётками наружные части рыбы, как бы чистят её, а затем рыба бросается в особый чан, в который непрерывно вливается трубами вода. От навеса к самому заводу проложены две линии дековильки, по которым во время работ непрерывно бегают вагонетки, движимые канатом, накручиваемым на вал паровой лебедки. Когда вагонетка окончательно нагружена очищенной рыбой, она по рельсам тянется вверх к самому заводу, а затем, освобождённая от груза, переводится на другую линию и уже в силу собственной тяжести по наклону бежит к навесу за новым грузом.

У того угла, к которому вагонетки подвозят рыбу, стоят рабочие, которые крючками сбрасывают рыбу на деревянную наклонную плоскость, к которой проведена труба, и рыба вновь промывается.

У входа на самый завод вертится деревянный вал с деревянными же десятью полками. Рабочие ловко и быстро бросают на эти полки рыбу. С другой стороны этого вала вертятся круглые ножи, которые перерезают рыбу, задерживаемую полками сказанного деревянного вала, на куски фунтового веса, ни больше, ни меньше, а именно фунтового. Эти куски по особому желобу передаются к тому мастеру, который ведаёт набивкой рыбы в коробки. Коробки делаются в верхнем помещении, так сказать, на втором этаже. Делает коробки особая машина ловко и быстро: «тук, тук» — и жестяная банка цилиндрической формы, помещающая фунт рыбы, готова. Жестяные банки по особому желобу непрерывно катятся к тому месту, где в каждую коробку насыпается определённая доза соли, а затем коробка идёт туда, где другая машина вталкивает в коробки куски рыбы. Особый механизм ставит коробку в перпендикулярное положение, и поршень, движимый паровой силой, быстро вталкивает в банку кусок рыбы, а затем особый механизм закрывает банку крышкой, и банка, наполненная рыбой, автоматически идёт далее. Сначала она катится над желобом, в котором помещается расплавленное олово. Олово плавят бензином, нагнетаемым в горелки пневматической машиной. Пройдя таким желобом, коробка запаяна.

Запаянные коробки ставятся в особые железные рамы по пять дюжин в каждую, и эти рамы при помощи особого приспособления погружаются в чан с водою, что даёт возможность определить, все ли коробки запаяны герметически. Та коробка, у которой есть хоть малейшее отверстие, даёт пузыри, и такую коробку вытаскивают из рамы, осматривают её и паяют вручную, затем вместо вынутой коробки ставят исправленную раньше.

Рамы с коробками, уже проконтролированными водою в отношении герметичности, складываются на особые вагонетки и вкатываются в колоссальные паровые печи, каковых на заводе четыре. Варится рыба в печах текучим паром высокой температуры, причём время нахождения рыбы в печах определяется американцем Смитом. Когда Смит скажет, что рыба готова, печи отворяются, вагонетки по рельсам вывозят уже готовую рыбу, и все рамы ставятся на особые столы. Тут происходит самая главная и трудная в консервном деле работа.

Удаляют воздух, попавший вместе с рыбой в коробки. Только что рыба вынута, только поставлена на столы, как мастера, только и знающие это дело, маленькими острыми коническими молоточками начинают пробивать дырочки в каждой крышке коробки. С шумом и свистом выбрасывается из каждой коробки струя пара, а с нею и воздух, а в это время другой рабочий, держа в одной руке кусок свинца, а в другой раскалённый паяльник, капает свинцом (оловом. — *Ред.*) на отверстие, и как раз в тот момент, когда пар уже вышел. Эта работа очень интересна, и исполняется она с замечательною ловкостью и быстротой. Глазом не моргнёшь, как в коробочке пробита дырка и запаена. Эту работу исполняют мастера, выписанные с рыбоконсервных заводов на Аляске.

Когда воздух в коробках выпущен, и они запаены, рамы с банками при помощи блоков погружаются сначала в чан с особым составом, побывши в котором жестяные коробки делаются чистыми и блестящими, а затем в чан с проточной водою, где коробки обмываются окончательно. Рамы складываются на вагонетки, и уже готовые рыбные консервы отвозятся в склад, где их, остудивши, укупоривают в ящики.

Я ничего не смыслю в машинах, но думаю, что машины камчатского рыбоконсервного завода совершенны: всё делается ими так быстро, так точно и верно, что достаточно проследить хотя за одной какой-либо коробкой с того момента, как машина стала стягивать жестяный лист в цилиндрическую форму, а затем делать швы коробки и т. д., чтобы сказать, что завод оборудован безукоризненно, ибо весь процесс приготовления консерва делается без сучка и задоринки, а это и может быть только при совершенных машинах. То же самое я должен сказать и о людях, приготавливающих консервы: каждый из них делает своё дело так быстро, что трудно даже проследить, как производит он то дело, к которому приставлен.

Механическая часть завода поставлена великолепно. Суточная производительность завода рассчитана на 800 ящиков по четыре дюжины жестянок в каждом, то есть, завод может производить в сутки 38 400 жестянок однофунтового веса.

Независимо от сего, как я сказал выше, рядом с консервным заводом строится жирово-туковый завод, производительность которого будет 50 тонн в сутки или 3 150 пудов.

Появление в далёкой Камчатке такого крупного предприятия, как описанный рыбоконсервный завод и строящийся рядом с ним жирово-туковый завод, совершившееся так быстро и так неожиданно,

сильно волнует камчатские умы. Одни не одобряют такой широкой постановки дела, ибо полагают, что заводу не хватит сырого материала, и предсказывают ему полный крах и даже в близком будущем, другие с этим не согласны и думают, что сырьё хватит, и заводу поэтому предстоит блестящая будущность.

По моему мнению, нельзя сказать ни за, ни против приведённых предсказаний. Фабрично-заводское предприятие в Камчатке, да ещё на таких широких началах, ещё совершенно новое дело. Ни у кого, ни из сторонников, ни из противников завода, нет данных, подкрепляющих ни их оптимизм, ни их пессимизм. Результаты деятельности завода в 1901 года правда печальны: изготовлено консервов мало, ибо, действительно, не было материала, но в этом виновата прежде всего организация его добычи, по моему, неумелая, а, быть может, обусловливаемая новыми правилами производства рыбных промыслов в Камчатском море, коими лов рыбы японскими рабочими воспрещен.

Завод действует на основании контракта с военным губернатором Приморской области, заключённого 12 июня 1900 года. По букве этого контракта завод прежде всего для своего устройства и ловли рыбы получил земельный участок в Тарьинской бухте в долгосрочную аренду, а теперь администрация заставляет завод помимо контрактной платы платить ещё особую плату за право рыбного промысла на заарендованном участке.

Впрочем, о том положении, в каком очутился завод благодаря новым правилам, хорошо говорит прошение товарищества, поданное им 12 августа 1901 года военному губернатору Приморской области. Привожу главнейшие пункты этого прошения:

1) До устройства завода ловля рыбы разрешалась на семи рыболовных участках, а с устройством завода четыре участка запрещены (в бухтах: Лагерной, Усовской, Богородской и Богатырёвской), так что теперь завод может рассчитывать максимально на 140 000 рыб в сезон вместо 400 000, что обезпечивает консервный завод лишь на одну треть его действительной производительности.

2) До устройства завода лов рыбы разрешалось производить иностранными рабочими, преимущественно японцами, очень дешёвыми и не требовательными, а, главное, ловкими рыболовами. С устройством завода иностранные рабочие при ловле рыбы запрещены, местных же русских рабочих нет, а привоз из Европейской России рискован, ибо завод должен ежегодно выбирать рыболовные участки с торгов.

3) До 1900 года лов рыбы разрешался бесплатно, с 1900 года с платою по 100 руб. за участок, а с 1901 года, когда завод устроился, по 200 руб. за участок. Цены на участки растут с поразительной быстротой. Общество, нуждающееся в рыбе для производительности завода, без сомнения, заплатит высшая на торгах цены, но при этом ежегодно будет в зависимости от каждого случайного конкурента, пожелавшаго, даже ради забавы, поднять цены до возможно высокого предела, при полной уверенности, что общество должно будет платить предельныя цены или входить в частныя соглашения с конкурентом.

4) В Высочайше утверждённых главных основаниях для заключения контракта с товариществом, между прочим сказано, что участки отдаются для рыбных промыслов, а в пункте III даже обусловлено, что товарищество обязано приготавливать ежегодно до 50 000 пудов рыбы. В заключённом военным губернатором Приморской области контракте с обществом в пункте I выяснено, что береговые участки Тарьинскаго залива отдаются товариществу для ловли рыбы и устройства консервного и жирово-тукового заводов. Казалось бы, что товарищество на основании приведённаго пункта контракта имело и имеет право ловить рыбу против двух контрактных участков бесплатно, но Петропавловское окружное управление нашло, что за эти контрактные участки товарищество должно уплачивать правительству по 200 руб. в год за каждый, а за оба 400 руб., каковыя и взыскало с товарищества.

5) В пункте 5-м Высочайше утверждённых главных оснований и в пункте 6-м контракта сказано, что товарищество обязано иметь в числе рабочих: в первое пятилетие 5 %, а во второе 10 % русских подданных. Основываясь на этом условии, а также и на упомянутом уже пункте 1-м контракта, товарищество, имея в числе рабочих японцев на одном своём участке, производило лов рыбы девятью японскими рабочими, имея в тоже время на берегу более 10 % русских рабочих. Но заведывающий рыбными промыслами Приамурскаго края нашёл, что товарищество даже на своих контрактных участках обязано ловить рыбу исключительно русскими рабочими, составил акт и оштрафовал общество на 900 руб.

Камчатское торгово-промышленное общество, преемник Русскаго товарищества котиковых промыслов, состоящее исключительно из русских капиталистов, — говорит цитируемое прошение, задавшись целью развить промышленность и торговлю в Камчатке с пользою для себя и края, составило акционерный капитал в 1 500 000 руб. и, внося их в такое рискованное дело, как заводская

обработка рыбы и морских зверей, намеченная в стране полупустынной, далекой, суровой, труднодоступной в летние месяцы и совершенно отрезанной от всякого общения с остальным миром в месяцы зимние, твёрдо верило, что оно встретит всякое сочувствие в правящих сферах, а в случае надобности и поддержку.

Общество, организовав в Камчатке миллионное предприятие, не утруждало правительство ни просьбами о субсидиях, ни просьбами о каких бы то ни было изъятиях, тем паче о льготах. Но предприятие общества вследствие новых условий, созданных временными правилами для производства рыбных промыслов в водах Приамурского генерал-губернаторства, в момент возникновения этого предприятия непредвиденными, попало в такое положение, что оно рискует не только не поставить эксплуатацию наших северных вод на должную высоту, на возможность конкурировать на австралийских и европейских рынках продуктами Камчатского (Беринговаго) и Охотского морей с американцами, но оно, предоставленное случайностям, рискует потерять в Камчатке свои капиталы, а с ними похоронить всякую надежду на какое бы то ни было промышленное оживление этой страны.

Какая судьба постигла это прошение товарищества, мне неизвестно, но я не могу не высказать, что на камчатское фабрично-заводское предприятие крайне желательно смотреть не только с точки зрения интересов фиска, но, разрешая это прошение, следует принять во внимание и всю двухвековую историю той страны, где без всякой субсидии возникло крупное торгово-промышленное дело, которое может поднять экономическое благосостояние всей северной окраины, тем более, что описанное предприятие, несомненно полезное, предвещает известную будущность Камчатке. Ведь до наших дней для Камчатки и для всей вообще нашей северной окраины не было сделано ровно ничего. Два века администрация нашего дальнего севера только и делала, что писала канцелярския бумаги и тем, позволяю себе высказать, тормозила развитие этой страны.

Какая будущность завода, заслуживает ли сей завод внимания и поддержки властей — я не буду говорить, а скажу лишь о том влиянии, какое оказал завод на ценность камчатской рыбы с первым же оборотом своих машин.

До открытия завода, как я уже заметил выше, ходовая рыба лососёвых пород не имела никакой цены, ибо ея было так много, что в ней решительно никто не нуждался, а сбыта не было. И рыбу вялили в примитивных сушильнях, где она и пропадала тысяча-

ми, десятками тысяч бросали её по всей Камчатке в ямы на корм собакам, и за всем тем камчатские реки по окончании нереста ежегодно выносили в море неисчислимыя массы сненки, дохлой рыбы.

С открытием завода на Камчатке явился спрос на рыбу и притом по хорошей цене. И жители окрестностей Петропавловска, даже в лето 1901 года, уже заработали на ловле рыбы для завода много денег. Некоторые с 8-го июля по конец месяца по сотне и более рублей на человека. Этот промысел так выгоден, что многие говорят, что ловить рыбу для завода лучше, чем соболевать. Собственно говоря, добыча рыбы в Авачинской губе в прошедшем году была крайне затруднительна, так как до 8-го июля никто из камчатских обывателей не верил в скорое открытие завода, а потому ловили рыбу только ближайшие жители, но и они не могли уделить заводу столько времени, сколько то требовалось. Им самим нужно было в это время запасать рыбу и для себя, и для собак, нужно было и косить сено для скота. На Камчатке вообще рабочих рук мало, и если камчадалы погонятся за одним, то упустят другое. Мы думаем, что если завод озаботится должным количеством рабочих рук и получит просимыя рыбалки, то он не будет иметь недостатка в сырье, как то было в лето минувшаго года. Дело пока организовано плохо. Для характеристики я расскажу следующий факт: в 1900 году товарищество, как и другие предприниматели, производило промысел рыбы на западном берегу Камчатки. Вся упромышленная и засоленная сухим японским способом рыба не могла быть увезена в ту навигацию в Японию, а потому рыба была сложена в штабели прямо на берегу. Несмотря на советы нанять сторожей, на что потребовался бы расход самое большее 1 000 руб., главный доверенный товарищества не нанял сторожей. И вот результаты: рыбу клевали и сороки, и вороны, ели её зимой и волки, и лисицы, причём последняя, как мне жаловались в Явине, поевши солёной рыбы, бесились, забегали в селения, где и кусали собак, которые от этих укусов также бесились. Эту же рыбу воровали ранней весной минувшаго года японския хищническия скуны. Да и зачем было некоторым японцам ловить рыбу, если груды уже готовой рыбы, хотя и прошлогодней, но годной для продажи на японских рынках, стояли без всякаго призора?! Рыбы украли на сумму до 40 000 руб. Так, по крайней мере, говорил командир «Байкала», собиравший эту рыбу в июне месяце 1901 года по западному берегу Камчатки. И во многом поступает так администрация камчатскаго рыбопромышленнаго

общества. Там, где расходуются сотни тысяч рублей, она дрожит подчас над двугривенным, и этот двугривенный, безразсудно сберегаемый, приносит обществу многотысячные убытки.

При пожелании полного успеха новому камчатскому торгово-промышленному предприятию позволяю высказать надежду, что некоторые недочёты в организации дела будут устранены. Дело новое, и без ошибок оно едва ли могло и установиться. Судьба завода, по моему мнению, тесно связана с судьбою всей Камчатки.

Завод товарищества, как консервный, так и жирово-туковый, для котораго весной 1902 года ожидались специальные промысловыя шкуны, даже китобойныя, и есть именно то дело, которое может поднять экономическое благосостояние Камчатки.

Разрешение вопросов, связанных с судьбою и деятельностью завода, имеет особую важность: в судьбе этого завода — судьба благоденствия всей обширной северной окраины, ибо если будет удача камчатскому заводу заведут заводы и в Охотском крае, и на западном берегу Камчатки. Спрос на рыбу крепнет с каждым годом, и это неисчерпаемое богатство сказанной окраины возместит государству все его затраты, все его жертвы на ея благо, а население окраины обогатится.

ГЛАВА V. СУХОПУТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО КАМЧАТКЕ. НАБЛЮДЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ КАМЧАТКИ НАД ЖИЗНЬЮ РЫБ ЛОСОСЁВЫХ ПОРОД. БЫТОВАЯ СТОРОНА КАМЧАТСКОЙ ЖИЗНИ. ПОЛОЖЕНИЕ БОЛЬНЫХ ПРОКАЗОЮ НА КАМЧАТКЕ

18-го июля, в девять часов утра, я выехал вместе с Ошурковым в селение Паратунское, расположенное на реке того же имени, в тридцати двух верстах от Петропавловска. Путь идёт сначала бухтой, а затем пешком, верхом на лошадях и водою на бату.

Бухту мы проплыли на шлюпке под парусом, причём с нами плыл камчатский уроженец Гаврила Подпругин, двенадцати лет. Он знает всякие парусные галсы, знает, когда и как крепить парус, как держать руль при той и другой перемене ветра. Я любовался этим малолетним моряком и думал: вот где непочатый угол природных штурманов, а между тем, не было, кажется, случая, чтобы сделали опыт вывезти хоть одного камчатскаго мальчика для обучения мореходному делу, хотя во Владивостоке и есть мореходные классы.

Пользуясь хорошим ветром, мы пришли на так называемую подпругинскую рыбалку часа через два с половиной. Здесь пара-

тунские жители ловили для завода рыбу, причём невод у них был японского типа, полученный с завода. Рыба шла хорошо, и рыбаки были довольны своими делами. В течение дня на эту рыбалку два раза заходил паровой заводский катер, который и буксировал на завод пойманную рыбу, а в следующий рейс он привозил квитанцию за отвезённую рыбу, брал новую и т. д.

Когда мы добрались до рыбалки, настало время тащить невод, концы которого были прикреплены к баркасу, стоявшему на мёртвых якорях. Вследствие ветра рыбы в невод попало немного, не более двухсот штук, но вместе с рыбой попались две нерпы. В Авачинской бухте вообще много нерп, и часто случается видеть их стаями. Нерпа очень любопытна. Когда идёт катер, то его шум привлекает внимание нерп, и оне поминутно и в разных местах высовывают из воды свои морды и смотрят на катер. Нерпам, видимо, нравится струя, оставляемая винтом катера, и оне в тихую погоду плывут в этой струе стадами, хотя и на приличном расстоянии от катера.

Лахтаки, нерпы и прочия ластоногия водятся в значительном количестве по обоим берегам полуострова. Иностранческое и русское население Камчатки весьма успешно производит промысел морских зверей. Кожа лахтаков и нерп идёт на ремни: для скрепления нарт, на сбрую для собак и на подошвы для иностранческой обуви (торбасов). Кожа нерп, как более тонкая, идёт на лыжи, без которых туземец при тех громадных снегах, какие бывают в Камчатке, не мог бы ходить на промысел пушного зверя. Из кожи нерп делают также разнообразные сумы, заменяющие иностранцу чемодан. Мясо и жир нерп и лахтаков идёт в пищу людям. Самый лучший лов лахтаков и нерп бывает ранней весной, начиная с половины марта. В это время зверь ложится на лёд, плавающий по морю. Туземцы на своих батах переезжают открытое место, имея с собою ружьё и самого первобытного устройства копьё в виде маленьких гарпунов, называемых спицами. К древку гарпуна привязывается ремень около десяти сажень длины. Выйдя на лёд, где ложится зверь, с подветренной стороны, туземцы, одетые в белые рубашки из американской дрели, незаметно подкрадываются к лежащему зверю и бьют его палками. Ушедших в воду и часто выходящих на её поверхность стреляют в голову, подъезжают к битому зверю на бату и бросают в него спицу, которая, пройдя в кожу зверя, зацепляется за неё своими крючками. Ремнём, привязанным к спице, убитый зверь вытаскивается на берег. Осенний промысел нерп и лахтаков производится на лежбищах по

берегу или на песчаных косах у устья рек. Он чрезвычайно опасен, и смельчаки-промышленники, случается, платятся своей жизнью. Случаи гибели промышленников чаще всего наблюдаются на западном берегу полуострова. Происходит это потому, что хороший промысел зависит в большинстве случаев от направления ветра. Благоприятные ветры для западного берега: западный, северный и юго-западный. Средний ветер, гоня волны, встречающая противное течение речки, производит большие буруны, перекатывающиеся через песчаные косы, где лежит зверь. Промышленник, вооруженный спицей, находится около лежбища в месте, откуда ветер не может обнаружить зверю его присутствие. Выждавши удобную минуту, когда бурун только что прошёл, промышленник бежит к лежбищу и бросает в первого попавшегося зверя спицу и, удерживая раненого зверя на ремне, привязанном к концу древка спицы, добывает зверя ножом. При приближении буруна отходит в безопасное место. Но бывают такие случаи, что зверь, получивши удар спицей, бросается в воду, и промышленник, крепко держащийся за ремень, стаскивается зверем в воду и погибает. Случаи эти редки, но чаще всего причиною гибели промышленника служит то, что промышленник, убив зверя, по каким-либо причинам замедлит уйти от надвигающегося буруна. Гибель его в этом случае неизбежна. Подошедший бурун перебрасывает промышленника в речку, откуда он уносится в море быстрым течением речки и отходящего от берега буруна. Лахтаки и нерпы заходят по более глубоким речкам вверх, вёрст на тридцать и более. Заходящих в речки стреляют из сделанных в известных местах засадок, но поймать убитого зверя удается редко: в пресной воде он скоро тонет.

Нерпа, пойманная неводом, пока она ещё в воде, бьётся энергично, того и гляди порвёт ячеи сети, но когда показалась уже корма сети, нерпа делается смирнее, а когда корму вытянули из воды, то попавшая в неё нерпа и не шелохнется. Удар по носу палкой, и нерпа уже без жизни, её вытаскивают на баркас, и она идёт на потребу промышленников.

На рыбалке мы пробыли часа два. Здесь нам сварили уху из только что пойманной рыбы, сварили чай, а затем оседлали лошадей, и мы с Ошурковым двинулись дальше.

Ехать на камчатском седле прямо мучительно. Это седло не более, как две деревянные пластины, сбитыя под углом с таким расчётом, чтобы они могли поместиться на спине лошади. Снизу она обшита медвежьими шкурами, а иногда кошмой, но верх без

всякой обивки, и всаднику приходится сидеть на ребре двух пластин. Даже подушка, имеющая наволочку из лисьих лапок, помогает мало, и проехать на камчатском седле сотню-другую вёрст — дело нешуточное, особенно без привычки.

Лошади камчатския, якутской породы, сильны, выносливы и довольно бойки. Доктор Слюнин говорит, что камчатския лошади ходят только шагом, но те лошади, на которых в течение двух недель ездил по Камчатке я, а я ездил на сменных лошадях, прямо-таки не любят ходить шагом, а всё время шли рысью и даже хорошей.

Камчатския лошади совсем незнакомы с овсом и, пожалуй, не станут его и есть, хотя овса им и никто никогда не давал. Летом и зимою оне на подножном корму, за исключением лишь зимних дней, когда стоит особо сильная пурга или образовался наст, по которому лошади, конечно не кованья, ибо о подковах в Камчатке не имеют понятия, и не могут ходить. Питаясь только травкою, камчатския лошади имеют длинную мохнатую шерсть. Лошади смиренные, но только не жеребцы. Жеребец, когда завидит себе подобнаго, стремительно несётся в атаку на своего соперника, и седоку его не удержать. При такой оказии самое лучшее спрыгнуть на землю, ибо в бою жеребца с жеребцом не усидишь верхом и рискуешь получить серьёзное увечье. А когда нет по дороге жеребцов, то можно ехать совершенно спокойно. Седловка на Камчатке очень плохая: седловые ремни редко скрепляются пряжками, а больше узлами, а узел в седле — дело ненадёжное.

Лишь только мы выехали с рыбалки и проехали с версту, как подпруги моего седла, скреплённые узлами, ослабели, ибо кое-где развязались узлы, седло накренилось на бок, и я слетел на землю. Конь, видимо, был приучен к падению своих пассажиров: я, слетевши, барахтаюсь на земле, стараясь освободить ногу из стремени, простой тополёвой тоненькой дужки, а конь, остановившись, смотрел на меня, и стоял смирно всё время, пока поправляли седловку, и пока я опять взгромоздился на него верхом. Мы ехали берёзовым лесом, который, начавшись в полуверсте от берега, тянется затем с большими или меньшими перерывами по всему бассейну рек Паратунки и Авачи, а затем переходит в бассейн реки Камчатки. Лес корявый, хотя и толстый. По сторонам тропы, по которой мы ехали, множество грибов. Если бы остановиться для их сбора, можно набрать любое количество. Вот лошадь Ошуркова шаркнулась в сторону: она испугалась выводка тетеревей, притаившаяся в траве на самой тропе и вспорхнувшая перед носом лошади. Выводки взлетают всё чаще и чаще, и лошадь, привыкшая к шуму

их взлёта, уже не обращает на них внимания, и мы идём покойно. Через четыре версты — Дальнее озеро.

Это озеро в две версты ширины и до пяти длины глубокое, очень живописно. Оно окаймлено высокими горами, в иных местах отвесными, поросшими лесом. Дальнее озеро волнуется при особо сильных ветрах, а обыкновенные ветры, сдерживаемые горами, проносятся над озером, не волнуя его. Из Дальнего озера вытекает небольшая речка без названия, впадающая в реку Паратунку. Из Паратунки идёт в это озеро множество ходовой рыбы, пропускаемой запорами в праздничные дни, и здесь, в озере, рыба мечет икру, из которой выводятся мальки, мелкая рыба, которая через некоторое время массами уходит из озера в реку Паратунку, а оттуда в море.

Жители говорят, что молодая рыба, идя в море, встречается с рыбою, идущей в озеро метать икру. Таких озёр, как Дальнее, в Камчатке много, и все они служат колыбелью рыбы лососёвых пород, к которой так богаты наши северные воды.

Мы с Ошурковым быстро переплыли на шлюпке озеро, и когда мы подошли на расстояние сажени пятьдесят до берега, то было так мелко, что с лодки видно дно. Дно песчаное, а местами илистое, поросшее водорослями. В воде несметное множество мелкой рыбы. Её так много, что можно прямо черпать ведром и даже ловить руками. Никто из камчадалов не тронет мелкую рыбу, которая, по их убеждению, уходит в море с тем, чтобы вырасти там, а затем вернуться в это же озеро, чтобы дать жизнь новым рыбам и умереть здесь. На Дальнем озере, мне кажется, и есть тот ключ, который может помочь учёным разрешить загадку жизни рыб лососёвых пород.

Что рыба идёт в реки ежегодно, что она мечет в реках и пресных озерах, вроде Дальнего, икру — в этом не может быть сомнения. Нет сомнения и в том, что рыба, придя из моря в пресную воду, уже не возвращается обратно в море. Время хода рыбы для каждой породы своё: чавыча идёт с 9-го мая, красная и горбуша — с половины июня, а кижуч и хайко — со второй половины июня. Когда наступает время хода другой породы, то порода, пришедшая в пресную воду раньше, уже кончает своё дело. Она, как говорят в Камчатке, лоцает, а вылощавшись, она умирает, и мёртвая несётся течением в море. Такая рыба, массами плывущая в известные периоды по поверхности любой камчатской реки, называется камчадалами «сненкой». Сненки бывает так много на камчатских речках, что когда она пошла, работа по выбору из запо-

ров рыбы начинается с того, что запор сначала очищается от сненки, которую перебрасывают на другую сторону течения, и эта работа тянется часами. Так много набирается этой сненки. Сненкой усеяны и прибрежные пески. К тому времени, когда появилась сненка, к берегам речек выходят и медведь, и волк, и лисица. Всюду видны следы зверей, не пренебрегающих, как видно, сненкой.

Мне пришлось плыть по реке Аваче в то самое время, когда пошла сненка чавычи. Я видел массы дохлой рыбы — сненки и на берегу, и на поверхности воды. Видел я рыбу и в предсмертной агонии. Плынешь на бату и видишь, как у берега трепещет полуобсохшая, огромная, до тридцати фунтов, чавыча. Подходишь к ней, а она и не пытается даже удрать. Возьмёшь её в руки, бьётся, но слабо. Я поймал таким образом несколько десятков чавыч. У каждой из них я вспарывал брюхо, но ни у одной чавычи уже не было ни одной икринки, а только пустой мешок, где была икра. Умирающая чавыча и чавыча-«сненка», масса этой сненки и полное отсутствие икры, как у сненки, так и у полуживой чавычи, окончившей метание икры, есть видимое доказательство, что рыба, оканчивая икрометание, оканчивает и свою жизнь, а потому она и не может вернуться в море.

Жители, как я заметил выше, утверждают, что рыба и мальки, идущие из озера, и ходовая рыба, идущая из моря в реки и озера, встречаются друг с другом. Хорошо бы естествоиспытателям проверить это явление, а равно и проследить, какие именно мальки идут из озера в море: те ли, что появились на свет в данном году, или те, которые развились раньше, год-два тому назад. Тогда, быть может, будет пролит свет на то замечательное явление природы, которое в просторечии называется ходом рыбы. Я скажу даже больше. На камчатских горных речках, какова, например, Авача, неглубоких, прозрачных, как хрусталь, в ясные солнечные дни, сидя на берегу, можно наблюдать жизнь ходовой рыбы, точно в аквариуме. Камчадалы говорят, что вся рыба идёт парами, причём каждая пара знает друг друга и не допускает в свою компанию другой пары. Говорят также жители, что рыба идёт безостановочно вверх по течению до тех пор, пока она не найдёт своего гнездовья, то есть такого места, где, остановившись, она мечет икру. Говоря так, жители, по-моему, правы. Я сам видел на реке Аваче ход рыбы и часами сидел на берегу, наблюдая это любопытное явление. Хрустальные воды Авачи позволяют видеть решительно всё, что делается на дне этой реки. Сидя в ясный солнечный день где-нибудь на берегу, видишь, как массы, несметные массы рыбы,

точно тучи, всё время идут и идут вверх, не останавливаясь. Вот от руна отделяется пара, две, три. Эти отделившиеся пары всё замедляют и замедляют свой ход, вот оне и остановились. Одна из рыб, вероятно, самка, становится вблизи берега, наискос течения, а впереди её вершка на полтора-два, почти параллельно, становится другая рыба, видимо, самец. Эта пара, по уверению жителей, не двинется вперёд ни на один дюйм. Она остановилась затем, чтобы метать икру, и делает она это дело до тех пор, пока не окончит, а окончивши, тут же, почти не сходя с места, умирает. На реке Аваче можно видеть неисчислимое множество таких парочек, всё время стоящих на одном месте. Вот говорят, что рыба мечет икру на ходу, а на Аваче я сам видел множество пар, стоящих на месте. Наблюдая за той или другой парой, можно видеть, как к ней, от поры до времени, подплывает какая-либо другая рыба, и как на такую рыбу бросается самец, как он гонит её и, видимо, старается укусить за плавники.

Все, что я говорю о ходе рыбы, легко проверить и следует проверить, так как пожить на Аваче лето, последить за жизнью ходовой рыбы в этой реке, а равно и в озерах, это, значит, приблизиться к решению вопроса о периодическом ходе морских рыб в пресные воды. Река Авача — это природный аквариум. Берега озера Дальняго, как и всякого другого, куда попадает ходовая рыба, начиная с последних чисел июня, покрываются массами сонной рыбы, окончившей икрометание. К этому времени сюда сходится множество медведей, но только промыслять здесь медведей трудно, на лодке нельзя, ибо медведь увидит и убежит от охотника, а пробраться берегом также трудно, ибо путь преграждают почти отвесные скалы. Перебравшись на другую сторону озера, мы опять сели на лошадей и скоро приехали в летник селения Паратунского.

О летниках я говорил уже раньше и не имею что-либо добавить к сказанному по отношению к паратунскому летнику. Он такой, как и все. В паратунском летнике мы заночевали, а наутро двинулись дальше. Путь шёл тропкою вдоль берега небольшой речки, впадающей в Паратунок.

Трава такая густая и высокая, что она закрывает всадника. Ехали и рощами: те же грибы, масса ягод, частенько взлетают выводки тетеревов. Речку Паратунок мы переплыли на батах, а лошадей переправили вплавь. Паратунок — река быстрая и глубокая. Рыба так и плещет по всей реке.

От реки Паратунка до селения Паратунского версты четыре, причём с третьей версты начинается болото, настолько вязкое, что

ехать на лошади трудно: увязая по колёно, карабкаясь из болотной трясины, лошадь так энергично подпрыгивает, что непременно слетишь. Мы с Ошурковым предпочли пойти пешком, а лошадей повели в поводу. Путешествие от речки до селения, правда, небольшое, всего четыре версты, но легче пройти сорок вёрст хорошей дорогой, чем четыре версты болотом.

Селение Паратунское основано в 1853 году при В. С. Завойке иркутскими переселенцами. Это селение расположено сейчас же за болотом, у подножия лесистых гор, со всех сторон окружающих это селение. Вид селения очень красивый, постройки отличныя. В этом селении — Паратунские горячие ключи. Ключей здесь несколько, но два ключа остаются совершенно неиспользованными, тогда как третий ключ использован и является своего рода курортом.

Горячий ключ, имеющий при истоке 65 градусов Цельсия, образует ручей, который, при помощи плотины образовал озеро, температура коего никогда не бывает ниже 33 градусов Цельсия. На дне озера также есть горячий ключ. Над горячим озером всегда стоит пар, а в зимние, и вообще в холодные дни особенно густой. На берегу озера устроены три ванны, то есть помещения, где можно раздеться. Внутри ванн устроены лавки, посередине стоит стол, а на одной из стен даже зеркальце. Раздевшись, нужно поднять люк, сделанный в полу ванны, и по лестнице спуститься в озеро.

Привыкши купаться в холодной воде, как-то странно очутиться в горячей. Глубина озера выше пояса, и в первое время очень жжёт, но, обтерпевшись, можно пробыть в горячем озере минут десять-пятнадцать, особенно на его середине. Ощущение приятное, после купанья всегда обильный пот. Говорят, что воды паратунскаго горячаго озера суть индеферентныя, но я не могу подтвердить этого, так как не знаю, был ли когда произведен анализ воды этого озера, а если и был, то какие его результаты — мне неизвестно.

Жители села Паратунскаго купаются в этом озере ежедневно, и притом круглый год, и зимою, и летом. Если даже допустить, что паратунское горячее озеро и не имеет особых целебных свойств, то побывать там все-таки стоит: так хороша там местность, такая там угодыя по части сбора грибов, ягод, ловли рыбы, охоты на птицу, а для любителя и на медведя, так там вообще покойно и уютно, что я рекомендую любителям природы и сельской идиллии, нуждающимся в укреплении своей нервной системы, ехать на паратунские ключи.

Это чудный уголок, где, кажется, одна природа может излечить от многих недугов.

В Паратунском селении четырнадцать домов, все хорошие. Каждый дом паратунского жителя разделен на две половины: чёрную и чистую. В чёрной половине, отделённой перегородкой от кухни, хозяева обедают, пьют чай и проч., а чистая половина, обитая обоями, украшенная дешёвенькими комнатными растениями, лубочными картинками, стенными часами, меблированная стульями, столами, крытыми покупными салфетками, предназначается для приёма гостей. В чистую половину уже не подадут самовар, а приносят чай и всё относящееся к чайному угощению: сахар, булки, масло и сливки на подносах.

Паратунцы, как и все вообще жители Камчатки, очень гостеприимны. Лишь только вы пришли на порог дома, как хозяйка начинает возиться с самоваром (самовар есть во всяком доме), и минут через десять-пятнадцать вам несут чай на подносе, причём в стакан предупредительно накладывают не менее семи-восьми кусков сахара. Чай всегда «с прикусками», то есть с хлебом и свежим маслом, а равно и со сливками. Если вы ночуете, то часов в семь вас приглашают ужинать. Отличительная черта Камчатки: там ни для кого не будут накрывать отдельный стол, а накроют непременно там, где сядет вся семья, и гость, какого бы высокого ранга он не был, будет есть то же самое, что и вся семья. В Южно-Уссурийском крае чиновный гость всегда возседает за особым столом и ест что-либо особое, специально для него приготовленное, а вся семья смотрит в глаза. Другое дело в Камчатке: там вас садят, хотя и под образами, но за одним столом со всеми. С левой руки помещается хозяин, а с правой хозяйка, которая, хотя и всё время хлопочет и суетится, но которая поминутно подкладывает гостю на тарелку то то, то другое.

Придя с Ошурковым в Паратунское селение, мы остановились у местного крестьянина Подпругина, приходящегося родственником по матери знаменитому иерарху Иннокентию Вениаминову.

Подпругин — это камчатская знаменитость. Вот уже более тридцати лет без него не обошёлся ни один исследователь, захвативший в Камчатку собирать какие-либо сведения об этой стране. Подпругин великолепный охотник, человек очень разумный, прекрасно знающий камчатскую жизнь. Он, обыкновенно, нанимается проводником, может при случае быть переводчиком камчадальских наречий, соберет коллекцию. Подпругин себе на уме, и он ничего не сделает безкорыстно. Таксирует он свои услуги по

высокой цене, и даже не прочь заработать на какой-либо коммерции лишнее. Подпругин немного даже плутоват, но это качество, в сущности, нисколько не умаляет его достоинств в отношении того, кто приехал знакомиться с Камчаткой. Пользуясь услугами Подпругина, можно и на медведей сходить, можно и баранов пострелять, можно и соболя видеть. Подпругин всё знает, всё укажет путешественнику, во всём ему поможет, а если он в конце концов сдерёт — то это, по-моему, правильно. Надо же извлечь ему пользу из его обширных и разносторонних знаний Камчатского полуострова и жизни на нём как людей, так зверей и рыбы.

Я походил с Подпругиным по Камчатке две недели, и в восторге от этого путешествия. Умный, услужливый, опытный, словоохотливый — он во время этого путешествия дал мне яркую картину камчатской жизни.

Домашняя обстановка Подпругина, хотя несколько и богаче обстановки прочих жителей с. Паратунского, но, в сущности, Подпругин живёт совершенно так же, как и прочие паратунцы, и жители других селений Камчатки.

В семь часов вечера меня и Ошуркова пригласили к ужину. Стол был накрыт чистою белую скатертью, перед каждым тарелка, ложка, вилка, нож. Хлеб белый. С начала были поданы закуски: солёные брющки чавычи, обильно посыпанные зелёным луком, юкала, мелко нарезанные куски медвежьего сала, а на другой тарелке — куски медвежьей солонины. Затем подавали уху из рыбьих головок, суп из диких уток со сметаной, жаренные в сметане грибы, творог со сметаной, а затем жимолость и княженику со сливками. В заключение — чай. По такой карте, но с различными вариациями, меня угощали камчадалы за всё время моего путешествия с Подпругиным по Камчатке. В любом селении изобилие молока и молочных скопов, у любого хозяина есть и юкала, есть и солёная медвежина, а что касается грибов, ягод и дичи, то не ест их в Камчатке только тот, кто не хочет.

В следующей главе я расскажу о быте населения Камчатки вообще, а затем в конце сей статьи приложу сводную статистическую таблицу, где желающие могут найти цифры, относящиеся до любой отрасли хозяйства камчадала. А настоящую главу я закончу описанием моего посещения камчатской лепрозории, расположенной в селении Николаевском, в двадцати трёх верстах от селения Паратунского. Это путешествие я совершил верхом в компании с Подпругиным.

Село Николаевское расположено на реке Паратунке, в настоящее время в нём восемнадцать дворов. Селение Николаевское имеет все данные к процветанию: по долинам Паратунка и его притока, реки Быстрой, растёт прекрасный тополёвый и берёзовый лес, и паратунский тополь, иногда в два обхвата толщины, считается лучшим материалом для постройки батов, камчатских лодок, приспособленных для плавания по быстрым горным камчатским речкам, то глубоким, то стремящимся на каменистых перекатах при глубине не свыше трёх вершков. Независимо от леса, николаевский надел имеет обширные пространства прекрасных тучных лугов, на которых круглый год, исключая дней пурги и наста, пасётся николаевский скот. Жители Николаевского имеют хорошие промыслы, и рыбные, и звериные, и их экономическое благосостояние видно из таблицы статистических сведений, упомянутой выше.

Как ни довольны были николаевцы своими местами, но благодаря поселению здесь прокажённых, они должны их бросить и искать новых мест. Это печальное, если не сказать более, явление произошло следующим образом.

Нынешний начальник Петропавловской округи, П. А. Ошурков, вступивший в эту должность в 1896 году, обратил внимание на жалкое положение в Камчатке больных проказою, которые, будучи рассеяны в различных селениях, не только не имели медицинской помощи, но они не имели даже призора, что для прокажённых, особенно в последнем фазисе этой ужасной болезни, было крайне мучительно. Желая облегчить страдания несчастных, г. Ошурков вошёл с особым представлением (17 июня 1896 года № 488) к военному губернатору Приморской области, в коем, указывая на жестокия страдания больных, на их безпризорность и обременение числившимися тогда девятнадцатью прокажёнными (в Петропавловске — 1 чел., с. Аваче — 1, Николаевском — 11, Милькове — 1, Карягинском — 1, Усть-Камчатске — 1, Аваче — 1, Верхнекамчатске — 1, Старом Осторге — 1) всего населения Камчатки, просил начальство об облегчении участи населения вверенной ему округи, причём средством к этому он рекомендовал лепрозорию, высказавши, что таковую следует устроить в селении Николаевском, вероятно, в уважение того, что в селении этом числилось наибольшее число больных, одиннадцать человек из девятнадцати прокажённых во всей Камчатке.

Это представление начальника округи не осталось безследным: в 1898 году из сумм, ассигнованных Министерством внутренних

дел на призрение прокажённых в Приамурском крае, было выделено четыре тысячи рублей для Камчатки.

Когда эти деньги были получены в Камчатке, то и вопрос о призрении прокажённых перешёл на практическую почву.

Решивши основать лепрозорию в селе Николаевском, окружная администрация по получении сказанной суммы предложила жителям этого селения переселиться в другое место и изъявила готовность купить их дома, всего восемнадцать, по цене 150 руб. за дом, что составляет сумму 2 700 руб., на что жители и согласились.

Ввиду того, что в Николаевском было одиннадцать человек больных проказой и в числе жителей могли быть и другие заражённые этой болезнью, хотя и незарегистрированные, окружная администрация решила: прежде чем приступить к выселению николаевцев, подвергнуть их всех медицинскому осмотру и выселять только тех, которые окажутся вне всяких подозрений относительно заразы проказой, для чего окружному врачу была дана соответствующая бумага.

Врач в Николаевское не поехал, больных от здоровых не отделил, и дело призрения больных в Камчатке, несмотря на ассигнование 4 000 руб. и некоторый приток благотворительных средств, осталось в той же стадии, в какой оно было и до 1896 года.

Оставляя в стороне вопрос, почему не поехал в Николаевское окружный врач и не исполнил весьма важного поручения начальника округа, оставляя в стороне вопрос, почему именно окружная администрация облюбовала для лепрозория селение Николаевское, когда для этой цели, по моему мнению, наиболее подходит пепелище так называемого дворца одного из сатрапов камчатской старины, находящееся на полпути между селением Паратунским и селением Николаевским, расположенное в местности, чрезвычайно красивой и здоровой, что для прокажённых, пожалуй, важно, я расскажу здесь то, что я вынес из своего посещения селения Николаевского.

В июле месяце 1901 года в Николаевском было трое прокажённых: Николай Бобриков, сорока двух лет, Степан Мурашёв, тридцати восьми лет, и Домна Михайлова, двадцати девяти лет. Больные помещаются в двух домах, находящихся в черте селения и недалеко от домов, населённых здоровыми семьями, больные мужчины отдельно, больная женщина отдельно.

На той окраине села, где помещены больные, есть два дома выморочных, никем не занятых. На этой же окраине, в постоянном

общении с больными и здоровыми жителями села Николаевского, живёт камчадалка-вдова, имеющая трёх детей.

Все трое больных имеют ясно выразившиеся признаки проказы: у женщины всё лицо покрыто какими-то буграми сизаго цвета, Мурашёв, в мою бытность в с. Николаевском, уже потерял способность ходить, а он кое-как ползал на руках, Бобриков ходил, но жаловался на стеснение в груди, на частую темень в глазах, на нытьё и лом в костях.

Когда я был в Николаевском, стоял знойный день. Солнце пекло невыносимо, ветерка не было, комаров, мошки — невероятное множество. Больных мужчин я застал вблизи занимаемого ими дома. Мурашёв лежал на траве, подложивши под голову соломенную подушку, а Бобриков из вязанки принесенного им хвороста отбирал сухие сучья. Лицо полумертвого Мурашёва было сплошь усеяно комарами, он не отмахивал их, ибо его лицо, руки и ноги, оголенные, покрыты буграми и язвами, уже не чувствительны к укусам комаров. И жалко, и страшно было смотреть на этого живаго мертвеца, страшно потому, что комары, сидевшие на его лице, пившие его кровь, заражённую ужаснейшей болезнью, постоянно садились на моё лицо и, как мне казалось, кусали меня.

Мои разговоры с Бобриковым пробудили Мурашёва. Кряхтя и охая, сел он на корточки, осведомился, с кем говорит, и стал жаловаться на свою жестокою судьбу:

— Ходить не могу, вши меня заели. Тело не мыл более года, белья не менял с зимы. Все ноет внутри, а кости точно шильями раскалёнными кто колет. Когда товарищ заболел и заляжет — воды нет попить, за дровами некому сходить, некому печку истопить. Молюсь Богу, чтобы помереть скорей, да смерть не идёт.

И прокажённый не то застонал, не то зарыдал. Нужны стальные нервы, чтобы опрометью не бежать от этого пристанища величайшей скорби, посланной Провидением человечеству.

Те же самые разговоры, та же картина невыразимых страданий и в хате, занимаемой прокажённой женщиной.

За прокажёнными, собранными в селении Николаевском, нет ухода, нет за ними призора, по крайней мере это свидетельствовали они сами, обречённые на медленную, мучительную и верную смерть. С формальной стороны, пожалуй, заботятся о несчастных: каждый из них ежемесячно получает «прокажённый паёк»: треть кирпича чаю (20 коп.), муки полтора пуда (3 руб.), крупы шесть фунтов (48 коп.), сахару два фунта (33 коп.), рыбы два пуда (50 коп.),

на одежду четыре рубля, на дрова два рубля, на непредвиденные расходы один рубль.

Весь этот паёк отпускается окружным начальником аккуратно, но окружной начальник не имеет в своем распоряжении способов устроить призрение больных так, чтобы их бедная участь была облегчена хоть чистым бельём, хоть редкими банями, хоть словом утешения.

Два года тому назад за больными ухаживала женщина, муж которой и два сына умерли от проказы. Она сама, оставшись здоровою, посвятила свою жизнь уходу за прокажёнными: стирала им кушанье, мыла бельё, обмывала, наконец, язвы больных в тех случаях, когда проказа довершала свое дело и лишала свою жертву способности двигаться.

Но эта самоотверженная женщина умерла. Окружная администрация не может найти другой такой подвижницы, и вот больные, хотя и с обеспеченным продовольствием, должны маяться подчас и в голоде, подчас и в холоде, а в грязи всегда.

А маялись бы разве больные так, как маялся на моих глазах прокажённый Мурашёв, если бы отпущенные четыре тысячи рублей пошли по их прямому назначению, а не лежали бы пятый год в депозитах Петропавловского окружного управления, создавши пока что только тоненькое канцелярское дело, заканчивающееся предложением окружному врачу отделить в с. Николаевском больных от здоровых, на каковое никакого ответа врача нет и, вероятно, будет не скоро.

Это молчание врача по делу христианского милосердия, будучи, по словам статского советника Ошуркова, канцелярским тормозом к улучшению участи прокажённых, собранных его распоряжением в с. Николаевском, в тоже время обездоливает всё селение Николаевское.

Выше я сказал, что жители согласились выселиться, но им, из опасения разноса заразы по всей Камчатке, не позволяют выселяться, а больных проказою приселяют, и селение Николаевское в глазах всей Камчатки получило репутацию очага проказы. Во всей Камчатке не найдется человека, который купил бы какое-нибудь произведение хозяйства николаевцев. Все сторонятся от николаевцев. Их хозяйство, не находя ровно никакого сбыта, падает, падают духом и сами жители но, покорные, как и все вообще камчадалы, воле властей, они безропотно несут тяжёлый крест, выпавший на их долю избранием селения Николаевского местом для устройства лепрозории и молчанием врача на сказанное

предложение начальника округа, благодаря чему они не могут даже переселиться в другие места, где их и не сторонились бы и покупали избытки их хозяйства.

Во всей этой грустной истории утешительно лишь милосердие Божие: из девятнадцати прокажённых, числившихся в Камчатке в 1896 году, к июлю 1901 года осталось лишь трое, но из этих троих двое, наверно, уже умерли. 28-го июля священник напутствовал Мурашёва в лучший мир, а там, вероятно, не замедлила отойти в вечность и больная женщина, и в Николаевском, быть может, остается теперь один зарегистрированный прокажённый, Бобриков, что, однако, отнюдь не исключает необходимости немедленно без всякой канцелярской волокиты приступить к постановке дела призрения несчастных больных на начала христианского милосердия.

Под тяжёлым впечатлением возвратился я из селения Николаевского. Положение дела призрения в Камчатке больных проказой не обошлось без типичной черты истории Камчатки, да и всей нашей северной окраины: этого дела коснулась мертвящая рука канцелярщины, как касалась она и, в конце концов, губила многия начинания, направленный к улучшению жизни и быта в сей далёкой стране.

Канцелярщина — это первый и главный враг развития северо-восточной окраины. Доказывать это едва ли есть какая-либо надобность. В окружных управлениях северных округ стоит раскрыть любое «дело», касающееся того или другого вопроса живой жизни, чтобы убедиться, что эта синяя обложка канцелярского дела — есть могила дела живаго.

ГЛАВА VI. НАСЕЛЕНИЕ КАМЧАТКИ, ЕГО ПРОМЫСЛЫ И БЫТ

Общая численность населения Камчатки в настоящее время до 8 000 чел. Эта цифра составляется так: русских 2 200 обоего пола; инородческого племени: камчадал 4 000 чел., бродячих инородцев (коряк ламут, чукчей) около 2 000 душ обоего пола.

Из камчатского населения первое место, как по относительной численности, так и по умственному развитию, принадлежит русским крестьянам и казакам. Крестьяне, населяющие Камчатку, суть потомки крестьян, привезённых в Камчатку в самом начале ее заселения. Русские люди, заброшенные в отдаленнейший уголок нашего отечества, в Камчатку, окруженные инородцами, сохранили православную веру, все свои обычаи и язык.

В то время как инородцы ищут пропитания исключительно в промыслах лесного и водяного зверя, в ловле рыбы, русские, занимаясь промыслом зверя, не забыли совершенно и исконного своего промысла — хлебопашества. Занимаясь хлебопашеством, хотя и в ничтожных размерах, они промышляют и зверя, а потому и быт их является более обеспеченным, и русское население Камчатки не знакомо с голодовками.

Следующее за русскими место занимают камчадалы. Камчадалы — аборигены полуострова. Отличаются они флегматическим темпераментом, религиозны, добры, строго уважают чужую собственность. Камчадалы, живущие в местностях, расположенных к югу от Тигиля и Ключевского селения, говорят русским языком и совершенно забыли свой родной язык. В местностях же к северу от Тигиля и Ключевского селения говорят на камчадальском наречии. Образ жизни у этих камчадалов остался в первобытном состоянии. Русская культура почти не коснулась их. Все новое представляется им чем-то необыкновенным, от чего они сторонятся. Привычка к старым обычаям и способам промыслов так укоренилась у камчадалов, что объяснения и разъяснения об улучшении их выслушиваются ими с явным недоверием.

За камчадалами следуют ламуты. Ламуты или тунгузы ничего общего с русскими не имеют, кроме исповедуемой ими православной веры.

Ламуты — народ добрый, честный, трудолюбивый. Их занятие: охота, рыбный промысел и оленеводство. Живут они вдали от селений отдельными, переносимыми с места на место юртами и приходят в селение только для приобретения от торгующих необходимых для них припасов: табаку, пороха, свинца, чаю, ситцев и прочего.

Последнее место занимают бродячие оленные коряки, пришедшие из Гижигинской округи. Это грязный, полудикий, грубый народ, подчиняющийся только физической силе, придерживающийся язычества и почти не подающий никаких надежд на принятие православной веры. Постоянных мест жительства они не имеют, а перекочёвывают со своими стадами с места на место по хребтам камчатских гор и вершинам речек. Главное занятие коряк — оленеводство, промысел пушного зверя и рыболовство.

Как ламутам, так и корякам русская речь совершенно неизвестна и весьма туго прививается. Причина заключается в том, что сказанные инородцы, завися в своей жизни от оленей, идут со своими стадами туда, где есть основание предположить обильный

корм. Ламуты и коряки, мало соприкасаясь с русским населением, остаются чужды русскому языку и русской культуре.

Центром жизни Петропавловской округи можно считать долину реки Камчатки. Долина реки во всех отношениях для заселения удобна. Селения, расположенные по течению этой реки, имеют в достаточном количестве лес, луга и пашни. В реку Камчатку вверх по течению входит из моря во время метания икры масса рыбы. Жизнь населения долины Камчатки вполне обеспечена. Местность Кроноцкого и Камчатского заливов и долины реки Камчатки изобилует хорошим, годным на постройки, лиственничным и еловым лесом. В лесах этих водится разного рода пушной зверь, дающий населению возможность удовлетворять свои неотложные денежные нужды и поддерживать хозяйство. Эти леса, к чести населения, ревниво охраняются от пожаров и хищнических порубок. Лес в Камчатке — не только древесный материал, известной ценности, но и жилище зверя, а зверь в Камчатке — самое главное народное богатство, и вот камчадалы, памятуя последнее, разводя на таборах огни, не тронутся с места, прежде чем костёр не будет тщательно залит водою, причём камчадал, заливая водою костёр, разгребаёт затем головни и уголья голыми руками и только после этого трогается с места.

Жители Камчатки, если поймают кого-либо тщательно не затушившим костёр, могут поступить с ним так, как поступают в Европейской России с конокрадом, пойманном на месте преступления.

Путешествуя по Камчатке в компании с камчадалами, можно нажить крупную неприятность, если бросить незатушенную папиросу или спичку. В Камчатке охраняет лес от палов всякий ея житель, и палы поэтому до весны и лета 1901 года были там неизвестны. В лето же 1901 года, к великому горю Камчатки, там начинают уже появляться палы. Дело в том, что по введении нового закона о рыбных промыслах, лов рыбы японскими поданными воспрещен, и рыбопромышленники стали нанимать в число рабочих всякий сброд, в том числе и бывших сахалинцев, которые не привыкли к камчатскому режиму в отношении охраны леса от огня и, оставляя огни не затушенными, в лето сказанного года произвели по западному берегу Камчатки несколько палов.

Насколько вообще это явление считается жителями Камчатки серьёзным, видно из того, что донесение о палах окружному начальнику, отправленное из Большерецка «полетучкой» с пером ястреба, припечатанным к пакету, было получено в Петропавлов-

ске на другой день, тогда как расстояние Большерецка от Петропавловского порта около двести вёрст.

Население, расположенное по долинам реки Камчатки, занимается частью земледелием. Засевают ячмень, коноплю и с успехом разводят огороды. Засевом ячменя занимаются преимущественно крестьяне селения Ключевского и смежных с ним. Сеют ячмень и камчадалы соседних с русскими селениями камчадалских острожков. По сведениям, данным администрацией округа, всей земли, находящейся в эксплуатации населения, состоит: огородов: около 300 десятин, пахотной 800 десятин, лугов 35 651 десятин. Из этого количества находится: под ячменём 570 десятин, под огородами 230 десятин, под коноплю 5 десятин. В 1900 году средняя цифра посева выражалась так: ячменя в Петропавловской округе засевалось до 3 000 пудов, урожай около 20 000 пудов, огородных овощей: репы, редьки, брюквы, капусты и прочих снимается ежегодно около 3 000 пудов; конопли засеивается около 75 пудов, урожай около 150 пудов. Сена в последние годы заготавливалось в Петропавловской округе средним числом до 100 000 пудов. Урожай ячменя колеблется между сам 5,5 и сам 7. Посев ячменя и конопли производится, обыкновенно, не позже 10 мая, но зависит от того, как освободится земля от снега. Огородные овощи и картофель сеются немного позже 20 мая. Уборка ячменя и конопли производится в половине или конце августа, смотря по степени созревания. За уборкою хлеба следует уборка огородных овощей и затем картофеля. Обработка полей производится самыми первобытными орудиями. Агрономическая усовершенствования не коснулись пока далекой Камчатки. Средняя цена пуду ячменя от 2—3 руб. Из конопли обыватели Ключевского селения и соседних камчатских селений выделывают неводное прядево, употребляемое ими для рыболовных сетей и неводов. Конопля засеивается в размере, нужном для собственного употребления, и производство конопли не составляет в округе особой отрасли промышленности.

Картофель сеется на восточном и западном берегах полуострова, но преимущественно в долине реки Камчатки. Средняя цена одного пуда картофеля от 1 руб. — 1 руб. 50 коп., остальные овощи возделываются исключительно для собственного потребления населения и в продаже не существуют.

Разведением скота занимается преимущественно русское крестьянское население округа и в самых незначительных размерах оседлое инородческое население. Бродячие инородцы, ламуты

и коряки, имеют табуны оленей. Русские разводят коров и лошадей. Лошади проводят зиму на подножном корму. В иную зиму лошади не могут доставать себе корм из-под снега и даже не могут переходить с места на место (вязнут в снегу). Обыватели, случается, привозят своих лошадей к дворам на собаках. Породы рогатого скота и лошадей определить весьма трудно, но полагают, что это есть акклиматизировавшаяся в Камчатке порода, завезённая сюда из Иркутской губернии и Якутской области крестьянами и якутами, переселёнными в Камчатку чрез Аян.

Рогатый камчатский скот небольшого роста, не разборчив в еде, дает молока достаточно. Камчатское население имеет лошадей только верховых для поездок по промыслу разного рода пушного зверя до тех пор, пока снег ещё мелок и не мешает ходу лошади. Лошади камчатския не знают подков. По тундрам и гористым местам оне идут очень осторожно, большею частью шагом, делая три или четыре версты в час. Около Толбачинскаго и Козыревскаго селений замечены два табуна одичавших лошадей, всего около двухсот голов. Одичавшия лошади чутки, сторожки, не допускают человека, и поймать их никому не удаётся. Количество лошадей и коров в Камчатке и распределение их по селениям этой страны видны из сводной статистической таблицы. Цены на скот существуют в настоящее время следующие: лошадь от 30—60 руб., корова от 15—60 руб.; олень от 6—10 руб., езжая собака от 3—15 руб. Цена на мясо: говядина от 9—8 руб. пуд; оленина от 3—4 руб. пуд.

Бродячее население Петропавловской округи, ламуты и коряки, имеют табуны домашних оленей, служащих им для пищи и как перевозочная сила. Олень, как перевозочная сила бродячаго инородца, выгоден для своего хозяина тем, что не заставляет его заготовлять на зиму сена. Олень круглый год на подножном корму. Камчатский олень гораздо ниже ростом и меньше севернаго оленя, малосилен и при перекочевках скоро утомляется. Коряки и ламуты при перекочевках запрягают в особаго устройства сани не менее двух оленей, кладя на каждая сани не более четырёх пудов груза. Переходы делаются не более тридцати вёрст в сутки с оставкой в пути для отдыха и для корма оленей.

Бродячие инородцы при всём своём желании увеличить свои табуны оленей не достигают желаемых результатов по следующим причинам: у инородцев, кочующих по западному берегу Камчатки, случаются частыя голодовки. Для поддержания своего существования инородец режет своих оленей и питается ими,

и в стаде получается не прирост, а убыль. Вторая причина — большое истребление оленьих стад волками. Стаи волков перекочевывают с места на место следом за табунами оленей. Иноходец беспомощен против такого хитраго, выбирающего тёмные ночи врага, не стреляет в волка из суеверия, а отравы, которой, по мнению иноходца, волк не отравляется, а угощается, у иноходца нет.

Кроме истребления оленьих табунов самим хозяином в дни голодовок и волками во всякое время, много оленей гибнет от эпизоотической, заразной болезни копыт, при появлении которой владелец лишается почти всего табуна, не зная и не имея средств предотвратить заболевания. По словам оленных ламут и коряк, болезнь копыт, от которой часто погибает всё стадо, является последствием неудобных пастбищ и мест стоянки табунов. Табуны оленей, находясь на мокрых тинистых местах, набивают копытные части мокрою глиною, которая при переходе оленей на более сухое место засыхает в канале и производит воспаление и нагноение, которые, быстро увеличиваясь, прекращают жизнь оленя. Больной олень, ходя по траве, оставляет на ней часть нагноения, а проходящий по следам больного здоровый олень, наступая на заражённую гноем траву, заражается и заболевает. Некоторым паллиативом эпизоотии служит у иноходца следующее средство: заболевший табун вгоняется в быструю горную речку. Текучая вода, промывая гной у заболевших, несколько предохраняет стадо от дальнейших заболеваний. Случая же, чтобы уже заболевший олень выздоровел, никогда не было. В 1892 году от копытной болезни пало в Петропавловской округе 2 000 оленей.

Для всего населения Петропавловской округи, как русского так и инородческого, необходимейшим домашним животным является собака. Вследствие местных климатических условий, собака заменяет населению лошадь, не требуя никаких особых расходов на своё содержание. Без собак обыватель Камчатки совершенно беспомощен. Без собак он не может выезжать на промыслы пушного зверя, дающего ему средства к существованию, без собак обыватель Камчатки не может заработать что-либо перевозкой купеческих грузов в селения округи.

В округе существует два породы собак: езжалая и зверовая. Езжалая собака небольшого или средняго роста, на крепких мускулистых ногах, с хорошо развитою грудью. Голова средняя, рыло узкое, уши стоячие, короткия, шерсть различной пушистости и цветов, хвост обыкновенно на втором году подрезается между третьим и четвертым позвонком от основания. Собаки этой породы сильны,

крепки, не требуют почти никакого ухода, ласковы, привязчивы к своему хозяину. Оне могут пробегать с грузом без остановки шестьдесят-семьдесят вёрст в сутки. Безпрерывной каждодневной езды оне не переносят. Во время переездов необходимо давать небольшой отдых, а через каждые двое суток езды — день отдыха. Обыкновенная езжалая собака ценится от 5 до 10 руб., а передняя от 10 до 20 руб. Порода зверовых собак, выслеживающих и загоняющих соболя, известна под названием «ламутской», и эта порода в округе считается лучшею. Ламутская собака роста средняго, на тонких стройных высоких ногах, с сильно развитыми грудными мускулами. Голова с узким рылом, глаза выразительные, нос развитой, шерсть средней величины — чёрная. Отличительный признак ламутской собаки — желтоватая небольшая круглая пятна под каждым глазом, рот, грудь, брюхо и оконечности опушены желтоватого цвета шерстью. Ламутская собака весела, ласкова, быстра на бегу, неумоима, понятлива, сильна и обладает прекрасным чутьём. Хорошая собака ламутской породы ценится не менее 100 руб. По отзывам старожиллов, порода езжалых и зверовых собак в Петропавловской округе с каждым годом постепенно ухудшается вследствие плохих кормов по количеству и качеству. Собак зачастую кормят рыбою, пролежавшею по два и по три года в земляных ямах, вполне испортившеюся и издающею сильное зловоние. Болезни собак весьма различны. До 1870 года преимущественно замечалось тихое бешенство, происходящее от небрежнаго ухода за собаками их владельцев. В жаркие камчатские летние дни, когда собаки сидят на привязи, хозяин не заботится даже переменить собаке воду для питья.

В начале 1890 года в округе появилась совершенно новая, не бывшая ранее болезнь, отличительными признаками которой были кашель, насморк и болезнь глаз. Заболевшая собака худела и затем пропадала. Все принимавшиися населением меры не помогали. Болезнь эта сильно распространилась по всей округе, не пощадив и зверовых собак. К числу причин, служащих к ухудшению породы собак, служит то обстоятельство, что население не желает оставлять лучших самцов.

Для езды употребляют кастрированных собак, и потому каждый, имеющий годовых щенков, холостит оказавшихся лучшими, но для приплода не оставляет, надеясь, что кто-нибудь оставит. Оставляют на приплод обыкновенно самых худших щенков, для езды негодных. На суках не ездят, и запряжка в нарту сук считается в Камчатке оскорблением пассажира.

Во всей Петропавловской округе нет ни одного каменного здания. Все жилища постройки города Петропавловска одноэтажные, крытые в большинстве случаев соломою или сухою травою. Материалом для постройки служит ель и лиственница. Эти деревья, вполне удовлетворяющая условиям строевого леса, растут на восточном берегу полуострова, начиная от Пущенского селения до Озерковского, на протяжении 579 вёрст. В остальных же местах Камчатки жилища помещения строятся преимущественно из ветлового и тополёвого леса. В округе мало плотников, с пилами население только учится обращаться. Плахи и тёс, случается, выделывают топорами. Все жилища помещения оседлого населения строятся из тонких деревьев, редко строятся опытными руками. Сложенные на мху и непроконопаченные постройки летом пробивает дождь, а зимою стены промерзают. Окна двойных рам не имеют, и в большей половине камчатских окон стёкла заменены выделанными и шитыми в продолговатые полотнища кишками медведя или нерпы.

Камчадалы, обитающие к северу от Тигиля и Озерковского селения, живут в земляных юртах и находятся в ещё худших гигиенических условиях. Их юрты не имеют деревянных полов и не защищены от дождя крышей. Юрты бродячих инородцев округи легкая, удобно перевозимая с места на место при перекочевках. Для устройства юрты одновременно заготавливается несколько десятков тонких палочек, полвершка в диаметре и около двух аршин длины. Каждая три палочки в верхнем конце скрепляются через небольшие отверстия ремнём. Срубается также несколько штук длинных жердей. При постановке юрты четыре жерди связываются в вершине, а толстые концы раздвигаются в противоположные стороны, смотря по требующейся величине юрты. Концы двух жердей с каждой стороны раздвигаются до такого размера, чтобы человек в тёплой одежде мог пройти свободно, так как пространство между жердями служит входом в юрту. От одной крайней жерди до другой разставляются, смотря по нужной величине, на расстоянии один с третью аршина скреплённые по три палочки. Концы двух палочек в косвенном направлении втыкаются в землю, а третья накладывается в развилину следующих трёх палочек и так далее, до жерди, к которой привязываются, то же делается и с другой стороны жерди. Установленные так палочки обтягиваются ламутами выделанной оленьей кожей без шерсти, а коряками такой же кожей, но с шерстью. После этого в развилины тонких палочек, воткнувших в землю, вкладываются

толстым концом длинная жерди, а тонкий конец их накладывается на связанные сверху средние четыре жерди. Положенные жерди тоже покрываются оленьей кожей, и сверху оставляется отверстие для выхода дыма. Пол юрты очищается до земли от снега, покрывается прутьями, на которые настилаются невыделанные олени и других зверей шкуры, служащие вместе с тем постелями. Огонь для тепла и варки пищи раскладывается посредине юрты, под верхним отверстием. Юрты означенного устройства очень холодны, а потому ламуты никогда не снимают теплой меховой одежды. Юрты оленных коряк отличаются от ламутских тем, что коряки кроют юрты выделанными шкурами оленей с мехом и для получения большей теплоты привязывают к жердям внутри юрты большие полога, сшитые из таких же меховых оленьих шкур. В этих-то пологах и помещаются коряки со своими семействами. Более трёх пологов в юрте почти никогда не бывает. В каждом пологе может помещаться до восьми-десяти человек.

Петропавловская округа, помимо рыбы и зверей, о чём сказано выше, богата и всякаго рода пушным зверем: морскими бобрами, медведем, лисицею, белым песцом, выдрюю и прочими. Пушной промысел даёт населению Камчатки средства к удовлетворению насущных потребностей.

Главным предметом промысла служит дорогой зверёк — соболь. Добыча этого зверя производится по всему полуострову. Начинается промысел соболя с 1-го ноября и оканчивается 1-го марта.

Промысел этот производится ружьём, собакой и сеткой. Все другие способы добычи этого дорогого зверя, клонящиеся к быстрому его уничтожению, воспрещены. Каждый промышленник, желая добыть соболя, кроме необходимых перевозочных средств для поездки в местности, отдаленные от селений, должен иметь: заготовленную провизию, по крайней мере, на один месяц, ружьё-дробовик, собаку, умеющую выслеживать зверя, сетку и лыжи. Все эти предметы промысла, как дорогостоящие, передаются по наследству от отца к сыну или заводятся постепенно.

Промышленники, владеющие хорошим ружьём и, в особенности, собакой, не остаются без хорошей добычи. На промысел выезжают к верховьям речек, ставят на снегу палатку и, смотря по количеству заготовленной провизии, живут в ней недели две-три. Ежедневно утром промышленник берёт с собою зверовую собаку, пристёгивает к надетому на неё алыку (собачья сбруя) сетку, вложенную в узкий мешок из нерпичьей кожи, надевает лыжи и от-

правляется отыскивать на снегу свежий след соболя. Найдя собольий след, промышленник, смотря потому, позволяет ли снег бежать собаке свободно, отпускает собаку по следу, надеясь, что собака, догнав соболя, загонит его на дерево или другое какое-либо место и не допустит соболя убежать до прихода хозяина. Если же снег настолько рыхл и глубоок, что собаке и без сетки идти трудно, то промышленник выслеживает зверя, идя сам на лыжах по его следу. В этом случае, даже преследуя соболя по следу целый день, редко удается добыть его. Измученный возвращается промышленник в свою палатку с пустыми руками.

На следующий день та же история. Самое благоприятное время для промысла то, когда снег настолько твёрд, что не затрудняет ходьбы на лыжах, и если, к тому же, ночью выпадет небольшой снег. Выпавшая ночью мелкая пороша даёт промышленнику возможность точно определить время, когда пробежал соболь. Собака скоро настигает соболя, и соболь прячется от собаки на лесину, или в кедровник, или в расщелины камней. Собака же, находясь поблизости соболя, не даёт ему возможности убежать до прихода промышленника. Промышленник по приходе осматривает следы соболя, и точно определяет место, где соболь скрылся. По снегу в стоячем положении разставляется сеть на заранее привязанных к сетке палочках в полтора аршина длины, длина сети около пятнадцати сажен. Сеть разставляется вокруг того места, где спрятался соболь. Снег в том месте, откуда ушёл соболь в кедровник, раскапывается.

Если промышленник удачно начал свои поиски, то соболь долго не сидит в снегу и, видя, что ему не избежать гибели, выскакивает из своего убежища, и попадает в сеть, запутывается в ней и схватывается собакой или самим промышленником. Добыча же соболя, спрятавшегося в расщелине камня или скалы, требует от промышленника больших усилий. Разставив сетку и оставив около нея собаку, промышленник собирает дрова, и около норы, куда скрылся соболь, раскладывает огонь. Дым скоро заставляет соболя покинуть своё убежище. Выстрелами из ружья убивают соболя только тогда, когда он, прорвав сетку, убегает. Самая лучшая порода собак для выслеживания соболя — ламутская. Промышленник, не имеющий собственной зверовой собаки, берёт у имеющего лишнюю, с тем, что половина всех добытых соболей поступает в пользу владельца собаки. Хотя это условие и тяжело, но промышленник охотно на него соглашается — без хорошей собаки нельзя добыть ни одного соболя. Ежегодная добыча соболя

по всей Петропавловской округе доходит до 3 000 соболей. Цена собольей шкурки от 25 до 40 руб.

Промысел медведя, шкура которого за последние годы сильно поднялась в цене, по сумме получаемого дохода стал на первое место после соболя. Промысел медведей производится преимущественно весной, когда медведи выходят из берлог и ищут себе пищи по берегу моря, и осенью, когда медведи разбредаются по мелким речкам, в которые входит рыба, служащая медведям пищею. Когда рыбы в реках достаточно, медведь очень осторожен. Невыход же рыбы из моря в речки делает медведя смелым, и голод, не позволяя ему ложиться на зиму в берлогу, заставляет его приближаться к человеческим жилищам. Зима 1897 года была особенно неблагоприятна для медведей по случаю недохода из моря рыбы. Голодные медведи целую зиму шатались близ селений и убивались обывателями во множестве. За 1897 год было убито в Камчатке 2 083 медведя. Среднее ежегодное число убиваемых медведей около 1 100 штук. Промысел медведя составляет для населения благосостояния Камчатки большую поддержку. Цена на шкуру медведя ежегодно повышается, мясо и жир убиваемых медведей употребляются в пищу. Кусок медвежьего солёного сала да юкала составляют главное продовольствие жителей Камчатки во время зимних промыслов. Медведи в Камчатке убиваются преимущественно пулями, и притом медведь подпускается на три-пять шагов, а убивать его на большем расстоянии считается трусостью. Ходят на медведя один на один, никаких ловушек и ям население не употребляет. Цена за шкуру медведя в настоящее время 18—35—40 руб., смотря по качеству.

Для промысла красной лисицы и белого песца употребляются привозимые торговцами железные капканы. Вблизи лисьих троп вырываются в лесу ямы, в которых в лунные ночи сидит промышленник, поджидая лисицу. В случае ее появления стреляют по ней крупною дробью. Этими же способами добывают и белых песцов, водящихся в северной части полуострова.

Цены на лисьи меха следующие: красная от 4—5 руб., сиводушка от 30—75 руб., белого песца — 5 руб. До 1883 года промысел лисиц был весьма значителен, но в том же и последующем 1884 году, вследствие употребления для промысла лисиц стрихнина, зверь этот почти совершенно исчез. В настоящее время стрихнин, безусловно, воспрещен. В последние годы число добываемых лисиц возросло, и ежегодно добывают их до 1 500 штук.

В реках округа выдра водится. В среднем ежегодно добывается, преимущественно капканами, около 400 штук выдр. Цена за шкуру выдры 8—15 руб. Охота за лисицею, песцом, выдрю и другим мелким пушным зверем не составляет для камчатского промышленника особого, требующаго каких-либо затрат, промысла. Добыча этих зверей производится, так сказать, попутно. Кроме перечисленных зверей в Камчатке добывают: горных баранов, росомах и волков. Количество этих зверей невелико, и они не имеют особого значения в экономической жизни Камчатки.

Торговля в городе Петропавловске и в Петропавловской округе за малым обращением у населения денег, главным образом, меновая. Ведётся торговля способом, по которому инородец всегда находится в неоплатном долгу у торговца. Цены на предметы первой необходимости камчатского населения, благодаря увеличивающимся рейсам пароходов, с каждым годом всё уменьшаются. Петропавловские купцы выписывают себе товары частью из Владивостока, а частью из Одессы. В настоящее время в Петропавловской округе имеется следующее количество торговцев: первой гильдии — три, второй гильдии — четырнадцать, торгующих в округе по свидетельствам на мелочный торг — шестнадцать, на развозный торг товарами — сорок один. Как сказано выше, торговля ведётся в долг. Это имеет своим следствием то, что камчадалское население привыкло не подводить итогов своим долгам, не спрашивать, что стоит вещь, а брать её потому только, что она пригодна для хозяйства. Средние торговцы, получая свои товары в кредит от владивостокских купцов, оплачивают на следующий год свои кредиты вывезенной ими из Петропавловска пушшиной, получаемой ими в обмен товаров.

За последнее время число средних торговцев с каждым годом всё увеличивается. В Петропавловске появились даже китайские лавки. Возникающая между ними конкуренция способствует удешевлению привозных товаров и вздорожанию пушнины, спрос на которую значительно увеличивается с каждым годом. В начале восьмидесятых годов соболь стоил не ниже 15 руб., в настоящее же время — не ниже 25—45 руб. Вообще, цены на пушнину, существующия в настоящее время в Петропавловской округе, должны бы были считаться очень высокими и не приносящими купцу никаких барышей. Но, принимая во внимание, что камчатская торговля исключительно меновая, и что купцы при покупке соболей уплачивают деньгами не более трёх рублей за шкуру, а остальную сумму оплачивают товаром, необходимым инородцу, можно

положительно сказать, что торговля в Камчатке не так убыточна, как рассказывают об этом сами торгующие. Не убыточна она потому, что купец получает свои товары из Владивостока с ничтожным фрахтом, а продаёт товар в Камчатке по ценам вдвое и более высшим, что и даёт ему возможность, не принося своим делам никакого ущерба, возвышать цену на пушнину. Выгодность торговли с инородцами привлекает всё большее и большее число торговцев средней руки, желающих пожитья за счёт инородца. Задолживание до сих пор велось при посредстве спаивания, так как инородец питает великую страсть к спиртным напиткам.

Конкуренция между торговцами и изгнание при торговых сделках спирта даёт надежду на установление нормальных цен, как на привозные товары, так и на нормальное оплачивание пушнины.

Из предписаний бывших генерал-губернаторов Восточной Сибири и губернаторов Приморской области видно, что, несмотря на категорическое запрещение ввоза в Петропавловскую округу спиртных напитков, снабжение ими инородцев, хотя бы под видом угощения, ввоз спирта до 1890 года практиковался в широких размерах. Торгующие в округе купцы и мелкие торговцы вывозили сюда спирт как бы для собственного употребления, целыми четырёхведерными бочёнками. Ввезённый спирт частью выпивался самими торговцами, но большею частью шёл в незаконную продажу и на угощение камчадалов при выезде их с промысла. Все едущие в округу за каким-либо делом неизменно везли с собой спирт.

Спаиваемые камчадалы не только за безценок отдают торговцам продукты своего промысла, но под влиянием развивающегося между ними пьянства они, случается, упускают даже время промысла.

В 1890 году начали применяться к делу все бывшие предписания о ввозе в округу спирта, имевшие единственною целию оградить инородческое население от спаивания и получающихся отсюда печальных последствий. Не имея возможности сразу прекратить ввоз спирта, окружная администрация объявила торгующим и всему камчатскому населению, что лица и общества, желающие вывозить для собственного употребления крепкие напитки, должны каждый раз испрашивать особое разрешение окружного управления. Было объявлено также, что бутылки и посуда, в которых будут помещаться разрешённые администрацией к вывозу напитки, будут опечатываться печатью окружного управления и, кроме того, будут выдаваться удостоверения, какое количество разрешено вывезти, кому и куда. Старосты селений должны были

осматривать разрешенные к вывозу бутылки, и найденные не опечатанными печатью окружного управления должны были быть конфискуемы. Опечатывание напитков было необходимо в виду того, что не запечатанные бутылки могли быть распиваемы в попутных селениях. Дабы распоряжение о не вывозе в округу спирта не было только на бумаге, администрация распорядилась, чтобы все нарты, выходящая из города, тщательно осматривались. Лица, виновные в вывозе спирта без разрешения, подвергались взысканиям. Для предупреждения ввоза спирта в Тигиль, Усть-Камчатск и распространения его оттуда по округе, окружная администрация обратилась к командирам пароходов, посещающих камчатские порты, с просьбой не сгружать напитков, адресованных в Тигиль или Усть-Камчатск, в пунктах адресования, а, по возможности, доставлять таковые в Петропавловск.

Как ни хороши в теории эти распоряжения и меры борьбы администрации с торговлей спиртом, но на практике они сводятся к нулю. Путешествуя летом 1901 года по северным округам, я, между прочим, во всех портах просматривал пароходные коносаменты, и я не видел ни одного коносамента, где в числе товаров видное место не занимали бы спиртные напитки.

Говорить здесь о том, кому и сколько было доставлено в прошлую навигацию спирта, я не буду, потому что сыскная часть меня не касается, хотя вопрос о торговле спиртом в северных округах заслуживает серьезного внимания начальства.

По моему мнению, следует разрешить свободную торговлю спиртом: запретный плод не так сладок, цена спирта упадет, и спирт не будет уже служить средством к грабежу наших северян. Пусть пьёт инородец спирт, но пусть его, одурманенного, не грабят, пусть не расхищают его достоинства, приобретенного дорогою ценою, потому что жизнь северного промышленника сопряжена с постоянными опасностями: дерёт промышленника медведь, тонет он в море, гоняясь за морским зверем, замерзает он в тундре, застигнутый пургой. Надо защитить северянина от грабителей, от разбойников, вооруженных не кистенем и ножом, а бутылкою спирта, и нападающих на северянина не в тёмном бору, а в его собственной юрте... с глазами ласковыми, радушно предлагающими своей жертве стакан спирту...

О торговых оборотах Петропавловской округи можно судить из таблицы, приложенной в конце книги. Ярмарок в округе нет. Устроенных путей сообщения тоже нет. Сообщение производится — летом верхом на лошадях — по протоптанным тропинкам и по рекам на

батах, а в зимнее время — на собаках и оленях. Перевозка грузов для торговли совершается, главным образом, на собаках, запряжённых в нарты и повозки, по семь и двадцать штук, а иногда и более. Собаки в приспособленной для них сбруе (алык) привязываются по две в ряд на длинных, толстых ремнях, прикрепляемых к передку нарты или повозки. Нарты делаются в виде дровень, но длиннее их, уже в ходу и значительно легче. Все части нарты скрепляются ремнями, чтобы получить некоторую гибкость, необходимую при встречающихся неровностях дороги, рытвинах и раскатах. Впереди запряжённых в нарту собак запрягаются одна или две собаки, обученные нескольким звукам, указывающим передним собакам, в каком направлении они должны бежать. Для более же скорой езды употребляются разнообразные слова и звуки. Задерживают нарту под гору, на раскатах и останавливают при езде так называемым «оштолом», то есть берёзовой или рябиновой, толщиной с вершок, немного загнутой палкой с острым насаженным на неё железным наконечником. Пропуская «оштол» между копыльями нарты в снег, задерживают ход нарты и удерживают собак. Ход нарты делается всегда одной меры, и это делается для облегчения собак. После выпавшего снега дорога бывает, обыкновенно, занесена им настолько, что она незаметна. Первая прошедшая нарта, продавливая полозьями снег, делает дорогу, следующая нарта, попадая своими полозьями «в накат», идёт уже значительно легче. Двенадцать собак, запряженных в нарту с положенным на неё грузом от десяти-пятнадцати пудов, проходят расстояние от Петропавловска до с. Тигильского в количестве восьмисот вёрст не более чем в двадцать и не менее чем в десять суток. При переменах же в каждом селении собак средняя скорость езды по готовой дороге равняется восьми верстам в час. В летнее же время перевозка необходимых для торгующих товаров совершается вьюком на лошади. Вьюк не более пяти пудов.

Бат, на котором производится сообщение по рекам Камчатки, есть ничто иное, как длинное, с высокими краями и узкими концами корыто, выдолбленное из толстого ствола тополёвого дерева. Лодок и других плавучих приспособлений в Петропавловской округе нет. Плывая по течению реки, двое сидящих по концам бата приводят его в движение двумя небольшими вёслами с короткими ручками. Для плавания же вверх по рекам сидящие на концах бата имеют шесты и упираются ими в дно реки, обыкновенно неглубокое у берегов. Они быстро двигают бат с находящимся на нём грузом и пассажирами. Проходят, таким образом,

по пятьдесят вёрст в день. Самый большой камчатский бат может поднять груза до тридцати пудов. Обыкновенный же бат — до десяти пудов.

В зимнее время часто случается пурга. Дорога, занесённая снегом, в ночное время угрожает путнику возможностью сбиться с пути. С давняго времени во всей округе практикуется обычай обставлять дорогу вехами. Но при громадных между селениями расстояниях ежегодное «провешивание» дороги трудно и тяжело для населения.

ГЛАВА VII. ОЧЕРК ГИЖИГИНСКАГО КРАЯ

3-го августа вернулся с реки Анадыра пароход «Гирина». Этот пароход, возвращаясь во Владивосток, должен был обойти следующие порты Охотского моря: Гижигу, Олу, Охотск и Аян. Имея поручение начальства побывать в этих портах, 7-го августа в восемь часов утра я выехал на «Гирине» из Петропавловска. Командир «Гирин» рассчитывал пройти в Охотское море Первым Курильским проливом, но это благодаря туману не удалось. 8-го августа «Гирина» взял курс на Четвёртый пролив. По расчёту, мы должны были проходить Четвёртый пролив 9-го августа утром, но в этот день стоял туман, и «Гирина» с десяти часов утра взял малый ход, двигаясь то вперёд, то назад. Часа в четыре дня туман рассеялся, «Гирина» определился и пошёл в пролив. Мы вышли из пролива около семи часов вечера и взяли курс на север, на Гижигу. Наше плавание до Гижиги совершалось при такой тихой погоде, что мы шли, точно по реке, — качки ни малейшей. Видно много фонтанов, выбрасываемых китами.

13-го августа около одиннадцати часов утра в шестидесяти милях от Гижиги мы встретили пароход Китайской восточной железной дороги «Сунгари».

Видны оба противоположных берега. На них уже нет зеленого покрова, берега жёлтые, безжизненные. В два часа дня показался берег и с носа «Гирин». Мы, значит, достигли самой северной части Охотского моря и скоро бросим якорь. Идём осторожно, малым ходом, всё время бросая лот. Но вот глубина уже пять сажень, и идти дальше нельзя. «Гирина» отдал якорь. С палубы корабля не видно ни малейших признаков существования на берегах человека. Одне голые горы, где песчанья, где скалистя. Справа от парохода, милях в четырёх, залив, окруженный отдельно стоящими камнями, на расстоянии друг от друга миля-две.

Это залив Чайбуха. Он, говорят, удобен для якорной стоянки. В Чайбуху впадает и речка, а вверх по этой речке растёт хороший тополёвый лес.

Когда «Гирин» отдал якорь, немедленно стали разводить пары в катере, чтобы идти искать Гижигу, которая не видна с палубы парохода, в которой никто из прибывших на пароходе никогда не бывал, но в которую на нашем пароходе шло 1 300 мест груза, всего на сумму до 100 тыс. руб. Через час катер был готов. Взяли на катер и меня. Мы отвалили от парохода в пять часов вечера. Погода была великолепная. С катера идёт учащенная пальба по лахтакам, нерпам, ларгам, акибам и белухам, головы которых поминутно показываются то там, то сям. Морских зверей здесь — видимо-невидимо. Мы шли на катере со скоростью восемь миль в час. Часа через два вместо «Гирина» мы видим уже на рейде какой-то силуэт с длинным чёрным хвостом, подымавшимся от его трубы к небу, а с восьми часов вечера, то есть, через три часа ходу, мы видели какую-то точку, а затем и точка скрылась: так далеко остановился «Гирин»! «Гирин» скрывается из вида, но зато берега видны всё более и более отчетливо. На горе, замыкающей у речки Гижиги морской залив, стала различаться какая-то серая масса. Это Гижигинский маяк. На нём никогда никто не живёт, никаких сигналов с него никогда не подавали, но он стоит на горе уже третий десяток лет, стоит и разрушается сам собою. Маяк этот никому здесь не нужен, и его никто не ремонтирует. Вошли в устье реки Гижиги. Мелко, не более пяти футов, на обоих берегах устья огромные отмели, видимо, болотистые. Тучи чаек, уток, гагар и прочей морской птицы носятся над этими отмелями, то садясь на них, то улетаая с них. В то время, когда мы входили в устье реки Гижиги, вода шла на убыль, оставляя на отмелях морския ракушки и прочее, и птицы кормились. Прошли устьем милю-две; идём ощупью, то ткнемся в мель, то ткнемся в карчагу, лежащую на дне. Вечерело. Милях в трёх видны постройки, но нигде не видно ни людей, ни лодки. Идти дальше нельзя. Бросили якорь. Часов около девяти завидели лодку. То шёл лоцман.

Уже было совсем темно, когда лодка подошла к катеру. Оказалось, что теперь нельзя подойти к берегу. Вода идёт на убыль, и катер скоро совсем обсохнет. Лоцман посоветовал катеру идти обратно на пароход, а завтра, к трём часам ночи, буксировать сюда уже товары. Катер принял лоцмана и пошёл назад, а я перешёл на лодку.

Казак, что сидели на лодке, вполне гармонировали с этими угрюмыми, безжизненными местами. Гребут молча, не слышно ни шутки, ни какого бы то ни было слова.

— Держи, паря, право-о-о! Здесь мелко-о-о-о! — говорит рулевой гребцам, но говорит эту фразу заунывно, тоскливо, безжизненно.

Наша лодка поминутно садится на мель, в иных местах её приходится перетаскивать шагов на десять-пятнадцать. Горят фонари, указывающие фарватер, но горят зря, без толку. В прибылую воду здесь можно идти и без фонарей, ибо вода доходит до пятнадцати-двадцати футов, а в убыль воды — на фарватере нет её совсем, и куда не ткнись — не больше двух-трёх вершков. Часов около одиннадцати вечера лодка подошла, наконец, к берегу, где построена «Кушка».

Кушка построена по фантазии одного из гижигинских окружных начальников доброго старого времени. На её постройку израсходовано казённых денег до 15 тыс. руб., но зачем строили Кушку, кому она нужна — этого никто не скажет. Сказать, что Кушка ближе де к морю, чем местечко Гижига, нельзя, ибо нельзя же сказать, что пароход, останавливаясь в тридцати пяти верстах от этой Кушки на совершенно открытом рейде, близок к ней. А что касается гижигинских казаков, то Кушка является для них бичом Божиим.

Каждый день в течение уже свыше тридцати лет ходят на Кушку из Гижиги по шесть-восемь казаков. Ходят казаки и летом, ходят и зимой. Ни морозы, ни пурги, ни разлитие реки Гижиги, ни иные стихийные явления не препятствуют этому хождению. Тяжёлым бременем легла Кушка на гижигинских казаков.

На Кушке расположены казённые склады, тут и резиденция окружного начальства. Здания на Кушке пришли в полную ветхость, они уже разваливаются, и нужно пожелать только, чтобы на их ремонт не было отпущено ни одной копейки.

С саморазрушением сказанных зданий на Кушке связан вопрос о переносе резиденции окружного начальника и состоящего в его ведении окружного управления.

Куда бы не была переведена эта резиденция, в Гижигу ли, или на Чайбуху — казакам будет легче, ибо тогда казаки не будут ходить за двадцать пять вёрст в караулы и на дежурства.

Кушка состоит из следующих построек: дома для окружного начальника размером 24 на 12 аршин, высотой четыре аршина. Дом состоит из четырёх светлых и просторных комнат, но жить в этом доме опасно летом, а зимою, безусловно, нельзя жить. Полы

погнулись, и площадь пола каждой комнаты лежит в особой плоскости, под углом к соседней, так что в одной комнате полы имеют наклон в одну сторону, в другой — в другую, в третьей — в третью. Полы трещат под ногами, так вот и кажется, что сейчас провалиться.

Тоже самое следует сказать и о потолке: он тоже погнулся и имеет выпуклую форму. Вопрос во времени, но потолок непременно рухнет, ибо все его балки погнулись и имеют дугообразную форму. Печи разваливаются, трубы разваливаются.

Словом, жить в доме, занимаемом начальником Гижигинской округи, решительно опасно: того и гляди рухнет потолок или провалится пол, а зимою, кроме того, нельзя топить печей. Нынешний окружный начальник текущую зиму собирался проводить в помещении окружного управления, также ветхаго и холодного зимою, но то помещение может быть отапливаемо, а затем г. Веденский намерен был всё помещение управления обить звериными шкурами, и даже снаружи. Будет, пожалуй, тепло, но как скажется эта обивка шкурами всего помещения на здоровье начальника округи и его семьи — другой вопрос.

Помещение помощника окружного начальника, хотя и небольшое, двенадцать на девять аршин, вполне пригодно для жилья. Оно новенькое, зимою, говорят, в нём тепло.

На Кушке имеется казарма для караула и казаков, приходящих сюда из Гижиги по разным делам. Казарма так ветха, что в зимнее время она укрывает казаков лишь от ветра и пурги, но температура казармы ничем не разнится от температуры наружного воздуха.

Склады для казённых припасов великолепные, таких складов нет ни в одной из северных округ. Лес новый, лиственный, не менее пяти вершков в отрубе. Пороховой погреб тоже хорош. Ввиду того, что окружным начальником уже испрашивается кредит на поправку казённых зданий на Кушке, главным образом, дома окружного начальника, своевременно возбудить вопрос об упразднении Кушки. Её существование решительно ничем не оправдывается и, бросая Кушку, только и жалко будет зданий для складов и, частью, дома помощника окружного начальника, а что касается дома окружного начальника, то там могут быть годными в дело только брёвна, а всё остальное можно сжечь.

При решении вопроса о переносе резиденции окружного начальника, следует принять во внимание залив Чайбуху, против которого останавливаются пароходы и в который, как говорят, они

могут входить и подходить к берегу чуть ли не вплотную. Тогда вопрос о разгрузке судов упростится, а теперь разгрузить судно на гижигинском рейде дело очень трудное. Даже маленький ветер разводит на этом рейде такую волну, что она, заливая катер, может залить и его топку, что при волнении довольно опасно.

Выше я сказал, что «Гирин» привёз для Гижиги 1 300 мест груза. При хороших разгрузочных средствах этого парохода (два баркаса, поднимающих по тысяче пудов груза, и паровой катер для их буксирования) и при хорошей погоде сгрузить эти места можно было бы в три, много в четыре дня, но ветры и доступность устья Гижиги для парового катера и баркаса только в полую воду задержали «Гирин» в Гижиге семнадцать суток, ибо в иные дни нечего было и думать пускать катер на Кушку.

Если резиденция окружного начальника будет перенесена на Чайбуху, то разгрузка пароходов в Гижиге будет также удобна, как и в Петропавловске, и в Аяне, но тогда явится вопрос о перевозке груза в Гижигу на расстояние почти шестьдесят вёрст.

Тут, естественно, возникает вопрос и о переносе на Чайбуху и местечка Гижиги. Вопрос старый, подымавшийся еще при графе Сперанском, но ничего, кроме убытков казне, не давший.

Предрешать вопрос о местонахождении Кушки крайне трудно, ибо с этим вопросом связывается и вопрос о переносе Гижиги, построенной прямо на тундре и не имеющей на своём нынешнем месте ровно никаких удобств, и в то же время подверженной бедствиям от разлития реки Гижиги. Вопрос этот очень сложен, и для его сколько-нибудь основательного решения необходимо пожить в Гижиге, а не проехать, так сказать, мимоходом. Этот вопрос, как я выше заметил, будет поднят окружной администрацией, и я обявляюсь высказать здесь, что, как бы не решался сей вопрос, но Кушку во имя человеколюбия следует упразднить.

Кушка является тяжёлым бременем для гижигинских казаков. По моему мнению, Гижига ничего не потеряет, если переселится на залив Чайбуху: там есть речка, можно, следовательно, ловить рыбу. К берегу этого залива могут подходить пароходы, а затем облегчится промысел морских зверей, составляющий в обыходе гижигинца видную статью его хозяйства. Я, впрочем, отнюдь не настаиваю на заливе Чайбухе, ибо за семнадцать дней своего пребывания в Гижиге я не мог ознакомиться, как следует, с условиями гижигинской жизни. На Кушке живёт только гижигинское начальство да проводят дни нарядов казаки, а центром жизни Гижигинского края является местечко Гижига.

Это местечко, расположенное на левой стороне речки Гижиги, имеет вид крайне жалкий и бедный, особенно теперь, когда население этого местечка в зиму 1899—1900 года перенесло страшное бедствие.

В эту зиму, с конца декабря 1899 года и по апрель 1900 года, Гижигинский край посетила эпидемия кори. Эта эпидемия, завезённая из Камчатки торгующим Федором Косыгиным, не страшная в городах, где есть и врачи, и аптеки, и возможность соблюдать различные предписания врачей относительно диеты и гигиены вообще, приняла в далекой Гижиге угрожающие размеры, и картина бедствия населения от кори, в общем, такова.

Зима 1899—1900 года была в Гижиге лютая, холодная. Пурга свистела неделями. Снегу была такая масса, что всю Гижигу, можно сказать, засыпало снегом, из-под которого торчали лишь крыши домов, а перед дверями, занесёнными сугробами, вырывались в снегу тоннели, которые служили для входа и выхода людей.

Болезнь началась 27-го декабря 1899 года, причём первым заболел зауряд-сотник Егор Падерин, который 2-го января 1900 года вследствие осложнений кори отдал Богу душу.

Ко дню смерти Падерина, то есть ко 2-му января, из шестисот жителей Гижиги уже заболело до ста человек, а в середине января болезнь приняла такие размеры, что из всех жителей Гижиги здоровых было только восемнадцать человек, а остальные все поголовно заболели. Болели целые семьи, так что дома оставались неотопливаемыми, ибо некому было сходить за дровами и истопить каминок. Смертность приняла такие размеры, что 12-го января 1900 года в один день умерло четырнадцать человек, а затем не проходило того дня, чтобы не было в Гижиге четырех-восьми смертей. О похоронах покойников не могло быть и речи, ибо некому было копать могил, и трупы умерших сносились отдельные дома, где и складывались в кучу, причем к 9-му марта, когда болезнь приутихла, в трёх домах, обитатели которых вымерли поголовно, было сложено 157 трупов.

Из этих 157 покойников не все, однако, умерли от кори, а многие, особенно дети, замерзли живыми. Так, например, в семье гижигинского казака Беломойнова 10-го января умер глава семьи, сам Беломойнов. Вечером того же дня его жена стала мучиться родами, и ей Бог дал сына, но только появился на свет новый гижигинец, как его мать, ослабленная родами, заболела корью, нашедшей для себя настолько благоприятную почву, что 11-го января к вечеру родильница умерла, а новорождённый так и не дождал

ся следующего дня: он замёрз в ночь с 10-го на 11-е января. Племянник Беломойнова, также больной, 11-го января в полдень, пытался затопить камин, но он с лучинкой в руках так и свалился у каминка, не успевши его затопить.

И вот картина, когда здоровые заглянули в дом Беломойнова: племянник с лучинкой в руках лежит мёртвым при входе у каминка, немного дальше лежит мёртвый глава семейства, казак Беломойнов, а на кровати лежит мёртвая его жена, а с нею рядом, кое-как завёрнутый в кухлянку лежит новорождённый. Но не вся семья вымерла: на другой кровати маялся без сознания мальчик одиннадцати лет. Его голова горит, а ноги отмерзли (впоследствии этот мальчик всё-таки умер, причём причину его смерти гижигинцы объясняют тем, что отмороженные ноги, не будучи во время ампутированы, повлекли за собою дальнейшие повреждение организма, окончившиеся смертью мальчика).

Такая картина, как описанная, имела место во многих семьях, ибо теперь в Гижиге семь домов, обитатели которых вымерли поголовно, а про Беломойнова я рассказал не в виде исключения, а для иллюстрации картины бедствия, постигшего Гижигу в зиму 1899—1900 годов.

Вот при таких-то тяжёлых условиях самоотверженно послужили бедствующему населению два лица: помощник начальника Гижигинской округи Анкудинов (бывший начальник округи статский советник Пржевалинский также заболел корью. Он, положим, оправился от этой болезни, но летом 1900 года все-таки умер, причём причина его смерти, как мы слышали, имеет большую связь с корью), бывший помощником Н. Л. Гондатти в Анадырском крае, и г. Янковский, сын нашего коннозаводчика.

Эти два лица, будучи в числе восемнадцати, которых пощадила эпидемия, поработали с конца декабря 1899 года по апрель 1900 года так, как могут работать люди возлюбившее ближнего больше самого себя и готовые отдать ему душу не на словах, а на деле. Они разделили Гижигу на участки и привлекли всех здоровых к уходу за больными, а уход был нужен вот какой.

Корь, постигшая Гижигинский край, осложнялась чрезвычайным разстройством желудка, и вот здоровый, подавая помощь больной семье, прежде всего, должен был вынести в покойницкую группы, затем обмыть больных от экскрементов, затем принести дров, затопить камин, сварить какую-нибудь еду, а затем уже ухаживать собственно за больным: ставить ему клизмы, компрессы, давать лекарства и прочее.

А как много было больных, как много приходилось выносить трупов, обмывать прикованного к смертному одру больного необычайным поносом, как вообще трудно приходилось здоровым и, главным образом, Анкудинову и Янковскому, про то говорят цифры, которые мы вновь повторим: населения шестьсот душ, из них здоровых в самый разгар болезни восемнадцать человек. Число смертей, главным образом за январь — сто шестьдесят человек.

Помощи извне ждать было нечего, и гижигинцы обратились к взаимопомощи. Между состоятельными жителями была устроена подписка, которая дала 1 300 руб., причём купец Брагин, лёжа на смертном одре, нацарапал на подписном листе: «Зертвую тысячу рублей», а другие — кто сто, кто десять (меньшей суммы нет). Могли подписать что-либо всего девять человек, и они подписали щедро. Собранные 1 300 руб. пошли на дело призрения сирот, которых эпидемия лишила родителей и вообще тех, которые кормили их.

Эпидемия стала ослабевать с середины февраля, а в марте уже стали выпадать по два дня подряд, обходившиеся без случаев смерти, а к концу марта многие повыздоровели, и общими силами были выкопаны две братских могилы, в которые и были перенесены сто пятьдесят семь (первые три покойника, умершие в декабре, тогда же и похоронены) покойников, и похоронены, конечно, без гробов. В наружном виде Гижиге остались следы описанного бедствия: навесы из-под рыбных вешал остались без крыш, ибо таковыя употреблены на топку каминков, да семь домов стоят заколоченными: их обитатели умерли все до единого и покоятся в общей братской могиле... Много осталось сирот, много таких, у которых в нетопленной несколько дней подряд хате при температуре до минус сорока восьми градусов по Реомюру отмерзли ноги, руки, нос...

Следы эпидемии, словом, были заметны и в мою бытность в Гижиге спустя полтора года. Много лет пройдет, когда гижигинцы станут забывать постигшее их бедствие, но, полагаем, не забудут они Анкудинова, Янковского и других гижигинцев, которые в дни бедствия поработали, как истинные христиане.

Свирепствовала корь и среди гижигинских, анадырских и, частью, охотских инородцев, много их умерло, но сколько именно и как, вообще, протекала эпидемия в инородческих стойбищах — про то знает один лишь Всеведущий Бог.

В Гижиге есть храм, обладающий капиталом до восьми тысяч рублей, составленным из пожертвований богатаго гижигинского

купечества. При храме служит священник Верещагин, гижигинский старожил, живущий здесь свыше двадцати лет. В Гижиге же живет и миссионер корякского народа, иеромонах Валентин, бывший артиллерийский офицер, человек ещё молодой, видимо, преданный своему делу и весьма энергичный. Кроме духовенства в Гижиге живёт окружный врач, статский советник Любимов, прослуживший в северных округах свыше двадцати лет, главным образом, в округе Гижигинской. В состав Гижигинского общества входит также и местное купечество: Брагины, Молодовы и Замошников, кроме этих патентованных торгующих, занимается торговлей и фельдшер Миронов.

Обороты гижигинской торговли, если судить по количеству товаров, привезенных в 1901 году на «Гирине», довольно значительны, а если судить по обстановке жизни торгующих и по количеству числящихся у них капиталов, прибыльны. В то время, когда в домах гижигинских казаков и мещан всюду просвечивает крайняя бедность, дома торгующих, красивые на вид, обширные, имеющие погреба, сараи и всякаго рода хозяйственные пристройки, обставлены даже роскошно. Полы домов торгующих покрыты коврами, выделанными из оленьих шкур, с затейливыми рисунками из белого меха, с бобровой оторочкой. Мебель у торгующих мягкая, в большинстве, из красного дерева, у купчихи Брагиной хорошее пианино. Гармонирует с мебелировкой и чайная, и столовая сервировка, в которую входит множество серебряных вещей. В то время, когда мещане и казаки едят юкалу да нерпу, торгующие не отказывают себе ни в паштетах, ни в прочих дорогих деликатесах. Найдется, при случае, и бутылка-другая лучшаго шампанскаго, стараго портвейна, заграничнаго ликера и т. п.

В Гижиге очень любят и угощать, и угощаться. «Это наше единственное утешение», — говорят там.

И праздники, а равно всякаго рода семейныя «торжества», проводятся гижигинцами весело и, главное, сыто. 16-го августа в Гижиге престольный праздник. Я был на этом празднике и скажу о нём несколько слов.

Обедня служилась соборне приходским священником и миссионером Валентином. На клиросе пели человек пятнадцать гижигинцев, преимущественно, фальцетом. Бас — голос грубый, и в Гижиге не одобряется, и там ражий детина, любитель попеть, напрягает все усилия, дабы петь «тоненько». Войдя в церковь, я думал, что поют женщины, оказалось, поют бородатые мужчины. За обедней присутствовала вся Гижига, и церковь была битком набита.

К правой стороне церкви становятся мужчины, к левой — женщины. У всех волосы блестят — они намазаны нерпичьим жиром. Женщины в шёлковых платьях, девушки в шёлковых косынках, замужняя и вдовы — в шёлковых кокошниках, мужчины в пиджаках московской работы. Стоят в церкви благолепно, истово крестятся, отбивают усердные поклоны, вздыхают, а мужчины фальцетом подтягивают певчим.

После службы все гижигинцы, не мещане и не простые казаки, отправились в дом священника поздравить с праздником. Гостей встречает на крыльце матушка, которая тут же благодарит каждого «за посещение» и просит пожаловать «в горницу». Нас пришло человек двадцать. В ожидании батюшки мы чинно расселись в зале. Все гости — в парадном одеянии: купчихи в шелках, купцы в белых галустуках, служащие в мундирах.

Пришел батюшка в епитрахили, с крестом. Пройдя к святому углу, он начал праздничное молебствие. Все подошли к святому кресту и были окроплены святой водою. Окончивши церковный обряд, священник стал здороваться с гостями, лобызаясь с мужчинами и пожимая руку женщинам. В это время дочери священника вносили в залу два огромных подноса со стаканами и чашками чаю, подносы с тарелками, на которых красовались булки, пирожки, абрикосовское печенье, московские сухари. Барышни, подойдя к гостю, кланялись. Гость вставал, кланялся также, а затем брал стакан чаю, а когда он накладывал в стакан сахар, то барышни упрашивали гостя класть сахару побольше, не жалеть, «потому теперь большой праздник». Пили чай, имея стакан в руках, ибо стол стоял по близости только трех-четырёх, а народу было человек двадцать пять. Дамы пили чай с ложечек, а мужчины, как менее чувствительные к кипятку, пили прямо со стакана. Церемония чаепития, сопровождаемая разговорами о погоде, а то и о возможности войны с Германией, продолжалась больше часу. Когда кончилось чаепитие, матушка и её дочери стали вносить в залу кушанья: пироги, жареных диких гусей, и свежих, и солёных, жареную и разварную рыбу, отварные олени языки, солёную разварную оленину, разные закуски, в том числе и сардины, и расторгуевскую паюсную икру, и кусок сыру, и разное прочее. Стол был уставлен обильною едою и выпивкою, в числе которой видное место занимал разбавленный водою спирт, а для дам — сладкая наливка, настоянная на морошке или княженике. Стояли и бутылки с дешёвеньким портвейном. Завтрак был а *lafourchette*; все поочередно подходили к столу, причём дамы, по гижигинско-

му этикету, брали себе микроскопический кусочек какой-либо одной снеди, но хозяйка тут же обижалась на гостью и, вырывая тарелку из её рук, накладывала ей как можно больше, но гостья энергично сопротивлялась; один край тарелки в руках хозяйки, а другой в руках гостьи. Руки и хозяйки, и гостьи заняты, а дочери хозяйки, пользуясь этим моментом, клали на тарелку огромный кусок пирога.

У всех на тарелках и пироги, и прочия яства, но никто не начинает есть. Матушка ставит на поднос множество рюмок, на другой поднос дочь матушки ставит бутылки, и начинается церемония обнесения гостей вином. Процессию сопровождает и сам хозяин. Подходят к каждому и каждому кланяются, и все отказываются, и чем энергичнее гости отказываются, тем поклоны ниже, тем чаще повторяется: «Не обидьте, не обезсудьте, пожалуйста!» Но вот рюмка взята. Прикоснулись к ней губами и ставят её обратно на поднос, и опять поклоны, и опять просьбы, пока гость или гостья не выпьет всё до дна.

Глубокою стариною веет от этих милых, истинно русских обычаев. Едва ли они сохранились где, но, сидя у батюшки во время поздравления его гижигинцами с престольным праздником, я мысленно переносился в семнадцатый век. Передо мною точно демонстрировали старинно-русские обычаи, от которых теперь, увы, осталось лишь воспоминание, да и то в книжках, вроде Забелина.

От батюшки пошли уже по всей Гижиге, причем те из визитеров, дом которых был на очереди, уходили из предшествовавшего дома и встречали у своих сеней всю ватагу визитеров с теми же низкими поклонами, с теми же церемониями, с какими встречала нас и матушка. Чем больше делали мы визитов, тем больше знакомились друг с другом, тем больше наша компания оживлялась и веселела. Последним визитом был визит к купчихе Брагиной, где есть пианино. Угощение обильное, комнаты просторные, хозяйка приветливая, а тут и на пианино забренчали...

Отменно хорошо провёл я престольный праздник в Гижиге, да и где можно себя чувствовать так, как в гостях у состоятельного гижигинца, который прямо не знает, куда вас посадить, чем угостить?! Тут гостеприимство неподдельное, чуждое каких-либо условностей и расчётов. Здесь принимают гостя потому, что любят гостя и сами любят гостить.

Состоятельные гижигинцы, к чести их будь сказано, очень отзывчивы к нужде и горю, зачастую постигающим мещанское и казачье население Гижиги, причём, помогая нуждающимся,

гижигинцы помогают широко. Подписка всегда производится на листах, имеющих следующую стереотипную надпись: «Мы, нижеподписавишеся, сколько у кого против фамилии обозначено, обязуемся мы все, подписавишеся, или наши наследники, уплатить для такой-то цели. И да поможет нам Господь Бог». Суммы собираются солидные. Так, после эпидемии кори в пользу оставшихся сирот пожертвовали: купец Василий Брагин — 1 000 руб., помощник начальника округа Анкудинов — 100 руб., начальник округа, покойный Пржевалинский — 100 руб., торгующий Замошников — 100 руб., священник Черных — 20 руб., врач Любимов — 100 руб., Янковский — 100 руб., купец Молодых — 100 руб., купчиха Брагина — 100 руб., затем идут более мелкия суммы.

В зиму 1898—1899 годов по случаю недохода рыбы была голодовка, и подписка между состоятельными гижигинцами дала в пользу нуждающихся 940 руб. 10 коп. Кроме таких нужд, как голодовка или эпидемия, гижигинцы не прочь жертвовать и на такие дела, как покупка миссионерского дома, на что было собрано 500 руб.

Нужно сказать, что гижигинцы вообще отзывчивы ко всякой нужде, и подписки там обычное явление, ибо надеяться там на какую бы то ни было помощь извне не приходится.

Население Гижиги, как я выше заметил, живёт бедно, и такой бедноты, как в Гижиге, я нигде не видел. Вся жизнь гижигинца зависит от хорошаго хода рыбы да удачливаго промысла морского зверя. А что касается земноводных зверей, то гижигинцы за неимением оружия почти совершенно не занимаются промыслом.

Русское население гижигинскаго края, находясь в полной зависимости от стихийных явлений, каковы: ранний ледоход, спор льда у устья реки, ветры во время хода рыбы и прочее тому подобное, бедствует и тогда, когда его соседи, коряки, тунгусы и ламуты, сыты, ибо у них есть и ружьё, хотя и фитильное, у них есть и стадо оленей. У русских же есть только сетки для ловли рыбы да дырявый баркас, на котором нельзя промышленнику выйти в море. Гижигинцы, собственно говоря, едят только то, что само идёт к ним в руки, они совершенно чужды духа какой бы то ни было предприимчивости. Гижигинское купечество очень мало торгует собственно с гижигинцами, ибо у последних нет ни пушнины, ни денег, а торгуют купцы с инородцами и, главным образом, с богатыми оленными чукчами Анадырскаго края, и этот торг гижигинских торгующих с чукчами является подспорьем для населения Гижиги, которое поголовно занимается доставкой купеческих

товаров на ярмарки, как в Гижигинской округе, так и в округе Анадырской. Зимний извоз дает гижигинцам средства к покупке чаю, сахару, табаку, муки, одежды, словом, всего того, что им необходимо и что продают торгующие.

Таким образом, жизнь гижигинца составляется из рыбного промысла во время хода рыбы, из промысла морского зверя, причём последнего стараются укараулить обсохшим на берегу, а затем из зимнего извоза на собаках. Есть, правда, несколько жителей, у которых есть ружья и которые уже пробовали ходить за медведем, но это единичные случаи.

В двадцатых числах июня в Гижигинский залив идёт несметное количество рыбы, называемой «уёк». Эта рыба и видом, и вкусом напоминает ревальскую кильку, но килька ли она, или другая какая рыба — я не могу сказать. Уёк идет такую массу, что берега гижигинского залива в двадцатых числах июня на десяти верст покрываются слоем уйков, выбрасываемых на берег морским прибоем, свыше двух аршин в высоту и до пятнадцати аршин в ширину. Слой уйков, быть может, тянется и на сотни вёрст, да дальше сорока вёрст от устья Гижиги никто не ездил и не хаживал. На протяжении сорока вёрст видали слой уйков, но что делается дальше, того никто не знает. Кроме уйков, идёт в этих местах селёдка, и тоже огромными массами, но и селёдку никто из гижигинцев не ловит, и только чайки пируют во время хода селёдки, оне не едят уже тогда рыбьяго мяса, а проклевывают у селёдок только один мозг.

Гижига частенько голодает, и будет она голодать до тех пор, пока ея население будет оставаться в той крошечной умственной тьме, в каковой оно находится ныне. Гижигинец чрезвычайно апатичен ко всему. Он не слышал о чем-либо лучшем, чем безлюдная холодная тундра его родины, и Бог один ведает, когда умственный кругозор гижигинца расширится настолько, что он пожелает извлечь пользу и из уйков, и из селёдки, и из массы морских зверей, водящихся в море.

Во всяком же случае следует возможно скорее вооружить казаков, а вооружая, научить их обращаться с оружием, ибо теперь они не умеют взять берданку и в руки. Тогда, быть может, гижигинцы не оставят без внимания ни медведей, ни великолепных гижигинских красных лисиц, ни белок. Вся пушнина, что идёт с Гижиги, добыта не русскими, а исключительно инородцами. Нужно, чтобы и русские промышляли пушного зверя, а для этого надо дать ружья, хотя бы одним казакам.

В Гижиге занимаются немного и огородничеством, и скотоводством, но в крайне незначительных размерах. На огородах сеют, главным образом, репу, которая служит единственным десертом гижигинца, подаваемым на стол в качестве наших яблок, винограда и т. п.

В Гижиге имеется тридцать девять коров. Молока гижигинские коровы дают мало, и молока еле хватает детям. Собак в Гижиге шестьсот штук. В Гижиге собак не привязывают, как в Петропавловске, а оне круглое лето бегают на воле, промышляя в речках и озерах рыбу, причём собаки едят летом только рыбы головки, и летом все ближайшие к Гижиге берега речек усеяны рыбою без голов.

Есть в Гижиге и тридцать пять лошадей, но лошади здесь не имеют экономического значения. Оне служат лишь для поездки иной раз верхом на Кушку да на Наяханскую ярмарку, в трёхстах верстах от Гижиги, начинающуюся 29-го июня, а кончающуюся 10 июля. На эту ярмарку прикочевывают тунгусы, привозя добытую за зиму пушнину: белку, медведя, лисицу и прочее, а торгующие привозят из Гижиги: чай, сахар, табак, чайники и прочие металлические изделия. На лошадь грузят вьюк до семи пудов, причём с каждого пуда берётся по четыре рубля.

Гижигинскому краю нельзя особенно обижаться на природу: там могут водиться и лошади, и коровы, может произрастать репа и картофель, много там рыбы, зверей, но русское население этого края, крайне неразвитое и апатичное, пока пользуется только ходовою рыбою лососёвых пород, да немного морским зверем, а что касается домашних животных, то там и пользуется вниманием одна лишь ездовая собака, а лошадей, если некоторые и имеют, то всё же считают их не стоящими внимания, ибо в зимнее время при глубоких гижигинских снегах, лошади не могут там не только перевозит груз, но оне и сами, даже без седока, не могут двигаться по тундре, занесенной глубокими снегами. Лошади, случается, проваливаются с головою, тогда как лёгкая собака свободно идёт по таким снегам и тащит за собою гружёную нарту. Собака да ходовая рыба, в общем, дают так мало местному населению, что оно живёт в жалкой бедности.

По моему мнению, единственное, что может поднять захудалый Гижигинский край, это хоть маленький луч просвещения, рука котораго совершенно не касается Гижиги вот уже третий век.

По мере возможности, я сделал попытку к просвещению Гижигинского края. При посредстве «Приамурских ведомостей» мне

удалось собрать 618 руб. добровольных пожертвований на покупку для того края волшебного фонаря и соответствующих чтений. Московская фирма Трындына уже исполнила заказ, и на пароходе Китайской восточной железной дороги «Сунгари», который, по расчёту, придёт в Гижигу в середине июня сего года, гижигинцы получат хороший фонарь и чтения со световыми картинками, всего на сумму 600 руб. На оставшуюся сумму имеется в виду выписать книги для чтения.

В Гижинском крае, суровом, далёком и труднодоступном, никогда не было и не будет местного образованного человека, который отнесся бы к его населению с тою сердечностью и любовью, каких заслуживает это, хотя и захудалое, но высоконравственное население, среди которого нет не только воров, мошенников и прочих, но нет даже простых лжецов. Гижигинские чиновники, не в обиду будь им сказано, за весьма небольшими исключениями больше пекутся о формальной стороне дела, о надлежащей отписке с областными властями, а собственно быт населения, действительная жизнь гижигинца едва ли интересовала когда гижигинское чиновничество. Гижигинская интеллигенция и гижигинское простонародье — это два отдельных мира, друг друга не знающих и друг другом не интересующихся, исключая разве случаев народных бедствий, когда имущие протягивают руку помощи неимущим. Этого едва ли достаточно...

Я позволил себе взять из Гижиги на свою личную ответственность мальчика, казачьяго сына Ивана Падерина, одиннадцати лет, дабы выработать из этого мальчика будущего интеллигента Гижиги, которому были бы дороги интересы его далекой и бедствующей родины. Этого мальчика мне удалось определить в подготовительный класс Хабаровского реального училища. Падерин учится недурно, хотя, конечно, и не блестяще, ибо он до приезда в Хабаровск кроме тундры да пустынного гористаго взморья его далекой родины ничего не видал, и даже те многия понятия, которых упоминаются в детских книжках для чтения, Падерину совершенно неизвестны.

Вывозя Падерина из Гижиги, я далёк был от мысли благодетельствовать этого мальчика, но я считал и считаю его тем орудием, при помощи которого с течением времени можно будет воздействовать на быт и экономическое благосостояние Гижигинского края. Падерин, по моему мнению, имеет право на благотворительность правительства: его дед и отец, природные гижигинские казаки, непрерывно прослужили Великому Государю 102 года,

прослужили верой и правдой, получая за свою службу всего 36 руб. в год да солдатский паёк.

Исходя из этого положения, я рассчитываю, что начальство Хабаровского реального училища окажет свою милость к вывезенному мною из Гижиги малолетнему казаку наряду с теми учениками, которые пользуются щедротами правительства за службу их отцов.

ГЛАВА VIII. ОЧЕРК ОХОТСКАГО КРАЯ

Разгрузка «Гирина» в Гижиге, задерживаемая погодою, затянулась на две недели. Только 27-го августа к вечеру были окончены расчёты пароходной администрации с гижигинскими торгующими и гижигинской администрацией, и окончательный отход катера с Кушки был назначен в девять часов вечера этого дня.

Было уже совсем темно, когда наш катер отвалил от берега. Мы быстро прошли устье реки, выйдя в море, мы попали и в туман, и в довольно сильную носовую зыбь. Катер вёл на буксире два баркаса. Мы шли не более трёх миль в час. Было холодно, а к тому же нас поминутно обдавало брызгами волн. Было три часа ночи, когда мы, иззябшие, измокшие, подошли к «Гирину». Около пяти часов утра были подняты на пароход и катер, и баркасы, и мы снялись с гижигинского рейда и взяли курс на Олу.

Переходя к Охотскому краю, я должен бы сделать описание физических свойств этого края, а равно и быта его населения. Но я не буду сего делать, так как я был в Охотском крае всего четыре дня, и за эти четыре дня я не мог составить сколько-нибудь ясного понятия об общем характере Охотской округи, а повторять литературу об этом крае не входит в мою задачу, и я поэтому отмечу в настоящем очерке лишь то, что наблюдал лично.

Снявшись с гижигинского рейда утром 28-го сентября, 29-го, около двенадцати часов дня, мы подошли к с. Оле. Лишь «Гирин» бросил якорь, как от берега отвалила шлюпка, на которой прибыл на пароход казак, заведывающий ольским продовольственным магазином. Наш пароход привёз в Олу до 800 мест груза. Груз в Олу с каждым годом увеличивается, и Ола с 1894 года, с открытием тракта на Колыму, приобретает значение торгового пункта.

Селение это расположено в полутора верстах от берега моря, на реке того же имени. Местность очень красивая. Самое селение построено на морской отмели, поросшей густою сочной травой,

а за селением, не более как в версте, начинаются леса, которые уходят в горы, обступившие Олу со всех сторон. В Оле шестнадцать дворов. Постройки, в большинстве, исправныя, ибо поблизости много строеваго лесу. Ола состоит как бы из двух селений: летняго и зимняго. Первое, летник, стоит на берегу речки, а второе — в некотором от нея разстоянии. На летник ольцы уходят с началом хода рыбы, что бывает в первой половине июня, и живут там до заморозков, что бывает в конце сентября. На летнике дома построены из толстых брёвен, и они разнятся от зимняго жилья только тем, что у них нет потолка, а в крыше, в самой ея середине, проделано дымовое отверстие, как раз над очагом, который непрерывно дымится и коптит рыбу, подвешенную под крышей. Рыба подвешивается на жердях и заполняет собою все внутреннее пространство между срубом дома и плоскостью крыши. Ольские летники существенно отличаются от летников камчатских, ибо те скорее напоминают курныя бани, тогда как ольские летники — это хорошие дома, до двенадцати на девять аршин, только не имеющие потолка и печи.

На вешалах летников, кроме рыбы, видное место занимает юкала из турпанов. Турпаний промысел имеет весьма важное значение для Олы. В июле месяце эта морская птица, линяя, собирается в несметном количестве к ольским морским берегам. Турпан, потерявший во время линьки свои перья, уже не может летать, и этим пользуются жители Олы.

Турпаны, начиная линять, держатся стадами штук по пятьдесят-сто милях в десяти от берега, а затем морския течения всё более и более прибывают их к берегу, и когда турпаны уже подошли к берегу версты на две-три, жители, выждав хорошую погоду, все поголовно выезжают на лодках в море, причём лодки идут с таким расчётом, чтобы обойти турпанье стадо, которое уже исчисляется в это время десятками тысяч птиц, а затем, отрезавши турпанам всякий путь в море, лодки сближаются, постепенно суживают круг, а затем уже гребут прямо на турпанье стадо и гонят его к берегу. Когда глубина не выше пояса, жители выскакивают из лодок, хватают турпанов прямо руками и дают их, кто верёвочкой, а кто и прямо руками. Избиение турпанов длится долго, пока в пространстве залива, отрезаннаго от моря лодками, не остаётся ни одного живого турпана, а все они или удушенные погружены на лодки, или успели бежать. Каждый человек, выехавший на такой промысел, добывает не менее сотни-двух турпанов, а на семью в иной раз приходится по тысяче и более турпанов.

Разбежавшиеся турпаны примерно через неделю опять сбиваются в стадо, и тогда жители Олы таким же порядком вновь подгоняют их к берегу и вновь душат, хотя второе избиение турпапов и значительно менее добычливо, чем первое.

Во всяком же случае, жители Олы добывают столько турпанов, что их хватает и для собственного продовольствия, и для ездовых собак.

Когда турпанов привозят на лодках домой, то, прежде всего, чистят их от перьев, причём перо бросается как никому и ни для чего не нужное, а затем, очистивши от перьев, срезают мягкие части турпана и круто солят их, а остов турпана, куда входят внутренности, кости, ноги и даже голова, вешается для сушки и даётся затем собакам, как юкала. Вешала, конечно, без крыш, а потому и успешность сушки турпаньей юкалы зависит от состояния погоды: хороша погода и обильное продовольствие собак обеспечено, пошли дожди — турпанья юкала загнивает, валится с вешал и пропадает, и тогда надежда на рыбу.

Рыбы в Оле, как и всюду в северных селениях, непременно расположены на берегу таких речек, по которым идёт ходовая рыба, всегда много, но то же плохое устройство вешал служит иногда причиной нехватки юкалы как для людей, так и для собак.

Помимо турпанов и рыбы большее значение в продовольствии ольцев имеет скот. Коровы есть в каждом доме, так что молочная провизия входит в постоянный обиход ольца. Насколько в Оле достаочно молочной провизии, не имеющей, конечно, ровно никакого сбыта, видно из того, что в Оле гостю не подадут простого молока, а подадут непременно сливки, да такая густыя, что их можно принять за сметану. За скотом в Оле, как и в других пунктах северной окраины Приморской области, нет ухода, хотя у каждого дома и есть «стайка» для защиты коровы от особо сильной пурги или мороза, когда коровам дают даже сено, тогда как в тихие зимние дни коровы добывают себе корм сами, выкапывая его из под снега.

В настоящее время Ола, благодаря новому колымскому тракту, имеет некоторый и денежный заработок, ибо сюда в половине августа приходят транспорты колымских якутов во главе с якутским казаком Калинкиным. Вьючный тракт от Колыма до Олы на протяжении шестисот верст, по словам якутов, очень удобен: на всём протяжении этого тракта не встречается ни крутых подъёмов, ни болот, ни более или менее значительных речек, затруднительных для переправы вброд, и колымский транспорт, благодаря удобствам сказанного тракта, выйдя 8-го августа 1901 года с Колымы,

21-го августа прибыл в Олу, то есть в течение тринадцати дней сделал шестьсот вёрст, в среднем почти пятьдесят вёрст в сутки.

Груз, который доставляется пароходами для Камчатского края в Олу, по разгрузке его с парохода хранится в особых складах, выстроенных на берегу лимана реки Олы, в таком его месте, куда в прибылую воду могут ходить пароходные катера и баркасы с осадкою до пяти с половиной футов. Склады устроены капитально, хотя крыши, крытые корьём, немного протекают. Товары, погруженные в эти склады, частью вывозятся в Колымский край летним трактом на лошадях, частью зимою — на собаках и на оленях. За пуд груза платят три рубля. На лошадь навьючивают до семи пудов груза, на оленью нарту до двенадцати пудов, а на собачью — до пятнадцати пудов и даже до двадцати.

Оленью нарту везут два оленя, а в собачью грузовую нарту запрягают от шестнадцати до двадцати четырёх собак. Когда везут груз олени, то тогда впереди обоза идут два наиболее сильных оленя, которые разминают глубокий снег и тем прокладывают дорогу оленям, запряжённым в нарты.

Грузов в Олу приходит уже так много, что в перевозке их в Колымский край принимают некоторое участие, хотя пока и незначительное, и жители Олы, но, нет сомнения, что, по мере развития торговли Колымского края с Владивостоком и Одессой жители Олы будут принимать всё большее и большее участие в доставке грузов на Колыму, и извозный промысел составит для Олы видную статью дохода.

В 1901 году в Олу на пароходах Китайской восточной железной дороги доставлено следующее количество грузов: «Сунгари» — 5 790 пудов; тот же пароход во второй рейс привёз в Олу 7 000 пудов; «Гири» — 1 100 пудов и «Шилка» — 4 000 пудов, а всего в Олу доставлено пароходами Китайской восточной железной дороги 17 840 пудов груза. Это уже такое солидное количество груза, что в его перевозке в Колымский край примут участие и жители Олы. Независимо от пароходов Китайской восточной железной дороги, доставляют в Олу груз и другие пароходы, как, например, «Котик», «Прогресс», «Байкал», принадлежащие частным лицам. На этих пароходах в навигацию 1901 года ожидалось свыше 10 тыс. пудов разных товаров.

В 1894 году, когда открыло в Оле свои операции Приамурское торговое товарищество, оно построило здесь обширное деревянное здание в два сруба. В этом здании за разстройством дел товарищества не пришлось никому жить, и здание осталось недостроенным

и в нём, вероятно, никто не будет жить, так как Ола сама по себе и не имеет значения торгового пункта, а является не более как перегрузочным пунктом, причём ответственность за сохранение и целость товаров, идущих для колымских купцов, всецело принимается артелями возчиков или подрядчиком Калининым.

По мере развития товарного движения по Ольскому тракту, оживает Ола. Но это селение, делаясь всё более зажиточным, не обнаруживает никаких забот об образовании подрастающего поколения, и школьное дело находится в зависимости от случайных обстоятельств: приедет в Олу священник (школа здесь церковно-приходская, находящаяся в ведении якутского епархиального начальства), любящий учить ребят, и школа так или иначе действует. Нет такого священника, или нет его вовсе, как это имело место в лето 1901 года, ибо священник, хотя и был назначен в Олу, но к месту служения ещё не прибыл, школа бездействует, и дети школьного возраста остаются без всякого обучения, ибо в этих местах нет даже грамотеев из запасных солдат, функционирующих, например, в Южно-Уссурийском крае в качестве народных учителей. Школьного здания также нет, и дети, когда есть учитель-священник, собираются в часовню, где имеется и классная мебель, и шкаф с книгами и тетрадями. В ольской часовне в зимнее время очень холодно, ибо стены не проконопачены, окна ординарные, полы тоже, печь полуразвалившаяся. Надеяться на постройку ольцами специального школьного здания, конечно, нельзя, ибо у ольцев не хватает на это средств.

По моему мнению, если бы обратиться к владельцу здания, недостроенного Приамурским торговым товариществом с просьбою подарить его (здание это находится в ближайшем ведении гижигинского торгующего Владимира Александровича Замошникова) для школы, то эта просьба была бы разрешена в положительном смысле.

Обращает на себя внимание крайне жалкое положение в Оле сифилитиков. Я видел в трёх семьях больных этой болезнью, и в такой ужасной форме, что сердце надрывается от жалости, тем более что ольским сифилитикам никогда не подавали и не подают медицинской помощи. У Алексея Беляева, по его словам, невыносимо, без всякой передышки вот уже второй год болит голова, и он всё время, что есть силы, сжимает её руками. Шестилетний сын Алексея Беляева, заражённый сифилисом еще в утробе матери, тоже страдает головными болями, а на его теле появились язвы. Больная Мария Беляева — вся в язвах и также жалуется на головную боль.

Говорят, что в Оле редкий житель не заражен сифилисом. Я не могу утверждать, что все поименованные лица страдают именно сифилисом, быть может, это другая какая болезнь, проказа или ещё что-нибудь, да род болезни, её название едва ли имеют какое значение. Я утверждаю лишь, что всё население Олы более или менее заражено какою-то тяжелою болезнью. Слышал, что та же зараза наблюдается и в других селениях по берегу Охотского моря от Гижиги до Аяна включительно, а потому, казалось бы, необходимо проверить моё сообщение, а затем и принять какая-либо меры помощи болящему населению охотского взморья.

В мою бытность в Гижиге и в Оле, я посетил, между прочим, стойбища коряков. Народ этот стоит на самой первой ступени человеческого развития и, по справедливости, может быть отнесён к числу наиболее первобытных дикарей земного шара. Я посетил два стойбища коряков: одно в двадцати пяти верстах от Гижиги, а другое в четырёх верстах от Олы.

Среди виденных мною коряков также распространена болезнь, видимо, сифилис. Я видел старух-корячек, у которых все лицо покрыто зияющими язвами. Такие больные сидят, обыкновенно, при входе в юрту и строгают тальниковые палки. Стружки тальника, тонкие, как корпия, вкладываются ими в язвы, подобно тому, как наши врачи вкладывают в раны гигроскопическую вату. Имеет ли тальник какое целебное свойство, я не знаю, но инородцы, видимо, признают за этим деревом известную целебную силу, да к тому же других каких-либо средств они никогда ни от кого и не получали. По моему мнению, сифилис в самой ужасной его форме съедает всё население восточного берега Охотского моря, и необходимо хоть чем-нибудь помочь ему. Из селений этого побережья, как на наиболее заражённое сифилисом, указывают на Ямское. У этого селения лет семь тому назад стояла американская парусная шхуна, команда которой и заразила многих явинских женщин, от которых сифилис широко распространился по всему побережью.

Иностранцы и теперь посещают охотское побережье, причём в августе месяце 1901 года в Олу приходил пароход «Прогресс», принадлежащий владивостокскому купцу Бринеру и зафрахтованный одной американской компанией для рейса к охотским берегам для покупки живых оленей. В Оле американцы купили 475 живых оленей, по 11 руб. за оленя, считая по этой цене всякого оленя, как езжалаго, так и молодого. Американцы, по уверению жителей Олы, совсем не умеют обращаться с оленем. Нагружая

олений на пароход, они заказывали местным жителям собирать олений мох, причём платили за небольшой мешок моху по 20 коп. — цена хорошая, и ольцы заработали на сборе моха хорошие деньги, так как ими доставлено на «Прогресс» до 10 тыс. мешков моху. Для оленей в трюме парохода был сделан желоб для воды, но желоб, сделанный неумело, протекал и, кроме того, на пароходе вообще не мог быть запас воды, достаточный для 475 оленей на весь путь от Олы до Америки, и американцы додумались: воды оленям не давать, а давать лишь мох, смоченный водою, но эта выдумка американцев обошлась им дорого, так как олени, непоенные, начали пропадать, и 7-го августа, в день отхода «Прогресса» с ольского рейда, пало шестнадцать оленей. Нужно думать, что на пути в Америку пропало много оленей, но точных сведений об этом у меня нет.

Покупка американцами живых оленей нежелательна, и об этом уже есть соответствующее распоряжение Приморской областной администрации.

Вблизи Олы проживает много оленных инородцев, среди них есть оленеводы, считающие свои стада в десятков и более тысяч голов, как, например, оленный тунгус Гаврила Гаврилов.

Оленеводство на севере Приморской области служит ныне лишь к удовлетворению насущных потребностей оленеводов, доставляя им материал для постройки юрт, одежды и служа, в то же время, главным их продовольствием. Торговли оленьими продуктами нет, не говоря уже о выделке оленьих шкур. Со временем, быть может, обратят внимание на оленя, как на животное, которое, не требуя за собою никакого ухода, может не только возить, одевать и кормить своего владельца, но и служить средством к его обогащению. Выделанная оленья шкура стоит больших денег, и спрос на оленьи шкуры уже начинается.

В навигацию 1901 года ездил по северным портам Приморской области крупный архангельский фабрикант, к сожалению, еврей, который покупал оленьи невыделанные шкуры и знакомился с местными условиями на тот предмет, чтобы завести в одном из пунктов северных округ фабрику специально для выделки оленьих кож, подобную архангельской. Это обстоятельство указывает, что оленеводство Приморской области уже обратило на себя внимание промышленного мира, и администрации северных округ нужно следить теперь за тем, чтобы тёмные инородцы-оленеводы не были бы обманываемы пронырливыми сынами Израиля, но чтобы они извлекали из этого, уже почти единственного

в мире богатства, ту пользу, которую оно может и должно дать. Американцы не даром покупают наших оленей. Всемирный рынок, видимо, требует оленью кожу, а она и есть только у нас, в Приморской области.

В Оле я пробыл ровно сутки. Хотелось бы побольше побыть, да пароходы Китайской восточной железной дороги, совершая свои рейсы в северные округа, не торопясь в ходу, торопятся в портах и, случается, приходят в тот или другой порт только затем, чтобы дать свисток и взять удостоверение о бытности, тогда как время стоянки парохода в порту определяется временем, потребным для разгрузки и выгрузки судна, но, во всяком случае, не менее трёх суток.

Этот пункт контракта по местным условиям имеет прямо жизненное значение, и пункт сей подлежит к безусловному исполнению.

Дело в том, что все якорные стоянки в северных портах, за исключением таковых в Петропавловске, Аяне и на устье реки Анадыра, находятся в открытом море, и успешность разгрузки и выгрузки судна зависит от состояния погоды. Случается, что в ином порту судно сгружается в двое суток, а в ином равное количество груза задерживает пароход на десять-четырнадцать дней, и командиры пароходов, затратив за погоду в том или другом порту много времени, относят эту потерю за счёт следующего порта и стараются уйти из него как можно скорее, иногда через несколько часов, а это обстоятельство имеет то значение, что жители не успевают не только сдать свой груз на пароход, но даже не успевают предъявить его к нагрузке.

Пароходная администрация, по моему наблюдению, считает свою миссию исполненной, если товар, погруженный во Владивостоке, сдан в тот или другой северный порт. Что же касается приёма грузов, то пароходы под всякими предлогами отклоняют от себя эту неприятную и хлопотливую миссию.

К чему ведёт такая поспешность пароходов и как она отзывается на интересах населения северных округ видно из следующего.

Весною 1898 года в Охотск через Якутск проникли четыре семьи минусинских переселенцев: Сергея Выгузова, Гавриила Фролова, Алексея Петухова и Еремея Девягина. Эти четыре семьи осели на берегу моря в семи верстах от Охотска, в так называемом Старом порту, причём в лето 1899 года из наноснаго леса ими построены исправные дома со всеми хозяйственными службами, заведены всякия рыболовные принадлежности, собаки и до тридцати голов рогатого скота.

Новосёлы дружно принялись за свое хозяйство, причём они не беспокоили начальство никакими просьбами о ссудах и разного рода льготах.

«В Охотске жить привольно, — говорили они мне, — рыбы, лугов — сколько хочешь». Охотская же рыба, так называется нярка, отличается особыми вкусовыми качествами, и охотские нерячи копчёные балыки находят себе настолько хороший сбыт, что сказанные новоселы за два года проживания в Охотске устроились хорошо, и даже стали зазывать своих родичей, и родичи в весну 1901 года непременно пришли бы, если бы не пароход Китайской восточной железной дороги «Мукден». Этот пароход, придя в 1900 году на охотский рейд, получил требование на приёмку крестьянских балыков в день прихода, а на другой день погода была свежая, и довести груз на пароход не позволил бар, а на третьи сутки «вышел срок» стоянки парохода, и он ушёл, оставивши у перечисленных выше крестьян копчёных балыков на сумму до 2 000 руб.

Эти балыки, простоявши год в плохо сбитых ящиках, никакими брезентами не покрытыми, конечно, испортились, а в 1901 году крестьяне, опасаясь, что балыки вновь не будут приняты на пароход, сократили их производство, приуныли, а три ходока, пришедшие по их письмам осматривать охотския места, пошли обратно, говоря, что промыслять в Охотске балыки — дело неверное: возьмут балыки на пароходе — хорошо, а не возьмут — пропал.

В навигацию 1901 года пароход «Гирин» отказал принять в Охотске собак до Аяна. Собаки — это жизнь северянина, и собачья нарта есть мерило благосостояния тамошняго жителя. Я не знаю мотивов отказа, но констатирую лишь факт отказа.

Отказ парохода «Мукден» принять балыки и отказ парохода «Гирин» принять нарту собак имеют крайне серьезное значение для северян, особенно теперь, когда северная окраина Приморской области мало-помалу пробуждается от своего двухвекового оцепенения и проявляет несомненные признаки некотораго оживления.

В Охотск, например, пришли новосёлы, хотя всего четыре семьи, но важно то, что они пришли сюда по собственному почину.

Природа Охотскаго края, хотя и сурова, но она, тем не менее, даёт человеку возможность заниматься в широких размерах скотоводством, ибо в этом крае травы обильныя, тучныя и питательныя, рыбы и морских зверей много, как и везде в северных округах, много хорошаго строеваго леса, много зверей в лесах. Семьи, что поселились вблизи Охотска, в Старом порту, устроились хоро-

шо. Следует, чтобы в будущем пароходы относились с большим вниманием к крестьянскому грузу, и тогда труды крестьян по промыслу рыбы и ея заготовлению впрок дадут им настолько хороший заработок, что к ним приселятся и их родичи, а там пойдут в Охотский край и другие крестьяне. Малолюдые — главный недостаток северных округ, и малолюдые служит, между прочим, причиною того, что в Охотском крае, равно как и в Камчатке, сравнительно слабо развито скотоводство, тогда как там такая же почти условия для скотоводческого хозяйства, как и на Северной Двине, в Холмогорском крае.

Наш северянин больше всего думает о рыбе, а рыба идёт именно в то время, когда надо косить сено, а рыба предпочитается сену, и потому в северных округах, несмотря на хорошия условия для скотоводства, имеют скота самое ограниченное количество, и только потому, что наличное количество рабочих рук недостаточно для одновременной косьбы сена и промысла рыбы. Всякий лишний работник в северном крае имеет огромное значение, и необходимость увеличить население северной окраины Приморской области сознана ещё графом Сперанским, хотя, к сожалению, те меры в отношении увеличения населения Охотскаго края, какия приняты были высшим правительством по представлению графа Сперанскаго, не привели ни к каким результатам, ибо местные чиновники сумели расхитить все отпущенныя для сего средства и свести начинания Сперанскаго к нулю. Увеличить население северных округ Приморской области хотели граф Муравьев-Амурский, но и его мероприятия постигла та же участь, что и мероприятия графа Сперанскаго.

Местные чиновники, почти безконтрольные, то ли по не сытой алчбе и корысти, то ли по недомыслию вот уже два века тормозят большинство начинаний высшаго правительства, направленных к подъёму благосостояния севернаго края.

Безплодность мер, в разное время принимавшихся высшим правительством для улучшения быта Охотско-Камчатскаго края, непроизводительность расходов на этот предмет государственнаго казначейства привели к тому, что северныя округи уже мало интересуют высшее правительство, а перенос порта из Петропавловска в Николаевск, а затем во Владивосток, послѣдния политическия события на Дальнем Востоке совершенно отвлекли его внимание к крайнему Северо-Востоку Азии.

Этот уголок, заброшенный, предоставленный самому себе, живёт своеобразною жизнью, жизнь в нём не бѣёт ключом, как в южных

частях Приамурского края, а тлеет, и никто не заботится, что будет из этой не угасшей, но предоставленной угаснуть искры. И искра жизни на крайнем Севере-Востоке России не гаснет и не погаснет никогда, ибо северная окраина Приморской области жизнеспособна.

Жизнь России, всё более и более развиваясь, коснулась и Северо-Востока Азии, ибо на этот край обратили внимание и промышленный мир, и, частью, русское крестьянство, ищущее земли и простора. На Камчатке зародилось крупное промышленное дело, а в Охотском крае сама собою возникает крестьянская жизнь.

Отказ «Мукдена» принять балыки в корне подрезывал благополучие новосёлов, а охотский окружный начальник даже пальцем не шевельнул, чтобы заставить пароход взять эти балыки.

Это тем более печально, что неудачная, хотя и серьезная, попытка крестьян вывозить охотские балыки во Владивосток откладывает на более или менее долгий срок развитие в Охотском крае рационального рыбного промысла, хотя таковой и может поднять на ноги весь этот край.

Высшее правительство, чтобы развить в Охотском крае рациональный рыбный промысел, четыре года тому назад выдало мещанину Колмакову безпроцентную ссуду в пятнадцать тысяч рублей сроком на пятнадцать лет. К сожалению, Колмаков не оправдал оказанного ему доверия. Колмакову выдана ссуда на развитие рыбного промысла, но Колмаков не столько занялся рыбным промыслом, сколько торговлею с Якутским краем. Будучи в Охотске, я ознакомился с предприятием Колмакова и свидетельствую, что в отношении «рационального рыбного промысла» им не сделано ровно ничего, если, впрочем, не считать скупки у охотских жителей небольшого количества копчёных балыков и продажи их затем во Владивостоке, что можно было сделать и без правительственной ссуды.

В бытность мою в Охотске у Колмакова было на складе товаров на сумму до 24 тыс. руб.; уже тогда было видно, что Колмаков не имеет намерения платить следующий с него годовой взнос на погашение ссуды, что я, между прочим, и высказал начальнику округа, и мои предположения оправдались, ибо в конце ноября 1901 года я получил от начальника округа письмо, в котором он уведомляет меня, что Колмаков отказался погашать данную ему ссуду и уехал в Якутск.

Если удастся взыскать с Колмакова казённые деньги, то, по моему мнению, следует возбудить ходатайства не об обращении

их в казну, а об образовании на эти средства рыбопромышленной артели из домовитых охотских жителей и минусинских новосёллов за их круговую, друг за друга, порукой. Следует сделать энергичную попытку к экспорту охотской рыбы. Капитал в пятнадцать тысяч рублей в руках артели даст Охотскому краю несомненную пользу и даже оживит этот край.

В Охотске заслуживает внимания казённая лавка, в которой продаются по заготовительной цене с надбавкой десять процентов различные предметы первой необходимости. Эта лавка нормирует цены на привозные товары и, как говорят, способствует процветанию населения. К сожалению, я не могу высказать своего взгляда на казённую лавку. Что лавка — дело в высшей степени полезное — не может быть сомнения, но принцип дела и его практическое осуществление — вещи различные. Я пробыл в Охотске всего двое суток, а потому и не мог ознакомиться с организацией казённой лавки.

Из Охотска «Гирин» вышел 5-го сентября, а 7-го сентября в семь часов утра он пришёл в Аян. Аян, возникший благодаря своей превосходной бухте, единственной в Охотском море, лет сорок тому назад, когда на Севере ещё оперировала Российско-Американская компания, если и не процветал, то все же в нём было больше жизни, чем теперь. Ныне в Аяне живёт всего семнадцать человек, считая в том числе трёх казаков и их детей, и это население размещается в роскошных зданиях Российско-Американской компании, сооруженных Филиппеусом с затратой больших капиталов, ибо этот деятель нашего Севера стремился сделать Аян главным торговым пунктом охотского побережья.

Мечты Филиппеуса пока не осуществились, хотя в Аяне и превосходная якорная стоянка и более мягкий климат, чем, например, в Охотске, Гижиге, Оле, и большия удобства для скотоводства. В Аяне обильные рыбные и звериные промыслы, а за всем этим Аянский край богат прекрасным лиственничным лесом, годным даже для судостроения. Аяну, несомненно, предстоит будущность, да и теперь торговая деятельность Аяна доказывает, что мысль Филиппеуса относительно Аяна, в общем, правильна.

Ныне через Аян идут на реку Маю чайные грузы, причём в последние три года через Аян проходило ежегодно в среднем до десяти тысяч ящиков кирпичного чаю.

Переотправкою чая в Якутский край ведают два доверенных: Приамурского торгового товарищества Попов и Русского товарищества котиковых промыслов Бушуев. Чай приходят в Аян

обыкновенно в конце августа и сгружаются в прекрасные склады, построенные Филиппеусом, где и хранятся до декабря, а с первых чисел этого месяца и до конца марта идет перевозка чаёв на оленях в Нелькан. В Нелькан транспорты приходят обыкновенно на пятнадцатый день. Из Нелькана груз сплавляется по реке Мае в Якутск. От Нелькана до устья Май расстояние шестьсот верст вниз по течению, вследствие чего это расстояние проходится в три-четыре дня, а затем грузы идут по реке Алдану на расстоянии тысячи вёрст, также вниз по течению, а от устья Алдана до Якутска, на расстоянии двести восемьдесят вёрст, грузы плывут вверх по течению. Весь путь водою, до двух тысяч вёрст, проходится в двадцать пять — двадцать восемь дней.

Тунгусы-возчики берут за доставку ящика чаю из Аяна в Нелькан по шесть рублей, то есть приблизительно по рубль пятьдесят копеек за пуд.

В самом Аяне оленные тунгусы не живут, а они прикочевывают сюда в декабре месяце, когда начинается извоз. Аян во многих отношениях интересный пункт, но наш пароход простоял там всего восемнадцать часов, да и то только потому, что ему надо было запастись пресной водой. Восемнадцать часов — это такой короткий срок, что собрать каких-либо более подробных сведений об Аяне я не мог.

В Аяне обращают на себя внимание две ненормальности: там есть казачья команда, но для команды нет казённого здания, и казаки живут, как бы из милости, в доме котиковой компании.

Затем, бывшая охотско-камчатская экспедиция Богдановича еще в июне 1897 года оставила на попечении управляющего аянской казачьей командой следующие товары: тридцать бочёнок солонины, шесть бочёнок неизвестного товара, четыре ящика свинца, один тюк верёвок, три мешка гречневой крупы, два мешка гороху, две поперечные пилы и тринадцать ящиков неизвестного товара. Эти товары, сложенные в складах, принадлежащих котиковому товариществу, вот уже более пяти лет охраняются казаками, составляя для них тяжёлое бремя, а затем котиковая компания имеет к Богдановичу денежную претензию за многолетнее хранение имущества его экспедиции в складах товарищества.

В Аяне нет склада для казённых припасов, и таковые помещаются в складах товарищества, а что касается соли, то она прямо сложена под полом одного из амбаров товарищества, причём в дождливое время соль подмокает.

Вопрос о постройке в Аяне складов для казённых припасов возбуждался чиновниками особых поручений при Приамурском генерал-губернаторе Орловым и Савримовичем, а также и действительным статским советником Маргаритовым, но вопрос сей до сих пор остаётся открытым. Во всяком же случае, до тех пор, пока в Аяне не будет хороших складов для казённых припасов, туда, безусловно, не следует посылать соли, ибо таковая всё равно испортится.

А. П. СИЛЬНИЦКИЙ

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ СЛУЖБЫ НА КАМЧАТКЕ

Предисловие. В 1904 году, в бытность мою Петропавловским уездным начальником, со мною случилась на Камчатке история, о которой много говорилось в русской печати. 19 апреля во время прений в Государственной Думе по вопросу об административном переустройстве Камчатки амурский депутат Чиликин поведал народному представительству о моих злключениях в стране, административное переустройство которой составляет теперь заботу правительства.

Глубоко признательный г. Чиликину за его доброе обо мне слово, я считаю теперь уместным и своевременным рассказать читающему русскому обществу свою камчатскую историю, о которой до сих я умалчивал, опасаясь, что иные примут её скорее за сказку, чем за быль. Но эта сказка в общих чертах уже заслушана с высоты думской трибуны и занесена на скрижали думских журналов. В своём изложении, по возможности эпическом, я передаю подробности того, о чём сказал уже депутат Чиликин, по собственной, добавляю, инициативе, без всякой моей о том просьбы, ибо я даже не знаком с г. Чиликиным и никогда ни с чем к нему не обращался. Весь мой рассказ от слова до слова подтверждается документами, имеющимися в Министерстве внутренних дел, в управлении Приамурского генерал-губернатора и в Приморском областном правлении.

Назначение на Камчатку. Хакодате. В апреле месяце 1903 г., будучи редактором «Приамурских ведомостей», органа приамурского генерал-губернатора, я был назначен на должность Петропавловскаго-на-Камчатке уездного начальника.

Ещё до этого назначения я неоднократно бывал на Камчатке в качестве чиновника, которому поручались генерал-губернатором различные дела.

С 369

С 367

съ раз
мален

~~ИЗДАТЕЛЬСТВО
1917~~

БИБЛИОТЕКА
ХАБАРОВСКОГО
КРАЕВОГО
ГОС. МУЗЕЯ

Сильницкий, А.

1917

14 МЯСЯЦЕВЪ СЛУЖБЫ НА КАМЧАТКѢ

ПРЕДИСЛОВИЕ.

ВЪ 1904 ГОДУ, въ бытность мою петропавловскимъ уѣз-
нымъ начальникомъ, со мною случилась на Камчаткѣ
исторія, о которой много говорилось въ русской пе-
чати.

Въ апрѣлѣ, во время преній въ государственной
думѣ по вопросу объ административномъ переустрой-
ствѣ Камчатки, амурскій депутатъ Чиликинъ пове-
далъ народному представительству о моихъ злоклю-
ченіяхъ въ странѣ, административное переустройство
которой составляетъ теперь заботу правительства.

Глубоко признательный г. Чиликину за его доброе
обо мнѣ слово, я считаю теперь умѣстнымъ и свое-
временнымъ рассказать читающему русскому обще-
ству свою камчатскую исторію, о которой до сихъ
поръ я умалчивалъ, опасаясь, что иные примутъ ее скорѣе за сказку,
чѣмъ за быль.

Но эта сказка, въ общихъ чертахъ, уже заслушана съ высоты
думской трибуны и записана на скрижали думскихъ журналовъ.

Въ своемъ изложеніи, по возможности эпическомъ, я передаю
подробности того, о чемъ сказалъ уже депутатъ Чиликинъ, по соб-
ственной, добавляю, инициативѣ, безъ всякой моей о томъ просьбы,
ибо я даже и не знакомъ съ г. Чиликинымъ и никогда къ нему не обращался.

17 мая на пароходе Китайской Восточной дороги «Сунгари» я вместе с семьёй выехал из Владивостока. Наш путь лежал на Хакодате, где мы и остановились на сутки, чтобы взять уголь.

Когда «Сунгари» бросил якорь, на его борте появились японские власти с доктором, который быстро осмотрел всех пассажиров, после чего нам было дано разрешение съехать на берег.

Хакодате — главный порт, откуда идут в охотско-камчатския моря японския рыболовныя суда, парусныя и паровыя.

На «Сунгари» кроме меня, петропавловскаго начальника, плыл к месту своей службы и охотской уездный начальник Попов.

Когда мы с Поповым сошли на хакодатский берег, к нам подошёл какой-то японец, который на русском языке предложил нам свои услуги сопровождать нас по Хакодате и, вместе с тем, быть нашим переводчиком. Мы охотно приняли любезное предложение, тем более, что мы интересовались попутным японским городом и жизнью японцев вообще.

По знаку нашего новаго знакомца к нам подкатили три рикши. Это маленькия японския колясочки, везомыя человеком, «курумой», как его называют в Японии. Возница одет в широкую, до колен, синюю куртку, на спине которой нашиты какие-то белые иероглифы, на его голове коническая широкополая соломенная шляпа, на ногах деревянные сандалии, штаны засучены до колен.

Мы сели в поданныя нам колясочки, и наши возницы, согнувшись в три погибели, тронули рысью, не уступающей, пожалуй, мелкой рыси лошади.

Быстро проехали мы набережную и свернули на какую-то улицу, с обеих сторон которой были расположены магазины с разными товарами. Посреди улицы проложена конка. Ея вагон маленький; люди, что сидят в ней, маленькие, лошади, что везут крошечный вагончик, — тоже маленькия. «Страна карликов», — думали мы.

Мы подъехали к гостинице. Ея архитектура такова же, как и всех виденных нами хакодатских зданий, как и всех японских городских зданий, образцы которых каждый видел на картинках иллюстрированных журналов.

В сенях гостиницы сидел, видимо, швейцар. Он сидел на корточках перед низеньким японским столом, заваленным какими-то книгами, вероятно, конторскими.

Появились две молоденькия милостивныя японки. Они пригласили нас следовать по лестнице вверх. Когда мы поднимались, нам казалось, что гостиница развалится. Под нашими ногами она дрожала. Так легка ея постройка. Нас ввели в помещение, мягко

устланное циновками, украшенное множеством японских картин по стенам и цветов на полу и на тумбах.

Посреди стоял европейский стол, и около него полудюжина венских стульев. Мы попросили позавтракать, но по-японски. Появились новыя девушки, которые живо устали стол какими-то маленькими чашечками, соусниками, блюдами. Появилась металлическая фляжка с маленькими, с наперсток, рюмочками. Подали и европейская вилки, и японския палочки. Но с последними мы так и не смогли обращаться, что очень веселило наших прислужниц, поминутно улыбававшихся нам и приседававших. Стали есть. На столе было великое изобилие яств: солёная редька, маринованные баклажаны, разные бобы, капуста, морковь, картофель, затем стояла рыба под всевозможными приправами, между прочим с изюмом, с черносливом, просто с сахаром. Хватишь иной кусок, но тут же смотришь, как бы это незаметней выплюнуть его.

Тоже и мясо. Оно отдаёт каким-то специфическим вкусом, который решительно не приемлем русским человеком. Взяли фляжку с выпивкой: фляжка горяча, как огонь. Это, оказалось, нам подали горячее японское sake, рисовую крепкую водку. Но и японская водка на охотника. Попросили смирновки, а затем чего-нибудь по-европейски, ибо, признаться, есть-то хотелось.

Подали «английский бифштекс», зажаренный тонкими ломтиками, твердый, как подошва, а к тому же и отдававший кунжутным маслом. За все эти прелести с нас взяли недорого, всего три иены (около трёх рублей).

Расплатившись, отправились осматривать город. Удивительное однообразие. Один дом — точная копия другого. И люди вследствие полной однородности похожи друг на друга. На нас смотрели с любопытством, но мальчишки за нами не бегали, и «толпы зевак» не останавливались. Иные, впрочем, встречные японцы смотрели на нас как-то злобно. И это понятно. В Японии ведь готовились к войне, и по всей стране пелись песни, впитывавшая в народную массу смертельную ненависть к русским.

— Если зераете лусски консул — надо сюда!..

И наш чичероне указал нам на здание, стоявшее наверху горы, над зданием реял русский флаг. Тою же рысью стали мы подниматься в гору к зданию русскаго консульства.

Консула мы застали дома. Он оказался моим знакомым по Хабаровску, ибо до службы консулом он был правителем канцелярии амурскаго губернатора и приезжал в Хабаровск. Его фамилия Геденштром.

У консула мы застали, между прочим, известного писателя Серошевского, прехавшего в Японию изучать племя айнов.

Беседа наша с Геденштромом открывала нам новые горизонты. Мы с Поповым ехали «управлять» отдаленнейшими окраинами государства Российского, на которые ввиду их колоссальных рыбных богатств обратили свое особое внимание японцы.

И Геденштром, уже проживший в Японии свыше пяти лет, научившийся за это время говорить по-японски, составивший себе знакомства с японцами, стал нам излагать свои предположения о неминуемости и близости войны России с Японией, не предвещавшей нам, по его словам, ничего хорошего.

Я и Попов, слушая пессимистические речи Геденштрома, были искренно убеждены в несокрушимости нашей мощи вообще, а на Дальнем Востоке в особенности. Залог этой мощи мы видели в помпезном объезде на наших глазах А. Н. Куропаткиным владивостокских твердынь. Вблизи Владивостока мы сами видели, как крейсирует могучая броненосная эскадра, встреченная нами в кильватерном строе на высоте северной оконечности Русского острова. Мы не верили Геденштрому и даже склонны были истолковывать иные его похвалы по адресу японцев его антирусским направлением.

Но Геденштром и Серошевский стояли на своём...

В подтверждение своих слов Геденштром принес пачку своих донесений в Токио, относящихся до замыслов Японии на наши северо-восточные воды, уже частью осуществляемые организацией патриотического северного рыболовного общества, положившего основание форта на острове Шумшу в Первом Курильском проливе, в непосредственном, значит, соседстве с нашей Камчаткой.

Помню, как сейчас, следующую фразу из донесения Геденштрома:

«Согласитесь, ваше превосходительство, — писал Геденштром посланнику, — что отличительная черта японцев, как и всяких азиатов, состоит в том, что они склоняются перед правом, опирающимся на силу. Вот почему я опасаясь, что все наши соглашения с японцами о рыбном промысле в наших водах, охраняемых всего одним нашим военным судном, к тому же тихоходным, останутся мертвою буквою, исполнять которую японцы, конечно, не будут».

Как ни были мы, я и Попов, упоены сознанием русской мощи, особенно после объезда Приамурского края Куропаткиным, так импонировавшим на воображение русского человека своим величественным спокойствием и иными прочими качествами представителя сильного народа, но все же пессимистические речи Геденштрома и Серошевского заставляли нас призадуматься.

А Геденштром рассказывал нам удивительные вещи и о дислокации японской армии:

— Вот теперь в Японии ждут Куропаткина. И из всех городов, которые будут посещены Алексеем Николаевичем, выведены батареи, вооруженные новейшими пушками, выведены войска, вооруженные новейшими винтовками. В маршрутные города стягивается японская заваль, вооруженная чуть ли не фитильными орудиями и кремневыми ружьями. То же и в военных портах. Все самоновейшие крейсера и броненосцы ушли на восточный берег островов, причём во всё время пребывания Куропаткина в Японии они будут держаться вдали от его берегов в открытом море.

— Нет уж, — возразил Попов, вспомнивший о блеске наших красносельских сухопутных и ревельских морских парадов, — я решительно не понимаю, зачем же тогда держать воинскую силу, если её прятать от взоров вероятного врага. Ведь воинская сила, чем грознее, тем более обезпечивает мир.

— Японцы, — сказал на это Геденштром, — готовят свои воинские силы не к парадом, а к войне.

И я, вспоминая теперь эту поучительную беседу, понимаю теперь русских властей, которые игнорировали донесения иной нашей японской дипломатической мелкоты о той грозе, которая вот-вот нагрянет с каких-то там японских островов.

Мы слушали Геденштрома в самой Японии. Но мы только что видели уличную мелюзгу. Видели маршировавшие по городу какие-то воинские команды. Люди маленькие, какие-то заморыши... Ну, куда им с нами?!!

Так, вероятно, думал и Куропаткин, когда ему показывали смотровые японские войска. Гордо смотрел на них Куропаткин и думал: «не посмеют».

Настал вечер. Зажгли электричество. В гостиной появились два пожилых японца, которые пришли затем, чтобы от имени рыболовного общества пригласить нас, русских чиновников, к гейшам.

Приглашение было принято, и вечер мы провели в чайном доме, в обществе гейш. Мы сидели в огромном зале, освещенном электричеством, усталом циновокками, сидели без сапог, так как таковые нам предложили снять при входе в зал. Убранства в зале никакого. Только стены обильно украшены различными панно из вышитых шелками картин, изображавших птиц, пейзажи, цветы.

К каждому из нас была приставлена гейша, бывшая вместе с тем и прислужницей, подававшей нам угощения. А угощали нас различными японскими яствами, фруктами, сладостями, шампанским.

Перед нами другия гейши пели и плясали. Но их песни и пляски, так сказать, на охотника. В чайном домике мы просидели до часу ночи, а затем отправились на «Сунгари», отход котораго был назначен в четыре часа утра.

От Хакодате до Командорских островов. Когда стали сниматься с якоря, на нашем пароходе оказалось много новых пассажиров: русских, японцев, англичан, немцев. Русские, севшие на «Сунгари» в Хакодате, все «рыбопромышленники», якобы заключившие с японцами контракты по найму парусных шхун для вывоза в Японию промышленной рыбы, в действительности же запродавшие японцам рыболовные участки, снятые с торгов во Владивостоке. Нужно заметить, что тогда, как и теперь, иностранцам, в том числе, конечно, и японцам, строжайше воспрещалось ловить рыбу самолично. Они могли только покупать её у «местных жителей» и грузить на свои шхуны. Этот запрет и создал целый промысел, состоявший в том, что соискателями на рыболовные участки в Охотско-Камчатском крае являлись различные предприниматели, в большинстве аферисты, которые, взявши с торгов тот или иной рыболовный участок, спекулировали им, отдавая его японцам, причём всякий русский промышленник, запродавший японцу свой участок, доставлял на его шхуну и два-три человека «русских рабочих», нанимая их обыкновенно на владивостокском Семеновском покосе, своего рода Хитровом рынке. Их во время промысла, на случай приезда русских властей, и демонстрировали в качестве «русских рабочих» данной рыбалки. Обязанность этих рыбаков состояла единственно в том, чтобы целыми днями валяться на береговых песках и пить sake.

Между японцами, севшими на «Сунгари» в Хакодате, были два интеллигентных молодых японца, ехавших на Командорские острова для изучения русского языка.

Эти японцы были туда приглашены начальником островов, покойным Н. А. Гребницким, проведшим в Японии в 1903 г. несколько месяцев в качестве чиновника, командированного русским правительством на рыбопромышленную выставку.

Мы выходили с хакодатскаго рейда при ясной солнечной погоде. И с палубы парохода мы отчётливо видели целый лес мачт парусных судов, уже готовых к отплытию в наши северныя моря за рыбой. И когда мы, взявши курс на Командорские острова, повернули на север, мы видели на горизонте множество парусных шхун, державших путь тоже на север. Началось обычное промысловое движение на север с солью, неводами, товарами.

А с конца июля в этих же морях уже встречаются обратные шхуны, нагруженные до последней возможности рыбой.

Погода нам благоприятствовала. Море было так тихо, что не было никакой качки. А потому все чувствовали себя весело и приятно.

По вечерам в кают-компанин устраивались концерты, пели, играли на пианино и даже танцевали.

На пятый день показались Командорские острова. Наш пароход был первым.

Мы везли все новости, провизию. И нас встретили так, как обыкновенно встречают на севере первый весенний пароход, не только с радостью, но и с нетерпением, что выразилось в том, что к нам навстречу, пользуясь хорошей погодой, далеко в море выехали шлюпки, на которых восседали чины командорской администрации, командорские приказчики и прочие «знатные». Спустили трап. Убавили ход. И к нам на ходу парохода взошли командорцы. Они засыпали нас вопросами. При общей суতোлке пароход вошёл на рейд и отдал якорь.

Перед нами раскинулось селение Никольское. Снег ещё не весь сошёл, а потому открывшийся нам ландшафт в одинаковой степени можно было назвать как зимним, так и летним. Но зелени не было ещё и в помине.

Лишь только пароход отдал якорь, как временный начальник Командорских островов г. Лех пригласил нас к себе на берег. Мы съехали. Никольское, население которого состоит из алеутов числом до трёхсот душ обоого пола, имеет очень оригинальный вид. Оно состоит из группы домиков, частью привезённых готовыми из Америки, выкрашенных в красную краску и напоминающих товарные вагоны, ибо домики, как и вагоны, построены из узких досок. Посреди села церковь, маленькая, но красивая. У церкви памятник Берингу.

Жители одеты пестро: одни в котиковых куртках, другие в американских блузках разных цветов и покроев. Женщины все одеты по-европейски, с претензией на моду. Многие в шляпках. Поражает разнообразие запахов: то разит какою-то падалью, то едим рыбным запахом, то вдруг вы чувствуете дыхание весны... Падалью пахнет потому, что кит, выброшенный на берег неделю тому назад, которым продовольствовались вплоть до нашего прихода алеуты и их собаки, стал гнить. Рыбой пахло потому, что у каждого провяливалась на связках «красная рыба», только что появившаяся в речушках с моря. А весной пахивало потому, что все алеутки вышли встречать пароход, умастивши себя духами, помадами.

Алеуты, что живут на Командорских островах, должны бы быть самым состоятельным народом России, так как они являются монопольными промышленниками командорских зверей: морских котиков, бобров, голубых песцов. С каждого добытаго зверя они, согласно контракту правительства с обществом, эксплуатирующим котиковыя и бобровыя лежбища на островах, получают крупную мзду.

Но на деле алеуты — самый бедный народ в мире, уже вымирающий. Причина та, что общество попросту обманывает алеутов, снабжая их за добытых зверей всякой дрянью, например: духами, граммофонами, побрякушками, а затем спиртом, ромом, виски и прочими горячительными напитками, хотя их ввоз на острова и запрещен. Расплата за зверей товарами, таксируемыми как Бог на душу положит, а главное — спаивание инородцев — вот корень их бедности.

А к тому же самое хозяйничанье общества на промысловых лежбищах не может быть названо иначе, как хищническим, что доказывается хотя бы тем, что промысел зверей ежегодно падает. Десять лет тому назад на Командорских островах добывалось до ста тысяч котов, а теперь их добыча спустилась до трёх-четырёх тысяч.

Тоже и бобры. Раньше добывалось бобров до пятисот штук в год, тогда как теперь их добывается уже не больше двух-трёх десятков.

Общество, с которым правительство заключило контракт на эксплуатацию Командорских островов, по названию русское, в действительности же — американское. Всё, по крайней мере товары, которыми снабжаются Командорские острова, привозятся на морских судах из Америки.

Хищническое хозяйство на Командорских островах уже давно обращает на себя внимание местной печати, которая неоднократно помещала об этом статьи, не имевшая, однако, никакого практического значения.

Правил островами в течение почти тридцати лет Н. А. Гребницкий, ныне покойный. Ещё при его жизни местная печать высказывала, что Гребницкий ввиду его пассивнаго отношения к интересам инородцев и промыслам скорее может быть почитаем агентом торговаго общества, чем агентом правительства.

Верно ли это, или нет, но факт тот, что Командорские острова разорены вконец, и о былых промысловых богатствах ныне осталось одно воспоминание. А что касается алеутов, то их положение за оскудением котов и бобров с каждым годом делается безвыходнее. И для того, чтобы они не вымерли, правительству придется, пожалуй, в близком притом будущем, попросту кормить их.

На командорском рейде мы простояли до вечера, а затем при продолжающейся хорошей погоде пошли в Петропавловск, куда и пришли на вторые сутки в три часа утра.

Прибытие в Петропавловск. Первые шаги. Петропавловск, как и Командорские острова, был ещё на зимнем положении. Снег кое-где стоял, а на горах и в лощинах он лежал ещё целыми толщами. Зелени не было. Когда мы вошли в Петропавловскую бухту, город ещё спал. Но призывные свистки не замедлили разбудить петропавловцев, и на берегу началось движение.

В истекшую зиму в Петропавловске скончался уездный начальник Ошурков, заместителем которого явился я. Правил Камчаткой канцелярский служитель Сотников. Как и водится, ко времени моего приезда в Петропавловске накопилось множество вопросов. Сотникова не признавали за начальника, и каждый делал, что хотел. И мне сразу же пришлось окунуться в разного рода недоразумения, возникшие на почве личных счётов, причём петропавловское общество разделилось на два лагеря: одни признавали Сотникова, тогда как другие считали его «узурпатором», ибо, по их толкованию, в отправление обязанностей окружного начальника должен был вступить уездный врач Тюшов.

Самое главное недоразумение возникало из того, что при описи имущества, оставшагося от покойного Ошуркова, в его составе оказалась шкура морского бобра. Бобр этот был добыт на мысе Лопатка, где их лежбище охраняется особой командой, ежегодно посылаемой туда распоряжением камчатского начальника.

И бобрам, добытым охранной командой, ведётся строгий счёт. Они представляются казаками при рапортах, посылаются затем во Владивосток для продажи с аукциона, а вырученные деньги делятся: половина идёт в казну, а половина в пользу казаков-промышленников. И такой случай, чтоб из партии бобров ускользнул борб-другой, не представлялся возможным. Между тем при разборе пререканий я выяснил, что, кроме морского бобра, оставшагося в вещах Ошуркова, в Петропавловске есть ещё и другие бобры, добытые всё на той же Лопатке. Бобры эти оказались частью у купцов, частью у казаков, частью у петропавловских обывателей, частью во Владивостоке.

И мне волей-неволей тотчас по прибытии в Петропавловск пришлось заняться бобровым вопросом.

А тут в моё «производство» поступило и второе скандальное дело — об охране имущества, оставшагося после смерти петропавловского купца Русанова. Наследники жаловались на простое

расхищение, обвиняя в нём помощника уездного начальника Павсакого, выехавшего во Владивосток и ожидавшегося в Петропавловске.

На своё новое несчастье, я столкнулся с довольно-таки пикантными обстоятельствами, относящимися до сбора камчатского ясака. Петропавловские торгующие, не успев я приехать, стали просить меня сделать аукцион ясачных соболей, оставшихся не проданными с зимы. Оказалось, что аукцион ясачных соболей искони веков производился в тесной компании камчатских торгующих, причём цены на соболей всегда держались в пределах от 10 до 15 рублей шкурка. Выяснилось также, что далеко не вся пушнина, собранная в ясак, предьявлялась в аукцион. Иные звери продавались как-то так, что от них не оставалось и следа.

Самый дорогой зверь на Камчатке — чёрная лисица. Она водится главным образом на острове Караге, находящемся в северной части восточного берега Камчатки. Копаюсь в делах и разного рода записках, я выяснил, что инородцы не имели права продавать чёрных лисиц кому бы то ни было, ибо они особыми приказами моих предшественников обязывались предьявлять чёрных лисиц непременно уездному начальнику. Выяснил я также, и притом документально, что год тому назад в селении Карагинском были взяты в ясак три чёрных лисицы. Но эти лисицы так и ускользнули из аукционных листов, как ускользнули из них и высокие экземпляры соболей.

И для меня стало ясно, что здесь, в Петропавловске, «рука руку моет»: начальство делает торгующим покровительственные аукционы, компенсируя себя кабинетными сделками по продаже чёрных лисиц и высоких соболей.

Но эти комбинации мне не улыбались. По простоте своей я думал, что приехал затем, чтобы помочь забитым и загнанным камчатским инородцам, этим истинным сынам матери природы.

Аукцион я сделал, но сделал тогда, когда было много приезжих, русских и иностранцев, вследствие чего мои ясачные соболи пошли не по 10—15 рублей, как раньше, а по 75—125 рублей, о каковой цене на Камчатке и не слыхивали, хотя она и была истинной ценой, так как камчатские соболи доходили в Америке до 200 рублей шкурка, а были и такие шкурки, что за них американские щеголихи платили и по 400 рублей.

Таким образом, первые мои шаги по службе, выразившиеся в розыске и конфискации хищнических морских бобров, в «недобросовестном отношении к своим» на аукционе ясачных соболей,

в неумении уладить дело по расхищению наследства Русанова, в желании узнать истинную историю карагинских чёрных лиц, возбудили против меня неудовольствие петропавловской «интеллигенции».

Недовольно осталось мною и областное начальство, которое я «засыпал» «кляузами», истолкованными как выражение моего желания «очернить» память своих предшественников, а самому «выслужится». Областному начальству тем более не понравились мои «кляузы», что в одной из них я просил отобрать двух хищнических морских бобров, купленных в Петропавловске по дешёвым, конечно, ценам врачебным инспектором Приморской области Блонским, ревизовавшим в навигацию 1902 года медицинскую часть Охотско-Камчатского края.

Путейное дело в Петропавловске. Японские хищники. На каждом шагу я встречался с явлениями, с которыми трудно было мириться. Особенно доезжали меня многочисленные петропавловские кабаки. Самое их существование было мне решительно непонятно. Камчатка ведь страна инородческая, куда ввоз спирта категорически воспрещается законом. А в самом Петропавловске было пять кабаков, тогда как всего населения было 350 душ. Было ясно, что не для 350 душ, считая в том числе женщин и детей, содержится столько кабаков, и с огромными притом запасами алкоголя в разных видах, ввозившагося к тому же со сложением акциза главным образом из Америки. Выяснилось, что вся масса спиртных напитков, за незначительным сравнительно их расходом в Петропавловске, вывозилась внутрь страны для меновой торговли с инородцами.

Ввиду того, что процедура открытия кабаков и в Петропавловске обставлена разрешением городского общества, ввиду того, что патенты ещё не были выбраны, я прежде, чем выдавать патенты, собрал городской сход, на котором и было постановлено: разрешений на кабаки не давать, вследствие чего и на основании соответствующаго приговора, к которому, кстати сказать, «руку приложили» и сами виноторговцы, прикинувшиеся, что они-де мало заинтересованы в своих кабачках, я кабаки закрыл, о чём и донес начальству.

Это моё действие, как я до сих пор думаю, было правильно и с формальной стороны, и по существу.

Но не так, однако, взглянула на это областная власть, уже предубежденная против меня прежними моими действиями, в особенности по части ясака и морских бобров.

От губернатора я получил нахлобучку и предложение: кабаки немедленно открыть, хотя и до сих пор я не уясняю, во имя чего, собственно, ратовал губернатор: на Камчатке ведь нет акциза, а патентный сбор такой пустяк, о котором со стороны фиска не стоит и разговаривать.

Время шло. Настал июль, а с ним и массовый ход рыбы. От жителей селений я стал получать донесения, что «пришли японские шхуны, которые стали в устье нашей реки, перегородили её ставными неводами с одного берега на другой и не пускают к нам рыбу. И мы сами, и наши собаки, — писали инородцы, — помрём с голоду».

У меня же не было решительно никаких средств помочь горю инородцев. Двоих своих рыбных надзирателей я «раскомандировал» по обоим берегам, причём у каждого был район в полторы тысячи верст без всяких притом перевозочных средств.

На рейде, правда, стояла канонерская лодка «Манджур» под начальством капитана второго ранга Кроуна, погибшаго впоследствии на «Петропавловске» вместе с Макаровым. Но лодка имела массу «прямых» поручений, заключающихся, между прочим, в рейсах вокруг Командорских островов, в рейсах за Берингов пролив, а оттуда в Ном, на американский берег. И «Манджур» при всём своём желании не мог угоняться за всеми японцами, заполонившими наши речки.

Но в середине июля было получено донесение из Большерецка, выходящее из ряда. Доносили, что в устье реки Большой вошли двенадцать шхун с командой до двухсот человек, которые так энергично ловят рыбу в устье этой реки, что все расположенные по ея течению селения неминуемо останутся без рыбы.

И Кроун, прочитавши донесение большерецкого старосты, решил «проучить япошек». Он немедленно вышел в Большерецк, где и застал ту самую картину, о которой доносил староста. Лов рыбы производился японцами без всякого намека на соблюдение каких бы то ни было правил. И Кроун, образовавши судовую комиссию, составил соответствующие протоколы, после чего на точном основании своей инструкции конфисковал 12 шхун, причём их командиров и экипаж взял на «Манджур» и привёз в Петропавловск в моё распоряжение.

«Манджур» привёз ко мне около двухсот японцев, а я находился в таком положении: я должен был принять эту ораву на берег, приставить к ней, как к арестованной, караул, а затем озаботиться помещением, продовольствием и прочим. Но у меня

было в распоряжении только девять казаков, из коих два малолетних и три старика, так что дееспособных казаков у меня было всего четыре человека. Затем, приютить мне японцев было некуда. Карцер, устроенных при управлении, был достаточен разве для десяти человек, но уж, конечно, без всяких соотношений «кубического содержания воздуха к числу людей».

А за всем тем у меня решительно не было никаких кредитов на прокормление такой массы арестованных японцев. Положение моё было поистине «трагическим». Но деваться было некуда. Достал я посуду. Устроил нечто вроде артели. Определил дачу риса и прочей провизии и стал содержать «арестантов».

Нужно им отдать справедливость, что держали они себя отлично, среди них не было ни драк, ни пьянства и ничего, что требовало бы моего вмешательства в их внутренние дела. А расположил их я в одном пустующем пакгаузе Камчатского торгово-промышленного общества с его согласия, но всё же общество потребовало от меня «соответствующую бумажку» об отводе помещения для арестованных «Манджуром» японцев.

Через два дня, 22-го июля, около десяти часов вечера в Петропавловск пришёл пароход Камчатского общества «Котик». Посоветовавшись с Кроуном, я решил предложить пароходу отвезти арестованных японцев во Владивосток. Опять потребовали с меня бумажку, но японцев все же повезли. И довезли благополучно, но появление во Владивостоке «Котика», привезшего с Камчатки около двухсот японских хищников, произвело сенсацию. Стали разбираться, как и почему. А японский консул ввиду уже установившегося неудовольствия на меня областных властей возымел такое действие, что суд, куда было направлено дело о конфискации Кроуном 12 японских шхун, нашёл наши действия неправильными, о чём в назидание и поучение я и получил соответствующую бумажку.

Лично я не был на Большой. А там действовало русское военное судно, имевшее в отношении надзора за промыслами свои инструкции и действовавшее согласно с их велениями.

Но, тем не менее, конфискация шхун, арест японцев, отвод пакгауза и, главное, посылка во Владивосток особаго парохода были записаны мне на новый минус, тем более, что раньше, до меня, «на Камчатке все было так тихо, спокойно, а вот теперь чёрт знает, что делается...»

«Котик» привёз мне «официальные бумаги», а петропавловская знать получила письма, что мои «шансы в мнении губернатора»

падают и что меня в виду обнаруженного мною безпокойного характера уберут.

Поездка по Камчатке. Сбор мною ясака. Я не боялся того, что меня «уберут», и был бы рад этому, так как выяснившиеся условия службы на Камчатке были решительно не по плечу мне. И меня не столько печалила несправедливость начальства в отношении лично меня, сколько печалило меня полное его нежелание вдуматься в камчатские дела, осложнявшиеся, к тому же, и фактическим захватом ея рыболовных угодий, против чего русская власть была, в сущности, бессильна, а когда вот она предъявила свои хозяйския права на устье реки Большой, то, как оказалось, села в калошу.

Мои мысли всецело разделял и покойный Кроун, который говорил: «Вот только доберусь до Владивостока»...

Кроуну настало время итти в Берингов пролив. И «Маджур» ушёл. Отношения ко мне камчатской интеллигенции под влиянием известий из Владивостока всё ухудшались. В Петропавловске оказалось множество обиженных мною, и на меня сыпался поток жалоб. Жаловались часто по таким поводам, о которых я даже не догадывался и не знал.

И когда ушёл Кроун, то я остался один, без всякой поддержки. И вот, чтобы дать себе хоть некоторый покой, ибо торговцы в иных случаях придирались ко мне только ради того, чтобы «известить», я решил уехать во внутрь страны, чтобы, кстати, посмотреть житьё-бытьё инородцев.

Я уехал из Петропавловска 28-го июля, оставивши дела своему заместителю, и возвратился в середине августа, объехавши все селения от Петропавловска до Усть-Камчатска. Из этой поездки я вынес, между прочим, такое впечатление, что торговцы буквально разоряют местных промышленников: они берут у них пушнину по невероятно низким ценам, а товары ставят им по невероятно высоким ценам.

Выше я сказал, что, продавши ясачных соболей на аукционе, в котором приняли участие приезжие, русские и иностранцы, я получил за них цену в среднем в шесть раз большую, чем стояла она на Камчатке раньше. От этой продажи у меня образовался капитал свыше семнадцати тысяч рублей, из которых я отсчитал около семи тысяч рублей на уплату ясачным плательщикам казённых повинностей и долгов, а остальные затем деньги в сумме свыше десяти тысяч рублей я отправил губернатору с просьбою купить на них товаров согласно «прилагаемым при сём приговорам

инородческих обществ», которыми я заручался во избежание обвинения меня в новом самовольстве.

Весть о собирании мною приговоров о выписке из Владивостока товаров распространилась в Петропавловск раньше, чем я возвратился из своей поездки. И нужно ли говорить, что в Петропавловске нет, кажется, ни одного человека, который бы не мечтал «выменять хорошаго соболька».

«Взвинтил цены на соболей, а теперь вот какие-то товары выписывает. Раньше, — говорили петропавловцы, — начальники довольствовались маленьким, а этот всё хочет подобрать к своим рукам, а это уже подло: живи сам и другим давай жить...»

Приближалась осень. «Манджур» ушёл во Владивосток. Пришёл уже в конце октября последний почтовый пароход, привезший мне помощника, штабс-капитана Векентьева, офицера саперных войск, командированного в Петропавловск для ремонта казённых зданий и, кстати, в помощь мне по должности уездного начальника.

С последних чисел октября стал выпадать снег. И Камчатка мало помалу переходила на зимнее положение, которое выражалось в снаряжении промышленников в лес на промысел зверя, а торгующие собирались «в округ», собирать долги и «распускать товары». Собиралось в округ и духовенство для «требоисполнения».

В Петропавловске начался торговый сезон. И все торговцы, ввиду отмены губернатором моего распоряжения по части закрытия кабаков, думали, что я не в праве помешал им вывозить спирт в округ. Но так как в этом случае даже губернатор не мог мне предписать «не стеснять местную торговлю», то я на точном основании законов стал осматривать все выезжающие из Петропавловска нарты и отбирать погруженный на них спирт, ром, виски и проч. А к тому же на основании закона о земских повинностях я не стал давать приказов на взимание торгующими обывательских подвод, ибо подводная повинность при тамошних условиях в высокой степени обременительна для населения, тем более, что за подводку, по установившемуся обычаю, уплачивались только «прогоны» без внимания к тому обстоятельству, что на подводную, собственно, нарту надо запрягать и нарту с собачьим кормом, а затем хорошая погода — редкое явление на Камчатке. В большинстве же случаев там задувают пурги, случается, по неделе и более. И вот нарта, выехавшая до соседняго селения вёрст за сорок пятьдесят, зачастую возвращается через десять дней, ибо в дороге она «отсиживалась» от пурги.

Раньше, когда между камчатским начальником, камчатским духовенством и камчатскими торгующими существовали «добрососедские отношения», приказы на взимание обывательских подвод давались безпрепятственно. И если от этого стонало население, то торгующие были довольны...

И получилась на Камчатке такая картина, что вопрос о выезде в округ сделался трудным. Иные так и не могли выехать. Да и не стоило, потому что без спирта — какая же торговля?

А инородцы между тем «отводили душу». За прогон нарты они заламывали цены, что, как тогда говорили на Камчатке, «голова шла кругом». Случалось, что за 35 вёрст брали по 60 рублей наличными.

Всем стало худо. А инородцам «стало хорошо». И те из них, которым неотложно нужны были те или иные товары, не дождав­шись ввиду изложенных обстоятельств торгующих, сами приезжали в Петропавловск, где прежде всего приходили ко мне, причём их со мною беседы заканчивались иногда тем, что они сдавали мне «особо хорошаго соболя» для продажи его затем весною с аукциона, причём в этом случае я давал инородцу ссуду из инородческого капитала, на что имел право, ибо в моём распоряжении было 9 000 рублей инородческого капитала, выдача из которого ссуд из 6 % годовых принадлежала моей компетенции.

Образ моих действий всё более и более возбуждал против меня торгующих, но сделать что-либо они пока не могли, так как расправа со мною губернатора могла быть только весною, с открытием навигации.

Но на Камчатке можно расправиться и не дожидаясь губернатора, как это и случилось со мной. В конце января по установившемся изстари обычаю я выехал в округ для сбора ясака. Никого из торгующих я с собою не взял, чем нарушил установившийся традиции. Ибо до сего времени объезд начальника по сбору ясака был вместе с тем и сезоном аукционов, производившихся в каждом селении в тесной компании «спутников».

Камчатский народ, по-видимому, хорошо понял, какую линию я веду, а потому, насколько скверно относились ко мне в Петропавловске, настолько хороший приём и, главное, доверие встретил я во всех селениях Камчатки.

С объезда я возвратился в начале марта месяца, причём в моих нартах очутилось до 1 000 соболей, являвшихся «головкой» всего промысла данного года. Эти соболя поступили в ясак, а так как их стоимость далеко превышала размер повинностей, то на случай

продажи собранных мною соболей по той же, например, цене, по какой они пошли у меня в прошлую навигацию, у меня мог образоваться капитал свыше 80 000 рублей, который согласно приговорам я мог употребить на выписку товаров, и в таком количестве, что ими без малаго удовлетворилась бы вся годовая потребность страны, население которой в общем не превышает 7 000 душ.

Вслед за мной в Петропавловске стали появляться приезжие камчадалы, привезшие соболей на продажу, но, увы, уже без «головки», ибо, повторяю, последняя была у меня.

Чаша терпения петропавловских торговцев переполнилась, и они решили «разделаться» со мной. И разделались.

Меня объявляют сумасшедшим. С конца марта и в начале апреля петропавловская публика стала о чём-то совещаться, причём на совещания приглашался и уездный врач Тюшов, который, кстати сказать, с последним осенним рейсом получил из Владивостока письмо о том, что я «делаю доносы» и на него, врача, хотя я никаких «доносов» не делал, а что касается Тюшова, то о нём я, кажется, и не заикался в своих деловых донесениях.

На этих заседаниях, как потом выяснилось, обсуждался вопрос о моей душевной нормальности. Различныя факты из моей деятельности приводили камчатскую «интеллигенцию» к убеждению, что я ненормальный, вернее, сумасшедший человек. И эта мысль настолько понравилась петропавловцам как средство отделаться от меня одним взмахом пера, что 9-го апреля в девять часов вечера особыми «весьма секретными» записками приглашался в здание городской больницы весь цвет петропавловского общества, не исключая и моего помощника Векентьева, и начальника казачьей команды.

Когда приглашённые собрались, Тюшов открыл заседание, на котором прежде всего высказал, что к нему, врачу, поступили многочисленныя заявления о душевной болезни уездного начальника, и что он, не будучи психиатром, затрудняется дать своё заключение, а потому и обращается к собранию за проверкой тех фактов, которые изобличают мой психоз.

Взял г. Тюшов книгу Крафта-Эбинга и стал приводить различные примеры, показующие нарушенное душевное равновесие.

Примеры выбирались «подходящие» под мои действия, вследствие чего собрание, за исключением моего помощника и начальника казачьей команды, единогласно постановило, что я действительно сошёл с ума и что поэтому меня необходимо немедленно устранить от занимаемой мною должности.

Заседание закончилось около часу ночи. На другой день я знал уже все его подробности. Ввиду того, что для меня совершенно ясны были побуждения сделать меня сумасшедшим, чему на Камчатке и бывали примеры в ее прошлом, я решил постановлению почтенного собрания не подчиняться, тем более, что поведение на нём врача едва ли отвечало достоинству носимаго им звания.

Я пригласил врача в управление. Объяснил ему тот порядок, который указан в законе на случай душевной болезни чиновника, имеющего в руках ответственные дела и казенное имущество, а затем попросил его не вмешиваться в мои дела по управлению уездом, тем более, что весна уже близко.

Но эти мои слова Тьюшову, видимо, не понравились. И по Петропавловску стали распространять молву, что я впал в буйное помешательство, которое угрожало-де жизни каждого обывателя. Под влиянием этих толков батюшки распорядились выносить святыни, чтобы выехать вместе с ним на маяк за 25 верст от Петропавловска. Если бы господа камчатские психиатры выезжали одни, я ничего бы не имел, но вывоз церковных святынь, отъезд духовенства на маяк, приближавшаяся Пасха и большая религиозность населения побудили меня принять меры, чтобы не допустить по крайней мере вывоза на маяк святынь, а с ними и создания интердикта на Петропавловск.

В конце концов все остались в Петропавловске, причём я просил всех оставить дело так, как оно есть до приезда начальства, которое могло определить и мою психику и оценить действия.

Известие о войне России с Японией. Принятые мною меры обороны Камчатки. Так продолжалось дело до 22-го апреля. Но в ночь с 22-го на 23-е апреля в Петропавловск приехал казак, который привёз «полетучку» о том, что Япония объявила России войну.

Это известие не являлось для Камчатки особо неожиданные, ибо о войне поговаривали давно, особенно со слов арестованных на реке Большой японцев.

Япония находится в соседстве с Камчаткой. И на Камчатке все знали, что японская крепостца, возникшая на южной стороне острова Шумшу, что в Первом Курильском проливе, возникла недаром. Знали, что там есть склады угля, соли, снастей, знали, что там зимуют шхуны и знали, наконец, что там есть солдаты. Когда мы получили известие о войне, то ни у кого не было сомнений в том, что как только вскроются морские забереги, на Камчатку, и именно на западный ее берег, придут японцы. Вот почему одновременно с получением вести и войне мне пришлось решать, как

же нам относится к японцам, которые, конечно, займут берега Камчатки, тем более что без камчатской рыбы им не обойтись.

Я должен был самолично принять то или иное решение, ни на каких указания свыше я решительно не мог рассчитывать, ибо всякое сообщение Камчатки с Владивостоком было прервано войной.

Никаких известий о ходе войны, кроме факта её объявления, мы не имели.

Моё положение осложнялось объявлением меня сумасшедшим. И всякое моё распоряжение могло ведь быть истолковываемо как акт моего безумия, тем более, что предусмотрительные японцы, как мне было известно, заручились благорасположением моих теперешних антагонистов, причем Северное японское рыболовное общество вело даже переговоры о том, чтобы на случай войны камчатския рыбалки были «нейтральными». Такого рода переговоры велись с начальником Командорских островов, ездившим, как было замечено выше, в Японию на рыболовную выставку. А Гребницкий был крупною величиною не только на Командорских островах, но его признавали и на Камчатке. У Гребницкаго были связи в Петербурге, были и крупные капиталы в американских и английских банках, нажитые им за тридцатилетнее «управление» командорскими промысловыми миллионными богатствами.

Когда я обдумывал создавшийся, точно в сказке, обстоятельство, я не придумал ничего лучшего, как немедленно собрать полный сход петропавловских жителей, не исключая и своих противников.

Сход собрался в восемь часов утра, причём явились на него решительно все, ибо весть о войне распространилась по Петропавловску с быстротою молнии.

Сходу я объявил, что началась война и что, по моему мнению, нам надо ожидать высадки японцев на западном берегу. С моим мнением согласились, причём многие петропавловские старики, на памяти которых происходила знаменитая победоносная защита Петропавловска от соединённой англо-французской эскадры, выразили желание взяться за оружие, чтобы прогнать тех японцев, которые высадятся на наших берегах.

Мысль о возможности защиты Камчатки собственными силами не была утопичной, и вот почему.

Камчатка — страна дикая, бездорожная, где горная, где болотистая, где лесистая. И двигаться по ней воинским отрядам нет возможности. А уж везти с собою пушки и подавно. А население,

между тем, сплошь как один человек охотники, отлично знающие все тропы, а к тому же и неподражаемые стрелки. И таких стрелков мы могли набрать не менее двух тысяч, что при местных условиях представляло довольно-таки внушительную силу, особенно при партизанском способе ведения войны.

А вооружить население не представляло труда. У меня в складе лежали четыре тысячи новеньких берданок, да было в наличности 800 000 патронов к ним. И здесь, на совете с петропавловцами, было решено бороться с японцами, для чего и организовать дружины. С удовольствием могу отметить, что к этому решению примкнули и мои «враги», которые протянули мне руки и сказали: «Что было, то было, а теперь все будем делать одно дело».

Ударили в колокол, и весь Петропавловск потянулся в собор, где было отслужено молебствие о ниспослании одоления супостата.

А после молебна началась организация обороны страны средствами самой Камчатки.

Прежде всего была сформирована дружина в самом Петропавловске; в состав ее вошло 89 человек, среди которых были запасные нижние чины, между ними и унтер-офицеры. Дружина была сформирована на началах, указанных в законе для дружин ратников государственного ополчения. Домашними средствами были выбиты жестяные ополченческие кресты, которые затем и были разосланы вместе с инструкторами по всей Камчатке.

Начальником камчатских дружин я назначил штабс-капитана Векентьева, а в помощь ему я назначил унтер-офицеров запаса. На другой день, то есть 24-го апреля, из Петропавловска уже выехали инструкторы, которые повезли внутрь страны берданки и патроны к ним. Раздача населению оружия производилась очень быстро. Апрель — самое свободное время на Камчатке, а к тому же в это время и самая лучшая дорога: стоит так называемый наст, то есть снег, слегка подмерзший от утренних заморозков.

Население охотно становилось в ряды дружин. Инструкторы проходили с дружинами маленький курс стрельбы с целью ознакомить иных с берданкой, ибо у камчатских охотников были винчестеры, а патронов к ним не было.

В начале мая почти на всех устьях речек нами были выставлены заставы, которые и установили связь с селениями.

Прибытие американского парохода. Снаряжение морского похода. Бой камчатских дружин с японцами в селении Явинском. Японцев мы ожидали и приготовились их встретить с оружием в руках. Что касается меня, то я хотя и был под сомнением

в отношении дружин, сформированных мною по своему личному почину, но всё же считал, что иначе я и не мог поступить. Не имея никаких разрешений и полномочий, я тем не менее производил расходы на содержание дружин, и немалые, причём расходам я вёл точную запись, оправдываемую соответствующими документами. Я ставил себя в положение ответчика за факт формирования дружин, а что касается вопросов, вытекающих из этого факта, то здесь каждое своё действие я согласовал с законом. Деятельность по организации дружин, кстати, захватила всех петропавловцев, вследствие чего наши «мирные раздоры» как-то улеглись. И во внутренней жизни Петропавловска в виду общего врага воцарился мир и согласие.

Но вот 4-го мая в Петропавловской бухте показались огни парохода.

Нельзя вообразить себе того переполоха, который овладел жителями этого маленького городка при виде приближающихся огней какого-то неизвестного парохода, оказавшегося американским, под названием «Редондо», пришедшим из Сан-Франциско в адрес Камчатского торгово-промышленного общества с представителем этого общества бароном Брюггеном.

Понятно каждому то нетерпение, с каким я и Векентьев всходили на борт прибывшего парохода. Война продолжалась ведь с 27-го января, а мы между тем не имели о ней решительно никаких сведений.

Сообщенные нам г. Брюггеном вести были до крайности печальны. Он сообщил, что война уже проиграна, ибо флот разбит наголову, что русские терпят поражение за поражением на суше, что, когда он выходил из Сан-Франциско, уже была решена капитуляция Порт-Артура, а за нею конференция держав, которая, говорил Брюгген, произведёт раздел русских дальневосточных владений, причём Камчатка отходит к Америке, правительство которой даёт ему, Брюггену, концессию на все его богатства.

Нужно ли говорить о том впечатлении, какое произвели на нас с Векентьевым эти речи Брюггена. Мы ведь были воспитаны под обаянием несокрушимости мощи России. И слова Брюггена прямо обижали нас, как русских людей, заброшенных на беззащитную далекую русскую окраину.

Вот почему и приготовившись, как выше сказано, бороться с японцами, я, по окончании Брюггеном его рассказа о ходе войны, обратился к нему с просьбой не распространять этих рассказов на берегу, так как они внесут только смуту в умы населения.

Но Брюгген не нашёл нужным снизить к моей просьбе. Наутро из разных источников я стал получать заявления о том, что Брюгген объявил уже Камчатку «под американцем», причём одновременно с этим объявлением он не преминул накинуть два рубля на кулёк муки, чего он не мог сделать без моего ведома и согласия.

Местные обстоятельства обязывали меня «обуздать» Брюггена, но в моём распоряжении не было для этого никаких средств. И Брюгген, уже осведомлённый, что я не так давно был объявлен сумасшедшим, стал вести себя вызывающе, вследствие чего я вынужден был пригласить его в управление, где в присутствии многочисленных лиц и запротоколил его речи с целью привлечения его к ответственности.

«Редондо» ушёл из Петропавловска 9-го мая. С двадцатых чисел мая я уже стал получать донесения с различных пунктов Камчатки о вооружённых столкновениях наших дружинников с японцами. В конце мая у деревни Явина на западном берегу Камчатки высадился с Шумшу отряд японцев под начальством лейтенанта Гундзи. Этот отряд численностью до 150 человек занял сказанную деревню, выбросил на крышу её часовни японский флаг, а затем разослал по Камчатке прокламацию следующего содержания:

«Эта земля принадлежит японскому империи. Кто этого не признает, будет убит».

Пришлось подумать о том, как бы прогнать этот, как говорили камчадалы, «дестант».

Одновременно с получением мною упомянутой прокламации я получил эстафету из Гижиги о том, что там жители вследствие недохода в прошлую навигацию пароходов, голодают, причём были уже случаи голодной смерти. Кроме того, я получил и предписание губернатора о том, чтобы ввиду возможности нападения на наши берега японцев вывезти внутрь страны продовольственные запасы. А у меня между тем в складе, построенном непосредственно на берегу Петропавловской бухты, было до 5 000 пудов муки, крупы, соли, кирпичного чая и прочее.

На петропавловском рейде с осени стояла конфискованная японская шхуна, потерпевшая во Втором Курильском проливе аварию. В самом же Петропавловске находился командир этой шхуны прапорщик запаса Жаба.

Ввиду того, что в момент получения упомянутой эстафеты о голодовке в Гижигинском крае я уже распорядился двинуть дружины селений, расположенных по долине реки Камчатки, в Яви-

но, чтобы прогнать оттуда Гундзи, я нашёл целесообразным дать подмогу камчатским дружинам и из Петропавловска, тем более ценную, что в составе петропавловской дружины находилось много запасных нижних чинов, из коих некоторые участвовали в русско-китайской войне. А затем я считал необходимым послать что-нибудь инородцам западного берега и из товаров за счёт денег, оставшихся от их ясака и, как сказано выше, посланных мною губернатору, причём, конечно, ввиду войны я уже не мог рассчитывать получить из Владивостока товары. А последние в Петропавловске во всяком случае были втрое дешевле, чем на западном берегу Камчатки.

По этим соображениям я и решился снарядить в морской поход из Петропавловска в Явинское, оттуда в Тигиль, из Тигиля в Гижигу, а оттуда обратно в Петропавловск.

Жаба приступил к конопатке шхуны, к ея осмолке, к шитью разорванных осеннею бурей парусов, к исправлению руля и к прочим ремонтным работам. Всё делалось средствами, бывшими под руками. Работа спорилась. И охотников плыть набралось «видимоневидимо», так что пришлось выбирать. Между прочим уже в июне месяце мне пришлось арестовать крестьянина селения Паратунские Ключи Егора Евойловскаго, убившаго по побуждениям ревности человека, и в этом признавшагося. Дозволить ему гулять на свободе я не имел права, держать его под арестом я тоже не мог, так как у меня не было людей для караульной службы. И вот я решился посадить его на шхуну и даже вооружить. «Тебе придётся драться с японцами, — сказал я ему, — вот и искупай свою вину или умирай в бою». И Евойловский, как потом оказалось, вёл себя в бою с японским отрядом, что засел в Явино, выше всяких похвал, за что по моему ходатайству он и был высочайше помилован за своё преступление.

Шхуна с большим грузом казённых припасов, направленных мною в Гижигу, с запасом товаров, приобретённых покупкою в петропавловских магазинах, и с командою в 32 человека вышла из Петропавловска 16-го июня и направилась на западный берег Камчатки. Ея плавание, могу сказать уверенно, составляет одну из отрядных страниц истории нашей войны с японцами. Утлое судно, кое-как скреплённое на петропавловских «верфях», отправилось в плавание за тысячи верст, рискуя ежеминутно встретиться с японским судном, а затем имея своей задачей высадить у селения Явинскаго «дестант» для действия против высадившагося сильного врага. И шхуна блистательно исполнила свою задачу.

Она не только высадила в указанном месте посланных мною дружинников, но и высадила их как раз во время, когда наши дружины уже разведывали расположение японцев. Вслед за соединением петропавловских дружинников, пришедших морем, и дружинников, пришедших сухопутьем, наши напали на японский лагерь.

Нападение было неожиданно. Японцы растерялись. Но всё же они оказали отчаянное сопротивление. В этом столкновении наших дружин с японским отрядом, высадившимся с острова Шумшу, мы потеряли двух убитыми и четырёх ранеными. С японской стороны убито и ранено 32 человека.

Такой результат боя с малыми для нас потерями объясняется тем, что наши дружинники напали на японский отряд скрадом, ползком на животах, причём первый залп по японцам они сделали уже почти в черте самага лагеря, поросшаго высоким камчатским шаломайником (папортниковое растение).

Японский начальник Гундзи был взят в плен, японский флаг был сорван, и разбитые японцы бежали на свою шхуну, на которой, пользуясь ветром, и уплыли. Наши провожали шхуну огнём, пока она была в черте досягаемости выстрелов. Полагать надо, что и на шхуне были убитые. А одна шлюпка, на которой спаслись японцы, была потоплена нашими выстрелами, причём погибли и пльвшие на ней люди, числом до 12 человек. Всего же японцы потеряли до 44 человек.

Бой у селения Явинскаго во всяком случае показал, что сформированныя мною дружины не были «буффонадой», тем более, что за лето 1904 года на обоих берегах Камчатки ими было убито до двухсот человек японцев и сожжено десятка два хищнических шхун. Утвердительно могу сказать, что за весь рыболовный сезон 1904 года японцы не вывезли из Камчатки ни одной рыбы, ибо таковую охраняли наши дружинники.

Заслуга ли это, или нет — сказать не могу, хотя полагаю, что на Камчатке честно исполнили долг и не допустили врагов своего отечества пользоваться его рыбными богатствами. Так, по крайней мере, понимал свой я, но не так понимали его другие.

Приезд на Камчатку Гребницакаго. Смещение меня с должности и расформирование дружин. В то время, когда на Камчатке происходили описанные события, американский пароход «Редондо» успел дойти до Сан-Франциско, где г. Брюгген и подал телеграмму в Петербург председателю Камчатскаго общества (он же и председатель санкт-петербургской биржи) действительному статскому советнику Прозорову о том, что «петропавловский уездный

начальник... по заключению уездного врача сошёл с ума, производит насилия над жителями, терроризировал население, вследствие чего Камчатское общество затрудняется выполнить свои задачи»... заключающийся, добавлю, в том, чтобы на отпущенные казною крупными средствами, до двух миллионов рублей, снабдить население Охотско-Камчатского края необходимыми ему припасами.

Г. Прозоров предъявил эту телеграмму покойному министру внутренних дел В. К. фон Плеве, который и телеграфировал в Сан-Франциско находившемуся там в качестве уполномоченного министром внутренних дел и наместником Его Величества на Дальнем Востоке Н. А. Гребницкому следующее:

«Камчатское общество заявило мне то-то (приводится изложенное выше). Тщательно расследуйте дело, и, буде подтвердится, С... желательно вывезти». Нужно добавить, что уездный врач Тюшов, чтобы «крепче было», дал «заключение» и о том, что и помощник мой, Векентьев, нервно разстроен, причём, должен сказать, нервное расстройство Векентьева вытекало из солидарности со мною. И министр Плеве предложил Гребницкому расследовать и относительно Векентьева, котораго тоже, если «подтвердится», было предложено вывезти из Камчатки.

18-го июля, в разгар нашей борьбы с японцами, в Петропавловск прибыл второй американский пароход «Минеола», на борте котораго был и Гребницкий.

В момент прибытия парохода Векентьева в Петропавловске не было, ибо он находился внутри страны, ведая дружинами.

Лишь только пароход бросил якорь, как я по обязанностям уездного начальника уже был на борте. Г. Гребницкий встретил меня сурово и величественно, предупредивши, что он имеет полномочия высшаго правительства разобрать «все камчатския дела».

— Съезжайте на берег и соберите немедленно в управление вот этих лиц, — сказал он мне, подавая список.

В список вошли аккурат те, которые заседали 9-го апреля.

Поручение Гребницкаго было мною исполнено. И он, придя примерно через полчаса по отдаче якоря в управление, уже застал всех налицо. Сам он пришёл со своим старым сподвижником, ныне покойным Павским, с которым у меня уже было недоразумение по случаю заявления о расхищении им имущества Русанова.

Войдя в управление, Гребницкий обратился к собравшимся со следующими словами:

— Министр внутренних дел телеграфирует мне, что ваш уездный начальник сошёл с ума. Это вы, г. С... а потому, как сумасшедшаго,

я с сего момента устранию вас от должности уездного начальника и таковым, — обратился он к присутствовавшим, — я назначаю вас, г. Павский.

Выслушавши этот приговор, я попросил у Гребницкаго соответствующий документ и получил упомянутую телеграмму министра внутренних дел. Для меня, по прочтении этой телеграммы, было ясно, что здесь происходит суд волка в овчарне, почему я и счёл излишними какие-нибудь объяснения с Гребницким, ибо таковыя не могли же достигать чего бы то ни было.

Я покорился своей участи и безпрекословно, попросивши Гребницкаго опечатать денежную кассу, соболей и бобров, ушёл из управления, причём уходя я слышал приказание Гребницкаго казакам:

— Вы, смотрите, не пускайте в управление этого сумасшедшаго, а то, чего добраго, он его сожжёт, а там ищи с него.

Когда я вернулся домой, там были казаки, некоторые мои дружинники, которые убеждали мою жену повлиять на меня, чтобы я не покорялся Гребницкому.

— Он, — говорили камчадалы, — не иначе, как подослан японцами...

Сила, во всяком случае, была на моей стороне. И история Камчатки знает много кровавых бунтов, происходивших именно на почве борьбы за соболей и прочую камчатскую драгоценную пушнину. А Гребницкий хорошо был известен населению как самый крупный хищник, как самый безжалостный «кровопивец» алеутов.

И если бы я захотел, я мог бы воспротивиться расправе Гребницкаго, допустившаго крупную передержку даже в исполнении даннаго ему поручения. Ему ведь поручалось «тщательно расследовать», а затем уже «вывозить» меня и Векентьева.

Но я, сказать правду, устал уже от постоянного напряжения ввиду интриги насчёт моей психики. И я сам хотел поскорее выехать из Камчатки на свежий воздух, чтобы разобраться и со своей психикой, и со своими делами.

Вот почему я безпрекословно подчинился Гребницкому и не посадил его в карцер, как сажал я в него некоторых петропавловцев.

Как только я ушёл из управления, Гребницкий немедленно распорядился расформировать все камчатския дружины, послать с них «бугафорские ополченческие кресты» и сейчас же всё «привести на мирное положение».

Кресты снимались, выставленные мною сторожевые посты упразднялись, книги и всякия вообще дела по дружинам опечатывались,

причём всем моим сотрудникам было объявлено привлечение их к суду за участие в разбоях в отношении к мирным японцам, приходившим к нам «ловить рыбу».

Были забыты упомянутые выше прокламации, причём Гребницкий, увидевши из бумаг, что мною приняты нешуточные меры в отношении Гундзи, немедленно послал полетучки — остановить наши дружины и вернуть их домой, снявши с них кресты, отобравши казенные ружья и патроны к ним.

Но это гуманное распоряжение, увы, опоздало: ещё накануне произошёл бой наших дружинников с японцами, о котором сказано выше.

И Гребницкому пришлось признать совершившийся факт. Когда ему представлялся пленённый Гундзи, Гребницкий извинился перед ним на английском языке за произошедшее недоразумение, объясняемое единственно психическим расстройством уездного начальника и нервным расстройством его помощника.

Но Гребницкому, так или иначе, всё же пришлось подписаться под боем у селения Явино, пришлось донести о пленении Гундзи, о наших потерях и об отличившихся в этом бою, причём в Петербурге оценили этот факт патриотизма камчадалов так высоко, что Сотников, например, простой унтер-офицер, был произведен сразу в подпоручики (второй офицерский чин, первый — прапорщик. — *Ред.*). Священник села Большерецкого Григорий Коллегов, напутствовавший камчатския дружины в бой с японским отрядом, не имевший решительно никаких наград, сразу получил камилавку (головной убор в виде расширяющегося кверху цилиндра без полей, фиолетового цвета, почётная награда священников. — *Ред.*). Прочие затем дружинники получили знаки отличия военного ордена, некоторые сразу третьей степени, помимо четвертой.

Донесли в Петербург о бое, подтвердивши моё психическое и Векентьева нервное расстройство и объяснивши тем необходимость вывезти нас из Камчатки, Гребницкий, как выяснилось впоследствии, ни словом не обмолвился о расформировании им дружин...

Впоследствии выяснилось, что ещё до объявления войны в Японии формировалась особая экспедиция на Камчатку под начальством Гундзи, которая взялась занять страну мирным путём. На расходы по снаряжению этой экспедиции, отправленной на Шумшу ещё осенью 1903 года, было ассигновано японским правительством 250 000 иен и японскими патриотами 250 000 иен.

На Камчатке говорили, что львиная доля этих иен была уплачена Гребницкому за создание на Камчатке «мирного положения».

Японцы дорожили своими силами. И посылать их на Камчатку они, видимо, не хотели, а потому и приняли упомянутыя «дипломатическия меры»...

Вывоз меня и Векентьева из Петропавловска. Гибель «Минеолы». Разделавшись по-свойски со мною, разоруживши страну, Гребницкий приступил к своему «прямому делу», к снабжению края припасами. Но на «Минеоле» между тем не было привезено никаких припасов, что частью подтверждается тем, что в Сан-Франциско не было их освидетельствования консулом, что входило, однако, в непрременную его обязанность. И причины этого важного упущения объяснены Гребницким в его донесениях как-то сбивчиво, туманно. Донесения эти и поныне имеются, вероятно, в Министерстве внутренних дел.

30-го июня мне и Векентьеву было приказано садиться на пароход. И у меня, и у Векентьева была на руках большая семья, жёны и маленькия дети. У меня трое, у Векентьева двое.

«Минеола», не сгрузивши в Петропавловске решительно никаких запасов, пошла в Охотск, куда и пришла 3-го августа. Тотчас по прибытии на рейд стали снаряжать паровой катер, к которому привязали на буксир шлюпку. На шлюпку посадили нас, меня и Векентьева с семьями, а на катер сели приказчики Камчатского общества. Сели они в пробковых поясах, каковая предосторожность была далеко не лишней, так как нам предстояло переходить грозный охотский бар, а погода между тем стояла свежая.

Лоцман и другия охотские казаки заявили Гребницкому, что плыть теперь через бар опасно, в ответ на что они получили окрик Гребницкаго: «Не ваше дело».

Нас повезли. Скажу одно, что я и до сих пор не понимаю: почему, собственно, мы не потонули?

На гребне високаго вала в самом водовороте бара «лопнул» буксир... Но мы, не знаю уж как, выплыли из пучины невредимыми.

— Бог не выдаст, — говорили мы, выходя на берег, — свинья не съест!

Сошёл я на берег с мыслью, что первый этап моих приключений кончился сравнительно благополучно.

«Минеола» простояла на Охотском рейде два дня, не отпустивши никому решительно ни одного фунта груза. На это жаловались в Петербург и охотские купцы, и охотский уездный начальник Попов. И на это у «Минеолы», вернее, у Гребницкаго, были «свои причины», заключавшиеся в том, что на пароходе не

было ничего, кроме самых необходимых запасов продовольствия для команды.

Из Охотска «Минеола» пошла на западный берег Камчатки. До сентября месяца она «болталась» в виду берега, не приставая, однако, никуда, а затем, 9-го сентября, «Минеола» появилась у Тигиля, где наскочила на «не обозначенный на карте камень» и погибла. Погиб и «казённый груз», погибли «морские командорские бобры и котики», которые, кстати сказать, были отправлены в Америку на пароходе «Редондо». Говорили потом, что «Минеола», старая разбитая бандура, была хорошо застрахована и шла она на Камчатку только затем, чтобы безопасней для людей «наскочить на «не обозначенный на карте камень».

Заслуживает внимания, что в день крушения «Минеолы» в Тигиле появилось английское судно «Альджерейн», которое вообще никогда на западный берег Камчатки не ходит, ибо оно назначается исключительно для охраны командорских бобровых лежбищ.

На «Альджерейн» пересели Гребницкий, барон Брюгген и судовая команда погибшей «Минеолы». И вся эта компания отправилась от «необозначенного на карте камня» во вражескую Японию, откуда проследовала в дружественную нам Америку.

Из Охотска чрез Якутск в Хабаровск. Когда с «Минеолой» происходила вышеизложенная история, я был на пути из Охотска в Якутск.

Якутский тракт — самый дикий и самый труднопроходимый в мире, особенно при перевале через крутой, обрывистый Становой хребет. Я ехал в компании с якутами. Ехал верхом на сменных лошадях. Трудно передать в настоящем моём рассказе все те затруднения, какия я испытывал в пути, тянувшемся то дремучими, на десятки вёрст, лесами, то непроходимыми болотами, то горными кручами, при виде которых захватывало дух.

Весь путь 1 200 вёрст. Выехавши из Охотска 5-го августа, где впредь до зимняго пути я оставил свою семью, я добрался до Якутска лишь 22-го сентября.

У самого Якутска мне пришлось переправляться через Лену, могучую сибирскую реку, когда по ней уже шла шуга. Сильны были мои ощущения, когда я переплывал охотский бар, но не менее сильны они были, когда я переплывал во время ледохода Лену, ширина которой у Якутска не менее, как я полагаю, двенадцать вёрст. Встретили мы почти на середине реки огромную льдину, которая одним своим прикосновением могла перековырнуть нашу лодку. Но льдина, к счастью, пронеслась мимо.

На левый берег Лены я вступил с радостным чувством. Здесь уже был телеграф, по которому я и мог начать свои объяснения.

В Якутске тотчас по приезде я явился к губернатору Булатову, который, выслушавши моё повествование, предложил мне написать для «Якутских областных ведомостей» об обороне Камчатки от японцев, что я на другой день и исполнил. Эта моя статья прошла не только все сибирские газеты, но из Иркутска она была передана по телеграфу петербургскому агентству и обошла затем русскую печать.

В Якутске я должен был остановиться до зимнего пути, и выехал я на Иркутск уже в середине октября. С особым удовольствием вспоминаю я теперь своё путешествие по широкой привольной Лене. Почтовый ленский тракт держат за круговую друг за друга порукою приленские селения, а не один какой-либо почтосодержатель, вследствие чего там никогда нет задержки в лошадях. Везут день и ночь. Очень хороши чистенькия почтовые станции. И никакого затруднения в провизии. Всюду можно достать яйца, молоко, свежую и мороженую рыбу, дичь, мясо. Народ по Лене сытый, зажиточный.

В Иркутск я приехал 9-го ноября. Здесь находился в должности правителя канцелярии иркутского генерал-губернатора мой старый знакомый Л. Н. Гондатти, с которым я познакомился на реке Анадыре, когда он был там окружным начальником, а я ездил туда в качестве чиновника приамурского генерал-губернатора, которому были поручены некоторые дела по Анадырскому краю. Гондатти, ныне томский губернатор, отнёсся ко мне в высшей степени тепло. Он отлично понимал всю мою историю. И, имея связи в Петербурге, он посылал меня из Иркутска туда, чтобы поскорее, без отяжки выяснить вопрос. Для этого он дал мне даже несколько писем к своим петербургским знакомым. Но в Петербург мне так и не удалось попасть.

В тот самый день, когда я собирался выехать из Иркутска в Петербург, иркутский губернатор Моллериус получил из Никольска-Уссурийского от приморского губернатора Колюбакина следующую телеграмму: «В Иркутске пребывает душевнобольной петропавловский уездный начальник С... Он собирается выехать в Петербург. Благоволите распоряжением водворить его в больницу для психически больных».

И меня, конечно, «водворили» бы, если бы не Гондатти. В тот же день, когда была получена в Иркутске цитированная телеграмма, я был освидетельствован в отношении своей психики в порядке,

какой указан для таких случаев в законе. Эта процедура, тяжёлая и унижительная, реабилитировала, однако, мою психику, и приморскому губернатору был послан ответ, что ввиду такой-то его телеграммы, такой-то С... освидетельствован в порядке такой-то статьи, причём он оказался совершенно здоровым.

После этого эксперимента, окончившагося для меня так благополучно, я не рискнул уже ехать в Петербург, ибо у меня не было гарантий, что такую же телеграмму получит енисейский или другой какой попутный губернатор.

А потом «доказывай, что ты заяц, а не верблюд»...

И вот из Иркутска я поехал в Никольск-Уссурийский, уже будучи формально и «в установленном порядке» реабилитированным.

В Никольск я добрался без особых приключений, хотя и ехал в самый разгар движения наших войск на театр войны. Прибыл я в Никольск 1-го декабря, причём губернатор Колюбакин с первых же слов извинился передо мною за свою телеграмму иркутскому губернатору:

— Мне её подсунули с бумагами, — говорил он мне. — А теперь дел такая масса, что где уж перечитывать всякую бумажку...

В Никольске я пробыл недолго, так как была получена телеграмма генерал-губернатора Андреева о немедленном командировании меня в Хабаровск, куда я и прибыл 17-го декабря. 18-го я был принят генерал-губернатором Андреевым, который после продолжительной со мной беседы предложил мне занять мою старую должность редактора официальных «Приамурских ведомостей».

Я согласился, и 1-го января 1905 года об этом был отдан приказ генерал-губернатора.

Таким образом, вывезенный из Камчатки сумасшедшим, я тотчас по прибытии в резиденцию генерал-губернатора был назначен редактором официальной газеты.

Новая командировка на Камчатку. С момента назначения меня на сказанную должность я приступил к даче объяснений по всем своим делам на Камчатке. Суть моих объяснений передавалась по телеграфу в Петербург. В конце концов под влиянием, конечно, петербургских покровителей Гребницкаго, в Хабаровске была получена бумага:

«Теперь, разумеется, С... психически здоров, но из этого вовсе же не следует, что он был здоров и на Камчатке, где были такие тяжёлые условия, что немудрено было и помутиться разумом».

В ответ на это разные мои бумаги и письма, писанные на Камчатке в самый острый период моего «помешательства», по моей о том

просьбе были подвергнуты экспертизе психиатров, которые дали заключение, что все мои бумаги написаны «в здравом уме и в твёрдой памяти».

После этой экспертизы уже не раздавалось голосов в пользу моего безумия при отправлении мною обязанностей петропавловского уездного начальника.

Иные мои действия трактовались уже как просто незаконные. Но я на каждое свое действие представил объяснение, настолько удовлетворивший генерал-губернатора, которым был назначен тогда генерал Хрещатицкий, что в конце концов я был представлен за службу на Камчатке к Анне на шее, каковой орден я и получил.

Казалось бы, что после всего изложенного следовало бы привлечь к ответственности «уполномоченного министром внутренних дел и заместителем» Гребницкого, о чём генерал-губернатором и была послана в Петербург соответствующая бумага. Но была война. Пережили Порт-Артур, Мукден, переживали Цусиму.

И Петербургу было не до камчатских дел и дрязг.

Я редактировал «Приамурские ведомости», посылал статьи в столичные газеты: в «Новое время», в «Биржевые ведомости», в «Русское слово» и другие.

Семья к этому времени благополучно добралась до Хабаровска, проехавши тот же путь, что проехал и я. Меня это путешествие ввело в неоплатные долги, что и принял во внимание генерал Хрещатицкий, который и приказал выдать мне 3 574 рубля из денег, что были выручены от продажи в начале моей камчатской службы хищнических морских бобров, о которых сказано выше. Эта погашка более или менее поправила мои дела, и я стал немного отдыхать от пережитых передряг.

Но мой отдых продолжался недолго.

В Портсмуте велись мирные переговоры. Во время заключённого перемирия японцы дали пропуск на Камчатку нашему военному транспорту, на котором разрешалось отвезти туда запасы продовольствия.

И на этом судне по воле начальства был послан я, между прочим, с поручением обревизовать деятельность камчатской и командорской администрации.

Не преувеличивая, скажу, что гром и молния из безоблачного неба не произвели бы такого впечатления на камчатских обывателей, как моё появление на петропавловском рейде на судне под военным флагом в качестве... ревизора...

Моё положение было очень щекотливым, тем более что я сразу же наткнулся на факт исчезновения из петропавловского денежного сундука казённых 40 000 рублей, совершившагося при следующих обстоятельствах.

30-го июля 1905 года в шесть часов утра на створе Авачинской губы показались два японских военных крейсера. Крейсера шли таким малым ходом, что они стали на якорь лишь около одиннадцати часов.

О появлении крейсеров было немедленно дано знать уездному начальнику Леху, который, убедившись самолично в том, что действительно идут японские крейсера, стал собираться в бегство, а за ним стали бежать из Петропавловска и все жители. Не бежали из него только Гребницкий и приказчики Камчатского общества.

Лех, покидая Петропавловск, несколько раз был в управлении, откуда по его распоряжению были вынесены некоторые дела, морские бобры, упромышленные в этом году. В управлении же стояла несгораемая железная касса, в которой находилось 40 000 рублей казённых денег.

Вот эти-то деньги Лех и «забыл» захватить.

Японцы же, ставши на якорь, стали стрелять из шестидюймовых орудий. Первый выстрел они произвели по зданию управления. Снаряд пронизал всё это ветхое здание, не причинивши, однако, ему особого разрушения. Затем японцы выстрелили несколько раз в гору. Затем они посадили на шлюпки команду, приблизительно в двести человек, которая около часу дня и съехала на берег. Здесь японцы окончательно убедились, что в Петропавловске им не будет никакого сопротивления. И они приступили к мирному занятию — к охоте за пасшимися на городских улицах коровами. Коров они стреляли из ружей. Здесь же, на улице, они потрошили подстреленных коров и свеживали их мясо. Затем в сопровождении офицеров они обходили дома, где к их чести, решительно ничего не тронули.

Зашли японцы и в управление, где, видимо, стали читать дела. Но дела их не заинтересовали, так как многие из них очутились в бухте. Когда японцы съехали обратно на крейсера, казённая касса, по донесению Гребницкаго генерал-губернатору, оказалась взломанной. Затем, на другой день, японцы опять съезжали на берег, причём японские офицеры были приглашены Гребницким на обед, на котором, по рассказам, было очень весело.

1-го августа крейсера вышли в море, направившись на Командорские острова, где они тоже сходили на берег, были в управлении,

причём несгораемая касса Командорских островов осталась в полнейшей неприкосновенности.

Возвращение во Владивосток. Разгром Владивостока. Обязанный по букве данного мне поручения расследовать описанные события, особенно произошедшие в Петропавловске, где посещение японских крейсеров сказалось в исчезновении 40 000 рублей казённых денег, я забрал письменные показания очевидцев пребывания японцев в Петропавловске, причём все показания дополняли недоумение, почему собственно Лех «забыл захватить 40 000 рублей» и почему Гребницкий в своём донесении генерал-губернатору, которое мне было известно ещё в Хабаровске, доносил, что «маяк разрушен, касса взломана, деньги целы».

Маяк оказался в полнейшей целости, касса, правда, взломанной, но деньги из нея исчезнувшими.

Я пробыл в Петропавловске две недели, до 20-го октября. 22-го мы были уже на Командорских островах, где простояли сутки, а 24-го октября мы пошли обратно.

Во Владивосток мы пришли 1-го ноября, причём из опасения мин, подходя к городу уже вечером, мы стали в одной из бухт на якорь. Над Владивостоком стояло огромное огненное зарево. Штурман, посланный за пресной водой, возвратился с известием, что во Владивостоке военный бунт, что весь город разграблен и разрушен. В чём было дело, мы не знали. Но дело немного разъяснилось, когда другой офицер, посланный также на берег, привез газету, где был напечатан манифест 17-го октября, и рассказал о происходивших в городе митингах, о брожении среди запасных, требовавших немедленного увольнения их со службы.

Тут же, стоя в бухте, мы узнали о бунте на транспорте «Тобол», об убийстве матросами командира.

2-го ноября на рассвете мы тронулись во Владивосток. Когда нам открылась панорама этого города, мы уже ясно видели дымящиеся остовы домов по Светланской улице, видели двигавшиеся по этой улице войска.

Стали на якорь, и я съехал на берег. Тяжёлую картину представлял Владивосток. Светланская улица, главная артерия города, была сплошь усыпана всевозможными предметами: битым стеклом, рваной бумагой, подгоревшими кусками материи, мукой, крупой, сахарным песком. Всюду стояли войска под ружьём.

Гарцовали казачьи команды. Большинство зданий сгорело. А оставшиеся в целости, как, например, почта, дом Чурина, были закрыты. Всякая жизнь во Владивостоке прекратилась, так что,

пробродивши в городе часа четыре, я так и не мог достать булку, напиться где-нибудь чаю.

Все мои знакомые выехали, кто на Седанку, кто в Никольск, а кто и дальше.

Разгром города озверевшими солдатами был полный и неслышанный. Громили город дико, безумно. Грабили всё, что попадалось под руку, и тут же портили свою добычу и бросали её.

За тысячной толпою пьяных громил шла шайка шакалов, которая подбирала награбленное золото, серебро, драгоценные камни.

5-го ноября я уже был в Хабаровске, а 6-го явился к генерал-губернатору, подавленному владивостокскими событиями...

Само собою разумеется, что он не стал интересоваться камчатскими делами. Было не до того...

— 14 месяцевъ службы въ Камчаткѣ — 541

Гарцовали казачьи команды. Большинство зданий сгорѣло. А оставшіяся въ цѣлости, какъ, напр., почта, домъ Чурина, были закрыты. Всякая жизнь во Владивостокѣ прекратилась, такъ что, пробродивши въ городѣ часа четыре, я такъ и не могъ достать булку, напиться гдѣ-нибудь чаю.

Всѣ мои знакомые выѣхали. кто на Сѣданку, кто въ Никольскъ, а кто и дальше.

Разгромъ города озвѣрѣвшими солдатами былъ полный и неслышанный.

Громили городъ дико, безумно. Грабили все, что попадалось подъ руку, и тутъ же портили свою добычу и бросали ее.

За тысячной толпою пьяныхъ громилъ шла шайка шакаловъ, которая подбирала награбленное золото, серебро, драгоценные камни.

5-го ноября я уже былъ въ Хабаровскѣ, а 6-го явился къ генералъ-губернатору, подавленному владивостокскими событіями...

Само собою разумеется, что онъ не сталъ интересоваться камчатскими дѣлами. Было не до того...

А. Сильницкій.

ВОСПОЛНЯЯ БЕЛЫЕ ПЯТНА

В. Е. БЫКАСОВ

ПОХОД РОДИОНА ПРЕСНЕЦОВА

В познании процесса и особенностей открытия и освоения того или иного региона довольно часто доводится сталкиваться с коллизиями, разрешить которые получается только при использовании историко-географического подхода. То есть подхода, который базируется на системном сопоставлении тех или иных исторических событий и фактов с соответствующим физико-географическим обрамлением.

Конечно же, таковой подход не заменяет, а всего лишь дополняет обычную (работу с первичными источниками и архивными материалами) методологию исторических исследований. И, тем не менее (при взвешенном его использовании, разумеется), он позволяет, как минимум, обнаруживать чисто географические ошибки в исторических работах, коих, к сожалению, встречается немало. И, как максимум, обращать внимание на те детали в историко-географическом антураже описываемых событий, которые побуждают несколько иначе осветить либо само это событие, либо отдельные его аспекты и особенности.

К числу таковых случаев, при характеристике которых историко-географический подход помогает разобраться в сути дела, можно отнести и ситуацию с походом отряда Родиона Преснецова. Впрочем, не стану торопить события.

Итак, в 1703 г. русские впервые вышли на берега Авачинской губы. Согласно данным камчатской ясачной книги 1702—1704 гг. первого «прикащика» Камчатки Т. Р. Кобелева, это сделал отряд казаков под руководством Родиона Преснецова (по Б. П. Полево-му [26, с. 77]).

Однако, к сожалению, данные книги Б. П. Полевого не дают ответа на весьма важные вопросы, связанные с конкретными обстоятельствами самого похода. Отчего многие из них до сих пор остаются или неизвестными, или/и спорными. Это и послужило поводом для того, чтобы попробовать прояснить некоторые детали маршрута отряда Родиона Преснецова. А также для того, чтобы несколько иначе осветить обстоятельства, сопровождающие это событие, или предшествующие ему.

Нужно же это хотя бы потому, что предпринятая мною к трёхсотлетию юбилею данного события попытка картографического моделирования похода отряда Преснецова [4] не была принята во внимание. Во всяком случае, местные картографы на собственной схеме, специально подготовленной к означенному юбилею и продемонстрированной от Петропавловска до Санкт-Петербурга, прорисовали маршрут отряда не поперёк основания Шипунского полуострова, а вдоль всего его побережья; и не вдоль берегов Авачинской губы, как это было на деле, а напрямую через её горло. Умножив тем самым и без того немалый список казусов, связанных с историей и географией Камчатки.

Впрочем, вернусь к самому походу. На первый взгляд о нём вроде бы всё уже было сказано. Но говорить об одном и том же вовсе не означает говорить одно и то же. Будь это так, в науке, в том числе и исторической, давно бы сложились единые и непререкаемые мнения и суждения по поводу тех или иных событий, явлений и ситуаций. Более того, история развития науки показывает, что при внимательном обращении даже к самым устоявшимся суждениям в них порой обнаруживаются неожиданные повороты и нюансы. Не говоря уже о том, что иногда невесть откуда появившийся «безобразный» факт или «нелепое» представление дилетанта (интересующегося чем-то человека) начисто убивает самую красивую гипотезу или общепринятую (официальную) точку зрения.

Вот и в случае с описанием похода отряда Р. Преснецова обнаруживается достаточно много неувязок, обусловленных не только тем, что историки были вынуждены оперировать крайне скудными историческими материалами того времени, но и тем, что они недостаточно полно и объективно привлекали к объяснениям конкретных исторических событий соответствующее природное (физико-географическое) обрамление. В целях показать, какую роль играет это самое обрамление при оценке результатов похода казаков отряда Р. Преснецова, и написана данная статья.

Начну же я, как и водится, с хорошо известного. В 1967 г. признанный знаток истории Сибири и Дальнего Востока Б. П. Полевой опубликовал в газете «Камчатская правда» свою версию открытия Авачинской губы. Как мне кажется, её стоит привести полностью, дабы была понятнее вся цепочка дальнейших рассуждений.

«Когда и кем была открыта Авачинская губа, на берегах которой теперь раскинулся Петропавловск-Камчатский? Вопрос, казалось бы, несложный. Но удивительно, до 1942 г. никто из истори-

ков и не пытался на него ответить. И когда я решился это сделать, пришлось заняться специальными изысканиями.

Прежде всего, когда впервые на чертежах Камчатки появилось изображение Авачинской губы или хотя бы реки Авачи? В Москве в 1964 г. был издан “Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII—XVIII вв.”. Судя по нему, изображение Авачи (“Вавачи”) впервые появилось ещё в XVII веке. Оно уже имелось на “Чертеже вновь Камчатской земли и моря”, который в атласе датирован 1700 г.

Однако все попытки найти какие-либо сведения о посещении русскими района Авачи в XVII в. так и не увенчались успехом. Но действительно ли «Чертёж вновь Камчатской земли и моря» сделан именно в 1700 г.? Начались поиски, и выяснилось, что датировка ряда ранних камчатских чертежей была в прошлом неточна, в том числе и названный был сделан не в 1700 г., а на двенадцать лет позже. В нём отражены сведения о трагической судьбе японца Сани, попавшего на Камчатку в 1710 г., а рассказ Сани о его морских злоключениях стал известен в Якутске только в 1712 г.

На основании новых данных выяснилось, что первое изображение реки “Вавачи” появилось на русских чертежах лишь во второй половине первого десятилетия XVIII в. Следовательно, русские смогли впервые узнать о существовании реки Авачи только тогда. Это не могло быть позднее 1707 г.: ведь нам давно уже известно на основании сообщений С. П. Крашенинникова, что уже в 1707 г. на Авачу ходил большой отряд казака Ивана Таратина. И не ранее 1699 г. Вот почему я и сосредоточил своё внимание именно на этом периоде истории Камчатки.

Уходя с полуострова Камчатки, Владимир Атласов оставил там группу во главе с Петром Серюковым. Документы показывают, что никто из членов этой небольшой группы на Авачу не ходил. Вскоре после трагической гибели П. Серюкова на Камчатку прибыл значительный отряд казаков, во главе которых стоял бывалый землепроходец Тимофей Родионович Кобелев. Ещё С. П. Крашенинников указывал, что этот новый управитель Камчатки в 1702—1703 гг. “ясак как по реке Камчатке, так и по Пенжинскому и Бобровому морю, собирал он невольной, и с ясашною казной выехал в Якутск в 1704 г. благополучно”.

“Пенжинское море” — это современное Охотское море, “Бобровое море” — часть Берингова моря. Так невольно возникла догадка: а не могли ли во время этого похода Тимофей Кобелев или его помощники побывать и в Авачинской губе?

Ответ на этот вопрос дала недавно найденная камчатская ясачная книга 1702—1704 гг., которую вели в отряде Т. Р. Кобелева. В ней оказались подробные сведения об ясаке, собранном в 1703 г. с двенадцати рек “подле Камчацкого моря в нос Курильской земли”.

“Камчатским морем” казаки называли Берингово море, ведь в него впадала река Камчатка, а “носом Курильской гряды” — мыс Лопатку.

Анализ текста записей показал, что на Берингово море участники этого похода вышли по реке, на которой стоял “острожек Шемяч”. С тех пор она и стала называться рекой Семячик.

От Семячика казаки пошли по побережью в южном направлении. “Шестой рекой” в списке названа река “Налахтырь”. Вне всякого сомнения, это хорошо известная петропавловцам река Халактырка. Ещё С. П. Крашенинников писал: “От реки Авачи на север первая речка называется Калыты, а от казаков Калахтырка, которая течёт из под Авачинской горелой сопки, а устье её от Авачинской губы в шести верстах”. Правильность этого вывода подтверждается ещё и тем, что на “пятой реке”, то есть реке, расположенной севернее “Налахтыри” — Халактырки, жил “лутчий мужик” (тойон) Налач. Очевидно, что здесь упоминалась Налычева река.

Уже из этих данных можно заключить, что “седьмой рекой” в ясачной книге должна быть река Авача. В ясачной книге она названа “Кугачем”.

Могла ли так именоваться Авача тогда? Да, могла. В старину казаки верховья Авачи называли “Сугачем”. По-видимому, само название “Сугач” произошло от ительменского “Суаачу”. Звук “уа” русскими часто передавался как “ва” (вспомните, например, как из “Уашигтон” позднее возник современный “Вашингтон”). Поэтому, вероятно, от названия “Суаачу” и возникло русское “Вавача”, превратившееся вскоре в Авачу.

Правда, существует и иное предположение о связи между названиями “Кугач” и “Авача”. Академик Г. В. Стеллер отмечал, что ительмены называли Авачинскую губу “Гшубач”. В стеллеровском “гшубу” нетрудно увидеть ительменское слово “кшчу” — озеро, залив, а “абач” — название “Авача”.

Из дальнейшего текста книги видно, что с Авачи участники похода прошли на юг до двенадцатой реки (“Вторая на десять река”), на которой уже жили не ительмены, а айны (“курильские мужики”). Во главе их стоял тойон Икако Дагекукакул. Отсюда русские решили повернуть назад, так и не дойдя до мыса Лопатки. Они

вернулись в Авачинскую губу и затем явно по Аваче и её притокам (в частности, по-современному Чугачу) перешли в верховья Большой реки. Выйдя к западному побережью полуострова, они ещё совершили поход через реку Озерную к Курильскому озеру.

Таким образом, на основании ясачной книги Т. Р. Кобелева удалось достоверно установить, что в 1803 г. русские действительно могли побывать на реке Аваче и в Авачинской губе.

Но ходил ли в этот поход сам Тимофей Кобелев? Новая архивная находка позволила получить ответ и на этот вопрос. Среди копий документов, снятых в Якутске в 1736 г. для академика Г. Ф. Миллера, была обнаружена копия любопытнейшего рассказа камчатских казаков Ивана Могилёва, Родиона Преснецова и Терентия Смердова, записанного в Якутске 23 декабря 1707 г. В нём и оказалось упоминание о том, что “в 703 году осенью” камчатский приказчик Тимофей Кобелев отправил на Берингово море для сбора ясака отряд казаков, во главе которого поставил Родиона Преснецова. Всего в походе участвовало 23 человека.

Поход оказался нелёгким. Уже вскоре казаки израсходовали всё взятое с собой продовольствие и начали питаться по примеру местных жителей тем, что выбрасывало на берег бурное осеннее Берингово море. Именно они первым из русских землепроходцев испробовали в пищу знаменитую дальневосточную морскую капусту. Питались они и актиниями, и голотуриями, и другими дарами Берингова моря. Вот тогда-то, в сентябре-октябре, они и смогли первыми из русских побывать на берегах Авачинской губы.

Так была впервые выяснена дата первооткрытия Авачинской губы и установлено, что её первооткрывателями по праву могут считаться казак Родион Преснецов и двадцать два его товарища.

Любопытно отметить, что сами участники похода не придали особого значения своему открытию. Они считали, что их заслуга состояла лишь в том, что они “сыскали” здесь “неясашных людей” и провели к ним два пути — один по побережью Берингова моря, другой — более удобный, с верховьев Большой реки.

И исключительные удобства Авачинской губы, как морской гавани, русские оценили не сразу. Вот почему первоначально на ранних чертежах река “Вавача” изображалась даже без губы.

По существу подлинное признание Авачинская губа получила лишь в конце 30-х гг. XVIII в., когда участники Второй Камчатской экспедиции решили создать в ней свою главную базу» [Полевой Б. П. Родион Преснецов — первооткрыватель Авачинской губы // Камчатская правда, 1967. — 23 дек.].

Таким вот образом выглядела хроника открытия Авачинской губы в представлении видного историка. В дальнейшем он не раз возвращался к этой теме, но ничего принципиально нового в неё больше не привнёс. Впрочем, это и понятно, ибо, повторюсь, скудность уже известных архивных материалов, равно как и трудность отыскания дополнительных данных, не способствуют появлению нечто действительно нового.

Тем не менее, и данная заметка, и другие статьи Б. П. Полевого по данному поводу [26, 27, 28] требуют некоторых разъяснений.

Дело в том, что этот плодовитый учёный постоянно повторяет одни и те же ошибки. Да, по большей части, мелкие. Да, зачастую ничего не меняющие в самой сути излагаемых им событий. Но именно потому-то и особенно досадные. Ибо крупные ошибки происходят либо от отсутствия соответствующих сведений, либо от неверных представлений. Тогда как в данном случае всё сводится к невнимательности как самого автора, так и его рецензентов, критиков и читателей. Примеры? Пожалуйста.

«Камчатским морем» казаки называли Берингово море, ведь в него впадала река Камчатка, а «носом Курильской гряды» — мыс Лопатку. Анализ текста записей показал, что на Берингово море участники этого похода (похода отряда Р. Преснецова. — *В. Б.*) вышли по реке, на которой стоял «острожек Шемяч». С тех пор она и стала называться рекой Шемячик», — написал историк в 1967 г. (см. выше). И затем повторял это суждение на протяжении четырёх десятков лет во многих своих статьях и книгах.

Однако, во-первых, сами казаки того времени Камчатским морем именовали акваторию, простирающуюся между Камчатским и Кроноцким полуостровами [17, с. 49]. Во-вторых, река Камчатка впадает непосредственно в Тихий океан, а не в Берингово море. В-третьих, акватория так называемого «Бобрового моря», по берегу которого проходила часть маршрута отряда Р. Преснецова, простиралась от Кроноцкого до Шипунского полуострова [17, с. 47]. Правда, иногда границы этого «моря» расширяли вплоть до Авачинского залива включительно, а порой и до самой Лопатки [16]. Но в любом случае на севере оно не выходило за пределы Кроноцкого полуострова.

К сказанному остаётся добавить, что и название «Берингово море» появилось на картах с лёгкой руки Кука лишь в конце XVIII в. и далеко не сразу прижилось в русском языке. И что современная «Лоция Берингова моря» [22] ситуацию с гидрографией восточного побережья Камчатки описывает следующим образом:

«От мыса Лопатка до мыса Камчатский берег омывается водами Тихого океана, а от мыса Камчатский до мыса Олюторский водами Берингова моря... От порта Усть-Камчатск, расположенного в устье реки Камчатки, северо-восточный берег Камчатского залива Тихого океана тянется на 22 мили вплоть до мыса Камчатского, к северу от которого начинается побережье Берингова моря...»

То есть, говоря однозначно, Бобровое море никакого отношения к Берингову морю не имеет. Совершенно не имеет. Однако за сорок лет не нашлось никого, кто бы поправил Б. П. Полевого в этом его заблуждении.

Впрочем, оставляю пока тему географических ошибок в покое и обращаюсь к ситуации, предшествующей походу Р. Преснецова. С тем, чтобы попробовать разобраться — был ли он предпринят в условиях полной неизвестности о реке Аваче, как считал Б. П. Полевой, или всё же казаки достаточно хорошо представляли, куда они идут и что на своём пути встретят.

А для этого вновь вернусь к С. П. Крашенинникову, который по этому поводу писал: «Между тем оставленный на Камчатке служивый Потап Серюков жил в верхнем Камчатском острогу три года без всякого утеснения от Камчадалов; ибо он за малодушеством ясаку собирать не отважился, но под видом купца торговал с ними; наконец и тот в Анадырск поехал, однако Коряки, не допустив его до Анадырска, со всеми товарищами убили. А выезд его, по-видимому, учинился, когда сын боярский Тимофей Кобелев на Камчатку приехал» [18, с. 195]. То есть, если судить по этой цитате, то отряд П. Серюкова погиб полностью.

Однако в рукописной части своей книги С. П. Крашенинников сообщает нечто иное: «Потом и он (Серюков. — В. Б.) с товарищи с Камчатки пошёл в Анадырский острог, но на дороге от коряк почти все побиты» [16, с. 750]. Так что С. П. Крашенинников всё же не исключал, что кое-кто из казаков отряда П. Серюкова мог остаться в живых. И последующие изыскания в архивных материалах это мнение о неполной гибели казаков подтвердили, ибо из них стало известно, что весной 1701 г. отряд Т. Кобелева, следуя из Анадыря на Камчатку, повстречался на подходе к полуострову с остатками отряда П. Серюкова [29]. Хотя сам П. Серюков действительно был убит коряками ещё на реке Тигиле [28, с. 125—126].

Тем не менее, некоторые авторы по-прежнему неверно оценивают эту ситуацию. Например, известный исследователь истории Сибири А. С. Зуев [7] считает, что отряд Потапа Серюкова был

уничтожен полностью. Причём, по его мнению, сам Потап Серюков с тремя казаками был убит ещё на реке Палане, а весь остальной отряд — на северной оконечности Пенжинской губы.

Однако, поскольку А. С. Зуев относит оба эти события к 1699 г., то это противоречит не только данным С. П. Крашенинникова и Б. П. Полевого, но и мнению Г. А. Леонтьевой [21], на которую А. С. Зуев в данном случае ссылается, и согласно которой это событие произошло в 1701 г. А тем самым и утверждение А. С. Зуева о полной гибели отряда П. Серюкова также вызывает сомнение.

Впрочем, тут, как мне кажется, настала пора ответить на вполне возможный вопрос — а к чему все эти многочисленные и, казалось бы, второстепенные отступления? Да к тому, что ими оттеняется руководящая мысль столь длительного подступа к основной теме. Мысль о том, что прожившие три года в Верхнекамчатском остроге казаки отряда Потапа Серюкова не только получили множество новых данных о географии, природе и населении прилегающих территорий, но и смогли передать их Тимофею Кобелеву. Так что боярскому сыну и первому камчатскому приказчику, прибывшему в Верхнекамчатск весной 1701 г., было от чего отталкиваться, когда он начал колонизацию южной части полуострова.

Впрочем, достаточно многое ему могло быть известным от самого В. Атласова и его товарищей ещё в Анадырске и Якутске. Ибо, согласитесь, для того, чтобы Т. Кобелев мог самым надёжным путём попасть в Верхнекамчатск, он должен был знать дорогу досконально. И эту доскональность ему обеспечили расспросы вернувшихся с Камчатки служивых людей, которые охотно делились своими сведениями с анадырскими и якутскими казаками. Не говоря уже о том, что это было им вменено в прямую обязанность.

Однако, продолжим наши изыскания. Конечно же, в самих «Скасках» В. Атласова нет ни слова об Авачинской губе. Но для нас сейчас более важным является не столько то, что Атласов говорил в Якутском, Тобольском и Московском приказах, сколько то, о чём он, по тем или иным причинам, умолчал. А умолчал он, как представляется, о многом — в том числе, не исключается, и о реке Аваче.

Правда, ни сам Атласов в 1697—1698 гг., ни, тем более, Л. Морозко с И. Енисейским в 1696—1696 гг., в районе Авачи не бывали: «Из дошедших до нас документов ясно видно, что участники камчатских походов Л. С. Мороско-Старицина — Ивана Енисейского (1695—1696) и В. В. Атласова (1697—1699) — не только сами не бывали в районе Авачи», — пишет по этому поводу Б. П. Поле-

вой [26, с. 75]. И с этой точкой зрения историка остаётся лишь согласиться. Но вот с его мнением о том, что «...но и не смогли доставить каких-либо сведений об этой реке на основании сообщений местных жителей» [26, с. 75], можно и нужно поспорить. Ну, хотя бы, потому, что между понятиями «не доставляли сведений» и «не имели сведений» абсолютного равенства нет.

Дело в том, что, излагая данные о походе в официальной обстановке, В. Атласов вряд ли рассказал сразу всё о том, что он знал. В том числе и о реке Аваче. Ну а потом и вовсе стало не до этого. К тому же, таковые данные могли быть упущены при записи его рассказов, а то и просто потеряны. Поскольку, как не раз подчёркивал тот же Б. П. Полевой, наши знания о тех временах во многом скудны ещё и потому, что множество тогдашних материалов было утеряно. Как утерялись, например, те же ясачные книги В. Атласова — а ведь они могли о многом нам поведать.

Кстати, не секрет, что значительное количество сведений до канцелярий и воеводств не дошло только потому, что у землепроходцев сплошь и рядом отсутствовала бумага. Правда, нередко они использовали для написания своих грамот бересту. Однако время, как показывает история с архивами той же Большерецкой приказной избы на Камчатке, не щадило эти документы.

Итак, по моему мнению, В. Атласов знал гораздо более того, что было им изложено в предельно коротких «Скасках». Знал же он, например, о том, что «три дни не доходил до реки Бобровой». Но тогда откуда он узнал и про саму реку, и про её название, и про то, что до неё ходу оставалось всего три дня? Ответ напрашивается сам по себе: либо от предшественников, что проблематично, либо от аборигенов, которых казаки в своих походах дотошно расспрашивали о впереди лежащих местах. Либо, наконец, он всё-таки доходил до этой реки (а, возможно, и до мыса Лопатки), но по каким-то причинам решил об этом умолчать.

Ну, а взять факт описания им образа жизни каланов и способов их добычи. Или указания на постоянное посещение юго-западного побережья Камчатки японскими судами: «Да иноземцы ж сказывали, что в камчадальской стороне повыше (южнее. — В. Б.) Камчатки к Каланской Бобровой реке приходят по вся годы бусы и берут у иноземцев нерпичей и каланский жир, а к ним что на бусах привозят ли — неведомо» [31, с. 29]. Это ли не прямое свидетельство того, что очень многие сведения о Камчатке были им получены со слов аборигенов? А раз так, то почему бы ему не знать и о реке Аваче.

Впрочем, попробуем подойти к этой — знал ли В. Атласов о реке Аваче — проблеме с другой стороны. Как мы помним, в 1698 г. он отправил казака П. Серюкова с 14 русскими и 13 юкагирами для основания в верховьях реки Камчатки новой постоянной базы, которая по месту своего расположения получила название Верхнекамчатского острога [28, с. 91]. Но для того, чтобы ставить новый острог именно в верховьях Камчатки должны были быть достаточные основания. Особенно учитывая тот факт, что по природным условиям (в частности, по наличию настоящей лиственничной тайги) среднее течение реки Камчатки было более подходящим местом для создания постоянного поселения, чем верхнее. Не говоря уже о том, что оно было гораздо более густо заселено ительменами и, следовательно, возможности для сбора ясака там были куда как большими.

Но в том-то и дело, что, отсылая группу П. Серюкова на Верхнюю Камчатку, В. Атласов знал, почему и зачем он это делает. То есть, хотя к этому моменту он сам в верховьях реки Камчатки не был (во всяком случае, таковое предположение однозначно пока не доказано), он всё же знал, что именно в этом районе сходятся все дороги аборигенов, ведущие из верхней части долины реки Камчатки к обоим побережьям полуострова и обратно.

И в самом деле, как окончательно установил спустя четыре десятка лет С. П. Крашенинников [17], из Большерецкого острога к верховьям реки Камчатки вели три основные дороги. Одна из них, длиной в 436 вёрст, шла вдоль берега Пенжинского (Охотского) моря до реки Оглукомины (Облуковины), затем по долине этой реки пролегла к перевалу через Срединный хребет, оттуда, по реке Кырганик (Кирганик), выходила к реке Камчатке и, наконец, следуя вверх по её течению, выходила к Верхнекамчатскому острогу. По второй дороге, длиной 242 версты, надо было ехать вверх по Большой реке (теперь река Плотникова) до Опачина острога (ныне посёлок Апача), от Опачи лугами вдоль реки Большой до реки Быстрой и по её долине до её вершины, а затем вниз по реке Камчатке. И, наконец, третья дорога, длиной около четырёхсот вёрст, шла вверх по Большой реке (река Плотникова) до Начикинского острога. Затем дорога через невысокий перевал по долине ручья Сугачу, переходила к реке Коонам (Корякской). Оттуда путники следовали до реки Авачи, по долине которой доезжали до Паратун острожка и, затем, выходили по восточному побережью к реке Жупановой. Ну а далее путники поднимались по её долине к верховьям реки Повычи (Кавычи), которая

своим устьем выходила к реке Камчатке почти напротив Верхнекамчатского острога.

Кстати, вот тут-то и подошла пора вспомнить о географических условиях как о непременном антураже исторических реконструкций. Дело в том, что обычно аборигены по первой и третьей дорогам ездили почти исключительно зимой и на собаках, тогда как по второй перемещались преимущественно летом и пешком или на батах (лодках-однодеревках). Объясняется это тем, что крайне выхоложенный воздух Центральной Камчатской депрессии под давлением господствующего в это время года северо-западного атмосферного переноса, в узкой, зажатой с двух сторон высокими горами верхней части долины реки Камчатки, сжимается до такой степени, что, достигнув того места, где долина реки Правой Камчатки резко, практически под прямым углом, уходит далеко влево, врывается в эту расширенную равнину Ганальской тундры в виде своеобразного бора. Своеобразного как потому, что ветер этот образуется не за счёт скатывания холодного и потому плотного (тяжёлого) воздуха с перевала, которого тут нет, а за счёт растекания тяжёлого сжатого воздуха по горизонтали. Так и потому, что ветер этот возникает не время от времени, как, например, в Новороссийске, а дует днями и даже, иногда, неделями. Отчего по днищу верхней части долины реки Быстрой вместо каменноберёзовых лесов, произрастающих на подножиях и склонах гор, окружающих долины рек Камчатки и Быстрой (а также в самой долине в 25—30 км от водораздела между этими реками) располагаются так называемые «сухие тундры», сформировавшиеся в результате сноса снежного покрова и вымораживания почвогрунтов и древесной растительности.

Надо ли говорить, что эти (сильный ветер и суровый мороз) обстоятельства не только препятствовали (и препятствуют до сих пор) перемещению любого транспорта, но и не способствуют заселению верхней части долины реки Быстрой, в которой даже в наше время располагается всего три — Малка, Ганалы и Кедровая — поселения. Так что нет ровным счётом ничего необъяснимого в том, что ительмены предпочитали зимой ездить в верховья реки Камчатки не самой прямой и короткой дорогой, а в объезд.

Но коль скоро названные и другие дороги (по реке Воровской, например, или по реке Колпаковой) в верхнюю часть долины реки Камчатки также использовались аборигенами веками и тысячами, то не будет преувеличением считать, что В. Атласов знал

о них. Настолько хорошо знал, что решил поставить на их пересечении острог.

В связи со строительством Верхнекамчатска необходимо обратить внимание ещё на одно обстоятельство. Дело в том, что, по мнению Б. П. Полевого, с именем Т. Кобелева связано немало важных событий в истории Камчатки. «Прежде всего, именно тогда, в 1703 г., и были основаны три главных камчатских острога: Верхнекамчатский, Нижнекамчатский и Большерецкий», — пишет историк [28, с. 124].

Однако, во-первых, это противоречит мнению самого же Б. П. Полевого, который неоднократно указывал [9, 28], что Верхнекамчатск был построен по наказу В. Атласова в 1698 г. Во-вторых, С. П. Крашенинников по поводу строительства первых камчатских острожков вообще пишет нечто иное: «В бытность свою перенёс он (Т. Кобелев. — В. Б.) жилище верхняго Камчатского острога на реку Каликыг, которая от прежнего острожного места в полуверсте, да вновь построил зимовье на реке Еловке; а ясак как по реке Камчатке, так по Пенжинскому и Бобровому морю, собирал он повольной, и с ясашною казною выехал в Якутск в 1704 году благополучно» [18, с. 195]. Так что Б. П. Полевой дважды погрешил, когда приписал Т. Кобелеву строительство Верхнекамчатского острога.

Ошибся он и в том, что именно Т. Кобелев построил Большерецкий острог. Ибо, как считает С. П. Крашенинников: «Кобелева сменил вышеописанной Михайло Зиновьев, который отправлен из Якутска вместо Володимера Атласова, а правил он Камчатскими острогами до прибытия казачья пятидесятника Василья Колесова с 1703 по 1704 год. Во время бытности своей первой он завёл ясачные книги, в которых Камчадалов поимянно начал вписывать. Нижняя Камчатская зимовье за неспособностью места перенёс на Ключи и на большей реке острог построил» [18, с. 195—196].

Но вернёмся к В. Атласову. Основной причиной создания первого русского острога в верховьях реки Камчатки послужило то, что казачий атаман достоверно знал о расположении этого места на пересечении основных путей, ведущих к верховьям реки Камчатки. Как знал он и о близости этого места к восточному побережью полуострова. И не просто знал, но и отчётливо осознавал, что колонизировать юго-восточное побережье, ради обложения местного населения ясаком, было гораздо проще из верховьев реки Камчатки, нежели из района Ключей, или, тем более, реки Ичи. А, зная всё это, он просто не мог не знать и о реке Аваче. Другое дело, что за малочисленностью отряда и, главное,

по причине усиленной охоты на соболя в районе реки Ичи, сам Атласов не предпринял никаких шагов к покорению этого района. Хотя, не исключается, что летом 1698 г. на побережье Бобрового моря он всё же побывал.

Впрочем, не столь уж и важно, знал ли сам В. Атласов об Аваче или нет. Ибо к Тимофею Кобелеву сведения о реке Аваче могли поступить, как уже говорилось, и от оставшихся в живых казаков отряда П. Серюкова.

И в самом деле, как отмечал спустя три с лишним десятка лет С. П. Крашенинников, все три года пребывания в Верхнекамчатске П. Серюков и его товарищи не просто общались с аборигенами, но и изо всех сил пытались выторговать у них как можно больше пушнины. А для этого им просто необходимо было расширять круг своих знакомств и, отсюда, знаний о прилегающих территориях.

Правда, П. Серюков и его казаки, пишет Б. П. Полевой, ссылаясь на документы [26, с. 77], на Авачу не ходили. «Атласов решил основать в верховьях реки Камчатки свою новую постоянную базу. С этой целью он направил туда небольшую группу казака Потапа Серюкова с 14 русскими и 13 юкагирами», — указывает историк [28, с. 91]. И через 24 страницы уточняет: «Уходя с Камчатки, Владимир Атласов оставил группу Петра Серюкова. Документы показывают, что никто из членов этой группы на Авачу не ходил» [28, с. 125]. Но не ходили на Авачу, и не знали о ней — это отнюдь не тождество.

Кстати, в цитируемой книге Б. П. Полевой, пусть бы и на разных страницах, одного и того же человека именует то Петром, то Потапом. И хотя это расхождение свидетельствует всего лишь о рассеянности учёного, указать на него следует. Не с тем, разумеется, чтобы попенять автору, а для того, чтобы обратить внимание на ошибку.

Однако, учитывая выдающиеся способности коренных жителей к ориентированию на местности, столь же удивительное их умение отображать географическую информацию на своих рисунках-картах, и, главное, безупречную работу «устной почты», вполне логично будет считать, что в числе таковых сведений могли быть и данные и о реке Быстрой, и о реке Большой, и о реке Аваче. Особенно зная, что все эти места, за исключением верховий реки Быстрой, в те времена были плотно заселены ительменами. Так что когда Тимофей Кобелев со своим отрядом обжился в верховьях реки Камчатки, он смог реально убедиться в истинности данных группы П. Серюкова.

Да и вообще трудно представить, чтобы Т. Кобелев в самый канун отбытия с полуострова решил бы на отправку значительной части своего отряда так далеко на юг, если бы он не знал, что ожидает казаков на этом пути. Ибо в случае провала этого похода Т. Кобелев рисковал остаться без людей и, тем самым, мог бы поставить под риск доставку ясака в Якутск. А уж этого ему точно не простили бы.

Но в том-то и дело, что к началу похода Р. Преснецова прямой путь от Верхнекамчатска по долине реки Быстрой до устья реки Большой Т. Кобелеву был известен. И не только по слухам, но и в результате походов, по его же наказу, отдельных казачьих отрядов за ясаком на западную сторону полуострова. Так что о реке Большой и других реках юго-западного побережья Т. Кобелев знал не понаслышке. Ибо, как говорил по этому поводу сам Т. Кобелев после своего возвращения в Якутск: «...да подле Пенженского моря большая и многие реки, а какие де на тех реках народы неизвестен» [30]. Но коль скоро его казаки ходили по реке Большой, то ему могли стать известными и сведения о недалёкой от названных мест реке Аваче. Во всяком случае, иначе просто невозможно объяснить ни попытку Р. Преснецова пройти вдоль юго-восточного побережья Камчатки далее к югу от Авачинской губы, ни уверенного выхода отряда от реки Авачи к реке Большой, ни столь же уверенного, несмотря на быстро наступающую зиму, движения казаков по юго-западному побережью вплоть до Курильского озера.

Таким образом, подводя окончательный итог всем этим рассуждениям, надо признать, что Т. Кобелев действительно достаточно много знал о географии юго-восточного и юго-западного побережья полуострова. Как надо признать и то, что главной задачей похода было достижение южной оконечности Камчатки с целью обложения ясаком тамошних жителей.

Но могла ли перед казаками отряда Р. Преснецова быть поставлена таковая задача? Вполне. Дело в том, что уже на «Чертеже Сибири 1687 г.» река Камчатка рисовалась на некоем безымянном полуострове. А на «Чертеже земли Якутского города 1701 г.» этот полуостров приобретает вполне отчётливые очертания. Причём поскольку этот последний «Чертеж» был составлен С. У. Ремезовым при участии В. Атласова, то это свидетельствует о том, что В. Атласов более или менее уверенно знал о том, что Бобровое и Пенжинское моря соединяются где-то сравнительно недалеко от верховий реки Камчатки. А, значит, знал об этом и Тимофей

Кобелев. Так что Р. Преснецов достаточно хорошо представлял, куда и зачем он был послан. И лишь позднее время начала похода, рано наступившая зима и сопротивление, пусть бы и пассивное, в виде явного недовольства, жителей Курильского озера помешали ему достичь самой южной оконечности полуострова. Впрочем, закончим, пока, со всеми этими предположениями и «пройдёмся» по самому маршруту отряда казаков.

Итак, к концу лета 1703 г. на Камчатке сложилась следующая ситуация. Вся долина реки Камчатки от Нижнекамчатского острога и до истоков была казаками пройдена, и пройдена не единожды. Была им известна, пусть бы и не столь детально, и долина реки Большой. Как, повторюсь, в результате их собственных поездок, предпринятых для сбора ясака, так и в результате расспросов ительменов, от которых им стали известны и сведения о реке Аваче и проживающих там аборигенах.

Ну а далее всё можно представить следующим образом. Поскольку, в связи с переносом острогов и всего прочего, Т. Кобелев поневоле отвлёкся от своей главной — приведения под «высокую государеву руку» местных жителей с целью обложения их ясачной повинностью — задачи, то под конец пребывания на полуострове он решил наверстать упущенное. И ради этого (а также ради «проведывания» новых путей к южной оконечности полуострова) послал в конце августа свободных служивых людей к «Бобровому морю».

Кстати, и факт отправки отряда в конце 1703 г. к юго-востоку полуострова, и последующий уверенный выход отряда Р. Преснецова в долину реки Большой (Плотниковой), и, главное, открытие казаками Паужетских горячих источников и озера Курильского, говорят о том, что Т. Кобелев не успел поставить в устье реки Большой острог. Ибо будь это так, то следовать из этого острога к оконечности полуострова было бы намного проще и легче.

Впрочем, вернёмся к самому походу. В конце августа 1703 г. отряд казаков из 22 человек во главе с Родионом Преснецовым выступил из Верхнекамчатска. Так поздно отряд выступил в поход потому, что сделать это раньше было просто невозможно: строительство жилья, заготовка продуктов питания и, главное, военные дела (вспомним, что этим же летом А. Кутгин из отряда М. Многогрешного, пришедшего весной на смену Т. Кобелеву, покорял, и наверняка с помощью людей Т. Кобелева, Нижнюю Камчатку) занимали все помыслы, силы и время казаков. К тому же, как отмечал Г. Стеллер, «осенние месяцы, сентябрь и октябрь, а за

ними февраль и март по своей погоде самые благоприятные, почему они используются чаще всего для торговли и отдалённых путешествий по суше» [34, с. 51]. Очень, надо сказать, ценное свидетельство, к которому я ещё прибегну.

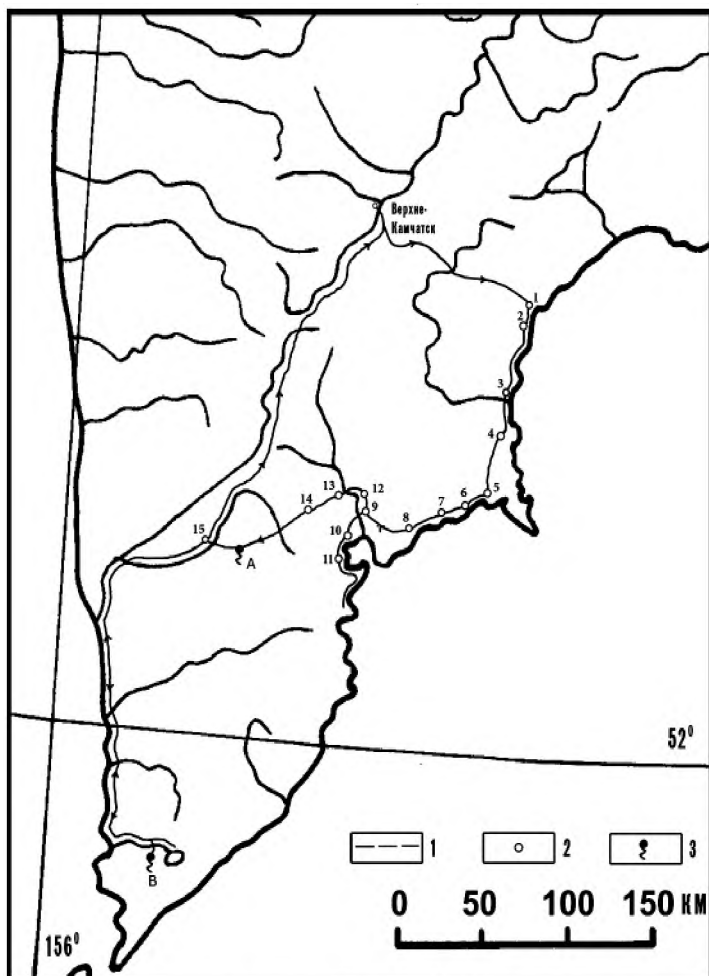
А пока попробую определить некоторые временные и пространственные привязки маршрута Р. Преснецова, поскольку без наличия таковых разговор о походе во многом становится беспредметным. И поможет мне в этом сам Р. Преснецов, который в своей «Скаске» сообщает: «... за Камчатскою рекой вдаль, ходом в дву неделях, на вершинах Большой реки, а в иноземческом названии та река Кикша, три речки Розсошные, от которых на одной реке с левой стороны на берегу на ровном луговом месте меж каменья идут ключи многия тёплых вод и те ключи бьют вверх в колено и выше... А от тех теплых вод, за тою Большой рекой ещё видел ходом в двух же неделях за четырьмя реками немалыми близко иноземческого вышеописанного Курильского острожка в полуднище с обе стороны речки малой с берегов и ровных мест воды большими ключами бьют кипятком вверх в сажень...» [25, с. 120].

Так вот, если измерить по карте расстояние от современного села Апача, расположенного напротив первых из упомянутых горячих ключей, до озера Курильского, и от Апачи же до Верхнекамчатска, то в обе стороны получается по, приблизительно, 280 километров. И это означает, что отряд проходил по этому маршруту со скоростью, в среднем, около двадцати километров за сутки. Очень даже, надо сказать, приличная скорость, если знать, что весь свой скарб казаки несли на себе, и что спустя два десятка лет отряд майора Павлуцкого передвигался по Чукотке со средней скоростью около десяти километров в день.

Но самое важное для нас в данном случае даже не скорость, а вот эта — две недели ходу в обе стороны — предельно точная привязка в пространстве. Ибо она окончательно и бесповоротно подтверждает моё мнение о том, что и Т. Кобелев, и Р. Преснецов хорошо знали и верхнюю часть долины реки Камчатки, и верхнюю часть долины реки Быстрой, и большую часть долины реки Большой (Плотниковой). Настолько хорошо, что, не пройдя вдоль юго-восточного побережья далее «дву на десятой» реки, казаки затем уверенно вышли к реке Большой, которая, образно говоря, была для них путеводной нитью, и прошли по ней вплоть до Охотского моря.

Началом пути от Верхнекамчатска к Кроноцкому заливу стала река Кавыча (Повыча). По тропе, проложенной ительменами по долине этой реки, отряд вышел на перевал (высотой чуть более

восьмисот метров, расположенный между притоком реки Кавычи рекой Перевальной и притоком реки Лево́й Жупановой рекой Мальцевской (см. карт-схему):

Карт-схема похода отряда Р. Преснецова:

1 — маршрут отряда Р. Преснецова; 2 — ительменские острожки, лежащие на пути отряда: 1 — Шемячь (Семячик), 2 — Алаун (Березовский), 3 — Шопхад (Жупановский), 4 — Кыннат (Калигарский), 5 — Итыгхочь, 6 — Ашумтан (Островной), 7 — Шотохчу (Налачев), 8 — Макошху (Налахтырь, Халактырка), 9 — Паратун (Карымчин), 10 — Тареин (Купха), 11 — Кыттынан, 12 — Имашху, 13 — Шаман, 14 — Шиякокуль, 15 — Опача (Апача); 3 — термальные источники: А — Апачинские, В — Большебанные

Спустившись по реке Мальцевской до реки Лево́й Жупановой, отряд по тропе, ведущей от Жупановой к устью реки Новый Семячик (Шемечь), пересёк реку Правую Жупанову, вышел по долинам реки Каменистой и ручья Мутного к перевалу Берёзовому (610 м). Оттуда казаки вышли к истокам реки Правой Жупановой и через пологий перевал Двойной (598 м), отделяющем эти истоки от бассейна реки Нового Семячика, спустились в долину этой реки.

Кстати, называю я так уверенно эти места потому, что здесь и до сих пор сохранились фрагменты тропы, которой испокон веков пользовались аборигены и по которой мне (правда, частично) довелось ходить и самому.

Ну а далее всё просто — следуя по долине реки Новый Семячик, или, как её называли сами казаки, «первой реки», отряд вышел к побережью Кроноцкого залива в районе «острожка Шемячь», стоящего около устья этой реки.

Весь этот путь занял у отряда, надо полагать, две, максимум (учитывая трудность перехода через Срединный хребет) — три недели. А далее маршрут казаков пролегал, по их же словам, по побережью. Правда, сами казаки эту часть своего маршрута описывают предельно скупо, если не сказать — совсем не описывают. Тем не менее, у нас есть прекрасная возможность восстановить (при том во всех, практически, деталях) этот путь по описанию, приводимому В. Л. Комаровым, который во главе ботанического отряда проследовал по этому побережью в 1909 г. [10]. Причём, специально подчеркну, в то же самое (с учётом того, что отряд казаков потратил две или три недели на путь от Верхнекамчатска до побережья) время, что и отряд Р. Преснецова, и в условиях такой же небольшой нехватки прихваченного с собой продовольствия, какую испытывали и казаки.

Итак, 15 сентября 1908 г. В этот день отряд В. Л. Комарова переправился через устье Семячинского лимана на правый берег этой реки и, пройдя вдоль океана с версту, поднялся на высокую прибрежную террасу, обрывы которой упирались в полосу прибоя.

16 сентября, пройдя несколько поверху террасы, отряд спустился к более удобному для движения океанскому берегу. Очень скоро путники вышли из-за береговых валов на кошку и, пройдя по ней версты две, достигли лимана реки Берёзовой.

17 сентября отряд переправился через устье реки Берёзовой и последовал к югу. Пройдя вдоль наружной (обращённой к морю) стороне берегового вала около трёх вёрст, отряд вышел на хоро-

шую торную тропу, пролегающую на внутренней стороне берегового вала. А ещё через четыре версты подошёл к устью реки Корневской.

18 сентября отряд переправился через устье этой реки и по тропе, проходящей по пологому береговому увалу, вышел к отрогу, заросшему березняком. За увалом тропа вновь вышла на береговой вал, за которым, южнее, располагалось обширное, высохшее и совершенно плоское озёрное днище. После озера отряд подошёл к устью реки Карау.

19 сентября по утреннему отливу, путники переправились через устье реки Карау и, выбирая дорогу между параллельными рядами старых береговых валов, густо поросших каменной берёзой, ольховником, кедровником и рябиной, вышли к устью реки Жупановой.

20 сентября отряд с утра запаса провизией на рыбалке Штабеля, расположенной в устье реки Жупановой, и во второй половине дня переправился на кунгасе рыбаков на правый её берег.

21 сентября отряд вышел к Жупановскому лиману, и по высокому берегу, отделяющему лиман от океана, подошёл к заболоченному тальвегу речной долины, выходящей к лиману с запада, где и остановился на ночлег.

22 сентября отряд через низкий плоский увал дошёл до Халыгерского (Калыгирь) озера.

23 сентября, следуя вдоль озера, отряд вышел к широкой пади реки Южный (Малый) Халыгер, которая ведёт к перевалу на реку Вахиль.

24 сентября отряд прошёл совсем немного, так как при падении одной из лошадей в воду подмокли выюки с коллекцией, и потому пришлось остановиться для её просушки.

25 сентября остатками трактовой тропы, некогда ведущей от Петропавловска к Нижнекамчатску, отряд вышел на перевал между реками Южный Халыгер и Вахиль, а затем и к самой реке Вахиль.

26 сентября отряд перемещался вниз по левому берегу реки Вахиль.

27 сентября отряд вышел в устьевую часть долины реки Вахиль и переправился на её правый берег.

28 сентября, не выходя на берег океана, отряд проследовал до реки Островной и переправился через неё.

29 сентября отряд последовал далее и остановился на ночлег в виду Налычевского озера.

30 сентября при сильном дожде и ветре отряд вышел к Нальчевскому озеру.

1 октября от озера отряд вышел к небольшой, из шести-семи избышек деревеньке, стоявшей на берегу небольшой речки Домашней, а затем по тропе проследовал к реке Нальчевой (Шотохчу, по Крашенинникову).

2 октября отряд переправился через реку Нальчеву и проследовал по приморской тундре почти до реки Каменушки.

3 октября отряд переждал сильный дождь.

4 октября, перейдя, последовательно, Каменушку, Половинную и Тойонскую речки, отряд достиг горы Толстый мыс, обогнув которую он вышел вначале к Калахтырскому выгону, а затем, следуя Калахтырской тундрой, подошёл к метеорологической станции экспедиции. Здесь отряд пробыл два дня и 7 октября переправился в Петропавловск.

Таким образом, весь путь от устья реки Семячик и до устья реки Халактырки (шестой реки) занял у ботанического отряда, с остановкой на время непогоды, 21 день. И надо думать, что отряд Р. Преснецова потратил на этот же путь примерно столько же времени. Но не более, ибо передвижение с вьючными лошадьми хотя и освобождает путников от необходимости нести весь свой груз на себе, однако вынуждает тратить много времени на поиски удобных речных переправ, на сами переправы, а также на переходы через болота, каменные россыпи, лес и кустарники. Во всяком случае, мой личный опыт говорит, что 12—15-километровый дневной переход с вьючными лошадьми по бездорожью — очень даже приличная дистанция. Хотя мне и доводилось преодолевать (по сухой тундре) с лошадьми до 60—65 километров за день, для чего, правда, приходилось постоянно тянуть за собой первую лошадь из караванной связки.

Итак, на весь путь от Верхнекамчатского острога и до Авачинской губы отряду Р. Преснецов потребовалось пять-шесть недель. И, следовательно, к Авачинской бухте и, затем к реке Аваче, казаки вышли в последних числах сентября, или в самом начале октября.

Установление этой, пусть бы и несколько умозрительной, даты важно по следующим причинам. Во-первых, в это время года постоянных морозов на морском побережье быть не могло. Во всяком случае, ботаническому отряду довелось пережить всего два ночных заморозка: 22 сентября, когда минимальная ночная температура достигла -5° и в ключах замёрзла вода [10, с. 358], и 29 сентября, когда ночной мороз достиг $-5,6^{\circ}$ [10, с. 368]. Причём, поскольку

на юге полуострова время конца 1910-х — начала 1920-х гг. было самым холодным (зимняя температура была ниже многолетней почти на 1 °С) за всё прошлое столетие [11], то климатические условия 1909 г. примерно соответствовал таковым же условиям 1703 г. И это означает, что отряд Р. Преснецова данную часть своего похода преодолел в наиболее оптимальных для данного времени года погодных условиях. О чём говорит и приведённое выше свидетельство Г. Стеллера. А, следовательно, казаки не теряли много времени из-за непогоды. И уж тем более не страдали от морозов.

Во-вторых, Б. П. Полевой излишне драматизировал ситуацию с провизией, когда он, ссылаясь на Р. Преснецова, писал: «Поход оказался нелёгким. Уже вскоре было израсходовано продовольствие, и путешественники, по примеру местных жителей, были вынуждены использовать в пищу то, что выбрасывало на берег бурное осеннее Берингово (опять Берингово. — В. Б.) море» [28, с. 128].

Именно драматизировал, ибо в это время года, особенно в те далёкие годы, море и морское побережье изобиловали всяческой живностью, а прибрежные террасы ягодой и кедровыми орехами. Вот что пишет по этому поводу В. Комаров: «В устье реки Семячик и в самом лимане плавало немало нерп, а также целые стада уток, гусей и чаек... На озере (лимане) реки Берёзовой мы добыли около сорока уток и одного лебедя... Здесь, на береговом валу на правом берегу реки Жупановой огромное количество кустов голубики, густо покрытой крупными сочными ягодами... На верхней террасе реки Вахиль увидели шесть медведей, поедавших ягоду, но охота не удалась... С высокого берега от стоянки раскинулась картина озера (Налычевского) с многочисленными стадами рыбы, плывущей во всех направлениях. Чайки садятся прямо на спины плывущим рыбам и вырывают куски мяса... За небольшой, но кишачей рыбою речкой (Домашней) обнаружили небольшую, в шесть-семь домиков, деревеньку» [10].

То есть, говоря со всей определённостью, у казаков, куда как более приспособленных к походной жизни, было предостаточно шансов для успешной охоты и ловли рыбы. К тому же не надо забывать, что во время похода казаков, на побережье от реки Семячик до реки Халактырки в устье каждой более или менее крупной речки располагался один, а то и два ительменских острожка. Это уже позже казаки (и другие), подавляя восстание ительменов, с «огнём и мечом» прошли по восточному побережью, уничтожая

и сами острожки, и их жителей. И это уже во времена С. П. Крашенинникова, после интенсивного вымирания аборигенов от болезней, занесённых казаками, количество острожков на юго-восточном побережье сократилось, примерно, вдвое. Но даже и после этого С. П. Крашенинников, проезжая теми же местами, не только отметил наличие острожков в устьях наиболее крупных рек (см. карт-схему), но и останавливался в них, получая при этом достаточное количество еды для себя и своих спутников, а также корм для собак.

Так что, повторюсь, у казаков было более чем предостаточно возможностей для того, чтобы приобретать еду в обмен на бусы, ножи, иголки и тому подобные вещи. Не говоря уже о том, что ительмены наверняка угощали пришедших путников едой. А потому если казаки на этом отрезке пути и употребляли в пищу «морские овощи», то, скорее всего, лишь как добавление к своему рациону. Кстати, и сделать это они могли лишь по примеру аборигенов.

Так что, скажу, возвращаясь к мысли о недоучёте реальной ситуации того времени и природной обстановки в целом, когда в 2003 г. камчатские картографы, рисовали маршрут отряда Р. Преснецов на участке от реки Жупановой и до реки Налычевой вдоль всего побережья Шипунского полуострова, то они всего лишь по-ученически послушно восприняли мнение Б. П. Полевого об острой нехватке продовольствия у казаков.

То есть, ход их рассуждений, судя по всему, выглядел следующим образом: коль скоро казаки питались только «морскими овощами» («...и с сентября де с первых чисел и до морозов из того моря из воды метало на берег раки и морские овощи капусту, а той капусты листы длиною по сажень и по две, и больше и шириною в пол-аршина и больше, и огурцы длиною в четверть аршина и меньше, и репа по ладоне и больше, и меньше, и ягоды видом рябина и малина и мечет того овощу на берег многие громады. А вкусом те овощи кислы и солонны, а есть мочно, а капуста в варенье приятна и тем морским овощем они, служивые люди, в то время на пути питались» [26]), то казаки просто вынуждены были идти вдоль морского берега.

Однако это совершенно не вяжется с реальностью. Ибо берега Шипунского полуострова представляют собой почти сплошной скальный обрыв (что, кстати, прекрасно видно по картам и аэрофотоснимкам), лишь иногда перемежаемый большими и малыми (Калыгирь, Большое и Малое Медвежьи озёра, Биче-

винка и пр.) бухтами и заливами. А потому проход вдоль самого берега моря, с постоянным обходом многочисленных заливов и непропусков, представлял бы собой предприятие из разряда экстремальных. Казаки же, как известно, по горам ходили только при крайней нужде. Но как раз именно в этом случае такой нужды не было, поскольку поперёк основания полуострова проходила веками набитая тропа, по которой казаки и проследовали. Как следовали по ней, в последующем, и Крашенинников, и Дитмар, и Конради с Келлем, и многие-многие другие исследователи и путешественники.

Что же касается якобы острой нехватки пищи с самого начала похода, то, как было показано, весь путь (около трехсот километров) от Верхне-Камчатска до реки Авачи занял у казаков около 35—40 дней. Не меньше времени понадобилось им и для того, чтобы достичь озера Курильского. Так что вряд ли казаки, более или менее представляющие, куда и насколько они идут, взяли с собой съестных припасов всего лишь на две-три недели. Вряд ли. Особенно если помнить, что им ещё предстояло вернуться назад, в Верхнекамчатск, чтобы сдать собранный ясак Тимофею Кубелеву, который в самом начале 1704 г. со всем ясаком отбыл в Якутск. Причём большую часть этого обратного маршрута отряд Р. Преснецова прошёл по суше. И это означает, что питались казаки отнюдь не морскими продуктами, а тем, что несли с собой, и тем, что брали («имали») у местных жителей.

То есть, подчеркну ещё раз, никак не вяжется предположение Б. П. Полевого об остром недостатке провизии уже с самого начала похода с реальностью. И не вяжется тем более, что даже в наши дни юго-восточное побережье в конце августа, сентябре и в начале октября изобилует морской и речной рыбой, пролётной и местной водоплавающей птицей, медведями и, особенно, морскими зверями. Вот что, например, писал по этому поводу известный камчатский ихтиолог и краевед А. Г. Остроумов: «В ходе авиаоблёта 12 июля 1966 г. (в промежуток от 11 до 13 часов местного времени) в устье протоки, соединяющей озеро Большой Калыгирь с морем, было обнаружено восемь нерп, в бухте Большой Медвежьей — в 50 и 100 метрах от берега — четыре, в южной части Жупановского лимана — три, в низовье реки Жупановой на протяжении пятнадцати километров было насчитано тридцать нерп» [23, с. 161—163].

Что же касается употребления «морских овощей и фруктов», то, скорее всего, происходило это попутно и, преимущественно, во

время движения по юго-западному берегу полуострова. Да и то лишь потому, что в это время здесь уже лежал снег, перелётные птицы улетели на юг, а морские звери уплыли в более укрытые от ветров места. И, следовательно, промыслять охотой и рыбной ловлей стало многим труднее. Но самое главное потому, что здесь местные жители уже отселились с самого побережья в свои зимние жилища, отстоящие на десять-пятнадцать километров и более от морского берега, как делали они это испокон веков по причине сурового климата и отсутствия (в отличие от восточного берега полуострова) на прибрежной низменности леса (дров). Добираться же по выпавшему снегу до этих острожков было трудно, тогда как путь по пляжу, где снег смывался волнами во время прилива, не представлял особых затруднений.

Ну и последнее соображение на эту тему. Не надо забывать, что, описывая своё путешествие начальству, казаки (и не только отряда Р. Преснецова) всегда бессознательно вспоминали самое характерное («морские овощи»), с одной стороны, и сознательно же преувеличивали некоторые (нехватка пищи) трудности, пусть бы даже и немалые, с другой. Но и только.

В связи со всем изложенным, ещё раз отмечу, что хотя постоянные оговорки, дополнения и отвлечения от темы и перегружают текст, однако они помогают понять суть и логику поступков как казаков, так и комментаторов их похода. Понять, в частности, что камчатские картографы, рисуя путь отряда Р. Преснецова от устья реки Халактырки («шестая река Налахтырь») до «дву на десятой реки» через горло Авачинской губы, проявили чисто школярский пиетет по отношению к Б. П. Полевому.

И в самом деле, восприняв утверждение маститого историка о том, что казаки, следуя по восточному побережью, питались почти исключительно продуктами моря за непреложный факт, они решили, что и от Халактырки казаки, дабы иметь пищу, должны были следовать вдоль морского берега, а для этого каким-то образом переплыть горло Авачинской губы. Не дав себе труда задуматься при этом над тем, что даже сытые и полные сил казаки ни в коем случае не стали бы переправляться через морской пролив, шириной более двух с половиной километров, с сильными течениями и подводными камнями на углых плотках или лодках аборигенов. И забыв при этом о том, что после Авачинской губы казаки за два, примерно, месяца преодолели путь до Курильского озера и от последнего до Верхнекамчатска общей длиной около восьмисот километров. Из которых только незначительная часть

приходится на морское побережье. Не говоря уже о том, что обратный путь казаки проделали по уже устоявшемуся снегу.

Так что не преодолевали казаки горла Авачинской губы. Да это им и не нужно было делать, ибо, как пишет об этом Б. П. Полевой, и я с этим согласен, от реки Халактырки казаки прошли по тропе до того места на «седьмой» реке Аваче, где (ниже нынешнего Елизово) существовал постоянный переезд через эту реку. И прошли, скорее всего, даже не заходя в ительменский острожек Аушин, стоявший на берегу Ниакиной бухты.

От указанного переезда казаки по тропе, огибающей болота и множество русел и проток низовий рек Авачи и Паратунки, вышли к «восьмой реке», к реке Паратунке.

И вновь позволю себе попутное отступление. Как указывает С. П. Крашенинников: «Паратун речка вышла с левой стороны верстах в десяти из болот и в том месте, где к ней приехали (а ехали к «тому месту» от реки Авачи. — В. Б.), в Купху реку впадала» [16, с. 652]. То есть, Паратункой он называл современную речку Тихую, ибо никакой другой реки в этом месте просто нет. И это означает, что нынешнюю реку Паратунку следовало бы именовать рекой Купхой (Купкой). Ибо, что чуть далее С. П. Крашенинников дополняет: «Купха река, шириною сажен тридцать, вышла верстах во стах из хребта и от переезду верстах в пяти в Авачинскую губу тремя устьями впадала. Против переезду сей реки на правом берегу есть иноземческой острожек Паратун называемый» [16, с. 652]. А это полностью соответствует описанию современной реки Паратунки.

От Паратун (Карымчина) острожка, который стоял в пяти верстах от устья реки Купхи (нынешней Паратунки), на правом её берегу, напротив впадения в неё реки Паратунки (нынешней Тихой), казаки направились к бухте Тарьинской (ныне Крашениникова). От Тарейна острожка отряд сначала направился к бухте Безымянной, лежащей за воротами Авачинской губы, затем к озеру Большой Вилюй, расположенному в устье одноимённой («девятой») реки, и уже оттуда вышел к озеру Малый Вилюй, приуроченного к устью одноимённой же («десятой») речки. От этого озера казаки прошли, последовательно, до Малой Саранной («одинадцатой») и Большой Саранной («двенадцатой») речкам. Где они и столкнулись с «курильскими мужиками» во главе с тойоном Икако Датекукакулом.

Кстати, как много, оказывается, знали служивые люди, назвав этих людей «курильцами», а не ительменами. А кстати потому,

что ещё до прихода на юго-восточное побережье казаки уже знали о существовании такового народа. И, значит, уточню лишний раз, и представляли, куда они идут.

Итак, следуя от бухты Тарьинской вдоль юго-восточного побережья казаки, по моему мнению, смогли дойти только до реки Большой Саранной. Ибо до этой реки их путь пролегал через пологие и низкие перевалы между бассейнами рек Большой и Малый Виллюй, между Малым Виллюем и Малой Саранной, а также между последней и Большой Саранной. А вот с южной стороны долины реки Большой Саранной перед ними непреодолимой преградой встал высокий (до восьмисот метров) горный кряж, выходящий к океану одним сплошным обрывом высотой до двухсот пятидесяти метров. Тем более непреодолимой, что остальные его крутые, и сплошь заросшие стлаником, склоны уже были наполовину покрыты снегом.

Впрочем, для прояснения ситуации, тут следует вновь припомнить климатические особенности региона на тот период. Дело в том, что описываемое время на полуострове — это начало максимума «малого ледникового периода», который, в отличие от Западной Европы, где он пришёлся на 1645—1715 гг. [3, 8, 35], запаздал на Камчатке на 150—200 лет.

Кстати, запаздывание максимума «малого ледникового периода» при движении от Гренландии на восток прекрасно объясняет тот факт, что викинги на юге этого острова уже вымерли (уехали), а русские ещё 150—200 лет продолжали навещать Грумант (Шпицберген). И что если ещё в 1648—1680 гг. казаки плавали, пусть и не каждый год, от устья Лены и Колымы до реки Анадырь и обратно, то после 1700 г. о таких плаваниях ничего неизвестно. Во всяком случае, не в пример куда более лучше оснащённому и специально для этой цели — проходу от устья Лены до устья Анадыря и далее к Камчатке — снаряжённому отряду П. Лассиниуса Второй Камчатской экспедиции в 1735 г. удалось добраться только до реки Хараулах, где во время вынужденной зимовки многие участники отряда, в том числе и сам П. Лассиниус, погибли от цинги.

Но продолжу тему камчатского «малого ледникового периода». В Альпах, во время максимума этого периода, снеговая линия располагалась на двести метров ниже современной. С учётом того, что Камчатка страна скорее океаническая, нежели приокеаническая, да к тому же гораздо более холодная, чем Швейцария, снеговая линия на полуострове в начале XVIII в. была метров на

двести-триста ниже, чем в наше время. Соответственно и лето наступало на две-три недели позже, чем сейчас, а зима приходила на те же две-три недели раньше. А потому и первый снег на вершинах гор в районе Авачинской губы выпадал не 20—25 сентября, как в наши дни, а числа 5—10-го. И опускался он до верхней границы леса (до 400—500 метров, а не до 600—700, как в настоящее время) не в середине — конце октября, как ныне, а в конце сентября — начале октября.

Но это означает, что коль скоро поход Р. Преснецова начался, по нашему стилю, в начале сентября, то через 35—40 дней, когда казаки предприняли попытку продвинуться от Авачинской губы к югу, снег на окружающих её горах лежал уже на высоте около четырехсот метров, а возможно и ниже. И именно вот это — раннее выпадение снега — обстоятельство, наряду с крутизной самих горных склонов и отсутствием троп далее к югу (о чём казаки узнали из расспросов курил, которые к устьям рек юго-востока полуострова приплывали на байдарках), вынудило казаков вернуться к Паратунскому острожку и последовать далее к югу через долины рек Авачи, Коонам (Корякской) и Большой (Плотниковой).

Почему по реке Аваче, а не по долине реки Лево́й Быстрой, как иногда считают местные краеведы, по которой от Паратун острожка до реки Плотниковой многим ближе? Да потому, что трудный, без тропы перевал между истоками рек Лево́й Быстрой и Плотниковой, высотой около пятисот пятидесяти метров, также уже был укрыт снегом. Потому, что казаки действительно нуждались в продовольствии, запасы которого могли пополнять только за счёт местных жителей. И, наконец, потому, что главной целью их похода было объяснение аборигенов, которые обитали не в горах, а исключительно по берегам нерестовых рек и озёр.

Кстати, никогда, добавлю для ясности, не проезжал по долине реки Лево́й Быстрой и С. П. Крашенинников, хотя местные краеведы и историки также иногда прорисовывают [9] его маршрут к Паратун острожку по этой реке. Этот обстоятельный студент всегда проезжал к Паратунке через Начикинский острожек на реке Плотниковой (Большой), острожек Шиякокуль на реке Корякской (Коонам), острожек Имашху на реке Пиначёва (река Имашха) и острожек Кыттынан на реке Аваче [5].

К сказанному остаётся добавить, что во времена С. П. Крашенинникова многие из ительменских острожков (например, острожек Шаман, расположенный в устье реки Коонам — Корякской) были либо разрушены полностью, либо население в них сократилось

более чем наполовину во времена подавления бунтов местных жителей. И, наоборот, на момент похода Р. Преснецова все эти острожки (и, скорее всего, ещё много других стоянок аборигенов, в том числе, например, и на подходе к озеру Начикинскому) были целы и сравнительно многолюдны. А, значит, казакам было, где остановиться, отдохнуть, расспросить про дорогу и, разумеется, запасться пищей.

Следуя по реке Корякской, казаки, через пологий и низкий (около 380 метров) перевал, вышли к реке Большой (Плотниковой). А затем, по тропе, проходящей мимо озера Начикинского (урез воды которого находится на высоте 348,8 метра), проследовали к реке Сарайной. Так как, во-первых: «Путь из бассейна реки Начики в бассейн реки Банной в этом направлении не требует подъёма на перевал, а только спуска долиной Сарайной реки» [10, с. 125]. И так как, во-вторых, перевал между реками Уздач и Халзан, через который проходила ещё одна тропа от Начикинского острожка к Апачинскому острожку, по причине своей довольно большой — 668 метров — высоты, уже был засыпан снегом.

По долине реки Сарайной отряд вышел в долину реки Банной в 25—26 километрах ниже Большебанных горячих источников. Откуда, подчеркну, до реки Большой казакам оставалось пройти всего 24—25 километров. Подчёркиваю же я это обстоятельство потому, что казаки, достигнув реки Банной, никак не могли последовать вверх по ней в обратном от их общего маршрута направлении. Тем более не могли, что в верховьях реки Банной к тому времени уже лежал глубокий снег, а тропы к этим источникам не было, так как ительмены обычно обходили горячие источники, почитая их обиталищем злых духов — гамулов.

«Ительмены боятся как всех высоких гор вообще, так в особенности — гор дымящихся и огнедышащих, а также всех горячих ключей, — пишет Г. Стеллер по этому поводу, — поэтому-то, будучи проводниками, они и избирают путь по самым опасным местам, то есть по косым горам, исключительно с целью не проходить поблизости от того, что страшит их: они твёрдо верят, что в таких местах и поблизости от них живут духи, так называемые “гамулы” (“камулы”). Известны примеры, когда ительмены охотно отдавали всё, что имели, лишь бы откупиться от обязанности быть проводниками; если же случилось, что от них настойчиво требовали исполнения этой обязанности, то они вскоре после этого умирали со страху перед измышлением своего воображения» [34, с. 45].

Вот тут-то и наступил самый, пожалуй, острый момент во всём нашем повествовании. В том смысле, самый острый, что все приводимые выше подробности, как и многочисленные отступления по поводу физико-географический условий того времени, лишают предположение Б. П. Полевого об открытии казаками отряда Р. Преснецова Большебанных горячих источников всяческого смысла. Не слишком ли громко сказано? Отнюдь.

Дело в том, что сам историк по этому поводу пишет так: «Выяснилось, что ещё 24 декабря 1707 г. в Якутске, при воеводе Ю. Ф. Шишкине были записаны рассказы трёх якутских казаков, которым довелось побывать на полуострове Камчатке. Один из них — казак Родион Преснецов — и смог первым из русских сообщить о нескольких открытых им гейзерах. Приводим этот интереснейший рассказ по копии, снятой в Якутске в 1737 г. для историка Сибири Г. Ф. Миллера» [25, с. 120].

Вот эта выписка: «...за Камчатскою рекой вдаль, ходом в дву неделях, на вершинах Большой реки, а в иноземческом названии та река Кикша, три речки Розсошные, от которых на одной реке с левой стороны на берегу на ровном луговом месте меж камня идут ключи многия тёплых вод и те ключи бьют вверх в колесо и выше. И вода вниз зело горяча и около тех ключей вода горячая течёт ручьями в ту реку Розсошную, и тою рекой вниз на версту и больше пить той воды за горячестью, не положа в неё снега, не мочно, а ниже того пойдёт та вода холоднее и светла, и пресна, и на тех ключах был и видел их он, вышеописанной казак Родион Преснецов. А от тех тёплых вод, за тою Большой рекой ещё видел ходом в двух же неделях за четырьмя реками немалыми близко иноземческого вышеописанного Курильского острожка в полуднице с обе стороны речки малой с берегов и ровных мест воды большими ключами бьют кипятком вверх в сажень, а шириною, в тех ключах откуда та вода бьёт, окна обрешют, а иные и меньше и текут в ту речку, а тою речкою до большой реки десятины с три зело горячи ж, питии не можно и ту де горячую воду черпали они служивые люди и в посудинах ту воду клали рыбу и та рыба сварилась без огня, и в той большой реке та вода равняется с обычною водою. А около тех горячих ключей земли тёплой десятины с пять и больше и зимою на той тёплой земле снег не держится, а от ключей идёт пар многой» [2].

Извините за повторное цитирование, но оно, в данном случае, просто необходимо. Поскольку именно отталкиваясь от этого

свидетельства казаков, Б. П. Полевой делает следующий вывод: «На основании первой части тех же «скасок» трёх служивых людей, бывавших на Камчатке, выяснилось, что Родион Преснецов с подчинёнными ему казаками мог посетить оба эти района ещё в ноябре-декабре 1703 г. Это означает, что именно настоящая группа русских служилых людей по праву может считаться первооткрывателями термальных источников как на реке Банной (Бааню), так и на Паужетке...» [25, с. 120].

Однако предположение это, в части, касающейся горячих источников, расположенных в верховьях реки Банной, в корне неверно. Дело в том, что упоминание о снеге, без которого «воду из горячей реки пить не можно», говорит лишь о факте его выпадения в районе горячих ключей на момент пребывания там казаков, но вовсе не о том, что этими ключами были именно Большебанные источники.

И действительно, ко времени выхода отряда Р. Преснецова в долину реки Банной (а это, напомним, произошло в конце октября — начале ноября по старому стилю, или в начале — середине ноября по нашему времени), снег на юге полуострова мог выпасть уже не только в горах, но и в устьях рек. Вот что, например, пишет по этому поводу В. Л. Комаров: «Снег в Петропавловске выпал впервые в эту (1908 г. — В. Б.) осень 13 октября и быстро стаял; 15 октября выпал снова, более обильный, но на следующий снова растаял» [10, с. 377]. Да и в наши дни такое также случается нередко. Например, в 2008 г. первый снег в Петропавловске выпал 21 (9 по старому стилю) октября.

Но выпадение первого снега на уровне моря означает, что во внутренних районах полуострова постоянный снежный покров опустился до трёхсот-четырёхсот метров над уровнем моря. А то и ниже, как это случилось, например, в том же 2008 г., когда постоянный снежный покров в средней части долины реки Авачи, на высотах от двухсот до двухсот пятидесяти метров установился 21 (9 по старому стилю) октября. И это, замечу, во время глобального потепления, а не ледникового, пусть и малого, периода. Так что к моменту выхода казаков в долину реки Банной (не ранее середины октября по старому стилю) снег вполне мог лежать уже в самой нижней части её долины. Ну, а в районе Большебанных источников, расположенных на высоте около 415 метров, и вовсе установился мощный снежный покров. Что, без сомнения, воспрепятствовало бы продвижению казаков к названным ключам, даже если бы они и захотели это сделать. Впрочем, казаки и не могли

захотеть это сделать, ибо они просто-напросто не знали о существовании Большебанных ключей, как не знали они и о существовании Начикинских горячих источников, хотя и прошли мимо последних всего лишь в нескольких километрах.

Не мог отряд выйти к Большебанным источникам и через перевал высотой более шестисот метров, который лежит на пути между озером Начикинским и истоками реки Банной. Не мог, поскольку тропы через него не было. Это уже многим позже, когда обрусевшее население Начикинского острожка стало достаточно активно пользоваться термальными водами Малых Банных источников для лечения сифилиса, к ним через этот перевал была проложена убогая тропка [24]. А тогда местное население если и посещало район перевала, то лишь ради охоты на снежных баранов. К тому же во время выхода отряда Р. Преснецова в долину реки Плотниковой этот перевал уже был укрыт снегом. Не говоря уже о том, что на подходе к нему не было ни леса, ни кустарников (вспомним, границы лесной и кустарниковой растительности во времена «малого ледникового периода» были метров на триста ниже современных), столь необходимых для оборудования бивака и поддержания костра в течение всей ночи.

Так что, скажу окончательно, отряд Р. Преснецова к западному побережью мог следовать только по тропе, которая после спуска с Начикинского перевала выходила к Начикинскому озеру, проходила вдоль него к реке Сарайной (высота очень пологой седловины между которыми не превышает сорока метров), и по долине последней выходила к тому месту, где река Банная вырывалась из гор в долину реки Большой. И это однозначно говорит о том, что единственными горячими источниками, которые могли им встретиться на пути, были Апачинские ключи.

Действительно, Апачинские источники располагаются на левом берегу реки Шиковой, текущей в этом месте параллельно реке Банной на расстоянии всего лишь четырех-пяти километров от последней. А поскольку реки Халзан и Сарайная, по долинам которых проходили прямые тропы от Начикинского перевала к Апаче, одним общим руслом впадают в реку Банную в одиннадцати-двенадцати километрах выше Апачинских источников, то отряд казаков, следуя далее по слившейся воедино тропе, идущей мимо ключей, вышел прямо на них.

И всё же самым весомым аргументом против гипотезы об открытии отрядом Р. Преснецова Большебанных источников является более чем существенная разница в морфологическом

и геологическом строении той и другой групп горячих ключей. К описанию которых я и перехожу.

Спустя тридцать четыре года после похода отряда Р. Преснецова, С. П. Крашенинников, располагая и временем, и возможностями (то есть, имея в своём распоряжении нарты с каюрами), специально отклонился от прямого пути к Начикам на 25—26 километров в сторону, чтобы описать Большебанные источники. При этом он проскочил мимо Апачинских ключей, о существовании которых не знал — во всяком случае, нигде и ни разу о них не упоминал.

И вот что он пишет о Большебанных источниках: «Ключи, которые находятся при речке Бааню, почти ничем от Пауджинских не разнятся. Они бьют по обеим сторонам объявленной речки. И понеже на южном её берегу высокая площадь, а на северном каменной утёс над самую речкой, то горячие ключи южного берега текут речками в Бааню, а из утёса с кручины прямо в речку падают, выключая один ручеёк, который в саженях восьмидесяти от тех ключей находится: где горы от реки отдаляются, ибо от устья его до вершины сорок пять саженей расстояния.

Между ключами, которые на южном берегу находятся, примечания достойно местечко, откуда бежит исток, ибо там бесчисленное множество скважин различной ширины в диаметре, из которых вода бьёт в верх аршина на два с великим шумом» [17, с. 182].

То есть, как можно видеть из этого описания, на Большебанных источниках присутствует высокий и крутой обрыв (утёс) над рекой, какового нет на Апачинских ключах, где над ровной луговой поверхностью незначительно выступает лишь несколько камней. Зато на Большебанных источниках нет длинной, «с версту», горячей речки, «воду которой пить не мочно». Нет, хотя С. П. Крашенинников и отметил на своём плане «речку студёную, которая от горячих ключей нагревается», а также наличие множества мелких горячих ручьёв («речек»), текущих в реку Банную [17, с. 182]. Да и высота Большебанных гейзеров (аршин равен 71,12 см), указанная С. П. Крашенинниковым, также не соответствует (в три раза выше) данным Р. Преснецова. Так что, получается, Р. Преснецов и С. П. Крашенинников описывают совершенно разные природные объекты.

А вот что пишет об Апачинских источниках В. Л. Комаров, посетивший их в 1908 г.: «Речка горячих ключей, которые мы собираемся посетить, течёт в реку Сику (Шикову. — В. Б.)» [10, с. 148]. И продолжает: «Пройдя вдоль реки Банной около десяти вёрст, наша тропа повернула направо, западнее, пересекая широ-

кую полосу березняка, затем большую луговую тундру, имевшую форму плоской речной долины (очень изглаженное русло, вероятно реки Банной), затем полосу талов, затем опять узкую луговую тундру и ручеек в середине её и опять вошли в березняки. Идя которыми в семь часов вечера дошли до края долины Горячей речки, текущей среди широкого луга, обрамлённого старыми красивыми берёзами. Здесь на опушке леса мы и заночевали, пройдя от Апачи четыре часа. Что соответствует приблизительно шестнадцати верстам» [10, с. 149].

А чуть ниже дополняет: «Горячие Апачинские ключи расположены среди небольшой, но широкой лесной луговины, наклонённой на восток к долине реки Сику (Шиковой. — В. Б.). У головного ключа среди луга несколько крупных чёрных пузыристых камней» [10, с. 149].

Но разве не повторяет это описание, если не слово в слово, то по существу, описание Р. Преснецова? И разве не означает это, что казаки на самом деле открыли не Большебанные, а Апачинские источники? По моему мнению, ответы на эти вопросы могут быть только утвердительными. Особенно если помнить, что к Апачинским ключам и далее отряд В. Л. Комарова следовал по тропе, проложенной от Апачи до Начик.

Впрочем, продолжим наши изыскания. Спустя ещё четверть века, говоря про Апачинские источники, Б. И. Пийп писал: «Апачинские горячие источники находятся в долине реки Сику, примерно в шестнадцати километрах на ВЮВ от селения Апачи, с которыми они соединены тропой. Река Сику является правым притоком реки Карымчиной, впадающей в реку Плотникову слева, ниже селения Апачи.

Впервые упоминает их и помещает на своей карте К. Дитмар. Первым из исследователей их посетил в 80-х годах прошлого столетия д-р Дыбовский, который даёт их описание, а К. Шмидт приводит сделанный им химический анализ. После этого они были посещены и кратко описаны В. Л. Комаровым в 1908 г. и Э. Гультемом в 1920—1921 гг.

Река Сику (по Дыбовскому — Сикулка) течёт здесь в широкой едва выраженной лесной долине, отделённой от параллельной ей с севера долины реки Банной лишь плоским, незаметным, лесистым водоразделом. Ключи выходят на левой стороне долины, располагаясь вдоль тёплого ручейка. Ключевая площадь, имеющая вид голого каменистого места, находится среди небольшого луга, окаймлённого красивым берёзовым лесом.

Среди большого количества мелких ключей выделяются два главных ключа, расположенные в нескольких метрах друг от друга. Из них вытекает очень много горячей воды, и они дают начало тёплому ручью, вдоль которого располагаются остальные более мелкие выходы. Температура воды в этих главных ключах по разным исследователям достигает 70—70,5 °С» [24, с. 69—70].

Итак, Б. И. Пийп не знал (да и не мог знать), что самыми первыми из русских людей на Апачинских источниках побывали казаки отряда Р. Преснецова. Но зато он прекрасно знал, чем они отличаются от Большебанных: «Большебанные источники известны примерно с 1737—1749 гг., когда их впервые посетил и описал С. Крашенинников. После Крашенинникова на них побывали: д-р Дыбовский в 1881 г., д-р Слюнин в 1889 г., Е. Гультен в 1921 г. и П. Т. Новограбленов в 1924 г.» [24, с. 78].

«Место, где находятся источники, чистое, луговое. Река здесь сильно подмывает правую, довольно высокую коренную террасу, образуя обрывистый правый берег. Левый берег более низкий и имеет слегка бугристую поверхность. Источники раскиданы преимущественно по левому берегу реки; меньшая часть их, и при этом более слабые, выходят на правом берегу. Высота выхода терм около четырёхсот пятидесяти метров над уровнем моря» [24, с. 78].

«Термальная площадь описываемых горячих ключей почти вся располагается на левом берегу реки Банной. Вытянута она примерно на один километр. В отличие от выше и ниже лежащих участков долины место здесь чистое, луговое» [24, с. 80—81].

«По форме выхода и характеру деятельности здесь можно выделить следующие типы ключей: 1) бьющие (до 25 см в высоту), 2) маленькие слабо сочащиеся, 3) угасшие гейзеровые бассейны и 4) грязевые котлы.

Температура наиболее сильно бьющих (до 25 см высоты) ключей колеблется от 94,5 до 97 °С» [24, с. 82].

К сказанному остаётся добавить, что спустя полвека после Б. П. Пийпа Большебанные источники активно посещались туристами [33] и пристально изучались учёными [12], которые также отмечали наличие множества (до пятисот) мелких горячих источников. Приметили они и то, что значительная часть из этих источников сбрасывает свои воды в небольшой, длиной всего около четырёхсот метров, ручей «Тёплый», единым руслом, длиной не более ста пятидесяти метров, впадающий в реку Банную. Однако упоминаний о длинной «горячей речке», воду из которой «пить не мочно», ни теми, ни другими не приводится.

Ничего похожего на «Горячую реку» нет и в данных специальных научно-производственных исследований, проводимых на Большебанных источниках в 1961—1969 гг. [14, 15] при разведке гидротермального месторождения Большебанных источников.

Вторят им в этом и современные исследователи. «На сегодня известно множество горячих и пульсирующих источников, грязевых и паровых котлов, прогретых площадок, почвы которых резко выделяются отсутствием на них высокорослой растительности», — пишет, например, О. В. Соболевская [32].

«Большебанные источники приурочены в основном к левому берегу реки Банной, к участку, где долина реки расширяется и имеет относительно ровное и плоское дно. Горячие источники прослеживаются вдоль реки на протяжении примерно полутора километров. Их выходы есть в пойме, на террасах и у самого уреза воды. Температура воды в источниках колеблется от 20—30 до 90—98 °С», — дополняет её В. Л. Леонов с соавторами [20], ни словом не упоминая при этом о наличии «Горячей реки» как таковой.

Так что, говоря окончательно, Р. Преснецов действительно описывал не Большебанные, а Апачинские термальные источники. И это остаётся только признать.

Впрочем, все эти многочисленные ссылки понадобились мне не столько даже для того, чтобы показать ошибочность утверждения Б. П. Полевого, сколько для того, чтобы проиллюстрировать чрезвычайную скорость изменения ситуации на термальных источниках. То есть для того, уточню, чтобы показать, что гейзеры на Апачинских источниках, на наличие которых указывал Р. Преснецов, перестали существовать уже к середине XIX в., если не раньше. А тем самым окончательно убедить моих читателей в том, что отряд Р. Преснецова действительно открыл Апачинские горячие источники.

Но может ли ситуация с гейзерами меняться с такой быстротой? Вполне. Во-первых, само по себе наличие у Апачинских источников «Горячей реки» позволяет говорить о возможности существования здесь в начале XVIII в. небольших («в колено») гейзеров. Как позволяет говорить об этом и температура воды этих источников, которая даже в наши дни на выходе из грифонов, расположенных в четырёх углублениях шириной до четырёх и глубиной до двух метров, достигает +78 °С. А, во-вторых, у нас есть наглядный пример тех же Большебанных источников, где гейзеры существовали ещё в конце XIX в.

Да и вообще, исчезновение и появление гейзеров относится к разряду хотя и редких, но вполне нормальных явлений. Так, в 1996 г. в районе Карымского вулкана произошло двойное (из его кратера и со дна озера) извержение, которому предшествовало сильнейшее землетрясение. В результате чего на берегу Карымского озера образовалось семь новых групп термальных источников и один небольшой, с выбросом струек воды на 50—70 см («в колено»), гейзер, а в целом гидротермальная деятельность в районе Карымского вулкана усилилась едва ли не на порядок [6].

И наоборот, не исключается, что совершенно обратное произошло с Паужетскими гейзерами, когда в 1737 г. в районе северных Курильских островов произошло землетрясение силой до 10—11 баллов. Ибо посетивший Паужетку на следующий год С. П. Крашенинников отметил: «Ключи бьют во многих местах, как фонтаны, по большей части с великим шумом, а в высоту на один и полтора фута» [17, с. 179]. А так как один фут равен 30,48 см, то вряд ли приходится сомневаться в том, что после этого землетрясения, сила которого в районе Паужетки достигала, как минимум, восьми баллов по шкале Рихтера, режим гейзерной деятельности изменился более чем существенно. Во всяком случае, высота их выброса уменьшилась с двух метров до полуметра. Если, конечно же, данные Р. Преснецова соответствовали действительности.

Ну и, наконец, ещё одно, пусть и косвенное, свидетельство в пользу предположения об изменении режима гейзеров. «В одном месте на левом берегу Паужитки есть место, представляющее зачаток гейзера. Через правильные промежутки времени, около 27 минут, происходит вскипание, около минуты брызжет и выливается струей кипящая вода, затем с каким-то ухающим звуком вода сразу исчезает в глубине щели, камни, образующие русло, быстро обсыхают, и только глухие подземные удары, становящиеся всё реже и постепенно приближающиеся, указывают на повышение воды в жерле. Незадолго до вскипания в щелях между камнями показывается вода. Я разобрал часть валунов и расчистил небольшой бассейн в метр диаметром и три четверти метра глубиной, и период сразу уменьшился до 15 минут, а ряд измерений температуры в образовавшемся бассейне вполне совпал с тем, что наблюдается у типичных гейзеров», — делится своим опытом по расчистке горячего источника С. А. Конради [13].

То есть, добавлю от себя, стоило только чуть-чуть прочистить самую верхнюю часть выхода, как режим функционирования источника заметно изменился. Что уж тут говорить о землетрясе-

ниях, способных кардинальным образом разрушать или засыпать подводящие каналы термальных источников, или, наоборот, расширять старые и создавать новые выходы для термальных вод.

Что же, замечу попутно, касается эффекта «вскипания» воды в гейзерах, то это происходит не столько по причине обязательно нагревания воды до температуры кипения, сколько в результате сброса давления в выводном канале вслед за начавшимся излиянием воды после переполнения этого канала. В результате чего газы и пар, содержащиеся в воде, не вскипают в прямом смысле этого слова, а «вспениваются», подобно тому, как вспенивается шампанское при открытии бутылки.

То есть, уточню, поскольку в основе такого вот «вскипания» лежит механизм «газлифта», то температура кипения для образования гейзерного режима вовсе необязательна. К примеру, температура воды в тех же источниках Академии наук спустя четыре месяца после начала извержения составляла всего $+68^{\circ}$, через три месяца она поднялась до $+87^{\circ}$, спустя ещё три месяца снизилась до 80° , ну а все последующие годы колебалась от $+75^{\circ}$ до $+82^{\circ}$ [19]. Однако указанный «гейзерок» всё это время действовал с завидным постоянством.

Ну и ещё одно свидетельство в пользу верности предположения об угасании деятельности горячих ключей вообще и гейзеров в первую очередь. Вот что пишет Б. И. Пийп об исследованных им Большебанных источниках: «Сравнивая данные наших наблюдений с описанием Крашенинникова, мы приходим к выводу, что активность ключей за эти десяти лет значительно уменьшилась. Крашенинников, например, отмечает, что тогда в отдельных местах ключевой площадки существовало “бесчисленное множество скважин различной ширины в диаметре, из которых вода бьёт вверх аршина на два с великим шумом”. Теперь уменьшилось не только количество таких ключей, но и сила напора их. Если верить сообщению старосты селения Начики Ю. Мерлина (приведено у Дыбовского), то ещё недавно, в 1882 г., высота нового бьющего ключа достигала три фута, а толщина столба воды была равна толщине человеческого тела. Но это, наряду с тем провалом в 1889 г., о котором говорит д-р Слюнин, по-видимому, были последними вспышками замирающей деятельности ключей гейзерового типа» [24, с. 89].

Таким образом, всё сказанное убедительно подтверждает моё предположение о том, что в 1703 г. на Апачинских горячих ключах вполне могли быть гейзеры вышиной до колена. И этот вывод,

наряду со всеми приводимыми ранее аргументами за и против, означает, что отряд Р. Преснецова на самом деле посетил не Большебанные, а Апачинские горячие источники. И что первым из русских на Большебанных источниках побывал С. П. Крашенинников, который, к тому же стал и первым их описателем и исследователем.

Впрочем, всё это ничуть не умаляет заслуг казаков в деле открытия и освоения Камчатки. А в целом, добавлю, осознание этого факта лишний раз побуждает нас задуматься над тем, что наши знания об истории того времени нуждаются в уточнении, а наши представления о ситуации тех далёких лет — в закономерной корректировке с неизменным учётом реальной ландшафтно-географической обстановки соответствующего времени.

Что же касается дальнейшего маршрута отряда Р. Преснецова, то после посещения Апачинских источников казаки проследовали до озера Курильского, где они, открыв по пути Паужетские термальные источники, столкнулись с проживающими там воинственными курилами. Вследствие этого, пусть бы даже и не приведшего к прямому вооруженному конфликту, противостояния, а также по причине быстро устанавливающейся зимы, казаки повернули назад, к Верхнекамчатску. Причём, надо полагать, весь путь от озера Курильского до Верхнекамчатска занял у них не более сорока дней. Так как им уже не надо было отыскивать дорогу в незнакомых местах. И так как им непременно нужно было принести собранный ясак ко времени отбытия Т. Кобелева в Якутск. Что они и сумели сделать.

Таким образом, заканчивая описание маршрута отряда Р. Преснецова, я вновь вернусь к изначальной мысли о том, что обращение к уже известной теме далеко не всегда означает простое повторение ранее сказанного. Вспомним, например, об искусстве, в основе которого лежат не то тридцать три, не то тридцать шесть сюжетов. Всего только, но сколько легенд, сказок, мифов, драм, пьес, опер, стихов, поэм и книг было сочинено на их основе. Сколько скульптур, картин и рисунков отображают те или иные перипетии всё тех же сюжетов. Не говоря уже о том, что за всё время существования цивилизации каждый из семидесяти миллиардов живших когда-то землян хотя бы однажды соприкоснулся в своей жизни с коллизией, в той или иной степени повторившей один из этих сюжетов.

Что же касается обильного цитирования, частых отступлений и, отсюда, большого объёма статьи, то это, на мой взгляд, вполне закономерно. Ибо для обнародования факта «открытия» Больше-

банных источников отрядом Р. Преснецова, достаточно было всего лишь привести выдержку из соответствующих «Скасок». А вот для того, чтобы показать, что это не так, потребовалось провести множество контраргументов. И не исключено, что понадобится ещё не единожды возвращаться в этой теме, дабы переубедить инакомыслящих. Не говоря уже о том, что наиболее «упёртых» из них переубедить вряд ли получится вообще.

Всего один, для наглядности, пример. Вот уже двадцать лет я пытаюсь доказать издательству «Советской», а ныне «Российской энциклопедии», что площадь Камчатского полуострова равна не 370 тыс. кв. км, как это следует из издаваемых им словарей и справочников, а 270 тыс. Всякий раз я привожу всё новые и новые доказательства в пользу моей точки зрения. Но мне так и не удаётся достигнуть успеха, ибо и до сих пор все выходящие в этом издательстве энциклопедические словари и справочники по географии оперируют цифрой 370 тыс. кв. км.

И это, добавлю, притом, что мною предлагался не только самый простой, но и абсолютно надёжный, способ убедиться в истине. Простой, поскольку надо было всего лишь расчертить карту полуострова на квадраты и посчитать их. И надёжный, поскольку мимо ошибки в 100 тыс. кв. км (в любую сторону) даже при самом сильном желании никак не проскочишь.

Однако, увы, зашоренность взглядов и приверженность мнению авторитетов оказались столь сильны, что мои оппоненты из редакции даже и не помыслили это сделать. А если всё же и сделали, то не решились «уронить честь мундира». Во всяком случае, других причин их нежелания исправить столь вопиющую ошибку я не вижу. Впрочем, почему и как так получается — это уже совершенно иная история. Мне же лишь хочется, чтобы она не повторилась в отношении изложенной здесь интерпретации похода отряда Р. Преснецова.

ИСТОЧНИКИ

1. Активные вулканы и гидротермальные системы Камчатки. Путеводитель научных экскурсий. Петропавловск-Камчатский, 1994. — 225 с.
2. Архив АН СССР, ф. 21. оп 5, д. 73, л. 87 об.—88.
3. *Борисенков Е. П., Пасецкий В. М.* Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. — М.: Мысль, 1988. — 522 с.
4. *Быкасов В. Е.* Открытие Авачинской губы отрядом Родиона Преснецова // Фотоальбом «На самых дальних берегах России». Петропавловск-Камчатский, 2003. — 102 с.

5. *Быкасов В. Е.* Поездки С. П. Крашенинникова по Камчатке // Вопросы истории Камчатки. — Вып. 3. — Петропавловск-Камчатский, 2007. — С. 219—241.

6. *Вакин Е. А., Пилипенко Г. Ф.* Гидротермы Карымского озера после подводного извержения 1996 г. // Вулканология и сейсмология. — 1998. — № 2. — С. 3—28.

7. *Зувев А. С.* Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII вв. — Новосибирск, 2002. — 330 с.

8. *Имбри Д., Имбри К. П.* Тайны ледниковых эпох. М.: Прогресс, 1988. — 264 с.

9. Камчатка. XXVII—XX вв. Историко-географический атлас. М.: Роскартография, 1997. — 112 с.

10. *Комаров В. Л.* Путешествие по Камчатке в 1908—1909 гг. — Петропавловск-Камчатский: Холд. комп. «Новая книга», 2008. — 429 с.

11. *Кондратюк В. И.* Климат Петропавловска-Камчатского. Л.: Гидрометеиздат, 1983. — 167 с.

12. *Кононов В. И., Поляк Б. Г.* Больше-Баннные источники на Камчатке // Гидротермальные условия верхних частей земной коры. М., Наука, 1964. — С. 52—72.

13. *Конради С. А., Келль Н. Г.* Геологический отдел Камчатской экспедиции 1908—1911 гг. // Известия государственного русского географического общества. Т. LVII. Вып. 1. — М., 1925. — С. 3—32.

14. *Краевой Ю. А., Коваленко В. А., Петухов А. Д.* Больше-Банная гидротермальная система на Камчатке. Вулканизм и глубины Земли. — М.: Наука, 1971. — С. 246—253.

15. *Краевой Ю. А., Охаткин В. Г., Серёжников А. И.* Результаты гидробиологических и геотермических исследований Большебанной и Карымчинской гидротермальных систем. Гидротермальные системы и термальные поля Камчатки. — Владивосток, 1976. — С. 179—211.

16. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. М.—Л.: Главсевморпуть, 1949. — 842 с.

17. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. Т. 1. — СПб.: Наука — Петропавловск-Камчатский: «Камшат», 1994. — 438 с.

18. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. Т. 2. — СПб.: Наука, Петропавловск-Камчатский: «Камшат», 1994. — 419 с.

19. *Кузьмин Д. Ю., Андреев В. И., Карпов Г. А.* Спонтанные газы термальных источников кальдеры Академии Наук // Материалы ежегодной конференции, посвящённой дню вулканолога. — Петропавловск-Камчатский, 2007. — С. 227—235.

20. *Леонов В. Л., Рогозин А. Н., Соболевская О. В.* Результаты термометрической съёмки Больше-Баннных термальных источников (Южная Камчатка) // Материалы конференции, посвящённой дню вулканолога. 27—29 марта 2008 г. — Петропавловск-Камчатский, 2008. — С. 197—206.

21. *Леонтьева Г. А.* Якутский казак Владимир Атласов — первопроходец земли Камчатки. — М., 1997. — 192 с.

22. Лодия Берингова моря. Часть I. Восточный берег Камчатки. — М., 1959. — 245 с.
23. *Остроумов А. Г.* Некоторые сведения о численности ластоногих — ларги и акибы в прибрежных водах Камчатки // Вопросы географии Камчатки. — Вып. 5. — Петропавловск-Камчатский, 1967. — С. 161—163.
24. *Пийп Б. И.* Термальные ключи Камчатки. — М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1937. — 268 с.
25. *Полевой Б. П.* Казачья «скаска» 1707 г. о камчатских гейзерах и Ключевской сопке // Вопросы географии Камчатки. Вып. 3. — Петропавловск-Камчатский, 1965. — С. 119—122.
26. *Полевой Б. П.* Кем и когда была открыта Авачинская губа // Норд-ост. — Петропавловск-Камчатский, 1984. — С. 75—81.
27. *Полевой Б. П.* Открытие русскими Авачинской губы и история основания Петропавловска-Камчатского // Камчатка. — Петропавловск-Камчатский, 1989. — С. 201—212.
28. *Полевой Б. П.* Новое об открытии Камчатки. Ч. 2. — Петропавловск-Камчатский, 1997. — 203 с.
29. Российский государственный архив древних актов. Якутская приказная изба, ф. 1697, оп. 3, д. 162, л. 27.
30. Российский государственный архив древних актов, ф. 199, оп. 2, д. 481, ч. 7, л. 174.
31. «Скаска» пятидесятника Владимира Атласова от 10 февраля от 1701 г. // Землепроходцы. — Петропавловск-Камчатский, 1994. — С. 25—30.
32. *Соболевская О. В.* Больше-Банные источники: история изучения, современное состояние // Вестник КРАУНЦ. Науки о Земле. — № 4. — Петропавловск-Камчатский, 2004. — С. 130—135.
33. Справочник туриста. — Петропавловск-Камчатский, 1994. — 228 с.
34. *Стеллер Г. В.* Описание земли Камчатки. — Петропавловск-Камчатский, 1999. — 287 с.
35. *Хотинский Н. А.* Голоцен Северной Евразии. — М.: Наука, 1977. — 198 с.

В. П. ПУСТОВИТ

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Очерки истории гражданской войны
в Охотско-Камчатском крае.

Часть вторая

Вторая, заключительная, часть исследования «бочкарёвщины» (первая опубликована нами в вып. 1 «Вопросов истории Камчатки») содержит солидный пласт архивных документов. Основной принцип автора: максимум свидетельств современников — участников и очевидцев описываемых событий, минимум комментариев к ним и замечаний. Документы воспроизводятся без малейшего вторжения в текст. Ссылки на местонахождение этих материалов ввиду их многочисленности даны лишь в отдельных случаях.

Главная цель исследования: передать, по мере возможности, дух эпохи, очистить её картину от позднейших наслоений. В этом смысле автор выступает в роли историка-реставратора. На большее он не претендует...

ЦЕНА НЕЙТРАЛИТЕТА

Весной и летом 1921 г. Петропавловск ожидал прибытия нового областного комиссара, назначенца Москвы. Он должен был привезти с собой продовольствие, что смахивало на подкуп и (одновременно) на отвлечение населения от сделки, в результате чего Камчатку ожидала судьба Аляски середины XIX в. Возможно, поэтому появление на полуострове бывших белых прошло почти незаметно. Тем не менее, 18 мая облнарревком постановил: «Разрешить беспрепятственный въезд в Петропавловск лицам с определёнными занятиями, состоящим на службе, или определённым к должностям, а равно имеющим годовой запас продовольствия и сверх того не менее 200 долларов, а всем остальным по особым каждый раз разрешениям начальника Народной Охраны (милиции. — В. П.) Петропавловского уезда».

Летом 1921 г. главной обсуждаемой темой в Петропавловске стала грядущая продажа Камчатки иностранцам. На что прямо указывала фамилия ожидаемого комиссара области «Кларк» с подозрительно-русским именем Иван. В июне «Известия Камчатского областного народно-революционного комитета» писали:

«Объясняя мотивы сдачи американцам громадных концессий на Камчатке, Ленин отмечает возможность борьбы с буржуазным капиталом путём применения старого правила — *divide et impera*. Теперь растёт вражда между Америкой и Японией... мы используем это, и предлагаем Камчатку в аренду вместо того, чтобы отдать её даром: ведь отхватила же у нас Япония даром огромный кусок земли на Дальнем Востоке. Нам гораздо выгоднее отдать Камчатку в аренду и получать оттуда часть продуктов, ибо фактически мы её использовать не можем. Договор ещё не подписан, но уже теперь мы углубляем разногласия между нашими врагами».

Сделка между большевиками-интернационалистами и капиталистами-космополитами маскировалась под *аренду (концессию)*. Газета «Камчатская правда» за 21 июля 1992 г. называет сумму, на которой сошлись в 1921 г. председатель Совнаркома РСФСР В. И. Ульянов-Ленин и его заокеанские партнёры: тридцать миллионов долларов. Документы этой, сорвавшейся не по вине большевиков сделки (кроме денег, Северо-Американские Соединённые Штаты должны были признать Советскую Россию и установить с ней дипломатические отношения), глава внешнеполитического ведомства России передал руководству области во время своего визита на Камчатку в 1992 г.

Примечательно, что ленинскую мысль на полтора года опередил один из зачинателей борьбы за власть Советов в Камчатской области (заместитель мирового судьи от облсовета в 1918 г.) Ефим Иванович Кумпан. Что засвидетельствовано в протоколе торжественного объединённого заседания граждан местности Гижиги, состоявшегося накануне дня Октябрьской революции 7 ноября 1925 г.

«Васильев... остановился на деятельности бывшего в 1919 г. предсводена Кумпана, который посылал телеграмму на пост “Святого Павла” и просил американское правительство взять Гижигинский уезд со всеми его богатствами под своё покровительство». Выступившая следом Щербакова уточнила: телеграмма была передана Наяханской радиостанцией, и имелось в виду отдать не только уезд — «всю Камчатку... дабы не могли её взять японцы».

3 декабря 1928 г. в Петропавловскую милицию поступило заявление от гражданки Елены Семёновны Шевцовой о самоубийстве шестидесятилетнего Е. И. Кумпана. Оно было совершено, согласно информационной сводке административного отдела облисполкома, выстрелом из винчестера в рот «при помощи нажима

пальцем правой ноги на спуск». Тело Ефима Ивановича обнаружили по месту жительства в доме № 33 по ул. Ленинской на сундуке около стола.

В милиции уже имелись два документа, где фигурировал указанный дом. В первом значилось: «В третьем часу ночи с 8 на 9 марта Кумпан, возвращаясь из Народного дома, заметил в своей квартире свет. Удивлённый этим обстоятельством, ибо, уходя, оставил квартиру на замке, подошёл к окну и увидел гражданина Г., стоящим возле стола и при свете свечи разбирающим бумаги, сложенные в шкатулке. Заподозрив в Г. злоумышленника, заявитель бросился к входной двери и, навалившись корпусом на неё, стал кричать о помощи, но на крики никто не являлся. Тем временем Г. с силой толкнул изнутри дверь, оттолкнул гражданина Кумпана и побежал вверх по Таможенной улице... В квартире взломан сундук фомкой. По полу разбросаны вещи, бывшие там, разбросаны также бумаги».

Во втором документе речь шла об изнасиловании женщины Иваном (Ефимовичем) Кумпаном и другим молодым человеком, который, чтобы скрыть преступление, выстрелом из винчестера в доме № 33 тяжело ранил сына потерпевшей, в результате чего тот через трое суток, 30 ноября 1928 г., скончался. Следствие не усмотрело связи между этими двумя случаями и трагической смертью самого Е. И. Кумпана.

...Белые в мае 1921 г. приехали на новое место жительства без оружия: ни с кем воевать они больше не собирались. Однако продолжали гордо называть себя каппелевцами в память о своём любимом командире. Одни начинали с ним на Волге в период зарождения их прославленного войска, другие присоединились на Урале и прошли все три тысячи вёрст Сибирского Ледяного Похода... Потом, после гибели генерала, с его именем на устах, отходили всё дальше и дальше на Восток. С помощью каппелевцев был совершён контрреволюционный переворот в столице Приморья. Однако те, кто приехал на Камчатку весной 1921 г., отношения к этому событию не имели — это произошло уже после того, как они покинули Владивосток.

Подпоручика П. В. Новосельцева, одного из «камчатских каппелевцев», призвали на военную службу в 4-й Самарский запасной полк в июле 1918-го, весной следующего года откомандировали во 2-й Самарский полк действующего Волжского корпуса Каппеля в г. Кургане. Воюя в составе этого полка, Новосельцев получил ранение, а когда началось отступление каппелевской

армии, вместе с лазаретом попал на Китайскую Восточную железную дорогу (КВЖД). В феврале 1921 г. около полусотни однополчан организовали на станции Раздольной рыболовную артель. Она занималась промыслом в Уссурийском заливе, Улисе, Парисе и Золотом Роге, рассказывал Новосельцев. «В мае месяце наша артель по устному соглашению выехала... к рыбопромышленнику Демби в Усть-Камчатск. Поехало нас 41 человек. Лето 1921 г. ловили рыбу для Демби. Зимой 1921/22 рубили лес для него же. А в 1922 г. уже начали работать самостоятельно».

Часть каппелевцев образовала в с. Крочи (Николаевке) «коммуна». В неё входили поручики Дмитрий Егорович Лавров, Демичев, Шунько, Колчугин, рядовые Михаил Горбунов, Николай Кочетов, Григорий Вахрин. Остальные «рассосались» по другим населённым пунктам Усть-Камчатской, Ключевской, Нижне-Камчатской и Козыревской волостей.

Согласно советским печатным источникам, в 1922 г. в этих волостях существовало несколько партизанских отрядов, самым крупным считался усть-камчатский. Упоминается также ключевской. Он организовался уже после «спровоцированного при поддержке белогвардейцев мятежа». А во время «мятежа» председатель 2-го Чрезвычайного Петропавловского уездного съезда И. Рябиков и его заместитель И. Ларин телеграфировали усть-камчатскому военному совету: «Для сохранения порядка в Ключах, нарушенного чёрной сотней, примите все меры, вплоть до переброски сил, для подавления, ареста реакционеров и вывоза их в Усть-Камчатск до особого распоряжения».

Вожаком ключевских «реакционеров» был камчадал Василий Кирьякович Брагин, крестьянин 1886 г. р., до 1917 года неумищный. «Благодаря его деятельности и компании (торговцы) в селе произошёл раскол по вопросу признания Советской власти и Белого Правительства Бирича», — вспоминал односельчанин Брагина середняк Ксенофонт Ушаков. «Нас было всего 30 человек, а их 130—140 (Е. И. Попов называл иное соотношение сил: 90 на 140. — В. П.). Вообще он, как бывший учитель, умел говорить, умел влиять на массу, а посему и были у него результаты агитаций».

По словам И. Я. Косицина, инициатива созыва Ключевского волостного съезда 19 апреля 1922 г. принадлежала волостному старшине Василию Филипповичу Ушакову, купцу Петру Яковлевичу Васильеву, бывшему приказчику фирмы Демби Василию Трофимовичу Назаренко, торговцу Евгению Васильевичу Машину и тому же В. К. Брагину. Съезд проходил в школе. Здесь

обсуждали обращение особоуполномоченного Временного Приамурского правительства Х. П. Бирича. Симпатизирующих красным туда не пустили. Они собрались в Народном доме и принялись решать, как и чем поддержать ревком и партизан. Единоличник В. В. Катов говорил, что в этом доме находилось «мало лиц, не более двадцати человек», в том числе Грибов, Моско, Гоценко, Павел Удачин, Иван Емельянович Буянов, Александр Столяров.

В архиве сохранились также свидетельства 1932 г. о съезде двух других его участников В. С. Атласова и П. Е. Черных.

Атласов: «От села Камаки делегатами... были избраны я, Черных Пётр, Расторгуев Василий Автономович и Живонадзе».

Черных: «Съезд проводил Грибов, он в то время в районе торговал от Демби. Из нашего села избрали пять делегатов... Из них Атласов арестован вместе со мной, Расторгуев Алексей и Живонадзе умерли, а Расторгуев Василий сейчас живёт в селении Камаки. На этом съезде было человек сто делегатов, из них помню из села Ключи Ушаков Степан, Селиванов Василий... На съезде с докладом по вопросу не признавать советскую власть выступил Грибов, а также выступали Атласов Василий, Ушаков Степан, Расторгуев Алексей, Машихин Евгений из села Ключи, сейчас арестован, и другие».

Атласов: «Председательствовал на съезде Брагин Василий Кирьякович (арестован ранее), он же делал доклад, о чём он говорил, я не помню, так как на съезд я опоздал».

Черных: «Съезд постановил не подчиняться советской власти... Съезд шёл дня два-три. Вернувшись в село, Расторгуев Алексей сделал жителям доклад о решениях съезда, население также решения съезда приветствовало и постановило организовать, чтобы в нужный момент выступить с оружием в руках против соввласти. Оружие — винчестера у нас у каждого были свои. Кто был выбран на этом собрании старшим, я не знаю... Несколько раз приезжал в село Грибов, который вёл какие-то разговоры с Ключевым, Расторгуевым, Томиловым Фёдором, но о чём они совещались, мне неизвестно. На этом совещании присутствовал Атласов Василий Спиридонович».

В 1932 г. В. К. Брагин показывал в ОГПУ: «В 1922 г. меня общество уполномочило ликвидировать волревком... Ходил и проводил ликвидацию я не один. Вместе со мной было ещё несколько выбранных обществом людей. Как происходила операция по ликвидации волревкома, я сейчас никак не могу вспомнить, также не могу вспомнить, и кто ходил».

Е. И. Попов: «Ворвался со своей бандой в наш волостной комитет. Отобрал печать и все дела».

Справка. В селении Ключи, что располагалось в 660 верстах от Петропавловска и 125 от Усть-Камчатска, в 1920-е гг. проживало свыше 500 жителей, имелось 94 двора: 13 зажиточных, 69 середняцких и 12 бедняцких. Основные источники существования населения (а также селений Ушки, Кресты, Красный Яр, Козыревск) — охота и рыболовство; огородничество и скотоводство — подсобные. «В Ключах, — писал в 1927 г. уполномоченный окрбюро ВКП(б) В. Д. Сквородько, — каждое хозяйство заготавливает в среднем для себя 75 штук чавыч, 150 кижуча, для собак столько же кислого кижуча и до 900 красной».

Историк В. И. Борисов обратил внимание на архивный документ, где противники советской власти в Ключах подразделяются на две группы. «Реакционеры 1 сорта»: Болтенко, П. Я. Васильев, П. И. Бизеев, П. П. Ясиновский, Крупенин, Ширинкин, Зюкер, Абдрахмон Мамин, поп Каргопольцев, Томилов, Зубков, Липский, Копылов (старик), А. Брагин (есть даже «шпион 1 сорта» И. Сотников). «Реакционеры 2 сорта»: П. К. Грюмберг, Е. Ф. Ушаков, Е. Колесов, Е. Л. Рыжов, Е. Т. Назаренко, Зику.

24 апреля 1922 г. Ключевской волостной комитет, избранный на съезде, направил сельскому комитету Камак предписание «не признавать над собою никаких начальников охраны и партизанов и не исполнять никаких ихних распоряжений», а если в селении появятся представители госполитохраны «и будут делать какие-либо насилья или аресты», немедленно обращаться в Ключевскую волмилицию. О непризнании партизанского начальства волостной комитет (председатель В. Ушаков, заместитель Г. Колесов, секретарь Н. Копылов) сообщил облнарревкому. За четыре дня до этого облнарревком был поставлен в известность Ключевским волревкомом, что тот, не осознавая за собой действий, направленных против интересов трудового народа, а также не желая никаких осложнений в нынешний тяжёлый политический момент, принял решение сложить с себя обязанности местной власти.

Но из Усть-Камчатска поступила команда: «...кроме Народно-Революционных комитетов никакой другой власти допущено быть не может, и те, кто не признаёт действительно народно-трудовой власти в лице Камчатского Областного Комитета, будет признан врагом трудового народа, со всеми последствиями по духу военного времени. В том случае, если действительно раздел состоялся, то Комитету следует указать гражданам, что это преступно

и недопустимо, а потому должен быть только один Народно-Революционный комитет, который обязан всемерно поддерживать Камчатский Областной Комитет, как власть, стоящую на защите прав и интересов трудящихся... Настоящее распоряжение предлагаем объявить населению Ключевской волости. Председатель Военного Совета (устькамчатского партизанского отряда. — В. П.) Яворский».

«После начала гражданской войны в поисках спокойной жизни на Камчатку устремляются переселенцы... Поэтому состав населения в с. Ключевском резко меняется как в национальном, так и в имущественном отношении. Волревком состоял из числа, в основном, пришлых людей, а волостное правление из числа уважаемых, как правило, зажиточных камчадалов» (В. И. Борисов).

И. Е. Буянов писал: «Большинство населения, обманутое своими благодетелями, пошло за сторонниками власти Бирича, выбрав волостное правление, по дореволюционному принципу, возглавляемое старшиной. Часть осталась пассивной. Остальная часть организовалась в партизанский отряд в помощь облнарревкому, в том числе и прежний волревком в прежнем составе. Таким образом получилось двоевластие, выразившееся в неподчинении волостного правления волревкому и наоборот. Никаких грубых эксцессов на этой почве не произошло. Позже, спустя месяца три-четыре, двоевластие в Ключах ликвидировали». Кто и как «ликвидировал», точных сведений нет. То ли козыревский добровольческий отряд и устькамчатская госполитохрана, то ли уполномоченный облнарревкома А. С. Лукашевский, который в августе 1922 г. якобы распустил волостное правление.

А до этого ситуация не раз обсуждалась на заседаниях Ключевского отделения устькамчатского районного добровольческого (партизанского) отряда — например, 14 мая 1922 г. под председательством Дмитриева при секретаре Буянове: «Считать двоевластие в с. Ключах ненормальным явлением, и усматривая причины разложения общества в подстрекательстве со стороны некоторых членов общества, преимущественно русских, принимавших участие в противозаконных собраниях общества и съезда волости... Опросить каждого подозреваемого в подстрекательстве...»

Ключевское отделение было организовано в начале мая 1922 г. По типу Усть-Камчатска избрали военный совет, который выделил из своей среды начальника госполитохраны. В декабре того же года руководитель госполитохраны долины реки Камчатки Н. Александров докладывал уполномоченному облнарревкома

А. С. Лукашевскому, что он выбрал себе в помощники Ефима Епифановича Корабейникова, в секретари Павла Марковича Чуйко и назначил начальниками госполитохраны в Мильково Семёна Яковлевича Михайлова, в Козыревск Пётра Яковлевича Чуркина, в Нижнекамчатск Ионну Фёдоровича Сновидова, в Ключи Егора Измайловича Попова. До него начальником Ключевской политохраны являлся Грибов, а ранее — Александр Павлович Тулупов.

Последний имел трёх братьев: Сергея, Константина и Михаила. На них, физически сильных и спаянных, державших всё селение в своих руках, долгое время не находилось управы. 7 ноября 1931 г. Михаил Тулупов с приятелем забили насмерть палкой секретаря сельсовета Прохора Попова. Михаил получил десять лет лишения свободы, Александр — пять. Константин и Сергей уравнились в сроках наказания с Александром. В 1950 г. Сергея Тулупова вновь арестовали «за антисоветскую деятельность»... Потом, через много лет, трое братьев будут признаны незаконно репрессированными; проверка дела четвёртого, Михаила, завершилась выводом: «реабилитации не подлежит».

Давая показания по «делу о террористическом акте», председатель сельсовета Г. И. Щенников отмечал, что М. Тулупов вступил в отряд Созутова в сентябре 1922 г., когда тот проходил через Ключи, направляясь в сторону Петропавловска. «Где себя проявил Михаил, не знаю, но числился партизаном. Не раз судим за хулиганство, за антисоветские выпады. Всем Тулуповым, за исключением Александра, было дано твёрдое задание как зажиточным хозяйствам, занимающимся спекуляцией из-под полы. Михаил, прикрываясь партизанщиной, от твёрдого задания отвилнулся, а Сергей, Александр и Константин категорически отказались, и задание по ловле рыбы, раскорчёвке, вывозке дров, косьбе сена не выполнили ни на один процент, за что у них продано имущество, и дело для привлечения за злостное невыполнение передано по 61 ст. УК в Рабочее-Крестьянскую Милицию для передачи по инстанции». 27 декабря 1931 г., через полтора месяца после убийства сельсоветчика, оргбюро ВКП(б) Усть-Камчатска лишило М. Тулупова звания красного партизана.

Партизанская инструкция Ключевского отделения устькамчатского добровольческого отряда (1922 г.) гласила: «Каждый доброволец обязан беспрекословно подчиняться существующим для него правилам, постановлениям своего начальства... обязан вести агитационную работу в пользу отряда: по возможности вербовать в отряд новых членов и следить за неблагонадёжными лицами,

о замеченном немедленно сообщать своему начальству или Военному Совету... Чтобы не терять достоинства отряда, каждый доброволец должен вменить себе в обязанность быть всегда трезвым, не воровать, не сквернословить и т. п.».

Реорганизация отделения или образование нового ключевого отряда относится к январю 1923 г. Основателем этого отряда считается В. Д. Богомоллов, командующий всеми партизанскими силами облнарревкома. 25 марта 1923 г. он писал Усть-Камчатскому волревкому: «Живу в Ключах. Совершенно свободен к выезду в Усть-Камчатск, но не могу выехать потому, что занят работой по организации населения для борьбы с тёмными силами, а их здесь очень много, но в настоящее время дела идут очень успешно».

...После разгрома «бочкарёвщины» одной из весьма опасных тёмных сил коммунисты считали каппелевцев. «Это артель бывших офицеров, прибывшая на Камчатку в погоне за заработком, с одной стороны, и нежелания вести открытую борьбу против большевиков — с другой. Это идейные противники Соввласти», — говорилось 26 февраля 1924 г. на очередном заседании губбюро РКП(б). В итоге принимается решение: «Как чуждый элемент по отношению к советской власти, всех бывших офицеров... удалить из Камчатской губернии на материк. Губотделу ГПУ и отделу Управления Губревкома принять меры к учёту этих офицеров и выселению с открытием навигации».

Более подробно причины удаления излагаются в информационном отчёте губбюро РКП(б) за декабрь 1923 — февраль 1924 г. «...в Усть-Камчатском районе население самое зажиточное. Вот среди этого населения и нашли себе приют “рабочие” артели бывших колчаковских офицеров. В данное время это расплывчатая масса, но, безусловно, настроенная не в пользу Советской власти. Одно их присутствие в селениях указанного района при абсолютном отсутствии партийных работников, не может считаться желательным, тем более, что они, как довольно развитый элемент, легко могут проникать в органы власти на местах, быть вольнонаёмными учителями, сельскими секретарями и т. д. Уже теперь имеются некоторые сведения, указывающие на то, что эти “бывшие люди” зачастую приобретают руководящее значение в крестьянских обществах. При наличии тяжёлых условий для партработы бороться с возможным идейным влиянием белогвардейцев довольно затруднительно. Необходимо принять меры к обезвреживанию».

Тогда же власти выдворили большинство каппелевских офицеров с Камчатки. Согласно сведениям из разных источников, дальнейшая судьба некоторых из них сложилась следующим образом: староста артели поручик Лавров был убит во Владивостоке. Прапорщик Иван Фокин бежал (видимо, по пути следования) в Японию, поселился в Хакодате. Там же оказались поручик Александр Степанович Кравцов, офицеры Кравчук и Мамаев. А поручик Демичев выехал, вроде бы, в Сибирь. На Камчатке он занимался фотоделом, а материалы для этого присылала ему из Хакодате младшая дочь Ерофеева, с которой он до её уезда «имел связь» (на старшей женился Фокин, живший в Чёрном Яру). В мае 1924 г., по словам В. Петрухнова, она приезжала на пароходе в Усть-Камчатск «с целью совместного жительства с Демичевым, но высадиться на берег ей не разрешили органы ОГПУ и в г. Петропавловске, куда ушёл пароход, она была арестована по подозрению в шпионаже, но была освобождена». На материке остался поручик Шерстобитов. Ещё один подпоручик Павел Васильевич Новосельцев ловил рыбу на морском берегу вместе с местными жителями, деверем прапорщика Фокина Яковом Ерофеевым, Халитовым и Чистяковыми.

С отъездом многих членов Николаевской артели её имущество переходит к Кочетову, Горбунову и Вахрину, а за часть его они остались должны уехавшим, и им надлежало уплатить по имеющимся адресам. Следует отметить, что Николаевка, а также Чёрный Яр и Каменка, являлись староверскими селениями. Капитан Александр (то ли Дмитриевич, то ли Иванович) Галинский заведовал пушным отделением американской фирмы «Свенсон и К^о» в селении Камаки. Он писал своей жене-камчадалке, родственники которой проживали в Нижнекамчатске, что поступил в Ленинградский лесной институт, собирается вернуться на полуостров. Происходил А. Галинский из аристократической семьи. В бытность свою на Камчатке получал письма от первой жены из Сербии. В 1931 г. Петрухнов так обрисовал капитана: тридцать шесть лет, уроженец Санкт-Петербурга, роста выше среднего, брюнет, лицо продолговатое, нос прямой, часть передних зубов искусственная — золотая.

Из доклада 1927 г. уполномоченного В. Д. Сковородько: «Бывшие торговцы, офицеры старой армии, революционная стихия которых вытеснила с материка, представители правительства Колчака, офицеры армии Капделя — весь этот элемент осел в селе Камчатки, первое время дожидавшиеся переворотов, в данное время

занимаются охотой, рыболовством, каюрством, перевозкой грузов на катерах по реке Камчатке, а если удаётся, то не прочь поторговать спиртишком, купленным в Усть-Камчатске по два пятьдесят за бутылочку, а на месте продающих по пять рублей».

То же самое, по сути, находим в отчёте о командировке с 5 января по 31 марта 1927 г. завотделом окружного бюро партии Масюк: «Нахождение почти в каждом селе антисоветелема в лице белого офицерства... ложет антоганизм между русскими и камчадалами, служит подрывом советской власти». В данном случае речь идёт не только о каппелевцах...

Между прочим, 2 ноября того же года Президиум ЦИК СССР принял постановление «Об амнистии», одним из пунктов которого предусматривалось снять с особого учёта всех бывших офицеров и военных чиновников белых армий.

29 сентября 1931 г. в Козыревске чекисты арестовали «контрреволюционную группу» из четырёх человек, в том числе двоих каппелевцев: Василия Петрухнова и Сергея Николина. Петрухнову было тридцать четыре года, Николину — тридцать семь. Разнились они и происхождением: Василий Зиновьевич из «крестьян-полупомещиков» (что это означает, выяснить не удалось), Сергей Николаевич из мещан; его отец был канцелярским служащим. У первого образование незаконченное высшее, у второго — незавершённое среднее. Петрухнов поселился в Козыревске в 1924-м, Николин в 1922 г. На момент ареста Петрухнов, в отличие от своего сослуживца, обзавёлся семьёй. Но имелось у них и сходство: одинаковое воинское звание «штабс-капитан» и то, что они были земляки. И тот, и другой родились в Самарской губернии, только Петрухнов в селе Пестровка Николаевского уезда, а Николин в городе, переименованном коммунистами в Пугачёвск.

Оба они работали в своём хозяйстве, то есть в период коллективизации являлись единоличниками. Петрухнов имел дом, катер, две лошади, рыболовные и охотничьи снасти. У Николина тоже был дом, амбар, огород, собачья нарта. Ещё их объединяла советская кличка «лишенец» (лишённый избирательных прав). Тот и другой подпадали под один из пунктов «Инструкции о выборах в Советы» ЦИК СССР от 28 сентября 1926 г.: «бывшие офицеры и чиновники белых армий».

4 декабря 1931 г. Петрухнов в собственноручных показаниях дал следующую характеристику земляку: «Капитан Николин отличался большой жестокостью по отношению к мирному насе-

лению, а также занимался мордобитием своих рядовых бойцов, находящихся в его подчинении в белой армии. О его службе и зверском отношении с населением могут рассказать точно белогвардейцы, как Исангожин Ислам, Юсупов Фасхетдин, Фёдоров Никифор, Сайфранов Абрар, проживающие в настоящее время на Камчатке и служившие в роте капитана Николина».

С. Н. Николину вменялись в вину: организация контрреволюционной группы, работа «в целях свержения советской власти и срыв проводимых ею компаний на селе». Он якобы говорил весной 1931 г.: «Я раньше был *полупомещиком* (курсив мой. — В. П.), а эти сволочи-большевики всё забрали и здесь от них спасения нет. Почему так долго медлят Япония и Америка?» Тогда же — зайдя в дом односельчанина Михаила Помазкина: «Ты смотри, не ездь на путину в Усть-Камчатск. Там уже стоят японские миноносцы, и скоро будут бомбардировать ГПУ. Могут нечаянно снарядом и вас сшибить. Как Япония заберёт Камчатку, тогда мы снова заживём. Оденем погоны и заставим землю грызть большевиков. Ну и потешимся же мы над ними! За всё отомстим!» И с волнением в голосе продолжал: «Я вот из-за того и не женюсь здесь, что жду со дня на день их конец и уеду тогда на родину!» Обе цитаты из обвинительного заключения.

Николина расстреляли. Петрухнову дали восемь лет концлагерей, но уже 2 марта 1934 г. освободили «по пересмотру дела» с тремя годами лишения свободы условно. Все каппелевцы были взяты на учёт, за ними велось наблюдение.

15 апреля 1934 г. агент ОГПУ «Ярцев» докладывал: «Из членов артели грузчиков и рыбаков белогвардейцев-каппелевцев... на сегодня живут: с. Усть-Камчатск Акуленко Иван Захарович, служил в армии Каппеля рядовым; на РКЗ-2 Кочетов Николай Петрович, служил ротным писарем; в с. Николаевка Вахрин Григорий Павлович, рядовой, Горбунов Михаил Сергеевич, рядовой; в с. Камаки Фёдоров Никифор Петрович, по национальности чуваш, служил рядовым; в с. Козыревск татары Юсупов, Сайфранов, Исангожин, рядовые...»

Информация агента ОГПУ «Укрывшегося» от 3 мая 1934 г.: «Сегодня я посетил с. Николаевку, где встретил проживавших там в собственных домах белогвардейцев Вахрина... и Горбунова. В доме за обедом Вахрин меня расспрашивал об остальных белогвардейцах, арестованных органами ОГПУ, и далее говорил: “Да здесь уже кругом повальные аресты, но хорошо, что в Николаевке у них нет стукачей, и всё идёт как по маслу, нас никто не выдаст”».

В дальнейших разговорах, коснувшись вопроса войны с Японией, сказал: “Скоро ли начнётся война, а то надоело ждать”. В беседе о местах жительства в данное время ряда белогвардейцев он рассказал, что им писал письмо белогвардеец Демичев Демьян (материалы для фото получал из Японии от японской шпионки Ерофеевой Фроси), но адрес, по-видимому, сохранился в письме у Горбунова. На мой вопрос: “Где находится капитан Галинский” (начальник бело-карательного отряда, оперировавшего в Сибири против красных партизан отряда Щитинкина), ответил: “Галинский недавно прислал письмо на Камчатку своему тестю-камчадалу, в котором писал, что живёт хорошо где-то под Ленинградом”.

От Вахрина я перешёл в дом Щепихина Дмитрия, бедняк, имеет собственный дом, очень дружен с белогвардейцами Горбуновым и Вахриным... Щепихин сказал: “Скоро ли начнётся война с Японией, я бы с удовольствием задавил три-четыре коммунистов проклятых, хотя и старый стал”. На моё предостережение быть осторожным Щепихин сказал: “Ничего, у нас здесь в Николаевке пока ничего не выходит за пределы своего селения, живём дружно”.

В это время зашёл Горбунов, который после расспроса, как я сидел и как освободился, стал спрашивать, как на материке укрепляют границы, что там слышно о войне с Японией и о японцах в Маньчжурии, в это время в дом зашёл Вахрин, но Горбунов продолжал, говоря: “Проклятая жизнь, нужно было давно бы смататься в Японию, там живётся хорошо, вон Селедков Моисей (житель с. Чёрный Яр) получил оттуда письмо от Ерофеева Якова, где описывает, что старовер Зажигалкин и тот живёт хорошо, он, Зажигалкин, тоже прислал письмо и фотокарточку своему родственнику староверу Герасимову Емельяну (житель с. Чёрный Яр). Я, Горбунов, видел эти письма и фотокарточки. Даже такие люди, как Зажигалкин, живут там великолепно, а я бы, если выехал туда, то не так жил”.

Далее Горбунов говорил, что Фокин Иван... и Ерофеев Яков, как пишут в письмах, находились в Австралии, здесь он подробно останавливается на... жизни в Австралии, о их впечатлении, о рёве крокодилов, а сейчас живут опять в Японии. Ерофеев Яков сейчас служит у японцев переводчиком, и что он недавно был на острове Сахалине, что Фокин Иван также живёт хорошо и оттуда пишет сюда, что дураки те, кто остался в СССР, а не выехал. Это касается, в частности, Горбунова, Вахрина и Кочетова, с которыми Фокин был в большой дружбе.

Когда я потом пришёл в дом Горбунова, где с ним мы были вдвоём, и я ему рассказал, что в лагерях, где я сидел, я видел поручика Калчурина, то Горбунов мне сказал: “А ведь у меня от Калчурина есть память”. Какая память — не сказал, скорее всего, золото...»

...21 января 1922 г. особоуполномоченный Временного Приамурского правительства в Охотско-Камчатском крае Х. П. Бирич издал обращение ко всем волостным, сельским управлениям, к населению области. Оно явилось ответом на распространяемые красными партизанами воззвания не подчиняться органам власти, образованным после занятия Петропавловска отрядом В. И. Бочкарёва, не платить им налогов и податей. В обращении Бирича, в частности, говорилось: «Не заслуживает доверия и упоминание в воззваниях коммунистов об открытии своей “резиденции” в Усть-Камчатске, так как близ этого селения на промысле Демби находится отлично вооружённый отряд в сорок человек каппелевцев, который в своём районе никакой резиденции коммунистов, разумеется, не допустит».

Ссылка на обращение Х. П. Бирича впервые появляется в донесении агента ОГПУ «Ярцева», датированном 15 апреля 1934 г. «В 1922 г. наместник белого правительства... Бирич опирался на эту “белогвардейскую артель” и громогласно в прессе заявил: “У меня... имеется группа в 41 чел. каппелевцев, которая не допустит Соввласти на Камчатке”. В 1937 г. устькамчатский колхозник Иосиф Реутов (арестован, но освобождён НКВД) сообщил, якобы со слов каппелевца Акуленко, что по прибытии вербованных в 1921 г. Демби их всех военизировал: выдал японское обмундирование, винчестеры и превратил их в «защитников Японии» и борцов с партизанами.

Так возникло обвинение каппелевцев в поддержке Бирича и их участии в вооружённом отряде Демби. В агентурном деле с условным названием «Грузчики» бывшие белые военнослужащие проходят как «боевой кулак» Бирича. Та же версия содержится в свидетельских показаниях жителя Николаевки М. В. Баженова.

Почему и белая власть в 1922 г., и красная в 1930-е гг. не сомневались в том, с кем должны быть вчерашние колчаковцы? Разгадка на поверхности — они служили у знаменитого Каппеля. Недаром Григорий Вахрин в феврале 1934 г. (информация агента «Официоз») сказал на охоте односельчанину Бурову: «Если бы Каппель был живой, то наверняка такого безобразия, как сейчас, не было бы. Будь Каппель Правителем (России. — В. П.), сейчас много было бы лучше».

Владимир Оскарович Каппель в самом деле — человек-легенда. По мнению выпускников Императорской Николаевской военной академии 1913 г., в обычной обстановке он мало чем выделялся: скромн, застенчив, держался независимо, с достоинством; верный друг и отличный офицер. В Первую мировую войну генштабист.

Тем более, невероятно, что он, штабной офицер (тогда уже подполковник), в 1918 г. повёл в бой с превосходящими силами красных отряд чуть ли не из гимназистов. И... освободил сначала Сызрань, а за ней Симбирск и Казань. Потом — Ставрополь, причём, не зная местности, без карт. И снова малым числом. В 1919 г. Колчак назначил В. О. Каппеля командующим Восточным фронтом. Когда, казалось, разгром был неотвратим, Каппель, спасая войска, в том числе Воткинскую и Ижевскую рабочие дивизии, от полного истребления, возглавил их переход из Омска в Забайкалье. Этот поход и назвали потом Сибирским Ледяным. Шли сквозь холод, голод и тиф. Шли через тайгу, отбивая атаки лесных, мягко выражаясь, разбойников, именовавших себя партизанами.

Уж не эти ли таёжные стычки, благодаря малограмотным, но классово подкованным следователям, спустя многие годы превратятся в карательные экспедиции? Вполне вероятно, что у Каппеля существовало охранное спецподразделение, отражавшее нападения из леса. Но так бы на его месте поступил любой командующий. На допросах Г. Вахрин не отрицал, что с оружием в руках «принимал активное участие в каппелевском карательном отряде против партизанского движения и советской власти», но заявлял твёрдо: к расстрелам партизан (на чём настаивали чекисты) не причастен. То же самое, между прочим, утверждал и рядовой Акуленко.

Был ли у Демби вооружённый отряд из каппелевцев, работавших у него на рыбозаводе в Усть-Камчатске, Вахрин не знал. К высшей мере наказания приговорят в 1938 г. Емельяна Ивановича Герасимова, сторожа Усть-Камчатского рыбокомбината, инкриминировав ему организацию этого отряда плюс заседания «головки» (штаба) у него дома. Под «головкой» подразумевались офицеры Фокин, его зять, и Лавров. Заседания так называемого штаба были очень похожи на застолья...

Но, отвергая своё участие в отряде Демби, Акуленко показал: люди, вооружённые винчестерами, у рыбопромышленника были. Фирсов, Лавров, Шумко и ряд других. Они порой преодолевали расстояние от Усть-Камчатска до селения Макарьевки, а это три-

ста пятьдесят километров (иной источник указывает на Козыревск, до которого двести сорок километров).

По прошествии лет люди, разъезжавшие с оружием по долине реки Камчатки в период противостояния белых и красных, ассоциировались с партизанами. Первый устькамчатский добровольческий отряд во главе с М. Я. Яворским, по одним сведениям, организовался в конце 1921 г., по другим, в марте 1922 г.

12 августа И. Е. Ларин и В. Д. Богомолов отдали распоряжение устькамчатскому военному совету, руководившему этим отрядом, послать в район Петропавловска «возможно большее число добровольцев-бойцов». Чтобы ускорить выполнение этого решения, утверждается в документах облнарревкома, в Усть-Камчатск был направлен его уполномоченный Григорий Трухин с отрядом в двенадцать человек. «Попутно ему было поручено собрать налоги с торгово-промышленников на восточном побережье Камчатки и беспощадно штрафовать хищников на рыбалках. По пути отряд Трухина совершил смелую вылазку на белогвардейский пароход “Томск”, на котором был конфискован катер “Невский”, на этом катере отряд прибыл в Усть-Камчатск».

Прибывшие «тов. Трухин и Дыштан... упрекнули членов Военного Совета Яворского, Емельянова, Буянова и Сахарова в пьянстве и стали настойчиво требовать посылки людей и оружия на Петропавловский фронт». И. Е. Ларин ставил в заслугу А. С. Лукашевскому и начальнику госполитохраны долины реки Камчатки Н. Алексееву «недопущение насилий и убийств, несмотря на явно реакционные выступления бывшего в то время Военного Совета, возглавляемого Яворским под видом РКП(б), о чём Лукашевский своевременно доносил губревкому (партизанскому облнарревкому. — В. П.) и просил немедленно выслать в Усть-Камчатск 20—25 бойцов, приехавших с материка». Но выслано было вдвое меньше.

«Дыштан с товарищами, прибывшими в Усть-Камчатск из фронтовой полосы, пьянствовали лихо, с дебошами. Один из них Чураков, инсценируя самоубийство, прострелил себе из револьвера щёку, выбил несколько зубов, обратно на фронт не ушёл, остался в Усть-Камчатске, с ним остался второй, Раевский. Посещали собрания в нетрезвом виде, последствием чего охотно записавшиеся на фронт добровольцы отказывались идти в Петропавловск под командой кого-либо из них, выбрали из своей среды достойного, всеми уважаемого командира тов. Созутова, под командой которого и был отправлен отряд по реке Камчатке, при проследовании через по пути лежащие селения пополняясь добровольцами» (И. Е. Буянов).

До половины пути отряд Созутова сопровождался уполномоченным облнарревкома Лукашевским, начальником госполитохраны Александровым и Охапкиным, представителями Усть-Камчатских волостного и сельского ревкомов. Есть данные, что сопровождавшие отряд «снабдились за счёт фронта лучшим обмундированием — замшевыми тужурками с вязаными воротниками и рукавами, американскими буцами...» На этой почве, по возвращению сопровождавших, возникли серьёзные разногласия между Лукашевским и Яворским, вылившиеся затем в открытую вражду.

В декабре 1922 г. А. С. Лукашевский попросил освободить его по состоянию здоровья от службы, о чём вскоре пожалел, так как, по его словам, нашлись в тяжёлый для него момент люди, сводящие личные счёты. В сентябре следующего года усть-камчатский гəпəушник Савицкий продержал Лукашевского под стражей трое с половиной суток. Андрей Савельевич допускал промахи со своей стороны в бытность уполномоченным облнарревкома долины реки Камчатки, но считал, что «они не настолько велики, чтобы подвергать... в порядке политического ареста». Разобравшись, Камчатский губревком вывел Лукашевского из-под надзора ГПУ и зачислил к себе завотделом труда. С 1926 г. он работает по специальности — фельдшером. Как в 1918 г., когда приехал на Камчатку. В 1924 г. принят кандидатом в партию. Рекомендовали его четверо: И. Ларин, М. Вольский, В. Кручина и начальник губотдела ОГПУ И. Ломбак. Последний, правда, отказался от своей рекомендации «ввиду того, что Лукашевский не поставил ни его, ни парторганизацию в известность о том, что состоял в партии эсеров».

Впервые в Усть-Камчатке А. С. Лукашевский попал в 1919 г. До падения власти Колчака служил в кооперативе, затем секретарём в волревкоме при председателе В. Д. Богомолове. Ушедшим в сопки облнарревкомом дважды посылался в долину реки Камчатки: в феврале и в начале июня 1922 г. Первый раз в целях инструктажа «населения о создавшемся положении в связи с высадкой в г. Петропавловске белогвардейских отрядов и организации созыва Петропавловского Чрезвычайного уездного съезда для выработки мер борьбы с упомянутыми выше отрядами, что и было проведено». Второй раз его командировали «в качестве районного уполномоченного долины реки Камчатки с постоянным пребыванием в Усть-Камчатке для организации добровольческих отрядов и высылки их по требованию ОНРК на Петропавловский фронт, равно изыскания средств для приобретения оружия, снаряжения, обмундирования и недостающего продовольствия».

Но осуществлялись не все инициативы А. С. Лукашевского. Одну из них сорвал устькамчатский пушник Петр Никифорович Москалёв. Союз охотников отозвался на призыв уполномоченно-го отчислить 25 % от промысловых трофеев в пользу партизан и постановил по первому их требованию выступить против белых, но «Москалёв своей агитацией это дело провалил». В числе других данное обвинение спустя десять лет повлекло его высылку в Западную Сибирь как социально опасного элемента.

«По приказанию ОНРК, — писал в своей автобиографии Лукашевский, — организована была боевая охрана Усть-Камчатка для противодействия высадке белогвардейских отрядов в этом районе как в единственном из важнейших пунктов Камчатки в стратегическом отношении. С прибытием на место было приступлено, в первую очередь, к передвижению вверх по реке Камчатке продовольствия, организован был для защиты Устья по выработанному плану отряд, проведён “трудовой день”, давший приблизительно восемь тысяч рублей, на каковые суммы мною приобретено у японцев-рыбопромышленников порученное ОНРК продовольствие и доставлено 20 августа отряду в Налычево.

7 сентября 1922, согласно требования ОНРК, был вновь организован и хорошо вооружённый и всем снабжённый в Усть-Камчатке особый добровольческий отряд в 50 человек и выслан на Петропавловский фронт». Командир этого отряда Яков Михайлович Созутов (1890 г. р., из крестьян) начинал воинскую службу рядовым лейб-гвардии Павловского полка. За пять лет, с 1912 по 1917 г., имея, по его словам, четыре степени Георгиевского креста, был произведён в прапорщики. В октябре 1918 г., будучи дома в Елабужском уезде, по мобилизации попал в Прикамский полк колчаковской армии и оставался там до марта 1919 г. Потом, как рассказывал сам Созутов, самовольно на санитарном поезде выехал во Владивосток, где, пролежав три месяца в госпитале, скрывался от мобилизации. В мае 1921 г. выехал на Камчатку. Я. М. Созутов не уточняет: вместе с каппелевцами или нет, но подчёркивает, возвращаясь к предыдущему периоду, что «против красных частей был в одном бою под Елабугой в октябре 1918, остальное время отступали».

Численность своего отряда, идущего в район Петропавловска, Созутов определяет в 22 человека. Называет и тех, кто прошёл упомянутые выше полпути: Лукашевский, Акимов, Дмитриев, Охапкин и Александров. «Двигались по реке Камчатке вверх на Мильково, проводя в сёлах вербовку в партизанский отряд...

в с. Ключи, по прибытию туда нашего отряда гражданин Ширинкин был взят мотористом на катер партизанского отряда... сопровождал нас от с. Ключи до с. Кирганика, то есть в течение 10—12 дней... Наш отряд был в Ключах в сентябре 1922».

2 октября 1922 г. из Усть-Камчатска вышел второй отряд партизан под началом Г. Трухина, насчитывавший 17 человек. Из письма А. Лукашевского И. Ларину: «В Толбачике пришлось Трухина открыто уговорить сложить с себя звание командира в виду на шумевшей о нём истории об охоте его в Кроноцком заповеднике, и до этого уже были на него жалобы, и население возмущалось, что он командиром; в Мильково переданы дневник и волосяные петли, найденные в Кроноках во время охоты там Трухиным, да и отрядники, за исключением одного человека, были недовольны им. Командиром отряда его определил Усть-Камчатский волком без моего ведома. С Толбачика начал командовать Ревенко и до конца».

...Сами каппелевцы о Сибирском Ледяном походе особо не распространялись: слишком уж горько было вспоминать, как под Красноярском вырвались из окружения и, оставив железную дорогу, двигались по замёршему Енисею и реке Кан, как генерал Каппель отморозил ноги, но продолжал путь верхом с карабином через плечо, в стоптанных валенках, а когда его сняли с коня, сказал: «Пусть войска знают, что я любил их и своею смертью среди них доказал это». Последние слова любимого командира каппелевцы не забывали точно так же, как и афоризм победного времени: «Пуля должна кланяться русскому офицеру, а не русский офицер пуле». Тогда он сам водил роты в атаку. «Каппелю, — пишет его биограф И. Кузнецов, — верили безоглядно, исполняясь к нему сыновней любовью. Приказ командира! Эхо по всей степи. Каждому слову внимают бойцы...»

Невероятно тяжким был тот Ледяной поход. Люди умирали тысячами. Возможно, в этом в походе подорвал здоровье Хафист Карымов, признанный уже на Камчатке сумасшедшим. Сочувствуя другому каппелевцу Фасхетдину Юсупову, козыревский слесарь-модельщик А. И. Никитин вздыхал: «Вам, наверно, много пришлось пострадать от большевиков — этих зверей и извергов... Много они безвинных людей перебили, но это им даром не пройдёт». Сам Александр Ионович в период противостояния белых и красных на Камчатке не только отказывал последним в продуктах и патронах, но и агитировал за признание местным населением власти Х. Бирича.

Как уже говорилось, каппелевцам в 1930-е гг. не нравилось многое из того, что происходило не только на Камчатке, но и в стране в целом. Ивану Захаровичу Акуленко принадлежал такой вывод: «У власти сидят и нами руководят все нерусские... Сталин нацмен и защищает только нацменов, а *нам сейчас, русским, нет никакой жизни*». Неграмотный Акуленко жил в Усть-Камчатске, работал на лесобирже АКОторга. Он присоединился к Колчаку вместе с другими рабочими Воткинского завода, служил в 7-м стрелковом Кузнецком полку. При наступлении красных в 80 километрах от Ишима получил ранение в правую ногу, лежал в читинском военном лазарете, после лечения в начале 1920 г. ушёл добровольцем в качестве рядового в армию Каппеля, находился, по его словам, всё время в обозе карательного отряда до марта 1921 г. «Армия Каппеля от г. Читы вплоть до Маньчжурии вела отступление», — рассказывал Акуленко на следствии в 1937 г. — Прибыв в Маньчжурию, все каппелевские части были обезоружены, чьими частями для меня неизвестно, и все каппелевцы, в том числе я, на станции ж/д Маньчжурии в вагонах примерно дней десять находились под арестом, после чего до станции Раздольной все каппелевцы из Маньчжурии были доставлены эшелонном. Со станции Раздольной я и другие каппелевцы выехали во Владивосток...» Осенью 1922 г., говорил на допросе Акуленко, «я ушёл партизанить с партизанским отрядом с. Усть-Камчатск Созутова Якова Михайловича, с которым я пропартизанил до начала 1923 года...» Случай в среде каппелевцев уникальный. Если, конечно, Иван Захарович не наговаривал на себя в надежде облегчить свою участь.

Поручик Лавров и рядовой Кочетов служили в егерских частях, принимали участие в боях под Читой и в Забайкалье. Они тоже проехали с интернированными Китаем белыми отрядами через КВЖД в лагерь «Раздольное», а затем, как считает Петрухов, дезертировали...

В Чите 50-й Казанский полк, в составе которого воевал рядовой М. Горбунов, переформировали в Волжскую бригаду. Михаил, окончивший сельскую школу, был ротным писарем. Происходил он из семьи торговца. До гражданской войны работал в магазине. Двоюродный брат вызвал его в Иркутск, а родной после мобилизации в колчаковскую армию помог перевестись в нестроевую часть «по плохому здоровью». В 1928—1933 гг. Горбунов работал секретарём руководителя Николаевского крестьянского комитета, а через год — председателем сельсовета. За успешное распространение

госзайма 1935 г. получил грамоту ЦИК РСФСР. Хоть и вылез в начальники, но совсем не умел притворяться тихоней. Это что касается «обезоруживания» бывших каппелевцев в середине 1930-х. «Они вот и винчестера нам бояться давать, а с чем мы будем охотиться? Ну, про меня, ясно, думают, что белогвардеец, ненадёжный человек и отобрали сейчас винчестер...», — делился с неожиданным гостем своей обидой Г. П. Вахрин. При аресте 27 декабря 1937 г. у Григория Павловича, колхозного плотника, изъяли двустволку, одноствольное ружьё и порох. Вместе с биноклем и Библией...

Согласно петрухновским показаниям от 1 марта 1938 г., рыбак-охотник Никифор Петрович Фёдоров был на войне подпрапорщиком карательного отряда. В Камаках жил бобылём, считался крестьянином-середняком. Там же, кроме него и капитана Галинского, обитал ещё один каппелевец Василий Митрофанов, уехавший потом, как и сослуживец Виноградов, куда-то на материк. «Фёдоров являлся активным членом контрреволюционной организации “Автономная Камчатка”, в эту организацию он был завербован бывшим начальником белогвардейского карательного отряда Галинским».

Неизвестно в каких частях служил сам Петрухнов, указывавший лишь свою должность — помкомвзвода. 9 сентября 1970 г., давая объяснения по прекращённому (сфальцифицированному) делу «Автономная Камчатка», он подчеркнул: «В 1933 г. был реабилитирован и в начале 1934 г. я снова прибыл на Камчатку в Усть-Камчатский район с. Козыревск, и что было изъято у меня при аресте, то было возвращено мне полностью». Жил в 1950—1960-х гг. В. З. Петрухнов в Петропавловске. Сведений о том, когда и где скончался, нет. Как нет на сегодня данных об А. Сайфранове помимо секретного (серия «К») донесения начальника Усть-Камчатского райотдела НКВД Ключникова, сообщающего начальнику областного управления Льву его кличку «Ахматов».

Плотник Ключевского лесокombината Ислам Исангожин — сообщал 2 июля 1935 г. агент НКВД «Укрывшийся» — «белогвардеец в чине подпрапорщика. По его словам... уфимские татарские части, влитые в корпус Капшеля, в большинстве состояли из добровольцев. Служил в Волжском пехотном... полку, Самарском батальоне, 1-я рота, командиром которой был капитан Николлин. Исангожин — участник боёв под г. Курганом и Омском. Командиром полка... был полковник Карлов и командиром дивизии генерал Сахаров.

Сахаров и Карлов со своими частями имели целый ряд карательных экспедиций, так, например, принимали участие в усмирении “кустанайского восстания”, где были массовые расстрелы восставших. При походе по Забайкалью и при бое под Читой пленные красноармейцы в большинстве расстреливались, исполнителями расстрелов были татарские части, в числе которых был и Исангожин. В 1920 г. в бою под Читой у с. Беклемешево было расстреляно много красноармейцев (пленных). Исангожин принимал участие в расстрелах.

Близкими друзьями Исангожина в то время были Голованов и Кампус, которые работали в белогвардейской, а в дальнейшем в японской контрразведках... 1920—1921 г. попадает через КВЖД в белогвардейский лагерь в Раздольное, где он работает в японской контрразведке под руководством капитана Чернигина... О работе Исангожина в японской контрразведке знают проживающие в настоящее время в Козыревске Сайфранов, Юсупов и Петрухов... На Камчатке... сразу входит в круг татарских торговцев, сбывающих пушнину японцам и китайцам Иммамудинова Касьяна, Амбеева и других».

Всякого рода компромат собирался не только на каппелевцев, но и на их родственников. Роман, сын Василия Галямова, 1914 г. р., рабочий Ключевского лесокомбината жаловался в своей среде: «То, что продают хлеб и муку без нормы — хорошо, но только цены очень высокие... у нас семья девять человек, работаем трое. Я получаю 200 руб. в месяц, брат — 120, отец — 160, всего 480, на продукты же выходит, не считая заготовленную рыбу и овощи, до 20 руб. в день. Денег не хватает, поэтому приходится хлеб не каждый день есть, особенно сейчас тяжело, так как не платят зарплату».

Возможно, повезло (если уцелел) черноморцу Николаю Сергеевичу Большеголовому, отправленному с семьёй в спецпосёлок «в порядке кулацкого выселения» в июне 1932 г.; в его деле сказано, что он прибыл на Камчатку из Харбина, а до этого в чине капитана воевал в армии Каппеля и получил ранение в руку под Казанью, где белым удалось захватить золотой запас Российской Империи.

Неимуций старшина катера из Ключей Е. Шикин жил небогато — всё, что зарабатывал, пропивал. Как-то он рассказывал односельчанам, что был партизаном, после чего его «стали звать с презрением “сопочником” и повсеместно преследовать Подрезов, Реутовы Ефим и Влас и Андреев Иван (старший) и Большеголовый мне при встрече грозили, что со мной и прибывшими со мной товарищами расправятся. Андреев и Большеголовый прямо

говорили: всё равно мы вас, партизан, перебьём. Мои товарищи Киселёв, Старков, бывшие со мной в партизанском отряде, из боязни, что будут в устье убитыми, выехали в Анадырь, а я переехал жить вначале в с. Николаевка, а затем в с. Усть-Камчатск, но и здесь спокойно не было.

Андреев и Большеголовый, завидя меня, кричали: “Эй, партизан, ты ещё живой! Подожди, скоро мы тебе жизнь укоротим”. Я их боялся, ибо знал, что Большеголовый каппелевец и прибыл на Камчатку в группе каппелевцев за год до моего приезда. Только с прибытием 1-го красного отряда на Камчатку (в долину реки Камчатки. — В. П.) во главе которого стоял Марков, они так открыто восставать против меня не стали...

Когда начался Китайский конфликт, как-то на улице меня встретили Большеголовый и Андреев, они о чём-то оживлённо беседовали. Поравнявшись со мной, Большеголовый сказал: “Ты слышал, что начинается на КВЖД, скоро от СССР только клочки останутся, тогда и тебе не уйти от наших каппелевцев много в Харбине и вообще в Китае, и уж если они выйдут, то таким, как тебе, не жить. Лучше сейчас одевай камень на шею и бросайся в Камчатку”. Когда же конфликт закончился, я несколько раз говорил им: “Ну что, взяли ваши каппелевцы, ведь теперь ваша песня спета”. На что Андреев мне ответил: “Всё равно не китайцы, так японцы возьмут Камчатку, тогда я тебе покажу, чья взяла”. Большеголовый в прошлом году не скрывал, что он каппелевец, и все каппелевцы, проживавшие в долине реки Камчатки, Петрухно, Николин и другие всегда останавливались у него. Вели беседы, содержание которых я не знаю».

Имущество Большеголового было описано и продано с торгов в 1931 г. за невыполнение задания по вылову рыбы. Один из свидетелей по их делу рассказывал: «Несмотря на то, что Андреев старовер, а Большеголовый — православный, они очень дружили, причём, Андреев очень часто бывал в последнего, несколько раз я слышал, что они поют у себя “Боже, царя храни...” но почему-то не верилось, но... раз в 1928 г. я сам был у Большеголового, где был и Андреев, и они разговаривали между собой о преимуществах царского строя перед советской властью, во всём соглашались друг с другом, под конец разговора Большеголовый, чуть выпивший, запел “Боже, царя храни...” Андреев ему подпевал, а я ушёл...»

Недовольство своей жизнью выражал чернорабочий из Ключей П. И. Головащенко, воевавший против каппелевцев в Приморье в отряде Лазо. «Ну и что же, что партизан. Я, партизан, борол-

ся за советскую власть, а всё равно ничего не добились — ходим босые, голые и голодные». В ГПУ, где его допрашивали, однако потом отпустили, он так и заявил: «Я, рабочий, но мне выдавали муки по двенадцать килограмм (то есть равняли с крестьянами)... Разве я могу думать о социализме, когда я голоден?»

В конце 1930-х гг. И. З. Акуленко, Г. П. Вахрин, В. Н. Галямов, М. С. Горбунов, И. Исангожин, Н. П. Кочетов, И. С. Мусатов, П. В. Новосельцев, Н. П. Фёдоров были расстреляны. Все они в разное время реабилитированы, и первым в сентябре 1960 г. постановлением президиума Камчатского облсуда — Фёдоров. По поводу вооружённого формирования Демби в этом постановлении говорится: «...данных о существовании такого отряда не имеется».

В Государственном архиве Камчатского края (ф. 497, оп. 1, д. 3, л. 38) хранится документ, который мог быть использован при реабилитации Н. П. Фёдорова и других: письмо председателя облнарревкома И. Е. Ларина в штаб военно-революционных партизанских отрядов от 22 февраля 1922 г. В нём излагается ответ из Козыревска члена облнарревкома В. Д. Богомолова на запрос об отношении каппелевцев к происходящим в области событиям: «Каппелевцы образовали свой посёлок и занялись трудовой жизнью, имеют общую баню, прачечную и пекарню, оставшиеся в Усть-Камчатске ведут также себя нейтрально. По получению в долине реки Камчатки обращения Бирича к населению они немедленно дали подписку, что они вмешиваться ни во что не будут, а поэтому заявление Бирича считают голословным и смешным. Вообще они не будут защищать ни ту, ни другую сторону». О чём Ларин и доложил 13 апреля 1922 г. Второму Чрезвычайному Петропавловскому уездному съезду...

ФИНАЛ С ЖЕНСКИМ ПРИВКУСОМ

В начале июня 1922 г. генерал-майор Н. А. Поляков покинул Петропавловск. Он и семеро его спутников — казаки и офицеры, среди которых был сын о. Михаила корнет Ерохин — погрузились на шхуну промышленника Олафа Свенсона и отправились на Охотское побережье во владения В. И. Бочкарёва.

10 июня 1922 г. Х. П. Бирич издал приказ № 261: «Заведующий училищами Камчатской области П. Я. Сусяк назначается временно исполняющим должность Правителя Канцелярии с выдачей ему за совмещение двух должностей законом предусмотренного вознаграждения».

17 июня 1922 г. Владивосток телеграфировал: на заседании Совета управляющих правительства выданы разрешения на занятие горным и золотым промыслом в Охотском уезде американцу Д. А. Холмсу; золотым промыслом в стовёрстной зоне побережья Приморья, Камчатки и Сахалинской области, а также на прилегающих островах англичанину Г. Л. Тое; золотым промыслом на острове Аскольд японцу Показима Коици; золотым и горным в пределах закрытого для частных горных и золотых промыслов Чукотского полуострова, за исключением реки Волчьей, русскому подданному В. Е. Кривенко.

19 июня 1922 г. «сопочный» облнарревком исключил из своего состава А. Ф. Дубкова, коему вменялось в вину то, что он не помешал белым вывезти пушнину с Командорских островов, а, прибыв оттуда, поступил на службу в канцелярию Х. П. Бирича исполняющим дела старшего делопроизводителя. Его фамилия мелькнёт в «Думском деле» 1923 г. как свидетеля, сочувствующего соввласти, живущего с женой и двумя детьми на квартире учительницы А. В. Сусляк.

Должник камчатской администрации по поставкам грузов в Петропавловск (16 212 руб. 96 коп.) владивостокский рыбопромышленник А. М. Березовский похвалялся, будто он в июне 1922 г. сорвал карательную акцию против красных партизан, не взяв вооружённый отряд белых на арендованный им пароход, направлявшийся по восточному побережью Камчатки. При разговоре с Биричем, утверждал Березовский, присутствовал П. Я. Сусляк, который якобы намекнул, что, в случае отказа, они натравят на коммерсанта рыбинспекцию, поскольку тот эксплуатировал на Камчатке рыбалки, в том числе в районе селения Завойко.

Всё это говорилось Березовским в декабре 1922 г. незадолго до показательного процесса над Биричем, когда он уже был под следствием. Х. П. Бирич опроверг заявление рыбопромышленника: «Такого случая никогда не было. Я не имел права отправлять отряд на частном пароходе, да у меня и людей не было». Через шесть месяцев после расстрела бывшего особоуполномоченного власти прекратили дело в отношении А. М. Березовского, который привлекался по ст. 99 УК РСФСР за недозволенную порубку леса.

28 июня 1922 г. подпоручик А. А. Подгорный попросил Х. П. Бирича освободить его от обязанностей вахтенного начальника посылного судна «Свирь», так как он не может руководить военно-политическим розыском и одновременно нести корабельную службу. Напомним, Подгорный на посту начальника белой контрразведки

А. М. Березовский

Гражданину Начальнику Государственного Политического
Управления.

Рыбпромышленника А. Березовского
1-я Морская № 22.

Заявление.

28-го Июня 1922 года, при преѣздѣ моемъ на Камчатку въ Петропавловскъ уполномоченный Виричъ пригласилъ меня въ свою канцелярію и предложилъ мнѣ въ категорической формѣ взять на арендованный мною пароходъ "Кайе-нару" вооруженный военный отрядъ для борьбы съ отрядами красныхъ на восточномъ берегу Камчатки. Это предложеніе Вирича я въ категорической формѣ отвергъ указавъ ему, что я ѣду на Камчатку исключительно по своимъ дѣламъ, и взять къ себѣ на пароходъ военный отрядъ я ни въ коемъ случаѣ не могу на это Виричъ мнѣ замѣтилъ: "Я СТАРЫЙ САХАЛИНЦЪ, МЕНЯ ЗНАЕТЪ ВСЯ КАМЧАТКА И, ЧТО НЕ БУДЬ Я ВИРИЧЪ, ВОЛИ Я ОКОНЧАТЕЛЬНО НЕ ЛИБИДИТЕЛЮ КРАСНЫМЪ" въ первый день разговоръ на этомъ и закончился. Въ день отхода парохода изъ Петропавловска, Виричъ вторично пригласилъ меня къ себѣ въ канцелярію. Въ канцеляріи т.е. вѣрнѣе въ его кабинетѣ я засталъ многого Суслая, если не ошибаюсь ближайшаго сотрудника Вирича, этотъ Суслаякъ прежде предилъ меня, что Виричъ измѣнилъ свое первоначальное рѣшеніе послать на моемъ пароходѣ вооруженный отрядъ, а взамѣнъ его намѣренъ послать отрядъ вооруженныхъ милиціонеровъ, тоже самое мнѣ заявилъ вошедшій въ кабинетъ и самъ Виричъ, какъ на первое предложеніе Вирича посадить ко мнѣ на пароходъ вооруженный отрядъ, такъ и на второе относительно вооруженныхъ милиціонеровъ, я въ самой категорической формѣ тутъ-же заявилъ Виричу, что никакимъ его ладѣй я на своемъ пароходѣ шкунды не повезу.

Видя, что онъ - Виричъ не можетъ силой заставитьъ меня взять на арендованный мною пароходъ вооруженныхъ его людей онъ съ явнымъ и несмысленнымъ выраженіемъ на его лицѣ злости, безуспешно направленной по моему адресу, стоявшему тутъ-же Суслаякъ замѣтилъ, а ВѢДЬ НАМЪ ВОСТАНА, ЭТО ТО ЧУЖО ПРЕДПРИЯТЬ" на это Суслаякъ замѣтилъ "ЧУЖО ПОУЧИТЬ ИНСПЕКТОРА РЫБЛОВСТВА" ДАВАЛИСЬ-ЛИ ВИРИЧЕМЪ ИНСПЕКТОРАМЪ РЫБЛОВСТВА КАКИЯ-ЛИБО ПРИБОРА, я этого утверждать не могу.

А. М. Березовский

Г. Владивостокъ
30-го Декабря 1922 года.

Заявление рыбпромышленника А. М. Березовского в ГПУ от 30 декабря 1922 г. (из архива РУ ФСБ по Приморскому краю)

заменял убитого партизанами Пояркова, назначенного, по утверждению Х. П. Бирича, им по прибытию в Петропавловск вместо корнета Томаровского. 30 июня 1922 г. начальник Петропавловского военного района В. В. Кузнецов ходатайствовал перед особоуполномоченным о выделении 90 тыс. руб. на нужды «по секретно-агентурному делу военно-политического розыска», предложив отчитываться о расходовании средств в устной форме без предоставления оправдательных документов.

В тот же день за подписью Бирича и Кузнецова был издан приказ об ужесточении контроля за всеми прибывающими в порт судами и установлении брандвахты из числа экипажа «Свири». Приказ не коснулся парохода «Кано-мару», доставившего 30 июня местным фирмам много товаров, поскольку гласил: «Все прибывающие в порт суда, кроме судов Императорского Японского Флота... предварительно останавливать на внешнем рейде для досмотра, карантинного надзора и документальной проверки. По выполнении этого, подход судов к пристани будет разрешаться Штабом Петропавловского Военного района. Все уходящие из порта суда должны иметь соответствующий пропуск от Штаба...»

Нерегулярность паромных рейсов во Владивосток, а также по восточному и западному побережьям полуострова, беспокоила многих жителей области. Это нашло отражение в рапорте благочинного всех камчатских церквей игумена Николая Владивостокскому епархиальному совету. «В некоторые приходы мне удалось послать почту, но по сие время ответа не имею, а тем более от отдалённых церквей, когда не было никакого с ними сообщения на собаках и теперь за отсутствием правильных рейсов Добровольного флота в навигацию последних годов, мы, жители г. Петропавловска, лишены всякой возможности выехать из города, за редким и случайным исключением...»

Тревожился игумен и по другому поводу, преувеличивая, на наш взгляд, влияние и масштабы деятельности антиправительственных сил. «Но и сидя на месте, не гарантированы, что всякий час могут с нами (пропуск частицы «не». — В. П.) покончить, ибо большевики, имея... преимущество в силе, держат почти всю Камчатку в своих руках. Телеграф и телефоны в их руках, кроме Петропавловского радиотелеграфа. Все селения под их строгим контролем. Намеченные лица большевиками убиваются в самом городе, так, например, недавно был убит в доме через окно поручик Поярков, также стреляли в дом, где находился караул. Многие почтенные люди даже подростки взяты и уведены неизвестно

куда... На кладбище, отстоящем в полверсте от города, не хоронили, боясь быть захваченными большевиками. Хоронили в городе на старом закрытом кладбище. Большевики не дают никому косить сено для скота, не разрешают возить в город дрова, скот многие, за неимением корма, убивают».

Однако благочинный был настроен решительно: «Всё-таки необходимо, чтобы спасти камчадалов, чтобы не иссякла у них вконец православная вера, то надо безотлагательно нынче же зимой объехать всю Камчатку, на что потребуется месяцев пять. Несмотря на большевизм, я с первым снегом в ноябре месяце выеду в том случае, если раздобуду собак и необходимые средства на путевые издержки».

5 июля Петропавловский порт покинул пароход «Взрыватель». Проезд в каюте первого класса стоил 90 руб., второго — 70 и третьего — 50. Этим рейсом во Владивосток (без захода в Японию) выехали жена и дочь Х. П. Бирича. А накануне он издал приказ № 291 о запрещении местным магазинам выполнять заказы и выдавать товары в кредит чинам военного ведомства и служащим правительственных учреждений, не имеющих на это разрешительных свидетельств из канцелярии особоуполномоченного; в противном случае в оплате счетов будет отказано.

«По всему берегу Авачинской губы, — писал 7 июля «Камчатский листок», — появилось огромное количество мальков неизвестной породы, причём мальки разные и очень мелкие. Старожилы утверждают, что явление это очень редкое и предвещает дождливое лето, бурную осень, а ход рыбы будет под самым берегом». 9 числа в Народном доме давал «первую гастроль по небывалой программе» факир Сулейман Бен-Саид, азиатский профессор, как оповещала афиша, совершивший «Мировое Турнэ». Рекламировались его способности угадывать мысли зрителей и усыплять от одного до шести человек.

Во второй половине июля 1922 г. поступила правительственная телеграмма, уведомившая особоуполномоченного, что рейсы японских торговых судов могут совершаться с платой на основании торгового и таможенного уставов, корабельного и попутного сборов, без права заниматься каботажом между русскими портами.

Старший чиновник особых поручений М. С. Миклашевский, вернувшийся (скорее всего, на «Кано-мару») из командировки во Владивосток, заявил: в столице Приморья после ликвидации бунта жизнь вошла в нормальное русло; командующий вооружёнными

силами Временного Приамурского правительства генерал-лейтенант М. К. Дитерихс проявил силу и энергию к водворению порядка и прекращению партийной розни; Народное Собрание распущено, созывается Законодательное. «Правительством сделаны распоряжения о посылке на Камчатку провианта и предметов первой необходимости для населения. К нам снаряжены три парохода: “Магнит”, “Батарей” и “Охотск”; их приход в Петропавловск ожидается на днях».

15 июля во Владивостоке открылся Земский собор. Представителями от Камчатской области на него были избраны инженер Оводенко и бывший начальник Анадырского уезда Сокольников (кандидаты Михельсон и Циунчик), от Петропавловской городской думы — Е. А. Колмаков и Е. Ф. Одынец.

В тот же день в Петропавловск прибыл военный транспорт «Цуругазаки» с продуктами для японских военных судов. Спустя три дня японское командование устроило состязания в военном городке, на которых присутствовали Х. П. Бирич, консул Симада, командир флотских миноносцев Накаяма, начальник Петропавловского военного района Кузнецов и начальник штаба есаул Чешкин. Через четверо суток миноносцы ушли: один на север, другой на западное побережье Камчатки.

16 июля 1922 г. в Петропавловском соборе была «отслужена заупокойная литургия и панихида по в Бозе Почившим Его Императорском Величестве Николае Александровиче и Его Августейшей семье, приявших мученическую кончину в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. от руки врагов Родины и Престола».

20 июля в Петропавловск вернулся крейсер «Нийтаки», 22-го в семь утра пришёл японский почтовый пароход «Кобе-Мару»...

В конце июля поступила телеграмма от уполномоченного Охотского уезда И. И. Соболева: «По всему Охотскому побережью и в районе Охотска—Якутска спокойно. Область совершенно очищена от красных партизан. Побережье охраняется правительственными войсками. В Охотск прибыло большое число иностранных коммерсантов».

30 июля 1922 г. Петропавловск узнал о трагической смерти тридцатитрехлетнего П. Я. Сусяка. Педагог по профессии, он поднялся на волне революционных событий после падения монархии. Весной 1917 г. входил в состав Петропавловского городского комитета, а затем возглавил его. Осенью 1918 г. Второй Камчатский областной съезд избирает П. Я. Сусяка товарищем (заместителем) председателя областного комитета А. А. Пурина.

С тех пор их фамилии соседствуют вплоть до роспуска в начале 1919 г. этого органа областной исполнительной власти.

П. Я. Сусяк активно противодействовал совдепу в его стремлении подчинить Камчатку ленинскому совнаркому. В дни острой конфронтации с «советчиками» (март 1918-го) он вместе с А. А. Пуриным призывает местных жителей защитить демократию с оружием в руках, и сам принимает участие в этих «разборках», обошедшихся, правда, без жертв. Позднее Павел Яковлевич отмёл упрёки в жажде власти «через потоки крови». Демократы, говорил он, не имели намерения пролить «родную народную кровь». П. Я. Сусяк напомнил делегатам Второго съезда: «Многое было предпринято для того, чтобы столкнуться с совдепом, не раздирать Камчатки, как разодрана наша Родина». И иллюстрировал позицию Совета митингом, созданным им 1 января 1918 г., где областной комитет обвинялся в буржуазности, и велись речи «о пуле и верёвке для членов Комитета». Уступив власть совдепу, объяснял П. Я. Сусяк, удалось избежать пластовки (от фразы «пластовать рыбу»), что на языке местных жителей означало одно — кровопролитие.

Той же осенью 1918 г. П. Я. Сусяк избирается председателем Петропавловской городской думы. В 1919 г., когда Камчаткой управляют представители Колчака, а затем Дальневосточной республики и Советской России, Павел Яковлевич, отойдя от политики, всецело отдаётся педагогической деятельности, которую, кстати, не оставлял и прежде, работая в облкоме и Думе на общественных началах. Иногда читает лекции, в том числе о «Великой Французской революции». И всё же после январского (просветского) переворота в Петропавловске против него, как и против колчаковского управляющего областью Н. Н. Червянского, было возбуждено дело, прекращённое летом 1920 г. по амнистии правительства Дальнего Востока.

В первый период «бочкарёвщины» П. Я. Сусяк негласно оппозиционировал новой власти, что отмечает в воспоминаниях 1964 г. «Второй Чрезвычайный Петропавловский уездный съезд Камчатской области» П. Г. Ивашкин-Ларичев: «Когда мы находились в Островной (красные партизаны в ноябре 1921 г. — В. П.), заготавливая лыжи, туда из города зашёл бывший противник советской власти учитель Сусяк, а с ним два охотника из коренных жителей города — фамилии их не знаю. Сусяк проинформировал тов. Ларина, как ведут в городе меркуловские ставленники, охарактеризовал их вооружённые силы как шайку бандитов и заявил,

что при такой власти он не согласится поступать к ним на какую-либо работу, а решил лучше уйти на промысел со знакомыми ему охотниками.

Тов. Ларин и Фролов крепко предупредили гражданина Сусяк и его спутников, чтобы при возвращении их в город они умоляли о нашей с ними встрече и ни в коем случае не передавали белобандитам, какое количество нас находится с Облнарревкомом. Они дали слово, что это выполнят (гр. Сусяк, возвратившись в город, всё же поступил к Биричу правителем канцелярии и нашёл там свою смерть...)»

В 10 утра 28 июля 1922 г. в город от партизан сбежал брат П. Т. Новограбленова подросток Вася, задержанный красными, видимо, в отместку за то, что первый камчадальский учёный и педагог открыто называл их шайкой бандитов и разбойников (всё это в дельнейшем роковым образом скажется на судьбе Василия Трифионовича — расстрелян в 1934 г.).

После его бегства возникла надобность в передислокации партизанского лагеря, о чём Н. П. Фролов поставил в известность И. Е. Ларина, сообщая ему также о городском ЧП — убийстве руководителя канцелярии особоуполномоченного. «У Кузнецова были именины, на которых Сусяк сказал речь, что нужно освободить Рябикова, иначе городу придётся голодовать, после обеда его зазвали на квартиру, и капитан Любвин приставил к виску револьвер и сказал “помирай, если ты голодный”. После убийства Сусяка в городе полная паника, никто не гарантирован за свою жизнь».

Материалов расследования трагического случая 29 июля немного — всего три протокола допроса, и среди них нет показаний человека, стрелявшего в Павла Яковлевича.

Р. Я. Салатко-Петрице: «Я, командир посыльного судна “Свирь”, поручик по Адмиралтейству... тридцать шесть лет, римско-католического исповедания, под арестом и следствием не был. В 11 час. вечера я вернулся с (неразборчиво. — В. П.) начальником Военного района и пошёл к себе на квартиру в 3-й казначейский дом, занимаемую М. П. Бородиной. Провожать нас просил разрешения штабс-капитан Любвин. Прийдя домой, я предложил штабс-капитану Любвину выпить рюмку водки, от коей штабс-капитан Любвин не отказался. В 12 час. 20 мин. ночи я и М. П. Бородина вышли провожать штабс-капитана Любвина домой.

На углу, у конца Казначейских зданий, встретили П. Я. Сусяка, выпившего изрядно, начался мирный разговор. П. Я. Сусяк обратился ко мне с вопросом: «А у капитана, наверно, есть рюмка

водки?», на что я ответил: «Ради Бога». Мы зашли в квартиру М. П. Бородиной и прошли на кухню, дабы не беспокоить мать-старуху и детей. Я налил по рюмке водки. М. П. Бородина вышла за ещё одной рюмкой, которой не хватало за столом. Я вышел: или за папиросами, или за чем-то другим — точно восстановить не могу.

Раздался выстрел, я вбежал в кухню и увидел штабс-капитана Любвина стоящим, а П. Я. Сусяк лежал уже полу и хрипел. Я спросил, что такое. Штабс-капитан Любвин заявил: «Одним товарищем меньше...» (неразборчиво. — *В. П.*). Тот час я послал на пароход «Свирь», вызвал караул и сообщил начальнику Военного района. В (неразборчиво. — *В. П.*) прибыл доктор Рубецкий, оказал первую помощь, отправил раненого в городскую больницу».

М. П. Бородина 29 июля 1922 г: «...не доходя до Казначейства, нас догнал П. Я. Сусяк, шедший из гостей выпимши, я немного отстала от них, как услышала голос командира «Свири» Салатко-Петрице: «А что, не зайдёшь к нам на рюмку водки?» За поздним временем я просила очень долго не сидеть. Войдя в прихожую, я попросила извинения у Павла Яковлевича, что не приму его в столовой, ибо рядом спят дети и бабушка, а пошли на кухню, где всегда едим, даже если бывают и посторонние. Павел Яковлевич сел за стол, третьей рюмки не оказалось. «Я принесла Вам рюмку», — сказала я и вышла в комнату бабушки, как раздался выстрел, и бабушка вскочила и сказала: «Мария Павловна, на кухне выстрел».

Желая её успокоить, я сказала, что, наверно, не у нас. Вышла в кухню, где на пороге стоял капитан Любвин и сказал: «Мария Павловна, не волнуйтесь, я убил Сусяка». На полу навзничь лежал и храпел Павел Яковлевич, из правой стороны головы сочилась кровь. Командир «Свири» встал и сказал капитану Любвину: «Вы, как честный офицер, оставайтесь до прибытия военных властей на месте, а я пойду доложу о случившемся». (Следует заметить, что Бородина являлась подчинённой Сусяка: она служила в канцелярии особоуполномоченного «журналистом»; существовала тогда такая должность чисто технического, по-видимому, свойства никак не связанная с прессой.)

В. Б. Ненсберг: «Приблизительно часов в 11-ть я услышала стук в парадную дверь и пошла из спальни отпереть. Было темно в передней, и я не знаю, сколько и кто вошёл, опять легла и вижу, входит Мария Павловна за посудой, взяла и ушла. Через четверть часа она опять отворила дверь, чтобы войти, но в это время раздался выстрел, я привскочила на кровати и крикнула: «Мария

Павловна, стреляют!” Она же мне в ответ: “Ну вот, глупости, кто стреляет”, потом я услышала, что она плачет на кухне, и голос грубый её уговаривает.

После выстрела стал кто-то сильно хрипеть, и я решила, что это Роман Яковлевич уснул, и было тихо потом, заходили, но я не выходила из спальни, утром, и то от других, я узнала, что застрелили или застрелился господин Сусяк. Более показать ничего не могу. Варвара Ненсберг, имея 70 лет от роду».

Из всего приведённого выше, и наверняка также других сведений, не попавших в архив, Х. П. Бирич сделал вывод: «Салатко-Петрище зазвал покойного к себе в гости совместно с капитаном Любвиным, который, придравшись к словам Сусяка (что-то о политических приёмах советской власти), выхватил револьвер и убил наповал».

Данное преступление можно отнести к разряду «пьяных», что, скорее всего, и сделали многие жители Петропавловска, услышав о его застольных обстоятельствах. Ровно за месяц до этого Бирич с Сусяком распубликовали обязательное постановление № 3315, которым, на основании пункта статьи 105 «Правил о положении усиленной охраны», воспрещалось торговым заведениям продавать спирт и разного рода крепкие напитки всем без исключения военным чинам, не предъявившим соответствующих разрешительных удостоверений за подписью начальника Петропавловского военного района; запрещалось приглашать военных в частные дома «с целью спаивания их»; налагался запрет на покупку от военных чинов каких бы то ни было «предметов обмундирования, продовольствия и оружия». Нарушители перечисленных запретов подвергались штрафу до 500 руб. или аресту до трёх месяцев с высылкой для отбывания наказания во Владивосток.

Свидетель по «Думскому делу» Адольф Антонович Оссе, бывший бочкарёвец, при красных портной войск Охотско-Камчатского края, «раскрыл секрет Бирича»: как тот ограничил своеволие Полякова — будто «начал спаивать спиртом офицеров... чтобы переманить их на свою сторону, и действительно так и было, так что Полякову пришлось уехать отсюда на шхуне Свенсона в Наяхан к Бочкарёву. Теперь поляковцы стали требовать, и Бирич давал, что они хотели». Когда же не давал, «поляковцы берут винтовки и идут его обстреливать. Местная команда стала на заднем плане (не подчиняться никому, исключая комсостава). Бывали и вооружённые столкновения с поляковцами». Соответствовало ли действительности утверждение бочкарёвца Оссе, перешедшего «на платформу Советской власти», теперь проверить вряд ли удастся.

Партизанский осведомитель доносил в штаб сопочников: «Когда выгнанные из Солеварки рыбаки пришли к Биричу с вашим требованием об освобождении Рябикова, он им сказал, что “я им увезу на Солеварку и выброшу его труп” послы когда ушли рыбаки он будто написал Рябикову Смертный приговор и послал розсыльным на подписи Сусляку, Щепчинскому и Колмакову, как правителю кацелярии, председателю управы и городскому голове, но Сусяк и остальные двое от подписей отказались и когда Бирич получил обратно приговор без подписей то тот час его разорвал, и за это убит Сусяк, и готовятся ещё убить Бирича, Щепчинского и Калмакова, этот смертный приговор опровергается следующим.

Я имел интервью с Артюхиным, который мне сообщил: после похорон Сусяка Артюхин проходил мимо Бирича дома, через открытую форточку Бирич его поманил пальцем к себе в дом, Бирич был выпивши и сказал Артюхину Садитесь помянем покойника Сусяка, Артюхин сел и при этом поминании они вдвоём обсуждали возмутительную смерть Сусяка, возмутительные выходы поляковцев и критическое положение населения города. Бирич спрашивал где искать выхода и как выйти из этого положения, Артюхин сказал “нада освободить Рябикова”, Бирич сказал Я его давно освободил-бы, но как его освободить, его нада освободить так, чтобы доставить в Завойку или в их стан живым, а этого при данном положении не возможно. Говорит Бирич Я глубоко убеждён и хорошо знаю, Что когда я его освобожу то он и десяти шагов не проследует как тут же на берегу будет убит поляковцами. Я в том глубоко уверен. Артюхин сказал тогда вооружённой своей командой (те есть Биричевской опричниной) Бирич ответил тогда ещё больше будет крови убийства с обеих сторон и будет причина или повод вмешательства Японии и я не гарантирован за свою жизнь, тогда Артюхин сказал, как вы Особоуполномоченный, то обратитесь к Японскому Консулу и попросите, чтобы японцы их разоружили. Бирич говорит, а какое после этого положение или влияние займут японцы в городе и вообще на Камчатке?»

Далее в донесении указывается, что Х. П. Бирич якобы предложил Артюхину вооружить горожан, чтобы совместно с его людьми разоружить поляковцев. Их к этому времени особоуполномоченный будто обещал опить. Артюхин возразил ему: пьяные прольют ещё больше крови, чем трезвые, и опять будет повод для вмешательства Японии, необходимо заранее заручиться её поддержкой. Тогда Х. П. Бирич посоветовал Думе принять постановление с требованием казни убийцы Сусяка и освобождения

Рябикова, он, дескать, подпишет такое постановление. Особоуполномоченный пригласил Артюхина к себе на другой день, но тот стал ждать, пока Бирич пошлёт за ним. Одновременно тогда же, в понедельник, Артюхин поведал о своём разговоре с Биричем Колмакову и Румянцеву. «Гласные должны были собраться на заседание в шесть вечера, но явилось всего девять человек... Бирич по случаю убийства Суслыка подал во Владивосток телеграмму на английском языке, насколько разобрал. Гласит так: “Правителя моей Канцелярии убили без всякой причины если [неразборчиво] скорой помощи из Владивостока то [неразборчиво] худое”.

После убийства Суслыка всё чиновничество пришло в полное уныние видно, что уже от всего сердца против них негодуют и ищут выхода и не находят его, полный глухой тупик, из которого нет выхода. Броситься в ворота там банды садистов, броситься за озеро там красные и везде преграды, бьются как мухи в закрытом сосуде, и ни где нет выхода». Что в этом документе правда, а что — нет, сказать трудно. Да он и не претендует на полную достоверность, о чём говорит заголовок «Последние слухи об убийстве Суслыка».

«Моя личная мысль, — высказывает своё мнение автор донесения, — чтобы всё население города обратилось бы к Японскому командованию, Чтобы их разоружили и взять город под охрану самого населения или же Чтобы они ушли из города или же Чтобы Японцы оставили наш порт, и тогда мы сами с ними справимся...»

В заключение информатор Чечелевский (фамилия явно вымышленная) рекомендует партизанам держаться прежней тактики — «гонять отовсюду рыбаков и косильщиков» в надежде, что «тем вызовется негодование, они один другого будут убивать...»

За убийство П. Я. Суслыка казачий офицер не понёс наказания. Тогдашняя молва указывала ещё на одного виновника преступления. Впрочем, на допросе в Приморском губотделе ГПУ 10 декабря 1922 г. третий механик «Свири» Василий Сутурин отказался подтвердить, что он говорил старшему механику Г. Я. Бойко, будто Суслыка убили вдвоём Любвин и Салатко-Петрище.

На воскресенье 30 июля 1922 г. намечался пикник для учащихся Петропавловских училищ и детей не учащихся. Его устраивал «Торговый дом Сайденберг и Виттенберг». Мотор (катер) с кунгасами должен был отойти от пристани в десять утра. Ребятам надлежало захватить с собой еду и кружки. Руководить экскурсией П. Я. Суслык поручил инспектору Петропавловского высшего начального училища П. Т. Новограбленову и учителям обоих училищ. Он же заблаговременно дал объявление об этом в местную

газету. Отдых с морской прогулкой организовывался в высшем начальном училище и раньше: 1 октября 1921 г., без малого за месяц до высадки в городе Северного экспедиционного отряда (СЭО), дети ездили на Петропавловский маяк на кунгасе, предоставленном кооперативом совершенно бесплатно. Погода стояла прекрасная. Смотритель маяка Шантин встретил гостей (около семидесяти человек) радушно, накрыл стол для преподавателей, которые отметили, что «все сооружения и помещения в образцовой чистоте».

...Вдова Павла Яковлевича Анастасия Васильевна Суслык (беспартийная, из крестьян) после окончательного установления на Камчатке советской власти работала учительницей и библиотекарем и даже была избрана в Петропавловский горсовет.

25 сентября 1925 г. инструктор по работе среди женщин Камчатского губбюро РКП(б) М. Мефодьева докладывала т. Мучнику в отдел истпарта Дальбюро ЦК, что за исключением материальной помощи в некоторых селеньях (например, Татьяна Никитина из Козыревска), женщины Камчатки в партизанском движении непосредственного участия не принимали. Однако в архивных документах того и более позднего времени мелькают женские партизанские фамилии. Среди них: жительница Сероглазки Евдокия Ивановна Крупенина-Куро, жена И. В. Рябикова Мария Степановна, тигильская телеграфистка, передававшая партизанам сведения о передвижении белых военных; её увольнение тогда, по словам Е. П. Мильского, добивался начальник почтово-телеграфной конторы И. Д. Козырев, сданный им в ОГПУ. Н. П. Фролов называет ещё одну женщину (помимо уже известной нам Веры Пановой) Анисью Николаевну Селиванову.

В конце 1920-х гг. некоторые коммунисты хотели исключить её из партии, приводя самый веский, на их взгляд, довод: «Тов. Селиванова в прошлом была падшая женщина, злоупотребляла спиртными напитками...» Фролов напомнил: А. Н. Селиванова первой из камчатских женщин вступила в компартию, стала политически грамотной, активисткой — членом агитсекции Российского общества Красного креста, окрсовета, Добровольного общества «Друг детей», окресткома. «Знаю Селиванову с 1920 г. Селиванова оказала громадные услуги партизанским отрядам... через неё и её квартиру мы держали связь с городом».

Селиванову защитил другой ее товарищ по партии Васильев. «В поступках во всей её личной жизни (пьянство, ненормальная семейная жизнь) отразилось всё наследие царского самодержавного

строю и те условия, в которых находились все трудящиеся того времени. Не вина Селивановой в том, что в её личной жизни они проявились наиболее ярко. Сейчас мы видим, что т. Селиванова совершенно не пьёт; она исправилась, как только вступила в ряды партийной организации. Тов. Селиванова работает над собой... Считаю, что многим из нас следует взять пример с Селивановой».

А. Н. Селиванова, 1885 г.р., замужняя вторым браком, имела сына и дочь, работала тогда в детяхлях. В деле 1935 г. об отравлении в Петропавловском порту, заведённом НКВД на несколько лиц, в том числе на заведующую столовой Анисью Николаевну Селиванову, можно прочесть: «в прошлом жена полицейского, которая... имела близкое общение с белогвардейскими офицерами, рядовым составом белогвардейцев, вплоть до интимной связи. С этими белогвардейцами Селиванова в своей квартире устраивала пьяные оргии, также посещала квартиры белогвардейцев, где участвовала в пьянствах». Её обвиняли в посещении начальника военно-политического розыска П. Д. Пояркова, кому она «вымышленно рассказала», будто вместе с жительницами Сероглазки Щукиной и Куро «доставляли продукты красным партизанам, в связи с чем Щукина и Куро были арестованы и содержались под стражей в течение двух месяцев, допрашивались и подвергались издевательствам».

А. Н. Селиванову исключили из ВКП(б) при проверке партдокументов уже в 1930-х. По делу об отравлении «в результате отсутствия должного санитарного надзора» она получила один год исправительно-трудовых работ с вычетом 10 % заработка без лишения свободы.

16 ноября 1957 г., посетив через 27 лет Камчатку, И. Е. Ларин и Н. П. Фролов письменно подтвердили, что Васильев Пётр Иванович, 1906 г. р., сероглазкинский старшина катера, «принимал участие в партизанской борьбе в качестве связного и снабжении партизан продовольствием». В 1938-м, когда расстреляли «врага народа» Васильева, Петропавловский горком ВКП(б) объявил строгий выговор с занесением в учётную карточку ровеснику века Луке Лукичу Слободчикову. Этот человек, будучи слепым, выполнял отдельные поручения партизанского отряда: например, «помогал нам поддерживать телефонную связь с партизанским отрядом» (Б. Г. Ивашкин-Ларичев). Телефон являлся важным источником информации «сопочников». Владимир Иванович Семёнов, входивший некоторое время в спецгруппу из трёх партизан, рассказывал, что они в установленной на восьмой или девятой версте

Завойкинского тракта палатке «имели телефон, подвешенный к проводам, подслушивали разговоры в городе белогвардейцев, их телеграфные передачи; в составе партизан был телеграфист Давыдов, впоследствии погибший в бою под сельхозфермой».

Как уже говорилось, жители Петропавловска подростки Вася Новограбленов и Ваня Игрушечкин, «ушедшие за лошадью», были взяты партизанами в заложники. Этот факт Интернационал Акимов (новые имя и фамилия Игрушечкина) нашёл своеобразное отражение в его в автобиографии: «...весной 1922 г. *попал* (курсив мой. — В. П.) к партизанам... где пробыл добровольцем четыре месяца». В 1924 г. он состоял в частях особого назначения. По случаю 50-летия Великого Октября Игрушечкин-Акимов получил орден Красного Знамени как «партизанский разведчик в отрядах Чекмарёва и Елизова».

Однако наиболее важные — надо полагать — сведения поступали от Николая Андреевича Федоренко (а не от С. Х. Сидоренко, на кого указывалось в первой части настоящих очерков). После возвращения партизан в Петропавловск И. Е. Ларин не только забыл о его заслугах, но и при случае дал ему негативную политическую характеристику: «Выдержанный, но ярый монархист, где только может, всегда вставит палку в колесо революции». Партизанский шпион фигурирует в письме С. Я. Кима от 3 мая 1990 г. (см. первую часть «Противостояния»), в партархив Камчатского обкома КПСС. «Был ещё... белогвардейский прапорщик Федоренко (или Федорченко), который проживал казарме белых. Через него шли в партизанский отряд данные о белогвардейцах, впоследствии работал в качестве агента Облфинотдела, а через некоторое время покончил с собой, что был в белых (угрызение совести)». А может, наоборот: из-за того, что предавал своих?

Автор письма причисляет к тайным городским помощникам партизан своего однофамильца Михаила Кима, что в начале второй половины 1922 г. бежал от разоблачения к партизанам и вместе с ними потом вошёл в Петропавловск. Умер он в период Отечественной войны в Самарканде. С. Я. Ким, поддерживающий связь с родственниками Михаила, удивлялся их полному неведению в отношении его партизанского прошлого.

С. Я. Ким пишет, что подал рапорт об увольнении из НКВД в 1937 г., тем самым протестуя против выселения корейцев с советского Дальнего Востока. Согласно одним архивным документам, его увольнение последовало на два года раньше — 1 сентября 1935 г. «за передачей в РКСМ», согласно другим — был осуждён

«за фальсификацию материалов и запугивание арестованных». Пётр Николаевич Тен, отсидевший «десятку» по делу «Автономная Камчатка», показал в процессе реабилитации его фигурантов в 1955 г.: «Ким Степан меня допрашивал несколько суток без перерыва, угрожая оружием и расстрелом... И обманывал меня, и оформлял протоколы нужные ему, а я подписывал, не зная их содержания». С. Я. Ким, будучи сам допрошен в 1963 г. о деятельности бывшего начальника Камчатского областного управления НКВД А. П. Льва, заявил буквально следующее: «Я вообще тогда не слышал вообще о каких-либо нарушениях социалистической законности». Кстати, Степан Ким являлся одним из первых комсомольцев Камчатки, но год спустя, в июле 1924 г., окарауливал помещение губфинотдела уже в ином качестве: горрайком РКСМ исключил его «как шкурника». Но затем он снова идёт в рост. В 1928 г. — секретарь окрсовета Осоавиахима, кандидат ВКП(б), а через полгода уже и член.

...Ни супруга главного педагога области Анастасия Васильевна Сусляк, ни, тем более, М. П. Бородина, с партизанами, естественно, связаны не были. В ночь с 28 на 29 июля 1922 г. Марии Павловне шёл тридцать шестой год. Она, как и А. В. Сусляк, являлась «дамой бальзаковского возраста». Имела ли Бородина косвенное отношение к убийству Павла Яковлевича, мы не знаем и, видимо, не узнаем уже никогда. Не узнаем, наверное, и кто такой Сойкин, «разоблачитель» Бородиной, заявивший на неё в НКВД 22 октября 1937 г.: «Гражданка Бородина Мария Павловна проживает по Партизанской улице в 1921 г. вовремя борьбы с белым террором на Камчатке, гр. Бородина была сожительницей одного ярого белобандита СолодкоПетрищев копитан ваенно корательного порохода “Свирь”. Гр. Бородина бывшая мещанка и сожительница врага трудового народа, котораго в 1923 годов г. Владивостоке лично мне пришлось снять с вогона на станьцей г. Владивостока. После шести дневного процеса СолодкоПетрище был разстрелян Совмесно сосвоей бандой тrenaдцат бандитами.

Если гр. Бородина являлась женой ярого бандита то и она могла являться его агентом а если она служила агентом сваему супругу то кров трудящих пролита по её вине. Гр. Бородина имеет сына от Соладко-Петрища его доказовае теснаю связ с врагом народа».

М. П. Бородина приехала на Камчатку с мужем, радистом по профессии, А. А. Ненсбергом в 1910 г. Через два года развелась, вышла за другого, с ним прожила семь лет. Первый муж в 1919 г.,

при Колчаке, управлял Петропавловским уездом, в 1921 г., при революционерах, заведовал областным метеобюро, потом эмигрировал в Америку. Их переписка с Марией Павловной не прерывалась до 1937 г., но была под постоянным контролем «компетентных органов».

Окончательно Советская власть на Камчатке установилась с возвращением в Петропавловск партизанившего облнарревкома в ноябре 1922 г., а уже 13 января 1923 г. к Бородиной на улицу Большую нагрянули с обыском. Производил его уполномоченный по разработке губернского ГПУ Кунцевич, в качестве понятых выступали член Следственной Комиссии при ревтрибунале Григорий Трухин и Василий Зенков, который спустя пять дней отправится во главе красной разведгруппы на разгром бочкарёвцев и погибнет в бою с ними 13 апреля в Наяхане. При обыске у М. П. Бородиной изъяли четыре письма и одну фотографию. В 1920-е гг. она работала машинисткой губревкома. Второй обыск был у неё в 1927 г. Вновь забрали, однако потом вернули, переписку. 1938 г. Третий обыск. Последний. Самый большой «улов» — переписка на 21 листе, четыре фотокарточки и три открытки. Они послужили дополнением к обвинению в шпионаже в пользу Японии. Один из членов военного трибунала поинтересовался отношением Бородиной к приходу советской власти в 1922 г. Ответила, что занималась не политикой, а детьми. Она имела троих ребят — двоих сыновей и дочку...

21 октября 1921 г., когда «Свирь» с бочкарёвцами была на подходе к Петропавловску, первый муж М. П. Бородиной находился уже в Хакодате. Эта дата стоит в его письме оттуда. «Здравствуйте, дорогая мама и Маруся... В России ужасный голод, мрут миллионы, но это не изменяет политику террора, и к голоду присоединяются тысячи смертей при помощи массовых казней... Благодарите Бога, что Вы живёте на Камчатке и что в Петропавловске стоят японцы...» В следующем письме А. А. Ненсберг хвалит Японию, но замечает: «Как ни хорошо здесь, но всё же мы считаем Петропавловск своим “домом”, а Камчатку своей страной, так что закон о том, что, кто прожил на Камчатке более двух лет, тот непременно на неё вернётся, оправдывается вполне, тем более что я прожил на ней почти двенадцать лет, а не два года. Итак, береги себя, пиши и жди нас весной». Алексей Александрович собирался на Камчатку, узнав о её переходе под юрисдикцию Приамурского правительства. Но — «не сложилось». У Марии Павловны появился Р. Я. Салатко-Петрище — гражданин Польши,

у которого во Владивостоке, кстати, имелась законная жена Нина Дмитриевна, сорока лет, домохозяйка.

Салатко-Петрище, мёртвый, и Ненсберг, живой, сыграли роковую роль в судьбе М. П. Бородиной. 9 мая 1939 г. её расстреляли.

...Летом 1922 г. на Камчатке произошло ещё одно трагическое событие, которое до сих пор во многом загадка. Это смерть Г. М. Елизова от раны, полученной во время перестрелки с белыми.

В Паратунке, где погиб красный командир, в середине 1920-х гг. было 21 хозяйство. Все — бедняцкие и середняцкие, «нет ярко выраженных кулацких групп». Позднее «выявились местные богатеи»: Андрей Ведерников, Георгий Гуляев, Иннокентий, Николай и Павел Подпругины, Афанасий Яковлев. Жители Паратунки занимались рыболовством, охотой и огородничеством.

Житель г. Елизова научный сотрудник А. П. Никаноров приложил немало усилий, чтобы отделить «зерна от плевел» — снять позднейшие наслоения с картины Паратунской вооружённой стычки или — если желаете — боя, хотя таковым назвать её можно лишь с большой натяжкой.

Официальная версия события содержится в книге «За власть Советов на Камчатке (1917—1923 гг.)», а точнее в помещённой там работе И. Махоркина и Ф. Слободчикова «Годы борьбы и побед». Цитируем: «Среди героев... Елизов, командир одного из партизанских отрядов, действовавших в окрестностях Петропавловска. Елизов был убит 29 июля 1922 г. во время налёта белогвардейцев на село Паратунку. Это была тяжёлая утрата для партизан. Они потеряли опытного командира, боевого и чуткого товарища».

Есть два варианта воспоминаний С. Селиванова об этом событии. Вариант первый, от 1946 г., в публикации 1983-го: «Была глубокая ночь. Хотелось спать. Командир уже было принял решение снять караул с наблюдательного пункта у церкви, как вдруг раздался неистовый лай собак. Дверь избушки открылась, и мы услышали крик часового:

— Нас окружают белые!

Мы немедленно бросились на улицу и услышали властный голос своего командира: «Товарищи, к бою готовьтесь!» Одновременно незнакомый голос подал где-то в темноте команду «пли!». И ночную тьму прорезали огненные языки из нескольких десятков винчестеров (во втором варианте от 1957 г. нет никакого «пли!» и вместо винчестеров *винтовки* без указания количества. — *В. П.*). Не успев даже выстрелить, упал, смертельно (второй вариант — *тяжело*) раненный командир, наш товарищ Елизов.

Укрываясь за линией огня, мы яростно сопротивлялись. Расстояние между нами — горсточкой партизан и во много раз превосходящим отрядом беляков — составляло не более пятнадцати метров. Враг напирал. Отстреливаясь, мы шаг за шагом отступали, унося на плечах раненого командира. В это время пошёл проливной дождь. (Лето 1922 г. вообще выдалось дождливое. — В. П.) За нами ещё слышался треск винчестеров, белые, видимо, не ожидавшие такого яростного отпора, побоялись преследовать нас в темноте. Постреляв ещё немного, белобандиты оставили село. И когда на другой день в него прибыл весь наш партизанский отряд, от белых не осталось и следа».

«...В комнате тесно. Привалившись друг к другу, партизаны сидели с угрюмыми лицами. Их взоры то и дело обращались к двери, за которой умирал командир... Дверь открылась. Вышел наш партизанский доктор т. Пересвет-Солтан. По его опущенной голове, лицу, полному глубокой печали, мы поняли, что товарища Елизова с нами не стало».

Справка. Валентин Цезаревич Пересвет-Солтан, из крестьян, образование среднее. До 1917 г. — судебный секретарь, в 1918 г. служил во Владивостоке в комиссариате юстиции, после антисоветского переворота 29 июня того же года был арестован, в 1919 г. освобождён, уехал на Чукотку. В отряд ОНРК вступил вместе с Г. М. Елизовым.

П. Г. Ивашкин-Ларичев уточняет: «...Елизова тяжело ранило разрывной пулей. На второй день он умер от заражения крови».

Теперь та же версия в самом сжатом, но более привлекательном виде: «В начале августа каратели предприняли наступление в районе Паратунки. В бою был смертельно ранен командир местного партизанского отряда Георгий Елизов. Но меркуловцы понесли большие потери, не решились продвигаться дальше в ночное время и отступили».

В книге «Борцы за власть Советов на Камчатке» доктор исторических наук Б. И. Мухачёв приводит свидетельство П. Г. Ивашкина-Ларичева: «В начале августа белые сделали налёт на деревню Паратунка, рассчитывая захватить там жён партизан Ларина и Фролова. К деревне ночью подошло около тридцати человек. В это время в Паратунке был отряд Елизова, которому поручили отправить Ларину и Фролову в Налычево». Этот факт подтверждает Дарья Ларина в краткой автобиографии 1923 г. Весной, оказавшись на свободе, она «не долго думая из города поехала в Паратунку, где и жила до появления белых в июле месяце 1922 г.

После этого мы с тов. Фроловой ушли в отряд, где и находились до вступления отряда в город».

Исходным документом, на который опирались советские исследователи и краеведы, было донесение Н. П. Фролова в штаб революционного отряда от 4 августа 1922 г. Приводим этот документ, выделяя пропущенное в сборнике «За власть Советов 1920—1922. Документы и материалы» и восстановленное А. П. Никаноровым при архивной сверке. «Доношу, что в ночь на 1 августа бандиты прибыли в село Тарью и высадили десант 20 человек в Тарье захватив Афанасия Яковлева и под силой оружия заставили вести в Паратунку одного из жителей Паратунки. Увидя то, что прибыли на Свири бандиты предупредил всех в Паратунке. Все жители мужчины женщины и дети были вывезены в тайгу. В Паратунке остался только наш отряд и Паратунский с молодёжью всего 13 человек.

Противник в час ночи подошёл к Паратунке пользуясь темнотою обошёл наши посты, подкравшись на расстояние 10 шагов. Тов. Елизов стал окликать кто идёт в это время со стороны раздалась команда стрелять и первыми выстрелами командир 1-го отряда тов. Елизов тяжело ранен разрывной пулей в правое плечо, его тогда Герасим Тюменцев с большим трудом утащил в лес, и по лесу его носили очень много, так что много ему повредили. Мы прибыли в Паратунку утром, но неприятель уже ушёл. Нам пришлось всех жителей собирать по лесу, а также и свой отряд, в настоящее время все жители Паратунки, Микижи и Тихая все под ружьём. Тов. Елизов находится в Паратунке и его везти сейчас невозможно очень слаба надежда на выздоровление плохая. Прошу командировать в Тихую на Захарова катере 5 человек с которыми мы все возвращаемся и привезём раненого и женщин.

Противник, наверное, знает, что у нас ранен тов. Елизов может нам воспрепятствовать его вывезти по бухте в Авачу. Вам необходимо в Аваче поставить секретный пост, в случае мы поедем, чтобы не попасть в лапы противнику.

Тов. Елизова предполагаем везти на катере до Хутора, каюром до Завойко, батями а в Начиках его лечить, а в тайге будет очень трудно. Командировку 5 человек и выставить в Аваче пост прошу поскорее, а то нам здесь очень опасно не зная, что делается в городе... Если поедете, то в устьях Тихой может сидеть наша, то есть Тихинская засада пропуск будет (Курок). Остальное, что не сообщил, передал тов. Игрушечке».

А. П. Никаноров подметил много несуразностей и неточностей в текстах ряда авторов на данную тему. Это и разные даты происшедшего (мы к этому ещё вернёмся), и неодинаковая, в сторону преувеличения, численность десанта, и детали стычки, и т. д. и т. п. Но даже такой скрупулёзный анализ источников не позволяет в полной мере восстановить событие почти девяностолетней давности. Недостаёт (в который раз!) свидетельств противоположной стороны. Однако существует ряд других, не введённых пока что в научный оборот, документов, благодаря которым в реставрируемой нами картине проступают новые штрихи.

Среди таких документов материалы архивного уголовного дела 1933—1934 гг. на Подпругина Николая Степановича, Яковлева Афанасия Павловича... Бедняк, член правления колхоза «Красная звезда» Н. Н. Корнилов рассказывал: «В 22-м году 20 июня Подпругин и Яковлев привели из Петропавловска белых 13 человек. До этого Подпругин и Яковлев находились в штабе белых в Петропавловске. В ночь на 21 июля (то июнь, то июль. — В. П.) Подпругин с Яковлевым повели белых из Паратунки к месту расположения партизанского отряда, который ожидался из Николаевки и человек шесть партизан скрывались в Паратунке».

Первём рассказ Корнилова, чтобы дополнить его. По воспоминаниям партизана В. Семёнова, николаевский отряд состоял из Трофима Ивановича Шехерёва, Калистрата Николаевича Поротова, К. А. и А. И. Брекаловских, П. И. Черноногова и Михаила Чудина. В мае 1967 г. (дата воспоминаний) в живых были только двое: Шехерёв и Поротов.

Н. Корнилов: «Скрывавшиеся по квартирам, услышав шум и выйдя на улицу, увидели белых, по которым открыли огонь. Несколькими выстрелами со стороны белых был убит командир партизанского отряда Елизов. В то время началась перестрелка, Подпругин и Яковлев убежали и прятались по квартирам. Кроме командира Елизова, убит или ранен никто не был».

Н. С. Подпругин (1895 г. р., середняк, образование низшее) внёс существенные поправки в показания свидетеля. Возвращаясь из города с продуктами, они с Афанасием были задержаны в бухте Авача сошедшими со «Свири» белыми, так как не имели пропуска. Белые пошли в Тарью, держа их шлюпку на буксире. В Тарье был высажен десант в количестве 19 человек во главе с офицером (некоторые источники называют его: вахмистр Фёдор Яковлевич Водопьянов, не офицер, а унтер-офицер), он приказал Подпругину и Яковлеву вести их в Паратунку.

«Несмотря на наши протесты и отказы, нас заставили вести их, указывая дорогу в Паратунку под силой оружия. Команду белых я с Яковлевым Афанасием привели в 1—2 ночи в Паратунку. По приезде нами команды белых в село у них произошёл бой с партизанским отрядом, стоящим в то время в Паратунке...»

Но любопытнее этих документов оказалось заявление в районную партизанскую комиссию красных партизан Прокопия Ильича Черноногова, братьев Никиты и Дмитрия Константиновичей Ивайловских, датированное 2 декабря 1932 г.: «Партизанский отряд в с. Паратунка организовался 21 марта 1922 г., когда красные отступили из Петропавловска, ввиду прибытия белых, на Жупаново и с Жупаново на 16 км. Когда красные остановились на 16-м километре, Ивайловский Никита и Тюменцев Степан отправились туда для связи. Начальник главного штаба тов. Фролов послал с ними воззвание гражданам с. Паратунки о вступлении в ряды партизан для защиты советской власти. Выдал нам винтовки и патроны. Когда мы прибыли в с. Паратунку и на это воззвание откликнулись всего пять человек: Иловайский Д., Черноногов П., Тюменцев С. и Бахтин Илья, который вскоре выбыл, и на место его к нам в отряд примкнул т. Русин Фёдор.

Командиром отряда у нас был Черноногов Прокопий. Тюменцев Герасим командиром у нас не был. Партизанский штаб нашего отряда предлагали Тюменцеву вступить в отряд, но он не вступил, он выселился из деревни за речку и жил один, поддерживая связь с кулаками Яковлевым Афанасием и Павлом, Подпругиным Николаем, Коршуновым Н. Н. и Ивановым Яковом, которые его снабжали провизией». (На заявлении бывших партизан явная печать «текущего момента» — раскулачивания).

«В то время как мы держали посты, они ездили в море и занимались хищничеством заповедника. Тюменцев Герасим сам ездил на охоту хищничать с заповедника, а дома держал работника Корнилова, который управлял его хозяйством, за работу Корнилов получал иногда баранью кожу, пуд муки. Дочь Корнилова всё стирала на него бельё и до сих пор ничего не получила.

Главный штаб назначил командиром 5-го революционного отряда Паратунки Черноногова. Назначение своё он получил через Ивайловского Никиту и Тюменцева Степана, потом был переведён общим собранием партизан на начальника отряда, что также было утверждено штабом. Тюменцеву Герасиму предлагали вступить в отряд, но он отказался.

В Паратунку белых привели Яковлев Афанасий и Подпругин Николай. К вечеру 19 июля мы получили извещение, что белые высадили десант человек 20 в Тарье и идут на Паратунку. Тов. Елизов находился у нас дня три. При получении извещения об устройстве засады предложение Черноногова было устроить позицию за мостом, в кустах по обе стороны дороги, но Тюменцев Герасим, который в это время примкнул к отряду, предложил устроить позицию на увале и в огородных ямах.

Весь отряд, как не знающий военной тактики, согласился с Тюменцевым, и предложение Черноногова было отклонено. Когда мы расставили посты и заняли позицию, то было дано распоряжение из села ни к кому к нам не ходить, а часовым никого не окликать и первого попавшегося стрелять без окрика, но Тюменцев Герасим почему-то не выполнил этого приказа, который взял Елизова и пошли вместе с ним. Тюменцев кричал, кто идёт. Белые в это время успели войти в тыл и открыть огонь и ранили тов. Елизова, тогда мы открыли огонь с увала, чем отвлекли внимание белых и таким образом сумели увести тов. Елизова из поля боя».

Согласно В. Семёнову, в паратунский отряд входили: Василий Васильевич Подпругин, Иван Михайлович Яковлев, Герасим Иванович и Николай Дмитриевич Тюменцевы, Дмитрий Дмитриевич Ивайловский. Опять же, к 1967 г., все они — кроме В. В. Подпругина и И. М. Яковлева, участвовавших в бою, где был ранен Г. М. Елизов — поумирали.

«После этого боя, — говорится в заявлении 1932 г., — пришёл с отрядом т. Фролов, похоронили Елизова. Отряд Фролова ушёл и белые также ушли. В Паратунке после ухода белых и отряда т. Фролова выгнали из села (видимо, пропущено «нас». — В. П.), наш отряд ушёл в сопки. Через некоторое время мы получили записку из села на собрание с отрядом. На собрание был назначен тов. Черноногов. На собрании мне предложил Яковлев Афанасий, угрожая, чтобы мы сдали оружие, но я категорически отказался, заявив — оружие сдадим тогда, когда Вы нас перебьёте или мы Вас перебьём».

С отрядом Фролова ушли его и ларинская жёны. Поручение вывезти их в Начики (ставку облнарревкома) имел, как мы знаем, Елизов со своими отрядниками. Кстати, ни состав, ни точная численность его отряда не установлены. В течение десятилетий выработан стереотип: «Г. М. Елизов — командир Паратунского партизанского отряда». Но из вышеприведённых документов следует, что это не так. В историко-географическом очерке В. Шевцова

«Елизово» отряд Георгия Матвеевича не привязывается к какому-то одному месту, а действует «на территории между сёлами Авача, Завойко, Николаевка».

Чекистские сведения о проводнике белоказаков Афанасии Яковлеве: сын крупного торговца, до 1931 г. имел кулацкое хозяйство, постоянно обслуживавшееся наёмной силой, к мероприятиям советского Правительства и бедноте относился враждебно. Сам он говорил о себе: середняк, неграмотен, участвовал в партиотрядах в июле-августе 1922 г. Н. Попругин и А. Яковлев получили по пять лет и отбывали наказание в Дальлаге.

В 1934 г. взяли под стражу Николая Николаевича Корнилова. Он, оказывается, в год убийства Елизова являлся старостой Паратунской волости, а значит, вряд ли батрачил на Г. Тюменцева. Колхозник «Красной звезды» Прокопий Ерофеев обвинил его в том, что за двенадцать кулей муки продал белым партизан Якова Ивайловского, Николая и Герасима Тюменцевых.

Н. Н. Корнилов признался лишь в вызове в штаб Н. А. Полякова, когда приезжал в марте 1922 г. в Петропавловск. За чаем генерал расспрашивал, «где находятся отряды красных партизан, сколько их, чем вооружены и какие есть дороги, по которым можно было бы попасть в сёла Паратунку, Николаевку и др.». «На все эти вопросы я давал ответы не полностью: например, о количестве партизанских отрядов и их составе я ответил: “Очень много”. О дороге на с. Паратунку я ему рассказал всё — какими путями можно попасть туда. Кроме этого случая, я у Полякова и Бирича не был». 21 декабря 1935 г. Особое совещание НКВД СССР определило наказание Н. Н. Корнилову: «один год под гласный контроль».

В 1925 г. при приёме в кандидаты большевистской партии житель Паратунки Тимон Никифорович Шевцов предоставил характеристики от Фролова и Ларина. Последний, в частности, писал: «Во время меркуловщины на Камчатке тов. Шевцов активно участвовал и работал в Паратунском нарреволюционном отряде». Его односельчанка Игрушечкина на заседании Военного Трибунала 101-й горно-стрелковой дивизии утверждала: «Шевцов скрывал у себя партизан, а я приносила им пищу и бельё». Однако ни в одном из списков партизанских отрядов Камчатки Тимоны Никифоровича нет. А вот в антирелигиозных его заслугах сомневаться не приходится. Основную из них он назвал на том же заседании военного трибунала в 1940 г.: «Будучи на посту председателя (Паратунского. — В. П.) сельревкома, я первый в области добился закрытия церкви».

В середине мая 1927 г., являясь секретарём кандидатской парт-группы, Шевцов приглашал к себе ответственного секретаря Камчатского окрбюро ВКП(б) Н. И. Кузнецова. «Приезжайте на Паратунку по охотиться внастоящее время самое хороша охота как то на медведя и уток последних пролетело много, а медведя я уже убил одного, хотя стрелять непришлось товарищ был ближе, а я дальше, а увидел медведя в зрительную трубу. Медведи есть я ещё одного видел прям из селения. Приезжайте жалеть не будете». И приписка на обороте: «Комячейки работа идёт только силы слабы, тобы вся Паратунка сделалась коммунарами».

Партийную чистку 1929 г. Т. Н. Шевцов прошёл, а 1933-го нет. Был исключён «как балласт, не занимающий авангардной роли на производстве», политически безграмотный, разваливший работу кандидатской группы и ещё «за связь с кулаками».

Судил его трибунал дважды. Первый раз в 1939 г. по «делу Петропавловской группы». Тогда ему зачлось участие в знаменитом Завойкинском волостном съезде.

Шевцов: «На Завойкинском съезде делегатом от с. Паратунка я был. На этом съезде стояли вопросы чисто хозяйственного порядка (разбивка рыбных участков и т. д.)».

Председательствующий зачитывает протокол Завойкинско-го съезда от 5 июля 1918 г. — раздел по борьбе с коммунистами и советской властью.

Шевцов: «Не помню, чтобы стоял такой вопрос на Завойкинском съезде».

В 1939 г. ему по ст. 58 п. 1-а дали 25 лет лишения свободы, сославшись на его признание во вражеской деятельности. Не помог Т. Н. Шевцову и рассказ, при каких обстоятельствах получено признание. «На следствии меня допрашивали непрерывно около десяти суток, угрожали мне, говорили: подписывай, всё равно тебя выбросят, как мешок с костями, за пределы нашей жизни. После этого я безоговорочно подписал все сочинённые протоколы следователями». Год спустя военный трибунал оправдал Шевцова.

...Крупный елизовский коммерсант первой четверти XX в. Георгий Александрович Машихин утверждал: белые через Паратунку хотели напасть на селение Завойко, где одно время в школе располагался штаб партизан. Подслушав разговор об этом пьяных офицеров в городе, Машихин, по его словам, «сообщил красным, после чего штаб красных из школы ушёл... Ларин И. Е. под секретом ночевал у Заочного Клеоника Павловича».

С годами паратунская стычка и смерть Елизова обросли легендами. Одну из них поведал в августе 1967 г. на встрече четырёх поколений в пионерском лагере «Лесное озеро» елизовский связной Василий Васильевич Подпругин. Как славно Елизов прожил оставленные ему смертью три дня. Смертельно раненый командир, думая о людях, которых он защищал, дал связному последнее поручение оповестить Николаевку о возможном продвижении белых. Своему заместителю посоветовал увеличить и усилить отряд, а население Паратунки временно эвакуировать в лес... «Из пятнадцати человек, участвовавших в августовском бою, паратунский отряд вырос до ста человек. Был выполнен и второй приказ. Целый месяц жители Паратунки жили в лесах под охраной партизан».

...История этого события 1922 г. крайне запутана. Свидетельства участников противоречивы. По сей день нет ответа на многие вопросы. И, пожалуй, на самый главный из них: кто всё же убил Елизова? На рубеже 1970—1980-х гг., задолго до споров елизовских краеведов о разрывной пуле (жакан — не жакан, винчестер — не винчестер), известный этнограф В. Н. Малюкович предложил свою версию. В партизанского командира, скорее всего, попал кто-то из местных, притом не случайно. Георгий был симпатичным парнем, имел успех у молодых камчадалок и пользовался этим. Излагая свою версию, учёный ссылался на здравствовавших ещё тогда «паратунских бабушек», кои привечали Елизова, и добавил в ответ на скептические улыбки слушателей: «Сами посудите, какой им резон врать? Не такая ж он большая величина...» В очерке «Елизово» цитируются слова Агрипины Николаевны Машихиной (1980 г.): «Выше среднего роста, кареглазый, красивый... ещё совсем молодой. Жизни, считай, не видел, семью завести не успел... Однако, я его невестой была».

Очень хорошо запомнился Г. Елизов Н. Шамбарово́й-Косыгиной, уроженке Сероглазки, работавшей в середине XX в. педагогом. В 1922 г. она была девчушкой. «Он любил играть с ребятами, особенно много возился с мальчишками. Мы его называли «дядя Мазай». Наверное, за высокий, как нам казалось, рост. Был он широкоплечим, красивым, с большими тёмными глазами. И всегда улыбался».

Справка. Георгий Матвеевич Елизов (настоящая фамилия Непогребный) родился в 1895 г. в Иркутске в семье служащего речного пароходства. Работал в частных конторах, на прииске. До 1917 г. служил в Николаевске-на-Амуре в крепостной артиллерии.

В период «колчаковщины» скрывался в тайге, уехал во Владивосток, оттуда на Чукотку. С 1922 г. — на Камчатке.

Уточним дату появления на карте Камчатки населённого пункта «Елизово». Порой в литературе указывается 1924 г. «Топонимический словарь Камчатской области» В. Кускова называет март 1923 г. Между тем соответствующее постановление Камчатский губревком принял 10 февраля 1923 г. Елизово и Елизовская волость упоминаются на страницах губернской газеты «Полярная Звезда» во второй половине того же 1923 г.

Но почему именно Завойко получило новое название, а не Паратунка — место гибели партизана, где ему, кстати, в канун полувекового юбилея Великого Октября в торжественной обстановке был открыт памятник, и первый секретарь Елизовского райкома КПСС Котов выразил твёрдую уверенность в том, что народ никогда не забудет героев революции, завоевавших советскую власть?

Хотя зажиточные хозяйства в Завойко в начале 1920-х гг. отнюдь не преобладали, начальник Камчатского губотдела ГПУ И. Ломбак почти всех жителей этого селения причислял к кулакам, памятуя их отрицательное на протяжении всех революционных лет отношение к советской власти. Можно предположить, что по сей причине — в пику им — селение и получило персонафицированное «красное название».

БУНТ

Иностранные подданные в начале XX в. составляли четверть населения Петропавловска. По данным Камчатского губотдела РКИ на 1 января 1924 г. в городе проживало 243 китайца, 48 корейцев, 34 японца, семь американцев, пятеро поляков, два эстонца и по одному персу и германцу.

В июле 1922 г. консул Страны восходящего солнца получил от председателя японской колонии (диаспоры) С. Сакегучу и её членов Т. Кикучи, Такахаси, С. Сабата и Такемацу жалобу на чересчур грубое обращение с их соотечественником со стороны русских военных. Особенно негодовали подписанты по поводу случая 17 июля, когда, по их словам, офицер Сушилиин около семи вечера избил и попинал Сигежи Абе, пившего пиво в японской лавке, затем, толкая и оскорбляя его перед окружающими, повёл по улице Большой (ныне Ленинская) на «Свирь», где Сигежи Абе связали верёвками и «качая его несколько раз над трюмом, сильно бросили в трюм... через два часа он, ни слова не допрошен на

пароходе “Свирь”, освобождён». Сильно оскорбившиеся колонисты просили наказать виновных.

Консул препроводил жалобу особоуполномоченному Временного Приамурского правительства в Охотско-Камчатском крае Х. П. Биричу, тот, для принятия мер, — начальнику Петропавловского военного района подполковнику В. В. Кузнецову. Последний в секретном рапорте от 3 августа подтвердил, что в середине июня произошла ссора между Абе Сигехары и казаком местной команды Гаученовым, завершившаяся дракой, «носившей личный характер». Русская трактовка июльского инцидента существенно отличалась от японской. Во-первых, «в отношении его никаких насильственных действий проявлено не было». Во-вторых, японец задержан пьяным «в обществе лиц, давших подозрение на участие в совершении уголовного преступления». В-третьих, вёл себя вызывающе.

«Виновность кого-либо из военных чинов мною не усматривается, — писал В. В. Кузнецов. — Неоднократное участие гражданина Абе Сигаже в предосудительных поступках, как-то: спаивание военных чинов, учинение с ними ссор и драк, после чего следуют его жалобы, носят характер заведомой провокации, близость его и дружба с сомнительно по политическо-уголовной репутации лицами, а равно сведения агентурно-политического розыска, заставляют меня вторично ходатайствовать перед Вашим Превосходительством о необходимости высылки упомянутого японского гражданина Абе как лица неблагонадёжного и предосудительного по своим поступкам».

В середине 1923 г., уже при красных, Абе Синехара (несмотря на разночтения в фамилии, речь идёт об одном и том же человеке) постановлением заведомо Управления губревкома подвергся наказанию в административном порядке: три месяца принудительных работ с заменой на штраф 300 руб. золотом за продажу спиртных напитков. Портной-кустарь Абе Сигехару 1890 г. р., уроженец г. Кобе, со средним японским образованием, женатый, проживающий на Камчатке с 1919 г., судимый в 1926 г. (один месяц принудработ «за присвоение пошивматериала»), привлекался по делу «контрреволюционной повстанческо-террористической и шпионско-диверсионной организации «Автономная Камчатка».

Ему вменялись такие преступления, как поджог Петропавловской типографии (1931 г.), уничтожение этим же способом второго этажа здания гарнизона в Култукке, тракторного гаража в областном центре (лето 1932 г.) и даже арестного помещения погранотряда

и облотдела ОГПУ (1933 г.), а также отравление пищи в столовых АКО и Севторгфлота.

1 января 1934 г. судебная тройка полномочного представительства ОГПУ по Дальневосточному краю приговорила Абе Сигехару к высшей мере наказания. Затем «по указанию вышестоящих органов» материалы на него и других японцев были выделены в особое производство. В ходе разбирательства в августе того же года в судебном заседании военного трибунала Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армии выяснилось, что следствие велось на русском языке, без переводчика, «под давлением»... Все проходившие по делу «Автономная Камчатка» реабилитированы в апреле 1957 г. ввиду отсутствия состава преступления.

...4 августа 1922 г. Х. П. Бирич ознакомился со списком военных, чье пребывание на Камчатке, по убеждению начальника военно-политического розыска подпоручика А. А. Подгорного, становится нетерпимым. Вахмистр Агафонов и подхорунжий Швецов ограбили китайского подданного на 110 руб. Сотник Болотов устроил стрельбу в доме Особоуполномоченного в присутствии командира с/с «Канто» Сигзины, занимается травлей офицеров. Казак Брагин хулиганил на улицах и на службе. Есаул местной команды военной милиции Алексей Александрович Васильев бросил бомбу в частный дом, где проживали китайцы, подстрекал к грабежам китайских подданных и участвовал в таковых, хулиганил на улицах. Прапорщики Леонидов, Калугин, Петлинский и Прудников подозреваются в ограблении продовольственного склада, участвовали во всех хулиганствах служивых...

Резюме Александра Александровича Подгорного: «В 1-й сотне Северного Экспедиционного отряда, начиная от сотника Болотова, все означенные лица организовались в одну компанию (в одном из документов указывается её название «21», видимо, по числу членов. — *В. П.*), которая не хочет считаться ни с чем — ни со старшинством в чинах, ни с политическим положением, ни с честью офицера и солдата Русской армии.

Все означенные лица подлежат, на мой взгляд, в лучшем случае, высылке в г. Владивосток безвозвратно, так как их поведение привело к расколу в частях зимой. Все эти люди прибыли сюда на Камчатку для наживы и своими проступками восстановили против Правительства население г. Петропавловска, которое смотрело на них как на бандитов, для которых все средства хороши для достижения своих целей».

Несмотря на вышеупомянутые эксцессы, в городе появлялись объявления с концовкой типа: «Русский сапожный мастер принимает в починку мужскую и дамскую обувь, а также шьёт новую. Цены ниже китайских сапожников. *Военным скидка* (курсив мой. — В. П.)».

...Из личного послания А. Г. Демби Х. П. Биричу от 5 августа 1922 г. следует, что особоуполномоченный просил его отправить на Камчатку некоторые грузы, и тот приступил к выполнению заказа. «Этим пароходом посылаю Вам немного зелени и фрукты. Этот пароход везёт также строительный материал для города. Не зная платёжеспособности населения города Петропавловска, посылаю пока половину потребного количества. Если понадобится ещё, то могу добавить позже. Очень жаль, что мне не удастся поехать на Камчатку в этом году... Всё очень неустойчиво и при уходе японских войск вероятно будет опять перемена власти. Берегите Ваше здоровье и, если Вам лично что-либо нужно, напишите».

11 августа 1922 г. вышла на связь по телеграфу Гижига. Человек, отрекомендовавшийся начальником стражи Гижигинского военного района штабс-капитаном Пирей Фокасом, и подпоручик Ерохин сообщили подполковнику В. В. Кузнецову, что «начальник СЭО полковник Бочкарёв арестован обществом офицеров», ему предъявлены обвинения в закрепощении жителей, полном произволе, порках, угрозах расстрелов, реквизициях, введении незаконных налогов, издевательствах над религией, пропаганде против Приамурского правительства, подготовке к борьбе с капле-левцами, убийстве полковника Рудакова в квартире Бочкарёва, бесчеловечном отношении к чинам отряда, избииении солдат и офицеров, полуголодном существовании чинов отряда («в то время как продукты продавались на сторону»), заковывании офицеров в кандалы, производстве в статские советники бывшего офицанта, в поручики не знающего русского языка китайца.

«Слова генерала Корнилова “Честь Родины — закон” являются девизом чинов Гижигинского военного округа. Полковник Бочкарёв отправлен с конвоем во Владивосток. Жду ваших директив. Отряд жалования не получал, средств нет, вся пушнина бесконтрольно отдана Свенсону. Снабдите табаком, керосином для радио, необходимы запасные части к мотору “Гарднер”».

В ответ В. В. Кузнецов телеграфировал: «Ваши действия преждевременны. В русской армии нет ареста начальников. Прибыл “Магнит”, ожидается на днях “Сишан”. Спешно уйдут в Наяхан,

чтобы удержать край. Приамурское Правительство возглавляет генерал Дитерихс».

О событиях в Гижиге известно, в основном, от И. П. Буткевича. «Я служил в фирме Вергезова. 16 июня 1922 г. шхуна, зафрахтованная этой фирмой, остановилась у Гижиги... 18 июня я был в селении Пушка. У меня обширное и хорошее знакомство с инородцами, несмотря на это, они с опаской и боязливостью говорили мне, что их очень притесняет Бочкарёв, наложил на них большой ясак (дань), порет и т. д. Там доверенный фирмы “Соловей” Фокас по секрету сказал мне, что Бочкарёв ещё долго не процарствует. А надо заметить, что Фокас (он теперь покойник) пользовался исключительным уважением и доверием у инородцев. И действительно... Фокас устроил переворот, к нему присоединились многие из отряда Бочкарёва, которые и перешли на мирное занятие — стали ловить рыбу. Инородцы поддерживали мысли Фокаса — на Севере не нужен военный элемент».

Василий Ильич Фокас подбивал местных жителей не платить установленные Бочкарёвым налоги. Его арестовали. И быть ему расстрелянным, если б не заступничество полковника Меньшова, который вскоре после этого покончил с собой. Его самоубийство подействовало на Бочкарёва. Он освободил Фокаса, однако оставил под надзором. Имелась у Буткевича также разгадка смерти полковника Рудакова: убить его зимой 1921 г. приказала денщику своего мужа жена Бочкарёва, а начальник СЭО передал по радио во Владивосток, что тот погиб в стычке с красными.

В январе 1925 г. из рядов компартии был исключён житель Гижиги Александр Пчёлкин. Он при Бочкарёве прятал в своём амбаре стрихнин, переданный ему Фокасом через односельчанина Домникова. Бочкарёв отраву отобрал, держателя выпорол.

Кавторанг Г. А. Ивлев и коммерсант Иван Парфенович Буткевич вспоминали о пасхальной порке 1922 г. Полковник Шевчунас выпорол то ли пять, то ли двадцать жителей Гижиги («чтобы лучше работали летом и не пьянствовали»), большей частью за воровство, начальника почты Васильева за растрату, и ещё за что-то камчадала Колмыкова. В то же время по политическим мотивам, то есть «за большевизм, как будто, никого не пороли». В порке на Пасху участвовал есаул Зазулевский.

И. П. Буткевич и супруга подполковника Полищука Клавдия Алексеевна существенно расходятся во мнениях о коренных жителях Охотского побережья. «Дело в том, что по ленности — я вообще

заметила, что они ленивы, и летом наловят рыбы и не делают запасов, и поэтому их снабжали провиантом из запасов отряда, взамен чего они были обязаны на своих нартах исполнять работы отряда».

Основную причину бунта против В. И. Бочкарёва Ивлев видит в плохом отношении к подчинённым. «Ещё с середины зимы многие чины отряда, видя полнейшую разруху, заявляли о своём уходе, но Бочкарёв и слушать не хотел, вследствие чего в отряде росло недовольство... Недовольство ещё более стало, когда он отлупил стеклом троих офицеров по физиономии...»

По сведениям штаба красной экспедиции М. П. Вольского, 7 июля 1922 г. полковник Бочкарёв выехал на катере в Олу вместе с одиннадцатью офицерами (Фиалковский, Шевчунас, Батько, Григорьев, Яркин, Беренц, Зазулевский, Виск и др.). Увёз с собой 10 тыс. руб. золотом. Краевед Р. Юшин считает, что в Оле он встречался со Свенсоном, который снабжал его оружием.

Согласно чекистским документам, акции американского акционерного общества «Олаф Свенсон и К^о» распределялись следующим образом: московский купец Швецов 25 %, директор-распорядитель общества О. Свенсон — 10 %, якутский купец П. А. Кушнарёв — одну треть, столько же А. Г. и Г. Г. Демби. В 1922 г. Свенсон продал Бочкарёву в Гижиге и Наяхане от 80 до 100 винтовок и 25 000 патронов, в Аяне якутам, соответственно, 600 и 250 000 и обмундирование, в Охотске бочкарёвскому гарнизону около 120 винтовок, 30 000 патронов.

24 января 1923 г. начальник Приморского ГПУ Каруцкий привлёк гражданина Северо-Американских Соединённых Штатов города Сматля (правильно «Сиэтла». — В. П.) Олафа Свенсона в качестве обвиняемого по делу «камчатской экспедиции» и наложил арест на его движимое и недвижимое имущество на территории РСФСР. Тем не менее, на процессе Бирича американец не проходил даже свидетелем. Давая показания по данному делу, доверенный фирмы «Холмс и К^о» А. И. Геске привёл слова Полякова, что их компании «здесь делать нечего, так как монополии, как-то по горному делу, так и торговые предоставлены фирме Свенсона». В обзоре Камчатской губернии к 1 января 1923 г. (составитель губревком) упоминается о разрешении меркуловской властью Свенсону завезти в Охотско-Камчатский край в навигацию 1922 г. золотопромывочные машины с правом допущения иностранных подданных в качестве инструкторов по их установке и для руководства работами.

21 июля 1923 г. «на шхуне “Руби” начальником экспедиционного отряда в распоряжение командующего войсками Охотско-Камчатского края тов. Вольского представлена канцелярия Бочкарёва, взятая в боях, в делах которой находятся документы по операции фирмы “Свенсон” с Бочкарёвым: подлинный договор Свенсона с Бочкарёвым, счета по снабжению оружием отряда Бочкарёва, документы по снаряжению пароходов для бочкарёвской экспедиции и другое», — писал заведующий камчатской губернской рабоче-крестьянской инспекцией Б. И. Турилов своему читинскому начальству. «РКИ санкционировало наложение ареста на фирму. Губревком к этому отнёсся слишком осторожно... Всё содержимое бочкарёвской канцелярии юридически для Камчатского ГРК является секретом, а вместе с тем и документы, компрометирующие фирму Свенсон... фирма начала ликвидацию своих предприятий. Сумма имущества не менее 500 тыс. руб. золотом (товары и пушнина)».

Содержание договора Свенсон-Бочкарёв раскрывается в докладной уполномоченного Дальневосточного управления Наркомвнешторга по Камчатскому и Чукотскому полуостровам т. Миндалевича, датированной августом 1923 г.: американцу «за оказание услуг бочкарёвским отрядам, а также за доставку партий оружия была предоставлена пятилетняя беспошлинная пушная монополия на всю Камчатку», в виду чего уже 24 июля вся пушнина, магазины и запасы товаров Свенсона реквизированы впредь до общих инструкций из Центра. «Торговый дом Свенсон, Демби и К^о» скомпрометирован своей деятельностью с бочкарёвской и пепеляевской группой. Документально установлено присутствие в настоящем году двух контрабандных шхун Свенсона на Чукотском побережье вблизи Северного мыса в районах пушной монополии. В июле арестована губревкомом хищническая шхуна Демби у берегов Кроноцкого соболиного заповедника, скупавшая контрабандных соболей в лице руководителя Орлянского, в настоящее время тоже арестованного. Во время землетрясения в Усть-Камчатске на складах Демби обнаружены громадные запасы спиртных напитков, обслуживающие, вопреки обязательных постановлений, почти всю долину Камчатки. Савченко (председатель Камчатского губревкома. — В. П.) оценивал деятельность Свенсона как положительную».

Месяц спустя Миндалевич направил заявление на имя начальника Камчатского ГПУ. В Петропавловске «никакого оккультного общества я не организовывал и не собираюсь организовывать».

Легкомыслие же, проявленное некоторыми агентами Г.П.У. в муссировании подобных фантастических слухов, дискредитирует моё служебное положение, а потому прошу Вашего распоряжения сделать таковым соответствующие указания». 10 декабря 1923 г., когда М. И. Савченко-Славского на посту руководителя советской власти сменил М. П. Вольский, Камчатский губревком аннулировал числящуюся за торговым домом «Свенсон и К^о» задолженность в сумме 20 647 руб. 50 коп. «во время пребывания в Петропавловске белых».

Полковник В. И. Бочкарёв, как уже говорилось, ввёл на Охотском побережье законы Российской Империи, собирал с местного населения ясак за несколько лет, начиная с 1917 г. В его руках, по утверждению Буткевича, оказалась вся коммерция, в том числе развозной торгов, от которого за полугодие он имел дохода около 1 000 руб. плюс 20 % с оборота. В то же время за пределами Охотского побережья репутация Бочкарёва, как коммерсанта, была весьма и весьма неважной. 20 июня 1922 г. председатель правления товарищества «Кольцов и Фогельман» П. Кольцов известил всех заинтересованных лиц: в связи с уничтожением в январе 1922 г. выданных коммерсанту Г. Беку в августе предыдущего года доверенности и дальнейших передоверенностей, уничтожено и передоверение на имя Бочкарёва (Озерова), и все его сделки считаются недействительными.

16 ноября 1922 г. на допросе у чекистов Х. П. Бирич заявил: перед отплытием на Камчатку командующий войсками Приамурского правительства генерал Вержбицкий лично дал инструкции Бочкарёву строго руководствоваться воинским уставом как в пути, так и в местах расположения отряда, не допускать никак самовольных реквизиций у торговцев и у населения; «вести точную отчётность имущества и расходов отряда и без согласия гражданских властей не предпринимать никаких мер по обложению в доход казны и нужд отряда, как торговцев, так и населения». В инструкции Вержбицкого указывалось, что «во всё время экспедиции все воинские части подчиняются особополномоченному». На процессе «камчатской экспедиции» много смеха вызвала шутка, приписываемая Бочкареву: «Я завоевал Камчатку, а Правительство вместо Анны (имеется ввиду орден Российской Империи. — *В. П.*) повесило мне на шею Бирича».

Хрисанф Платонович приводил факты нарушения В. И. Бочкарёвым инструкции командующего. По пути в Наяхан «в Армании-5 произведена, по-видимому, значительная реквизиция у двух

еврейских торговцев. Что взято, и кто такие торговцы, мне не известно, так как во весь путь был лишён возможности самому лично съезжать на берег, кроме одного раза в самом начале по занятии Охотска».

21 ноября 1922 г. владивостокская газета «Голос Родины» опубликовала статью с подзаголовком «Охотские ужасы бочкарёвщины». Бочкарёв обвинялся в том, что «дочиста ограбил в Охотске завезённые туда осенью товары американской фирмы “А. Холмс и К^о” (свыше двухсот тысяч золотых рублей), таким же путём забрал в Охотске товары фирмы “Кунст и Альберс” (несколько сот тысяч золотых рублей), затем, следуя от Охотска на север в Гижигу, отобрал пушнину у всех казённых продовольственных складов (десятки тысяч золотых рублей), реквизиовал в пользу отряда склад кооперативного объединения “Холбос” (несколько сот тысяч золотых рублей)». Упоминается в статье и ограбленный на сумму более чем 200 тыс. руб. золотом купец И. Ф. Соловей, и бочкарёвский ясак с населения (по шесть белок). «Проделав всё это, Бочкарёв открыл свои лавки, из которых заставлял население брать товары в обмен на пушнину по назначенным им невероятно высоким ценам на товары и по низким на пушнину. Так как частная торговля была им убита, то, естественно, почти вся пушнина с побережья потекла всеми правдами и неправдами в бочкарёвскую казну».

В одном из информационных отчётов ответственного секретаря Камчатского губбюро РКП(б) В. М. Кручины за 1923 г. есть такой абзац: «Русское население Бочкарёв отчасти воздерживался терроризировать. Например, платил им за каюры (собачьи подводы), но вместе с тем, ведя торговлю, драл за товары немилосердным образом и таким образом разделялся с населением в этом отношении как бы косвенно».

...22 июля 1922 г. девятнадцать бунтовщиков-отрядников обстреляли из засады Бочкарёва и тех, кто плыл с ним на катере по реке Гижиге. Начальник СЭО получил серьёзное ранение в руку, а подъясаул Славинский и ординарец Голиков погибли в завязавшейся перестрелке. Примерно через двадцать дней после переворота Бочкарёв с женой и около двух десятков верных ему людей были вывезены на шхуне «Михаил» в порт Олу. Там ожидался пароход «Кишинёв». На нём бунтовщики собирались отправить арестованных во Владивосток. А. И. Геске слышал от Петрова, что при обыске у Бочкарёва была найдена квитанция, из которой следует, что Бочкарёв-Озеров состоял пайщиком фирмы Свенсона,

и, как стало Адольфу Ивановичу известно позднее, «пай его равнялся 30—35 (тысячам? — В. П.) американских долларов».

В архивах имеются также сведения о сотрудничестве с белыми других фирм. В отчёте губотдела РКИ за июнь 1923 г. говорится: «Ревизией установлено финансирование фирмой “Фукуда-Гуми” банд генерала Полякова, полковника Кузнецова и документально установлены преступные сделки фирмы “Фукуда-Гуми” с гражданскими и военными (белыми) по приобретению у них товаров. По сему РКИ дало заключение о привлечении фирмы в целом и доверенного фирмы Кардыш к уголовной ответственности...»

15 августа 1922 г. на пароходе «Сишан» к месту службы прибыл начальник Петропавловского гарнизона 42-летний капитан 1-го ранга Б. П. Ильин. Выпускник Морского корпуса 1900 г., он в гражданскую войну воевал на Восточном фронте в составе Сибирской флотилии. Десантную роту, которую Ильин привез на Камчатку, красные вскоре окрестили «батальоном смерти». В Петропавловске он присоединил к ней 1-ю казачью сотню, а местную команду отправил на сельхозферму «в качестве рабочей или караульной команды». Ферма с 1 сентября была передана военно-морскому ведомству, и начальником её вместо гражданского Ф. Т. Шатинского стал местной команды хорунжий Бодров.

С приездом Ильина, вспоминал Х. П. Бирич, дисциплина среди военных немного улучшилась, «но всё-таки часто были случаи безобразных пьяных разгулов в казарме чинов...» Это трудно совместить с крайне отрицательным отношением самого Бориса Павловича к пьянству как к таковому, о чём речь впереди. Но, если Бирич не преувеличивает, повторилась история с 1-й сотней.

Бухгалтер фирмы «Суинтун» В. А. Огородников вспоминал: «На первое время по прибытии отряда Полякова, его солдаты вели себя, соблюдая некоторую дисциплину, но в скором времени эта дисциплина совершенно пала в городе. Мне как секретарю председателя китайской колонии пришлось расследовать несколько случаев грабежа мирных жителей китайских подданных солдатами отряда Полякова. Результатом этих расследований виновники обнаружены не были, т. к. за отсутствием дисциплины ближайшие начальники виновных солдат обнаруживать боялись». В 1923 г. ревтрибунал спросил Х. П. Бирича: «Отряд Бочкарёва не насилывал женщин в Петропавловске?» — Нет, — отвечал тот.

Н. П. Фролов в той же книге, где напечатана пространная статья И. Махоркина и Ф. Слободчикова, вспоминал о героическом сражении партизан с белыми у с. Авача: «Мы начали готовиться

к бою: все мелкие партизанские отряды собрали вместе, усилили разведку, а в ночь на 15 августа, когда из города должны были выйти белогвардейцы, мы заняли самые важные укрытия на подступах к Аваче, а один отряд послали контратаковать дорогу на Завойко.

Рано утром показались белогвардейцы. Впереди шла разведка. Её мы пропустили. А как только основная часть белогвардейцев вышла на открытое место, открыли огонь. Часть партизан зашла в тыл врага и отрезала путь отступления. Белые бросились с дороги по направлению к Авачинской бухте и стали отстреливаться. Крутой берег на время скрыл их. Но партизаны обошли берег и с двух сторон снова открыли огонь. Белогвардейцам пришлось спуститься по крутому обрыву к Авачинской бухте и по берегу уйти в город. В этом бою мы не потеряли ни одного человека, за исключением четверых легко раненых. А белогвардейцы, как помнится, недосчитались семи человек. В этом бою героически сражались все партизаны, а особенно отличились Метальников, Глухарёв, Мандебуро, Старцев, Пересвет-Солтан, Чекмарёв, Ивашкин, Селиванов и другие».

23 января 1974 г. в письме на имя директора Хабаровского крайгосархива Пономаренко П. Г. Ивашкин-Ларичев коснулся описанного выше события: «...в книге “За власть Советов на Камчатке” бывший начальник штаба нашего партизанского штаба Н. П. Фролов поместил в своих воспоминаниях “Заре навстречу” на стр. 105 и 106 неправильность, ложь о том, что партизаны в 1922 г. вели бой под селом Авачей, и тогда мы убили семь белобандитов, а белые только легко ранили четверых наших партизан... Этого боя в действительности не было». Копия письма П. Г. Ивашкина-Ларина хранится в ГАКК.

Что же касается самого с. Авача, то здесь у красных было немного сторонников. Весной 1918 г. сюда приезжал П. Я. Суляк, после речей которого, почти все авачинцы, вооружившись, отправились в Сероглазку защищать областную демократическую власть от узурпаторов-большевиков. Авача также фигурирует в воспоминаниях П. Г. Ивашкина в связи с приказом командующего отрядами облнарревкома Н. П. Фролова от 1 апреля 1922 г. Данным приказом «устанавливался боевой пост на Завойкинском тракте вблизи к селению Авача. Этому боевому посту вменялось в обязанность не пропускать банды Бирича и Полякова вглубь области, а у всех приезжающих из города жителей и торговцев отбирать народное оружие, черносотенную

литературу, спиртные напитки, а с торговцев взимать налог с провозимой ими в город пушнины...»

16 августа 1922 г. особоуполномоченный подписал постановление № 4292. Речь шла об известном на Камчатке человеке, основателе местной организации РКП, бывшем (в 1920 г.) городском голове Петропавловска. «Высланный осенью 1921 г. в порядке военно-политического сыска в г. Владивосток коммунист А. И. Бабкин-Байкалов в настоящее время возвратился на японском пароходе “Инабасан-Мару”, зафрахтованном господином Демби, следуя в Алюторку.

Принимая во внимание, что Бабкин-Байкалов всегда являлся видным деятелем революционных выступлений на Камчатке, организатором и пропагандистом коммунистической партии, членом большевистских учреждений и Председателем революционного трибунала и, имея крупные связи с политическими преступниками-сопочниками, своим появлением в Крае может способствовать расширению революционного движения в качестве “концессионера” на деньги, полученные от большевиков, с весьма вероятным намерением создать временную базу коммунистов территории концессий, постановляю: на основании донесений начальника Петропавловского военного района от 15-го сего августа за № 4 и начальника военно-политического розыска Петропавловского военного района от 15-го сего августа за № 118, задержать А. И. Бабкина-Байкалова в городе Петропавловске впредь до окончания производства о нём надлежащего расследования и получения дополнительных исчерпывающих сведений от Временного Приамурского Правительства о личности и характере деятельности Бабкина-Байкалова, избрав мерой пресечения преступной его деятельности содержание под арестом на к/л. “Свирь”. Компаньону Бабкина-Байкалова Инженеру Н. П. Казанцеву, добровольно оставшемуся в г. Петропавловске, не чинить каких бы то ни было препятствий при выезде из города к месту следования его в с. Алюторку».

Чтобы уяснить, о каких концессиях речь, приведём несколько строк из «Очерков истории Камчатской областной партийной организации», относящихся к концу 1920— началу 1921 г.: «В связи с переговорами Советского правительства с представителем американского синдиката В. Вандерлипом о предоставлении ему концессий на Камчатке правительства РСФСР и ДВР договорились о возвращении Камчатской области в состав Российской Федерации».

17 августа 1922 г. генерал-лейтенант М. К. Дитерихс обратился к гражданам Приамурского края и Советской России. «8 авгу-

ста сего года Земский Собор, собравшийся во Владивостоке, избрал меня Правителем Земского Приамурского Края. Я глубоко верю, что только чудо Господне может спасти Русскую землю и вернуть её во власть народа Русского и его хозяина Помазаника Божия... Моя задача в том, чтобы всех, кто верует в Бога, от простого мужика землепашца до родовитого князя, объединить в одно, поставить править своей землёй и общими усилиями восстановить совершенно разорённую и разграбленную нашу Святую Матушку Россию. Я не поставлен Богом судить христианский народ, а объединить всех в Христовой вере. Поэтому, кто верит в Бога, не должен меня бояться за прошлые грехи. Все мы грешны, что забыли Бога и дали изуверам погубить нашу Родину, истерзать её и восстановить нас друг на друга в братоубийственной войне. Судить нас всех будет Единый Бог на небе. Я зову вас не на вражду к друг другу, а только на свержение всем осатаневшей Советской власти и на работу со мной по восстановлению наших пашен, заводов, фабрик, сёл и городов. Только дружное служение и управление землёй всем народом может привести к великому Божьему чуду — воскресению России и к ея прежнему богатству и миру...»

17 августа на Петропавловской радиостанции задержали телеграмму особоуполномоченного жене во Владивосток. За разъяснениями Х. П. Бирич вынужден был обратиться к начальнику гарнизона капитану 1-го ранга Б. П. Ильину. «Хотя... Приамурского Правительства уже не существует, — отвечал Борис Павлович, — но я счёл бы... неприличным не оказать любезность бывшему его Представителю». Телеграмма ушла. 19 августа 1922 г. Б. П. Ильин провёл на Соборной площади парад войск Петропавловского гарнизона, состоящего из десантной роты (по одним данным, 100, по другим, 150 моряков) и 1-й сотни СЭО. А на следующий день, если верить красным партизанам, подписал обращение к ним: «Почти уверен, что не все же вы люди пропащие, утерявшие окончательно стыд и нравственные устои. А потому даю вам недельный срок, чтобы одуматься и осознать всю подлость вашей деятельности. Кто... сложит оружие, мы простим, он будет нашим братом и ни один волос не упадёт с его головы. Вернитесь к мирному труду, к вашим семьям, займитесь охотой и рыбной ловлей и тем положите начало нашей совместной, дружной и весёлой жизни. Есть, конечно, среди вас убицы и грабители, которые давно потеряли всякий человеческий облик. Позорный столб их ожидает. Пусть они уходят в глубь страны, не хочу их видеть ни живыми, ни мёртвыми. Наконец, согласитесь сами, что как вам

ни привольно, может быть, сейчас живётся, но бесцельность ваших скитаний из деревни в деревню очевидна каждому, а конец их настанет с первыми же морозами...»

21 августа 1922 г. телеграфистка А. Суслык приняла телеграмму из Наяхана на имя подполковника Кузнецова: «Только что я, генерал-майор Поляков, вернулся в Наяхан после освобождения нас следующей в Гижигу частью Охотского гарнизона. Военный бунт под руководством выгнанного мною зимой поручика Петрова, приказчика фирмы “Соловей” Фокасо, именуемого штабс-капитаном Пирей, протоиерея Кох, мною ликвидирован. Подкладка бунта — желание Соловья захватить всю торговлю Охотского побережья, а помогавшие Фокасу бараны казаки и офицеры (ударение на) грабёж интендантства. Возведённые на меня обвинения — сплошная ложь, что видно, что ни один штаб-офицер и настоящие офицеры не примкнули к этому воинскому преступлению. Жду по-прежнему 1-ю сотню к себе в Гижигу во главе с её командиром, проникнутую истинным воинским духом. Шлю привет лихим отрядникам. Полковник Бочкарёв. Генерал-майор Поляков».

По сведениям из различных источников, участие в бунте приняла треть бочкарёвского отряда. Председатель в 1924—1926 гг. Ольского ревкома А. А. Кочеров вспоминал: «Летом 1922 г. к рейду бухты Ола подошла шхуна “Михаил”. На ней находился Бочкарёв, арестованный в Гижиге восставшими с Петровым белогвардейцами. Со шхуны в течение дня никто не выходил. Ночью на берег сошла группа людей из отряда Петрова. Они арестовали в Оле бочкарёвцев, прибывших из Охотска. Для охраны их оставили небольшое число конвоиров. После этого часть солдат вернулась на шхуну, чтобы сообщить о ликвидации бочкарёвцев в Оле. Арестованные бочкарёвцы в одной из изб в Оле сумели обезоружить своих конвоиров и направились к Петрову, который утром следующего дня высадился со шхуны, не подозревая о случившемся. Они арестовали Петрова и освободили Бочкарёва».

Г. А. Ивлев приводит количество охотских приверженцев Бочкарёва и конвоиров из бунтовщиков: соответственно, двадцать пять и двенадцать. Но у него нет ни слова об аресте бойцов Охотского гарнизона в Оле, а под конвойными он имеет в виду стороживших Бочкарёва на шхуне.

Военно-полевой суд, учреждённый в Оле под председательством полковника Фиалковского вынес смертный приговор семерым военным: поручику Петрову, прапорщику Красовскому, старшему уряднику Батарову, младшим урядникам Былкову, Харитонову,

Латыпову, вахмистру Саламонову. (А. А. Кочеров увеличивает количество казнённых до тридцати.)

Затем «Михаил» отправился в Гижигу. Там врасплох без боя были захвачены остальные бунтовщики. По суду расстреляно пятеро — штабс-капитан Фокас, капитан Непомилов, лётчик лейтенант Вронский, корнеты Нурк и Кораблёв. «Суд был при открытых дверях...» — говорил, со ссылкой на очевидцев, Буткевич. «Семь человек, предназначенные к расстрелу, в тот же день удрали в тундру и скрылись... Бочкарёв с пятнадцатью человеками солдат... двинулся на катере снова в Олу, так как там оставалась его жена. В Гижиге Бочкарёв оставил за себя генерала Полякова».

Освободителями арестованного бунтовщиками Бочкарёва, стала, как известно, часть Охотского гарнизона, идущая на соединение с ним. С. Г. Стрепетиллов, подсудимый на процессе Бирича и др., рассказывал: «В общем бочкарёвский отряд расстрелял своих же... 48 человек, а в боях с красными один убит и один ранен. Расстрелы в Охотском гарнизоне были, но расстреливались свои же отрядники за уголовные дела. Последние три расстрела следующие: солдат Падерин за кражу риса, Малышев за кражу свиньи, капитан Колосов за кражу двух десятков папирос».

«Я пробыл в Охотске год, — продолжал младший офицер инженерной команды Степан Стрепетиллов, — и ежедневно наблюдал кругом поголовное пьянство. Пили все самогонку, для покупки которой продавали обмундирование... В течение года всем отрядникам выдавались каждый месяц товары вместо жалования, и всё это было пропито и попало в руки самогонщиков-корейцев... Охотские золотые прииска военные власти передали за два пуда золота японцу Танака. Допустили на прииска массу хищников и, обложив их, собрали в свою пользу».

Охотск Стрепетиллов покинул в октябре 1922 г. вместе с другими военными. Среди них был чиновник Савушкин, который потом вспоминал: «Во Владивосток приехало восемь человек, в том числе два офицера: поручик Губенко, хорунжий Стрепетиллов, я... На Сахалин уехало мужчин 31 человек, из них два офицера (капитан Смирнов 2-й и поручик Алексеев), и в Хакодате поехало 21 мужчина, из них 19 офицеров под командой полковника Шульц. Из Хакодате приехали, кроме нас, во Владивосток человек семь офицеров, из них знаю: подполковник Полищук, подпоручик Тищенко, подпоручик Филиппов, капитан Самсонов».

...22 августа 1922 г. на стол Х. П. Бирича легла бумага следующего содержания: «Милостливый Государь, Хрисанф Платонович,

Милостивный Государь,

Хрисанфъ Платоновичъ,

87

въ дополненіе и полное опроверженіе ранѣе полученныхъ изъ Наякана телеграммъ отъ имени " Пирей Фокова ", препровождаю при семъ для Вашего свѣдѣнія. ввиду одѣланнаго Вами докладу Правительству о событіяхъ гижигинской революціи, телеграмму за № 5, подписанную Полковникомъ БОЧКАРЕВЫМЪ и Генеральнаго Штаба Генераль-маіоромъ ПОЛЯКОВЫМЪ.

Къ сожалѣнію, совершилась очередная ошибка - военный бунтъ, отъ котораго пахнетъ " пиреемъ и чеснокомъ", поднятый такъ называемымъ " штабомъ - капитаномъ Пиреемъ ", въ дѣйствительности оказавшимся несостоящимъ въ Экспедиціонномъ Отрядѣ одееситомъ Фокасо, уже 2 года живущемъ въ Гижигѣ и состоящимъ приказчикомъ у Соловья, этотъ военный бунтъ былъ довърчиво принятъ Вами за "національный переворотъ " и какъ должно возмездіе Вашему врагу.

Я счастливъ въ данную минуту торжествомъ принципа воинской дисциплины, возстановленной въ Гижигинскомъ гарнизонѣ, счастливъ за тѣхъ людей, что вѣрятъ и идутъ за любимымъ нами Валеріаномъ Ивановичемъ БОЧКАРЕВЫМЪ.

Надѣюсь, что послѣ такой развязки и конца - "камчатской меркуліады " намъ съ Вами встрѣчаться болѣе не придется.-

Глубоко уважая только Ваши преклонные годы,

остаюсь готовымъ къ услугамъ

22 Августа 1922
И. П. Биричу
В. В. Кузнецовъ

Письмо подполковника В. В. Кузнецова Х. П. Биричу от 22 августа 1922 г.
(из архива РУ ФСБ по Приморскому краю)

в дополнении и полное опровержение ранее полученных из Наяхана телеграмм от имени “Пирей Фокова”, препровождая при сём для Вашего сведения, ввиду сделанного Вами докладом Правительству о событиях гижигинской революции, телеграмму № 5, подписанную Полковником Бочкарёвым и Генерального Штаба Генерал-майором Поляковым.

К сожалению, совершилась очередная ошибка — военный бунт, от которого пахнет “пыреем и чесноком”, поднятый так называемым “штабс-капитаном Пиреем”, в действительности оказавшимся не состоящим в Экспедиционном Отряде одесситом Фокасо, уже два года живущем в Гижиге и состоящим приказчиком у Соловья, этот военный бунт был доверчиво принят Вами за “национальный переворот” и как должное возмездие Вашему врагу.

Я счастлив в данную минуту торжеством принципа воинской дисциплины, восстановленной в Гижигинском гарнизоне, счастлив за людей, что верят и идут за любимым нами Валерианом Ивановичем Бочкарёвым. Надеюсь, что после такой развязки и конца “камчатской меркулиады” нам с Вами встречаться более не придётся. Глубоко уважая только Ваши преклонные годы, остаюсь готовый к услугам Подполковник Кузнецов».

Вплоть до своего отъезда с Камчатки Х. П. Бирич издавал приказы, формально являясь руководителем области, хотя на его место уже был назначен другой человек. 22 августа, например, «ввиду предстоящей служебной поездки... для доклада Приамурскому Правительству (несуществующего, как минимум, две недели. — В. П.), временно, до получения распоряжений из г. Владивостока» Хрисанф Платонович учредил должность начальника Петропавловского уезда, коим, опять-таки временно, поставил временно исполняющего должность заведующего областной канцелярии Ф. Д. Стецюка. 29 августа по соглашению с начальником гарнизона утвердил с 1 сентября штат чинов петропавловской городской и уездной милиции с сохранением присвоенных ранее классов должностей и окладов содержания в количестве 17 чел.: начальник, помощник (он же секретарь), конторщик и 14 милиционеров, из них два старших. Штат, однако, укомплектован не был, и «Камчатский листок» в рубрике «Требуются» просил об условиях приёма справляться «в Штабе Офицера по Комендантской Части при Штабе Начальника Гарнизона в здании Городской Милиции» ежедневно с 9 до 12 часов. Руководил городской и уездной милицией с 1 августа 1922 г. бывший бухгалтер канцелярии Бирича М. Ф. Орлов.

31 августа 1922 г., согласно распоряжению Временного Приморского правительства и предписанию командующего Сибирской флотилией (место базирования — Владивосток) на имя командира канонерской лодки «Магнит» от 22 июля, Х. П. Бирич подписал приказ об исключении из личного состава экипажа посылного судна «Свирь» поручиков по Адмиралтейству Салатко-Петрище (командир), Маслова, Тезейкина, прапорщиков Виноградова и Кулия, кондуктора Сутурина, писаря Мальцева и кочегара Болотова. Они считались списанными с 9 августа с откомандированием в распоряжение правительства на отходящем во Владивосток пароходе «Сишан».

Последним своим приказом № 334 от 1 сентября особоуполномоченный объявил о выезде во Владивосток по делам службы исполняющего должность контролёра М. Я. Марамзина, вместе с которым он и отбыл на следующий день в 10 утра на пароходе «Томск». Тем же рейсом в столицу Приморья следовали инспектор рыболовства Дымский, редактор «Камчатского листка» Ю. М. Дельсаль и другие известные лица. «По случаю экстренного отъезда и за неимением времени проститься, — дали объявление в местную газету Х. П. Бирич, старший чиновник особых поручений М. С. Миклашевский и есаул А. И. Чешкин, — просим принять наши наилучшие пожелания всем нашим землякам».

2 сентября 1922 г. в должность начальника Петропавловского уезда вступил сорокадвухлетний профессиональный бухгалтер Фома Данилович Стецюк. Происходил он из крестьян Киевской губернии. Образование четыре класса гимназии. Почётный гражданин. Неимуций. Жил с семьёй (жена Казимира Адольфовна и трое детей) на той же Казначеевской улице, где убили П. Я. Сусяка.

Накануне начала службы в новом качестве Ф. Д. Стецюк, будучи председателем Камчатского участкового присутствия по подоходному налогу, оповестил всех налогоплательщиков о рассылке окладных листов на 1921—1922 гг. «с указанием в них обложенных доходов и окладов налога». И два года спустя, уже при Советах, он работал по этой части: заведовал налоговым управлением. Правда, заведующий губернским финотделом, «сотрудник резерва ГПУ» В. И. Картакай, был не очень доволен им. «Флегматик, хитрый субъект, положиться нельзя. Отношение к своим обязанностям пассивное, инициативы по должности не проявляет. Отношение к существующей власти неопределённое. Терпим из-за отсутствия соответствующего сотрудника». При желании,

добавлял Картакай, был бы образцовым работником, кабы изжил старую закалку «романовщины».

Новый начальник Петропавловского уезда (с 1920 г., после А. А. Ненсберга, этой должности не существовало) поручил временно заведовать типографией сыну Х. П. Бирича Арсению. Местная газета перестаёт указывать, кто её подписывает к печати, помещая лишь в правом нижнем углу: «Тип. Областного Управления».

«Камчатский листок» публикует материал под заголовком «Памяти героев-защитников». В нём говорится: «6 сентября, в день годовщины славной защиты г. Петропавловска от нападения вражеских эскадр в 1854 г., город с утра принял праздничный и торжественный вид.

Стоящие на рейде суда разцвелись флагами, украсились также и дома. На богослужение в местном Соборе прибыли: Начальник гарнизона капитан 1-го ранга Ильин, Командиры судов и начальники частей, представители городского самоуправления и гражданского Управления. У Собора фронтом стали морские команды и воинские части. По окончании литургии крестный ход проследовал на Братскую могилу и здесь, при большом стечении горожан, у подножья исторической Никольской сопки, у места вечно-го упокоения героев-защитников города, была совершена панихида. Командиром военного транспорта “Кошу” капитаном 1-го ранга Найто и командиром миноносца “Кияке” был возложен на Братскую могилу венок с надписью “Японский Флот”.

Затем на площади Братской могилы состоялся парад местного гарнизона, которым командовал Подполковник Кузнецов. Парад принял Начальник гарнизона капитан 1-го ранга Ильин, сказавший перед фронтом о доблести наших предков-героев, отдавших свои жизни за Родину под стягом Дома Романовых и провозгласивший здравицу за Возрождение России, армии и флота. Высокопатриотические слова эти были покрыты мощным и долго не смолкающим криком “ура”, торжественными звуками гимна “Боже, Царя Храни” и орудийным салютом нации (21 выстрелом). Войска прошли церемониальным маршем.

У Начальника гарнизона в два часа дня состоялся банкет, на котором присутствовали: Японский консул г. Симада, Командиры военных судов, как японских, так и русских, начальники воинских частей, Городской Голова, Начальник уезда и др. ».

В тот же праздничный день с Командорских островов в Петропавловск ожидалась шхуна «Командор Беринг», конфискованная в 1922 г. «у японских хищников» около острова Медного. Но пришла

она только ночью 8-го числа, продрейфовав несколько суток у Петропавловского маяка «за отсутствием материалов для машины». На шхуне прибыл капитан Зайцев из комендантского управления. Помимо него и ротмистра Муратовского, в штате управления числились: штабс-капитан Лукоянов, поручик Топорков, старший урядник Феофанов, делопроизводитель Пригоровский, писарь Козленко, машинист Григорьев, посыльный Попов и сторож Вен-юн-хай.

7 сентября 1922 г. комендант г. Петропавловска ротмистр Муратовский объявил населению о регистрации в духнедельный срок огнестрельного оружия с выдачей разрешения на право хранения и ношения. У кого уже такое разрешение имеется, его надлежит предъявить на предмет отметки, причём, действительными являются лишь те разрешения, которые выданы начиная с 29 октября 1921 г. — со дня занятия Петропавловска отрядом В. И. Бочкарёва.

Торгово-промышленное товарищество на паях «Преемники И. Я. Чурин и К^о А. В. Касьянов и К^о» приступило к продаже в большом выборе по пониженным ценам мануфактуры, галантереи, парфюмерии, готовых платьев, мужской, женской и детской обуви, русских охотничьих сапог фабрик Смагина, скобяных товаров, посуды, бакалеи, колбасных изделий собственных фабрик, разных сортов вин, табаков и папирос из лучших турецких табаков также собственных фабрик.

Петропавловской сельхозферме, которой теперь заведовал ротмистр Файвишевич, требовались доильницы коров. Она принимала рогатый скот от населения в обмен на племенных бычков. 15 сентября на ферме состоялась распродажа скота с аукционного торга по нижеследующим расценкам: Ласка и Добрая по 600 руб., Гутя 1916 г. — 800; телочки 1922 г. Касатка, Казачка, Киричка, Казарка — 200 каждая; бычки Ицек, Илюша 1921 г. по 300, Казак, Казбек, Копчик, Красавец 1922 г. — 150 каждый. Ночью 16 сентября на сельхозферме при сильном ветре сгорела дотла баня...

15 сентября «Камчатский листок» сообщал: «11 сентября после Литургии в Высшем Начальном Училище состоялся молебен перед открытием классных занятий. На молебне присутствовали: Начальник гарнизона капитан 1-го ранга Ильин, начальник Петропавловского уезда Ф. Д. Стецюк, комендант города ротмистр Муратовский, Городской голова Колмаков, члены родительского комитета, учащие, родители и учащиеся. Перед на-

чалом молебна Законоучитель о. Игумен Николай сказал слово о значении религиозного воспитания.

После молебна Начальник гарнизона капитан 1-го ранга Ильин обратился с речью к присутствующим. “700 лет тому назад, — говорил начальник гарнизона, — Россия подпала под иго татарское; она страшно страдала под ним, как ныне Россия стонет под большевистским игом. Россия тогда стряхнула с себя татар, придёт скоро время, она стряхнёт с себя и коммунистов. Здесь, на Дальнем Востоке, небольшая группа людей, любящих Родину, сбросила большевиков, и ныне евреи не получают этот уголок России от русских офицеров и солдат под свою власть. Молодое поколение, обучающееся в школе, идёт за нами, верующими в Бога, в правду, имеющими честь, совесть. У нас, — продолжал капитан, — нет сейчас ничего, мы бедны, но Бог за нами и за наше дело и с Его помощью у нас будет всё. Надо немного потерпеть, обождать”.

Инспектор Новограбленов, объявив о приёме учащихся, о результатах экзаменов, в своей речи отметил, что школе предстоят большие испытания в наступающую зиму в виду недостатка топлива и невыплаты жалования учителям, но надо надеяться, что Петропавловское общество и власть не дадут погаснуть школе, которая уже прошла через массу испытаний. От имени Училища он благодарил присутствующих за посещение Училища.

После всего Начальник Гарнизона, Начальник уезда, комендант города в сопровождении Инспектора осматривали классы, кабинеты, библиотеку Училища, причём Представители Правительства остались очень довольны состоянием училища».

Аналогичное торжество прошло спустя неделю и в Петропавловском начальном училище. Выступали те же лица, только начальник гарнизона, прежде чем держать речь, приложился к кресту, по окончании торжества ему были представлены учительницы. Отмечалось, что в первое отделение училища записалось более тридцати мальчиков и девочек. П. Т. Новограбленов на сей раз именовался заведующим училищами области, занять эту должность предложил ему ещё особоуполномоченный, когда погиб П. Я. Суслык. А до этого, 6 июля 1922 г., объявил Новограбленову благодарность «за усердие и труды». Прокопий Трифонович открыл в высшем начальном училище летний класс английского языка с бесплатным преподаванием (в первые дни нового учебного года фельдшер горбольницы Простокшин дал такое объявление: «Студент готовит и репетирует малоуспешных. Можно с английским и французскими языками»).

Выступление капитана 1-го ранга Б. П. Ильина в обоих городских училищах перед началом учебного года не случайно; он был убеждён, что главная причина «беспросветной и тяжёлой жизни» местного населения — неграмотность. «Мой долг, — подчёркивал он позднее, уже исполняя обязанности начальника Камчатской области, — указать вам тот путь, который давно избрали себе все культурные народы и который ведёт к расцвету нации и является единственным в достижении счастья и благоденствия на земле.

Поэтому приказываю: 1) Ввести сейчас же обязательное обучение грамотностью для детей обоего пола, а равным образом и для юношей, не достигших 17-летнего возраста. В тех посёлках, которые отстоят далеко от сельских школ, отвести для обучения один из домов и обязанность учителя вменить одному из односельчан. Если в деревне не окажется ни одного грамотного, то войти с просьбой в соседнюю деревню об откомандировании подходящего человека на всё время зимнего учебного сезона. Харчи и постой учителя должны взять на себя все родители учащихся.

В течение Рождественских каникул учителям собраться по волостям для обсуждения нужд и выработки однообразного плана обучения. Протоколы этих учительских совещаний представить мне, указав в них число учащихся по возрастам и пункты, в коих желательно учредить правительственные школы. Одной зимы вполне достаточно, чтобы научиться читать. А потому весной 1923 г. все юноши лет 16—17, не одолевшие сей премудрости, будут взяты на военную службу, где одновременно с военным искусством их обучат и грамоте. За неисполнение этого 1-го пункта будут ответственны старшины деревень.

2) Научившись грамоте, вы сможете читать Святое Евангелие и постигните учение Христа Спасителя. Это учение будит в нас лучшие чувства любви к ближнему, научает всепрощению и является тем связующим звеном, без которого не возможна совместная жизнь людей.

Вы все на Камчатке православные и это даёт мне полную уверенность в том, что Божественное учение нашего Спасителя послужит основой нашего объединения в одну дружную и крепкую семью. Так как храмов Господних и священнослужителей очень мало, то по праздникам надо собираться в одну из просторных хат, где один из присутствующих должен читать вслух молитвы. Такие общественные молитвы поучают незнающих славословия и имеют большое воспитательное значение для детей».

...12 сентября начальник Петропавловского уезда Ф. Д. Стецюк отдал распоряжение в целях ограждения интересов казны обратить в её пользу всё имущество Петропавловского кооператива. 13 сентября, на основании Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия (приложение 1 к ст. 1-й Свода установлений о предупреждении и пресечении преступлений, издания 1890 г.), Б. П. Ильин, временно, до особых распоряжений, запретил продажу «распивочно и на вынос» спиртного, также пива, браги и прочего в Петропавловске и его окрестностях. Наказание стандартное: либо пятисотрублёвый штраф, либо трёхмесячный арест.

Во Владивостоке получена телеграмма за подписью Гижигинского старшины П. Брагина, адресованная Правителю Приамурского Земского края генералу М. К. Дитерихсу: «Население, казачество и войска Гижигинского округа, собравшись на общий молебен о здравии и благоденствии Его Императорского Высочества Князя Николая Николаевича, шлют Вашему Высокопревосходительству горячий привет и возносят молитвы Всевышнему о даровании Вам мощи и энергии довести начатое дело возрождения нашей Родины до конца».

Имея под свои началом около двухсот военных, капитан 1-го ранга Б. П. Ильин был весьма решительно настроен в отношении красных, тем более, что явившиеся к нему делегации от селений Завойко, Тихая, Паратунка и Микижа вручили постановления сельских сходов о полном протесте против их действий и готовности оказать всяческую поддержку «в деле ликвидации бродячих партизанских шаяк».

«Ввиду того, что эти шайки занимаются грабежом и насилием мирного населения, отнимая моторы, кунгасы, рыбу и пушнину, — значилось в приказе начальника гарнизона № 65 от 13 сентября 1922 г., — я рассматриваю их не как политических противников, а как разбойников, для которых может быть только одно возмездие — расстрел на месте преступления.

Учитывая однако, что среди партизан есть некоторые лица, увлечённые из своих селений под угрозой оружия, а другие подпали под влияние преступной агитации таких проходимцев, как Ларин, Савченко-Славский, Чекмарёв и Фролов, благодаря своему умственному неразвитию, я в последний раз призываю всех партизан вернуться к мирному труду и заявляю, что только те из них будут помилованы, кто добровольно явится до 1 октября». Б. П. Ильин приказал всем сельским старостам оповестить об этом односельчан,

находящихся в партизанских отрядах, и по истечении указанного срока представить списки невозвращенцев.

13-го числа были повышены ставки гербового сбора. Затем вышел ещё один приказ Б. П. Ильина, скреплённый также двумя другими подписями — адъютанта штаба есаула Пичуева и исполняющего должность начальника Петропавловского уезда Стецюка. Со всех спиртных напитков, как ввозимых, так и уже ввезённых на Камчатку, отныне взимался акцизный сбор: с ведра 95-процентного спирта — 38, водки, саке и рижского бальзама — 20, пива — 4 руб.; с бутылки виски, коньяка, рома и водочной настойки тоже 4, шампанского — 3, разных наливок — 2, виноградного вина — 1; с литра ликёра — 5 руб.

В случае оплаты акцизного сбора за ввоз на Камчатку во Владивостоке соответствующая сумма зачитывалась при окончательном взносе в местное казначейство платежей по петропавловским ставкам. Выпускаемые в продажу вышепоименованные напитки надлежало оклеить бандеролями установленного образца. Неоклеенные считались контрабандой со всеми вытекающими последствиями.

Приказ этот датирован 15 сентября, а 14-го Ф. Д. Стецюк предложил окружному надзирателю Петропавловского уезда совместно с секретарём акцизного управления Е. В. Хабаровым и представителем от местной милиции в кратчайший срок выяснить в магазинах города «наличность», облагаемую акцизом, учинив документальную проверку, что уже оплачено, а что — нет. Начальник уезда потребовал предоставить ему ведомость с обозначением точного количества спиртных напитков в каждом торговом заведении, а равно у частных лиц, которые занимаются продажей спирта и других крепких напитков. В тот же день окружной акцизный надзиратель Константин Ильич Кодылев добровольно уступил свою должность бухгалтеру областного продовольственного отдела И. Н. Григорьеву.

В воскресенье 17 сентября 1922 г. в Народном доме при полном зале прошёл спектакль по пьесе Найдёнова «Авдотьяна жизнь». Среди зрителей, как и прежде, попадались «зайцы». Они, по выражению современника, пользуясь своим физическим преимуществом «над телесно слабым контролем и ловкостью ног», пробили себе путь в театральный зал. В спектакле были заняты любители Мельпомены супруги Кодылевы, Борейша, Ленская, Немова, Лоскутков, Миронов, Василько и режиссёр Гарсов, адвокат по профессии.

На следующий день в четырнадцать часов в том же здании состоялось собрание граждан Петропавловска, воинских частей и правительственных служащих. Гражданские сразу прошли в помещение. Военные стояли у подъезда и присоединились к ним только по прибытию в сопровождении адъютанта Б. П. Ильина, когда он, поздоровавшись, пригласил их в зал. Разместив воинские части в стройном порядке и подождав, пока все успокоятся, начальник гарнизона прочёл с эстрады первый указ Правителя Земского Приамурского края. Затем были прочитаны телеграммы от вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны и генерала Дитерихса.

После чего «Начальник Гарнизона обратился ко всем присутствующим, в глубоком молчании слушавшим знаменательные и строго поучительные слова первого Указа... с небольшой речью, прося всех, как частных жителей г. Петропавловска, так и служащих правительственных учреждений, верить ему, что всё, что будет здесь на Дальней Камчатке сделано Правительством, — будет сделано во имя справедливости и порядка и что правительственные войска до тех пор не уйдут с Камчатки, прока не убедят всех жителей в стремлении Правительства проводить здесь в жизнь те основы, на которых Россия создалась и была могущественна».

Под конец речи Б. П. Ильин предложил прокричать «ура» во имя возрождения прежней могущественной России и при долго не смолкающих криках сошёл с эстрады, объявив, что у камчатцев новый губернатор — генерал Иванов-Мумжиев.

21 сентября 1922 г. Б. П. Ильин опубликовал приказ управляющего ведомством внутренних дел Бабушкина от 24 августа за № 297. «Назначаются: Генерал-Майор Иванов-Мумжиев Начальником Камчатской Области и Войсковой Старшина Лесников Начальником Охотского уезда. Впредь до прибытия Генерал-Майора Иванова-Мумжиева исполнение обязанностей Начальника Камчатской Области временно возлагаю на капитана 1-го ранга Ильина, которому поручаю принять дела и отчёт бывшего Особополномоченного Камчатской Областью Бирича».

ТИГИЛЬСКИЙ КРЕСТ

20 июня 1922 г. «Камчатский листок» напечатал заметку под заголовком «Подробности гибели шхуны “Bender Brothers”»: «2-го сего июня шхуна Торгового Дома “Сайденберг и Виттенберг” в 25 милях от Тигиля наскочила на подводную льдину и, получив пробоину, стала наполняться водой. Капитан шхуны повернул было

к берегу, но, так как она быстро начала погружаться в воду, пришлось спустить катер и спастись. На шхуне погиб почти весь груз, вещи команды и С. Виттенберга. Вся команда спасена. 15-го вечером прибыли в Петропавловск на катере из Тигиля С. Виттенберг, капитан, старший механик шхуны и служащий Виттенберга Деулин. Приезжие рассказывают, что в Тигиле находится отряд под командой полковника Алексеева».

В одной из статей сборника «За власть Советов на Камчатке. (1917—1923 гг.)» утверждается, что после неудачного прорыва партизанской блокады из областного центра, белые попытались соединиться с Петропавловским гарнизоном, чем и объяснялось их появление на западном побережье Камчатки. Упоминание об алексеевском отряде встречалось в других краеведческих публикациях, но восстановить картину пребывания белых в Тигиле по ним невозможно. Поиск новых материалов, проливающих свет на обстоятельства и мотивы гибели отряда, занял многие годы. Большую помощь нам оказал уроженец Тигиля, член президиума камчатского отделения «Мемориала» Ю. Г. Попов.

Весной 1922 г. в разных районах полуострова начали формироваться так называемые дружины самообороны. Начальник тигильских казаков П. И. Юшин телеграфировал в партизанский штаб облнарревкома, которым руководил И. Е. Ларин: «В ночь на 13 апреля в Тигиль приехал из отряда Бочкарёва подъяесаул Савич с двумя ординарцами для установления административного передвижного пункта, как видно из его слов, надеялся на помощь тигильского боевого казачества... жестоко ошибся в своих расчётах».

Прибытие военных в Тигиль подтверждается телеграммой начальника штаба СЭО капитана 2-го ранга Г. А. Ивлева Х. П. Биричу: «В Тигиле оборудован АПП и стоит там наша стража под командой есаула Савича». Административно-пропускной пункт в Тигиле был открыт по приказу В. И. Бочкарёва. Работа пункта регламентировалась специальной инструкцией (см. очерки автора в 1 вып. «Вопросов истории Камчатки»).

23 апреля 1922 г. полковник Алексеев, как «комендант пос. Тигиль», телеграфировал коменданту бухты барона Корфа: «По пути к месту своего назначения я проезжал пос. Дранка, в котором до сих пор существует областной комитет и руководствуется указаниями комиссара Ларина. Между оных нашёл Ваше предписание за № 18 от 11 марта и приказ генерала Полякова за № 1 от 29 ноября, которые в жизнь проведены не были. Отобрав дела комитета, я приказал вступить в свои обязанности волостному

старшине Слобачуку (Слободчикову. — В. П.), выбранному властью до приказаний и воззваний Ларина, дав ему приказание и инструкции, какие прилагаю при сём. Не имея возможности проехать в пос. Уку и Хайлюлю, где тоже комитеты, я пишу приказание через волостного старосту от своего имени. О вышеизложенном Вам доношу и ставлю в известность».

Волостной старшина Евгений Иннокентьевич Слободчиков, получивший в 1938 г. десять лет лагерей, сообщал о себе на следствии: окончил городское училище в Петропавловске, в 1911—1918 гг. служил псаломщиком в с. Дранка Карагинского района, затем в Камчатской местной воинской команде заведующим по снабжению, откуда уволился по собственному желанию и вновь уехал в селение Дранку. «В 1922 году, — продолжал он, — к нам в Ивашку приехали с материка люди с промышленником Фокиным, часть этих людей связалась с камчадалами и организовала подпольную организацию для борьбы с белыми, руководил этим делом Гаврилин Иван Петрович. В группу революционеров-партизан, по моим подозрениям и выводам, входили следующие лица: из села Ука Сомкин Павел Фёдорович, Хайлюли — Крамар Василий Андреевич, Ивашки — Ландик Иван Николаевич, Гаврилин, Дранки — Примак Трифон Нестерович, Коекарский Георгий Акакиевич, Черемпей Пётр Кузьмич. Вся эта группа подпольщиков была на меня злая, ненавидела меня как *нопа* (так они меня именовали, хотя я был только псаломщиком) по роду своих убеждений камчадала-националиста.

Я за ними наблюдал, и когда в 1922 г. к нам приехал полковник Алексеев-Крамник с Корфских копей, я ему секретно дал сведения о наличии подпольной организации партизан, которой руководил Гаврилин И. П., сведения я подписал своей фамилией... но этого полковника партизаны застрелили в одной из квартир, и сведения, данные мной полковнику — точно не знаю — кажется, попали в руки партизан, каковые меня постановили расстрелять. Для исполнения приговора надо мной был послан коряк Панкарин Сергей Сидорович, каковой, приехав ко мне, немного побыл и уехал обратно в с. Ивашку, не убив меня, видимо, потому, что его отец раньше служил старостой, и мы были с ним в большой дружбе... Кроме того, в 1922 г. с приходом белых я был назначен старшиной над всеми сёлами, то есть почти над всем Карагинским районом».

Один из бывших партизан, давая показания против Слободчикова, называет убитого в Ивашке старшего офицера генерал-майором

Фёдоровым. То же звание и фамилия значатся в очерке Р. Юшина «Как уничтожили генерала», но действие там происходит не в сентябре 1922 г., когда погиб отряд Алексева и сам командир, а месяц спустя на квартире Панкарина. Приятель Гаврилина П. К. Черемпей называл его убийцей генерала, статского советника, лейб-медика Императорского двора. Из допроса П. Н. Примака, охотника-рыбака с. Дранка, 4 апреля 1934 г.: «Генерал-майор Фёдоров вызвал к себе на квартиру Гаврилина И. П. и спрашивал его, кто он такой, где учился, где служил и как попал на Камчатку. Гаврилин говорил ему, что он якобы учился в юнкерском училище в г. Чите, генерал Фёдоров ему задал вопрос, а кто был начальником училища, на что Гаврилин И. П. назвал какую-то фамилию, после чего у генерала с Гаврилиным произошла ссора, и Гаврилин генерала в доме Панкарина Сидора убил из револьвера, после убийства, боясь репрессий со стороны белых, Гаврилин организовал отряд из жителей с. Ивашки, Дранки, частично из Караги. Отряд был организован человек двадцать. Начальником был выбран Гаврилин, помощником был Панкаринов Павел и Панкаринов Сергей, отряд никаких действий не принимал, а стоял в Дранке на охране...»

В середине 1930-х гг. Гаврилин утверждал, будто ссора с Фёдоровым произошла из-за того, что тот угрозами заставлял его вступить в отряд Бочкарёва. По словам ивашкинского охотника Н. Я. Загороднего, труп застреленного генерала бросили в озеро близ села. (Долгое время, пишет Р. Юшин, местные жители называли это озеро Генеральским.) А «Гаврилин И. П. боялся белых и находился всё время в лесу на охоте». Слободчиков, по всей видимости, путает полковника Алексева, погибшего совсем в другом месте — в Усть-Тигиле, с Фёдоровым, у которого после убийства были найдены документы на имя Крамника. Как попал врач Охотского гарнизона Северного экспедиционного отряда в Ивашку, неизвестно.

Ещё один факт, связанный с полковником Алексеевым. По службе он подчинялся коменданту бухты барона Корфа. Туда заходила канонерская лодка «Магнит», отправленная в августе 1922 г. на Чукотку. Корабельный механик Г. Ф. Сергиенко рассказывал: «В бухте Корфа встретили гарнизон в пять человек бочкарёвцев (штабс-капитан Востротин, вахмистр Пандридин и другие. — В. П.) во главе с полковником Даниным, там был казённый склад: чай, сахар, пушнина. На складе взяли 50 пудов муки, солонины, оленины, 60 пудов пушнины, около 17 красных лисиц

и рухлядь: меха разные, торбаса и т. д. Вышли через два дня, взявши на борт Данина и двух коммерсантов, Орехова и Доликова, пришли в бухту Глубокую... ушли в Анадырь, там гарнизона не было, вышли в бухту Провидения, ушли... попали в шторм и через неделю опять вернулись в б. Провидения... и пошли в бухту Корфа, где высадили полковника Данина. Погрузили 500 пудов муки и 1 000 пудов солянины для Петропавловского гарнизона».

...Перед Тигилём алексеевский отряд останавливался в Палане. Красноармеец, проезжавший через Палану с разведпартией Чубарова в феврале 1923 г., сделал следующую запись: «...75 человек, каждый имеет нарту ездовых собак. Население преимущественно камчадалы, народ энергичный и нетребовательный, сохранивший ещё свои первобытные нравы, обычаи и язык. Главный источник дохода зимой пушной промысел, а летом — рыба. С открытием промысла по первому снегу охотятся на лисицу. Ловят их капканами и переногой, то есть, как выпал свежий глубокий снег, гонят их на лыжах по следу до тех пор, пока не зайдут в норы, откуда потом выкапывают. С 20 октября охотники бросают лисиц промыслять и выезжают в лес за соболями до самого Рождества. На праздники приезжают, выбирают необходимый корм для собак и себя и опять уезжают до конца промысла — 15 марта.

...Главными скупщиками пушнины в Палане являются отделение Торгового Дома “Свенсон и Компания” (доверенный П. П. Флетчер), кооператив, а летом японцы, приезжающие на рыбалку. В прошлом году (1922. — В. П.) иностранных коммерческих судов сюда заходили два: весной — Виттенберг, но население, благодаря белогвардейцам, не могло продавать пушнину, так как всё в кооперативе было взято на учёт и приказано “никому не продавать”. Осенью пришёл пароход Свенсона, но простоял несколько часов из-за недостатка угля, скоро ушёл в Тигиль. Успели только выгрузить около восьмисот кульков (один пуд 15 фунтов) муки, несколько десятков мест чаю, табаку, мануфактуры, немного мелочи, в общем на незначительную сумму. Продуктов поэтому не хватило даже до Рождества. Многие из жителей Паланы, Тигиля, Седанки переваливали через хребты на восточный берег в с. Ключи за мукой. Ввиду недостатка товаров у торгующих большая половина населения имеет ещё на руках пушнину, которая с приездом японцев на рыбалку перейдёт в их руки за спирт. Денег в Палане никаких нет в обращении, поэтому главным продуктом обмена служит пушнина».

Местный житель Африкан Лонгинов называл время пребывания отряда Алексеева в Палане — два дня. Далее, уже в 1930-е гг., он говорил: «Мой отец и его братья особенно были в близких отношениях с есаулом Савичем и полковником Алексеевым. Эти белогвардейские офицера находили в моём отце и его братьях одних из лучших и надёжных защитников за дело “святой Руси”. Недаром они, приподнося бокал со спиртом ко рту, произносили, что братья Лонгиновы самые верные им люди, на других не на кого в Палане надеяться...»

По словам отца Африкана, бывшего торговца Пётра Васильевича Лонгинова, в Палане по приезду Алексеева, Савича и ещё одного офицера (Востройла?) «для встречи была устроена вечеринка», на которой он не присутствовал, не в пример псаломщику Нестору, своему двоюродному брату. Нестор, как запомнил его односельчанин А. А. Копылов, на этой самой вечеринке «в клубе» воскликнул: «Наши прибыли, будут у власти. За веру, царя и отечество Ура!» У Нестора и квартировали белые. Тот же Копылов, ссылаясь на Пантелея Лонгинова, утверждал, что псаломщик Нестор информировал коменданта бухты барона Корфа полковника Данина «обо всём, что делается у красных». Сам Пантелей Васильевич на допросе в ОГПУ пояснил: Нестор, работая в волостном ревкоме, сообщал содержание воззваний партизанского вожака Ларина. При разгроме остатков бочкарёвцев в Гижиге, добавил Пантелей Лонгинов, был найден дневник Данина, который не оставлял сомнений в информаторстве Нестора. Этот дневник был якобы привезён в Палану, и взял его начальник раймилиции Букаемский. Между прочим, Нестор Лонгинов не отрицал факта передачи информации (но не Данину, а полковнику Алексееву) «под угрозой смерти». Документы о пребывании белых в Палане находятся в архивном уголовном деле братьев Петра и Нестора Лонгиновых, приговорённых в 1932 г. к десяти годам концлагерей.

Артимон Александрович Копылов попал в паланскую дружину, когда стало известно, что из Гижигинской долины в район должны прийти бочкарёвцы. «В апреле месяце того года у нас под руководством Сарафанникова была организована боевая дружина для борьбы с белыми»: Алексей, Пантелей, Иннокентий и Пётр Васильевичи Лонгиновы, Нестор и Вячеслав Николаевичи Лонгиновы, Африкан Петрович Лонгинов, Косыгины Василий Васильевич и Иннокентий Иннокентьевич, Фёдор Ефимович и Михаил Андрианович Мохнаткины, Захар и Фотий Антоновичи Бре-

чаловы, Фирс Антонович Никифоров, Иван Фёдорович Шмагин, Василий Иванович Сновидов. Африкан Лонгинов причисляет к дружинникам Николая Васильевича Лонгинова, Алексея и Пантелея Николаевичей Флетчеров. Пантелей Лонгинов включает в этот список Василия Матвеевича Жаворонкова, Николая Константиновича Косыгина, Ивана М. Плотникова и с иным отчеством Шмагина — Михаила Демьяновича. Василий Сновидов добавляет ещё двоих — Болбата и Ловыгина, без инициалов.

Но, как командир, у всех фигурирует один и тот же человек — Александр Афанасьевич Сарафанников, уроженец Забайкалья, до революции неимущий. Немного воевал в Первую мировую войну (однако в октябре 17-го дезертировал). На Камчатке с 1918 г. В Палане первое время трудился на рыболовном участке Эккермана, несколько месяцев рыбачил и охотился в Иче. Вернувшись в Палану, жил первое время у В. И. Сновидова, потом перешёл в дом Эккермана. «В июле 1919-го, — вспоминал А. А. Сарафанников, — в адрес купца Флетчера Пантелеймона Николаевича из Владивостока от компаньона Эккермана Либерга поступили разные продукты питания и промтовары, предназначенные для обмена с местным населением на рыбу. Флетчер П. Н. предложил мне взять на себя роль по обмену... до приезда в Палану Эккермана или его компаньона Либерга». Работал весь сезон 1919 г. Всю рыбу отправлял во Владивосток Эккерману. В сентябре того же года поступил в лавочку П. Н. Флетчера в Тигиле на конторскую работу, затем женился на дочери коммерсанта Косыгина и переехал в Палану. Своё избрание «начальником военной дружины» относит не к апрелю, а к октябрю 1922 г. Приказ об её организации Сарафанников получил от П. И. Юшина и ему подчинялся.

А. А. Копылов: «Борьбы дружина против белых никакой не вела. Так, например, когда в том же году прибыла банда бочкарёвцев в количестве семи человек к нам в село для проследования в Тигиль, то вместо уничтожения их им была устроена вечеринка, на каковой присутствовал сам Сарафанников. Об этом мне рассказывала моя жена Мария Николаевна, которая на этой вечеринке также была... На вечере были Толстихины Екатерина, жена Сушпанова, выехавшие в 1932 г. на материк, Косыгин Василий, Сновидов Василий, остальных не помню...» В. И. Сновидов, Африкан, Алексей и Николай Лонгиновы, Никанор, Дмитрий и Михаил Шмагины, Жаворонков, Копылов и «шаманка» Евдокия Киржановна, по агентурным данным НКВД, в 1936 г. пытались сорвать первомайские торжества в Палане. «Эта группа во время праздника

говорила, что мы празднуем по-старому, нас кровью старинной должны знать и крепко помнить, также бога не будем забывать... — это наша жизнь».

...Площадь Тигильской волости в первой половине 1920-х гг. составляла 100 вёрст. Расстояние от волостного центра до самого отдалённого селения 325 вёрст. Населения во всех девяти селениях 1 784 человека. Природные эксплуатируемые богатства: рыба, морской и пушной зверь. Не эксплуатируемые, обнаруженные самим населением: аметист, квасцы, нефть, железные и свинцовые руды, белая глина. Климат в этих местах умеренный. Лето короткое, туманное, солнечных дней очень мало. Зима продолжительная, без резких холодов, но с обильными осадками. Поверхность гористая, перемежающаяся тундровыми низменностями.

На западе территорию волости омывает Охотское море. В нём водилась нерпа, лахтак, белуга, лососёвые... Рыбу в море население ловило в ничтожном количестве, по сравнению с речным промыслом. В годы «недохода лососёвых» почти единственным кормом собак и отчасти местных жителей (селения Кинкиль, Кахтана, Воямполка) служила мелкая рыбёшка уёк и вахня, то есть навага.

Река Тигиль изобиловала рыбой. Её ловили запорами, ставными и неводными сетями и заготавливали впрок для себя и собак. Часть улова сдавалась рыбопромышленникам в обмен на товаропродукты. «Селение Тигиль расположено на реке того же названия, в шестидесяти верстах от устья», — записывал тот же красноармеец из разведгруппы, шедшей западным берегом полуострова с заданием разгромить остатки Северного экспедиционного отряда В. И. Бочкарёва. «В селе сто домов, имеется церковь, школа и телеграф. Взрослых общественников около двухсот человек, почти все исключительно потомки казаков, первых завоевателей Камчатки. Живут гораздо чище и зажиточнее, чем камчадалы остальных селений-деревень. Каждый, кроме нарты ездовых собак, имеет ещё лошадь и корову, но они скорее составляют роскошь жизни, чем необходимость. Ещё практическое значение имеет корова, с её мясом и молоком, но лошади мало пригодны при летних топях, среди которых малочисленное население не в силах проложить дороги и при глубоких рыхлых снегах, в которых грузное животное проваливается и вязнет».

А вот какими предстают тигильчане в документах губревкома 1924—1925 гг.: «Селение Тигиль состоит из... ввезённых казаков для покорения Камчатки. Казаки для поддержания своего поколения хищническим путём захватили себе жён от дикарей и в настоя-

щее время от камчадала отличаются лишь тем, что нет шаманства и говорят на русском языке. Казаки до 1917 г. получали паёк». Относительно верований в Тигильской волости: «Камчадалами и оседлыми коряками исповедуются православные религии, но в то же время тайком занимаются шаманством... Проезжая по камчадалским селениям, встретишь в каждом доме верующего, все стены оклеены церковным писанием. Двойственность религии, то есть православия и шаманства, указывает на то, что религия не так крепка, так как православие введено не так давно... Особенно крепка православная религия в селениях Тигиль и Палана...»

Реакция Тигиля на июльский антисоветский переворот 1918 г. в Петропавловске была весьма своеобразной: местный Совет был преобразован в Комитет с выражением доверия прежним членам, «от ареста Совета голосованием воздержались». По слухам, белых в Тигиле — то ли в первый раз во главе с есаулом Савичем, то ли во второй под командой полковника Алексева — встречал хлебом-солью 21-летний сын торговца Пантелей Юшин.

Почти за месяц до прибытия белоказаков полковника Алексева в волостной центр обларревком принял телеграмму из Тигиля: «10-го сего апреля поступило отношение подъясаула Савича именуется себя начальником Тигильского административного пункта. Едет Тигиль с десятью казаками. Хайрюзово, Облуковино требуют полсотни казаков. Собравшийся сход постановили: власть его не признавать, предложить ему ехать дальше или же вернуться обратно. Председатель собрания Логинов. За секретаря Мионов». В декабре 1922 г. после того, как в Петропавловске вновь воцарился нарревком во главе с Лариным, им была получена телеграмма, подписанная Притчиным, командиром Ковранского отряда, И. Суздаевым — Утхолокского и Остапчуком, за секретаря. В ней излагаются события в Тигильской волости с мая по сентябрь 1922 г. Именно с мая, так как приезд белых отправители телеграммы относят не к апрелю, а к середине мая, а точнее к 18-му числу. (Видимо, первое появление здесь Савича с двумя военными носило разведывательный характер.) И сообщают далее, что командира Тигильского отряда П. И. Юшина белые арестовали и «начали давать страшные приказы об аресте некоторых лиц...» Оные называются в другой телеграмме, якобы отправленной полковником Алексеевым в середине мая в Хайрюзово: «Приказываю срочно упразднить Комитеты, выбрать старшин и старост, руководствоваться законами 1915—1916 гг. Если

Магаврана сентябре месяце через хребет Ковревск была отправлена информация уничтожения банд Тигиль, и твердо не уверены достигла ли она своего назначения, в достояние вылетаем долгом довести до сведения особое положение дела мая месяце 18 числа с.г. бандиты заняли Тигиль Командующий отрядом Каша арестован бандиты захватив телеграф назвали давать отпущения приказы аресте некоторых лиц и упразднения Комитетов замену старшину отаростами, Вот в такое тяжелое время когда трудно было вылотить добрых враги, народовласти в Хайрзове а имея в виду Бучинский, Капельцев, Ломиворотов, Красноярров, Трапезников открыты собрания провели агитацию за установление власти бандитов, на основании послужного бандитов провокаторов, и отряд оказались идти командующий отрядом Косыгин при котором угрожали бандиты ушли Камчатка и оставили тогда только два маленьких селения Ковран и Утхолок которые остались всетаки вести борьбу бандами. Все лето мы поджидали их на границе своей волости но бандиты сидели Тигиль и грозили нас полетим судами. Бучинский Капельцев, Ломиворотов, Красноярров видя нашу твердость борьбе бандитам сговорили хайрзовцев выключить нас из своей волости как разбойников и даже пукали слухи что если придет Меркуловский отряд то они ему помогут нас истребить но мы тоже решили умереть или уничтожить банды. Наконец августа выступили Тигильшани присоединились нам Тигиль послали воззание призывом присоединиться и уничтожить банду. Тигиль присоединился и Банда 8 сентября была уничтожена убито было шесть человек и один Савич бежал на пароде Швеюна и Советская власть распростерлась до Лесной. Хайрзове волкома не существует вся власть находится руках Начпартизан селения о банде вышенам можно ли требуем от вас как центральной власти применить какие строгие меры провокаторам меркуловцам Бучинскому, Капельцев, Ломиворотову, Краснояррову и Трапезникову, также вели агитацию на Ковранях Винокуров, Заковецкий и Косыгин, которых мы требуем также брать от нас Липаков Сновидов Хайрзове бросили дом и прижи отряд а что тоже провокаторы оторвали от них дом. Получением всего просим утверждения о применении мер наказания провокаторам а также вышлите протокол Завойкинского съезда с мере наказания, сообщите разрешен ли развозный торг по колючим какие применять меры против арешивших сообщайте какие имеете сведения какая участь постигла этого делегата Рябикова От нас на наш счет отправлена партия по радиоу линии из отряда под командой гр. Липакова с телеграфным работником Дюпинам.

Командир Ковранского отряда ПРИТЧИН
 Командир Утхоловского отряда И. СУЗДАЛЕВ
 За Секретаря ОСТАПЧУК

В е р н о т

Заведывающий отделом Истиии
 Камчатского Губернского Народно
 Революционного Комитета

Н. С. Дудом П. Ч. М. Ков и Косыгин
Смотрите список шифров
и 4 шт. шифр 1488 от 19/10/29
имеет файл шифр 1488
из Мухомовых
10/12/29

Копия телеграммы командиров ковранского и утхолокского партизанских отрядов в штаб отрядов облнарревкома (из фондов ГАРК)

Комитеты не будут упразднены, срочно вышлю казаков с пулемётом в непродолжительном времени придут бронированные катера с г. Гижиги... Писню и Остапчука, как врагов местных жителей, объявляю вне закона. Предлагаю выслать их в распоряжение Ларина или арестовать и под конвоем препроводить в Тигильский военный район».

Телеграмма эта цитируется в докладной записке Писни и Остапчука на имя контролёра политохраны в с. Козыревск Чуркина П. Я. Командир Хайрюзовского отряда М. К. Писня вспоминал: «Узнав о продвижении белых, жители Хайрюзова, Коврана и Утхолока объединились в один отряд, в котором насчитывалось 62 чел. На общем собрании меня избрали командиром, помощником был избран местный житель с. Коврана Александр Притчин. Наш отряд выступил навстречу белым и остановился в с. Утхолке, чтобы здесь дать бой. Но начальник Утхолокского почтово-телеграфного отделения Закорецкий сообщил об этом белым, и Савич возвратился обратно на север. Вскоре в Тигиле появился *большой* (курсив мой. — В. П.) белогвардейский отряд полковника Алексеева и есаула Савича. В это время спекулянты и тот же Закорецкий распускали всевозможные провокационные слухи, а Алексей стал посылать телеграммы с требованием распустить революционные комитеты...»

Далее приводится его телеграмма, посланная в Хайрюзово, однако в ней нет никаких «врагов местных жителей», то бишь Остапчука с Писней. Матвей Константинович Писня вспоминает, что сии грозные алексеевские телеграммы «посеяли смуту среди партизан. Часть неустойчивых ушла из отряда. Положение сложилось напряжённое. Тогда основное ядро отряда — тт. Сутягин, П. А. Золовкин, П. Д. Божко, В. А. Толстихин, Е. К. Белых, Ф. М. Остапчук и я решили идти в Усть-Камчатск просить подкрепления... Распутица. Тундра. Преодолевать приходилось огромные трудности. В пути многие из нас переболели. На 31-е сутки мы пришли в Козыревск, измученные и больные».

В декабрьском сообщении Притчина и Суздалева обларревкому тоже есть слово «враги»: «...в такое тяжёлое время, когда нужно было сплотиться, злые враги народовластия в Хайрюзове, а именно поп Бучинский, Капельцев, Лемиворотов, Красноярров, Трапезников открыто на собраниях повели агитацию за установление власти бандитов...»

Через два года после восстановления советской власти троих последних пытались привлечь по 61-й ст. УК РСФСР. 28 ноября 1924 г. уполномоченный губотдела ОГПУ Б. П. Могутин принял

следующее решение: «Дело носит слишком запутанный характер, и чтобы выявить все дела означенных лиц в период Бочкарёвщины, необходим выезд на место для производства следствия, но, принимая во внимание, что указанные выше граждане, а также лицо, связанное с этим делом, не известно где проживает, руководствуясь ст. 222 п. 2 УПК постановляю: дело по обвинению граждан Трапезникова, Лимиворотова, Красноярова и других следствием прекратить и сдать в архив ГО ОГПУ».

В 1931 г. священник с. Ича Усть-Большерецкого района Тимофей Иванович Бучинский и рыбак-охотник, ительмен по национальности, Илья Ионович Краснояров проходили по так называемому «Тигильскому делу», целиком сфабрикованному чекистами. Первый получил пять лет лишения свободы, второго выпустили, однако в 37-м арестовали вновь; в 1940 г., в результате доследования, десятилетний срок снижен более чем наполовину.

В Тигиле с полковником Алексеевым, если верить показаниям местного жителя В. К. Пенезина, было связано несколько человек: завпочтой С. А. Дюпин, торговец Сычёв, П. И. Толстихин (дед Ю. Г. Попова по материнской линии), Н. А. Мирошкин, М. Попова, Ксения Толман и С. С. Ерошкин. В обвинительном заключении по делу Дюпина Степана Афанасьевича (три года ссылки в Западную Сибирь) говорилось, что он предоставил отряду Алексеева и Савича свою квартиру, оказывал активную помощь им в борьбе с красными партизанами, обучая их телеграфному делу, этим «давая полную возможность в скорейшем продвижении распоряжений» белогвардейцев по населённым пунктам. Савич и Алексеев «могли работать на телеграфе и иметь связь с генералом Поляковым в г. Петропавловске». В личном деле 1926 г. по приёму в кандидаты партии И. А. Толстихина есть его автобиография. Иннокентий Афанасьевич подчёркивает: «В 1922 г. в январе был избран сельским волостным старостой, где служил до занятия Тигиля белыми бандами Бочкарёва. После ликвидации белых в Тигиле в сентябре 1922 г., состоя в партизанском отряде, занял должность временно исполняющего обязанности телеграфиста на месте признанного нашим партизанским отрядом политически неблагонадёжным бывшего заведывающего тогда отделением».

Василий Толстихин — из казаков, как и его брат Иннокентий — учитель, при красных одновременно секретарил в волревкоме. «В 1921 г. с появлением на Камчатке биричевских банд я оставил школу, — писал он в «Моей биографии», — и около двух лет, не имея определённых занятий, жил то в Тигиле, то Ковране, то

Хайрюзово, то опять в Тигиле. С появлением в Тигиле белых я поступил в хайрюзовский партизанский отряд. В силу весенней распутицы и занятия белыми в Тигиле телеграфа, отряду не удалось узнать численность банды. Телеграммы из Тигиля в Хайрюзово об аресте главарей партизанского отряда, а также отказ хайрюзовцев от борьбы с белыми заставили несколько товарищей, в том числе и меня, оставить Хайрюзово и скрыться сначала в горах, а затем перевалить через хребет в Козыревск, оттуда в Усть-Камчатск...»

...Обратимся вновь к телеграмме Притчина, Суздалева и Остапчука. Они заявляли, что агитация злых врагов народовласти повлиять не только на мирных жителей. Против белых «отряд отказался идти». А «командующий отрядом Писня и другие, которым угрожали бандиты, ушли в Усть-Камчатск, и остались тогда только два маленьких селения Ковран и Утхолок, которые решили всё-таки вести борьбу с бандами». Всё лето дружинники из Утхолока и Коврана, по словам авторов телеграммы, поджидали белоказаков на границе своей волости, но те сидели в Тигиле и грозили им «полевыми судами». Правда, 12 июля 1922 г. «Камчатский листок» поместил следующую заметку: «Нам сообщают, что вышедший из Тигиля отряд под командой есаула Савича находится сейчас в районе между Облуковино и Большерецком. Красные вынесли постановление от имени населения, в котором распорядились, чтобы на почтово-телеграфных отделениях не принимались телеграммы, следующие из Большерецка и других районов, занятых отрядом есаула Савича. Напротив, население выразило протест против такого распоряжения, так как не желает вмешиваться в политические дела».

Дальнейшие события нашли отражение всё в той же декабрьской телеграмме Притчина, Суздалева и Остапчука нарревкому. «Бучинский, Капельцев, Ломиворотов, Краснояр, видя нашу твёрдость в борьбе с бандитами, сговорили хайрюзовцев исключить нас из своей волости как разбойников и даже пускали слухи, что, если придёт меркуловский отряд (Бочкарёв и его подчинённые. — *В. П.*), то они ему помогут нас истребить. Но тоже решили или умереть, или уничтожить банды. Наконец в августе выступили Тигиль, паланцы присоединились к нам...»

Основную роль в противоалексеевской акции, уверен Ю. Г. Попов, сыграл тигильский отряд Павла Иосифовича Юшина. На допросе в ОГПУ весной 1934 г. он рассказывал о себе: «Был отдан на воспитание к Михаилу Ивановичу Юшину — командир Тигильской

казачьей жандармской команды и одновременно полицейский пристав по Тигилю и ряду сёл, расположенных к северу до Лесного и на южную часть распространялось влияние до с. Хайрюзово. Со дня рождения и до... ухода в казачью команду я воспитывался в семье этого офицера. Воспитание я получил чисто монархическое и был верным слугой царю и отечеству. В 1898 г. я пошёл служить в Камчатскую казачью жандармскую команду, в которой прослужил до 1908 г.

За период службы имею награды: Георгиевский крест 4-й степени; простой крест с надписью «За Веру, Царя и Отечество»; серебряную медаль с надписью «За усердие», медаль тёмно-бронзовую «В память русско-японской войны»; знак-медаль в память 300-летия Дома Романовых». (Необходимое уточнение: «География» он получил за операцию 1905 г. по захвату японской «шпионской шхуны», а серебряную медаль ему вручили в 1910 г. во время приезда на Камчатку Приамурского генерал-губернатора П. Ф. Унтербергера.)

«Исполнял следующие должности: в 1905 г. начальником западного побережья обороны... был командирован на север для организации северной национальной боевой дружины из туземного населения и был назначен командиром таковой. Дружина мной была организована из сорока человек по сёлам Воямполка, Кохтана, Палана, Кинкиль и Лесная. В этой должности я пробыл до 1905 г. августа, после чего был переведён в должность помощника командира Тигильской казачьей команды Крижановского, служил до 1908 г. подпоручиком казачьей команды. В 1908 г. я был командирован в г. Петропавловск, где немного служил вестовым у губернатора, и в 1908 г. ушёл в отставку, работал писарем в Тигиле, был назначен старостой с. Тигиль, а в 1915 г. в связи с реорганизацией в Тигиле было создано Тигильское волостное управление и старшиной волости был назначен торговец Юшин Иван Николаевич, а я был назначен его помощником...

Когда в 1917 г. произошла февральская революция, которую мы встретили с большой радостью, и сразу же был создан комитет общественной безопасности, одновременно командирован по сёлам Воямполка, Кохтана, Палана для организации комитетов безопасности, каковые и организовал... В 1917 г. в марте от Тигильской волости был командирован на камчатский съезд (Первый Камчатский областной съезд проходил в июле-августе. — В. П.) в Петропавловск...» П. И. Юшин до 1917 г. служил в Тигильской казачьей команде, в 1917—1918 гг. командовал всеми казаками

волости, оставался помощником волостного старшины до 1921 г. Его не родной — согласно данным следственного дела — сын Роберт отмечал, что Павел Иосифович являлся делегатом «Первого Чрезвычайного съезда Советов» от Тигиля и обладал неплохими деловыми качествами: «инициативный, со смекалкой, умелый партизанский вожак. Авторитетен. В общем человек наш, надёжный». В период камчатского противостояния «белые-красные» П. И. Юшину было сорок четыре года.

По списку, составленному не так давно коренным тигильцем Ю. Г. Поповым, отряд Юшина вместе с командиром насчитывал 12 чел.: братья Николай и Сократ Юшины, Сергей Баженов, Андриан Брагин, Фока Григорьев, братья Алексей и Давид Косыгины, Артамон Пенезин, Лазарь Попов, Никита Черных, брат командира Аркадий Юшин. Список в деле П. И. Юшина на одного дружинника больше (Леонид Фёдорович Попов), а у Пенезина иное имя-отчество (Лавр Петрович).

Р. Юшин пишет, что белые вместе с его отчимом взяли под стражу С. С. Ерошкина. Последний, согласно другим источникам, помогал алексеевцам и, как установлено мною, именно по этой причине в 1938 г. расстрелян с конфискацией имущества. П. И. Юшин, также арестованный в 1930-е гг., был отпущен с возвратом изъятых при обыске бумаг: письма с призывом взяться за оружие и начать войну на Камчатке в тундре; записи на листе расстановки белогвардейских военных сил; отношения полковника Алексева за № 2 с назначением Е. И. Слободчикова старшиной волости; воззвания жителей Паланы к войне и назначения А. А. Сарафанникова начальником дружины; отношения Сарафанникова начальнику военного района с просьбой помочь оружием и патронами; записки на имя П. Н. Флетчера от генерал-майора Фёдорова; расписки Ларькова на получение пакета в адрес полковника Данина в бухте барона Корфа; расписки полковника Алексева на получение винтовки.

Между прочим, И. П. Гаврилин, убийца генерала Фёдорова, тоже получил обратно всё изъятое, в том числе под № 12 «Фотокарточки банды Бочкарёва». Дело в его отношении, как и П. И. Юшина, прекратили, однако всё же наказали, правда, пустяково (запрет на проживание в 39 режимных местностях), учитывая целый набор пунктов ст. 58: 2, 6, 10, 11, который ему вменялся вначале.

В 1901—1905 гг. Иван Петрович Гаврилин учился в церковно-приходской школе, затем в течение девяти лет занимался крестьянским хозяйством и отхожим промыслом. В Первую

мировую попал в плен в январе 1915 г. и пробыл там аж до 1918-го. (Голландия, Бельгия, Франция.) Несколько раз бежал из-за плохого содержания пленных и отношения к ним. Возвратившись домой, вступил в отряд по борьбе с контрреволюцией и дезертирством, где находился до декабря 1919 г. Был взводным пулемётного батальона, сопровождающий эшелона на польский фронт. В 1920 г. окончил военно-пехотные курсы в Симбирске, после чего — комвзвода и начальник пулемётной команды при запасном полку в Казани. До августа 1921 г. учился в высшей военной школе. Встретил знакомых по плену и поехал на Дальний Восток.

В столице Приморья оказался безработным. Добровольно поступил в формирующуюся на Первой речке конвойную команду — водил арестованных на допросы. Уволился в мае 1922 г. А на Камчатку попал, нанявшись к торговцу Фокину. С 1923 г. работал в Охотско-Камчатском акционерном рыбопромышленном обществе.

Перечисленное не было известно Р. Юшину, он рисует его портрет, видимо, по рассказам отца. «Этот высокий, стройный, с офицерской выправкой, человек вёл большую агитационно-пропагандистскую работу среди местного населения, проводил беседы о Советской власти, разъяснял брошюру «Азбука коммунизма» (написана Н. Бухариным и Н. Преображенским. — *В. П.*) и т. п. Старожилы припоминают, что И. П. Гаврилин был... членом большевистской партии».

Р. Юшин приводит выдержки из письма П. В. Лонгинова от 23 октября 1967 г., в котором говорится, что Гаврилин показывал ему и другим браунинг убитого им в Ивашке бочкарёвца и что он, Лонгинов, ехал вместе с ним в Хабаровск в сентябре 1934 г. (Гаврилина арестовали в декабре 1933 г. — *В. П.*), и тот был с женой. «В 30-х гг. работал в торговле в системе АКО в Каменском... советовал выехать на жительство в Минусинск Красноярского края, видимо, сам он был родом из тех мест». Р. Юшин продолжает: «В с. Ивашка он убил в декабре 1922 г... бочкарёвского посланца *Дмитриева* (а участники событий называют его генералом Фёдоровым. — *В. П.*), по документам действительный статский советник, лейб-медик императорского двора Крамник, который был уполномочен собирать ясак с местных жителей, налоги с торговцев, мобилизовать в белогвардейские банды население, составлять списки «неблагонадёжных». Гаврилин... явился и организатором боевых дружин в сёлах Дранка и Ивашка, состоявших из 35 чел.».

Эти сведения о И. П. Гаврилине, добавляет Р. Юшин, сообщил ему известный камчатский партизан Владимир Иванович Семёнов, с которым он переписывался.

Что же касается ареста С. Ерошкина и П. Юшина в 1922 г., то, по Р. Юшину, их белые не пустили «в расход» ввиду непрочности своего положения, да и «местный поп» Мирошкин якобы отговаривал полковника Алексеева не делать этого. Брат П. И. Юшина, Аркадий, проходивший с ним по одному делу и тоже отпущенный в 1935-м, но расстрелянный спустя три года, на допросе в НКВД назвал мотивы операции против белых: «Немного прожив, они начали заниматься грабежами, приставать к женщинам и даже пороть без вины людей, ведя разбой, и также слышали, что идёт отряд Красной армии. У нас в селе... был организован отряд...»

Изображая события сорокалетней давности, Р. Юшин, по его словам, преследовал цель «показать подрастающему поколению величие легендарных подвигов героев гражданской войны». «Осенью 1922-го, — писал он, — в Усть-Тигиль подошла американская шхуна Олафа Свенсона, который снабжал белогвардейцев оружием и деньгами. Белогвардейцы выехали навстречу американскому купцу. Воспользовавшись их отъездом, партизаны приняли срочные меры: стянули в Тигиль силы, установили вокруг села посты, а на берегу и на островке, в пяти километрах от села была устроена засада. Ночи проходили в тревожном ожидании. Наконец, разведчики донесли, что на рассвете белогвардейцы будут возвращаться с устья. В эту ночь в селе не спали. На рассвете над рекой навис густой туман, поэтому первый бат был засадой пропущен. Но партизаны исправили ошибку. Между тем, туман рассеялся. Начинался погожий день, какие выдаются иногда у нас на Камчатке. Один за другим подходят баты. Их встречает огонь. Белобандиты не прошли...»

Версия Ю. Г. Попова, основанная на архивных документах и рассказах тигильчан-старожилов, иная. Прибыв в Тигиль 3 мая 1922 г. и заняв телеграф, Алексеев и Савич обратились к населению волости с воззванием не верить агитации большевицких главрей Ларина и Фролова, разоружать и арестовывать предателей. «...Мы призываем суд Божий над врагами России. Да здравствует Россия, Святая Церковь и православный русский великий царь Михаил Александрович!»

— Во время нахождения отряда белых в Тигиле никаких репрессивных, карательных мер в отношении местного населения принято не было, — говорит Ю. Г. Попов и продолжает:

— Однако известен один казусный случай. На постой белые расположились в усадьбе тигильского казака Попова Анания Гавриловича. Во дворе у него соорудили что-то наподобие пулемёта для устрашения местных жителей. А чтоб посторонний глаз не мог узреть, что же там в действительности, «оружие» зачехлили и пустили по селу слух, что у военных есть пулемёт. Тигильчанин Прокопий Брагин проявил чрезмерное любопытство: пролез во двор, заглянул внутрь зачехлённого «пулемёта», а там — обыкновенные брёвнышки. Был пойман и выпорот в назидание другим.

По воспоминаниям стариков, вахмистр Долбачкин сказал как-то в беседе с одним из местных жителей: у нашего начальника Бочкарёва имеется как казённое золото, так и его личное. А поручик Родионов проговорился, мол, мы служим за чистое золото.

Ю. Г. Попов располагает данными о наличии у белых информации о работе в северо-восточной части Охотского моря экспедиции В. К. Арсеньева, ведущей статистико-экономические и промысловые исследования. В конце июля 1922 г. экспедиция на пароходе «Кишинёв» дошла до Ямской бухты, затем пересела на шхуну «Пенжину». Видимо, расчёт белого командования был таков: на западном побережье в районе Гижигинского залива шхуну захватит сам Бочкарёв, а на востоке, в случае её появления, эту задачу выполнит отряд полковника Алексеева. Бочкарёвцы намеревались уйти на захваченной шхуне в Америку.

С этим, полагает Ю. Г. Попов, и связана поездка полковника Алексеева в Усть-Тигиль, где он остановился на квартире Афанасия Юшина. Вместе с полковником в Усть-Тигиле какое-то время были поручик Родионов, младший урядник Бржанский, старший урядник Фролов, казак Латыпов. Под осень, скорее всего в конце августа, они по команде Алексеева отправились в Тигиль. Четыре бата, четверо военных. Один бат ведёт Алексей Логинов, другой — Тимон Косыгин, кто — остальные, выяснить не удалось. Житель Тигиля В. Л. Лысак запомнил слова А. Логинова: между батами соблюдался определённый интервал.

По реке расстояние между Усть-Тигилём и Тигилём сорок километров. Юшинцы, считает Ю. Г. Попов, сидели в засаде на берегу не в пяти, а в трёх километрах ниже своего села, в районе перехода линии связи через реку Тигиль. А. Логинов говорил: «Началась стрельба. Я от неожиданности чуть не упал за борт». Все четверо белых были застрелены и зарыты в кислые ямы не-вдалеке. Поставлен небольшой деревянный крест, который со временем сгнил, и точное место захоронения утеряно.

В акции против отряда Алексеева, по сведениям Ю. Г. Попова, было задействовано до тридцати дружинников. На подмогу тигильчанам явился ковранский отряд, в котором состояли Иван, Андрей Максимович, Василий и Александр Макарович Притчины, Степан Заев, Никита Слободчиков. Руководил ковранскими дружинниками Александр Никитич Притчин. Неграмотный. Роста ниже среднего, брюнет, небольшая бродка, усы с проседью. Эти его приметы — из архивного уголовного дела, заведённого ОГПУ спустя девять лет после расстрела белых. Обвиняли бывшего ковранского командира сразу по трём пунктам известной 58-й политической статьи УК РСФСР. Он умер под следствием 18 апреля 1932 г.

Участие в убийстве белых, по Ю. Г. Попову, принимал также отряд из Утхолока в количестве двенадцати человек. Общее руководство осуществлял П. И. Юшин.

Вахмистра Долбочкина застрелили возле тигильской церкви на берегу реки. С Алексеевым расправился Ковранский отряд. Африкан Лонгинов (из Паланской дружины) говорил, что он с Пантелеем Флетчером (коммерсантом) «присутствовал на Усть-Тигиле, когда там уничтожили полковника Алексеева». А навёл на полковника уже знакомый нам С. С. Ерошкин, по его собственному признанию: «Участие моё в партизанском движении было незначительное — выполнял роль в поисках белобандита полковника Алексеева, который проживал временно в Усть-Тигиле, о месте его нахождения я информировал местных партизанскую дружину...»

Ликвидацией коменданта Тигиля гордился Евгений Сычёв, 1902 г. р. В 1914—1917 гг. учился в Петропавловском высшем начальном училище, был исключён за непочитание старших. В 1919-м жил у родных в Тигиле. 27 апреля 1922 г. он, по его словам, вступил в дружину. Но в её списках таковой не значится. «Убив полковника Алексеева, уехал домой (то есть в Тигиль. — В. П.)», — заявлял Сычёв. Работая с 1923 г. на Петропавловской радиостанции, уверял окружающих, что кроме пива и браги, ничего не пьёт и что он — самый ярый враг религии. «Отношение у меня к ВКП(б) самое лучшее», — неизменно подчёркивал Е. Сычёв. В апреле того же года на него, как на члена РКСМ, возложено наблюдение за выполнением распоряжения «всеми дежурным радистам перехватывать все телеграммы на английском языке из Японии, Америки и других стран... и доставлять их в губбюро РКП(б)». По документам Камчатского окрбюро ВКП(б), 16 марта 1928 г. Евгений Петрович Сычёв был переведён из кандидатов в члены партии.

5 января 1934 г. Камчатское облуправление НКВД получило донесение: в Усть-Тигиле при полковнике Алексееве, что оставался на квартире Афанасия Юшина, находилась шкатулка с деньгами, «и эта шкатулка, вероятно, осталась у Юшина или у начальника партизанского отряда Юшина Павла, так как всё имущество белых было сдано ему после убийства белых... с полковником весьма дружна жена Мирошкина Анна Владимировна». Примечательно, что Афанасий Юшин сразу же после убийства Алексеева перебрался в Петропавловск. «Всё забранное оружие у белых в 1922 г. поступило действительно ко мне, — подтвердил на допросе П. И. Юшин, — автомат американский, карабин японский, три нагана, две гранаты Милосса мной были сданы разным лицам в партизанский отряд...»

Как известно, из семи белых отрядников Тигильского административно-пропускного поста в живых остался лишь один — Савич. Роберт Юшин объясняет это хитростью есаула. Но тигильский рыбак-охотник А. П. Монаков изложил в НКВД в 1934-м свою версию: «Когда не было красных отрядов на Камчатке до 1923 г., Юшин П. И. имел связи с белыми, стоявшими в Тигиле, полковником Алексеевым, а казачьему есаулу Савичу даже помог сесть на шхуну Свенсона и уехать. Когда прошёл слух в 1922 г... что на Камчатку в Петропавловск пришли красные отряды, тогда Юшин П. И. решает стоявших уже полгода в Тигиле белых расстрелять своей боевой дружиной, и семь человек белых были расстреляны. Этим фактом Юшин П. И. пытался присвоить звание партизана всей своей дружине, это ему и удалось». Примерно то же самое говорил и другой тигильчанин Ананий Гаврилович Попов, касаясь спасения есаула Савича: «...ему дали возможность уехать свободно на шхуне Свенсона, в этом способствовал Юшин П. И.». В следственном деле П. И. Юшина имеется упоминание о его племяннике Василии Ивановиче Юшине, который живёт в Америке, а уехал туда с пароходом Свенсона. Связь с ним П. И. Юшин поддерживал посредством писем до 1936 г. Переписывались со своим братом также Николай и Сократ Ивановичи Юшины.

Осенью 1922 г. «Камчатский листок» сообщал, что 20 сентября с западного побережья в Петропавловск пришёл пароход Свенсона «Мазатлан» с начальником тигильского гарнизона есаулом Савичем и американским консулом г. Томасом.

А что же случилось с хайрюзовской дружиной, что сбежала от белых аж в Усть-Камчатск, перевалив Срединный хребет? «Здесь

пришлось пробыть до августа, пока нам не удалось узнать численность белых в Тигиле, — вспоминал В. А. Толстихин. — Когда же выяснилось, что их было не больше семи человек, мы тем же путём отправились назад. Белых уже не застали, с ними тигильцы уже расправились». Правда, командир хайрюзовского отряда М. К. Писня впоследствии говорил, будто они успели к уничтожению белых. «На 16-й день мы уже были в Хайрюзово. К счастью, по сёлам Хайрюзовской волости распространилась версия, что Писня идёт с большим подкреплением. Это подняло боевой дух жителей. Освобождённый из-под ареста т. Юшин собрал отряд и выступил в Тигиль. К этому времени подошли и мы. Общими силами белобандиты были уничтожены».

Через два года в этих местах побывал начальник губернской милиции Н. П. Фролов. В акте обследования Хайрюзовской волости он отметил: «В книге переходных сумм имеется запись и расход на содержание Хайрюзовского партотряда, существовавшего в 1922 г. Отряд содержался на счёт населения, для чего население себя облагало. Отрядных денег числится по кассе 101 руб. 99 коп. и оружие имеется на сумму 1 780 руб. 99 коп. Задолженность партотряда разным фирмам выражается в 1 631 руб. 50 коп. Мною сделано распоряжение впредь до особого распоряжения губернского отдела управления расчётов с фирмами не производить. Список оружия прилагается».

...Летом 2003 г. на месте предполагаемого захоронения четырёх белых казаков тигильчане Юрий Герасимович Попов и Виктор Леонидович Лысак с помощью местного охотника А. А. Попова установили памятный металлический крест с поимённой табличкой. Фамилии убитых выявил Ю. Г. Попов в камчатских архивах. К сожалению, в надпись на табличке вкралась неточность. Отрядники полковника Алексеева погибли не в августе, а позднее: 8 сентября 1922 г.

ПРОПАЛА КАМЧАТКА ВДАЛИ

*Уплывают твои берега.
Как же я их не сберегла?
В. Коркина, 1965 г.*

8 августа 1922 г. пароход «Магнит» привёз новый командный состав для «Свири». Ввиду отсутствия сведений, мы не можем пока перечислить членов экипажа с учётом происшедших изменений.

В нашем распоряжении список господ офицеров и команды посыльного судна «Свирь» на 5 декабря 1921 г., «состоявших на пайковом довольствии из интендантства гарнизона». 1. Командир Салатко-Петрище. 2. Старший офицер поручик Маслов. 3. Старший механик поручик Бойко. 4. Старший артиллерийский поручик Бойко. 5. Ревизорный прапорщик Кулий. 6. Вахтенный начальник прапорщик Виноградов. 7. Вахтенный начальник подпоручик Подгорный. 8. Второй механик Селиванов. 9. Третий механик Сутурин. 10. Рябушко Александр. 11. Ковтун Николай. 12. Васильев Алексей. 13. Круглов Сергей. 14. Пыстынь Михаил. 15. Белошеин Иван. 16. Васильев Александр. 17. Мишин Иван. 18. Колмагоров Михаил. 19. Пастухов Иван. 20. Сидоров Александр. 21. Гостев Иван. 22. Перовский Владимир. 23. Любинецкий Владимир. 24. Ячменёв Степан. 25. Галинов Яков. 26. Сысоев Константин. 27. Брагин. 28. Бой-китаец. 29. Симончук Павел. 30. Тушканов Леонид. 31. Козырин Александр. 32. Меднес. 33. Прец Николай. 34. Паненко Пётр. 35. Горенко Константин. 36. Болотов Михаил. 37. Антонов Василий. 38. Корнилов Борис. 39. Лиман Степан. 40. Тушканов Михаил. 41. Губанов Михаил. 42. Тезейкин Михаил. 43. Громов Александр.

Бывший член экипажа этого судна Н. М. Федорин рассказывал, что Б. П. Ильин сместил А. А. Подгорного и назначил начальником военно-политического розыска другого офицера, чьим помощником стал Сушилиин, «который при допросе арестованных Константинова, Кравченко сильно порол их». Вахтенным начальником до смены офицеров на «Свири» был капитан Казимир Маковецкий. Арестованный впоследствии красными, он признался, что участвовал в качестве секретаря на заседаниях военно-полевого суда («Суд Особой Комиссии»), созданного Ильиным. Судили уголовников Зарецкого и Ломова, обвиняемых в подделке японских монет и проживании по чужим паспортам, а также Косыгина с Сахаровым за принадлежность к партизанам и убийство из засады двух казаков 4 апреля 1922 г. Первых суд освободил, признав их дела неподсудными, а вторых оправдал. В архивах сохранился другой взгляд на это событие, он приводится ниже. Маковецкий же, по его словам, был вскоре после суда уволен Ильиным «благодаря польскому подданству».

На первом заседании членов суда и свидетелей приводил к присяге священник о. Михаил. 25 августа 1922 г. он писал инокамчатскому адресату: «Теперь вместо уполномоченного Бирича приехал к нам капитан 1-го ранга Ильин. Бирич духовенству

ничего не помогал, а вновь прибывший неизвестно как с нами поступит. Приехало войско для борьбы с разбойниками-коммунистами. Коммунисты до этого сильно безобразничали, стреляли с гор по городу, убивали из-за угла военных людей, уводили стада коров и лошадей и с рыбалок угоняли катера и вместе с ними людей, которых до сего времени не возвратили, а с появлением военного отряда коммунисты ушли по рыбалкам к селению Налычево и т. д.

Теперь военные собираются ехать туда и сокрушать их козни. Шемлячик и Жупаново коммунисты ограбили рыбалки, отобрали у рыбопромышленников всё достояние и еле выпустили самих живыми. Пароход «Томск» заходил туда забрать рыбу, и у него отобрали катер и потом гнались за пароходом, что-то хотели с ним учинить. От Усть-Камчатска и по долине реки Камчатки они также грабят всех, кто только не сочувствует им, сельчане под давлением их работают с ними.

Из Петропавловска воспрещён вывоз всех продуктов включительно до мануфактуры, этим хотят заставить жителей встать против большевиков. На ферме был бой, убито военных трое и двое раненых, а у большевиков убито четверо и пятеро умерло от ран. Халактырские камчадалы участвовали в бою, на днях из них поймано два человека Иван Николаевич Косыгин и Сахаров. Военно-полевой суд приговорил их к смертной казни, но гарнизонный начальник капитан 1-го ранга Ильин, принимая их заблуждения, помиловал и отпустил домой. Есть и ещё пойманные такие же разбойники, которые содержатся пока в тюрьме...»

В ГПУ в 1923 г. М. Ерохин по поводу приведения к присяге не отказывался, однако упоминал только об одном случае (с офицером, членом суда) и добавлял, что за ним для этого специально приходил военный со «Свири». И вообще с белыми особо не якшался, просил, правда, материальную помощь у особоуполномоченного, но тот мало считался с духовенством. К делу о. Михаила подшита выписка из приказа № 30 без даты по войскам Петропавловского военного района, параграф 3 по части хозяйственной. «Семью священника о. Михаила Ерохина зачислить на все виды довольствия при 1-й сотне СЭО с 1 июля на шесть семейных пайков». (Жену Людмилу Ивановну, сыновей Серафима — 16, Михаила — 15, Анатолия — 13, дочерей Нину — 10 и Лидию 8 лет.) Подписи подполковника Кузнецова и есаула Чешкина заверил старший адъютант есаула Пичуев.

На сотрудничество священника с «белобандитами» указывали свидетели, проходящие по делу, в том числе бывший начальник милиции Д. И. Пригоровский, 1880 г. р., дворянин Гродненской губернии, образование незаконченное высшее. По его словам, в гости к Ерохину заходили подполковник Кузнецов, ротмистры Муратовский и Файвишевич. Свидетель Деулин: «Был разговор, что белая банда сбрасывала мужчин и женщин за борт, на что о. Михаил рассердился, говоря, что это неправда, что это не могло быть... После этих именин меня призвал ротмистр Муратовский и предлагал мне воздержаться от всяких разговоров о власти; Пригоровский приходил ко мне и говорил, что вчерашний день тебя *застояли*, ты поменьше говори о власти. Мнение моё: что я думаю передано было священником Ерохиным. Спрашивал Пригоровского, кто на меня донёс. Он сказал, что припомни, с кем ты был на именинах. Я спросил: “Неужели о. Михаил?” Он ответил: “Не знаю”».

Пригоровский на допросе косвенно подтвердил догадку Деулина: «Я действительно предупреждал Деулина, чтобы воздерживался от излишних разговоров при Ерохиных, так как на него сердит Паша Ерохин за какие-то старые счёты».

Участником военно-полевого суда над партизаном И. Рябиковым ОГПУ считало бывшего мирового судью Николая Михайловича Успенского (расстрелян по делу «Автономная Камчатка»). «Успенский, как местный житель, хорошо знающий население, знал всех партизан, каковых шпионски выдавал белым. На заседаниях Думы Успенский говорил: “Всех красных бандитов надо вылавливать и уничтожать!”» С 1924 по 1927 г. вёл все дела Трухина, Фёдорова и других, которые под видом разработки нефти, открытой ими в Кроноках, связались с иностранными капиталистами и шпионили в пользу последних. Организация Трухина в 1927 г. была ликвидирована органами ОГПУ.

За всё время своего пребывания в Петропавловске Успенский держал самую тесную связь с японскими офицерами, интервьюируемыми Камчатку, бывал у них на военных судах, они, в свою очередь, бывали у него. А также был хорошо знаком с местным японским консулом, у какового Успенский неоднократно бывал на вечерах и банкетах, примерно в 1925 г. на организованном консуле банкете в честь японского кронпринца, на котором присутствовал весь контрреволюционный элемент г. Петропавловска, в том числе был и Успенский, где последний произносил антисоветские речи.

По день ареста (март 1932 г. — *В. П.*) Успенский занимался подпольной адвокатской деятельностью среди местного кулачества и церковников, что свидетельствуют факты его участия в борьбе совместно с церковниками за Петропавловскую церковь, когда последняя передавалась под Дом обороны».

Кроме этого, Николай Михайлович обвинялся в том, что, «находясь в тесной связи с белыми и японцами, пользуясь среди них авторитетом, занимался скупкой и сбытом контрабандным путём золотых изделий за границу». В качестве вещественных доказательств перечислялось изъятые в марте 1932 г. при обыске на его квартире «три золотых кольца, две золотые цепки, один золотой крест, одна золотая брошка — всё неопробировано». В постановлении по данному поводу говорилось: «Материал вместе с золотыми неопробированными изделиями направить в Петропавловск-на-Камчатке таможеню для оформления... изъятые при обыске золотые часы за № 43264, один золотой медальон (опробированы) и один серебряный портсигар обратить в погашение причитающегося с Успенского штрафа». Н. М. Успенский родился в Иркутске в 1881 г. в семье священника, получил высшее образование, имел семью...

Отпущенные Ильиным партизаны Косыгин и Сахаров являлись жителями Халактырки, на которую, как считают И. Махоркин и Ф. Слободчиков, белые совершили налёт. Н. С. Томский, ссылаясь на односельчан (ему самому в 1922 г. было одиннадцать лет), причисляет к партизанам Алексея и Василия Сахаровых, всех троих братьев Львовых, Василия и Степана Марко. Неточны сведения Кирилла Григорьевича Стрия, полагавшего, что милиционер А. И. Дьячков с офицерами ходил по Халактырке — вылавливал красных партизан. Из двоих Сахаровых предстал перед военно-полевым судом, наверное, всё же Алексей Александрович. Во всяком случае, в 1930 г. он попал в десятку партизан, заслуживших, по мнению Камчатского окрбюро ВКП(б), революционных наград. А. А. Сахаров и Марк Львов — единственные халактырцы, кто занесён в партизанский список 1928 г. Но в ознаменовании полувекового юбилея Великой Октябрьской социалистической революции медали «За отвагу» получил Василий Александрович Сахаров, а «За боевые заслуги» Сахаровы Константин Григорьевич и Вера Михайловна. Ещё один красный партизан Сахаров из Халактырки — Алексей Григорьевич, 1902 г. р. — осуждён на десять лет по делу «Автономная Камчатка».

Военные могли появиться в Халактырке между 15 и 25 августа. На Обращении Б. П. Ильина к партизанам, опубликованном ими только 3 декабря 1922 г., то есть через месяц после ухода Русской армии, стоит дата «20 августа». Приводя его, мы оборвали цитату на уверенности Ильина, что конец партизанам наступит с первыми же морозами. Продолжим её: «так как я сожгу все деревни, жители которых оказывают вам приют. Военный корабль сметёт их в пять минут до основания. И в первую очередь пойдут деревни Халактырка и Жупаново. Жалеть женщин и детей мне не приходится, коль скоро они явятся отродьями такого преступного племени».

Если допустить, что такое обращение существовало на самом деле (ни подлинника, ни копии в камчатских архивах не обнаружено), как и налёты белых на Халактырку и Налычево, тогда не понятно, зачем понадобилось Б. П. Ильину спустя месяц сочинять новый приказ, причём, весьма либерального, в сравнении с августовским обращением, характера: «Ввиду концентрации партизанских отрядов на восточном берегу полуострова Камчатка в районе: Налочево, Жупаново, Островного и Колыгирь, объявляю блокаду побережья от с. Халактырка до устья реки Шемлячик. Все обнаруженные суда в этом районе будут конфискованы в пользу казны вместе с находящимся на них грузом. Настоящий приказ входит в силу со дня его опубликования». То есть с 1 октября 1922 г. После данного приказа, видимо, и «ходил к офицеру Ильину по вопросу взятия... нашей лодки» Т. Н. Шевцов, о чём он вспомнил в 1933 г. на партийной чистке, поспешив добавить, что «связи с белыми не имел, сам участвовал в партизанах в Паратунке».

Тем не менее, подтверждение налёта на один из населённых пунктов восточного побережья есть. А. И. Кобцев рассказывал: «7 августа штабом партизанского отряда я был командирован в с. Налычево для получения снабжения — товаропродуктов от японцев... После обстрела селения Халактырка белой бандой жители Халактырки перекочевали в с. Налычево». Согласно заявления 1925 г. жителей Халактырки Анны Тюменцевой, А. С. Львова (семья семь человек), А. Ш. Сахарова (девять), А. Г. Сахарова (восемь), К. Г. Курилова, Ивана Косыгина (восемь) и А. А. Конева, «у них в 1922 г. белогвардейским отрядом Бочкарёва было сожжено и разграблено на сумму 11 780 руб.».

Другое «налётное селение» (по И. Махоркину и Ф. Слободчикову) — Налычево. Появлялись ли там подчинённые Ильина,

документально не подтверждено. Зато задокументированы более поздние налычевские происшествия, напоминающие действия по устрашению населения. 24 ноября 1945 г. жители названного селения поручили депутату сельсовета Сахарову довести до сведения вышестоящих органов власти факты стрельбы военнослужащих Красной армии по крышам их домов. Не исключено, что данное поручение получил один из бывших партизан Сахаровых.

Проблема оказалась более масштабной. Областные власти узнают о том, что население Елизово, Николаевки и Паратунки «терроризировано военнослужащими, и вечерами боится показываться на улицах». 12 декабря 1945 г. председатель облисполкома Н. И. Павлов направляет письмо командованию расположенных на Камчатке сухопутных и военно-морских сил о хулиганских выходках военнослужащих (избиение гражданских, накидывание аркана на женщину с проезжающей по улице автомашины, драки и др.). «Если в ближайшее время порядок не будет наведён, — предупреждает Павлов, — я вынужден буду обращаться в Правительство...»

...П. А. Крупенин привлекался к суду дважды: в апреле 1923 г. как участник антисоветского переворота 18-го года в Петропавловске (четыре года заключения, амнистия через девять месяцев) и в 1932 г. за контрреволюционную пропаганду (трёхлетний запрет на проживание на Камчатке и в стокилометровой погранзоне). На допросе по второму делу он поведал об одном из эпизодов рассматриваемого нами периода. «В марте 1922 г. я и мой зять, Малышев Я. И., ездили в Паратунку погостить к родным Тюменцевым. Малышев тогда служил конторщиком в фирме Чурина и К^о и по поручению доверенного Проскуракова покупал пушнину. Куплена им была одна выдра. По возвращении обратно в Петропавловск возле с. Авача мы встретились с партизаном Коробко, который нас остановил и спросил, что откуда вы едете. Мы ответили, что с Паратунки.

Тогда Коробко сказал, что вас необходимо обыскать и что нет ли у вас пушнины. Я был выпивши, погорячился и сказал Коробко, я хозяин нарты и не позволю производить обыск в нарте, и добавил, что у нас в нарте есть одна выдра, но я вам её не отдам и началась у меня с Коробко ссора и площадная брань. Не отрицаю, я назвал партизан разбойниками. Малышев перепугался и молчал.

Партизаны, когда были в Налычево, то поломали у моего отца бот, который служил специально для переправы реки Налычево во время поездки на охоту. Я всё это ему припомнил основательно

и уехал в Петропавловск. Кроме того, партизаны взяли у нас в Нальчево солёное мясо из амбара пудов шесть, но я против этого ничего не имел».

О «блокадном побережье» говорилось на Втором Чрезвычайном Петропавловском уездном съезде, созванном «сопочниками» из числа членов бывших волревкомов. Делегат от Нальчевской волости С. Е. Морев: «...жители Нальчевской волости... все без исключения, которые находятся в партизанском отряде, вступили в него добровольно, без всякого принуждения и добровольно предоставили обларревкому свои перевозочные средства. Вот жителям селения Сероглазка не понравилось такое отношение жителей нашей волости, особенно жителей селений Жупаново и Колыгирь, к нами избранной власти, поэтому они в своём постановлении требуют того, чтобы снести эти два села, якобы с незаконно занятой ими территории при советской власти, тогда как Жупаново и Колыгирь возникли ещё до революции с разрешения ещё бывшей власти при царизме».

Делегат от партизанского отряда В. Крупенин, «разоблачая деятельность Завойкинской волости», напомнил о событиях 1918 г., когда были свергнуты Советы и к власти вернулись Пурин, Добровольский и другие, кои, «являются агентами черносотенного меркуловского правительства, на поводке которых идут «заправилы» Завойкинской волости». К сероглазкинцам у партизана были свои претензии. Те «возвели клевету» на него и на тов. Елизова и Пересвет-Солтана, будто бы все трое охотились на пушного зверя в заповеднике, то есть зарекомендовали себя хищниками.

В январе 1931 г. Г. А. Машихин показал в ОГПУ: «Я и брат мой Павел А. многим из партизан давали необходимые продукты и другое лично сами и через людей, например, через Сметанина Михаила Петровича, жителя сел. Елизово. У меня имеется расписка Лукашевскому, записи Сметанина и др. документы». Председатель Елизовского волревкома в 1923—1924 гг. М. П. Сметанин вспоминал: «...во время белых банд Бирича в г. Петропавловске прожили несколько дней стали слухи носиться, что меня считают они коммунистом при первом разе в Петропавловске был я за мной тщательно следили но я заметил этого что за мной преследуют я стал скрываться под чужим фамилием но не в то время, когда стоял Областной комитет в с. Елизово и проходил чрезвычайный съезд мне житьё в с. Елизово было очень плохое от самого населения потому что я всё время с ихними мнениями был не согласен и шёл вразрез против населения и стоял уверенно

на стороне областного комитета и партотрядов чего меня и привело к большому разрушению хозяйства потому что за последнее время белые банда пошли в... Елизово из г. Петропавловска меня вынудило уехать в тайгу прожил там полтора месяца за это время скот у меня находился без надзора отец и мать в старых уже летах не могли управлять им, и поэтому скот мой часть растерялся».

...30 сентября 1922 г. исполняющий обязанности начальника области ввёл для всех иностранных судов, посещающих берега Камчатки с торговыми целями, однообразный каботажный сбор по четыре рубля с регистровой тонны, независимо от рода товаров. Взыскание каботажного сбора было поручено управляющему петропавловской таможенной заставой, содействие которому, в случае надобности, обязаны оказывать милицейские чины. В тот же день в Петропавловск пришёл пароход Демби и К^о «Инабасан-мару» с его доверенным (занимавшим в 1919 г. должность управляющего Камчатской областью) Николаем Николаевичем Червлянским, начальником Командорских островов П. А. Храмовым, учительницей И. Т. Новограбленовой и другими. Вероятно, от Храмова в городе узнали о начале работ по монтажу радиостанции на острове Беринга. В Петропавловске, если верить слухам, должны были до конца года установить на мысе Сигнальном более мощную, чем существующая, радиостанцию. Власти пообещали также в скором времени наладить телефонную связь с Завойко, испорченную партизанами. 5 октября «Инабасан-мару» ушёл в Хакодате, приняв на борт американского консула, гостившего в Петропавловске с 20 сентября.

Через несколько дней неизвестные злоумышленники похитили товары со склада продовольственного отдела областного управления. «Камчатский листок» информировал читателей, что, согласно распоряжения исполняющего обязанности начальника области, подписная цена на него с октября понижена до 1 руб. в месяц с доставкой, а со 2-го числа в киоске № 1 газеты продаются по 5 коп. В начале октября заведующим областной типографией был назначен И. Д. Козырев. Со 2 октября 1922 г. Б. П. Ильин установил время занятий во всех учреждениях гражданского ведомства — с 10 до 15 часов.

Подъём экономического положения области её руководитель связывал с организацией артелей по роду деятельности. Охотничьи артели, считал он, должны состоять из 8—12 чел., а рыболовные из 20—25. Во главе каждой — старшина. «В артелях работа

протекает дружнее и веселее, вы ближе сойдётесь друг с другом, а представители Правительства всегда больше поверят артели, нежели отдельным личностям, могут ссудить артель мукой, оружием и прочими предметами первой необходимости», — убеждал наших земляков и. о. начальника области.

Он торопил старшин с прибытием в Петропавловск, дабы успеть заказать во Владивостоке всё необходимое на весну 1923 г. «Заключив с Правительством условие на поставку рыбы, пушнины и дров, вы отдадите часть прибыли от этой сделки на наше русское национальное движение, а часть сохраните в своих руках. До настоящего времени... на вашем труде наживались только иностранные предприниматели, скупая и выменивая у вас рыбу и пушнину за бесценки».

Но к главным богатствам Камчатки капитан 1-го ранга относил золото и каменный уголь. «Артель рудокопов, проработав на приисках два-три года, составит такой капитал, который даст ей возможность начать своё собственное большое дело и стать вне всякой материальной зависимости. В таких горных артелях Правительство с весны 1923 г. будет очень нуждаться». 13 октября 1922 г., пригласив с собой известных в Петропавловске людей П. Т. Новограбленова и Е. И. Кумпана, исполняющий обязанности начальника области в сопровождении штабистов отправился на шхуне «Командор Беринг» в бухту Жировую «для изыскания каменного угля», но попасть туда им помешал шторм. В 1917 г. Е. И. Кумпан получил от Временного Правительства России разрешение заниматься горными и золотыми промыслами, в 1918 г. он уже член облсовета, обвинённый после свержения последнего в хищениях казны. Примечательно, что в июне 1923 г. каменноугольные залежи в той же Жировой осмотрели и красные власти: председатель губревкома М. И. Савченко, командующий войсками Охотско-Камчатского края М. П. Вольский, заведомыми ревкома М. П. Щербаков, В. Д. Богомолов и Б. И. Турилов.

С 15 октября 1922 г. была введена плата за лечение в Петропавловской горбольнице, содержавшейся до этого исключительно на средства казны. Горожанам и сельским жителям каждое амбулаторное посещение больницы обходилось теперь в 70 коп., коечное лечение (включая довольствие и медикаменты) в 1 руб. 30 коп. в сутки; иностранным подданным — соответственно, в 1 и 2 руб. Медикаменты на дом отпускались за отдельную плату. Нововведение объяснялось тем, что больница испытывает большие затруднения, и платное обслуживание призвано, хотя бы частично,

возместить расходы на её содержание. Во второй половине октября исполняющий обязанности начальника Камчатской области отдал распоряжение об устройстве в Петропавловске уличного освещения и заведовать им поручил Е. Ф. Одынцу.

18 октября 1922 г. комендант Петропавловска (а точнее «Штаб-Офицер по комендантской части при штабе начальника гарнизона г. Петропавловска на Камчатке») ротмистр Муратовский запретил устраивать без его разрешения в окрестностях областного центра и в самом городе «всякого рода общенародные игры и театральные представления», а равно публичные собрания. Желая организовать вышеназванные увеселения или собрания предписывалось письменно заявить об этом коменданту за трое суток; тот же срок устанавливался в случае, если предполагалось сообщить о месте и времени проведения таковых в газете. В заявлении на имя коменданта следовало указывать день, час, место и «предмет занятий собрания», подробную программу увеселения, а также имя, отчество, фамилию и домашний адрес устроителя или устроителей мероприятия.

Трудно сказать, что повлияло на появление данного запрещения, но, видимо, всё-таки не ЧП накануне: взрыв порохового склада на Никольской сопке, при котором получили сильные ожоги два матроса десантной роты, один из них Иван Котельников скончался на следующий день в больнице. (Результаты произведённого дознания не оглашались.) В погребении десантника 20 октября принял участие капитан 1-го ранга Б. П. Ильин. Вряд ли бы он пошёл на похороны, произошёл трагический случай по пьянке.

Своё отношение к этому распространённому пороку исполняющий обязанности начальника области не скрывал и не однажды говорил аборигенам: «Даю вам ещё один совет — прекратите употребление спирта и, во всяком случае, не пейте его в таком количестве, в каком вы позволяли это до сего времени. Алкоголь разрушает организм человека, делает его дряблым и не способным к систематическому и продуктивному труду. Он является причиной болезненного и слабоумного потомства и очень часто преждевременной смерти человека.

Редко кто из вас доживает до 55-летнего возраста, тогда как на нашей матушке Руси крестьяне жили обыкновенно до 70—80 лет. Всмотритесь в свой облик, вспомните своих крепышей-прадедов и, наконец, сравните себя с приезжающими к вам иностранцами и русскими из Сибири, и вы увидите, что ваше племя камчадалов

имеет налицо все признаки народа, обречённого на безславное и постепенное вымирание. И всё это благодаря пьянству».

Разрешённое властями собрание родителей учеников высшего начального училища дважды срывалось из-за отсутствия кворума. Один из родителей увещевал не явивших: «Каждый родитель, прикрываясь своим благополучием, продолжает смотреть на школу, как на казённое учреждение, как на казённую, никому не нужную, канцелярию, которая, мол, нужна только казне, которая пусть её и содержит, отапливает, наводит свои порядки, а мы-де, родители, в стороне, наша хата с краю.

Привыкнув рассуждать и ораторствовать в общественных делах, а делать только для самого себя, и ничего для общества, обыватель, посылая своих детей в школу, совершенно не задумывается, откуда и как учителя получают плату за свой тяжёлый труд, кто платит сторожам, кто оплачивает ремонт, отопление, освещение; даже больше, его дети получают бесплатно учебники и подчас тетради, карандаши и прочее. Всё валится откуда-то с неба. Обыватель не тратит ничего на обучение своих детей.

Инспектор (П. Т. Новограбленов. — В. II.) говорит, что в этом году в обеих школах города обучается 212 мальчиков и девочек, родителей же 118 чел... На классные комнаты в месяц надо 12 сажень дров. Дров в школе нет. Школьники мёрзнут, занимаются в пальто, чуть ли не в рукавицах. Топлива нет для школ! Это в то время, когда почти в каждом дворе в городе и на берегу Ковша и бухты лежат запасы дров! Надо избрать Родительский Комитет... Наши родители шепчут по углам, что учителя плохо учат, а сами не идут в школу, чтобы заявить об этом всём громко и постараться устранить недостатки школы...»

Голос увещевателя был услышан. В воскресенье 22 октября на собрание явилось 70 родителей, которые единогласно решили дать школе 72 сажени дров: «полсажени сейчас и четверть сажени после Рождества с каждого родителя». Председателем родительского комитета избрали Ф. Д. Стецюка, его заместителями С. Г. Ошева (казначей) и К. И. Кодылева (секретарь), членами А. П. Рубецкую, Е. А. Колмакова, О. Я. Успенскую, И. Ф. Голованова, П. В. Крупенина, кандидатами к членам П. М. Клочкова, К. М. Борейшу, И. Д. Козырева.

Агроном И. Ф. Голованов получил предложение от представителя г. Като (японская колония в городе) выбрать подходящий участок земли для посевов конопли и льна и сделать организационный план по производству опытных посевов. По мнению Голованова,

лучшее место для опытов с посевами этих растений на волокно — селение Мильково, куда он на днях должен был выехать.

22 октября японский консул Симада дал обед в честь уходящих из Петропавловска миноносцев. С русской стороны присутствовали Б. П. Ильин, Ч. К. Щипчинский, Е. А. Колмаков, А. В. Муратовский, В. В. Кузнецов, начальник милиции Д. И. Пригоровский. В 8 утра 26 октября миноносцы «Кияке» и «Маке» покинули Авачинскую бухту.

...Генерал-майор П. М. Иванов-Мумжиев, которого ждали на «Сишане» ещё 2-го числа, ступил на камчатскую землю днём 25 октября 1922 г. В составе его администрации находился учёный и общественный деятель А. А. Пурин. Тем же пароходом приехали епископ Охотский Даниил, граждане Сычёв, Сергеев, Просокишина, Подвысоцкий, Витерберг, Кривцов, полковник Андреев... (Подробности встречи нового начальника Камчатской области воспроизведены нами в вып. 2 «Вопросов истории Камчатки».)

Причина длительной задержки с прибытием П. М. Иванова-Мумжиева кроется, по словам его жены Лидии Павловны, преимущественно в желании руководителя военно-морского ведомства Г. К. Старка видеть во главе Камчатки своего начальника штаба Г. Ю. Фомина.

Отъезду генерала из Владивостока чинились препятствия. Накануне отплытия на пароход нагрязнула морская контрразведка с обыском, продолжавшимся пять часов. У подчинённых генерала отобрали винтовки с патронами. Он возмутился, порывался пойти объясниться со Старком, но ему передали приказание последнего: если он покинет пароход, то больше на него не вернётся. Разоружение тех, кого называли милицией, особенно беспокоило супругу П. М. Иванова-Мумжиева, «так как на Камчатке была десантная рота моряков, то муж по приезде... должен был попасть в сферу их влияния», и Лидия Павловна волновалась, «зная здешних (владивостокских. — *В. П.*) моряков». Тревожилась она не только за мужа. Отправляясь на Камчатку, тот взял с собой старшего сына Михаила двенадцати лет.

Она также говорила, что ещё председатель Приамурского правительства С. Д. Меркулов настаивал на назначении Петра Михайловича на Камчатку «вместо Бирича, который, по слухам, проворовался». И М. К. Дитерихс, познакомившийся с Ивановым-Мумжиевым во Владивостоке летом 1918 г., принимает такое решение. «Дитерихс был хорошего мнения о моём муже, —

вспоминала Л. П. Иванова-Мумжиева, — и при его отъезде обещал мне всяческое покровительство, но, когда я обращалась к нему, принята не была».

За месяц до прибытия в Петропавловск П. М. Иванова-Мумжиева Правитель Приамурского Земского края повелел ему руководствоваться временным «Положением об Управлении Закаспийской областью», изданным в 1892 г. На П. М. Иванова-Мумжиева возлагались все права и обязанности губернатора: заведование местным населением во всех отношениях; принятие мер к обеспечению спокойствия и безопасности; покровительство торговле и промышленности в пределах области, изыскание способов к развитию благосостояния края и приведение в исполнение распоряжений правительства, наблюдение за исполнением оных «учреждениями и лицами, в крае находящимися». Начальник области обязан был следить за состоянием умов населения и за благонадёжностью туземных властей.

В отличие от А. А. Пурина и епископа Даниила, генерал-майор П. М. Иванов-Мумжиев был совершенно незнаком жителям нашего края. Покинул он Петропавловск также человеком-загадкой. Слишком коротким оказался его камчатский период. В советской печати последний начальник Камчатки упоминался редко и походя — «белогвардейский генерал»; естественно, без инициалов, как всегда, если речь заходила о врагах. Посетившая Камчатку в 1970 г. внучка Иванова-Мумжиева Виктория попыталась что-либо узнать о нём в областном краеведческом музее, однако там такой фамилии не слышали.

Благодаря нашим постсоветским публикациям о том бурном времени завязалась переписка с Викторией Георгиевной Ивановой-Мумжиевой. В результате появился очерк «Генерал, не продавший Камчатку». (Материалы XXIII Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2006 г.)

Справка. Пётр Михайлович Иванов-Мумжиев, из крестьян, болгарин, православного вероисповедания, родился 29 июля 1874 г. в г. Болграде теперешней Одесской области. В армии добровольно с 18 лет. Произведён в офицеры в 1898 г. Участник китайской кампании 1900—1901 гг., русско-японской и Первой мировой войн. На поле боя вёл себя храбро. Награждён орденами, в том числе особо почитаемым среди русских воинов Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени. На Восточном фронте в 1919 г. командовал Уральской группой войск Западной армии, которой противостояла 5-я советская. Некоторое время — генерал для

поручений при начальнике штаба Верховного Главнокомандующего М. К. Дитерихсе. С 1921 г. на службе у Временного Приморского правительства. В июле 1922 г. в комиссии по проверке деятельности управления начальника снабжения военно-морского ведомства. Семья: жена, дочь, двое сыновей.

Известны три приказа П. М. Иванова-Мумжиева от 25 октября 1922 г. О вступлении его в должность и возвращении Б. П. Ильина «к своим прямым обязанностям начальника всех войск и частей флота, оперирующих в водах Камчатской области». Об именовании бочкарёвских казаков 1-й пластунской, а прибывших на «Сишане» под командой войскового старшины Лаврова — 2-й пластунской сотней. О назначении с 1 сентября военно-морского чиновника А. А. Пурина правителем канцелярии начальника Камчатской области.

27 (28) октября начальник области запретил продажу спиртного в Петропавловске во время стоянки парохода «Сишан»; этот приказ действовал впредь до ухода Русской армии с Камчатки. Приехавшие на «Сишане» 25 октября 1922 г. говорили, будто бы глава камчатских большевиков Савченко-Славский бежал в Шанхай, а его товарищ по партии Мусорин — в Хакодате. О последнем Е. И. Ларин писал в 1923 г.: «За время борьбы с меркуловщиной спрятанные в тайге дела-анкеты, печать и вообще всё дело производство кем-то выкрадены, о чём был составлен акт Примгуббюро, в котором указано подозрение на одного из членов организации Мусорина, который за агитацию и разложение отряда предан суду и сидит сейчас во владивостокской тюрьме».

Накануне прибытия на Камчатку генерала П. М. Иванова-Мумжиева в столице Приморья завершилась эвакуация последних воинских частей Русской армии на корабли Сибирской флотилии адмирала Г. К. Старка. Планы эвакуации разрабатывались ещё до наступления народно-революционной армии Дальневосточной республики в двух вариантах. Первый: забрав в Посъете оставшиеся подразделения, флотилия идёт на Сахалин или в Петропавловск на соединение с посланными туда ранее отрядами, что позволит создать новый очаг Белого движения в России. Второй вариант: флот уходит за границу в один из северо-китайских портов.

По сведениям доктора исторических наук Б. И. Мухачёва, «камчатскую идею» подал член Народного Собрания, председатель Особого совещания (1921 г.) С. П. Руднев: если придётся уходить — то на Камчатку полностью угоним корабли, там останемся; у большевиков флота пока нет, два-три года отсидимся на

Камчатке; пушнина, рыба — не пропадём. «Об эвакуации на Камчатку неоднократно ставился вопрос перед правительством и Меркулова, и Дитерихса».

Камчатское военное командование имело представление об этом варианте. Председатель Петропавловской городской Думы Ч. К. Щипчинский приводил факт назначения Ильиным в конце сентября-начале октября 1922 г. особой комиссии по осмотру «не только казённых квартир, но и частновладельческих для размещения трёх-четырёх тысяч воинов Старка».

В Посьете, куда прибыла эскадра адмирала, на совещании у главнокомандующего М. К. Дитерихса камчатский вариант был отвергнут: слишком уж измучены войска, чтобы продолжать боевые действия; плавание на Север поздней осенью опасно; на месте обязательно возникнут трудности с продовольствием.

О смене власти во Владивостоке 25 октября Камчатка не знала до конца месяца. Петропавловская радиостанция, расположенная в районе теперешнего Дома офицеров флота, вышла из строя. Новая, доставленная на «Сишане», ещё не работала. Во время эвакуации военных из Петропавловска городской голова просил оставить передаточный аппарат, однако Иванов-Мумжиев пообещал прислать его из Японии. Приём телеграмм с материка в Петропавловске возобновился только 6 ноября.

Пришедшая вместе с «Сишаном» канонерская лодка «Магнит» привезла в областной центр 990 пудов оленины и обмундирование для местного гарнизона. 27 октября она стала разгружаться. И уже наполовину выгрузилась, как поступило распоряжение Б. П. Ильина прекратить разгрузку. А 29-го числа последовал новый приказ: принять выгруженную провизию обратно. Так, во всяком случае, утверждал впоследствии член команды «Магнита» Сергиенко. «Поползли слухи о перевороте во Владивостоке».

Но ни тревожные слухи, ни колебание почвы в ночь на 29 октября не помешали командиру канонерской лодки устроить танцевальный вечер в Народном доме, где присутствовало много публики. Через двое суток экипаж «Магнита» решил повторить увеселение, даже объявил, что начало в 19.00, а вход бесплатный. Но между 29 октября и 1 ноября произошло событие, которое резко изменило планы моряков. Японский консул в Петропавловске Симада пригласил к себе правителя канцелярии начальника области А. А. Пурина и сообщил ему о падении Владивостока. На следующий день генерал Иванов-Мумжиев собрал одних военных — флотских и сухопутных. Совещались они, по словам

Пурина, не более двух часов. Затем начальник области передал ему текст приказа, написанного от руки карандашом. В приказе значилось: ввиду того, что Дальний Восток занят красными, и «Камчатка является совершенно отрезанной местностью», дальнейшее пребывание здесь невозможно.

Приказ касался, в первую очередь, военных, а также гражданских чинов и лиц, кои изъявят желание покинуть полуостров вместе с армией. Его разослали по воинским частям, довели до сведения населения Петропавловска. Место, куда эвакуируются, указано не было.

В полдень 1 ноября войска начали грузиться на корабли. «Магнит» принимал десантников, прибывших с Ильиным в августе и артиллерию из четырёх (две 47- и две 37-миллиметровые) пушек со снарядами до тысячи штук. На «Сишане» размещалась администрация Иванова-Мумжиева, 1-я (бочкарёвская) и 2-я отдельная (пластунская) сотни.

Находившийся в эти дни в городе Г. А. Машихин якобы видел, как служивые перебили все окна в одном из зданий военного городка и похвалялись сделать то же в других домах и поджечь их. По словам мясника Ф. Я. Белея, на которого ссылался Машихин, военные останавливали штатских, выпрашивая водку или деньги. «Я передал в тот же день генералу Иванову-Мумжиеву, перехватив его на улице по дороге на пароход, и просил его от имени населения принять меры, — утверждал Г. А. Машихин. — Мумжиев сказал мне, что он об этом не знает и что сейчас же даст распоряжение десантной роте, как более благонадёжной, о недопущении каких-либо безобразий».

К вечеру 1 ноября, рассказывал Е. А. Колмаков, военные стали возить на корабли имущество, и это продолжалось весь следующий день. «Отряд-сотня Мумжиева отступил, ничего не тронув, безобразничали бочкарёвцы и десантная рота, хотя до этого за несколько недель Ильин мне заявил, что если под напором красных они уйдут, то сожгут весь город». Никто, конечно, ничего не сжёг, но, отмечал Колмаков, «отряд Ильина поломал окна в казённых помещениях (то же самое говорил Машихин. — *В. П.*) и забрал имущество Народного дома. Им не удалось взять пианино, за которым приехали солдаты на лошади, ибо гражданин Сиротин заявил, что выдаст его только тогда, когда разрешит городской голова».

В книге «За власть Советов на Камчатке» можно прочитать о большом ущербе, который нанесли городу при эвакуации

белые — «они порезали почти весь скот на сельскохозяйственной ферме, привели в негодность государственные учреждения и жилые дома». Откуда взяты эти сведения, указания нет. Между тем вред, причинённый тогда Петропавловску, по свидетельству тех же Машихина и Колмакова, куда скромнее, несмотря на то, что оба они вспоминали об этом в Камчатском ОГПУ, причём, первый спустя восемь лет, а второй — три с половиной месяца.

Согласно показаниям боцмана «Магнита» Ф. А. Буренкова, свидетеля по делу Бирича, командир канонерской лодки предложил желающим из числа экипажа остаться в Петропавловске, но таковых не оказалось. После погрузки, сообщает далее Буренков, был зачитан приказ: Владивосток под красными, эскадра Старка следует в Гензан. Через четверо суток после ухода Русской Армии Петропавловск облетела весть о получении телеграммы из Токио от 1 ноября 1922 г.: «Адмирал Старк просит передать всем, что он с флотилией пришёл в Гензан для высадки беженцев и армии. Предлагает идти в Фусан (видимо, Пусан. — В. П.) или Инкоу для сохранения кораблей от захвата красными». Телеграмму подписал русский военно-морской агент в Японии Б. П. Дудоров. «Из помещённой сегодня в номере телеграммы адмирала Дудорова на имя капитана Ильина, в которой сообщается, что армия и флот идут в Гензан и, очевидно, «Магнит» и «Сишан» идут туда же на соединение, — писал «Камчатский листок» 7 ноября, — граждане г. Петропавловска вчера составили себе представление о том, что пароходы уже соединились четыре из них идут в Петропавловск. В Городскую Управу шло много публики, чтобы узнать, правда ли это, и если да, то что намерена предпринять Управа. В результате приказ Управы: “За распространение ложных слухов — к ответственности по Закону!”»

Почему адресат телеграммы из Токио Ильин, а не начальник области? Хотя формально всё правильно: военно-морское ведомство через токийского агента сносится со своим подчинённым. Впрочем, вместе с этой телеграммой местная газета опубликовала и другую, предназначенную П. М. Иванову-Мумжиеву. Из Харбина, без даты. «Приморье занято красными, ждите указаний. Генерал Лохвицкий».

...Спустя двое суток после выхода в море капитан 1-го ранга Б. П. Ильин объявил в кают-компании «Магнита», что генерал-майор Иванов-Мумжиев предлагает зайти в Йокогаму. «Но мы, — показывал в ГПУ Сергиенко, — хотели идти в Хакодате. Разница

во взглядах стала сказываться ещё в Петропавловске. Одни хотели идти во Владивосток, другие стояли за то, чтобы бежать за границу. Первая группа: Волченетский, Колтуновский, гардемарин Киркор, Сергиенко...

Нас было четырнадцать гардемарин, вооружённых винчестерами, помещались в носовом кубрике. Несли вахту в машинном отделении, кочегарке, на верхней палубе. В том же кубрике офицеры десантной роты. Десантная рота сама помещалась в носовом трюме». Б. П. Ильин хотел провести туда отопление, но ему помешал стармех Ковтунов — дескать, дорого будет стоить.

Если верить Сергиенко, он и его товарищи собирались на вечерней молитве разоружить гардемарин, так как они выходят в носовой кубрик (десантная рота на молитву не выходила), затем ночью закрыть трюм с семидесятью вооружёнными десанниками, а к ненадёжным из комсостава приставить часовых. Прodelать всё это они хотели между Петропавловском и Хакодате и повернуть корабль на Владивосток. «По разговорам» команда склонна была идти именно туда.

Но всё сорвалось. То ли из-за «разведчиков... среди севших в Петропавловске», то ли из-за своих. В назначенный день десантников распределили по работам, причём так, что «они стояли в машинном, в кочегарке, на палубе. Были доносы на старых кочегаров и машинистов, арестов не было. Команда растерялась».

Существовал ли заговор? Или рассказ Сергиенко — замаливание грехов перед революционной властью? Однако то, что услышали от него далее, похоже на правду: «Ильин спорил с командиром и хотел идти в Иокогаму, а не в Хакодате, так как он говорил, что в Хакодате засиле красных, и «Сишан» и «Магнит» могут задержать. Механики настаивали на необходимости идти в Хакодате» — машина требует переборки.

«Сишан» и «Магнит» всё время переговаривались по радио шифром, который знал только Ильин со штабом. Ещё перед Фангорийским проливом вопрос, куда идти, встал ребром. «Тогда Ильин предложил зайти в порт Амори для личных переговоров с Ивановым-Мумжиевым, мы зашли в Амори, Ильин съехал на «Сишан». Переговоры продолжались полчаса. Ильин вернулся и объявил, что идём в Хакодате. Я слышал, что машинная команда «Сишана» и даже капитан хотели идти во Владивосток. Пошли в Хакодате...»

В этом японском порту русские корабли стояли неделю. Пожелавших возвратиться во Владивосток (в том числе Сергиенко

и Буренкова) отпустили... П. М. Иванов-Мумжиев зафрахтовал пароход «Кинко-Мару» и, перегрузив на него войска, отправился в Шанхай.

Возвратившийся в столицу Приморья бочкарёвец Николай Михайлович Федорин проходил по делу Бирича. На следствии он сообщил много любопытных, хотя и не поддающихся проверке, фактов.

1921 г. Начало «одиссеи» экспедиции есаула В. И. Бочкарёва. Перед отправлением в путь «произошёл какой-то инцидент между казаками отряда и корнетом Колесниченко, в результате которого Колесниченко остался во Владивостоке. По приезде в Петропавловск была образована из числа прибывших туда бочкарёвцев одна сотня: 1-й взвод сотни составили калмыковцы, а 2-й взвод из оренбургских казаков, к которым принадлежал и я. Эти казаки частью служили раньше в Николаевском дивизионе народной охраны. По приезде в Петропавловск, куда я приехал на «Свири», на которую я пересел в Оле, начались разногласия между 1-м взводом и 2-м на почве бандитских выходов 1-го взвода, эти несогласия начались ещё в пути...» По Федорину, оренбуржцы по поводу реквизиций и грабежей заявили, что они прибыли в город не за тем, а для установления тишины и порядка.

1922 г. «Этими несогласиями воспользовались Бирич и Поляков — первый стал поддерживать 2-й взвод, а Поляков 1-й. Второй взвод называться стал местной командой, а первый нештатной. Местная команда охраняла город, а нештатная пьянствовала. Через три дня после раскола я был арестован начальником команды есаулом Чешкиным за то, что назвал освобождённых бывших заключённых «товарищами». Бирич хотел меня за это отправить во Владивосток на суд; это мне было официально объявлено. Но потом меня оставили и зачислили на «Свирь» матросом. С сыном Бирича я в особенной дружбе не был, и, приглашая меня, он вербовал людей для отряда Бочкарёва».

Н. М. Федорин упоминает о шестичасовой перестрелке между местной командой и 1-й сотней, не указывая даты. «Причина этого — попытка Кузнецова разоружить местную команду, которая препятствовала ему в реквизиции пушнины. На другой день 1-я сотня арестовала шесть человек, в том числе и меня, нас хотели предать полемому суду, но Бирич этому воспрепятствовал, таким образом мы просидели под арестом до прибытия на смену Кузнецову капитана 1-го ранга Ильина, которым были выпущены... Местная команда была им расформирована. И чтобы удалить

брожение в части, он отправил на «Магните» восемь человек из местной команды, в том числе меня, на плавание в Аляску для поправления и уничтожения революционного духа, таковы были его слова».

«...Плавали мы на “Магните”. Возвратились мы одновременно с приходом... Иванова-Мумжиева. Нас пересадили на “Сишан”, и началась эвакуация Петропавловска. Остаток местной команды находился за городом на ферме и, несмотря на приказание нового начальника команды ротмистра Файвишевича, не пожелал грузиться и ушел в сопки.

Покидая навсегда Петропавловск, генерал П. М. Иванов-Мумжиев подготовил обращение «К населению Камчатской области». В канун 50-летия Октябрьской революции Управление КГБ по Камчатской области запрашивало свой ведомственный архив в Омске: «По заданию партийных органов нами разыскивается материал на бывшего губернатора г. Петропавловска-Камчатского генерал-майора Иванова-Мумжиева, его обращение от 2 ноября 1922 г.». В запросе указывалось, где находится этот материал — во многотомном уголовном деле «Автономная Камчатка». Но там его не оказалось. Так Омск и ответил. В парторганах Ивановым-Мумжиевым и его Обращением, по нашим сведениям, интересовался, скорее всего, Леонид Тимофеевич Иванов, в 1956—1965 гг. секретарь Камчатского обкома КПСС по идеологии, изучавший ту эпоху по подшивкам «Камчатского листка».

Обращение П. М. Иванова-Мумжиева было обнаружено мною в конце 1994 г. в архивном уголовном «Думском деле», переданном региональным УФСБ в Центр документации новейшей истории. «Пять лет непрерывно ведётся борьба с коммунистами, — писал генерал. — Были моменты, когда войска противников большевизма доходили почти до самой Москвы, но побороть захватчиков власти над русским народом пока ещё не удалось. То вспыхивая, то угасая борьба продолжается и будет продолжаться. Одну из последних попыток свержения большевиков в Сибири сделал Генерал Дитерихс. Недостаток материальных средств и оружия, а главным образом равнодушие населения Приморской области к судьбам Родины и к своей собственной судьбе заставили его отказаться от власти и предоставить людей нежелающих ничем пожертвовать для спасения Родины своей собственной участи.

Я, будучи послан генералом Дитерихсом в Петропавловск для того, чтобы в Камчатской области водворить спокойствие, порядок

и возможность заниматься мирным трудом, с первых дней моего прибытия увидел, что население области не большевистствующее по своим убеждениям, всё же терпит в своей среде явных большевиков, позволяя диктовать им свою волю и позволяя беспощадно обирать себя. Большевиков здесь мало и всё же никто не решился поднять на них руку.

Что же это значит? Это значит, что на Камчатке повторяется то же, что и в Приморье и других областях России. Каждый ждёт, что кто-то со стороны должен придти защитить его и установить порядок. Но всякий боится вступить в решительную борьбу из нерешительности и из трусости, а отчасти и по незнанию самой природы большевизма.

Вижу, что население области, которое по всей вероятности дружно жило бы со мною при мирных условиях, не станет ныне открыто на нашу сторону и при столкновениях с большевиками никакой помощи не окажет. Маленькая в моём распоряжении группа русских людей, много лет неустанно сражавшаяся на разных фронтах, не встретив в населении готовности к активной борьбе вместе с нами и не желая рисковать жизнью офицеров и солдат, ряды которых с каждым днём и так всё больше и больше редеют, я решил покинуть Петропавловск и Камчатку, передав власть Петропавловскому Городскому Самоуправлению».

...Сведений о дальнейшей судьбе Б. П. Ильина крайне мало. «Энциклопедия Гражданской войны. Белое движение» С. В. Волкова (2002 г.) ограничилась тремя предложениями: «При эвакуации командир корабля «Магнит» Сибирской флотилии в походе от Шанхая до Олонгапо (Филиппины). Остался в Маниле, где открыл механическую мастерскую. Покончил самоубийством 17 октября 1936 г. в Новой Пахове (Югославия)». Бросается в глаза совпадение дат: 17 октября 1905 г. Николай II подписал манифест, положивший начало крушению Российской Империи.

Оставшаяся во Владивостоке Л. П. Иванова-Мумжиева была вызвана в Приморское ГПУ. На допросе 9 января 1923 г. она заявила: «Последнее известие от моего мужа... я получила из Отаро на пути мужа в Камчатку. Больше лично от него известий не имею. От сына, уехавшего вместе с мужем, я получила письмо из Хакодате. Из газет узнала, что муж в Шанхае, а от некой гражданки Нестеровой — муж её служит на механическом заводе в порту — я узнала, что муж в Харбине. Я посылала мужу письмо через Александра Яковлевича Кима, служащего в японском консульстве, это знакомый моего брата Кошелева...»

Все остальные сведения, включая послужной список генерала, получены от его внучки Виктории Георгиевны.

Л. П. Ивановой-Мумжиевой с детьми удалось выехать в Китай. Но генерал прожил на чужбине недолго. 5 декабря 1927 г. пошёл в магазин за покупками и не вернулся — умер от разрыва сердца. Могилу его на русском кладбище в Шанхае разрушили красногвардейцы («хунвэнбины») во время так называемой культурной революции.

Лидия Павловна больше замуж не выходила. В 1949 г. старший сын Михаил с семьёй уехал в Бразилию, затем перебрался в Венецуэлу. А через пять лет к ним присоединилась и Л. П. Иванова-Мумжиева с дочерью и внучкой. Младший сын генерала Георгий вернулся со своей семьёй на родину в 1954 г., когда русским эмигрантам это позволило сделать советское правительство.

Дочь Георгия Петровича Виктория узнала мой адрес. В одном из её писем есть такие слова о последнем начальнике Камчатской области П. М. Иванове-Мумжиеве: «Дома говорили, что большевики предлагали ему перейти на их сторону, но он отказался, сказав, что присягал на верность царю и присягу не нарушит... Кроме того, в семье говорили, что японцы предлагали дедушке огромные деньги за Камчатку, но он ответил, что русские офицеры Родиной не торгуют... он был глубоко порядочным, честным человеком».

...Прощаясь с камчатцами глубокой осенью 1922 г., Петр Михайлович Иванов-Мумжиев сказал: «От души желаю всему населению, как Петропавловска, так и всего края перенести по возможности безболезненно грядущее испытание. Да хранит всех Вас Господь Бог». Хотя Обращение генерала помечено днём ухода Русской армии, оно было передано в городскую управу за сутки до этого, о чём свидетельствует штамп в правом верхнем углу документа: «Получено 1 ноября 1922 г. Входящий № 311».

2 ноября 1922 г. пароход «Сишан» и канонерская лодка «Магнит» стояли уже на внешнем рейде. В 16 часов по местному времени — точно в соответствии с приказом начальника Камчатской области — они снялись с якорей. Выйдя из Авачинской бухты, корабли взяли курс на юг. Многие из тех, кто находился на борту «Сишана» и «Магнита» чувствовали, что они никогда больше не увидят Родины. Русская земля удалялась и удалялась. Пока не пропала вдали.

*Навсегда, навсегда, навсегда
Уплывают твои берега...*

СЛЕД ПОДСТРЕЛЕННОЙ ПТИЦЫ

16 ноября 1922 г. во Владивостоке на своей квартире по ул. Фёдоровской был арестован Х. П. Бирич. В начале декабря жена обратилась к властям изменить меру пресечения на домашний арест, ссылаясь на его «плохое здоровье, как следствие преклонного возраста», но — тщетно, потому как в столице Приморья затевался показательный процесс над участниками «камчатской экспедиции» Бочкарёва-Бирича. Пелагею Петровну арестовали прямо в зале суда, предъявив обвинение в том, что она, «не участвуя непосредственно в совершении... преступления, однако же, в исполнение контрреволюционных целей Охотско-Камчатской Экспедиции, просьбами и уговорами склонила своего мужа Хрисанфа Бирич к содержанию под стражей гражданина Рябикова, который впоследствии в заключении был убит. Преступление это предусмотрено 15, 2 ч. 16 и 64 Уголов. Кодекса Р.С.Ф.С.Р.». П. П. Бирич вписана в обвинительное заключение последней. Далее идут размашистые подписи составителя помощника Уполномоченного Белоцерковского — и («согласен») начальника секретно-оперативной части Приморского губотдела ГПУ Альшанского.

На первого в книге А. М. Буякова «Органы госбезопасности Приморья в лицах» данных нет, однако есть на второго.

«Альшанский (Мильштейн) Анатолий (Абрам) Романович (Соломонович). Родился 5 ноября 1896 г. в семье ссыльнопоселенца. Окончил три класса Красноярского приходского училища. До 1913 г. работал учеником мастера, подмастерья в вывесочной мастерской, помощник фотографа в фотолаборатории Лухтанского в Красноярске. С 1914 г. помощник лаборанта фотографии в Иркутске. С 1916 по февраль 1918 г. на германском фронте в 168-м полку. В 1917 г. вступил в РКП(б). С августа по октябрь 1918 г. служил в 12-й нестроевой роте 12-го стрелкового особого назначения полка Сибирского правительства, кадровом артдивизионе имени генерала Пепеляева в Томске. В конце 1919 г. в ревподкоме в Иркутске. С января 1920 г. командир 1-й роты Особого Коммунистического отряда. С марта 1920 г. — сотрудник, уполномоченный, начальник информационного отделения Военного контроля 1-й дивизии НРА.

С ноября 1920 г. — начальник Центрального отделения политического контроля ГУГПО Забайкальской и Прибайкальской областей, начальник организационно-инспекторской части, временно исполняющий должность начальника секретного отдела

ГУГПО. После расформирования ГУГПО ДВР заместитель начальника, временно исполняющий должность начальника СОЧ полномочного представительства ГПУ Дальнего Востока. С 11 ноября 1922 по 1924 г. — заместитель начальника Приморского губернского отдела ОГПУ и одновременно начальник Секретно-оперативной части. В 1924—1925 гг. — заместитель председателя ГПУ Бурятии, начальник Актюбинского областного отдела ГПУ. В 1926 г. — начальник Семиреченского областного отдела ГПУ. В 1927—1930 гг. — заместитель полномочного представителя ОГПУ по Казахстану и начальник СОЧ. В 1931 г. откомандирован в ЦК ВКП(б). С декабря 1931 г. — заместитель управляющего, управляющий золотопромышленным трестом на Алдане. В 1934—1935 гг. учился на высших академических курсах командного состава (по горнорудной промышленности) народного комиссариата тяжёлой промышленности СССР. После окончания — председатель комиссии Главзолота на Северном Кавказе и Азово-Черноморском крае. В 1936 г. — директор треста «Енисейзолото». Зачислен в Московский горный институт. Награждён боевым именным оружием — пистолетом системы «Маузер», нагрудным знаком «Почётный работник ВЧК-ОГПУ (V)», знаком «Стахановцу золотой промышленности». О дальнейшей судьбе сведений нет».

На соседней странице помещён снимок грамоты коллегии ОГПУ, которой награждён тов. Альшанский 19 декабря 1927 г. Остаётся добавить, что справкой, посвящённой ему, открывается серия биографий первых чекистов Приморья, «чьи имена, — подчёркивает автор, — мы сегодня не вправе забывать».

...Процесс открылся 3 февраля 1923 г. в Народном доме. Помимо Х. П. Бирича и П. П. Бирич (Ступиной), на скамью подсудимых были усажены капитан дальнего плавания Роман Яковлевич Салатко-Петрище, начальники Наяханского гарнизона Григорий Амосович Ивлев и Александр Леонтьевич Полищук, коммерсант Георгий Георгиевич Бек, офицеры Василий Александрович Кулий, Степан Григорьевич Стрепетиллов, Казимир Николаевич Маковецкий, юнкер Николай Михайлович Федорин, механик Василий Архипович Сутурин и кочегар посыльного судна «Свирь» Илья Антонович Кочанов. Они предстали перед судом революционного военного трибунала 1-й Забайкальской стрелковой дивизии 5-й краснознамённой армии (председательствующий глава армейского РВТ Беркутов, члены: председатель ревтрибунала N-ской части дивизии Матрон, особист Вартман, секретарь

Бронка). Общественное обвинение поддерживал начальник рабоче-крестьянской милиции г. Владивостока Воскобойников. За особым столом между обвинителем и подсудимыми расположились защитники судебные поверенные Галка, Носырь, Преображенский и Рухлядев.

До них дошла очередь 7 февраля, в последний день процесса. Первым выступил Галка. Он обратил внимание суда на слишком вольное обращение с фактами, добытыми судебным следствием, которое допустил обвинитель при квалификации преступлений подсудимых, в частности, Хрисанфа Бирича и его жены. Цитата из сочинения Дорошевича «Сахалин», характеризующая, по мнению обвинителя, Бирича, не является таковой, «это сочинение фельетонное, и доверия не заслуживает».

Бирич «при недостаточном образовании и развитии, не мог разобраться в политических вопросах. Отбыв каторгу на Сахалине, он занялся там рыболовством и имел ограниченное представление о политических событиях. В деле есть указания, что истинным инициатором экспедиции был Апполон Николаевич Кругликов, бывший товарищ министра при медведьевском правительстве и член народного собрания при Меркуловых. Об этой экспедиции возникла мысль и у Бочкарёва... и для осуществления её он обратился к Кругликову, желая придать своей грабительской затее приличный вид. В гостинице “Версаль” Кругликов в присутствии Бирича развивал план северной экспедиции, организация которой прикрывалась авторитетом народного собрания. Бирич виноват в том, что не уклонился от участия в этой экспедиции».

Бирич по приезде на Камчатку «издаёт приказ о прекращении всякого рода реквизиций, и это послужило причиной раздора между ним и Бочкарёвым... Деятельность Бирича в Петропавловске была полезна, ибо без его сопротивления Полякову было бы ещё хуже. У торговца Свенсона Бирич отбирает подписку не перевозить оружие и военные отряды... с Биричем стало легче жить в Петропавловске».

Коснувшись ареста А. И. Бабкина-Байкалова, защитник сослался на документ в деле, указывающий на его службу в меркуловской контрразведке, и заявил, что в силу этого названный гражданин «не мог быть “товарищем”» по партии обвинителя, «как последний, вероятно, по ошибке назвал его в своей речи». Арест делегата Рябикова возмутителен, но не более, так как со стороны Бирича насилия допущено не было. Галка напомнил суду: во всех пятнадцати случаях арестов Бирич относился к взятым под

стражу гуманно и даже помог бежать двум жёнам партизан. В продаже пушнины с Командорских островов защитник усмотрел торговую сделку, и только, ведь деньги за неё пошли на содержание казачьего отряда, расквартированного в Петропавловске. «Наказание в революционном суде рабоче-крестьянского правительства является не мерой возмездия, а обороны, — сказал в заключение адвокат, — шестидесятипятилетний старик Бирич не может быть опасен для дела революции, а поэтому я прошу суд о снисхождении к нему».

По мнению Галка, состава преступления в болтовне Пелагеи Бирич нет, привлекать её к ответственности по 64 ст. УК РСФСР не за что.

Рухлядев подчеркивал исключительно коммерческий характер деятельности Г. Г. Бека. Напомнил присутствующим о том, что его подзащитный пытался снарядить торговую экспедицию на Камчатку ещё в 1920 г., намекая на переговоры в этой связи с комиссаром И. Кларком, о которых упоминал Бек. «Знакомство с Бочкарёвым, конечно, его компрометирует, ему, как коммерсанту, было лестно заявить о дружеских отношениях с властью. Бек ничего не знал о секретном намерении Полякова перевозить с его караваном пушку Гочкиса, о чём писал Поляков Биричу... Бирич разрешил экспедицию Беку при условии внесения залога в 10 тыс. руб., как гарантии, что его экспедиция не будет заниматься грабежом...»

Преображенский защищал пятерых подсудимых. Он доказывал непричастность к убийству пленных на «Свири» в 1921 г. Салатко-Петрище, Маковецкого и Федорина (то же самое делал в отношении Кочанова судебный поверенный Рухлядев), а по поводу обвинений в адрес Ивлева и Полищука удивился: «Почему же Ивлев не принял участия в перевороте против Бочкарёва?.. На это скажу я, что переворот был совершён в Гижиге (неточность. — В. П.), а подсудимый Ивлев в это время находился в 120 верстах от Гижиги — Наяхане».

Полищуку обвинитель вменил в вину участие в бочкарёвском суде и расстреле лиц, которым был вынесен смертный приговор. Бочкарёв восстановил свою власть особым отрядом. И, конечно, тот, кто восстановил «болярина Валериана», тот и карал, и расстреливал приговорённых.

Речь судебного поверенного Носаря была довольно пространной. «Мне досталась роль перевернуть последнюю страницу капитальнейшего тома, которому название “русская революция”.

Особо-
уполномоченный
революционного Приморского Правительства въ
Хоккайдо-Камчатскому

краю.

22 июля 1922 года

№

г. Петропавловск-Камчатский

376
Дорогая моя
Лена!

Рады что благополучно прибыли
во Владивосток. Мои дорогие
тебе судила поспричь се и в свое-
мъ кругу не забывай о помощи
своей помощи. Вряд ли найдешь, что
все время речитативами и востор-
гом становится едина. Когда же
продумавши урину какая нибудь ве-
щание, то ты бы се отдала и в
время. А все там же. Куда
какая нибудь и восторгом и в
следующее наше. Нарядом фан-
тикает се переставивши усидеть
и как будто бы своя.

Мно много очень трудно обратиться
на Сидорову Денисову посылать меня
записки, так как се там, что
все это посылать некаким-то
Камчатка — обратная т.п. Дарна,
восторгом, что недавно моему востор-
гом и восторгом и восторгом
какая нибудь. Рады бы Командора
Денива. Урину и восторгом и в
ними мои подруги обь все и в
т.п. и до и восторгом, посылать.

Страница личного письма Х. П. Бирича жене от 22 июля 1922 г.
(из архива РУ ФСБ по Приморскому краю)

Если этап революции не пройден, то с восстановлением красного флага во Владивостоке гражданская борьба закончилась. Это положение является основой моей защиты. Возбуждённая стихия, прорвав проволочные заграждения, залила всю страну. Пока факелом новых идей революционные массы опрокинули старое и докатились сюда. Контрреволюция в первое время ухватилась за крупные лозунги и за “Борьбу за учредительное собрание”.

И во что контрреволюция вылилась здесь. Ничтожное безграмотное и разбойничье меркуловское правительство. Если не процесс Бирича, то о меркуловском правительстве не пришлось бы говорить совсем как о правительстве. Меркуловское правительство нуждалось в деньгах. Японцы за рыбалки не платили. Чтобы получить деньги, была отправлена экспедиция. Японцы за рыбалки внесли деньги. Для экспедиции нужны были специалисты. Бирич хорошо знал Камчатку... Биричу инкриминируется: приказ о заложниках, приказ об аресте советских работников. Я ни в коей мере не могу оправдать приказа о заложниках. Но приказ был ли угрозой или чем другим? Приказ о заложниках был только угрозой бессильной власти. Приказы об арестах были, но они производились для показа, что существует гражданское управление, без которого была такая вакханалия, какой бы позавидовал сам Махно.

Биричу неоднократно угрожала смерть от Полякова. И как только был просвет, он освобождал всех арестованных. Меркуловы бросили Бирича на север, и по приезде во Владивосток он привлекается за недостаточную борьбу с большевиками. Бирич обвиняется в корыстных целях: первый момент о продаже командорской пушнины и второй момент — показания свидетеля: “Бирич, прибыв в Петропавловск, был без всякого багажа, уезжал же со множеством сундуков”. Корыстная цель не доказана. Бирич простой обыватель, попавший не на своё место... Я прошу трибунал уйти от лишних смертей. На мою спину не упал ещё ни один смертный приговор, и я не хотел бы смертные приговоры начинать с трибунала».

После выступлений защиты обвиняемым было предоставлено последнее слово.

Х. П. Бирич: «Я во всю свою долгую жизнь встречался со многими людьми, почти все они хорошего мнения обо мне. Я никогда не совершал ничего уголовного и состояние нажил личным честным трудом. Поэтому в перед ревтрибуналом ходатайствую о помиловании».

П. П. Бирич: «Прошу о полном помиловании меня».

Г. Г. Бек: «Я во Владивостоке живу с 1908 г. Коренные жители меня хорошо знают. В конвое, который меня ежедневно сопровождает в тюрьму, я встретил солдата, который вместе со мной служил в конвое у Хорвата. Только суд осветил действия бочкарёвского отряда. До этого все и я меркуловским правительством были обмануты. Они фабриковали радиосообщения. Если бы я знал, что из себя представляет бочкарёвская экспедиция, то я бы за тысячу вёрст объезжал пункты, занятые бочкарёвцами. Я никакого капитала не имел и не имею. До германской войны я был представителем крупной немецкой фирмы.

В 1917 г. здесь была советская власть, я был в продовольственном комитете. Соловьёв и другие скажут Вам, как мне единолично доверяли перевозить в Манчжурию суммы 900 000 руб. романовскими. Тогда курс был хороший. Если ревтрибунал вынесет высшую меру наказания, то я прошу выяснить этот факт, чтобы оставшиеся после меня жена и дочь не считались женой и дочерью авантюриста. В германскую войну я был на фронте и получил Георгиевское отличие. В гражданской войне не сражался и был в конвое генерала Хорвата, бывшем как бы инвалидной командой».

И. А. Кочанов: «Я работаю физическим трудом семнадцать лет и не ренегат рабочего класса. В гражданской войне я не принимал никакого участия».

В. А. Сутурин: «Прошу вынести соответствующий приговор».

Р. Я. Салатко-Петрище: «В никаких смертях я не виновен и уголовщины за собой не чувствую. Поэтому прошу ревтрибунал вынести полное оправдание».

В. А. Кулий: «Здесь присутствует много моих бывших сослуживцев, и я в их присутствии заявляю, что я использовал всё возможное, чтобы предотвратить бочкарёвские безобразия».

Г. А. Ивлев: «Я никогда контрреволюционером не был. У меня есть революционное прошлое, но не буду говорить о нём. В отряд Бочкарёва я был мобилизован. За десять месяцев моего пребывания в отряде Бочкарёва я пережил столько, сколько не переживаю даже тут, на скамье подсудимых. Ради своей семьи мне пришлось быть угнетённым. Что приходилось переживать. Я ушёл в себя, и был замкнут. Большой ценой мне удалось вырваться от Бочкарёва. Я учил своего маленького ребёнка, и он подходил к Бочкарёву и говорил “отпусти папу”. Жена симулировала болезнь и т. д. Наконец, в августе удалось вырваться. В Японии я узнал,

что во Владивостоке объявился Дитерихс, мобилизует и открывает фронт против советских войск. Я знал, что на Приморском фронте в советских войсках сражается мой родной брат. Я задержался. 8 ноября я с открытой душой отправился в красный Владивосток, чтобы отдать свои силы для укрепления власти рабочих и крестьян. Я обращаюсь к трибуналу с тем, чтобы он судил меня так, как нужно».

А. Л. Полищук: «В предъявленном обвинении виновным себя не считаю, так свидетель Буткевич дал ложные показания, что оставляю на его совести. Если бы я имел что-нибудь за собой, то я не поехал бы во Владивосток».

Один из основных свидетелей на процессе И. П. Буткевич, который с 1920 по 17 мая 1922 г. заведовал Гижигинским промыслом от Управления рыбными и морскими звериными промыслами, в заявлении начальнику секретно-оперативной части Приморского ГПУ писал: «Священнику местной церкви было приказано молиться богу за Боярина Валериана и его супругу Орриду. Местные жители рассказывают, что однажды во время кутежа дикая мысль пришла в голову Бочкарёву, он задумал в дикой и пустынной местности Таватама, расположенной в трехстах верстах от Гижиги, построить город в течение одной зимы. Сейчас же, нанюхавшись кокаину, один из его сатрапов смастерил план города. “Тут вы найдёте улицу Бочкарёва и Кадетский корпус и Военную гимназию и прочее”. Мигом население было загнано рубить лес в Таватаму. Было срублено около пяти тысяч пней в лесу, поломаны почти все топоры, пилы, искалечено и запорото несколько человек, и на этом постройка города приостановлена.

Вскоре после этого Бочкарёвым была задумана постройка грандиозной шхуны. На это испорчено всё железо, находившееся в Гижигинском продскладе казённом, и много там весьма ценного материала, и тоже замучено несколько человек. На этом шхуна и стала...»

После того, как сгорела штаб-квартира В. И. Бочкарёва в Наяхане, и он переехал в Гижигу, где вместо Ивлева начальником гарнизона поставили Полищука, говорилось в заявлении И. П. Буткевича, «снова был задуман дом четы Бочкарёва, израсходован был казённый лес, предназначенный для радиотелеграфа, а дом и так остался в начальной стадии постройки». Понимая, что следствию требуются более «выигрышные факты», гражданин Буткевич находит и таковые. «Много случаев было изнасилования подросков-девушек сатрапами, были случаи, когда гижигинцу предписывалось выдавать свою дочь в сожительство бандиту или

любящим супругам друг друга разойтись, так как с женой желает жить кто-нибудь из бандитов. По словам местного фельдшера-венерика, с приходом бандитов венерических заболеваний очень много увеличилось...»

Политический процесс во Владивостоке продолжался пять дней. Никто из подсудимых вину по предъявленным обвинениям не признал. Вечером 7 февраля 1923 г. трибунал, просоветовавшись более двух часов, объявил приговор: Бирича (ст. 64 УК РСФСР), Бека (ст. 58), Салатко-Петрище, Полищука, Ивлева и Кулия (ст. 60) расстрелять; всех осуждённых лишить избирательных прав на пять лет с конфискацией всего принадлежащего им имущества; на основании постановления ВЦИК об амнистии Ивлеву наказание заменить лишением свободы сроком на десять лет (в деле есть указание на его освобождение из заключения 19 апреля 1925 г.); Маковецкого, Федорина, Стрепетилова, Сатурина, Кочанова и Пелагею Бирич — оправдать.

9 февраля 1923 г. владивостокская газета «Голос Родины» выступила со статьёй «С процесса Бирича. Впечатления». Автор публикации Спектатор (фамилия или псевдоним?) утверждал: «Монархисты России всегда и везде кричали, тогда, когда они, как Дубровин, получали за это деньги из государственного сундука, когда эта монархическая политика давала им средства и вкус жизни. Но стоило разразиться февральской революции, чтобы эти “миллионы” из союза “русского народа” исчезли, как дым в вихре революционной грозы, и ни один из стана “славных монархических орлов” в течение всего 1917 г. не посмел или не захотел шевельнуть пальцем во имя спасения своего недавнего повелителя, ни один из титулованных монархистов не осмелился на подвиг, ни один из тех, коими тогда богата история монархии и их падения на Западе. Русский монархизм тогда явно показал, что он заживо сгнил, погиб в сознании самих же монархистов.

Так было в первые дни нашей революции. Пришла контрреволюция. Возникла в Приморье мысль гавальнизировать этот разложившийся труп монархической идеи, созываются люди, посылаются телеграммы в Данию о преданности и готовности “лечь костьми”, посылаются экспедиции. Словом, казалось... оживляют идею монархии. Но эта картина для всякого наблюдателя была лишь сплошной бутафорией — из тех “потёмкинских призрачно-декоративных деревень”, которые разбивались и превращались в жалкий картон при ближайшем рассмотрении. Монархисты Приморья, как и Монархисты всей вообще России, пытались из мо-

нархизма лишь делать карьеру, составить или умножить своё благосостояние, попасть в “фавор”, но не более того.

Не ищите в них и тени внутреннего сознания своей правоты, идейного подъёма, при котором человек идёт и на самую казнь с высоко поднятой над палачами и толпой головой. Нет идеологии, нет подвига и бестрепетного сознания превосходства и внутренней правоты. Сгнившее на корню дерево монархизма не дало в Приморье отпрыска, была одна гниль, фальшь, своекорыстие и безумный разгул дегенеративных развращённых потерявших человеческий облик людей, топивших совесть в винных парах».

Материалы владивостокской печати о процессе Х. П. Бирича и др. хранились в одном из фондов Центра документации новейшей истории Камчатской области (ЦДНИКО). Копия с них была снята по просьбе секретаря обкома по идеологии Л. Т. Иванова и передана ему лично 3 августа 1961 г.

Чтобы выяснить, реабилитирован ли главный обвиняемый и где его дело, я сделал запрос в прокуратуру Приморского края. Оттуда запрос переслали «по поднадзорности» в военную прокуратуру Тихоокеанского флота, сообщив заявителю, что Бирич расстрелян в 22 часа 20 минут 22 февраля 1923 г., а дело находится в УФСБ по Приморскому краю. В апреле 1996 г., через полтора месяца после начала переписки по реабилитации бывшего особоуполномоченного, пришёл ответ из военной прокуратуры: Бирич осуждён за совершённые преступления, реабилитация к нему и к остальным участникам процесса не применялась.

Как раз в то время ЦДНИКО принимал от регионального отделения ФСБ архивные уголовные дела жертв политических репрессий; сотрудник, передававший их нам, помог получить из Владивостока во временное пользование два тома следственных материалов «камчатской экспедиции». Они поступили в конце 1996 г. и находились в моём рабочем кабинете несколько месяцев. Какие новые данные об участниках процесса 1923 г. содержались в этих документах?

Х. П. Бирич (в дополнение к опубликованному в вып. 1 «Вопросов истории Камчатки») имел пять или шесть домов во Владивостоке, жил доходом с них. Обитал на даче в Седанке, где были надворные постройки и земельный участок. Обслуживающий персонал: дворник Иван Габриэлович Лискус, садовник Иосиф Иванович Киселевский, кухарка Мария Семёновна Рутчева и чета Арефьевых (Александр Васильевич пятидесяти двух и Надежда Александровна тридцати восьми лет) с тремя детьми — без указания

рода занятий. Жене Бирича, купчихе 2-й гильдии, было на момент процесса пятьдесят лет. Среднее образование получила в Патриотическом училище («рукоделие»). На допросе 31 декабря 1922 г. Пелагея Петровна призналась, что ещё на «Кишинёве», когда оба парохода шли в Охотск, были столкновения с Бочкарёвым. Он «придирался и издевался надо мной и мужем. Я прямо заявила Бочкарёву, что с таким человеком говорить не желаю». Выказалась она и по поводу наветов: «Больше всего, я думаю... показания на меня и, особенно, на мужа основаны на злобе», приведя пример с Бойко, который просил денег на возвращение во Владивосток, а Хрисанф Платонович не дал, и он сильно обиделся и грозился отомстить».

Подполковник инженерных войск А. Л. Полищук, тридцать один год. Родился в Киеве. В Первую мировую — фронтовой офицер. В начале 1918 г. уволился со службы, в Самаре «занимался уроками». Потом — Оренбург, Омск, где был мобилизован в колчаковскую армию. Затем — авиашкола, с которой эвакуировался на Дальний Восток. В 1920 г. подался в коммерцию... Супруге двадцать один год. Детей нет.

Капитан 2-го ранга Г. А. Ивлев — из крестьян Енисейского уезда — на год старше Полищука. Окончил училище дальнего плавания и Морской корпус. Во время германской войны плавал на судах Сибирской флотилии мичманом и лейтенантом, на миноносце «Тревожный» — старшим офицером, на «Орле» — старшим штурманским офицером. Весной 1917 г. командой «Тревожного» избран командиром корабля. На миноносце «Грозный» прибыл в Гонконг, откуда, по словам самого Ивлева, выслан англичанами «как сочувствующий большевикам». В 1918 г., до выступления чехословаков, в должности начальника оперативной части Центрокома Сибфлота, за что арестован, но отпущен. Служил в Добровольном флоте и в частной конторе Люри-Стахеева. Второй арест при Колчаке и снова освобождён. Ивлев уверял, что после майского переворота 1921 г. его уволили из управления рыбных промыслов, опять же, за большевистские убеждения. Женат. Двое детей. Недвижимость отсутствует.

Капитан К. Н. Маковецкий. Ровесник Полищука. Вероисповедания римско-католического. Из мещан Гродненской губернии. Сын адвоката. Выпускник Петербургского университета. В 1911 — 1914 гг. учился в Англии и Америке. Первую мировую войну начинал рядовым лейб-гвардейского Семёновского полка. В 1915 г. окончил школу прапорщиков, на фронте вырос до ротного коман-

дира. Воевал против немцев и австрийцев до сентября 1917 г. Дважды ранен плюс «отравление газами». Награждён орденами Св. Георгия и Владимира 4-й степени, Анны — 3-й, 2-й и 4-й степеней, Станислава 2-й и 3-й. Имеет сербский орден Белого орла и английский Белый крест, оба — 4-й степени. Произведён в потомственное дворянство.

В январе 1918 г. на станции Манчжурия снят с поезда атаманом Семёновым. За нежелание воевать приговорён к четырем годам тюрьмы. Под стражей провёл шесть месяцев. В конце 1918 г. отправлен солдатом в Верхнеудинск. При отступлении его батальон разбежался, а он сам поехал в «полосу отчуждения» на КВЖД. До 1920 г. «проживал деньги, полученные у Семёнова». Двинулся во Владивосток, чтобы вместе с поляками выехать на родину. «Поступил в экспедицию добровольно, но не на такую должность, которая сопряжена с военными действиями — именно заведующим оркестром... мы (музыканты) никакого участия в высадках и десантах не принимали. Так как сформировать оркестр не удалось за неимением инструментов, то я был прикомандирован на должность комендантского адъютанта. К политическим делам никакого отношения не имел».

Р. Я. Салатко-Петрище, поручик по Адмиралтейству, родился 14 февраля 1885 г. Образование: шесть классов реального училища и Морское училище дальнего плавания под Ригой. В 1904 г. вольноопределяющийся 41-го артиллерийского батальона в Витебске. На германском фронте воевал в составе 43-го железнодорожного батальона. В 1918—1920 гг. старший помощник капитана парохода «Эльдорадо».

Торговый служащий Г. Г. Бек, сорок четыре года. Воинское звание прапорщик. Дворянин Калужской губернии (имение Норонки, селение Дерново Нежинского уезда). Окончил гимназию экстерном. До 1914 г. доверенный фирм «Ралле» и «Эрмайл» в Москве. В германскую войну на Северном фронте в Александровском гусарском полку. По демобилизации после октября 1917 г. служил в продовольственных комитетах Москвы и Владивостока. Мобилизован при Колчаке. С 1919 г. целиком отдался коммерции.

Напомним, что Г. Г. Бек познакомился с В. И. Бочкарёвым в 1918 г, едучи с ним и его женой в одном купе поезда Харбин-Владивосток. Интерес представляют детали их взаимоотношений и — главное — история «камчатской коммерции» Георгия Георгиевича. По словам Бека, Бочкарёв служил в Петрограде в Комитете флота и устроил себе перевод по этой линии во Владивосток.

Когда по прибытии они встретились вновь, Валериан Иванович откомендовался командиром миноносца. В конце 1920 или начале 1921 г. Г. Г. Бек помог жене Бочкарёва, но, оказывается, не просто выручил деньгами, как это часто случается в обиходе. Она не то, что нуждалась — «буквально голодала», потому как муж, служивший у Калмыкова, был арестован в Хабаровске красными. Летом 1921 г. Г. Г. Бек согласился отправиться с отрядом В. И. Бочкарёва в коммерческую поездку на Север. Она сперва показалась ему лёгкой, однако в Харбине выяснилось, что тамошние коммерсанты не доверяют ни Бочкарёву, ни Биричу, ни меркуловскому правительству «и вообще считают время для начала работы не подходящим».

Бек вернулся во Владивосток за несколько дней до начала бочкарёвской одиссеи и сообщил начальнику СЭО, что передумал. Но, тем не менее, при его посредничестве экспедиция приобрела солонину, сахар и прочие продукты. «А так как камчатских денег не было, — вспоминал он, — ...мне была дана доверенность на получение ассигновок и уполномочие для оплаты счетов. Доверие это было вызвано чувством дружбы в помощь жене Бочкарёва, когда он был арестован. Сумма оплаты счетов выражалась около 5 000 руб., что мною и было произведено... В декабре месяце я услышал, что предполагается посылка на Камчатку парохода “Охотск” для доставки продовольствия отряду, причём пароход фрахтует Березовский и у него останется свободный тоннаж. В газетах в то время печатались успокоительные слухи с Камчатки и Севера... Я решил снова попробовать осуществить коммерческую операцию.

Я снесся с моим старым знакомым И. В. Пилецким, директором Товарищества “Китомарус” (китайско-монгольско-русское товарищество в Харбине), и сговорился с ним ехать с их товарами на Камчатку. Товары лежали на складе № 1 Кобэ (Япония), и пароход должен был за ними и за Пилецким зайти. С Березовским был заключён контракт, и пароход должен был тронуться в путь 21 декабря, но в момент отхода, после второго гудка, ко мне подошёл агент милиции и потребовал от имени Правительства высадиться, ибо выезд не разрешён. Я упустил из вида сказать, что казённый груз на пароходе шёл бесплатно, его сопровождали чиновники Правительства Пурин и Добровольский и единственным платным грузом у Березовского был груз “Китомаруса”. Я просил Березовского задержать пароход, пока я объяснюсь с Правительством, причём, если мне не разрешат поездку, то условие с “Кито-

марус” будет расторгнуто, и наш груз не пойдёт. Березовский мне сказал, что тогда и он откажется от этой совершенно не выгодной ему поездки.

Я был принят Спиридоном Меркуловым (глава правительства. — *В. П.*)... Причины моей задержки мне так и не сказали; но после совещания с Николаем Меркуловым разрешение на поездку мне было дано. Этот инцидент навёл меня тогда же на мысль, которая впоследствии укрепилась: что между Меркуловыми и Биричем существует какой-то коммерческий контракт и им совсем нежелательны посторонние торговые работы по Северу. Нагрузив наш товар в Кобэ в количестве около 200 тонн, мы тронулись на Камчатку и благополучно прибыли 21 января 1922 г., где и открыли склад.

В Петропавловске я встретился с моим давним знакомым по Твери (до войны он — тверской помещик) генералом Поляковым, который сообщил по радио о моём приезде Бочкарёву, и таким образом начались мои сношения по радио с Бочкарёвым. Бирич был тогда уже в плохих отношениях с Бочкарёвым и Поляковым, а когда узнал, что Бочкарёв информирует нас о нуждах в продовольствии и передаёт заказ, то и на меня распространил свою неприязнь, и до моего отъезда с Камчатки я всего был у Бирича не более трёх раз. Заказ Бочкарёва для населения Товариществом “Китомарус” был принят условно, ибо срок доставки в Гижигу товаров, в число которых входило 2 000 пудов муки, 100 000 аршин мануфактуры, 2 000 пудов сахара и прочего, был обозначен к 10 июня, а в это время, в феврале, мы безнадёжно стояли во льдах в Петропавловской бухте.

В конце апреля мы, наконец, тронулись в обратный путь. Во время моего пребывания в Петропавловске было выступление красных. Петропавловск был блокирован. Наша торговля шла совсем плохо, хотя две наши экспедиции на собаках вглубь страны (то есть полуострова. — *В. П.*) были пропущены красными. В обороне Петропавловска Бирич передал командование генералу Полякову, но контролировал его сам, и известные мне аресты супруг Ларина и Фролова были произведены приказом Бирича, а не Полякова. Насколько мне известно, в моё пребывание в Петропавловске эксцессов и террора не было. По поводу фирмы “Нихон-Моохи” мне известно следующее: сдача эта была совершенно неожиданной. Ближайший сотрудник Бирича статский советник Соколов и Контролёр Миховский открыто говорили, что это корыстная сделка Бирича. Впротивовес они просили у Пилецкого

товары для снабжения населения Командор с тем, что они пойдут туда сами и, собрав пушнину для казны, впоследствии рассчитаются... но когда Пилецкий пошёл к японскому консулу в Петропавловске, то тот определённо сказал, что никакой пароход неяпонской фирмы не будет пропущен на Командоры и что сделку с “Нихон-Моохи” он считает законной, но готов содействовать, чтобы часть потребных для командор товаров была куплена у Товарищества “Китомарус” фирмой “Нихон-Моохи”.

Во Владивосток «Охотск» с Пуриным, Добровольским, Пилецким и Беком пришёл в первой половине мая. Пилецкий сразу же уехал в Харбин. А Георгия Георгиевича вызвал Н. Д. Меркулов и запретил ему «работать над новой товарной экспедицией», пригрозив, в противном случае, арестом. Меркулов сказал, что этим занимается правительство. Вскоре Беку стало известно о переговорах Н. Д. Меркулова и частных лиц по поводу снабжения Севера с использованием его информации. Он «подал докладную записку, указывая на нецелесообразность... запрещения, в то время как японцы и американцы работают свободно на Севере, не платя правительству никаких сборов». Вместо ответа коммерсант получил сведения о готовящемся аресте и последовал за Пилецким...

В. А. Кулий, прапорщик по Адмиралтейству. Родился в 1892 г. в г. Ровно на Волини. С четырех лет без родителей. Окончил реальное и мореходное училища. До 1912 г. плавал на линии Одесса — Владивосток. На Дальнем Востоке занимался коммерцией и рыболовством. Во время февральского и октябрьского переворотов служил в Сибирской флотилии (Владивосток). Девиз: «Если хочешь жить, то надо учиться и работать». Никогда не состоял ни в каких партиях. Жена и двухлетняя дочь в 1923 г. жили в Шанхае.

«Когда начались безобразия в городе, я ходил к Биричу и предлагал арестовать Полякова и выслать во Владивосток, но он не согласился, — говорил на допросе В. А. Кулий, — об этом узнал Поляков, и меня посадили на гауптвахту, где содержали целый месяц и хотели спустить под лёд. После разрыва Бирича с Поляковым я был освобождён». Кочегар «Свири» Евсеев показал на процессе: «Как-то в Петропавловске Кулий увозил на катере двух арестованных. Когда он возвратился, то арестованных не было, а на корме виднелось кровавое пятно». Подсудимый отвечал, что арестованных отвёз, и они живы и сейчас, кровь же на корме от подстрелянной им птицы. Фамилии арестованных не назывались. Возможно, это были партизанские парламентары Попов и Яков-

лев, отпущенные в мае 1922 г. и переправленные на противоположную сторону Авачинской губы.

Двадцатичетырехлетний С. Г. Стрепетиллов. Учился в Никольск-Уссурийском реальном и 1-м Киевском военном училищах. С 1916 г. в чине прапорщика воевал с немцами. В феврале 17-го произведён в подпоручики. В марте того же года вступил в РСДРП(б), состоял в ней (и солдатском комитете) до февраля 1918 г. По расформированию стрелкового полка отпущен домой в Никольск-Уссурийский. На станции Манчжурия с ним произошла та же история, что с Маковецким. Служил по мобилизации у Семёнова младшим офицером сапёрной роты с мая 1918 г. «до эвакуации Забайкалья» в декабре 1920 г. В Гродеково уволился по личному желанию. Жил на заимке сестры около станции Шкотово. В августе 1921 г. добровольно вступил в отряд есаула В. И. Бочкарёва. В Охотске — в команде связи. В декабре того же года назначен командиром этой команды. В октябре 1922 г. выехал на «Томске» во Владивосток. На следствии заявил о сочувствии РКП.

Крайне мало сведений о судовом механике В. А. Сутурине. Возраст двадцать пять лет. Из забайкальских крестьян. Тоже реальное училище (Благовещенск). Холост. Беспартийный.

Самым молодым — двадцать один год — среди обвиняемых был крестьянский сын Н. М. Федорин. Не доучившись в Харбинском коммерческом училище, он бежал в Сибирь, поступил в Читинское юнкерское «Имени атамана Семёнова» училище, но бросил и его, уехал к брату во Владивосток. Там в апреле 1921 г., рассказывал он, устроился в Общественном собрании контролёром при лото. В майском перевороте не участвовал, хотя подбивали знакомые юнкера, в том числе Семён Бирич-младший и впоследствии убитый Антонович. Они заверяли Федорина в личной безопасности, ссылаясь на имевшиеся у них «записки от японцев». Вступить в СЭО его уговорил тот же Бирич. Зачем отправляются казаки на Север, Федорин не знал, слышал, что для спасения Родины и сохранения Камчатки за Россией. «Среди нас был слух, что Советская Россия продаёт Камчатку Америке... Я тайно от брата явился на “Кишинёв”, где был принят в отряд капитаном Грундальсом в качестве рядового-юнкера».

Илья Антонович Качанов родился в Тверской губернии в 1887 г. Образование имел домашнее. Плавал на речных (по Амуру) и морских судах. Человек семейный, четверо детей.

...Переписка по пересмотру результатов процесса 1923 г. заняла несколько лет. Проблема сильно осложнилась после заключения

Военной прокуратуры ТОФ 29 октября 1999 г. о признании приговора военно-революционного трибунала обоснованным, а осуждённых не подлежащими реабилитации. Дело сдвинулось с мёртвой точки после моего письма (15 марта 2001 г.) Генеральному прокурору Российской Федерации В. В. Устинову. «Ознакомившись с помощью УФСБ по Приморскому краю с архивно-следственным делом № ПУ-7648 на Бирича Х. П. и других участников экспедиции 1921 г. в Охотско-Камчатский край, Центр пришёл к выводу: виновность всех осуждённых по этому делу... не доказана, а сам процесс устроен в угоду политической конъюнктуре того времени».

Что касается особоуполномоченного, мои аргументы, по сути, не отличались от аргументов его адвоката. При внимательном изучении дела № ПУ-7648, подчеркнул я, можно обнаружить данные, свидетельствующие об обратном: «Бирич Х. П., как бывший камчатский рыбопромышленник, хорошо знающий край, проявлял заботу о нуждах населения, особенно в социально-экономической сфере, а его приказы с угрозами в адрес красных партизан-террористов имели цель помешать дестабилизации обстановки в области и успокоить мирных граждан, которых партизаны пытались всеми силами втянуть в конфликт с властями».

С ходатайством о реабилитации Х. П. Бирича и его поделельников, говорилось далее в письме, ЦДНИКО 31 января 2001 г. обратился в Главную военную прокуратуру, но та, сославшись на «неподнадзорность», отфутболила ходатайство «в Прокуратуру Приморского края г. Хабаровск» (курсив мой. — В. П.).

«Решили написать Вам, чтобы узнать, кто же на самом деле должен рассматривать наше ходатайство и будет ли оно рассмотрено объективно, на основании досконального изучения дела, в соответствии с Законами РСФСР и Российской Федерации о жертвах политических репрессий и их реабилитации».

4 апреля 2001 г. аналогичный текст был направлен прокурору Приморского края. Примерно в то же время мой адресат получил бумагу из Генеральной прокуратуры: «Направляю для рассмотрения обращение о реабилитации Бирича Х. П. с учётом указания Генпрокурора РФ от 6. 03. 01 № 12/13 “Об организации работы по исполнению Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий»”. О принятом решении прошу уведомить заявителя... Прокурор отдела реабилитации жертв политических репрессий Т. В. Вдовина».

17 мая 2001 г. Приморский прокурор переслал все материалы по делу Бирича и других в военную прокуратуру Тихоокеанского

флота, указав при этом на её заключение от 29 октября 1999 г. об обоснованности приговора 1923 г., в связи с чем «прокуратурой Приморского края обращение Пустовит В. П. не может быть разрешено по существу».

Итак, всё возвратилось «на круги своя». Поскольку судебнo-прокурорская машина редко когда даёт обратный ход, шансов на благоприятный исход дела было мало. Но, видимо, всё же сработали те несколько столичных строк, под которыми стояла подпись «Т. В. Вдовина». 7 августа 2001 г., разбирая служебную корреспонденцию, я вскрыл конверт с владивостокским штемпелем и с волнением прочитал: «Начальнику ОРАФ УФСБ РФ по Приморскому краю подполковнику Воловатову В. А... Директору ЦДНИКО Пустовит В. П. г. Петропавловск-Камчатский ул. Ленинская, 52 (для сведения). По миновании надобности возвращаю архивное уголовное дело № ПУ-7648 в отношении Бирича Х. П. и других. По делу составлены заключения и справки о реабилитации всех осуждённых. Приложение: архивное уголовное дело в двух томах, заключение на двух листах, справки о реабилитации на шести листах, всё только в первый адрес. Старший помощник военного прокурора ТОФ подполковник юстиции В. П. Куц».

Месяц спустя по моему запросу поступили копии реабилитационных документов. В заключении по делу от 26 июля 2001 г. говорилось: «Кулий, Ивлев, Полищук, Салатко-Петрище, Бек и Бирич осуждены необоснованно. В ходе предварительного и судебного следствия не добыто достаточно доказательств: организации Бекoм в контрреволюционных целях вооружённых восстаний или вторжения на советскую территорию вооружённых отрядов или банд, а равно о участии его в попытке в тех же целях захватить власть в центре и на местах или насильственно отторгнуть от РСФСР какую-либо часть её территории; организации Биричем в контрреволюционных целях террористических актов, направленных на представителей Советской власти или деятелей рабоче-крестьянских организаций; участия Кулия, Ивлева, Полищука, Салатко-Петрище в организации, созданной Бекoм. Изложенное свидетельствует о необоснованности отказа всем осуждённым в реабилитации».

В связи с тем, что Кулий, Ивлев, Полищук, Салатко-Петрище, Бек и Бирич были необоснованно осуждены за государственные преступления по политическим мотивам, на основании статьи 3-й Закона «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. они подлежат реабилитации».

ОСКОЛКИ ОСКОЛКОВ

В 1932 г., привлечённый по ст. 58-10 УК РСФСР за контрреволюционную пропаганду и агитацию, Е. А. Колмаков вспоминал о событиях десятилетней давности: «В момент отъезда с г. Петропавловска отряда Бочкарёва ко мне в городскую управу зашли пять или шесть бочкарёвцев с заявлением, что они хотят сдаться и остаться в г. Петропавловске. Фамилии бочкарёвцев... за исключением Прыткова, я не помню. Пришедшим бочкарёвцам я предложил прийти вечером в Народный дом, где на собрании граждан г. Петропавловска можно будет разрешить и их заявление.

1 ноября 1922 г. (а точнее, 2-го вечером. — *В. П.*) в Народном доме было городское общее собрание, куда пришли шесть бочкарёвцев, среди них был Прытков, вооружённые винтовками и гранатами, сложив своё оружие на клубную сцену, заявили собранию о том, что они отстали от отряда бочкарёвцев и хотят сдаться в штаб красных партизан, которого ещё не было в Петропавловске, но... ожидали со дня на день. Забрав оружие пришедших бочкарёвцев, на основании решения собрания, предложили им до прихода партизан жить в школе на озере».

«Камчатский листок», выпускаемый городским самоуправлением, отметил два происшествия 5 ноября 1922 г. Первое: «Во время охоты на нерп у Светлого ключика житель с. Сероглазка Иннокентий Косыгин, 16 лет, по неосторожности ранил Василия Черных, 17 лет. По дороге в Петропавловскую больницу Черных скончался». Второе: «Днём и вечером мирный образ жизни и спокойствие граждан нарушал гр. Чужих Андрей, который ходил по улицам в пьяном виде и выражался площадной бранью по адресу некоторых лиц. Ему вторил вой собак на озере». В 1920—1921 гг. Андрей Терентьевич Чужих заседал в Петропавловской городской Думе в качестве кандидата в гласные от компартии и профсоюза служащих и рабочих. И ещё одно происшествие в дни между белыми и красными: «у пристани Добровольного флота было выловлено около десяти берданок без затворов». Оружие предположительно выбросили в бухту солдаты, отъезжая 2 ноября на «Сишане».

6 ноября 1922 г. облнарревком и штаб партизанских отрядов обратились к населению Жупаново и Калыгира с воззванием по поводу ухода белых из Петропавловска. Воззвание содержало призыв «перестроить наши ряды от войны к хозяйству и показать нашим врагам, что мы не только можем говорить, но и мо-

жем действительно работать». 6 ноября в Петропавловске появилась группа разведчиков Н. П. Фролова, громко именуемая в краеведческой литературе «передовым отрядом». Основные партизанские силы вступили в город 10-го. В их составе находились соединившиеся с «сопочниками» усть-камчатские добровольцы (командир Созутов, заместитель Г. Трухин). 18 ноября Дальневосточный революционный комитет создал на Камчатке губернский ревком в составе: И. Е. Ларин (председатель), М. П. Щербаков и В. Д. Богомолов (члены).

К тому времени «ново-старая» власть уже образовала несколько отделов, и первым 11 ноября — юстиции во главе с В. Ц. Пересвет-Солтаном. Ему поручили учредить революционный трибунал «для рассмотрения дел о контрреволюционных и всяких иных деяниях, идущих против завоеваний Октябрьской Революции и направленных к ослаблению силы и авторитета Советской власти». В тот же день начались аресты. Ордера на обыски и изъятие людей выписывал комендант города Н. П. Фролов. В арестном доме очутились руководители Петропавловской Думы и городской Управы, а также граждане Пахомов, Казачук-Иванов, Тренёв, М. Ерохин, Киселёв, Костюков, Н. В. Флетчер.

Аресты производились не только в Петропавловске. В близлежащем селении Сероглазка сторонников соввласти было мало. «Два наших дома — отцовский, Косыгина Николая Иннокентьевича, и деда, Крупенина Ивана Васильевича, где жила Евдокия Ивановна Куро — считались партизанскими», — вспоминала в 1967 г. Н. Шамбарова-Косыгина. «Тётя Дуня увела меня однажды ночью к сеновалу и стала подавать ружья. Я складывала их на землю. А потом Евдокия Ивановна сбрасывала с обрыва в бухту. Долго её моя мать бранила, ведь могла сама погибнуть и меня погубить. Это оружие белые припасли для борьбы с партизанами. По ночам Е. И. Куро и моя мать шили одежду для партизан. Окна наглухо завешивали одеялами. Машину ставили на подушку, я крутила ручку машины. Приходили белые с обыском, но ничего найти не могли». Так ли это было в действительности, выяснить сегодня невозможно.

«В Сероглазке живёт значительная часть казацкого населения, занимающаяся в основном теми же видами хозяйства, что и в других сёлах», — докладывала командированная по деревням в связи с переВыборами в сельсоветы супруга ответственного секретаря Камчатского окрбюро ВКП(б) Н. П. Янковская. «Но ввиду того, что эта деревня является пригородной, она имеет одним

из побочных заработков снабжение города молочными продуктами, ягодами, торбазами, лыжами. Часть населения служит в городе». Завотделом работниц окрбюро Массюк дополняет Янковскую: «Деревня антисоветская, избалована губернаторскими подачками». Оба доклада датированы мартом 1927 г. За три года до этого 6 апреля 1924 г. у партийца Н. С. Понятаева сорвалась в Сероглазке лекция «Российская коммунистическая партия и классы». Председатель селькома объяснял это тем, что народа нет дома: часть в церкви, часть «разъехалась за утками в лес». Жило тогда в селе немногим более ста человек.

2 декабря 1922 г. в 17 часов из областного центра в Сероглазку отправился отряд из двенадцати человек. Командовал им помощник коменданта города В. С. Ревенко, которому поручили произвести арест четырёх «видных сероглазкинских контрреволюционеров»: В. Е. Крупенина, И. М. Дьячкова, Г. Н. Попова и Г. И. Томского. Чуванец Иван Дьячков вместе с русским Василием Крупениным свергал в 1918 г. красную власть в Петропавловске, сторожил в тюрьме совработников. Подпись Григория Никодимовича Попова (тоже сбрасывал Совдеп в 1918-м) в качестве секретаря селькома стоит под протоколом заседания Сероглазкинско-го сельского общества от 21 января 1922 г. «о вредных гражданах нашего селения, которые разводят разную смуту в нашем обществе». Сероглазкинцы считали виновниками всех кляуз и дразг, происходящих с момента революции в их селении, троих: Ираиду Щукину, Василия Ивановича Крупенина (числится в списках красных партизан 1928 г.) и его супругу Евдокию Ивановну, которая «позволила оскорбить председателя сельского комитета, а также конвой при аресте квартирантов» — компаньонов В. И. Крупенина. Жители Сероглазки постановили выдворить оных из селения — «препроводить их в распоряжение областной власти».

В канун 50-летия Великого Октября Евдокия Ивановна Куро-Крупенина была награждена медалью «За боевые заслуги», хотя Петропавловский горком КПСС представлял её к ордену Красной Звезды. В графе сведений о ней говорилось: «1893 г. р., русская, персональная пенсионерка, беспартийная. В 1921—1922 гг. оказывала помощь партизанам Камчатки (передавала продукты, лекарство). В 1921 г. за соучастие с партизанами арестовывалась».

Г. И. Томский попал в «видные контрреволюционеры» скорее всего из-за того, что у него дома собирался сельский сход. Гавриил Иванович подписал его постановление, призывающее партизан не беспокоить и не задерживать жителей Сероглазки.

Когда 2 декабря 1922 г. члены комендантского управления вошли в селение, им навстречу попались П. И. Дудко, И. Щукина и ещё какая-то, неизвестная Ревенко, женщина, её фамилии он не спросил. Партиец с 1920 г., Пётр Иванович Дудко являлся сторонником радикальных мер в отношении противников соввласти. В 1918 г. перед антисоветским переворотом в Петропавловске он высказывался в пользу казни учёного А. А. Пурина, педагога П. Я. Суслыка и их единомышленников.

Встречные предупредили Ревенко о засаде в доме В. Е. Крупнина — мол, она сделана «теми лицами, которые прибыли с моря и к которым вы сейчас идёте». Командир послал партизана Старцева и увязавшегося за ними с самого города гражданина И. Попова узнать, где находится этот дом, а по их возвращении приказал своим людям оцепить его и пока ничего не предпринимать, пускать в ход оружие лишь в крайнем случае, если по отряду станут стрелять. Ревенко с двумя подчинёнными и И. Поповым пошли к председателю селькома. Проходя мимо одного из домов, И. Попов указал на него, говоря, что там живёт Фёдор Попов.

Ревенко постучал. Из-за двери спросили, кто таков. Стучавший назваля и услышал: «Ни в коем случае я вам не открою». И. Попов, который стоял с командиром, произнёс: «Пойдёмте, а то как бы он не стал стрелять. Он человек такой». Ревенко сообщил председателю селькома, как встретили их у Ф. Попова, и попросил объяснить засадчикам: если они себе «что-нибудь позволят, то это отразится на всём селении». Потом вместе с председателем и секретарём селькома подошли к дому Г. Н. Попова. Председатель постучал в дверь, сказал, что нужно отряду в селении. Голос с той стороны двери отвечал: «Когда через мой труп переступите, тогда зайдёте в дом». Оставив наблюдение за домом Г. Н. Попова, двинулись к Василию Крупнину. Там сидел И. М. Дьячков. Был произведён обыск в этом доме, а также у Г. И. Томского, где изъяли оружие и патроны.

Оцепив дом Попова, Ревенко послал туда вместе с Крупниным Филоновича и Маркова, а сам остался за оградой «наблюдать за всем движением». Когда постучали в дверь, Попов закричал «во всю глотку»: «Никто не подходи!» Крупнин попросил хозяина подойти к окну. Тот подошёл. Крупнин стал уговаривать его не сопротивляться: дескать, со всеми арестованными разберутся, и ничего им не будет. Г. Н. Попов согласился открыть дверь. Все трое вошли в коридор, но тут же выскочили обратно с криками: «Берегитесь! Убегайте! Он с ружьём сейчас

будет стрелять». Ревенко видел, как следом за ними выскочил Попов, держа в правой руке ружьё. «Сделано два выстрела с нашей стороны, — описывал дальнейшее в своём рапорте В. С. Ревенко, — в это время выскочил отец его из дома, схватил ружьё и закрыл за собой дверь. Через некоторое время прибежал И. Попов и вскричал: “Старик, сдайся и отдай ружьё!” При этом оказалось, что Г. Н. Попов после двух выстрелов убит наповал, ружьё было взято у старика тов. Филановичем, мною был оставлен военный пост у трупа: произведён обыск, в доме обнаружены патроны 30/30 порохов дроб пули жаканы монтикрита больше ничего не обнаружено... При сём добавляю что мною у арестованных отобрали пушнина ниже следошая: сем штук выдрей, шест штук лисиц красных двадцат шест горностаев две медвежих шкуры две нерпичих шкуры».

Всё это, поступившее на хранение в Сероглазкинский сельком, было, по распоряжению отдела юстиции, 20 декабря сдано в комендантское управление, которое, сославшись на просьбу арестованных, заверило, что передаст, в свою очередь, доверенному фирме «Фукуда-Гуми».

В документе, направленном комендантом города Н. П. Фроловым в отдел юстиции 5 декабря 1922 г., уточняются обстоятельства смерти Г. Н. Попова. «...Попов с заряженным винчестером в руках хотел выйти на улицу тогда по распоряжению командира отряда было сделано два выстрела из револьвера, которыми убит на повал враг трудового народа. Мною сделано распоряжение сельским властям труп предать земле». 12 декабря Г. И. Томского освободили под подписку о невыезде, а через пару дней разрешили выехать на охоту. А. И. Томская (его жена?) и И. И. Щукина фигурируют в документах 1926 г. Им было поручено созвать 12 марта общее собрание женщин Сероглазки для обсуждения их участия в избирательной кампании по выборам в сельский Совет.

И. М. Дьячков, как и Томский, в 1922 г. долго не задержался в арестном помещении. Но в 1933 г. сел на девять месяцев как пьяница, а в 1938 г. расстрелян за принадлежность к контрреволюционной организации «Автономная Камчатка». Ранее такое же обвинение было предъявлено работнику облсуда Евгению Павловичу Мильскому. Свидетель Ф. Белай показал: «В период разгрома банд Бирича и Семёнова (?! — В. П.) на Камчатке много красных партизан было репрессировано и заключено под стражу на пароход “Свирь”, вместе с ними был заключён и Мильский. Заключение последнего было для нас с первых дней непонятным, потом

стало ясно, что Мильский посажен для провокации среди партизан. Мильский от своего имени посылал некоторых лиц из команды парохода “Свирь” с предложением принять патроны, якобы он оказывал помощь партизанам. Но на самом деле он хотел зверской расправы с партизанами. Провокация не удалась, и Мильский был освобождён, это бросилось в глаза, что к нему стали на попойки приходить офицеры». Его супруга Ираида Щукина заявила чекистам, что он израсходовал на свои нужды деньги, которые дали ей красные партизаны на закупку продуктов, не пошевелил пальцем, чтобы добиться освобождения Рябикова, и вообще являлся провокатором. Мильский разделил участь Дьячкова, опередив его лишь на несколько лет.

1 декабря 1922 г., накануне сероглазкинских арестов, в облнарревком поступила бумага от коменданта Н. П. Фролова. «На Ваше отношение от 23 ноября с. г. за № 856 доношу, по имеющимся сведениям гражданин Байкалов вместе с товарищем Рябиковым был осуждён военно-полевым судом на пароходе “Свирь” к смертной казни. Для приведения в исполнение приговора белобандитами был распущен слух, что их отправят во Владивосток, но, как известно, они были разстелены здесь в Петропавловске и выброшены в Авачинскую бухту, а относительно Бунина ничего не известно».

23 декабря 1922 г. В. Д. Богомоллов докладывал М. П. Вольскому: «...по всей Камчатской области имеется семь партизанских отрядов, из них два находятся в Петропавловске, один в Тигиле, один в Хайрюзово, один в Утхолоке, один в Ковране и один в Усть-Камчатске. В Петропавловске — отряд губревкома в количестве 67 чел., командир отряда Богомоллов, его заместитель Метальников. В отряде состоят: приезжих — 51, местных — 4, корейцев — 12. Вооружение: винтовок — 8 штук, винчестеров калибра 30/30 — 30 штук, винчестеров 30/40 — 29 штук. Всего 67 штук. Снаряжение: патронов у каждого по 100 штук, вещевые мешки, подсумки и патронташи имеются не у каждого. Обмундирование: казённое невоенного образца, качество среднее, к походу негодное. Довольствие: казённое, паёк солдатский мирного времени.

Первый Усть-Камчатский экспедиционный отряд: командир отряда Созутов, его заместитель Трухин Григорий, численность 46 человек: приезжих — 19, местных — 18, корейцев — 9. Вооружение: винтовок 6 шт., винчестеров калибра 30/30 — 32 шт., винчестеров калибра 30/40 — 8 штук. Всего 46 штук. Снаряжение: патронов у каждого по 100 шт., подсумки и патронташи имеются

не у каждого. Обмундирование: казённое невоенного образца, качество среднее, к походу непригодное. Довольствие: казённое, паёк солдатский мирного времени...

Тигильский отряд — 65 человек, командир Юшин, местный житель. Весь отряд состоит из местных жителей... Вооружение, снаряжение, обмундирование и довольствие собственное. Хайрюзовский отряд, численность его неизвестна. Командир отряда Писня (приезжий). Весь отряд состоит из местных жителей. Вооружение, обмундирование и довольствие отряда собственное». То же самое сообщал Богомолов об Утхолокском и Ковранском отрядах: командиры Суздалов и Притчин приезжие, а отрядники местные, о количественном составе того и другого сведений нет. Численность отряда Яворского, где все «на чисто добровольческих началах», была известна: около шестидесяти человек. В докладной особо оговаривается, что люди Яворского «всё время... под наблюдением уполномоченного губревкома Лукашевского».

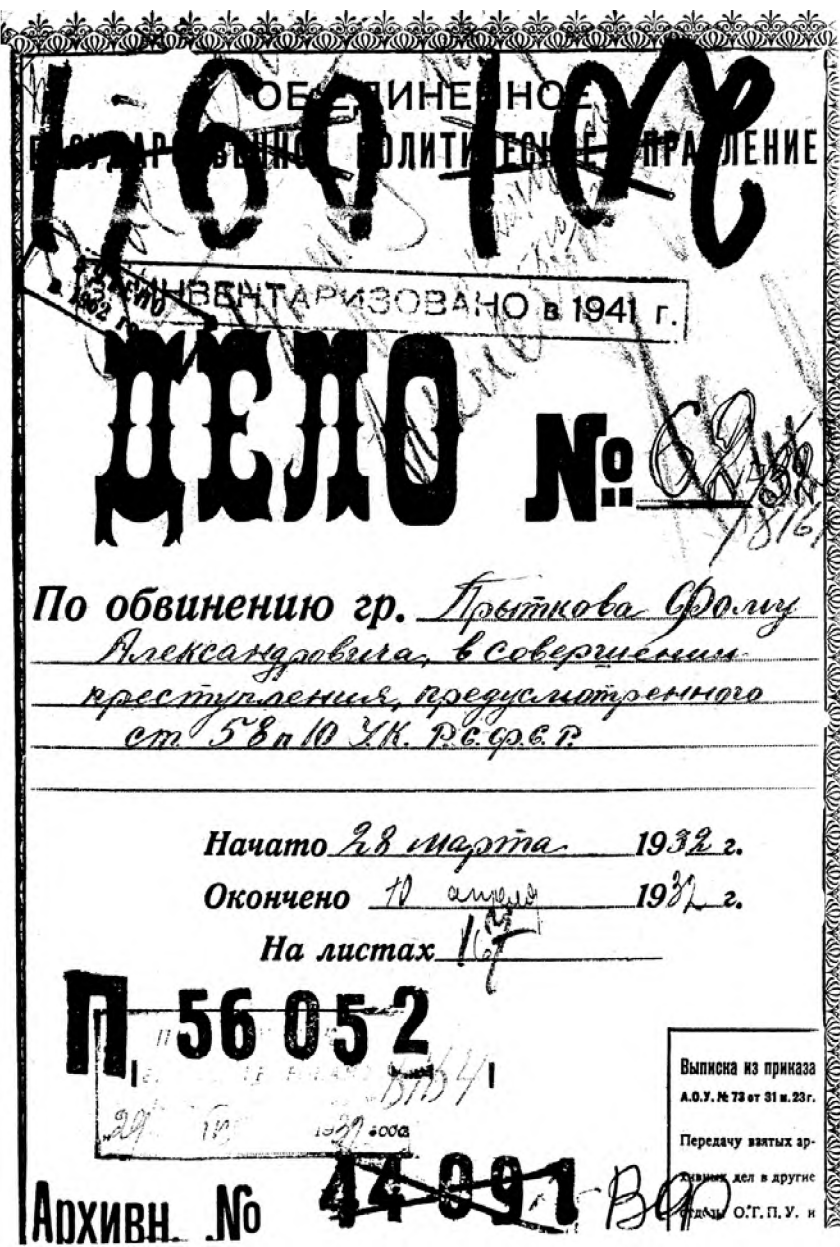
Ревотряд губревкома поблагодарил П. Т. Косицину «за пожертвованный ею труд на пошивку разного белья товарищам отрядникам». К 1 февраля 1923 г. в адрес Камчатского губревкома на нужды ревотрядов поступило много всяких вещей от разных организаций. Ключевской женский комитет прислал четыре пары стёганных прикопыток, олени шапки, торбаса котиковые, ламутский малахай, дрелёвые кальсоны, ситцевые, фланелевые и триковые рубашки, фельдикосовое бельё, носовые платки, чай кирпичный, папирсы «Канарейка», спички. Толбачинские женщины презентовали безрукавые фуфайки, демисовую тужурку, брюки хаки, триковые жилетки, махровые полотенца. Среди подарков, собранных Крестовским, Камыкским и Харчинским селькомами, были камусные рукавицы, вязанные перчатки и кальсоны, олени шкуры, носки простые, коровьи и лахтачные подошвы. В посылке из Пуцино находилось три аршина чёртовой материи, два горносталя, камусные торбаса, чай кирпичный и налечка — 18 йен. Разбирала мешки с присланными вещами и составляла опись комиссия: завпрод В. Чекмарёв (председатель), И. Т. Косицын и Д. Спивак (члены) при старшем милиционере А. Дьякове.

...Бочкарёвцев, которые не пожелали эвакуироваться с Русской армией, месяца полтора после занятия города партизанами не трогали (за исключением разве что Простокшина). По истечению этого срока Н. П. Фролов предложил старшему рабочему Петропавловской сельхозфермы «в срочном порядке выслать в канцелярию Губернской милиции сегодня же 28 декабря 15 час. всех

белых, оставшихся от черносотенного правительства, находящихся на с/х ферме». Аналогичные распоряжения были отданы Сероглазкинскому и Завойкинскому сельским комитетам. В государственном архиве Камчатского края имеется список этих людей [ГАКК, ф. 16, оп. 1, д. 1, л. 88—88 об.] без обозначения даты. В нём указаны фамилии, имена и отчества «оставшихся военных», на чём прибыли, их чины и место нахождения.

1. Берцалкин Борис Иванович, «Свирь», подхорунжий.
2. Митрофанов Михаил Павлович, «Свирь», солдат.
3. Ишменёв Емельян Павлович, «Свирь», урядник, с. Завойко.
4. Краюшкин Василий Александрович, «Свирь», с. Завойко.
5. Раздобреев Василий Дмитриевич, «Свирь», урядник, ферма.
6. Паначев Михаил, «Свирь», урядник, ферма.
7. Гордеев Филипп, «Свирь», урядник, тюрьма.
8. Вдовин Павел, «Свирь», урядник, тюрьма.
9. Гаученов Фёдор Васильевич, «Свирь», урядник, тюрьма.
10. Вологдин Михаил, «Свирь», урядник, тюрьма.
11. Мальцев Косьма Иванович, «Свирь», ротный писарь, тюрьма.
12. Маковецкий Казимир Николаевич, «Свирь», офицер, тюрьма.
13. Просток(и)шин, «Томск», фельдшер, тюрьма.
14. Оссе Адольф Антонович, «Томск», подхорунжий, портной при ревотряде.
15. Предков Фома Александрович, «Томск», ферма.
16. Брежнев Фед. Фед., «Томск», ферма.
17. Галунов Фёдор, «Свирь», артельщик на Кошке.
18. Зорич Михаил Иванович, («Сишан»?), в Конюхове?
19. Шорин Сергей Арт., («Сишан»?), с. Завойко.
20. Жилияков Арс. Федот., («Сишан»?), с. Завойко.
21. Светляков Ст. Ив., («Сишан»?), с. Завойко.
22. Бойко, («Сишан»?), на Конюхова.
23. Рыпинский Леонид Константинович, (д. Нимова?).
24. Мехоношин Николай Сергеевич, (д. Нимова?).

«По приходу партизан, — вспоминал Е. А. Колмаков, — Прытков на с/х ферму был послан на работу, остальные были партизанами арестованы, дальнейшую судьбу их не знаю». 6 января 1923 г. губбюро РКП(б) дало указание начальнику ГПУ «закончить в ударном порядке в двухдневный срок все дела содержащихся под стражей белогвардейцев в Петропавловске». В конце декабря в арестный дом приводят Д. М. Бадаха, И. А. Шкляева и А. Я. Чернышёва. Тогда же председатель следственной комиссии ревтрибунала Трухин 2-й просит коменданта города зачислить за ней арестованного

ОБЪЕДИНЕННОЕ
СОВЕТСКОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

ИНВЕНТАРИЗОВАНО В 1941 г.

ДЕЛО № 1816

По обвинению гр. Прыткова Фролу
Александровича, в совершении
преступления, предусмотренного
ст. 58 п. 10 У.К. РСФСР.

Начато 28 марта 1932 г.

Окончено 10 апреля 1932 г.

На листах 167

П 56 05 2
15.11.1934
1932-0003

Выписка из приказа
А.О.У. № 73 от 31 м. 23 г.
Передачу вытых ар-
хивных дел в другие
подразделения О.Г.П.У. и

Архивн. № ~~44 091~~ ВАР

Обложка дела по обвинению Ф. А. Прыткова в контрреволюционных преступлениях, 1932 г. (из фондов ГАКК)

В. И. Гайдамака, что встречал казаков генерала Полякова хлебом-солью.

Родился Василий Илларионович в 1881 г. в украинском селе Великие Бубны в крестьянской семье, писался русским. В армии дослужился до унтер-офицера. На Камчатке с 1909 г. До 1919 г. поставщик печёного хлеба на военные корабли, заходившие в Петропавловский порт. В 1917—1928 гг. смотритель маяка, кладовщик морского ведомства, экспедитор горместхоза. 12 марта 1917 г. избран общим собранием горожан в комиссию по выяснению наличия продуктов первой необходимости, один из ревизоров полицейского управления. 27 июля 1917 г. местная газета опубликовала письмо пятнадцати граждан Петропавловска, где указывалось на «странный, если не сказать более, поступок Гайдамака, который, пользуясь правом милиционера, запретил играть в кофейной на гитаре. Гайдамак всегда и всюду ораторствует, и к делу и без дела, теперь помалкивает. Пакостлив, как кошка, труслив, как заяц. А избран даже членом Областного Комитета. Невольно навёртывается пословица: “Куда конь с копытом, туда и рак с клешней”».

В феврале 1931 г. инспекция труда и РКИ снимает его с заведующих Петропавловской пекарней а чекисты записывают в своих бумагах: «к делу относится халатно, больше уделяет внимание своим личным шкурным интересам, на своей лошади развозит муку и хлеб, тем самым к основному заработку 400 руб. зарабатывает на лошади 300 руб. в месяц». Гайдамак обвинялся по ст. 58 п. 2, 6, 11 УК РСФСР. Расстрелян вместе с другими «автономистами» в начале января 1934 г.

В приведённом выше списке оставшихся военных нет Алексея Васильевича Крысина. Возможно, он, подобно Мытнику, попал на Камчатку из Гижигинского уезда позднее. Так, 22 сентября 1923 г., по сообщению «Полярной звезды», в Петропавловск из Гижиги пришла японская шхуна, арестованная в устье реки Уйкан, где хищническим способом ловила рыбу. «На шхуне прибыла партия военнопленных бочкарёвцев и поляковцев». Во второй половине 1920-х гг. Крысин жил в Петропавловске на ул. Ленинской в доме 17. Этот адрес указан на его заявлении в губревком и окрбюро ВКП(б). «В 2 часа ночи 12 июля 1927 г. я был арестован следственным органом ОГПУ. Началось следствие, которое тянулось целый месяц, и из-за недоказательством преступления меня освобождают под расписку, возникает вопрос: чем руководствуется следственный орган ОГПУ, арестовывая меня перед самым отъездом

на материк, когда я уже был уволен со службы окрздрава, почему ОГПУ меня не арестовало тогда, когда я служил ещё в окрздраве, если она знала, что совершил преступление по ст. 58 и 59 УК. И теперь, продержав месяц в исправительно-трудовом доме, меня освобождают, и я остаюсь без службы и без всяких средств к существованию. Спрашивается: что я должен делать?» Виновным в чём-либо А. В. Крысин себя не считает. У него одна просьба к властям: не препятствовать выезду с Камчатки. Ещё одно заявление, датированное тем же 30 августа 1927 г., адресовано краевому прокурору. Крысин жалуется на то, что сидел тридцать суток, а обвинение предъявили на 16-е, и вообще действия ОГПУ неправильны. «Дальнейшего разбора дела местным органом не доверяю. Прошу Вас срочно расследовать дело... Прошу ходатайствовать верховной прокуратурой узнать контрреволюцию данной местности».

В конце 1922 г. в губревкоме произошли кадровые перестановки. 21 декабря на крейсере «Командарм Уборевич» в Петропавловск прибыл экспедиционный отряд 5-й армии, занявшей Владивосток. Он состоял из отдельного батальона, артиллерийского взвода, техкоманды, команды «автоматчиков», двух разведпартий и штаба. Всего 300 чел. Командовал этим отрядом, именуемым «войсками Охотско-Камчатского края», М. П. Вольский (настоящая фамилия Мышкин). 19 декабря крейсер, ещё с моря, запросил Петропавловск: «Чья власть в городе?» Ему ответили, что — ревкома. «Чем докажете?» — не поверили на корабле...

По воспоминаниям П. Д. Брагина, красноармейцы приехали в ясный зимний день. Пароход стал на якорь у мыса Сигнального. На шлюпке к нему направились командующий партизанскими силами В. Д. Богомолов и начальник штаба Н. П. Фролов в сопровождении трёх партизан, в том числе Брагина.

23 декабря губревком пополнился М. П. Вольским и прибывшим с ним ответственным секретарём Камчатского губбюро РКП(б) В. М. Кручиной. Председателем губревкома был назначен М. П. Савченко. И. Е. Ларина командировали представлять Камчатку в Приморском Рыбном управлении, поручив ему выдать во Владивостоке единовременное пособие (не свыше месячного прожиточного минимума) семье Л. Тушканова, погибшего в бою на Петропавловской сельхозферме.

Леонида Тушканова и двух других кочегаров «Свири» Александра Козырина и Павла Семенчука упоминает в своих воспоминаниях Н. П. Фролов. «Все эти молодые ребята оказались подлинными матросами революции, ибо шли по следам потёмкинцев,

и судьба им была уготована такая же... Им удалось спаять идеей сопротивления группу до 30 человек...: пленённые в г. Охотске красноармейцы Паненко и Горбенко, рабочие Губанов, Вильгельм Меднис (эстонец); машинист В. Громов с парохода «Кишинёв», матросы Веретёшкин и Митяй с парохода «Взрыватель», петропавловские жители; алеутка Ага (жена партизана Горбенко), Фёдор Иванов (брат учительницы Морозовой) и, что весьма интересно, бывший командир парохода «Свирь» времён царского флота Александр Никитич Чурилов, разжалованный ещё при монархии».

3 апреля 1922 г., сообщает Фролов, на корабле был зачитан приказ адмирала Старка о предании их военно-полевому суду «штаб-тройки», а 5-го числа А. Козырин и братья Михаил и Леонид Тушкановы уже добрались до партизанского лагеря. «Вскоре, — пишет Н. П. Фролов, — моряки обратились с большим открытым письмом-воззванием к гарнизону белых войск... с призывом: «...проснитесь же от дикого сна, отрубите руки палачей, которые вас били, вырвите языки, которые вас оскорбляли и обманули, и идите к нам». Такой оборот дел заставил белогвардейское командование отменить смертную казнь оставшемуся в их лапах Павлу Семенчуку, но «для порядка» они «всыпали» ему и отравили во Владивостокскую тюрьму, где бедняга томился до прихода Народно-революционной армии под командованием Уборевича... Леонид Тушканов, будучи классным радистом, по линейному телефону контролировал передачи белогвардейской радиостанции. Брат Леонида Михаил был самым юным бойцом в Петропавловском отряде красных воинов — ему шёл тринадцатый год!»

М. М. Мытник тоже служил на бочкарёвском судне, только меньших размеров. Это был катер начальника СЭО и попал на него Моисей Михайлович не совсем обычным образом. 1921 г. он в числе двенадцати других рабочих ехал на прииски Холмса. В Охотске их заставили пересечь со «Взрывателя» на один из пароходов с военными. Затем они очутились на главной базе начальника СЭО в Наяхане. Там В. И. Бочкарёв назначил М. Мытника старшиной катера «Латрой Марко», которым командовал капитан Ивлев. «На катере... мы совершали рейсы по северному побережью Охотского моря, — вспоминал Мытник, — бывали в пунктах Гижига, Охотск, Ола и других.

В 1922 г. Бочкарёв на этом катере вёз пушнины пятнадцать мешков в Олу, где проживала его жена. Когда мы проходили селение Туманы, я начал чистить паклей вал, вернее муфту, держа в той же руке ключ. В силу того, что валом вместе с паклей захватило

моей руки ключ и задёнуло под вал, то последний изогнулся, и мы вынуждены были высадиться на берег ниже с. Туманы в семи верстах. После выгрузки пушнины и снятия мотора Бочкарёв нам приказал корпус катера сжечь. Из Туманов мы пешим порядком добрались до с. Аямск, а затем берегом же дошли до Олы. В этот раз с Бочкарёвым следовало десять человек.

С началом зимнего пути Бочкарёв с частью офицеров выехал в Гижигу, а мы, четыре человека, остались в распоряжении бочкарёвского уполномоченного по фамилии Беренс. Спустя приблизительно полтора месяца... Беренс нас направил, тоже на собаках, в Гижигу, куда мы прибыли к началу апреля 1923 г. Прожив в Гижиге, мы получили сообщение, что город Владивосток и Петропавловск заняты соввойсками, то тогда Бочкарёв дал распоряжение: кто не хочет оставаться, может идти на все четыре стороны. После этого распоряжения я, Крисов Семён Маркович, Тюнин и Пахаруков выехали на займку в пятидесяти верстах от Гижиги. Туда нас сопровождал некий Говорин, ныне проживающий с сыном в Петропавловске (ему лет пятьдесят с лишним)...

Указанная мною выше пушнина, перевозимая на катере в количестве пятнадцати мешков, была отобрана частично у торговцев и большей частью у местного населения пунктов Гижига, Наяхана, Марково и других... за которой посылались специальные команды, как сухопутно, так и на катере «Латрой Марко». Пушнина отбиралась для приобретения валюты...

После ликвидации отряда Бочкарёва всех нас, Бочкарёвцев, направили частью непосредственно в г. Владивосток и часть через порт Петропавловск на захваченной хищнической шхуне японской. Здесь, в г. Петропавловске, из отряда Бочкарёва остались мы двое: я и Крысов Семён Маркелович, последний в отряде Бочкарёва занимал должность хлебопёка. Остановившись в г. Петропавловске, я устроился на квартире Самсоновича, и вместе с Крысовым стали брать подряд по перекрытию и ремонту крыш. На этой работе я проработал около месяца, затем перешёл в грузчики порта.

В ноябре 1923 г. выехал на охоту с Косыгиным Эмм. в Кроноцкий заповедник, не имея на то документов. Впоследствии в этом я был уличён и подвергнут (бобры) судебной ответственности, то есть приговорён к четырёхмесячному заключению в исправительно-трудовом доме, а после кассации два месяца отбыл условно».

Начало 1923 г. ознаменовалось двумя событиями: появлением камчатского губотдела ГПУ и коммунистической газеты «Полярная звезда» взамен «Камчатского листка». Новый печатный орган

в № 1 за 1 января сообщил: «На крейсере “Главком Уборевич” отправлено 23 человека бывших военнослужащих белых банд». Ответственный секретарь губбюро РКП(б) В. М. Кручина телеграфировал в Читу своему партийному начальству: «В Петропавловске организован и приступил к работе народный суд тчк 13 февраля состоялось первое судебное заседание губревтрибунала зпт один из творцов камчатской контрреволюции начальник милиции Пригоровский приговорён к пяти годам лишения свободы с конфискацией всего имущества тчк В целях информации населения происходящих настоящее время событиях губбюро РКП(б) выпускается на всю область плакатный вестник тчк №№ 1 и 2 вышли и отправлены 8 и 13 февраля».

Обвинение Дмитрия Ивановича Пригоровского строилось на его работе «в организациях, действовавших на свержение власти Советов и Рабоче-крестьянского Правительства, равно и в содействии белым укрепиться в г. Петропавловске». Бывшему начальнику гормилиции были определены условия заключения: «со строгой изоляцией и без права амнистии».

«В понедельник 26 февраля, — писала «Полярная звезда», — в здании клуба им. Третьего Интернационала состоялась 2-я сессия губревтрибунала под председательством гр. Рубцова при членах гр. гр. Ларичеве и Святом, защитник, назначенный судом гр. Журавский и общественный обвинитель гр. Охаккин. Разбиралось дело бывшего смотрителя Авачинского маяка И. И. Шантина, обвиняемого в передаче белогвардейцам 12 пудов пороха и непропорциональном распределении муки между маячными служащими ещё во время пребывания здесь уполномоченного так называемого бандитского Меркуловского правительства. Перед судом предстал Шантин — старик-крестьянин, собственными усилиями вылезший в мелкую интеллигенцию. На судебном заседании устанавливается, что не было злого умысла в преступлении и что только стечение обстоятельств и ложные показания свидетеля Комарова (который постановлением суда привлечён к ответственности) привели Шантина на скамью подсудимых с таким тяжёлым обвинением...»

Через номер, 7 марта, газета напечатала текст приговора. «Именем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики Камчатский Губернский Революционный Трибунал, рассмотрев дело подсудимого Шантина Ивана Ивановича по обвинению его в преступлениях, предусмотренных статьями 68 и 187 УК РСФСР, постановил: принимая во внимание, на основании

свидетельских показаний на судебном следствии по его делу, недоказанность состава преступлений, предусмотренных указанными статьями, но, имея ввиду, что подсудимый Шантин И. И. не оформил передачи пороха белобандитам в должное время и совершил сделку с торговым предприятием, не оформив такую в официальном порядке, а равно и без предварительного согласия на этой сделке заинтересованных лиц, Камчатский губревком, руководствуясь революционной совестью и социалистическим правосознанием, согласно ст. 9 УК РСФСР в отношении подсудимого Шантина И. И., 56 лет, женатого, имеющего трех детей, крестьянина по происхождению, имеющего место прописки г. Владивосток, по профессии классного медицинского фельдшера, получившего образование в Кронштадтской фельдшерской школе, имущества не имеющего, под судом и следствием не состоящего, отношении к воинской повинности имеющего общее, по политическим убеждениям беспартийного, занимавшего должность Смотрителя Петропавловского маяка, проживающего в г. Петропавловске на Камчатке, за все перечисленные выше упущения мерой наказания назначить общественное порицание согласно ст. 44 УК РСФСР... Подсудимого Шантина Ивана Ивановича из-под стражи освободить...»

16—17 апреля 1923 г. суд рассматривал дело Петра Александровича Крупенина, 1893 г. р., служившего до февраля 1917 г. в Петропавловской уездной полиции, затем — в милиции, как демократической, так и советской. Когда Охотско-Камчатский край перешёл под юрисдикцию Временного Приамурского правительства, подсудимый на службе не состоял, что, однако, не помешало губревтрибуналу обвинить его «в преступлениях, совершённых им в бытность пребывания на Камчатке банд Полякова, Бочкарёва и доверенного купца Меркулова Бирича, выразившихся в активном пособничестве укреплению на Камчатке власти врагов трудового народа, продавшихся японской буржуазии».

П. А. Крупенину вменялось в вину также участие, притом активное, в 1918 г. «в бело-эсеровской организации по свержению Советов и провозглашении Камчатской автономии», хотя никакой бело-эсеровской организации тогда (да и потом тоже) не существовало, советскую власть свергли камчадалы во главе с учёным-сейсмологом А. А. Пуриным, первым демократически избранным руководителем области, а так называемая «автономия» была провозглашена на время как защита от иностранной интервенции в условиях начинающейся в России гражданской войны.

Обвинителем на процессе выступал работник губпрокуратуры В. С. Романовский, экспертом врач П. П. Рубецкий, защитником — И. Ф. Голованов. П. А. Крупенину дали четыре года, записав в приговоре, что на него «пяtilетний срок давности... ввиду не прекращавшейся преступной деятельности обвиняемого, не распространяется». С зачётом предварительного заключения ему надлежало отсидеть три с половиной года. Защита выразила удовлетворение вынесенным приговором.

23 июля 1923 г. выездная сессия Приморгубсуда завершила разбор «думского дела», присудив председателя Петропавловской городской Думы Ч. К. Щипчинского, его товарища (заместителя) П. Т. Новограбленова, городского голову Е. А. Колмакова и гласного В. И. Артюхина к пяти годам заключения условно с конфискацией четверти имущества. В связи с пятилетием Октябрьского переворота срок наказания сокращался наполовину. Осуждённым инкриминировалось сотрудничество с Приамурским правительством и неподчинение указаниям ушедшего партизанить облнарревкома. Остальные девятнадцать привлечённых к суду думцев подверглись общественному порицанию.

31 июля та же выездная сессия вынесла постановление о прекращении судебного преследования о. Михаила (Ерохина). Летом 1923 г. на пароходе во Владивосток был отправлен епископ Охотский Даниил; есть сведения, что он потом попал на Соловки, где и окончил свой земной путь. Взятого под стражу по приезде из бухты барона Корфа за хранение контрреволюционной литературы о. Леонтия (Яковлева) выпустили в 1924 г.

24 июня 1923 г. читатели «Полярной звезды» обнаружили в свежем номере газеты объявление, подписанное заведомо управления губревкома М. Щербаковым и начальником губернской милиции Н. Фроловым: «Всем находящимся на территории Камчатской губернии учреждениям, обществам, магазинам, киоскам и всему населению сдать в недельный со дня опубликования настоящего объявления срок в управления городской, уездных, районных и участковых милиций изданную в период управления так называемых правительств “Бр. Меркуловых” и “Дитерихса” литературу (брошюры, листы и т. п.), явно враждебную Советскому правительству и бывшему правительству Дальневосточной республики и носящую погромный или черносотенный характер. Виновные, не сдавшие в указанный срок литературу, будут привлекаться к ответственности по ст. 84 УК РСФСР».

ЛИКВИДАТОРЫ

В книге советского историка С. И. Гарусова «Разгром бело-гвардейщины в Охотско-Камчатском крае» (Магадан, 1963) можно прочитать, что 17 марта 1923 г. В. И. Бочкарёв расформировал СЭО. Если это событие имело место, то оно произошло, когда большая часть пути ликвидаторами была уже пройдена. По одним данным, две разведпартии по десять бойцов в каждой вышли из Петропавловска 17-го, по другим — 18 января 1923 г. Оба подразделения получили общее задание: уничтожить остатки бочкарёвского формирования.

В 1960-е гг. Центальный государственный архив Советской Армии предоставил исследователю Р. Юшину списки личного состава разведгрупп. Первая состояла из ротного командира стрелкового батальона Григория Чубарова, политрука Андрея Чернова, лекарского помощника артвзвода Филиппа Русина, красноармейцев Александра Макорина, Даниила Высоцкого, Селиверста Верёвкина, Ивана Зверева, Ивана Карандашева, Дениса Никитина, Парамона Козлова. Вооружены красноармейцы были пулемётами, трёхлинейками, пятизарядными кольтами.

Первым крупным населённым пунктом на их пути было с. Завойко. Но красноармейская благодарность завойкинцам, жителям Хутора «за радушный приём во время их маневренных заходов в эти селения» была помещена в газете только в марте. Надо полагать, из соображений маскировки. А в январе Г. Чубаров доносил командованию из Завойко: «Остались ночевать, всё благополучно. Дальше продолжать путь сегодня не могу ввиду того, что собаки выбились из сил; бойцы тоже устали, всё время шли на лыжах. Завтра, 20-го, предполагаю выступить в пять часов. Телеграф здесь не работает, попорчен».

Из Петропавловска до Начик разведгруппы добрались за три дня. В этом селении раньше находилась ставка партизанского вожака И. Е. Ларина. 15 марта 1922 г. он записал в своём дневнике: «В десять часов пошли в горячие ключи купаться. Юрта, печки не было, холодно чересчур раздеваться. Но когда опустился в воду — очень приятное ощущение: кругом снег; по склонам, сходящим к ручью, земля талая, бегут маленькие струйки; вода, от которой струится пар. Главный ключ берёт начало далеко от ванны. Ванна устроена плохо: небольшой сруб, как наш русский амбар, плотик и спуск для воды.

Когда сидишь в ванне и намочишь голову, то волосы на последней после некоторого времени начинают замерзать. После купания здесь же помыл полотенце и платочки. Пока мыл бельё — остыл, одеваться холодно. Скорее оделся, одел лыжи и побежал домой. По пути к ванной взял ружьё, думал по дороге поохотиться на куропаток. Хотя видел, один раз стрелял (правда, далеко и неловко было стрелять) — ничего в результате не убил».

От Начик каждая разведпартия пошла по своему маршруту. 21 января. Из сводки первой разведпартии: «Движение очень медленное ввиду отсутствия дороги. Дорогу прокладываем на лыжах». В Апаче Г. Чубаров и его подчинённые были утром 25 января, вечером 31-го вошли в Мономахово (ныне Соболево). «Остановились дневать. Ожидаем из Большерецка тов. Чернова с продуктами». 7 февраля — Хайрюзово, 8-го — Утхолок. Выступив из Утхолока утром 9-го числа, в полдень разведгруппа прибыла в Тигиль. «Население относится хорошо. Жертвует тёплое обмундирование». В Тигиле бойцы отдыхали четверо суток.

По данным Т. Ф. Косыгина, здесь к чубаровцам присоединилось одиннадцать тигильчан: Павел Чертовский, Николай Пензин, Иннокентий Юшин, Андрей Мухин, Никифор Наседкин, Николай Федотов, Алексей Наянов, Николай Баранников, Николай Панкарин, Пантелей Логинов, Тимон Косыгин. Командир — Мухин. Рекомендован П. И. Юшиным: «Из морского бывшего казачества, пятьдесят лет, способный для разведки. Первый зачинщик уничтожения банд в Тигиле. Как и мы все, никаких образовательных и военных цензов не имеет, но только человек со смекалкой».

15 февраля первая разведпартия выступила из Тигиля на Амаино. Дальше двигались на нартах. В Лесновском остановка: нечем кормить собак. Житель Паланы, вернувшийся из Караги, сообщил, что через село Подкагерное едут пятеро бочкарёвцев. Лесновское красноармейцы и партизаны покинули только 4 марта. Через шесть дней они прибыли в Подкагерное, но белых не застали. Коряки сообщили, что те уехали на восточный берег.

18 марта. «На пути в Каменское встретили отряд белогвардейцев в количестве девять человек под командой капитана Грундульса, который передвигался в бухту барона Корф. Отряд ликвидирован. Семеро убито, двое взято в плен. С нашей стороны потерь нет. По сведениям пленных, десять белогвардейцев под командой полковника Шевчунаса выехали из Гижиги по направлению с. Марково для сбора пушнины, сам Бочкарёв с отрядом

в 25 человек, находится в Гижиге и, как видно из показаний пленных, собирается бежать в Анадырь-Аляску».

Известны три описания ликвидации отряда капитана Константина Петровича Грундульса. Начнём с краткого, содержащегося в письме Пантелеймона Логинова Р. Юшину от 30 мая 1967 г. «В Рекинниковском доле произошла наша первая встреча с белогвардейцами. Их было десять человек. Оставив в живых женщину — жену капитана Грундульса — и двух мобилизованных музыкантов — студентов Владивостокского коммерческого училища, и уничтожив остальных, мы поспешили дальше, на север...»

Рассказ другого участника событий Тимона Филаретовича Косыгина (в записи журналиста П. Козлова): «...приехали кочевые коряки и сообщили, что с западного побережья навстречу едет нартовый отряд белых под командой какого-то капитана... На перевале Урылгин мы устроили засаду. Как только караван поравнялся с нами, Чубаров вскочил и крикнул: “Стой! Руки вверх!” Передняя нарта остановилась. С неё соскочил какой-то человек. “Кто вы такие?” — заорал он, хватаясь за винтовку и целясь в Чубарова. В это мгновение раздался выстрел. Беляк упал. С пистолетом, из которого только что прогремел выстрел, подбежал к нартам Чернов. “Сдавайтесь, гады!” А Чубаров сбоку: “Не шевелиться! Обыскать их, ребята!” Мы быстро окружили бандитов, сняли с них награбленные кухлянки. Удивлению нашему не было предела, когда один из беляков оказался... женщиной. Это была жена убитого капитана. Но Григорий Иванович вовсе не удивился. Он вытащил из полевой сумки какой-то список и проверил по нему пленных. “Барановскому отойти на десять шагов в сторону! Женщине — тоже”. Наш командир поднял платок. Громыкнул общий залп...»

Более подробно данный эпизод излагается в рукописи Р. Юшина «Первая схватка» (1967 г.): «...Вскоре дозорные увидели быстро мчащуюся оленью упряжку с одним седоком. Подпустили, задержали. Коряк что-то возбуждённо говорит по-своему, оглядываясь и показывая назад рукой. — Он говорит, — переводит подоспевший Лонгинов, — что недалеко едут девять вооружённых белогвардейцев и с ними одна женщина. Они ни о чём не подозревают...»

— К бою! — звучит команда Чубарова. — Долой кухлянки — быть налегке! Едем навстречу. Как завидим, красноармеец Козлов с переводчиком (вы едете на одной упряжке) вырветесь вперёд. Поравнявшись с их последней упряжкой, дай выстрел. Лонгинов,

крикни каюрам, чтоб они убегали в сторону, пусть оставят беляков одних. А тут мы нагрянем. Действовать спокойно, решительно, но без промедления! Кто попытается оказать сопротивление — уничтожить, кто поднимет руки — оставить в живых, там разберётся... Женщину не трогать...

“Командир, — это голос Чернова, — давай я двинусь впереди...” Зная, что отговаривать горячего комиссара в эти минуты бесполезно и надеясь, главным образом, на его богатый боевой опыт, Чубаров отвечает согласием. Всё произошло молниеносно по намеченному плану. Едва успев схватить оружие, белобандиты падали под меткими выстрелами красноармейцев. Пытался уйти от возмездия командир этой белогвардейской группы капитан Грундульс. Он пытался развернуть свою упряжку и удрать назад, но без помощи каюра этого сделать ему не удавалось. И он яростно отстреливался.

Когда кончились патроны, он отбросил пистолет и выхватил кинжал. “Сволочи, ах, сволочи! — злобно хрипел капитан. — Как я вас, голодранцы, ненавижу...” И, наконец, сражённый пулей, выпущенной из маузера комиссара Чернова, с тяжёлым протяжным стоном, рухнул в глубокий снег...»

«Ещё в самом начале боя, — добавляет Р. Юшин, — заметили бойцы, что двое беляков не сделали даже никакой попытки взяться за оружие и сразу же подняли руки вверх. Это были два музыканта из Владивостока Бонч-Барановский и Симон Багринцев, насильно увезённые Бочкарёвым на север. Эти два студента... дали очень ценные сведения о банде Бочкарёва и Полякова, оказали всемерное содействие и за оказанную помощь в разгроме белобандитов даже были представлены впоследствии к награждению именными часами».

26 марта 1923 г. чубаровский отряд прибыл в Каменское и стал ожидать подхода второй разведгруппы. Её состав: помкомвзвода второй роты стрелкового батальона Василий Зенков (старший), политрук Михаил Гаврилов, отделком Филипп Сурашкин, красноармейцы Кузьма Строт, Никифон Казаков, Иван Анашкин, Пётр Говняков (Иванов), Бронислав Александрович Сувейзда, Пётр Береницын, Никита Кузнецов.

Разведпартия В. Зенкова из Начик двинулась в направлении Мильково. Отрезок пути Начики-Пушино в сводках никак не отмечен. А между прочим, меньше, чем за десять месяцев до красноармейцев, той же дорогой проезжал И. Е. Ларин со своими товарищами, направляясь на партизанский съезд. Об этом тоже есть

запись в его дневнике. «Дорога всё время шла по знаменитой Ганальской тундре, расположенной между двух хребтов слева и справа. Местах в двух, через промежутки в 15—10 верстах, тундра пересекалась речкой, около которой раскинулся высокий топольник. Окаймляющие тундру хребты величественно вырисовывались на фоне голубого прозрачного северного неба.

Весь день дул свежий ветер. Дорогу стало замечать. Наша нарта, подбитая сталями, плохо скользит, хотя собаки шли внатяжку и дружно тянули. По дороге от Ганал к Пуцино построены две юрты, около обеих юрт варили чай. Около первой юрты братва выпила, а около второй уже их развезло, особенно т. Яковлева. От второй юрты дорога пошла почти всё время по лесу, так как здесь проезжали вершину Камчатки. Здесь начинается самая большая речка на полуострове... Камчатка. Мой товарищ по нарте Яковлев всё время дремал. Я посматривал по сторонам, нет ли где глухаря, но нигде не было.

Перед Пуцеей дорога всё время проходила по линии. Солнце закатилось, последние розовые лучи, освещающие пирамидальные оконечности сопков, скрылись, но ещё было светло, когда поезд наш в составе пяти нарт увидел огонь между деревьями, и мы увидели Пуцино. В Пуцино всего пять домишек. С трудом пришлось разместиться. Как только вошли в хату и разделся — сейчас же стало клонить ко сну после дороги. Попив чаю, я немного прилёг, а потом, поужинав, полусонные сейчас стали ложиться. Хозяйка принесла кукуль бараний, благодаря которому я спал, как в бане. Странное дело: всё время дремал, не мог разговаривать, тут на тебе — как только лёг, сон пролетел. Наконец, с трудом уснул. Спалось немного беспокойно, жарко, хотя в хате было холодно. Чекмарёв поспорил с Егором Малаховым...

8 апреля. Попив чаю, стали искать юколу, но не нашли. Собрали покормить только две нарты. Выехали из Пуцино в 8-м часу. Дорога идёт хорошая — то равнинами, то тундрами, то березняками и тальниками, в болотистых местах. Хребты, как и прежде, идут слева и справа. Собачки бегут хорошо. Часов в двенадцать прибыли в Шаромы. Закусили, покормили собак и помчались дальше... Здесь дорога также хорошая, всё время идёт березняком. Не доезжая Верхнекамчатска, стали попадаться стога сена, от сена, разбросанного при возке, дорога протаяла и кроме кочковатая. Наконец подъехали к Камчатке, подождали следующую нарту, переправились на ботах сами, обе нарты врозь. В Верхнем покормили собак и двинулись в Мильково».

...Разведпартия В. Зенкова достигла Мильково 29 января. После обеда 31-го числа въехала в Машуру. «Телеграфные аппараты по пути испорчены», — значит в оперативной сводке. В Пуцино красноармейцы прибыли на тринадцатые сутки, проделав с момента выхода из Петропавловска 240 километров. «Селение Пуцино состоит из шести дворов, конюшен — пять, амбаров — шесть, бань — три, численность населения 30 камчадалов, из них 15 мужчин, 10 женщин, трое детей, два старика. Вероисповедание православное». 2 февраля разведгруппа вышла из Щапино. Восемь часов добиралась до следующего селения. «В с. Толбачик имеется отряд (самообороны. — В. П.) в одиннадцать человек, старший Коркин».

6 февраля. «Прибыли в Козыревск. Сильная пурга, выступать далее невозможно». В Козыревске бойцы узнали об утреннем землетрясении 4 февраля. Как стало им известно позднее, здесь колебание почвы не превышало пять-шесть баллов, в Петропавловске было зарегистрировано семь, в Жупаново восемь, а в Колыгере и бухте Ольги до девяти баллов.

7 февраля. «Пурга окончилась. Выступили из Козыревска на с. Кресты в 12 час. Прибыли в Ушки в 17 час. Дорога крайне тяжёлая. Лыжи тонут в снегу на пол-аршина». Днём следующего дня вторая разведпартия была в Крестах. «Путь такой же, как и до с. Ушки». 9 февраля красноармейцы въехали в с. Ключи. Местные жители сообщили им: в бухте барона Корфа находится полковник Данин с десятью белыми.

22 февраля. Отряд В. Зенкова прибыл в Уку. Здесь их ожидала новость: с севера (Ивашка — Дранка) движутся белые в числе 5—10 человек.

28 февраля. «Полярная звезда» писала: «По полученным сведениям, положение в Гижиге критическое. Среди солдат “поляковцев” возник заговор с целью убить Бочкарёва. Поляков пытался обезоружить своих солдат, в результате чего произошла свалка. Комсостав “поляковского” отряда, видимо, также раскололся, ибо во время свалки Шевчунас убил помощника Полякова и одного солдата».

Бандиты, находящиеся на Колыме, бегут, захватив пушнину, в сторону Чауна. Население, выведенное из терпения белобандитами, выступило против них с оружием в руках. Два “поляковца”, выехавшие за сбором ясака, захвачены населением. “Поляковцы” на допросе показали, что Бочкарёв из Оли намерен вновь прибыть в Гижигу».

13 марта. Вторая разведпартия, приехав Дранку, взяла в плен четырёх бочкарёвцев: Павла Богуславича, Георгия Попова и братьев Ивана и Григория Маричей. «У взятых найдены дневники, которые велись неаккуратно и неряшливо. Однако из них видно, что белые разбегаются, меняют имена и фамилии...»

Примерно о том же шла речь в «Полярной звезде» за 14 марта 1923 г.: из-за раскола в Гижигинском гарнизоне десять человек ушло в Охотск, кое-кто — в Марково, «до десяти взято под подозрение, несколько человек переарестовано». 18 марта та же газета поместила пару заметок на «белую тему». Из Анадыря в редакцию сообщили, что канонерская лодка «Магнит» в 1922 г. ограбила в бухте Провидения склад Союза камчатских кооператоров, «захватив сырьё и 150 тонн угля. По слухам, 130 тонн... продано на Аляске и в Номе». А из продсклада бухты «Барон-Корф», говорилось во второй заметке, «по распоряжению известного Полякова вывезено 700 кульков муки в Гижигу, для чего им было собрано 100 нарт в декабре 1922 г. в селениях Парени, Мишино, Ловатово, Арочко, Каменное и Шестаково».

23 марта. В бухте барона Корфа бойцы Зенкова пленили ещё троих бочкарёвцев. Кого именно, в сводке не указано. Но вряд ли полковника Данина, штабс-капитан Востротина и вахмистра Пандридина. Умалчивать о таком «улове» не в обычаях того времени. Скорее всего, это были рядовые казаки.

28 марта. «В Апукском районе уничтожен передовой отряд полковника Шевчунаса. Пятеро убито. Один ранен и отправлен в бухту барона Корфа». Прежде чем процитировать неизвестные ранее документы, напрямую относящиеся в отряду Шевчунаса, отметим, что обнаружены они были в 1937 г. у Павла Николаевича Пиликина при аресте. Эти документы — письма Шевчунаса Бочкарёву — по заявлению хозяина, оставил у него в своих вещах восемь лет назад некий гражданин Кулясов, и Пиликин якобы не догадывался об их существовании.

В первом письме без даты полковник Шевчунас просит начальника СЭО о пополнении группы двенадцатью военными, так как не рискует выполнить свою задачу, имея в своём распоряжении восемь человек. А с двумя десятками «много можно сделать». Он советует прислать, не ослабляя боевой силы, «всяких командированных, как-то капитан Сизоленко, поручики Янков, Босек» и других, том числе интендантов, которым «всё равно делать нечего». Далее Шевчунас делится планами по взятию с. Марково (на Чукотке), вымогательству у тамошних коммерсантов

Караева, Кибизова и Кузьмина денег в обмен на жизнь и расстреле их после получения выкупа. «Пасху, — заключает Шевчунас, — мы, наверное, будем встречать в бухте Наталии, но к 5 апреля будем обязательно в Каменском».

Второе письмо приводим целиком. «Апукинский лагерь 11 марта 1923 г. Господин полковник! Завтра я выезжаю в Апуку, юнкера Иванова ещё с бухты Корфа в лагере нет. Я ему напишу ещё из Апуки. Собаки (неразборчиво), но страшно плохие (неразборчиво) на Апуке и дальше нет, промыслом на Апуке не занимаются, так как совершенно нет зверя. Ясаки в лагерях обоих получил, но очень скудные, так как инородцы не имеют чем платить. В Чукотском лагере от одного торговца, в Апукинский приехал Артемьев доверенный Гудсон-Бея на Апуке, но ничего не продаёт, инородцы не имеют, на что покупать, всюду голод и отсутствие промысла.

Более четырёх-пяти тысяч за всю поездку никак не наберу, из Апуки поеду в бухту Анатолия, а из бухты Анатолия, вероятно, обратно, хотя там дальше выяснится не позднее 5 апреля в Каменском. Положение в материальном отношении безвыходное, если найдёте нужным, господин полковник, пришлите мне к 5 апреля в Каменское 12 человек на 20 нартах достаточно снабжённых кормом. Я пос... (неразборчиво) взять Марково, там кормом может быть можно поправить дело.

На Апуке отделение Гудсон-Бея очень маленькое денег не имеет, а если и брать что-нибудь товаром, то не на чем перевезти товар и товар не деньги. Старшина заболел, я его отправляю в Гижигу, и с ним всю пушнину, какую собрал в лагерях. Пороха и ружей никто не покупает за отсутствием пушнины патроны дел... (неразборчиво) в долг, а часть уходит на покупку мяса. Стрихнин шесть флаконов продал за лисицы, три ещё осталось со старшиной отправляю: лисиц красных 15, сиводушек 1, белок 72, горностаев 51, торбасов 6 пар, родуг 4 ш., выпоротков 11, пыжиков 2, кухлянок детских 1.

Если будете господин полковник посылать людей, то прошу, чтобы никто не знал куда едут и зачем, и когда приедут в Каменское, и меня им придётся два-три дня ждать, чтобы никого никуда из Каменского не выпускали, а главное чтобы отдали строжайшее приказание старосте на ш... (неразборчиво) токово, дабы никуда не сообщалось о движении отряда, так узнав, марковцы увезут, а их преследовать не хватит дороги. Ружья и свинец отправляю обратно в Гижигу на двадцати нартах. Прошу потому, что они

нужны для людей, которые со мной никуда не могут ехать, едва двигаются. Полковник Шевчунас».

К письмам Шевчунаса была приложена сопроводительная бумага без подписи, написанная довольно сбивчиво и тоже не особенно грамотно. В ней говорилось: «Отряд Занькова, идущий по Восточному побережью, встретил на своём пути Шевчунаса, следовавшего в Апуку, расстреляли последнего со всей его свитой, приехал в Каменское в день Благовещения 25 марта двинулся на Гижигу. На днях ожидается сведения о результатах боя с Бочкарёвым, отправивших из Апукинского лагеря трёх офицеров шевчунасовских, одного удалось убить в Каменское, а двум Нациевскому и Клепикову удалось убежать, есть сведения, что они направились на Апуку Брагин тоже из их лагеря отправлен вместе с офицерами у коего оказалось очень интересное письмо, писанное Шевчунасом из лагеря Бочкарёву, копию которого я вам посылаю, так как письмо это главным образом Вас, подлинник этого письма находится у военного комиссара для доставки во Владивосток...»

На Павла Николаевича Пиликина в 1937 г. дали показания его бывшая жена, кандидат ВКП(б) Евлампия Даниловна Попова и оперативный работник треста Главного управления Севморпути В. М. Чекмарёв.

Попова: «В 1920 г. в Петропавловске, перерывая вещи Пиликина в чемодане, обнаружила хорошо упакованные три пары золотых погонов с красными просветами. На мой вопрос Пиликину, чьи это погоны, Пиликин ничего не ответил, а сказал: “Положь, не копайся в вещах”. Эти погоны Пиликин привёз в Анадырь, и только в 1923 г. я их передала на сцену в Анадырский клуб».

Там же, в 1930 г., во время доклада о международном женском дне, свидетельствовала Евлампия Даниловна, Пиликин, «вдохновляемый купцом Хаустовым, устроил скандал, начал кричать с места: “С голоду морите народ, не даёте торговать, собираетесь в клуб трепаться, лишили голоса хороших людей, а бабам дали волю”...»

Чекмарёв: «...В 1921—1922 гг. Пиликин Павел работал при белых в больнице в качестве санитаря. Находящегося при Пиликине на воспитании Михаила Косыгина, который стремился уйти к партизанам в сопки, Пиликин направил добровольцем к белым полковнику Кузнецову, откуда с белыми попал в Америку...» К складскому работнику из Анадыря П. Н. Пиликину — «белобандиту, с оружием в руках боровшемуся против красных партизан», хранившему «шифр банды Бочкарёва и письма белобандитов» — руководитель камчатских чекистов полковник И. Я. Ломбак

предложил применить наказание «по первой категории», как в их бумагах зачастую именовался расстрел. Тройка УНКВД согласилась с Иоганном Яковлевичем. Приговор привели в исполнение в Петропавловске 20 марта 1938 г.

...Р. Юшин установил, что на подмогу разведпартиям из Петропавловска 19 февраля 1923 г. была отправлена группа стрелков: командир, помощник начальника разведчасти штаба войск Охотско-Камчатского края Пётр Григорьев, красноармейцы Максим Панченко, Николай Захарушкин, Михаил Россыльных и Александр Медведев. 30 апреля они уничтожили в Оле двух белых — поручика Авдюшева и Балыкина. Привёл стрелков бывший бочкарёвец корнет Николай Кузин.

В Каменском обе разведпартиям объединились. «Дождавшись темноты, части выступили в направлении посёлка Гижиги», — рассказывал начштаба войск Охотско-Камчатского края Б. Рубцов. В Гижигинском уезде проживало около семисот русских и более трех с половиной тысяч туземцев, из них по полторы тысячи коряков и тунгусов, 186 чукчей и 183 чуванца. В 1924 г., они имели, по данным сборщиков сельхозналога, более 36 000 оленей. Производившие учёт оговаривались — действительная численность неизвестна, предположительно от 100 000 до 250 000.

Ландшафт Гижигинского уезда: тундра, болота, озёра. Лесом эти места бедны; частично по реке Туромча растёт лиственница, осина, тополь. Сенокосные угодья расположены по рекам Гижига, Туромча и в устье Авеково. Объектами рыболовства являются кета, горбуша, мельма, хайрюз, налим. В Гижиге (с заимками) около пятисот человек. До Петропавловска отсюда по западному берегу 2 035, «через Карагу по маршруту» — 2 207 вёрст.

Пароходы, шедшие в этот населённый пункт, останавливались в Гижигинской губе на расстоянии 17 миль от устья одноимённой реки. Катер мог прибуksировать кунгасы с грузом на урочище Кушка и успеть с отливом вернуться на пароход только раз в сутки. Узкая Гижигинская губа окаемлена высокими скалами, из-за чего в ней постоянно ветер; внезапно поднявшийся шторм может легко затопить кунгас...

«Перед самой Гижигой, — вспоминал Т. Ф. Косыгин, — наш фельдшер приказал всем снять меховую одежду, чтобы в случае ранения не произошло заражения».

Б. Рубцов: «Не доезжая одной версты до посёлка, сделали остановку. Затем... повели наступление».

Т. Косыгин: «Ночью в лёгких телогрейках мы тихонько подошли к посёлку. Это был большой населённый пункт с деревянными домами, с вывесками, с пекарней — не то, что Каменское. Стоял такой мороз, что дотронуться до курка винчестера было больно — палец прилипал к металлу».

Б. Рубцов: «Бочкарёвцы стояли по одному-два человека на частных квартирах, и только в одном доме их было девять человек. Ввиду того, что было темно, обе партии продвигались незаметно, без выстрелов».

Т. Косыгин: «Окружили барак, где жили белые. Меня Чубаров послал под командой фельдшера охранять дорогу на Наяхан. Другая команда под руководством Барановского отправилась прочёсывать частные квартиры, где расквартировывалась солдатня. Скоро поднялась пальба. Белых взять сонными не удалось, они начали отстреливаться».

Б. Рубцов: «Первым было охвачено то здание, где находилось девять человек. Была брошена в окно граната, но она попала в крестовину окна и упала снаружи, не разорвавшись. После этого по противнику был открыт частый ружейный огонь. Противник отвечал таким же огнём. С нашей стороны с самого начала боя были ранены два красноармейца, но оба остались в строю. Завязавшаяся перестрелка продолжалась около получаса. Красноармейцы под ружейным огнём противника приближались к дому и бросали в окна гранаты».

Т. Косыгин: «В пять часов утра всё было кончено».

В сводке второй разведпартии указано другое время — 22 часа. Ликвидаторы потеряли одного бойца — тигильского партизана Николая Федотова.

Б. Рубцов: «После ликвидации этой группы вторая разведывательная партия была направлена догонять белых, которые воспользовались темнотой и бежали в сторону с. Наяхана».

П. Черемней: «Для принятия пленных и осмотра помещения казармы один красноармеец был послан к жителям за фонарём, по улице наткнулся на белогвардейца. Тот выстрелил в него из пистолета. Раненый красноармеец заколол его штыком. Стрелявший оказался “бочкарёвским попом”».

Из рукописи Р. Юшина, хранящейся в ГАКК: «Направляясь в Наяхан, поздно вечером (11 апреля. — *В. П.*) добрались до избышки, где жили старик со старухой — уроженцы Тамбовской губернии. Старуха была одна. Угостила чаем. Ночью вернулся старик из Наяхана. Сказал: «Белые ничего не знают и не подозревают

о вашем приближении. Да и бдительность у них... — старик махнул рукой, — аховая у них бдительность. На “взводе” — Пасху празднуют. Вот завтра утром должны проезжать мимо в Гижигу два полковника Зазулевский и Фиалковский. Вот бы их перехватить здесь».

Чубаров распорядился выставить «секрет и заставу на перекрёстке дороги, ведущей с Наяхана на Гижигу и на подъезде к избе старика... Застава из четырёх человек заняла позицию в километре от избы, а двое бойцов Иван Анашкин и Парамон Козлов залегли в снегу в кустах около дороги в полтора километрах впереди. На рассвете лежащие в секрете красноармейцы заметили, как с горы спускается упряжка собак с одним ездоком. Затаившись в снегу, они пропустили её. Бойцы же заставы схватили приехавшего офицера, а так как он оказал сопротивление, то был пристрелен. Часом позже показались две нарты, секрет решил пропустить их... Беляги ехали беспечно, переговариваясь между собой.

Но случилось непредвиденное. Когда бочкарёвцы ехали по речке, из острова внезапно выскочил заяц, и собаки с залившимся лаем кинулись за ним. Поднялся переполох. На заставе подумали, что белобандиты обнаружили секрет и открыли огонь. По белякам ударили и подкрепления красных, высланные Чубаровым на помощь заставе. Видя безвыходность своего положения, белые повернули назад, но, попав под огонь со стороны секрета, рванулись на остров, в сторону ближайших сопок. Секретчики дали залп по собакам. Было убито и ранено несколько собак. Упряжки перепутались. Тогда белые, видимо, решив известить своих о приближении красных, перерезали упряжь и пустили здоровых собак в сторону Наяхана». Козлов перестрелял их.

«Пока красноармейцы отвлеклись на собак, белые офицеры, став на лыжи, удалились на порядочное расстояние, их фигуры уже мелькали на склоне сопки. Началось преследование — наши заранее подготовили две хорошие упряжки собак для погони. Но на склоне горы были глубокие снега, и собаки шли туго, с трудом.

— Тов. командир, разрешите я этих варнаков кокну, — обратился к Чубарову один из тигильских партизан Никанор Наседкин. «Давай!» Наседкин не спеша прицелился из своего винчестера, выстрелил. Один из белогвардейцев, схватившись обеими руками за живот и сильно заорав, упал. Вновь гремит выстрел и падает второй офицер, схватившись за живот. Подбежавшие красноармейцы прикололи раненых бандитов штыками. Это оказались те самые белогвардейские полковники Фиалковский и Зазулевский, о которых говорил старик-рыбак.

— Молодец, — крепко пожал руку камчадалу охотнику возбуждённый Чубаров, — метко стреляешь».

Спустя три года после описываемых нами событий в Няяхане побывал член Пенжинского райревкома Банников, посланный для проведения национальной ярмарки. В верховьях реки Вархалам он собрал тунгусов, чтобы услышать их мнение о готовящемся мероприятии. «Нам ярмарки не надо, — заявили они, — мы можем приезжать с хребта за покупкой себе необходимых товаров, а мы собираемся лишь для исправления религиозных обрядов, как-то отговорь, детей покрестить, умерших отпеть и повенчать — больше нам ничего не надо.

Раньше был царь, он любил бога и церковь, а теперь какое правительство, когда богу не молится и церковь не любит. А раз мы церковь любим, то хотим, чтобы у нас был царь, и мы его очень жалеем». И категорически отказались дать какие-либо сведения (о численности населения и прочем).

...Опираясь на свидетельства участников из числа красных, исследователь Р. Юшин воспроизвёл бой в Няяхане. Нам остаётся дополнить эту картину некоторыми данными из архивных документов. В селении ликвидаторы появились с рассветом 13 апреля. Красноармейцы П. Береницын и С. Верёвкин привели к Чубарову уборщицу Веру Иванову, от которой были получены необходимые сведения о белых. «Мы узнали, — говорил П. К. Черемпей, — что Бочкарёв всего сутки назад переехал в Няяхан, перевёз туда большое количество оружия и патронов. С ним уехало человек двадцать офицеров». По уточнённым данным, всего насчитывалось 24 офицера, они располагались в одном из домов вместе с полковником В. И. Бочкарёвым и генералом Н. А. Поляковым. В помещении радиостанции находилось около ста нижних чинов.

Чубаровцы бесшумно двинулись к этим зданиям. Первой разведпартии удалось подойти вплотную к офицерскому дому. «Чубаров, — пишет Юшин, — произвёл предупредительный выстрел в окно. В доме поднялся переполох, оттуда раздался беспорядочный ответный ружейный огонь». По приказу Чубарова в ход были пущены гранаты. Перестрелка усилилась. Через полчаса, осознав безвыходность положения, противник выкинул белый флаг. «Огонь прекратился. Из окна дома слышится возглас: “Высылаем для переговоров корнета Ерохина”. На крыльце показался молодой красивый офицер. Ему тут же скручены руки.

— Господа, — говорит он, — господин есаул решил сдаться.

Но проходит некоторое время, никто больше не выходит. Казарма молчит. Видимо осаждённые что-то выжидают. Надо действовать незамедлительно. Наши возобновляют обстрел здания. Брошено несколько гранат. Наконец из помещения раздаётся голос Бочкарёва: “Прекратите огонь! Сдаю ради детей”. Слышится ответный голос командира Чубарова: “Выходите! Сопротивление бесполезно! Бросайте оружие!”

На выходе появляются женщины и дети. Чуть позже выходят офицеры, среди них, поддерживаемый под руки хромающий Поляков: осколком гранаты генералу оторвало пятку правой ноги. Все сдавшиеся офицеры были разоружены, обысканы и взяты в кольцо окружения. (Козлов: «Из всех 24 офицеров удалось убежать в Таватум лишь одному раненому офицеру, которого догнали на другой день и добили. До вечера пролежал со связанными руками офицер-китаец в чине порутчика и был нашим красноармейцем заколот штыком».)...

— Господа! Я восхищён достойным противником, — начинает разлагольствовать Бочкарёв. — Я знал, что ваш десант высажен в Петропавловске, но никак не думал, что красные смогут так быстро добраться до Гижиги. Примите поздравления...

— Не нуждаемся, — резко прервал паясничанье атамана Чубаров, — лучше прикажите своим, засевшим в радиостанции, во избежание кровопролития, прекратить сопротивление».

— Конечно, конечно, господа, — поспешно соглашается Бочкарёв, — зачем нам лишняя кровь. Я через сотника Григорьева дал распоряжение нижним чинам сдать...»

«Иначе протекали действия второй разведпартии, которая не воспользовалась внезапностью нападения, вела огонь беспорядочно, мало применяла гранат... Белогвардейцы отстреливались дружно и ожесточённо и были намерены уйти через бухту вглубь побережья. Этого нельзя было допустить. И... Чубаров вместе с командиром Зенковым и белым офицером Григорьевым — уполномоченным атамана — направился к зданию радиостанции с ультиматумом...

Перед уходом он отозвал в сторону своего адъютанта. “Козлов! Остаёшься за старшего. Не спускай глаз с пленных офицеров. В случае чего-либо непредвиденного, и если они сделают попытку к бегству — расстреливай на месте. За Бочкарёва отвечаешь головой”.

В ответ на сообщение Григорьева о приказе Бочкарёва сложить оружие белые после некоторого молчания внезапно открыли огонь, убив Зенкова и Григорьева, а также политука Гаврилова,

красноармейцев Строта и Кузнецова. Тяжёлые ранения получили Анашкин, Береницын и Сувейзда. Чубарова спасло то, что он успел упасть в снег и скатиться в кювет. По словам П. Г. Козлова, как только пули с радиостанции начали свистеть над пленёнными офицерами, они бросились обратно в своё помещение. «Не теряя времени, я дал команду пленным расстрелять и немедленно пяти человекам занять помещение офицеров... Держали мы под обстрелом беляков до позднего вечера, стрельбой из полуавтоматов и метанием гранат не давали поднять головы. Как стало смеркаться, к нам пришёл командир Чубаров Г. И., собрал всех в кучу и сделал совещание, как дальше поступить с радиостанцией, не зная точно, сколько там белых в живых, раненых, убитых».

Среди них не было радиотелеграфиста Михаила Машукова. Он находился здесь до сентября 1922 г. Бочкарёвцы, говорил М. Машуков, заставили его и Павла Святого продолжать службу, остальных отослали в Наяхан. Служащих выгнали из квартир. Шатинского и брата Михаила, Николая, отправили в Петропавловск. Михаил принимал и отправлял телеграммы, затем это стал делать офицер Янышев.

«Когда я однажды обучал ученика — принял телеграмму из Петропавловска о том, что красные в трёх верстах от города — мне совершенно запретили входить в комнату, где помещался аппарат, и угрожали убить меня, если я разглашу об этом. Бочкарёв часто сносился по радио со Свенсоном, зовя приехать, согласно ранее выработанных условий Беком и особенно Пелецким...» По другим сведениям, на Наяханской радиостанции в последнее время работали подпрапорщик Гейне, корнеты Елагин, Хлопотов.

...Чубаров с Черновым предлагали поджечь радиостанцию в случае отказа её защитников принять ультиматум. П. Козлов: «Я посоветовал иначе — направить туда жену Бочкарёва и генерала Полякова с нашими бойцами и предложить оставшимся в живых белым сдать. Так и сделали, привезли из деревушки Наяхан женщин и вместе с ними зашли в помещение, в котором оказалось всего четыре человека, и то из них был здоровый мальчик лет 17—18 и портной, двое раненых. На этом и закончилась наша эпопея. Беляки в радиостанции расположились в три яруса, потому наши пули и осколки гранат не проходили их мимо». Возвращаясь по морю в Петропавловск, Чубаров (рассказывал его спутник Б. А. Леванов) восхищался мужеством казаков, которые не захотели сдать в плен и покончили с собой в здании радиостанции.

Р. Юшин не пишет, что случилось с В. И. Бочкарёвым и Н. А. Поляковым. П. Козлов мимоходом бросает: «Бочкарёв был мною расстрелен около порохового погреба, который пытался улезнуть». Доктор исторических наук Б. И. Мухачёв беседовал с чудом уцелевшей женой корнета Ерохина, свидетельницей пленения офицеров. У неё этот эпизод выглядит несколько иначе, чем у Юшина. «Вышел Бочкарёв из дома сдаваться и поразился: “Ну, мы и влипли! Их раз, два и — обчёлся”. Чубаров — ему: “Полковник, отдайте приказ, чтобы сдались остальные”. Бочкарёв в ответ: “Да, да, сейчас... поручик” В этот момент — выстрелы по чубаровцам... Полковник бросается бежать».

Адъютант Чубарова Парамон Козлов неизменно подчёркивал на пионерских сборах: «Я догнал и собственноручно разmozжил ему прикладом голову». Кто убил генерала, ясности пока нет. Тот же Козлов даёт лишь описание его внешности «Поляков выше среднего роста, худощавый, лет 55—60, погоны генерал-майора тряпичные, одет был в шинели с погонами, китель и брюки военные цвета хаки, папаха. Был нами ранен в руку. Других примет, как у Бочкарёва, так и у Полякова, я не помню, да и приглядываться к ним не было время». Но и сей словесный портрет вряд ли целиком достоверен, ведь и Бочкарёва П. Козлов представляет нам как человека среднего роста, коренастого и упитанного. Запомнились будущему чекисту бочкарёвская кубанка, полковничьи погоны. Парамон Григорьевич дал бы ему лет 40—45.

В оставшихся после Бочкарёва тридцати трёх его чемоданах, по свидетельству того же Козлова, находилось, в основном, бельё и лишь несколько «мест» с пушницей: «чернобурая лиса, голубые и белые песцы, лисы-сиводушки, речной и морской бобры, горностаи, беличьи шубки и шапки. Пушнина была изъята, как трофея, и включена в опись, а бельё, платье, костюмы были во время стрельбы сильно повреждены пулями и осколками гранат, так что из вещей к носке осталось очень мало. Поскольку у Бочкарёвой было двое детей, то ей были возвращены её вещи. Денег в чемоданах не оказалось, они находились в шкатулке, которую Бочкарёва спрятала в одну из печей, и только спустя неделю пришлось найти шкатулку, наполненную коллекцией золотых денег, как российской чеканки, так и ряда иностранных, были золотые браслеты и небольшой мешочек бриллиантов, на ценности была составлена подробная опись. Ценности были сданы на ответственное хранение. Бочкарёв готов был в путь, поэтому у него в основном было всё упаковано, в особенности пушнина.

У остальных офицеров никаких ценностей не было найдено, видимо, весь их капитал состоял в награбленной пушнине, на которую они рассчитывали и, видимо, заранее проданную американцу Свенсону, который должен был 10 мая 1923 г. забрать всю эту свору со всеми патрахами на свою шхуну», — писал П. Г. Козлов.

14 апреля. «Местному населению пришлось целый день возить трупы и сбрасывать с утёса в море. Камчадалы говорили, что Бочкарёв — сильно грешный: не тонет, а плавает поверх воды, но его труп был ещё раз расстрелен, и всё же его вынесло на берег бухты Наяхон. Бочкариха попросила разрешения у командира похоронить своего мужа, но я не интересовался, — оговаривается Козлов, — где она его похоронила — на общем кладбище, или где на берегу бухты». Своих погибших красные погребли в братской могиле на гижигинском кладбище; очень долго копали могилу из-за вечной мерзлоты.

Г. И. Чубаров отправил донесение командующему войсками Охотско-Камчатских края: «Банда Бочкарёва во главе с Бочкарёвым и генералом Поляковым уничтожена. С нашей стороны потери: убитыми НРП-2 Зенков, его военком Гаврилов, 2 бойца (красноармеец Кузнецов и партизан Федотов. — В. П.). Ранено 2 легко, 3 тяжело (один из них Строт потом умер. — В. П.). Взятые трофеям производится учёт. Радиостанция во время боя сильно повреждена. 26 апреля собирается уездный съезд для выборов ревкома. Белых убито 52 человека: генерал-майор — 1, полковников — 4, обер-офицеров — 37, солдат — 10».

Незадолго до этого М. П. Вольский получил следующую телеграмму: «Завойкинский волостной съезд, собравшийся 12 апреля, шлёт Вам, дорогие борцы за лучшее будущее, искренний привет и наилучшие пожелания в деле укрепления завоеваний социалистического строительства и вполне уверен, что красные части под Вашим опытным руководством в недалёком будущем закончат своё дело — освобождения Камчатской губернии от остатков белобандитов. Председатель съезда В. Закржевский. Секретарь С. Слободчиков».

Сведений о том, как отметили ликвидаторы победу в архивных документах не обнаружено. Но, думается, с размахом, во всяком случае, Чернов и его близкие друзья, весьма неравнодушные к горячительным напиткам. И не беда, что направлявшийся в Гижигу коммунист Проняков «выпивал казённый спирт, данный на отряд для медицинских целей»: вряд ли белые по случаю Пасхи целиком и полностью справились со всеми своими запасами. Тем

не менее, Пронякова наказали строго, исключили из партии; его собутыльники красноармейцы Ручкин и Кулесов получили по тридцать суток ареста. Между тем, все, завезённые с разрешения белой власти, спиртные напитки и вина губревком конфисковал только 31 января 1924 г., в один день с петропавловским имуществом «белобандита ротмистра Канина (Нельского), бежавшего за границу».

...Священник Кох, который встретился красноармейцам по пути в Гижигу и подтвердил (по словам Черемпея), что генерал Поляков находится в Наяхане, очень пригодился новой власти. Его, оказывается, бочкарёвцы «лишили сана». И он, как вспоминал П. Г. Козлов, выступил на большом собрании сельчан — «обличал лицемерие и коварство всех священнослужителей... говорил, что никакого бога нет, что всё это выдумка власть имущих, обман, нужный богатым для извлечения всё больших выгод, сбора денег, пушнины...

Выступление попа-расстриги произвело огромное впечатление на всех жителей... На этом же собрании было решено превратить церковь в клуб. На следующий день мы, красноармейцы, совместно с молодёжью приступили к реконструкции здания церкви, убрали иконостас, оборудовали сцену, подготовили и поставили спектакль. С тех пор в клубе стали регулярно проходить молодёжные вечера и различные собрания».

В связи с организацией в 1924 г. Всесоюзного Добровольного общества содействия жертвам интервенции (ДОСОЖ) на места спустили циркуляр за подписью секретаря ЦК РКП(б) В. М. Молотова, где содержалось разъяснение, что «мы должны противопоставить претензиям иностранных собственников, требующих возмещения за убытки, нанесённые им революцией. Каждый пострадавший иностранец предъявляет нам в настоящее время требования об уплате возмещения. Необходимо, чтобы и граждане Советского Союза могли предъявить иностранным Правительствам свои претензии за имущественные и личные потери, причинённые им интервенцией».

Президиум ДОСОЖ разработал примерный перечень убытков от интервенции: уничтожение зданий, инвентаря и другого имущества, скота, посевов и т. д. и т. п.; препятствия к сельхозработам; разрушение и сокращение путей следования; приостановку движения транспорта, «отобрание его для нужд интервентов»; убийства, истязания, увечья, расстройство здоровья и лишение заработка отдельных граждан; изнасилования и их последствия; «занос

эпидемий», распространение среди населения заразных болезней, в том числе венерических; закрытие и приостановку деятельности школ, больниц, иных общественного пользования учреждений; мобилизацию населения для перевозки иностранных отрядов; вынужденное бегство отдельных граждан в связи с интервенцией и степень убытков от брошенных хозяйств; стоимость самозащиты от интервенции и белобанд (содержание партизанских отрядов); занятие отдельных учреждений, квартир и комнат без оплаты этих помещений; коммунальные услуги, водопровод, освещение, отопление, уборку (оказанные интервентским учреждениям и войскам); «принудительное оказание лечебной помощи им».

Документ завершался важным уточнением. «При исчислении убытков необходимо принимать во внимание не только стоимость уничтоженного или повреждённого имущества, но и потерянную выгоду и проценты на сумму долга; при потере трудоспособности или убийстве необходимо принимать во внимание возможный заработок потерпевшего. Стоимость уничтоженного, повреждённого или похищенного определяется или документами, или путём составления особых актов оценки».

В Охотско-Камчатском крае губернский и уездные комитеты СОЖ, которым надлежало подсчитать «убытки, причинённые белогвардейцами (курсив мой. — В. П.) и интервентами в годы гражданской войны», возникли в начале февраля 1925 г. А 29 апреля губком СОЖ уже рассматривал претензии учреждений, организаций и частных лиц. Губкомхоз — 2 224 951 руб. 18 коп. Петропавловская радиостанция, обстрелянная красными партизанами, но понесшая урон «от интервенции Японии и от белых при участии японцев» — 18 683 руб. 25 коп. Почтово-телеграфная контора («от белых отрядов при участии японцев») — 19 682 руб. 75 коп. Камчатское земельное управление («от белых отрядов в 1922 г. по сельхозферме», иными словами, последствия боя, — 214 302 руб.). Плюс убыток Чукотско-Анадырского края в 1 121 400 руб. Губфинотдел заявил «о выписке представителем меркуловского правительства из Петропавловского Казначейства 225 970 руб. 35 коп.» и реквизиции имущества на 71 руб.

Помимо уже упоминавшихся халактырцев, предъявили свои претензии три жителя Петропавловска: почтово-телеграфный служащий Александр Тимофеевич Шустов, известный нам Николай Васильевич Флетчер (тот и другой на 500 руб.) и Екатерина Власовна Ревацкая (2 000 руб.). Последние двое жаловались, что у них скот пал «от завезённой белогвардейцами чумы».

Н. П. Фролов доложил, что «с уездов и волостей материалов о понесённых населением убытках от интервенции (подразумевалась, конечно, «высадка японского десанта в Петропавловске», которая, якобы, имела место летом 1922 г. — В. П.) пока ещё не получено ввиду осенней распутицы, но имеются сведения, что на местах претензий к японским интервенции будет много». Постановили: информацию принять к сведению и, по возможности, ускорить представления сведений о понесённых убытках.

Гижигинскому комитету СОЖ работы в этом направлении было куда меньше, нежели другим: у него под рукой имелся акт, составленный председателем уревкома Черновым и заводитуправом Плотниковым ещё в конце 1923 г. За время «бочкарёвщины» каюрам уезда не были оплачены 600 тыс. вёрст общей суммой 54 000 руб. Разграблены магазины Торгового дома «Соловей»: забраны пушнина, рухлядь и товары стоимостью 12 000 руб. Пушнина у разных лиц — 5 000. С уездного склада и у «Холбоса» на 37 500. За два года госсборов взято 12 000 руб. Сожжение дома («квар. радиост.») в Наяхане. Поломка казённых складов на Кушке.

Далее в акте говорилось, что «разстреляны все квартиры, принадлежащие в распоряжении уездревкома. Нужен ремонт, кроме того, поломали вельботы и пожгли строевого леса 300 лесин на полторы тысячи. Тоже здания в Наяхане и сама станция для точного восстановления нужны эксперты, которые могли бы оценить». В итоге, убытки по Гижигинскому уезду — 246 тыс. руб. (позднее они возросли до «более 300 000», как сообщила в 1996 г. директор госархива Магаданской области Г. Г. Петрищева). И это без учёта убитых белыми четырёх тысяч оленей, принадлежащих коренному населению, стоимостью не менее 30 000 руб.

Оленные люди, согласно советским источникам, поголовно ненавидели «банду Бочарёва» и с ликованием встретили «красных чудо-богатырей», то бишь, чубаровцев. Однако тридцатилетний уроженец Парени Капка-Тетауи вряд ли испытывал чувство глубокого удовлетворения, а тем более радость при виде ликвидаторов. Он «служил у Бочарёва, по заданию которого ездил кочевым каюром, производил отбор оленей и отправлял эти табуны Бочарёву». Капка-Тетауи в середине 1920-х гг. убил случайно на охоте коряка Оттепина. Пять дней просидел под стражей «за политику» в 1932 г. Хотя вступил в колхоз, проводил «контрреволюционную деятельность против колхозов... разжигал национальную вражду между коряками и русским, пытался насильственно похитить девушку-комсомолку, чтоб против её

желания выдать замуж за своего сына. Проезжая по пареньским корякам, проводил там... агитацию против советской власти, подстрекая их не подчиняться... и жить по-старому, чем самым добился отказа пареньских коряк от переписи населения и выборов в Верховный Совет СССР».

Вот тогда за неграмотного Капку-Татауи взялись всерьёз. Вспомнили и пособничество Бочкарёву. Сначала обвинение строилось, в основном, по 59 и 197 статьям УК РСФСР. Но в январе 1939 г. следователи младший лейтенант Григорьев и сержант госбезопасности Щипицын подвели его под ст. 58, п. 1-а «измена Родине». Камчатский военный трибунал войск НКВД вынес приговор: двадцать пять лет исправительно-трудовых лагерей с конфискацией имущества. Реабилитирован Капка-Татауи в августе 1990 г.

...Через два дня после того, как А. Чернов с Д. Плотниковым подсчитали убытки от белых — а именно: 5 декабря 1923 г. — состоялось очередное заседание губбюро РКП(б). Десятым по счёту заслушали вопрос о состоянии власти в Гижигинском уезде. Докладывал начальник ОГПУ. «Тов. Ломбак указывает, что по имеющимся сведениям у него, дело с Предревкомом Гижиги и Уполномоченного ГПУ обстоит не совсем благополучно. Упомянутые лица пьянствуют, женились один на жене Бочкарёва, другой на жене уполномоченного Бочкарёва капитана Грундульса и возвращают им постепенно все ценности, взятые как трофеи у Бочкарёва. Пьянство и драки участились. Имущество расхищают, авторитета никакого. Полное дискредитирование власти. Положение не может оставаться таким дальше. Необходимо произвести замену должностных лиц и может быть некоторых арестовать и предать суду. По линии ГПУ т. Ломбак наметил уже кандидатов. Тов. Вольский (председатель губревкома. — В. П.) подтверждает слова т. Ломбака и добавляет, что у него имеются сведения об утечке золотого фонда, взятого в числе трофеев у Бочкарёва».

Справка. Во второй половине 1920-х гг. специальная советская комиссия подготовила «Описание неисследованных залежных богатств в недрах земли в Гижигинском уезде». Этот документ указывает на залежи золота районе Тайганоса по рекам Авеково, Пымино и Золотой речке от 25 до 75 вёрст от Гижиги. Разведку тут в 1912—1913 гг. вели две экспедиции (русская и американская). Золото было найдено, но в каком количестве и какого качества, неизвестно. «В 1923 г. будучи пленные солдаты у Бочкарёва и проживающие на Тавватуме, как видимо, были специалисты по розыску золота, нашли таковое в тридцати

верстах от Тавватума, по слухам, зото было найдено, и последние... крадучись, уехали на материк. После этого и ликвидации Бочкарёва один солдат приезжал и хотел вести разработку, но ему отказали. Золото, по слухам, хорошего качества...

В «Описании...» приводятся факты находки металла, похожего на серебро, по реке Уйткана в пятидесяти верстах от того же Тавватума, и приглашения в 1918 г. заведующим Наяханской радиостанцией Ненсбергом гражданина Плотникова к изысканию алмазов и бриллиантов между реками Наяхон и Тавватум в стовёрстном пространстве; разработкой последних занимался вятский плотник Лобанов, переехавший в Москву: «это место в 1921 г. называл мыл на мысу Шпиль, приглашал рабочих и нанимал для поездки на этот мыс двух лошадей от тунгусов, но выехать не пришлось ввиду предполагаемого прибытия “бочкарёвщины”».

До приезда В. И. Бочкарёва председателем Гижигинского уездного комитета был Е. И. Кумпан, заместителем — Флетчер, а секретарём Орлов. После увольнения Орлова поставили Д. С. Плотникова. Впоследствии он показал в ОГПУ: «В 1921 г. по телеграмме нас всех убрали и организовали новую власть. У власти стали поп Кох Валентин и Васильев Василий, начальник почты. Вскоре приехал есаул Бочкарёв со своим отрядом. В это время я не служил и занимался охотой и рыбной ловлей. Когда приехал Бочкарёв, то остановился в Наяхане с отрядом, а потом был перевезён с отрядом в г. Гижигу. Будучи в Гижиге, Бочкарёв ко мне приезжал, очевидно, приезжали по своим делам, заставляя кипятить чай. Мне лично Бочкарёв ничего не привозил, и я от него ничего не брал».

В отношении бочкарёвских визитов (и не только их) жена Дмитрия Сергеевича была намного словоохотливее супруга: «Бочкарёв у нас бывал часто и сидел подолгу. Спрашивал, как живём. Для ребят он привозил конфет, хлеба. Мой муж с ним никуда не ездил. Но по наряду он возил солдат Бочкарёва.

В 1923 г. приехал отряд под командой Чубарова и комиссара Чернова... Бочкарёв в это время был в Наяхане, так как уже было известно, что белая власть пала и идёт отряд. Отряд остановился у нас и, пробыв до вечера, они уехали в Гижигу (мы жили в д. Левчике в 25 верстах от Гижиги) и сказали, что, когда приедет мой муж (его дома не было), пусть едет вслед за ними в Гижигу. По приезде мой муж, не выпрягая собак, поехал вслед за ними.

Через два-три дня он прислал нарту, которая была вся в крови, и привезший нарту рассказывал, что Плотников на нарте возил убитых белых в бухту и его приняли в отряд. После отъезда он

вскоре приехал за нами сказал, что он поступил на службу в уезд-ревком». Один из свидетелей по делу Плотникова заявил, будто он слышал, как его жена Анисья, сестра Павла Трифионовича Новограбленова, упрекала Дмитрия Сергеевича: «Ты везде подлизываешься и к белым, и к красным, в Гижиге помогал Бочкарёву, вместе с ним пьянствовал».

Плотников подтвердил, что ему предлагали служить у Бочкарёва, но приглашение исходило не от него самого, а от генерала Полякова: «Вы — бывший офицер, и вам довольно есть юколу и нерпичий жир и должны служить у нас в отряде». На допросе 1932 г. Д. С. Плотников процитировал Бочкарёва, сказавшего своей жене в присутствии их прислуги: «Пора нам убираться, красные уже в Тигиле». И тут же, якобы, «дал распоряжение Головки — мотористу разморозить моторы радио и повалить мачты», но тот, по моему научению, добавил Плотников, произвёл лишь «обманный вред» станции. «Ерохин проверять ходил, но в моторах ничего не понял. Эта станция по приходе Красной Армии в Гижигу и Наяхан заработала через день».

«Итак, — продолжал Д. С. Плотников, — в апреле 1923 г. власть Бочкарёва пала. Пришла Красная Армия и уничтожила всё старое. Тов. военком Чернов и Чубаров послали меня с двумя камчадалами догонять убежавших двоих бочкарёвцев, но, проехав вёрст 450, мы их не догнали, а велели тунгусам их поймать, что и было сделано, они были после доставлены, а мы для красного отряда привезли пудов 45 муки, брошенной бочкарёвцами вёрст за четырёхста от Гижиги. Во время прихода Красной Армии и Партизан я также был принят в число партизан отряда по взятии Наяхана и охраны Гижиги. 27 апреля 1923 г., по хорошему отзыву т. Военкома Чернова был уездным съездом выбран в члены Гижигинского уревкома на должность зав. общим отделом».

Председателем уездного ревкома стал Чернов Андрей Дмитриевич, 1901 г. р., русский, из крестьян Енисейской губернии, образование два класса; у красных окончил трёхмесячные дивизионные военно-политические курсы. Член компартии с 1920 г.

В 1970-е гг. уже упоминавшийся Б. А. Леванов показывал пожелтевший групповой снимок красноармейцев (его копия хранится в фотофондах ГАКК). В центре — Чернов, рядом простоволосая женщина в длинном платье, положившая руки ему на плечи. Леванов полагал, что это бывшая жена Бочкарёва. — Чубаров, — говорил он, — которого я вёз на судне в Петропавловск, мне рассказывал, что он, хотя и не имеет права вмешиваться в личную

жизнь своего боевого товарища, но связь эту не одобряет. В жизни всякое случается, но есть вещи, с которыми нельзя мириться. Из-за смерти Сергея Лазо (будто бы есаул собственноручно бросил его в паровозную топку) он считал всё окружение Бочкарёва зверьём. По мнению Б. А. Леванова, намереваясь перейти через границу в Америку, начальник СЭО не отпускал от себя жену, «которая, судя по всему, мучилась, видя несметные зверства мужа».

Однако на том снимке другая женщина. «Чернов А. Д., — писал П. Г. Козлов, — женился на пленной (у Парамона Григорьевича рука не поднялась написать «жене». — *В. П.*) капитана Грундульса». О другом снимке 1923 г. он скажет: «Снят на фото Чернов А. Д. в кавказском костюме, надо полагать, полковника Шевчунаса, так как Бочкарёв был пленён в кожаной, подбитой рысью полушубке, и при описании его вещей... национальных костюмов не было...»

С. С. Малькова, супруга сослуживца Чернова, встречала его в 1930-е гг. дважды. В последний раз, когда «он ехал с семьёй, получив назначение в бухту Нагаево. Вначале он пришёл один, потом с женой и сыном, сыну было, наверное, лет шесть, тоже в морской детской форме и вылитый в отца. Жена его была старше (жена... бывшего белогвардейского офицера, убитого чуть ли не самим А. Черновым, у неё был сын от первого мужа). Чернов был толковый, умный, жизнерадостный, жизнелюб».

Они с женой Лидией (урождённой Алексеевой, дочерью владивостокского портового рабочего) родили троих детей: Марата 2 июня 1925 г., Геральда 7 ноября 1926 г. и Вадима 15 января 1932 г. Старший сын, фронтовик, умер от ран в Чехословакии 3 мая 1945-го. О совместном ребёнке Лидии Павловны и капитана Грундульса сведений нет.

П. Г. Козлов вплоть до демобилизации в 1925 г. «служил там же, на севере, в органах ОГПУ», как он сам указывает в одном из писем Р. Юшину. Но своё зачисление в это учреждение в качестве сотрудника для особых поручений относит к приезду в декабре 1923 г. нового уполномоченного по Гижигинскому уезду Осипского. А до того, мол, состоял делопроизводителем при комиссаре военкомата Чернове. Между прочим, в служебной автобиографии самого А. Д. Чернова с 1923 по 1925 г. — пробел: ни слова о военкомате, ни полслова об уездном ревкоме.

Из писем Козлова и архивных документов того времени, невозможно понять, кто же являлся уполномоченным до назначения Осипского, о котором говорилось на том же заседании губбюро

РКП(б), где И. Я. Ломбак доложил о проделках гижигинского начальства, не называя фамилий. Ему поневоле пришлось прибегнуть к конспирации, так как в одной связке с политработником оказался свой брат-чекист. И оба — герои ликвидации «бочкарёвщины». В общем, скандал замяли.

Связь с «Бочкарихой» (так Козлов, по прошествии лет, называл эту женщину), не переросла в женитьбу (тут Ломбак не точен), возможно, потому, что Бочкарёв — не Грундульс, слишком уж много шуму. Да и увезли её летом с глаз долой. Сообщение об её аресте появилось в «Полярной звезде» 25 июля 1923 г.

Говоря о чемоданах убитого им Валериана Ивановича, Козлов произнесёт несколько отстранённо: «Жена Бочкарёва, по национальности немка, была вместе с другими пленными направлена в Петропавловск, затем во Владивосток. С Владивостока пленные (?! — В. П.) писали, что она вышла замуж за видного комиссара». А ведь её имя звучало на владивостокском процессе Бирича, и далеко не в страдательном наклонении. Даже в устах Г. Бека, друга Валериана Ивановича, который однажды встретил её в ресторане «Версаль», где собирались участники будущей камчатской экспедиции: «Жену Бочкарёва зовут Ида Александровна. Она имела вообще большое влияние на Бочкарёва, вмешивалась во все дела и вообще, по моему впечатлению и отзывам других, являлась в высшей степени отрицательным человеком».

Старшего политрука А. Д. Чернова, инструктора пропаганды 61-го морпогранотряда, «участника антисоветской правотроцкистской террористической организации и японского шпиона» расстреляли в августе 1938 г. Сотрудников НКВД — фальсификаторов его дела — осудили в 1940-м.

Г. И. Чубаров в 1937 г. расстался с партбилетом и армией, но перед Отечественной войной был реабилитирован. На этом, однако, злключения главного ликвидатора «бочкарёвщины» не закончились. Официально майор Чубаров пропал без вести на фронте в апреле 1944 г., на самом деле угодил в плен. О его судьбе жена узнала лишь в 1952 г. Написал ей С. А. Черников, совершенно незнакомый человек:

«Вы меня простите, но я позволю себе ответить на Ваше письмо, адресованное Григорию Ивановичу... Вот уже два года, как его нет в живых... Он умер внезапно, пришёл с работы в пять часов, а через час уже скончался. Это была большая скорбь для нашего коллектива, ведь он был общителен, развит, жизнерадостный, трудолюбив... Похоронен в Западном районе г. Воркуты (кладбище шах-

ты 25-27), ему поставлен железный крест. Всё, что было в наших силах, коллектив сделал. Гроб, могила — всё было...

Мы переживаем пасмурные дни, и каждый не знает, что его ждёт завтра. Кому взбрело в голову терзать уже истерзанное сердце? Это подло, низко и больше того, я бы сказал, жестоко... Зачем терзать сердце, которое облито кровью уже и так не раз... С Воркуты об умерших родным не сообщают, чтобы — официально, как это положено...»

Адъютант Чубарова Парамон Григорьевич Козлов умер в 1972 г. в Благовещенске. Репрессии его, по всей видимости, не коснулись.

...Во сколько человеческих жизней обошлось красно-белое противостояние в Охотско-Камчатском крае, никто, видимо, не считал. Но вот убытки материальные (реальные и мнимые) подсчитаны были. Общая сумма потерь Камчатской губернии к январю 1926 г. возросла, по сравнению с предыдущей весной, почти вдвое: 6 140 332 руб. 75 коп. Из поданных 303 претензий 252 были «приняты для защиты» и отправлены в столицу в ДОСОЖ. Подразделялись они на три категории: индивидуальные (228), общественные (19) и по советской линии (5). Причём самая низкая по количеству претензий третья категория оказалась самой большой в финансовом отношении. «По совлинии» зарубежью, где нашли приют осколки Российской Империи, был выставлен счёт порядка 4 миллионов. А точнее, 3 825 050 руб. 75 коп.

3 апреля 1924 г. Камчатский губревком аннулировал «задолженность военных отрядов ОНРК Торговому дому «Чурин и К^о» в сумме 3 411 руб. «За отчётное время (с 1 января по 1 апреля 1925 г. — В. П.), — докладывал своему начальству помощник губпрокурора, — получено из губернии Петропавловского уезда всего лишь две жалобы на незаконное отобраение разного рода имущества красными партизанами... с просьбой возвратить такое; жалобы оставлены без последствий».

ТРИ ПОСЛЕВОЕННЫХ ГОДА КАМЧАТРЫБФЛОТА

4 октября 1945 г. Акционерное Камчатское общество, в состав которого входил собственный морской транспортный флот (АКОфлот) было реорганизовано в Камчатский государственный рыбопромышленный трест (КГРТ) [1, л. 1—2]. Теперь АКОфлот стал именоваться «Управлением транспортного флота КГРТ», сокращенно «Камчатрыбфлот» или КРФ.

10 июня 1946 г., после очередного преобразования органов управления рыбной промышленности на Камчатке, КРФ перешел в подчинение Главкамчатрыбпрому (ГКРП) [2, л. 249]. КРФ по роду деятельности и поставленными перед ним задачами был вспомогательным обслуживающим производством ГКРП. Его основной задачей являлось обеспечение грузоперевозок из Петропавловска, Усть-Камчатска, Корфских угольных копей по побережью Камчатки, то есть работа в малом каботаже, в пределах вод, омывающих полуостров.

Ниже охарактеризованы особенности работы единственного тогда на Камчатке судоходного предприятия на протяжении 1946—1948 гг.

1946

5 марта при входе в Авачинскую губу во льду толщиной до 12 см пароход «Ительмен» получил пробоину в правом борту в трюме № 1 выше ватерлинии площадью более одного квадратного метра. В форпике треснул стальной лист обшивки. Судно имело продольную систему набора корпуса со шпациями, отстоявшими между собой более чем на два метра. Пробоину заварили электросваркой на Петропавловской судоремонтной верфи (ПСРВ). После ремонта, когда судно отошло от причала верфи и следовало во льду за ледаколом в бухте Раковая, только что наложенные швы лопнули. Общий убыток от двух этих ледовых происшествий составил 40 625 руб. Вины капитана в аварии при её расследовании не нашли [3, л. 156].

7 марта у парохода «Анатолий Серов», посланного в бухту Тарья для вывода оттуда застрявших во льду баржи с углем и траулера Морлова «Восток», оторвало перо руля и сломало концы двух лопастей гребного винта. В аварийном ремонте судно находилось 20 суток. Убыток от этого происшествия составил 22 666 руб. [4, л. 3]. Его причиной стало непродуманное распоряжение заме-

стителя начальника ГЖРП, заставившего капитана пробиваться во льдах к месту получения топлива, отсутствовавшего в это время в Петропавловске [5, л. 99].

30 апреля лесовоз «Коккинаки» при выходе из Петропавловска в Усть-Камчатск согнул во льду Авачинской губы лопасти гребного винта. В течение последующей навигации судно плавало с повреждёнными лопастями. Винт заменили на ПСРВ только 4 февраля 1947 г. [6, л. 58].

Май. Управление КРФ переехало из так называемого «АКО-града» (с ул. Микояновской, ныне Ленинградской) на ул. Партизанскую, 7, на первый этаж деревянного здания Камчатского отделения ТИПРО. Эти помещения освободились после того, как размещавшийся здесь с 1942 г. Петропавловский морской рыбопромышленный техникум перебрался в завершённую строительством первую очередь нового здания на ул. Микояновской, 27 (ныне его занимает Камчатский политехникум).

4 июля пароход «Щорс» (капитан А. А. Гринько) намеревался выйти из Петропавловска. От пирса его отводили два катера: «Мюд» и «Ост», которые на буксире развернули пароход на рейд. Под действием сильного ветра нос парохода начало наваливать на берег. Капитан отдал команду на катера принять с бака буксир и вести пароход на фарватер. С бака «Щорса» подали стальной трос и закрепили его за гак «Мюда». «Ост» взял «Мюд» на буксир, и таким образом пароход вывели на фарватер. Здесь капитан, не дав своевременно ослабить трос на «Мюде», чтобы его можно было отдать, не предупредив старшин катеров, дал команду «Полный вперед». Пароход обогнал катера и потащил их за собой. Катера накренились и стали принимать воду на палубу и в машинное отделение. Из-за крена с палубы «Мюда» упал за борт матрос, который спасся сам. Помощник моториста Новокрепцов выскочил из машинного отделения, выпал за борт и утонул. Капитан Гринько отдан под следствие и осуждён на три года лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях за «преступную халатность» [7, л. 15].

16 июля в Петропавловск пришел пароход «Ительмен», прибуксировавший три деревянные шхуны водоизмещением по 700 т с грузоподъёмностью 290 т каждая. Их ещё до войны построил для АКО сахалинский Пограничный лесной комбинат. Война помешала своевременно доставить суда на Камчатку, и они пять лет находились на берегу. В 1946 г. их решили спустить на воду. Рассматривалось несколько вариантов спуска, наиболее удачный

из которых предложил инженер верфи В. В. Гриб. Подготовительные работы продолжались до 20 июня. Спуск при помощи траулера Морлова «Топорок» завершился 5 июля. В тот же день к вечеру разыгрался шторм. Высота волн достигала трёх метров. Шхуны прекрасно выдержали штормовую погоду. 9 июля их взял на буксир подошедший «Ительмен». Шхуны предполагалось достроить на ПСРВ. Здесь на них должны были установить двигатели, отделать каюты, надстройки, установить рулевое устройство, оснастить парусами. Готовые суда намеревались использовать для ближнего каботажного плавания — как средство связи с комбина-тами побережья и переброски на них небольшого количества груза [8, № 161]. Однако задуманное осуществить не удалось: достроить шхуны не смогли, и в конце 1940-х гг. их списали на слом.

15 августа «Ительмен» в Охотском море на рейде Крутого-ровского рыбокомбината потерял становой якорь и часть якор-ной цепи. «Расследованием установлено, что пароход стоял на якоре без буйка, несмотря на неоднократные предупреждения при-казами по ГКРП об обязательности привязывания к якорю буй-ка. Отсутствие у якоря буйка лишило экипаж судна возможнос-ти отыскать и поднять с грунта якорь после обрыва якорной цепи и тем самым избежать убытков Государству» [9, л. 205].

22 августа в реку Камчатку впервые вошёл крупный морской пароход. Им стал «Якут». В середине августа он прибыл на рейд Усть-Камчатска с грузом угля. Непогода шесть суток не давала возможности начать рейдовую разгрузку судна. «Якутяне» славно поработали в текущую навигацию — этим рейсом они завершали выполнение своего годового плана. Вынужденное безделье ввиду длительного простоя подсказало молодому капитану Г. А. Козы-реву дерзкую мысль: попытаться войти в устье реки Камчатки с быстрым течением и узким фарватером и разгрузить пароход у речного причала. Сопровождавшие одобрили это решение. Тщательно проведенные старшим помощником капитана Н. А. Бур-луцким и матросом 1-го класса И. П. Ступаком промеры глуби-ны устья показали, что судно, хотя и некоторым риском, но впол-не может войти в реку. Расчёт полностью оправдался. Пароход благополучно сделал это, но не смог из-за малой глубины прибли-зиться к причалу. Уголь выгрузили, приняли бочечную клепку, пассажиров и взяли на буксир плот-сигару. Во время выхода из реки «Якут» зацепил илистое дно, не получив при этом повреж-дений. Наступивший прилив снял пароход с мели, и он благопо-лучно последовал в море [8, № 201].

28 ноября на подсобном хозяйстве сгорел свинарник со всеми находившимися в нём животными. Убыток оценен в 252 677 руб. 46 коп. [3, л. 156].

9 декабря пароход «Чапаев», шедший из залива Посыет в Японское море, в районе бухты Ольга в открытом море попал в жестокий шторм. Судно принимало на полубак и носовую палубу огромные волны. Одна из них разорвала якорный канат, в результате чего в воду ушел якорь и пять с половиной цепных смычек [3, л. 156].

В 1946 г. КРФ возглавляли: начальник П. Д. Киселёв, главный инженер Н. А. Цимбал, начальник эксплуатации Г. А. Конторович.

На чёрных трубах пароходов КРФ появились новые марки. На расстоянии половины диаметра трубы от её верхней оконечности наносилась белая полоса. На ней с обоих бортов чёрными полосами изображались ромбы, внутри которых на белом фоне вписывались чёрные же буквы «КРФ».

К началу 1946 г. в распоряжении флота имелось 15 крупных судов: пароходы «Орочон», «Ительмен», «Сима», «Чавыча», «Эскимос», «Якут», «Чапаев», «Щорс», «Анатолий Серов», «Коккинаки», «Кура», «Терек», «Шелонь», танкер «Максим Горький», буксир «Кашалот». Одно из них — «Шелонь» — не эксплуатировалось после тяжёлой аварии с 1944 г. Оно стояло полузатопленным в порту Советская Гавань в ожидании ремонта. Построенная в 1918 г. «Шелонь» ещё в 1944 г. лежала в воде по главную палубу ввиду невозможности поддержания плавучести. Только стоянка в доке, по оценке специалистов, могла занять год и обошлась бы флоту в 4 млн руб. Стоимость же полного ремонта судна определялась в 15 млн руб. При таком раскладе начальник флота П. Д. Киселёв считал нецелесообразным восстановление малотоннажного парохода, пребывавшего около двух лет под водой [3, л. 168].

Ремонт «Шелони» начался в июле 1946 г. по особому решению Совета Министров СССР. Работы завершились в 1947 г., после чего пароход из «системы» рыбной промышленности передали Министерству строительства военных и военно-морских предприятий СССР. Тем самым его исключили из состава КРФ, в котором судно числилось три года, принося лишь одни убытки и не принимая участия в грузоперевозках [6, л. 12].

Единственный буксир КРФ «Кашалот» с паровой машиной мощностью 1 000 л. с., имевший деревянный корпус, мог плавать только летом. Его предполагалось использовать для доставки морских плотов-«сигар» из Усть-Камчатска в Петропавловск. Крупными недостатками буксира, построенного в США в 1944 г.,

являлись: малые запас бункера и воды, не позволявшие совершать большие переходы, отсутствие буксирной лебедки, ненадёжные питательные средства единственного парового котла. Водотрубный котёл системы «Бабкок-Вилькокс», топившийся углём, как считалось, не «обеспечивал бесперебойную работу судна». За год эксплуатации в нём вышли из строя шесть трубок «по причине появления сквозных свищей» [3, л. 168].

Справедливости ради следует отметить, что котла подобной системы флот раньше не имел, отсутствовал и опыт эксплуатации подобной техники. Этот котёл был гораздо более сложным и чувствительным к качеству питательной воды, чем привычные оборотные огнетрубные, стоявшие на остальных пароходах. Вполне возможно, что быстрому выходу котла из строя способствовало вовсе не низкое качество его изготовления в США, как указано, словно в собственное оправдание, во многих документах, а простое несоблюдение правил технической эксплуатации.

Ещё три парохода стояли в ремонте. С учётом этого предполагалось, что весной 1946 г. будут работать десять судов. Они должны были обеспечить во втором квартале 1946 г. перевозку 55,5 тыс. т грузов при вдвое больших потребностях [10, л. 46]. Общая грузоподъёмность транспортных судов составляла 38 518 т.

К началу марта 1946 г. флот, от которого во многом зависела судьба предстоящей путины, что называется, «сидел на мели»: половина его судов уже вышла или находилась на грани выхода из строя, значительная часть нуждалась в серьёзном ремонте. Об этом крайне неблагоприятном положении было хорошо известно руководству ГКРП. Но оно требовало от команд судов немедленного выхода в рейс, нисколько не интересуясь, возможно ли это сделать. Во время недавней Отечественной войны суда эксплуатировались на износ. Их ремонт на ПСРВ обычно сводился к мелким работам, например, постановке на течи цементных ящичков. Тогда это считалось оправданным: перед флотом стояла важная задача — перевезти как можно больше груза. Казалось бы, что после войны следует серьёзно подумать о ремонте судов, о приведении их в порядок. Но на деле этим пока никто не занимался. Привычным образом на КРФ решили увеличить нагрузку, а средства, необходимые на его восстановление, значительно уменьшить.

Главный инженер КРФ Н. А. Цимбал сетовал, что флот получил график ремонта, в который не вошли пароходы «Орочон» и «Чапаев». На запрос: почему, последовал ответ: «Пароход “Орочон” не включён в график потому, что он нуждается только в докова-

нии. Кроме того, отсутствуют производственные возможности». Пароход вычеркнули из графика потому, что он требовал только докования, как будто бы оно не являлось ремонтом. Зато в график вписали «Терек», требовавший большой объём работ, чем «Орочон». Что же касается производственных возможностей ПСРВ, то они действительно были ограничены. Верфи не хватало листовой стали для починки корпусов, дымогарных труб для котлов, заклепок, изоляции. Она не могла освоить выпуск прокладок для горловин котлов «Бабкок-Вилькоккс». А это были самые «больные места»: клёпаные корпуса и котлы силами экипажей ремонтировать было невозможно [8, л. 46].

Из-за недостатка материалов верфь применяла «методы, обеспечивающие кратковременную эксплуатацию». Отдельные цехи, в частности, литейный, выпускали много брака, нередко всё это сопровождалось скверной организацией труда и штурмовщиной. Примером «безответственности и бесконтрольности руководящих работников» верфи назывался затянувшийся ремонт брашпиля и донки «Эскимоса». ПСРВ категорически отказалась выполнить заказ по требованиям флота и применила собственный «скорый» метод работ. В результате этого механизмы сразу после испытаний перестали действовать, и им вновь потребовался ремонт.

ПСРВ, по мнению П. Д. Киселёва, могла бы обеспечить ремонт и доковые работы, если бы не отвлекалась заказами «сторонних» организаций и работала в три смены. При этом единственный на Камчатке док тоже следовало перевести на круглосуточную работу. Так, в 1946 г. при плане ремонта судов Министерства морского флота (ММФ) СССР на 1,5 млн руб., только за девять месяцев верфь выполнила работ на 3,13 млн руб. Услуг «сторонним» организациям при плане 715 тыс. руб. за это время оказано на 3,143 млн. Судоремонт же для ГКРП при плане 7,6 млн руб. был сделан на 4,44 млн. Поэтому-то и затянулись работы на «Куре» на двенадцать, а на «Орочоне» — на десять месяцев. «Терек» только в ожидании их начала простоял полгода. Док же работал в одну смену с загрузкой не более 50 %, причём из девяти месяцев три его занимали суда ММФ и Дальстроя [11, л. 54].

«Территориальное расположение ПСРВ и порта сильно отражается на техническом состоянии флота и порождает простои судов по техническим неполадкам. Завод от порта расположен в 6—6,5 милях. Связь водным путём с мая по декабрь. Остальное время бухта Раковая покрывается льдом метровой толщины, и проход судам возможен только с помощью ледокола, которого в Петропавловске

нет. Связь с заводом сухопутным путём осуществляется нормально всеми видами транспорта с половины июня до декабря, остальное время сообщение затруднено или совершенно невозможно из-за снежных заносов и разрывов дорог. Кроме того, не всякую деталь можно доставить на завод из порта. Завод не в состоянии выполнить большое количество мелких заказов флота» [12, л. 42].

Капитальный, текущий и аварийный ремонт судов проводился, как и ранее, не только на ПСРВ, но и во Владивостоке. В 1946 г. появилась новая, как тогда говорили, «внешняя», база ремонта — китайский порт Дальний (Дайрен). Качество работ на всех этих базах нередко оказывалось неудовлетворительным. Так, «Эскимос» простоял в междурейсовом ремонте в Петропавловске с 3 мая по 18 июня 1946 г., то есть 45 дней, затратив 97 тыс. руб., после чего часть работ пришлось переделывать в рейсе силами экипажа. «Чавыча» пребывала во Владивостоке зимой 1946 г., требуемых работ не получила и летом была отбуксирована в Дальний, где простояла до конца года. Весной 1947 г. «Чавыча» вернулась в Петропавловск, но нормально действовать не могла: её котлы требовали замены жаровых труб. Затраты на ремонт этого судна превысили 4 млн руб.

«Чавыча» ремонтировалась в Дальнем 132 дня. «По затратам времени и средств нужно было считать, что это капремонт. Однако по объему и качеству этот ремонт можно считать только текущим. По существу, он состоял только из обивки ржавчины корпуса, постановке заплат на электросварке, переборке и замены мелких деталей. На “Чавыче” были капитально отремонтированы котлы, однако этот ремонт был сведён к нулю, так как не были выполнены требования Регистра в части ремонта жаровых труб. Немедленно после прихода в Петропавловск потребовался значительный ремонт — в жаровой трубе правого котла появилась трещина. Техническое состояние судна фактически осталось таким же, как и до ремонта. В результате этого инспекция Регистра выдала с большой натяжкой разрешение на плавание только на один месяц. Высокая стоимость ремонта объясняется отсутствием материалов на заводе, их дороговизной и отсутствием контроля за ремонтом со стороны представителей министерства в Дальнем, а также отсутствием контроля за расходом государственных средств» [11, л. 5].

Флот во многом работал только благодаря энтузиазму экипажей судов. Танкер «Максим Горький» исправлялся преимущественно на ходу, в портах он стоял мало. Пароход «Коккинаки»

отличался отличным содержанием механизмов лишь благодаря энергии и умению моряков. «Терек», несмотря на низкое техническое состояние всего судна, выполнил три важных рейса Петропавловск — Сахалин. «Якут», невзирая на неисправные котлы и вспомогательные механизмы, бесперебойно проработал всю навигацию. В портах он почти не ремонтировался [3, л. 20].

Жизнь показывала, что КРФ нуждается в собственной судоремонтной мастерской в Петропавловске. Здесь во время грузовых операций и бункеровки суда могли бы произвести мелкие работы (токарно-слесарные, фрезерные, сварочные), разгрузив этим ПСРВ от неплановых заказов. Наиболее удобным местом для постройки мастерской являлись мыс Сигнальный, Озерная коса или район Култучного озера. Для оборудования такого предприятия требовались по четыре токарных и сверлильных, по одному фрезерному и поперечно-строгальному станку, ножовочная пила, точило, электро- и газосварочный аппараты, разметочная плита, кузнечный горн и четверо тисков, а также три столярных верстака [12, л. 42].

О создании мастерской управление КРФ на протяжении ряда лет настаивало перед ГКРП и Министерством рыбной промышленности (МРП) СССР. Приказ МРП об этом состоялся в 1946 г. Но до конца года, «несмотря на это... к проектированию мастерских Главк еще не приступил и, видимо, большого желания не имеет» [11, л. 54]. В идеале флоту требовалась ещё одна подобная мастерская во Владивостоке. По словам начальника эксплуатации Г. А. Конторовича, без них «восстановление флота и его нормальная эксплуатация невозможны» [3, л. 23].

Плановая потребность в плавсоставе на 1 января 1947 г. оценивалась в 641 чел. для уже имеющихся судов, ещё 234 моряка следовало направить на обещанные поставкой в течение 1947 г. девять новых. На деле трудились всего 608 чел. Зимой 1947 г. на курсах во Владивостоке и Петропавловске обучались 23 судоводителя, девять механиков и один радист. Недостающих 234 моряка намеревались пригласить, заключая договоры с членами команд перегоняемых судов. Правда, по словам П. Д. Киселёва, это могло привести «к ещё более худшему положению бытовых условий» [12, л. 35].

А бытовые условия были и так очень скверными. К началу 1946 г. КРФ располагал всего 157 кв. м жилья. Еще 251 «квадратов» имелось в нежилом помещении. За год флот построил засыпной восьмиквартирный дом и приобрел три деревянных частных домика. На это израсходовали 865,6 тыс. руб. Теперь жилая

площадь выросла на 327,6 кв. м. На них размещались 65 чел., на каждого из которых приходилось по пять «метров». Это оказалось даже больше действовавшей в то время минимальной нормы, исчислявшейся в четыре «метра» на человека. Нежилое помещение приспособили под общежитие, в котором разместили 89 чел. (здесь на каждого приходилось по 2,8 кв. м). Всего же флот имел 578 кв. м жилья (по 3,7 на одного обитателя). Помимо собственного жилья, работники КРФ ютились в помещениях коммунального хозяйства ГКРП, а около 500 чел. занимали жилфонды других организаций [3, л. 4].

Как видно, КРФ мог обеспечить лишь треть личного состава при очень низкой средней площади на одного человека. Областные контрольные органы полагали, что руководство флота «мало проявляет настойчивости о расширении строительства нового жилого фонда. Об этом свидетельствует тот факт, что в годовом отчете в объяснительной записке никаких требований к Главку не выставлено». Здесь же ему предлагалось «добиться перед руководством Главка нового жилищного строительства до полного удовлетворения своих потребностей, хотя бы по минимальной норме в четыре квадратных метра» [3, л. 5]. Но на ближайшие годы это осталось лишь пожеланием. Убытки на содержание жилья составили 63 тыс. руб. Квартплаты с жильцов за год собрали 5 тыс. руб.

В состав КРФ также входили сельскохозяйственная ферма, расположенная на 14-м км Елизовского шоссе, и морское агентство во Владивостоке [3, л. 9].

План КРФ на 1946 г. включал перевозку 173 000 т и доставку 7 000 куб. м леса в «сигарах». На деле удалось перебросить 161 505 т, то есть 89,7 % задания. Лучшие показатели выполнения плана продемонстрировали пароходы «Терек» — 190,4 %, «Якут» — 156,5 %, «Эскимос» — 147,4 %, «Ительмен» — 127,3 % и танкер «Максим Горький» — 163,2 %. Пароход «Щорс» выполнил задание на 100,7 %, остальные суда с ним не справились. Коэффициент грузоподъемности судов вырос с 0,839 в 1945 г. до 0,856 в 1946 г. Средняя продолжительность рейса в 1946 г. составила 41,3 суток вместо 51,3 прошлогодних [3, л. 19].

Несмотря на общее невыполнение плана, отдельные экипажи показали отличные результаты. Три судна получили премии за победу во Всесоюзном социалистическом соревновании: «Якут» — 17 000, «Ительмен» — 19 700, «Терек» — 15 500 руб. Часть этих

денег потратили на, как тогда говорили, «культурно-бытовые нужды» моряков [12, л. 37].

Вот как проходил один из рейсов «Щорса», объявленный «стахановским». Пароход в начале июня снялся с грузом и пассажирами на Восточную Камчатку. Прибыв в Усть-Камчатск, он начал разгрузку силами экипажа и завершил её почти на сутки раньше намеченного. В Усть-Камчатске «Щорс» взял на буксир «сигару» для Хайлюлинского рыбокомбината. На переходе задул сильный ветер, поднявший большую волну. Крепления «сигары» ослабли, это угрожало её потерей. Непокойной ночью, не считаясь с риском, матросы под руководством старшего помощника капитана Бережкова и боцмана Медведева выехали на шлюпках к «сигаре» и с большими усилиями закрепили её. Лес удалось сохранить и доставить к месту назначения. В Оссорском рыбокомбинате моряки разгрузили за 16 часов 400 т, выполнив нормы на 260 %. Здесь вновь отличились старпом Бережков и боцман Медведев, отлично поработали плотник Власов, матросы Крылов, Лисица и Мазуров.

Перевыполнению рейсовых заданий способствовало хорошо налаженное соревнование. Палубная команда «Щорса» состязалась не только с командами других пароходов, но и со своей машинной. Во время напряженных грузовых работ соревновались вахты, отдельные моряки принимали индивидуальные обязательства. Результаты соревнования отражали стенная газета, «Боевые листки», плакаты-«молнии». Они заносились и на доску показателей. На судне имелась красиво оформленная Книга почёта, в которую по решению общего собрания экипажа заносили лучших моряков [8, № 178].

В 1946 г. бюджет времени КРФ распределялся следующим образом: полезное эксплуатационное — 51,6, непроизводительные простои — 28,3, простои по метеорологическим причинам — 20,1 %. Непроизводительно флот потерял 929 судосуток. Это объяснялось недостаточными мерами, принимаемыми по борьбе с простоями, отсутствием условий «к возможностям наилучшего использования тоннажа, что могло бы дать дополнительно до 50 000 т грузоперевозок».

Работа КРФ имела ряд особенностей и резко отличалась от системы эксплуатации судов ММФ СССР. Суда КРФ, как правило, использовались без учёта навигационной обстановки на побережье Камчатки, вследствие чего много простаивали из-за непогоды или тяжёлой ледовой обстановки.

На западном берегу Камчатки благоприятное для нахождения там судов время приходилось на период с 15 января по 15 марта

и с 1 июня по 20 сентября. Как показывала практика, до 15 августа рыбокомбинаты не имели возможности обрабатывать суда из-за путины. Таким образом, рабочее время на западном побережье составляло всего три месяца. Такое же положение складывалось и на восточном берегу: благоприятным периодом являлось время с 1 октября по 1 декабря, а в северных районах (от мыса Олюторского до бухты Провидения) — с 1 июля по 1 сентября. В такие сжатые сроки комбинаты не могли переработать весь поток адресованных им грузов из-за недостатка плавсредств, рабочей силы и отсутствия механизации. Но содержать на этих предприятиях грузовые плавсредства и специальных людей для обработки крупных пароходов ММФ вследствие сезонности работы было нерентабельно. Поэтому такое положение и «исправлялось» КРФ, вынужденным отправлять свои суда в неблагоприятные погоды с тем, чтобы всё-таки обеспечить комбинаты необходимым. А ведь это время, опасное для плавания, можно было использовать для ремонта судов.

Всю осень и зиму 1946 г. плавали пароходы «Щорс», «Анатоль Серов», «Коккинаки», танкер «Максим Горький». Они сожгли большое количество топлива, проделав мизерную работу, и почти весь груз привезли обратно в Петропавловск. Их удалось разгрузить только в январе и феврале 1947 г., когда наступило благоприятное время для навигации.

Ненормальность этого положения видна на примере работы «Якута». В начале сентября 1946 г., когда вывозилась рыбная продукция, и в каждом комбинате стояли несколько судов, ГКРП решил послать его с полным грузом бочечной клёпки на западное побережье. Ни один здешний комбинат не принял судно. Только после месячной стояки, израсходовав 700 т угля и выгрузив всего 600 т клёпки, пароход вернулся с грузом в Петропавловск. В октябре тот же «Якут» направили порожняком на Южный Сахалин за углём. К его приходу на копи наряд на уголь не был оформлен. Пока шли переговоры, судно простояло два с лишним месяца и, наконец, доставило в Петропавловск 2 000 т товарного топлива. Таким образом, за четыре месяца пароход сделал два рейса, сжёг 2 400 т угля, израсходовал на зарплату экипажу 200 тыс. руб., а полезного груза перевез лишь 2 600 т. В результате каждая его тонна обошлась государству в немалую сумму. Неправильная эксплуатация судна привела к тому, что «Якут», выполнивший годовой план на 153 %, принёс в то же время 330 тыс. руб. убытка.

Запланированные ранее маршруты плаваний судов нередко изменялись, нарушая работу флота. Вот пример этого. В начале октября 1946 г. лесовоз «Коккинаки» телеграфным приказом МРП СССР был поставлен на Сахалине на погрузку леса для Камчатки. 15 октября распоряжением заместителя министра судно немедленно переадресовывалось под погрузку леса для Курильского рыбтреста.

На сообщение ГКРП о том, что «Коккинаки» должен завезти лес на Камчатку, заместитель министра 24 октября вторично подтвердил своё распоряжение. 27 октября пришло дополнительное указание другого заместителя министра: принять для Курильского треста 500 т овощей. 29 октября теперь уже сам министр указал, что лес на Курилы будет возить пароход «Петропавловск». В итоге были выполнены распоряжения заместителей министра. «Коккинаки» принял овощи и лес для Курил, а Камчатка осталась без строительной древесины.

7 марта 1947 г. на общем собрании моряков КРФ о работе своего судна в прошедшую навигацию рассказывал помполит «Орочона» Г. К. Просвиркин: «Нам зачастую давали невыполнимые распоряжения. 6 марта 1946 г. мы шлём телеграмму: “Нет воды”. Киселёв разрешает сняться, Кулиш не разрешает. Макштас (заместители начальника КГРТ. — С. Г.) разрешил. Только снялись, получаем телеграмму из Главка: “Сниматься запрещаю”, затем опять телеграмма Киселёва: “Сняться”. В результате мы оставили людей на берегу, которым пришлось идти пешком в Петропавловск 270 километров» [3, л. 33].

Начальник КРФ нередко оказывался на положении диспетчера при ГКРП: вопросы по постановке пароходов на те или иные маршруты решались не в управлении флота, а в ГКРП или МПР. П. Д. Киселёв писал по этому поводу: «Эксплуатация каждого судна в отдельности, загрузка его и план рейса решаются непосредственно руководством Главка или Министерством, оставляя за начальником флота право только диспетчеризации судна. В результате такой обезлички весь флот в целом не работает по утверждённому годовому графику» [11, л. 52].

А вот что сообщала областная газета «Камчатская правда»: «Кто же руководит флотом? Им командуют многие, дают бесчисленные приказания, противоречащие друг другу. Пароходами распоряжаются: начальник Главка тов. Кулаженко, его заместители тт. Дедков, Макштас, Кулиш, работник Главка тов. Лукьянов. Из Владивостока и Москвы дают указания тт. Павлов, Сухорученко,

Гинер. Это — не считая непосредственных руководителей флота тт. Киселёва и Конторовича, морского агента тов. Иоффе.

Не успеет судно выйти в рейс, как на него поступают бесчисленные приказания. Как правило, текст большинства телеграмм заканчивается словами: “Исполнение доложить немедленно”. “За невыполнение наложу взыскание”, “Приму самые строгие меры”, “Отдам под суд” и прочие. Капитаны судов теряются в догадках: чьё приказание исполнять?

Вот характерный пример. В конце прошлого года на Сахалин прибыл пароход “Коккинаки” за лесом для Камчатки. Уже началась погрузка, как вдруг поступило указание грузить домики и картофель для рыбаков Курильских островов. С этого и началась карусель. Одни требуют погрузки леса, другие — принятия на борт домиков и картофеля. Пока шла перепалка, судно из-за простоя понесло 100 тыс. руб. убытка.

В декабре 1946 г. пароход “Якут” находился под погрузкой угля на Сахалине. Позже выяснилось, что погрузка из-за непрекращающихся штормов невозможна. Кроме того, пункт, где грузилось судно, заявил о прекращении работы на зимний период. Вместо отзыва “Якута” обратно, Главк послал в тот пункт пароход “Анатолий Серов”. Лишь после настойчивых запросов капитана, начальник эксплуатации флота тов. Конторович ответил: “Запросили Министерство, ждите» [14, № 81].

Еще одна особенность эксплуатации КРФ заключалась в том, что она зависела от условий добычи рыбы, в первую очередь лосося. Его ожидаемые подходы в то время оценивать ещё не могли, хотя бы приблизительно. Колебания подходов рыбы заставляли, кроме прямых перевозок, использовать крупнотоннажный флот на переброске мелких дополнительных партий грузов между комбинатами. Это вызвалось отсутствием запасов основных путинных материалов в комбинатах.

Так, «Якут» перевёз 5 000 ящ. консервной тары из Крутогоры в Кихчик, «Чапаев» — 7 000 ящ. из Митоги в Микояновск. «Щорс» доставлял консервную тару из Хайрюзово в Кировск. «Эскимос» возил по сотне тонн соли и угля из Анадыря в Майно-Пыльгино. Получалось, что пароходы с грузоподъемностью несколько тысяч тонн перебрасывали партии по 90—100 т.

Примерами недогруза служили рейсы «Ительмена», «Якута» и «Чапаева», перевозивших мелкие грузы консервной банки из комбината в комбинат ввиду отсутствия там запасов, разного типа оборудования на различных заводах, а также потому, что в одних

комбинатах ход рыбы уже закончился, но банка осталась, а в других рыба ещё шла, а тары остро недоставало. «Якут» привёз в Усть-Камчатск уголь и консервные банки, а на обратном пути смог приять только 516 т имевшегося на здешнем комбинате груза. «Сима», направленная в Усть-Камчатск за клёпкой, сумела взять туда только 500 т из-за отсутствия груза в Петропавловске.

ГКРП нередко заставлял флот выполнять непродуманные распоряжения, ведущие к бесцельной потере полезного эксплуатационного времени. Например, «Эскимос» доставил в Анадырь путинный груз и, полностью опорожнившись, снова принял 100 т соли россыпью. Якобы, она срочно потребовалась Майно-Пыльгинскому комбинату. По прибытию к месту назначения, капитан получил от директора этого комбината отказ получать груз. Несколько суток ушли на переписку.

П. Д. Киселёв в объяснительной записке, адресованной Министерству государственного контроля СССР, указывал, что «...не проверяя наличия на складах подготовленного к отправке груза, отдел снабжения ГКРП требует тоннаж, который флот вынужден выделять. Судно, прибыв в пункт погрузки, простаивает из-за неподготовленности груза или из-за его отсутствия, вынуждено переходить в другой пункт... Из-за отсутствия резервов, по распоряжению ГКРП, несмотря на протесты капитанов и управления флотом, пароходы загружаются и направляются на комбинаты в самое неблагоприятное штормовое время года, что приводит к бесцельной потере времени, расходованию угля и возвращению в Петропавловск не выгруженных судов из-за обезугливания» [11, л. 52—53].

Третья особенность работы КРФ заключалась в том, что он выполнял самую трудоёмкую и нерентабельную работу, которой ММФ СССР заниматься не желало. Ею был завоз грузов в глубинные пункты, такие, как Пенжинская губа. Отправляясь туда, пароход, везший 2 000 т, затрачивал на один рейс более двух месяцев, сжигая свыше тысячи тонн угля [11, л. 8—9].

Суда КРФ перевозили много пустой консервной тары. Недостаток тоннажа и необходимость её срочной доставки к началу путины заставляли суда полностью грузить только банкой. Восемь пароходов общей вместимостью 23 100 т перевезли 5 516 т банки. При этом коэффициент использования грузоподъёмности — один из важнейших показателей эффективности использования флота — оказался равен всего 0,149. Тем не менее, это обеспечило выполнение годовой консервной программы ГКРП, в том числе

и экспортной, направленной на зарабатывание валюты для разорённой войной страны.

Загруженность флота работой на побережье Камчатки не оставляла времени на завоз в Петропавловск угля. В свою очередь, его недостаток здесь порождал колоссальные потери эксплуатационного времени судов [11, л. 10].

Для улучшения эксплуатации флота, по мнению его руководства, в ближайшее время следовало предпринять следующие меры:

- оборудовать на западном побережье Камчатки в Микояновском и Озерновском комбинатах пункты снабжения пароходов водой. Отсутствие возможности взять её на побережье заставляло вводить жёсткие меры по экономии. Так, продувание паровых котлов производилось один раз в 8—10 суток вместо ежедневно, что вызывало их загрязнение и влекло перерасход топлива;

- ввести в систему посылку транспортных судов под рыбопродукцию (чтобы избежать осенью излишних потерь времени при снятии с комбинатов готовой продукции): в сентябре-декабре — на восточное, а в декабре-марте — на западное побережье;

- совершенно отказаться от посылки пароходов в комбинаты в период рунного хода рыбы, используя их в это время для доставки в Петропавловск угля и вывозе из Владивостока соли и путинных грузов, с Сахалина — леса и нефтепродуктов с тем, чтобы потом везти их на комбинаты в свободное от рунного хода рыбы время;

- поставить крупнотоннажные «Орочон» и «Ительмен» на линию Сахалин — Петропавловск под перевозку угля;

- использовать «Коккинаки» на доставке леса с Сахалина в Петропавловск;

- направить «Куру» и «Терек» на снабжение комбинатов углём и лесом из Петропавловска. Остальными судами обеспечивать эти предприятия путинными грузами.

«В целях удешевления стоимости эксплуатации флота на грузоперевозках Камчатки вполне назрел вопрос создания мелко-тоннажного флота, как для местного каботажа, так и для межкомбинатских перевозок. Наличие... судов типа парусно-моторных шхун грузоподъёмностью 500 т даст возможность резко увеличить грузопоток на побережье Камчатки, одновременно завезти путинные грузы и вывезти рыбопродукцию, устранив простой крупнотоннажных судов на комбинатах». Пока же груз, доставленный одним пароходом сразу для нескольких комбинатов, обрабатывался только в одном пункте. Для этого комбинаты собирали и отправляли туда со всех своих баз плавсредства

и рабочие руки. Наличие шхун давало возможность подать груз с парохода одновременно по всем базам комбината и ускорить его выгрузку.

Необходимо было решать и один из самых наболевших вопросов: перевозку пассажиров по побережью. Пока людей доставляли на палубах или в твиндеках грузовых судов. Они месяцами ждали возможности выехать в комбинаты. «Необходимо наряду с разрешением вопроса о мелкотоннажном флоте, дать Камчатке регулярное пассажирское сообщение обоих побережий с Петропавловском за счёт постройки четырёх специальных пассажирских судов на 250—300 чел. вместимостью каждое» [11, л. 11].

В 1946 г. с пароходами КРФ произошло девять аварий. К счастью, смертельных случаев и травматизма, вызывавшего потерю трудоспособности, не имелось [3, л. 160].

С 1946 г. на флоте рыбной промышленности начала действовать новая схема должностных окладов. Размеры выплат оказались заметно меньше, чем у аналогичных специалистов, трудившихся в ММФ. Так, капитаны судов седьмой группы судов (самых больших) в рыбной промышленности имели должностной оклад 1 728 руб., а в ММФ — 2 240, капитаны третьей группы судов (самых малых) — 1 320 и 1 760 руб. соответственно. Оклады старших механиков были равны 1 500 и 2 080; 1 195 и 1 440 руб. соответственно, боцманов — 584 и 720; 554 и 600 руб.

17 июля 1945 г. в Берлине началась конференция представителей правительств стран-победителей — СССР, Великобритании и США по разделу трофейного германского торгового флота. Было решено, что он будет поровну распределён между ними, кроме судов внутреннего плавания. Великобритания и США намеревались выделить из своих долей некоторое количество трофеев другим союзным государствам, торговое судоходство которых «понесло тяжёлые потери в борьбе за общее дело против Германии, кроме судов, которые СССР выделит из своей доли для Польши». Победители учредили Тройственную комиссию по торговому флоту. Её заседания проходили в Берлине с 1 сентября по 7 декабря 1945 г. В результате были выработаны условия для раздела германского флота вместимостью 1 189 600 рег. т стоимостью свыше 20 млн фунтов стерлингов. Суда общей вместимостью 200 тыс. т, дедвейтом меньше 2 250 т каждое, оставлены «для продолжения германской мирной экономики». Вопрос о разделе рыболовного, технического, портового и речного флота было решено рассмотреть

отдельно [8, № 56]. Первые трофейные транспортные суда в соответствии с решениями Тройственной комиссии прибыли на Камчатку в феврале 1947 г.

1947

2 января кочегар «Щорса» похитил из трюма 65 кг муки, которую затарировал в деревянную бочку, после чего выписал пропуск на рыбу, якобы, принадлежащую лично ему. При попытке вывезти её на берег, был «разоблачён, предан суду и осуждён на два года в общих местах заключения» [15, л. 14].

24 января упразднен погрузо-разгрузочный отдел ГКРП. Его функции переданы отделу транспортного флота ГКРП. Работники отдела Я. Н. Лукьянов и Н. Бабин переведены КРФ [14, л. 327].

24 января ГКРП предписал П. Д. Киселёву совместно с представителем Рыбфлотинспекции Камчатского бассейна испытать сучанский уголь на пароходах «Эскимос» (25 января) и «Сима» (29 января) [16, л. 328].

12 февраля лесовоз «Коккинаки» при выходе из бухты Раковой по каналу во льду, проложенному накануне пароходами ММФ и освежённом буксиром «Тайга», сломал две лопасти только что поставленного на ПСРВ чугунного гребного винта. Им заменили ранее стоявший и тоже неоднократно повреждавшийся бронзовый винт. Пароход снова был вынужден встать в аварийный ремонт, в котором находился 30 суток. Убыток от повреждения составил 256 489 руб. [4, л. 3].

17 февраля в Петропавловск прибыл первый германский трофейный пароход «Рылеев», построенный в 1914 г. Несмотря на солидный возраст судна, его корпус находился в хорошем состоянии. Механизмы и котлы требовали среднего ремонта [11, л. 3].

20 февраля в Петропавловск пришёл трофейный танкер-теплоход «Херсонес». Это относительно новое судно имело сварной корпус, находившийся в хорошем состоянии, все механизмы были оборудованы электроприводом. Конструктивной особенностью «Херсонеса» являлось применение трёх подвесных рулей. Это не позволяло эксплуатировать танкер во льдах [11, л. 3].

25 марта ночью у западного берега Камчатки потерпела аварию «Сима». Помощь ей оказал пароход ММФ «Луга», отбуксировавший «Симу» в Петропавловск [17, л. 31].

15 апреля «Якут», не имевший ледового подкрепления, в Камчатском заливе на подходе к Усть-Камчатску во льду помял борта в районе форпика с нарушением плотности швов и повреждением заклепок. Их обварили электросваркой [5, л. 99].

12 июня на «Симе» завершился судовой шахматный турнир, в котором участвовали 11 игроков. Первое место занял механик Дворников, проигравший только одну партию, второе — матрос Гилевский. Молодые шахматисты — машинисты Попович и Фурсов заняли третье и четвертое места. Всем победителям по правилам шахматной квалификации была присвоена пятая всесоюзная шахматная категория [14, № 135].

19 июля ночью в Первом Курильском проливе из-за неточности лоции потерпел аварию «Якут». Следуя в полосе густого тумана, пароход сел на мель на восточной оконечности мыса Лопатка. Как гласило заключение начальника Рыбфлотинспекции Камчатского бассейна И. А. Апенкина, произошло это «только потому, что капитан Козырев непоколебимо верил лоции, что во время приливо-отливного течения сноса в сторону не бывает, не измерял глубины и не ставил впередсмотрящего. Он ожидал сигналов радиомаяка, но последний не работал (по неизвестной причине). Фактически пароход “Якут” попал в струю ветрового течения из Охотского моря, сносившего его обратно в океан и прижимавшего к мысу Лопатка» [4, л. 4].

За подобное происшествие тогда обычно следовало суровое наказание: лишение капитанской должности и отдача под суд. Но высокое начальство, помня прошлогодний успех «Якута», видимо, решило не губить молодого и перспективного капитана — приказом по МРП Восточных районов СССР № 278 от 6 октября 1947 г. Г. А. Козыреву объявлен строгий выговор с предупреждением. Убытки от этой аварии превысили 1,75 млн руб. [6, л. 58].

22 июля в 23.05 буксир «Иван Сусанин» при благоприятной погоде снялся из Усть-Камчатска в Петропавловск с караваном из «сигары», баржи и десяти кунгасов. К вечеру 23 июля ветер достиг силы в семь баллов, усилилось волнение моря. В 18.05 оторвались пять концевых кунгасов. Их быстро подобрали. Для того чтобы предотвратить обрыв буксира и разрушение «сигары», машина работала на уменьшенных оборотах, судно удерживалось против ветра. Около 04.00 24 июля волны начали выбивать из «сигары» бревна. В 08.05 оторвались семь кунгасов. «Сигара» продолжала разрушаться и в 10.20 совершенно развалилась. При ветре, усилившемся до восьми баллов, и ограниченной видимости, с такелажем от разбитой «сигары» за кормой искать потерянные кунгасы было невозможно. В 18.30 такелаж обрубили, и «Иван Сусанин», ведя за собой баржу и один уцелевший кунгас, последовал в Петропавловск.

Утеря кунгасов и разрушение сигары произошли в силу недоброкачества материала буксира. Он оборвался между кунгасами (манильский трос был новый, 205 мм в окружности и вполне подходил к приложенной нагрузке). Убытки возложены на Усть-Камчатскую базу технического снабжения ГКРП. На будущее во избежание подобных аварий решено не допускать составление буксируемого каравана из разнородных объектов, а все растительные тросы, поступавшие в распоряжение флота, следовало проверять специальной комиссией, оценивавшей их качество и рабочую нагрузку [18, л. 53].

28 июля вышел из капитального ремонта пароход «Кура». Он встал на ПСРВ еще 18 декабря 1945 г. Судно намеревались отправить в срочный ответственный рейс по снабжению Чукотки. В ходе плавания выявились серьезные дефекты укладки линии гребного вала и коленвала главной машины. Вторичная укладка завершилась только 20 июля 1948 г. При этом работы опять были проведены некачественно [19, л. 6].

20 августа буксир «Кашалот», ведший из Усть-Камчатска в Каргинский район две «сигары» и шесть корпусов катеров, при сильном ветре потерял все недостроенные плавсредства. Причина этой аварии — некачественное крепление последних [5, л. 99 об.].

12 сентября в 18.40 во время бункеровки угля на пароходе «Ительмен» в Петропавловске погиб грузчик Андрей Павлович Попов, 1897 г. р. Он упал с одиннадцатиметровой высоты в центральный бункер и получил настолько серьезные травмы, что через двое суток скончался в городской больнице. Без кормильца остались жена и двое детей.

Бункеровка производилась лебедками при помощи сеток. Люк центрального бункера был открыт не полностью. С правого борта на него вплотную уложили три лючины, на которые опускали грузёные углем сетки. Одну лючину сняли, и в образовавшееся отверстие из сетки высыпали уголь. Грузчики прицепляли и отцепляли гак у сетки, обычно стоя у комингса трюма, но А. П. Попов почему-то решил отцепить гак не на палубе, а стоя на лючинах. На них лежал просыпавшийся уголь, на котором он поскользнулся и сорвался вниз. До падения грузчика в бункер успели высыпать всего пять сеток. Тонкий слой лежавшего в нем топлива не смог смягчить удар... [20, л. 97].

22 сентября объявлен приказ по управлению ГКРП № 404: «В соответствии с решением (протокол № 18 от 4 августа 1947 г.) ВЦСПС и МРП Восточных районов Союза ССР по итогам Все-

союзного социалистического соревнования предприятий рыбной промышленности и судов за второй квартал 1947 г. приказываю: 1. Премировать... пароход “Анатолий Серов” — первая премия, выпел, 33 тыс. руб., в том числе 10 тыс. на улучшение культурно-бытового обслуживания. Пароход “Эскимос” — вторая премия, 22 тыс. руб. из них 7 — на улучшение культурно-бытового обслуживания» [20, л. 62].

27 сентября распоряжением по ГКРП установлена система премирования за досрочную обработку судов КРФ в комбинатах. Система распространялась как на моряков, так и на работников береговых предприятий, обрабатывавших суда раньше установленного срока [21, л. 397].

29 сентября в шесть часов утра в открытом море в топке левого котла парохода «Чавыча» произошел взрыв. При горении в топке уголь спекался и образовывал корку, препятствовавшую доступу воздуха в поддувало. Перед подброской в топку угля кочегары надламывали эту корку. Вахтенный кочегар левого котла открыл топочную дверцу и ещё не успел засунуть в топку лом, как раздался сильный взрыв. Кочегара отбросило в сторону к люку бункера. Вместе с газами из топки в кочегарку вылетело около трети горящего угля, от которого моряк получил серьезные ожоги. Кочегар, несший вахту у правого котла, стал заливать водой выброшенный уголь и шлак, отчего кочегарку заполнило облако пара и пыли. Сквозь него не было видно горевших лампочек. Поэтому кочегар и прибежавший на шум вахтенный механик не смогли сразу найти пострадавшего. Вскоре обожженный моряк пришёл в сознание и отозвался. В кочегарке несколько прояснилось, и товарищи нашли его заброшенным в бункер, откуда торчали лишь его ступни. С кочегара сняли тлеющее платье и доставили в судовой лазарет. Здесь ему оказали первую помощь, а по приходе «Чавычи» в Усть-Камчатск пострадавшего доставили в поликлинику, где моряк находился до выздоровления. Приказом по КРФ за счёт флота кочегару возместили «взамен сгоревших носильных вещей натурой: ватный костюм, ботинки, рабочее платье, смену нательного белья, носки и фуражку».

При расследовании происшествия в бункере и кочегарке «Чавычи» нашли два пиропатрона, использовавшихся для разрушения горных пластов. Они попали вместе с углём, полученным с копей в бухте Угольной, принадлежащих Главсевморпути. Причиной взрыва в котле стало нарушение правил использования этих патронов на копиях. Как выяснилось, взрывы в топках наблюдались и ранее,

но они происходили при закрытых створках и не имели никаких последствий. Потому им не придавали значения, считая, что взрываются скапливающиеся газы. О произошедшем решили сообщить всем директорам копей, применявших аналогичные патроны, и обязали проверять их отсутствие в ходе приёмки угля на пароходы. Теперь следовало «при перевалках угля из бункеров в кочегарку тщательно осматривать каждую лопату угля с той же целью» [20, л. 394—394 об.].

6 октября в Петропавловск из Германии прибыл третий трофейный пароход «Барнаул». Его техническое состояние оценивалось как «весьма плохое» — «весь корпус в цементных ящиках, заклёпки сильно корродированы, палубы проржавели насквозь. Все механизмы и котлы нуждаются в капитальном ремонте, лебёдки, трубопроводы и электропроводку необходимо менять» [11, л. 3].

15 октября буксир «Кашалот» принял на рейде Усть-Камчатска «сигару», выведенную из устья реки Камчатки. В 21.35 «Кашалот» снялся с якоря и вышел в рейс. По пути до бухты Южной Глубокой погода стояла благоприятная. Командование судна принимало все меры к сохранению «сигары». С этой целью регулярно спускалась шлюпка для её обследования. На подходе к бухте погода стала ухудшаться, «сигаре» угрожала авария. Капитан «Кашалота» И. Г. Евстафиади зашёл в бухту и перестоял там непогоду. Получив благоприятный (впрочем, не оправдавшийся) прогноз, «Кашалот» вышел из бухты и пошёл дальше, но попал в десятибалльный шторм. «Сигара» развалилась. При расследовании выяснилось, что она была скреплена только поперечными стропами и не имела продольного крепления (сердечника). Убытки в размере 247 100 руб. отнесены на счёт грузовладельца — Усть-Камчатской базы технического снабжения [21, л. 170].

6 декабря на «Терек» произошла серьезная авария котлов: просели жаровые трубы топок. Судно отправилось в рейс с котлами, проработавшими без чистки более 2 000 часов. Их ремонт после аварии продолжался в течение четырёх месяцев. В очередной рейс «Терек» снялся 10 марта 1948 г. с опозданием на сутки из-за работы комиссии по исследованию качества имевшегося на нём угля. Теплотехник КРФ своевременно не отобрал и не проанализировал пробы получаемых углей, допустив «вредную практику капитанов судов и старших механиков необоснованно браковать уголь и создавать ненужные экспертизы, что приводит к излишним простоям» [21, л. 406].

17 декабря «Сима» при выходе из бухты Натальи сломала во льду перо руля. В Петропавловск её прибуксировал ледокол «Вячеслав Молотов». Убыток от этой аварии определён в размере 281 406 руб. [6, л. 58].

27 декабря приказом по ГКРП П. Д. Киселёв назначен флагманом на отходящие по заданию МРП в Карагинский район траулеры «Буревестник» и «Гага». Эти суда отправлялись с продовольствием для населения. Карагинцев не удалось обеспечить зимними запасами из-за невыполнения запланированного пароходу «Кура» летнего рейса. Начальнику экспедиции предписывалось подготовить выход траулеров и в 18.00 28 декабря доложить об их готовности письменным рапортом. Находясь в рейсе, следовало дважды в сутки информировать управление ГКРП о ходе выполнения задания министра. На время командировки П. Д. Киселёва исполнение обязанностей начальника КРФ возлагалось на начальника службы эксплуатации Г. А. Конторовича [20, л. 372].

29 декабря «Щорс» под командованием капитана дальнего плавания П. Я. Жуковского при подходе к причалу при сильном ветре навалился форштевнем на стоявший возле причала пароход, нанеся ему повреждения палубы и борта в надводной части. Во время перешвартовки капитан не поставил в известность своего старшего механика о предстоящей работе машины, второй механик в это время продувал кингстон, а на посту управления главной машиной стоял малоопытный четвёртый механик, не сумевший вовремя выполнить требующийся маневр. Убыток от аварии составил 24 000 руб. [21, л. 348].

В начале 1947 г. КРФ состоял из 14 транспортных судов грузоподъемностью 40 748 т и морского буксира «Кашалот». В феврале 1947 г. пришли трофейный танкер «Херсонес» грузоподъемностью 800 т и пароход «Рылеев», бравший 1 350 т. В конце лета прибыли две первые деревянные парусно-моторные шхуны вмещавшие по 300 т, построенные в счёт поставок по репарациям в Финляндии [6, л. 18]. Общая грузоподъемность флота теперь составила 36 968 т. С учётом выбывшей «Шелони» и двух новых транспортов, КРФ на 1947 г. получил план грузоперевозок в объёме 180 000 т. В октябре 1947 г. он пополнился сухогрузным пароходом «Барнаул» грузоподъемностью 900 т, успевшим до конца года выполнить четыре рейса. Затраты на перегон судов из Европы на Камчатку составили 895 697 руб.

Утверждённый план по грузоперевозкам был выполнен на 104,4 %. Он предусматривал 82 рейса транспортов и 10 плаваний

«Кашалота». Все они были выполнены, а буксир сделал дополнительно ещё три рейса [6, л. 12]. КРФ перевез 187 300 т и 16 463 чел., в основном на побережья Камчатки и во Владивосток [12, л. 5].

Отличились экипажи пароходов «Ительмен», «Чапаев», «Щорс», «Анатолий Серов» и «Рылеев», но при этом ни одно транспортное судно плана по тонно-милям не выполнило, что объяснялось перевозкой груза на более короткие расстояния, чем намеченные [6, л. 14].

Одной из основных составляющих эксплуатационных затрат флота являлись расходы на топливо (31,8 %). В течение 1947 г. его сожжено 30 695 т твердого и 3 409 т жидкого. Затраты заметно увеличились по сравнению с 1946 г. из-за роста стоимости bunkеровки в Петропавловске, превысившей миллион рублей. При указанных выше эксплуатационных затратах себестоимость перевозки одной тонны груза на транспортных судах составила: в 1946 г. — 208,46, в 1947 г. — 245,16 руб.

Уменьшить затраты на топливо можно было за счёт местных, камчатских или чукотских углей. Еще в 1931 г. траулер АКО «Баклан» и владивостокский ледокол «Казак Поярков» показали возможность использования угля из месторождения на реке Телеграфной (приток Анадыря). Моряки «Баклана» дали заключение: «Давление пара в котле держалось в среднем 12 атмосфер при 96 оборотах главной машины. Колебание пара в котле не превышало одной атмосферы. Углем из Телеграфной работать можно, однако при длительных переходах желательнее добавлять в него 25 % сахалинского или сучанского угля...»

Многие суда, находившиеся на Восточной Камчатке, часто бункеровались на Корфских копях. Неоднократно местный бурый уголь испытывал «Орочон» как на стоянке, так и в рейсах. Он горел длинным пламенем, удовлетворительно держал давление пара. Большим недостатком этого топлива была высокая зольность, поэтому его расход почти удваивался по сравнению с сучанским, усложнялась работа кочегаров. Корфский уголь оказался непригоден для судов дальнего плавания: его вмещалось в бункеры не более чем на двадцать суток, тогда как минимального запаса должно было хватать не меньше, как на месяц. Практика показала, что при сжигании более крупных кусков угля без примеси породы работа машин улучшалась. Неплохими были и угли Хайрюзовского месторождения, обладавшие высокой теплотворной способностью, содержавшие менее 4 % золы и очень мало серы. Они были более качественными, чем сучанские. Главным препятствием к развитию этого месторождения являлось расположение копей

в пятидесяти километрах от берега и отсутствие поблизости пригодной стоянки для судов [14, № 76].

В 1947 г. аварии произошли на семи судах КРФ [4, л. 9]. Флот понёс 2 225 384 руб. убытков. В число последних вошли и такие, в общем-то, незначительные, как недостача 516 ящ. консервов на «Чавыче» и «Чапаеве». «Персональными виновниками» объявлены ревизоры судов: один умер, а второй был осуждён и находился в заключении [6, л. 153].

Было списано оборудование на сумму 32 354 руб., в 1945 г. снятое с потерпевшего аварии возле Командорских островов парохода «Большой Шантар». Баллер руля, стопор сектора руля, румпель, станину грузовой лебёдки, червячный вал, привод Дэвиса, двигатель, паровую машину этого погибшего парохода сложили на территории Петропавловской базы технического снабжения. В июле 1947 г. во время очистки территории их краном сбросили на прибойную полосу. Оборудование засыпало песком и залило водой, оно пришло в негодность, превратившись в металлический лом [6, л. 19, 153].

Вот как выглядело рейсовое расписание парохода «Щорс» на 1947 г., составленное 22 октября 1946 г.: «Восемь рейсов, основные пункты захода: Петропавловск, Западная Камчатка, Восточная Камчатка, Дайрен, Совгавань, Владивосток. Первый рейс 1.01—20.02, последний рейс 2.11—21.12.1947 г. Груз: разный, рыба, соль, всего 17 000 т. Пробег в милях 11 050, тонно-миль в тыс. — 27 340, коэффициент использования грузоподъёмности 0,831. Бюджет времени, судосутки: с грузом 63, переход 19, погрузо-разгрузочные работы 92, бункер 11, простои по метеопричинам 59, ремонт 47, прочие 65» [6, л. 22].

А вот отчёт о действительной работе судна под руководством капитана П. Я. Жуковского. За 1947 г. оно сделало девять рейсов, пройдя 12 174 мили, перевезя 25 572,6 т и 640 пассажиров, сделав 26 345,9 тыс. условных тонно-миль. Бюджет времени (в судосутках) сложился из следующих составляющих: на ходу — 74, простои по метеопричинам — 64, погрузо-разгрузочные операции — 91, прочие (котлочистка, рейдовые работы) — 29, непроизводительные простои — 133. Первый рейс начался, как и ожидалось по плану, 1 января 1947 г., последний — завершился 26 января 1948 г. Численность экипажа составила 36 вместо плановых 38 чел. Средняя зарплата моряка за год была равна 17 445 руб. Фактическая себестоимость грузоперевозки одной тонны груза равнялась 90 руб. 48 коп. [22, л. 1].

Практика показала рентабельность эксплуатации небольших судов, таких, как «Рылеев» (грузоподъёмность 1 300 т), «Барнаул» (900 т), «Анатолий Серов» (2 100 т). Они быстро оборачивались и в наиболее краткие сроки доставляли путинные грузы. «Этот тип флота обеспечивает высокую маневренность и даёт возможность оперативно ликвидировать недостатки в срочных грузах в период путины и подготовке к ней». До сих пор суда на рейдах комбинатов выгружались по старинке при помощи кунгасов. В 1947 г. был проведён опыт развоза соли с пароходов на самоходных десантных баржах (полученных в годы войны из США), которые заходили в реки и там быстро обрабатывались [11, л. 6].

Отсутствие ледокола в Петропавловском порту заставляло неприспособленные суда работать во льду, из-за чего повреждались корпуса и, чаще всего, гребные винты. Это же относилось к спецрейсам по обеспечению комбинатов в ненавигационное время. Например, плавания в Анапку в конце апреля — начале мая проходили в ледовых условиях. В апреле 1947 г. «Коккинали» повредил гребной винт, «Якут» — корпус, а в мае «Анатолий Серов» — гребной винт [11, л. 53].

По состоянию на 1 сентября 1947 г. в КРФ работали 930 чел., из них в плавсоставе 692, в управлении флота и отделе снабжения — 33. На перегоне судов находился 121 моряк. Людей хватало, но не доставало квалифицированных и дипломированных специалистов, в том числе трёх капитанов, 34 штурманов и механиков. Капитаны пароходов «Кура» и «Терек» не имели необходимых дипломов. Особенно не хватало вторых помощников капитанов (ревизоров). На большинстве судов они не соответствовали занимаемой должности и не имели нужных документов. Флот остро нуждался в механиках-дизелистах. Ему требовались 36 квалифицированных кочегаров 1-го класса и матросов [11, л. 46]. Ещё в начале 1946 г. 70 наиболее проверенных моряков отправились на перегон судов в Германию, еще 50 специалистов в июле и августе уехали в Ленинград в формируемые перегонные команды, а затем получать шхуны в Финляндию.

Основной костяк флота, как административный, так и рядовой, составляли старые кадры, безусловно работавшие многие годы. Свыше 12 лет трудились 52 моряка, 145 чел. — от 6 до 12 лет и свыше пяти лет — 226 чел. Ордена и медали имели 42 работника, свыше 350 чел. были награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Лучшими капитанами флота являлись Г. А. Козырев, М. Е. Зеленский,

Л. И. Кужель, А. Д. Коломеец, лучшими старшими механиками — С. В. Малкин, Д. Р. Винтовкин, В. П. Лабут, Баженов, Зубарев, Кибличенко.

«Но наряду с этим, на судах имеется засорённость лицами, имеющими судимость, нарушения труддисциплины: пьяницами, аморальными людьми, которых приходится держать во флоте из-за отсутствия соответствующей замены». О такой засорённости свидетельствует тот факт, что при отправлении «Щорса» на «внешний» ремонт в китайский порт Дальний «соответствующие органы» не допустили в плавание 14 из 34 членов экипажа. «Имеются такие суда, на которых во внешние рейсы допускаются не свыше десяти человек из числа команды».

Наряду со старыми, проверенными работниками, имелось много лиц, впервые пришедших на суда: 184 чел. трудились менее года. Это являлось следствием высокой текучести кадров. Так, за восемь месяцев 1947 г. на работу приняли 162 рядовых моряка. Из них 54 завербовали в центральных областях СССР. За это время уволили 103 работников, из них: 52 по собственному желанию, 13 — за нарушение Устава службы на судах флота рыбной промышленности, 10 — по болезни. Основными причинами такой текучести кадров являлись отсутствия жилья и заниженные по сравнению с ММФ оклады [11, с. 47]. Оклады в КРФ на 60 % были ниже аналогичных окладов на судах ММФ. Поэтому в первую очередь увольнялись вновь принятые моряки. Держались старые, проверенные кадры, имевшие надбавки за выслугу лет на Камчатке и стаж работы на флоте.

Нехватка жилья привела к тому, что более половины командиров не виделись со своими семьями, жившими во Владивостоке, по году и более. За 1947 г. жилплощадь КРФ не изменилась, она по-прежнему составляла 578 кв. м. Электрическое освещение из них имели только 206 кв. м. Многие работники КРФ ютились вместе с семьями на судах. На ул. Ключевской достраивался двенадцатиквартирный дом. Несмотря на то, что он ещё не был завершён, часть квартир уже заняли особо нуждающиеся в собственном углу семейства моряков [6, л. 1].

Пополнение специалистами шло неудовлетворительно. МРП завербовало и прислало только двух: капитана, ранее плававшего на судах канала Волга — Москва и не знавшего камчатских условий, и механика, которого уволили, как не соответствующего назначению. Выход был один: готовить кадры на месте. В 1947 г. прошли учёбу в учебно-курсовом комбинате (УКК) ГКРП 32 чел.,

ещё шестеро окончили курсы штурманов дальнего плавания во Владивостоке. Большинство из них имело большой опыт работы на судах, поэтому, получив хорошую теоретическую подготовку, стало полноценными специалистами и существенно помогло флоту в замещении вакантных должностей. Наиболее подготовленных специалистов выпустили курсы судомехаников. Их большая часть занимала должности третьих механиков, а бывшие курсанты Шуганов, Бирюков и Мищенко успешно справлялись с обязанностями вторых механиков. На судах прошли техминимум 143 кочегара, машиниста и матроса. Сроки технической учёбы затягивались из-за того, что команды судов ввиду отсутствия грузчиков на побережье занимались выгрузкой, а в порту проводили между-рейсовый ремонт [11, л. 48].

За восемь месяцев 1947 г. были осуждены за прогулы по Указу от 26 июня 1940 г. 7 чел., за хищение грузов на пароходах — 12 чел.

КРФ ожидал пополнения парусно-моторными шхунами, требовавшими для управления парусами моряков высокой квалификации. Бытовые же условия на этих небольших судах были значительно хуже, чем на пароходах. Все это вместе взятое не способствовало укомплектованию команд шхун. Вопрос установления им заработной платы, в том числе и размер премий за экономию топлива, требовал, «как одно из важнейших мероприятий», немедленного разрешения. На навигационный период шхунам устанавливался штат из 15 чел.: капитан (штурман малого плавания), два помощника капитана, радист, боцман, плотник, пять матросов 1-го класса, один механик 3-го разряда, два моториста, кок. Зарплата для палубной команды, чтобы заинтересовать и удержать моряков, должна быть на 50, для машинной команды — на 25, для кока — на 15 % выше, чем на транспортных судах [11, л. 49].

Состояние судов в конце 1947 г. и необходимые мероприятия по обеспечению его работы в 1948 г. оценивались так [11, л. 44]:

— пароход «*Орочон*» стоял на ПСРВ в ремонте, начавшемся еще 29 апреля 1946 г. Доковые работы закончились 10 августа 1946 г. С момента спуска из дока до мая 1947 г. пароход пребывал у причала верфи в ожидании продолжения работ, окончание которых намечалось на декабрь 1947 г.;

— пароход «*Ительмен*» прошёл капитальный ремонт в 1942 г., его состояние оценивалось как неудовлетворительное. По решению правительства он должен был 1 сентября 1947 г. уйти на ремонт в Дальний, но пока находился в рейсе;

— пароход «*Сима*» пребывал в удовлетворительном состоянии;

— пароход «*Чавыча*» хотя и ремонтировался в Дальнем, но имел плохое состояние;

— пароход «*Эскимос*» имел изношенные котлы, его ремонт задерживался из-за отсутствия труб для них, пока же судно эксплуатировалось;

— пароход «*Якут*» после аварии в августе 1947 г. требовал дока. Паровые котлы нуждались в замене, но считалось, что после надлежащего ремонта они могут проработать ещё три года;

— корпус и механизмы «*Щорса*» пребывали в удовлетворительном состоянии, но котлы были сильно изношены. ПСРВ не могла освоить изготовление деталей для форсунок котлов, работавших на мазуте;

— на «*Чапачеве*» во время последнего ремонта в Дальнем с 21 февраля по 25 июня выполнили лишь переборку вспомогательных механизмов. Судно пребывало в неудовлетворительном состоянии;

— лесовоз «*Коккинаки*» был исправен, но нуждался в смене гребного винта;

— пароход «*Анатолий Серов*» пребывал в удовлетворительном состоянии, но также требовал замены сломанного винта части труб в котлах и изношенных трубопроводов;

— пароход «*Кура*» вышел из капремонта 28 июля 1947 г.;

— пароход «*Терек*» вышел из среднего ремонта 8 мая 1947 г., находился в удовлетворительном состоянии;

— танкер «*Максим Горький*» при исправном корпусе имел главный двигатель, «окончательно выходящий из строя по причине износа клапанов и цилиндрических крышек». Эти сложные и ответственные детали не могли изготовить ни во Владивостоке, ни в Петропавловске. Заказ на них вместе с чертежами отправили в МРП, ответившее, что другие заводы за такую работу тоже не берутся. Ждали из Свердловска специальную сталь для выпускных клапанов. У вспомогательного двигателя «*Кубото*» лопнули цилиндрические крышки. Ожидалось, что «танкер выйдет из строя в ближайшее время»;

— танкер «*Херсонес*» прошёл в 1947 г. док на ПСРВ. Из-за отсутствия запчастей один вспомогательный двигатель «*Юнкерс*», обслуживавший все вспомогательные механизмы, не действовал, второй — приходил в негодность, но судно пока эксплуатировалось;

— пароход «*Рылеев*» пребывал в неудовлетворительном состоянии.

Все суда крайне нуждались в электрических лампочках напряжением 127 В: их требовалось до 2 000 шт. Изредка отдел снабжения ГКРП выдавал непригодные лампы, рассчитанные на

напряжение 220 В. Большинство судов имели весьма неприглядный вид из-за полного отсутствия краски и олифы. Не хватало требующихся смазочных масел, а их замена другими отражалась на состоянии механизмов. Флот совершенно неудовлетворительно снабжался расходными материалами: латунью, клингеритом, резиной, набивочным шнуром, лентами для котельных горловин. Моряки не получали достаточного количества спецодежды, мыла и постельных принадлежностей [11, л. 46].

Для улучшения работы флота, по мнению П. Д. Киселёва, следовало сделать следующее [11, л. 49]:

— добиться правительственного постановления о включении судов КРФ в графики работы Сахснабугля, Сахснаблеса, Сахалинского госморпароходства;

— оборудовать твиндеки «Анатолия Серова» и «Рылеева» постоянными нарами для перевозки пассажиров, снабдив их необходимыми для транспортировки людей приспособлениями;

— организовать в Петропавловском рыбном порту станцию по дератизации и дезинфекции судов;

— выровнять зарплаты моряков МРП и ММФ;

— обязать ГКРП построить 64 квартиры, общежития для 20 командиров и 70 рядовых моряков и здание управления.

Суда КРФ доставляли на побережье Камчатки разнообразные грузы, начиная от мелких генеральных и кончая тяжеловесными механизмами. Преобладали путинные грузы и продукция, отправлявшаяся из комбинатов. Оба побережья полуострова почти не имели удобных для стоянки судов бухт, поэтому все грузовые операции, как правило, велись на открытых рейдах. Единственной возможностью обработки судов здесь являлась буксировка катерами грузов от борта к берегу на кунгасах.

Наиболее часто использовались 30-тонные кунгасы. Их главным преимуществом являлась простота вытягивания на берег и спуска на воду. Недостатков же было гораздо больше. Первый — малая грузоподъемность, требовавшая большого количества кунгасов. Их обрабатывали так: швартовали кормой к берегу на растяжках, выбросив с носа якорь. С берега на корму подавали трапы. Прибой, заливая трапы и раскачивая кунгасы, значительно затруднял работу, а при усилении ветра с моря, волны смывали трапы, срывали кунгасы, заливали их, зачастую нанося серьезные повреждения. Иногда случались аварии. Описанная картина усложнялась тем, что погода на Камчатке менялась, особенно осенью, внезапно, не давая времени вытянуть кунгасы на берег.

Наиболее удобными для обработки считались генеральные грузы с местами весом 40—50 кг, продовольствие, мешки, консервные банки в ящиках, консервы. Неудобными грузами признавались насыпная соль, уголь, тяжеловесы, рассыпная рыбопродукция. Обработка сыпучих грузов с помощью кунгасов подразумевала их тарировку на борту парохода. Отсутствие мешков, требовавшихся в большом количестве, заставляло грузить кунгасы насыпью. Опорожнять их на берегу в условиях открытого рейда было весьма затруднительно. Тарировка же сыпучих грузов в мешки также требовала большого количества рабочих и была очень трудоёмка.

Так, пароход «Эскимос» на рейде Микояновского комбината выгружал из трюма соль, хранившуюся насыпью и основательно слежавшуюся. Для её «подрыва» использовали брашпиль, на барабан которого заложили ходовой конец стального троса, а другой его конец закрепили в трюме под край слежавшейся соли. Работая брашпилем рывками, сломали его [5, л. 100].

Выгрузка легковесных, но габаритных грузов шла также медленно ввиду малой вместимости кунгасов. Перевозка на них тяжеловесов являлась самым сложным и опасным делом. Зачастую приходилось рисковать утопить тяжеловес. Такой груз поднимал центр тяжести кунгаса, рискуя опрокинуть его, перегрузка суденышка сопровождалась риском захлестнуть его малейшей волной.

На борту парохода груз сетками вынимали из трюма и опускали в кунгасы, причем сыпучие — уголь и соль — из-за недостатка мешков грузили насыпью. У берега кунгасы опорожняли при помощи носилок, реже мешками. Генеральные грузы так же переносили сетками в кунгас, а затем на берегу из кунгасов перетаскивали «вплечевую». Рыбопродукцию грузили так: на берегу вручную заполняли кунгас. У борта судна штучный груз поднимали специальными стропами-храпцами, а россыпь — заранее разостланными в кунгасах сетками. При обработке консервных банок в некоторых комбинатах применяли простейшие конвейеры, рольганги. Передвигали грузы от приборной полосы до складов по роликам вручную, для чего требовалось много рабочих [5, л. 74—75].

1948

6 января, учитывая крайне напряженную обстановку, создавшуюся в рыбокомбинатах Западной Камчатки из-за нехватки продовольствия, а также необеспеченность основными путинными материалами, отсутствие которых могло повлечь за собой срыв подготовки к путине, под погрузку срочно становились «Ительмен» и «Якут». Первому следовало взять 1 500 т продовольствия,

100 т снаряжения и 450 т угля, второму — 2 000 т продовольствия и 600 т промышленного снабжения. Срок выхода «с учётом ликвидации всех дефектов, мешающих нормальному проведению рейса», назначался, соответственно, на 14 и 12 января [21, л. 9].

6 января реорганизованы начавшие работу при УЖК ГКРП 2 декабря 1947 г. курсы судоводителей-«двухсоттонников» в курсы штурманов малого плавания. Это делалось ввиду того, что большинство их слушателей имело общеобразовательную подготовку в объёме школы-семилетки (тогда это считалось неполным средним образованием), а также с учётом большой потребности флота в штурманах [21, л. 26].

10 февраля Совет Министров СССР принял постановление № 248. Оно устанавливало, что при хищении и недостачах продовольственных и промышленных товаров в государственных предприятиях и учреждениях, колхозах, кооперативных и общественных организациях, помимо привлечения виновных к уголовной ответственности, с них в судебном порядке взыскивался причинённый ущерб в пользу потерпевших организаций. На имущество виновных «в обеспечение взыскания» налагался арест. Постановление обязало руководителей во всех случаях возбуждения уголовных дел о хищении и недостачах предъявлять иски о взыскании с виновных причинённого ущерба. Одновременно признавалось утратившим силу постановление Государственного Комитета Обороны от 22 января 1943 г. «Об усилении борьбы с расхищением и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров в части размера возмещения за причинённый ущерб, взыскиваемого с виновных в хищениях, недостачах и злоупотреблениях товарами» [21, л. 440]. Под предлогом выполнения этого постановления за якобы выявленную недостачу продовольствия в судовых кладовых вскоре были осуждены несколько моряков.

14 февраля объявлены итоги Всесоюзного социалистического соревнования предприятий МРП за четвёртый квартал 1947 г. Победителем признан экипаж парохода «Чавыча» (капитан Е. Д. Бессмертный), получивший третью денежную премию в размере 22,5 тыс. руб. [21, л. 239].

10 марта в Хабаровск для «изыскания» и доставки в Петропавловск листовой котельной стали и электродов для ремонта простаивающего «Орочона» отправлен групповой механик Д. В. Таушканов. Делалось это ввиду того, что «Орочон» «в основном по всем объектам, кроме котлов, отремонтирован, а потребность в тоннаже для обеспечения путины 1948 г. крайне возросла» [21, л. 389].

2 апреля «для вывоза рыбопродукции по специальному назначению из Озерновского рыбокомбината на Сахалин, гор. Корсаков и Петропавловск» начальнику КРФ приказывалось после сдачи груза принять в Озерной на «Коккинаки» 30 000 ящ. консервов и 950 т рыбы для Петропавловска. Бункер для «Коккинаки» должен был доставить «Барнаул» [23, л. 119].

6 апреля на судах ГКРП началась организация гидрометеостанций. Эту работу пытались начать и раньше. Так, еще 31 января 1947 г. Камчатское управление гидрометеослужбы (КУГМС) открыло станции на пароходах «Анатолий Серов» (капитан М. Е. Зеленский), «Щорс» (капитан П. Я. Жуковский), «Чапаев» (капитан А. Д. Коломеец), «Терек» (капитан Г. Д. Давыдов). Но они наблюдений почти не производили, а капитаны, «не чувствуя ответственности за порученное им дело, к выполнению приказа отнеслись формально, пользуясь отсутствием повседневного контроля». Теперь дело сбора информации о погоде взяло на себя МРП. Оно предписало всем судам ГКРП по выходе из Петропавловска проводить наблюдения и передавать их через радиостанцию Петропавловского морского рыбного порта в адрес «Петропавловск-погода» в сроки не позднее получаса с момента наблюдений. На капитанов налагалась персональная ответственность за это. Они должны были по возвращении в порт сдавать отчет по установленной форме капитану порта и КУГМС, передавая последнему также записи судовых наблюдений и сводки за подписями радистов. Начальнику рыбного порта А. С. Херсонскому запрещалось оформлять выход судов без справки от КУГМС о сдаче судном установленной отчетности [23, л. 11—12].

24 апреля в Петропавловск из Владивостока пришла учебная баркентина «Штурман», построенная в Финляндии в 1947 г. Судно предназначалось для прохождения учебной практики студентами Петропавловского морского рыбопромышленного техникума [24, л. 10]. Оно оказалось построенным из невыдержанного леса, корпус тёк, фок- и грот-мачты потрескались, бизань-мачта нуждалась в замене.

28 апреля во Владивосток из Ленинграда прибыли грузовые шхуны финской постройки «Креветка», «Медуза», «Коралл» и «Кальмар». После ремонта и снабжения две первые шхуны отправились в Петропавловск в мае и июне соответственно, две оставшиеся — в июне и июле [25, л. 68].

4 мая руководству КРФ приказано в течение десяти дней наладить на судах работу курсов повышения квалификации моряков

«с вовлечением в учёбу всего командного и рядового состава судна с разбивкой на группы по специальностям: кочегары, машинисты, матросы, штурманы, механики». Капитаны должны были выделить для технической учёбы специальные дни и часы занятий, назначить преподавателями дипломированных механиков и штурманов, «взять под свой контроль дело технического обучения и самим принять участие в преподавании». Несмотря на низкий уровень подготовки кадров, в 1947 г. на всех судах КРФ окончили учёбу всего 77 чел. вместо 215 запланированных. В первом квартале 1948 г. занимались только 17 моряков [23, л. 262].

15 мая по распоряжению правительства СССР началась организация Мечигменской моторно-зверобойной станции (МЗС) в Чукотском национальном округе «для оказания помощи населению Чукотки». Ввести её в строй намечали осенью 1948 г. В начале мая к отправке в Мечигменскую губу в Петропавловске готовился пароход «Кура». На него грузили продукты из расчёта годового запаса на 100 чел. Туда же намеревались «занарядить» одну из парусно-моторных шхун, поступление которой ожидалось в 1948 г., два сейнера, построенных в Николаевске-на-Амуре, два катера типа «Ж», собранных на ПСРВ, 30 рыбацких лодок и кунгасов. На «Куре» отсутствовали тяжеловесные грузовые стрелы, что не позволяло снять с неё, например, тракторы. Ранее пароход планировался на перевозку леса с Сахалина, поэтому его направление на Чукотку вызвало большое неудовольствие отдела капитального строительства ГКРП. Тем не менее, рейс на Чукотку тоже был необходим: в бухте Провидения на обратном пути «Кура» могла бы снять рыбопродукцию, хранившуюся там уже третий год [23, л. 268—270].

28 мая приказом по ГКРП № 326 утвержден представленный флотом план на 1948 г. Он предусматривал перевозку 180 000 т и 5 000 чел. силами 16 судов общей грузоподъемностью 41 822 т, двух 300-тонных шхун и буксира «Кашалот». Стоимость транспортных услуг устанавливалась равной 303,5 млн руб. Среднегодовой списочный состав моряков определялся в 777 чел. с фондом зарплаты 13,2 млн руб., в том числе 150 тыс. руб. валютой [23, л. 495].

3 июля на основании распоряжения Совета Министров СССР № 2143 от 25 февраля 1948 г. и приказа МРП СССР № 87 от 1 марта 1948 г. начальнику КРФ предписывалось укомплектовать командой прибывшую из Владивостока парусно-моторную шхуну «Креветка» и отправить ее в рейс в Мечигменскую губу.

Там шхуну следовало передать Мечигменской МЗС «со всем числящимся за шхунной имуществом и снабжением». К тому же «Креветка» должна была доставить на буксире в Топатский рыбокомбинат катер БК-81 [26, л. 107].

5 июня в Петропавловск из Владивостока прибыла парусно-моторная шхуна «Медуза» [11, л. 4].

29 июня пришла шхуна «Коралл» [11, л. 4].

11 июля пришла шхуна «Кальмар» [11, л. 4].

21 июля прибыли однотипные шхуны «Жемчуг», «Актиния» и «Мидия» [11, л. 4].

4 августа началось снаряжение Чукотской экспедиции. Её размещали на «Щорсе» (капитан И. Д. Кадет). Погрузка судна в Петропавловске должна была завершиться 6 августа. Затем оно снималось в Усть-Камчатск (выгрузка-погрузка 96 часов) и шло в Майно-Пыльгино (разгрузка 36 часов), затем в бухту Провидения (выгрузка 24 часа, погрузка 120 часов). Конечный пункт плавания — Мечигменская губа, где предполагалось простоять 10 суток. Все распоряжения начальника экспедиции являлись обязательными для капитана «Щорса» [26, л. 203].

12 сентября на шхуне «Актиния» при пуске вышел из строя вспомогательный двигатель. Один конец его коленчатого вала был связан с генератором, дававшим электроосвещение, другой — с помпой. Крепление мотылёвого подшипника двигателя не проверялось со времени выхода шхуны из Ленинграда. Болты отделились от вибрации, отчего «подшипник имел недопустимую слабинку, особенно в последнее время сильно стучал». При пуске двигателя был разбит его картер, сломаны шатун и вкладыш подшипника, согнут коленчатый вал, задраны втулки цилиндров. Двигатель не подлежал восстановлению. «Старший механик... не проявлял надлежащего ухода за дизель-мотором, чем грубо нарушил статью 186 Устава внутренней и повседневной службы для флота рыбной промышленности СССР... Старшего механика парусно-моторной шхуны «Актиния»... как не имеющего квалификации судового механика и достаточного практического опыта по эксплуатации двигателей внутреннего сгорания, уволить с работы в системе ГКРП». Инженерно-технический состав управления флота предупреждался, что за подобные аварии по вине неквалифицированных механиков теперь будет отвечать технический отдел [18, л. 48—49].

22 сентября в соответствии с указаниями МРП СССР проведен инспекторский осмотр парохода «Чавыча». 6 октября подобному

осмотру подвергся парохода «Терек» [27, л. 92—92 об.]. С этого момента практика подобных регулярных проверок прочно вошла в повседневную деятельность флота.

15 октября «Сима» следовала из бухты Ахомтен (ныне Русская) во Владивосток. В 180 милях от Владивостока произошла авария главных котлов. Авральной работой экипаж сумел ввести в работу только один из них, позволивший продолжить плавание. Авария произошла вследствие нарушений действовавших «Правил обслуживания судовых котлов и ухода за ними» и продления срока между чистками котлов на 1 200 часов против установленных норм. Во Владивостоке «Симе» потребовался серьёзный ремонт: вальцовка дымогарных труб, замена связей, ремонт пароперегревателя, чеканка швов и правка задних стенок всех огневых камер правого котла. Это повлекло за собой большой непроизводительный простой [18, л. 101].

30 октября установлены часовые нормы выгрузки танкеру «Херсонес»: летом 7 т мазута и 10 т лёгкого топлива, зимой — 3,5 и 9 т соответственно. По рапорту капитана А. М. Чубатова и старшего механика В. М. Рядченко ранее действовавшие более высокие нормы, введённые еще в 1939 г., для этого судна оказались невыполнимыми [27, л. 63].

1 ноября с судов отзывались все курсанты группы штурманов, учившиеся в УКК, и направлялись для продолжения теоретической учёбы. Курсантов, прибывших с плавающих судов ранее этого срока, временно, до начала учёбы, распределили на ремонтировавшиеся пароходы [27, л. 7].

16 ноября флоту передан находившийся в ведении Комхоза ГКРП жилой многоквартирный дом № 6 по ул. Морстроя (Красная сопка) [26, л. 121].

3 декабря назначена техническая комиссия под председательством начальника отдела флота ГКРП Альфонского для определения минимально необходимого ремонта парохода «Щорс» и возможности его эксплуатации на завозе промыслового снаряжения на рыбокомбинаты Камчатки короткими переходами в 200—300 миль. Этому изношенному судну требовался серьёзный ремонт, который намеревались начать в Дальнем в сентябре 1949 г. Пока же, учитывая острый недостаток тоннажа для обеспечения комбинатов, судно решили использовать «с учётом минимальной задержки в ремонте на СРВ и минимальных затрат на ремонт» [27, л. 7].

В 1948 г. КРФ возглавлял начальник П. Д. Киселёв, главным инженером предприятия трудился Н. А. Цимбал, главным бухгал-

тером — С. П. Богатырев, начальником планово-экономического отдела — В. И. Алексеев, начальником коммерческого отдела — П. М. Данилов [6, л. 58].

По состоянию на 1 января 1948 г. КРФ включал: Владивостокское морское агентство, подсобное хозяйство и 19 судов общей грузоподъемностью 42 419 т. В течение года численность судов менялась так: в мае их стало 20, в июле — 21, в сентябре — 24 [28, л. 21]. В течение 1948 г. прибыло шесть судов, в том числе один пароход («Умба»), четыре шхуны и одна учебная баркентина.

К 1 октября 1948 г. КРФ состоял уже из 25 судов: 15 пароходов («Орочон», «Ительмен», «Сима», «Чавыча», «Эскимос», «Якут», «Чапаев», «Щорс», «Анатолий Серов», «Коккинаки», «Рылеев», «Барнаул», «Умба», «Кура», «Терек»), двух танкеров («Максим Горький», «Херсонес»), одного буксира («Кашалот»), шести шхун («Медуза», «Кальмар», «Коралл», «Жемчуг», «Мидия», «Актиния») и учебной баркентины («Штурман») [27, л. 71]. К концу 1948 г. общая грузоподъемность флота увеличилась до 44 898 т [19, л. 4].

Техническое состояние флота оставалось неудовлетворительным.

Пароход «Орочон» простоял в ремонте на ПСРВ более трёх лет, но был готов всего на 85 %. По графику он должен был войти в строй 1 февраля 1949 г., но и этот срок считался лишь вероятным. Регистр СССР запретил дальнейшую эксплуатацию «Ительмена» из-за крайне изношенного корпуса. «Чавыча» требовала полного восстановления котлов. По заключению Регистра, без ремонта этот судно работать не могло. «Эскимос» весь 1948 г. простоял в капитальном ремонте. Его общая готовность оценивалась в 50 %, работы шли крайне медленно.

Пароход «Чапаев» ожидал капремонта, намеченного на февраль 1949 г. «Щорс» нуждался в правке котельных топков. «Терек», имевший слабый изношенный корпус и маломощную машину, чинился в начале 1948 г. и снова требовал среднего ремонта машины, корпуса и котлов. «Якут», получивший большие повреждения корпуса, находился в неудовлетворительном состоянии, его палуба и надстройки нуждались в капитальных работах, котлы требовали замены, как пришедшие в полную негодность. «Анатолий Серов» пребывал в удовлетворительном состоянии и ожидал планового обслуживания.

Пароход «Коккинаки» ждал капитальной починки. Его корпус был сильно повреждён, палубы текли. Механизмы нуждались в среднем ремонте, котлы — в правке топков и замене дымогарных труб. «Рылеев» с сентября 1948 г. находился в порту Дальний.

«Барнаул» в сентябре 1948 г. пришёл на ПСРВ с объёмом работ в 3 млн руб. Танкер «Максим Горький» нуждался в доке, а его главный двигатель — в капитальном ремонте. ПСРВ не могла заменить цилиндры втулки, крышки, поршни, выхлопные клапаны и топливную аппаратуру этой машины. Танкер «Херсонес» встал на ПСРВ в начале декабря 1948 г. Флот запросил разрешения МРП только на ремонт главного двигателя и механизмов без переоборудования. Это давало возможность с мая 1949 г. начать снабжение топливом рыбокомбинатов, что было особенно необходимо, потому что «Максим Горький» должен был надолго выводиться из эксплуатации. Буксир «Кашалот» требовал среднего ремонта корпуса. Пароход «Умба», недавно пришедший в Петропавловск, нуждался в капитальном ремонте. По решению МРП 1 февраля 1949 г. он должен был выйти из Владивостока на внешнюю базу.

Сроки ремонта, как правило, затягивались. Но винить в этом только судоремонтников было бы несправедливо. Во многих случаях сам КРФ медленно оформлял договоры и ведомости. Он представлял ПСРВ документы с большим опозданием, что мешало верфи своевременно их обрабатывать, составлять калькуляции, заготавливать материалы и выпускать чертежи. Примером этого может служить буксир «Кашалот». Его дефектовочные ведомости были сданы на верфь вместо 1 ноября 1947 г. только 7 февраля 1948 г. Ведомости парохода «Эскимос» следовало выписать за два месяца до постановки в ремонт, то есть 1 декабря 1947 г., но в середине марта 1948 г. они еще не были готовы [21, л. 405].

Из-за острой нехватки тоннажа ряд судов продолжал эксплуатироваться под всевозможные гарантийные письма, адресованные инспекции Регистра СССР. Изношенные пароходы выходили в плавание так. Судно, намеченное к отправке в рейс, полностью загружалось. Инспекция Регистра, поставленная перед этим фактом, была вынуждена «ввиду особой срочности и важности рейса, от чего зависит выполнение плана рыбодобычи Камчатки» (обычный текст гарантийного письма), выпускать его в море «только на один рейс». Продолжительность рейса определялась в месяц с правом плавания при ветре не свыше шести баллов и прочими ограничениями. Но к намеченному сроку судно никогда в Петропавловск не возвращалось, а эксплуатировалось по полгода и больше, причём в порт ни под каким видом не допускалось, так как в этом случае Регистр немедленно поставил бы его на прикол. В результате оно окончательно «добивалось» и становилось на длительный и крайне медленно шедший ремонт.

Так в 1948 г. вышло и с «Барнаулом». При неудовлетворительном техническом состоянии его в апреле выпустили в рейс на две недели, причем разрешили плавать при ветре не более шести баллов (укрыться от сильного ветра на Западной Камчатке было нелегко). Зная об этом, ГКРП задержал «Барнаул» в рейсе до 30 августа. Пароход проплавал четыре месяца без всякого профилактического ремонта и, главное, без котлочистки. Его котлы переработали уже три нормы, и дальнейшая их эксплуатация грозила тяжёлой аварией, произошедшей, например, на «Тереке».

В соответствии с Правилами технической эксплуатации судовых котлов, их следовало ежесуточно продувать. Однако делать это было невозможно ввиду большого расхода пресной воды, пополнить запасы которой на побережье Камчатки, где месяцами без заходов в порт плавали суда КРФ, было нельзя. Это отражалось на техническом состоянии котлов. По правилам, через каждые 1 500 часов работы полагалось производить котлочистку. Но это требование тоже не выполнялось. Ряд судов плавал без чистки до четырёх месяцев. Такая практика в 1947 г. на «Тереке» и закончилась просадкой топки [11, л. 4—5]. Этот пароход пять месяцев эксплуатировался на восточном побережье, не заходя в порт, и имел просроченные документы, то есть плавал без соответствующего на то права [19, л. 6]. По гарантийным письмам в 1948 г. плавали «Чавыча» и «Щорс».

Пришедшие парусно-моторные шхуны в летнюю навигацию 1948 г. работали частично. По её окончании все они требовали ремонта, главным образом, подводной части. Отсутствие в Петропавловске слипов, позволявших поднять суда на берег, сильно осложняло проведение их качественного технического обслуживания [24, л. 10].

Баркентину «Штурман», предназначавшуюся для Петропавловского моррыбтехникума, в связи с тем, что в 1948 г. в смете учебного заведения её содержание не предусматривалось, приказом по ГКРП передали на баланс КРФ. Здесь баркентина числилась до конца года, «не принося никакой пользы, являясь тяжёлым бременем, принося ничем не оправдываемые убытки». Руководство флота предлагало в 1949 г. передать «Штурман» на баланс техникума [24, л. 10].

В 1948 г. коэффициент использования грузоподъемности вместо планового 0,8 фактически составил 0,685. Это объяснялось как перевозками так называемых «легковесов», чаще всего консервной тары, а также отправлением с недогрузом [11, л. 6].

Рейс «Терека» в Корф весной 1948 г. длился 55 дней. Здешний рыбокомбинат, занятый ловом, не принимал никаких мер к тому, чтобы быстрее разгрузить судно, зная, что ГКРП его отсюда не отзовёт. После окончания разгрузки заместитель начальника ГКРП П. М. Макштас дал указание передать обратно на судно с большим трудом и продолжительной затратой времени снятые в Анапке 800 т соли. Затем задание изменили уже в ходе рейса: приказали выгрузить в Олюторке 350 т соли, в Пахаче — 450 т. «Терек» дал флоту 97 500 руб. дохода от фрахта. А от задержки в рейсе и многочисленных переходов себестоимость судна за это же время составила 275 000 руб. Таким образом, убыток за один рейс определился в 184 000 руб.

Характерен рейс «Якута» в Анадырь в июле 1948 г. Пароход 6 июля стал под погрузку путинного груза, 10 июля снялся в рейс. Уже в ходе плавания ГКРП дал указание «Якуту» взять в Шубертово 60, в Усть-Камчатске — 100 рабочих и развести их по всем комбинатам Карагинского района. Но ГКРП толком не знал, где нужны люди, а где нет: Хайлюлинский комбинат принимать их отказался. На выполнение этой попутной задачи пароход затратил шесть суток, получив за билеты с пассажиров 6 300 руб., но израсходовав на их перевозку 43 056 руб. и к тому же опоздав в Анадырь к началу хода рыбы. Анадырский комбинат не принял никаких мер к ускорению разгрузки, и судно простояло здесь 24 дня с убытком 76 347 руб. После этого пароходу приказали погрузить 1 500 т рыбы для бухты Провидения. В результате плохой обработки он пребывал под погрузкой еще 20 суток с убытком 100 464 руб. Недогруз 1 000 т продукции и бесполезный простой, за время которого «Якут» смог бы перевезти 3 000 т угля из бухты Угольной на Восточную Камчатку, привели к потере флотом 71 000 руб.

«Анатолий Серов» с 9 июня по 23 июля 1948 г., то есть 43 дня, ходил в Пенжино и Палану. В течение рейса судно выполнило четыре дополнительных захода, не предусмотренных планом. Оно же в августовском рейсе на Западную Камчатку с путинным грузом вместо запланированных пяти сделало пятнадцать заходов, так как его передвигали с места на место по мере освобождения комбинатов от других судов и возникающей необходимости в каком-либо грузе, имевшемся на его борту. Изменение графика рейса привело к излишней задержке на 15 суток и опозданию с выходом в снабженческий рейс в Пенжино.

«Чавыча» с цементом и разным грузом находилась на Западной Камчатке в течение 37 суток из-за того, что комбинаты раз-

гружали цемент очень медленно. В конце концов по приказанию МРП СССР пароход снялся на Сахалин с 120 т цемента. Он же 25 сентября пошёл в Усть-Камчатск с большим недогрузом и недополучением 109 800 руб. фрахта [5, л. 50—51].

В июне перед КРФ поставили задачу: обеспечить Усть-Камчатский комбинат консервной банкой. Для этого сняли с перевозки сахалинского леса «Коккинаки». Экипаж лесовоза устроил палубные крепления, позволившие пароходу взять на 40 тыс. ящ. больше нормальной грузоподъёмности. Планировалось после обеспечения Усть-Камчатска, не разбирая креплений, завести банку на Западную Камчатку. К отгрузке тары в Петропавловске были подготовлены и рыбный порт, и жестянобаночная фабрика, рассчитывавшие обработать судно за трое суток. Но тут вмешалось МРП, которое по прибытии «Коккинаки» в Петропавловск приказало направить судно в балласте на Сахалин за лесом, попутным рейсом завести в Погранкомбинат 100 т груза и 120 корейских рабочих. Затем ГКРП приказал погрузить на пароход 500 т путинных грузов для 15 заходов на Западную Камчатку. Таким образом, судно задержалось под погрузкой в Петропавловске и выгрузкой на Западной Камчатке на 20 суток, сделав рейс с недогрузом 1 500 т. Это принесло флоту убыток 23 400 руб. вместо прибыли 303 000 руб., которые он мог получить от перевозки банки.

Исключительно нерационально в 1948 г. эксплуатировался буксир «Кашалот». По графику он должен был водить из Петропавловска в Усть-Камчатск гружёные баржи, но его ГКРП направил буксировать «сигары» из Усть-Камчатска на комбинаты восточного побережья. Этого делать не следовало, так как «Кашалот» имел весьма ограниченный запас угля и воды и не был рассчитан на такое продолжительное плавание. В результате «буксир за всё время сделал всего три рейса, а остальное время стоял в ожидании угля и воды, причем неоднократно оказывался в аварийном состоянии из-за отсутствия бункера». Эксплуатационные расходы «Кашалота» по буксировке легли на стоимость леса бременем в сумме 1,1 млн руб. [5, л. 52].

Невозможность получить на побережье Камчатки воды и угля тоже оказывало большое влияние на выполнение графиков движения. Как правило, из-за больших простоев и дополнительных незапланированных заходов по приказам ГКРП судам не хватало запасов для выполнения рейсов, и они возвращались в Петропавловск [11, л. 7].

Морское агентство во Владивостоке (начальник С. И. Добрынин) за 1948 г. обслужило семь судов флота: танкеры «Херсонес» и «Максим Горький», пароходы «Рылеев», «Ительмен», «Сима», «Чапаев» и «Умба». Последний прибыл во Владивосток из Ленинграда 28 июля 1948 г. Все суда снабжены топливом, материалами и продуктами, им оказаны агентские услуги. Обслуживать суда было сложно ввиду отсутствия у агентства своих причалов и буксиров, недостатка необходимого портового хозяйства у Владивостокского рыбного порта. Поэтому агентству в большинстве случаев приходилось обращаться за помощью к торговому порту и другим организациям. Они же выполняли заявки агентства в последнюю очередь, после завершения своих работ.

Мелкий судоремонт проводился в механической мастерской агентства (заведующий Н. С. Домра), частично — в мастерской треста «Востокрыбхолод». Более крупные работы на сумму 365 тыс. руб. на «Симе», «Ительмене» и «Херсонесе» выполнила Владивостокская судоверфь.

Пароход «Сима» сделал из Владивостока два «внешних», то есть заграничных рейса, «Чапаев» — восемь. Набрать моряков на эти пароходы оказалось трудно: собственных работников, допущенных для работы за границей, не имелось. Поэтому по распоряжению МРП были сделаны «переброски целого ряда работников из других организаций и откомандирование наших в другие организации». Списание моряков, не оформленных в заграничные рейсы, создало значительный резерв, содержащийся до распределения по судам [25, л. 68].

В начале 1948 г. инициатором соревнования среди моряков за выполнение годового плана грузоперевозок к 31-й годовщине Октябрьской революции 1917 г. выступил экипаж парохода «Анатолий Серов». Моряки «Барнаула» поддержали призыв товарищей и обещали перевезти сверх задания еще 1 000 т, принимая активное участие в разгрузке. Они решили отработать на лебедках 600 часов, не допустить по вине экипажа порчи и поломки грузов, обеспечить бесперебойную работу судовых механизмов.

Команда этого парохода трудилась замечательно. За восемь месяцев 1948 г. при плане 2 800 т она перевезла 7 428 т, то есть выполнив задание на 265 %. Несмотря на неисправность судна, моряки приложили много старания к тому, чтобы увеличить его оборачиваемость и содержать механизмы в полной исправности. Перед каждым рейсом они тщательно готовились к выходу в море: зачищали трюмы, льяла, меняли негодный такелаж. Особенно

трудно приходилось неуккомплектованной палубной команде. Ходовую вахту вместо двух матросов нес один. При разгрузке команда, помимо судовых работ, обслуживала лебёдки. Своими силами моряки выгрузили 3 230 т, отстояв на лебёдках 1 900 часов. Это высвободило много рыбаков, необходимых комбинатам для выполнения планов.

Успешно прошёл ответственный рейс Сахалин — Камчатка. При погрузке на Сахалине домиков для Митогинского комбината моряки проявили особую находчивость. Так как плавучие средства отсутствовали, они поставили пароход перпендикулярно берегу на расстоянии 150 м, завели с обоих бортов леера, закрепили судно за мёртвый якорь. Отгружаемые плоты подтягивали от берега к борту брашпилем. Ходовой конец заводили с весельной шлюпки. Такая находчивость позволила погрузить восемь жилых домов за два дня. Кроме них, барнаульцы решили взять на Сахалине две «сигары» объёмом по 1 000 «кубов» каждая. Обе доставлены на место в полной сохранности.

Досрочному выполнению годового плана способствовали хорошо поставленная агитационно-массовая работа и социалистическое соревнование. В этом была заслуга партийной организации, возглавляемой коммунистом Замятиным. Особенно отличился капитан Л. И. Кужель. Помимо руководства судном он выступал перед экипажем с докладами и беседами, разъяснял задачи каждого рейса, организовал проверку выполнения принятых обязательств. Капитан помогал морякам осваивать технические знания. Очень хорошо трудились старший помощник капитана Скаврунский, боцман Шапетов, второй помощник капитана Янсон. Бесперебойную работу механизмов обеспечили старший механик Суликовский, второй механик Малышев, четвёртый механик Пичугин, машинист Антоновский, кочегары Луганский, Панов, Боровик [29, № 213].

В конце 1940-х гг. очень тяжёлое положение на Камчатке складывалось с доставкой пассажиров. На судах ГКРП они, как правило, перевозились на палубах или в грузовых помещениях — твиндеках. На «Чавыче» на палубе, заставленную тяжеловесами, посадили 250 чел. Отсутствие специальных пассажирских судов и нежелание грузовых пароходов ММФ брать людей заставляло ГКРП не признавать никакие нормы их приёма. Обычно людей следовало гораздо больше, чем это разрешала инспекция Регистра СССР. Перевозка пассажиров зачастую совмещалась с транспортировкой горючего, в том числе и бензина, а иногда и взрывчатых веществ, что было недопустимо.

Особенно тяжёлое положение складывалось на комбинатах: желающие выехать отсюда ждали пароходов месяцами, обращались с жалобами и за помощью в вышестоящие организации, вплоть до правительства. В комбинатах зачастую прибывавшее судно «брали штурмом»: к нему подходили кунгасы, заполненные людьми, буксировавшие их катера уходили, и капитану ничего не оставалось, как поднимать пассажиров на палубу. Руководство КРФ полагало, что «вполне назрел вопрос о выделении для Камчатки четырёх пассажирских судов, для которых организовать регулярную пассажирскую линию по восточному и западному побережьям» [5, л. 53].

На будущее следовало подумать и о расширении самого КРФ. Его командование полагало, что в ближайшие годы для организации перевозок с побережья ему потребуются ещё 14 судов грузоподъёмностью по 4 000 т каждое. Они должны были отвечать следующим требованиям:

- иметь стальные корпуса с ледовой обшивкой по всей длине, стальной гребной винт и руль, приспособленный для плавания во льдах;

- располагать запасами топлива и воды на 20 ходовых суток и 30—40 суток грузоперевозок;

- развивать ход 15—16 узлов;

- иметь, помимо обычных, на каждом судне по две тяжеловесные стрелы, способные поднимать по 30—40 т, мощные и прочные брашпили, способные выбирать якоря на волнении 6—7 баллов;

- предусматривать максимум свободной площади палубы для приёма тяжёлых грузов (кунгасов, катеров), пассажирские каюты третьего класса или «эмигрантского» типа на 100—120 чел., хорошую теплоизоляцию всех помещений;

- обладать электрорадионавигационными приборами: эхолотами, радиопеленгаторами, радиолокаторами.

Помимо транспортных судов, флот нуждался в ледоколе для Петропавловского морского торгового порта [5, л. 69—70].

ИСТОЧНИКИ

1. ГАКК, ф. 470, оп. 1, д. 6.
2. Там же, д. 31.
3. Там же, ф. 284, оп. 1, д. 66.
4. Там же, ф. П-2, оп. 2, д. 1360.
5. Там же, ф. 284, оп. 1, д. 35.
6. Там же, д. 70.

7. ГАКК, ф. 277, оп. 2, д. 3.
8. Камчатская правда. Комплект за 1946 г.
9. ГАКК, ф. 407, оп. 1, л. 60.
10. Там же, ф. П-2, оп. 2, д. 895.
11. Там же, ф. 284, оп. 1, д. 18.
12. Там же, д. 71.
13. Там же, д. 65.
14. Камчатская правда. Комплект за 1947 г.
15. ГАКК, ф. 277, оп. 2, д. 4.
16. Там же, ф. 407, оп. 1, д. 7.
17. Там же, ф. 284, оп. 1, д. 81.
18. Там же, ф. 470, оп. 1, д. 129.
19. Там же, ф. 284, оп. 1, д. 75.
20. Там же, ф. 407, оп. 1, д. 63.
21. Там же, д. 89.
22. Там же, ф. 284, оп. 1, д. 72.
23. Там же, ф. 470, оп. 1, д. 90.
24. Там же, ф. 284, оп. 1, д. 76.
25. Там же, д. 77.
26. Там же, ф. 470, оп. 1, д. 91.
27. Там же, д. 92.
28. Там же, ф. 284, оп. 1, д. 73.
29. Камчатская правда. Комплект за 1948 г.

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

А. П. ПИРАГИС

Я ЖИЛ НА «СУХАРНОМ»

(воспоминания старожила г. Петропавловска-Камчатского)

ДОРОГА В ПЕТРОПАВЛОВСК. МЫ ЖИВЁМ НА МИКОЯНОВСКОЙ (1954—1956)

Чтобы попасть на Камчатку, наша семья из пяти человек: папа, мама¹, я, брат Юра и сестра Лена — почти неделю жила на вокзале во Владивостоке. Спали на лавках среди взятого с собою домашнего скарба, который можно было нести в руках. Рядом находились такие же бедолаги, снявшие с насиженных мест и ждавшие пароход на Петропавловск-Камчатский. То и дело из разговоров взрослых до меня доносились слова: «океан», «шторм», «качка», «цунами», «север», «вулканы», «вербованные»...

На маленькой железнодорожной станции в дальневосточной тайге, где мы прожили почти шесть лет, таких слов слышать не приходилось. От них веяло неизвестностью и какой-то жутью. Я чувствовал себя неуютно. Скорее всего, мне передавалось от взрослых их беспокойство о том, как там, на новом месте, сложится жизнь, и стоило ли переезжать к черту на кулички.

Рядом на скамейке ждала парохода семья с маленьким ребенком и девочкой моих лет. У неё были длинные волосы, и она разрешала их заплетать. Мне это нравилось. Как-никак, у меня была сестренка, и я, хотя кое-как, но мог это делать. Мы вместе бегали по залу и, разогнавшись, скользили на ногах по керамической плитке, устилавшей пол.

В один из дней мама повела нас с братом показать Владивосток. Впервые в жизни видел автобусы, легковые машины и трамвай. На нём мы даже проехали несколько остановок. Поражали многоэтажные каменные дома, асфальтированные улицы. В небольшом селе, где мы жили, дома были деревянные и одноэтажные, а тротуары из досок. На центральной улице Владивостока почти на каждом углу продавали мороженое. Запомнились афиши фильма «Бродяга».

На дворе стоял октябрь 1954 г. Мне шёл девятый год.

Наш пароход назывался «Сибирь». Корпус у него был выкрашен в чёрный цвет, и только палубные надстройки — в белый. Каюта оказалась малюсенькая и узенькая, как пенальчик, с иллюминатором. Был уже вечер. Пароход выходил из порта. Рядом кто-то рассказывал про залив Петра Великого и бухту Золотой Рог. Эти слова мне тогда ни о чем не говорили, я смотрел на огни города и судов.

Раньше мне не приходилось есть в столовой, её в селе просто не было, а тут обедали в пароходном ресторане. Отец заказывал померанцевую водку, а нам — компот из ананасов. Впервые узнал, что толчёная, или мятая, картошка называется картофельное пюре.

Знатоки еще во Владивостоке говорили, что с октября начинается сезон штормов. Рекомендовали от укачивания достать солёных огурцов. Отец на владивостокском базаре купил трёхлитровую банку огурчиков.

Опять мои уши улавливали в разговорах незнакомые слова.

«Прошли пролив, скоро начнет штормить», — сказал кто-то в коридоре.

Через некоторое время в каюту заглянул матрос и сказал, чтобы задраили иллюминатор, потому что надвигается шторм.

Вскоре весь пароход скрипел и дрожал. Казалось, что он развалится и пойдёт ко дну. От килевой и бортовой качки нас бросало на койках из стороны в сторону. Внутри меня что-то поднималось и опускалось. Стало тошнить. Шторм продолжался почти три дня. В иллюминатор бились брызги, а видневшиеся волны были с белыми гребнями. Рядом на койках пластом лежали отец, брат и сестра. Нас укачивало. Только мама была на ногах и приносила нам что-нибудь перекусить, но в рот ничего не лезло. Спасали солёные огурцы с чёрным хлебом и вода.

Наша каюта была с правого борта, и мы видели только волны и океанский простор. С верхней палубы увидел берег Камчатки. Высокие сопки, скалы с белыми прожилками снежников. Где здесь можно жить? На палубе было ветрено и холодно.

В каюте стал расспрашивать мать о месте, куда мы плывем.

«Город Петропавловск-на-Камчатке», — ответила она.

Мне вспомнился город Владивосток, и я успокоился.

«Сибирь» 25 октября 1954 г. пришвартовалась в Петропавловском порту в темноте. То ли вечер, то ли ночь, было непонятно. Причал освещался фонарями. Прибывшие пассажиры быстро исчезли, а мы кучкой ждали машину. Пришла грузовая полуприцепка, наша семья забралась в неё и уселась на свои узлы. Отец назвал адрес. Сказали, что дом за городом.

Когда выехали из порта, оказались в полутьме. Сразу начался подъём. Улица освещалась слабыми фонарями (улица Ленинская). Рассмотреть ничего не удалось. Вскоре фонари пропали, и мы поехали в темноте с включенными фарами. Дорога петляла, и где-то вверху, как бы на небе, светились редкие огоньки. Казалось, они были вокруг.

Утром первым делом выглянул в окно. За ночь выпал небольшой снег, и было бело. Светило солнце. Взгляд упирался в сопку. Посмотрел в другое окно — тоже сопка². От нетерпения выскочил на улицу, чтобы осмотреться.

День стоял ясный, и округа хорошо просматривалась. Над домом возвышались сопки, и он стоял среди них. На их склонах ютились небольшие одноэтажные домики. Привычный к деревянным строениям, я тут же сравнил их домами в нашем селе. Там, где мы жили раньше, они были все рубленые, а эти — из разных досок и дощечек. Больших зданий, как во Владивостоке, сколько ни всматривался, вдали не увидел. Всё было, как в нашем селе, только домов здесь было больше.

Первое время я постоянно сравнивал своё прежнее место жительства с Петропавловском. Отличий находил не очень много. Я был разочарован. Ведь ожидал другого. Думал: раз город, то обязательно — как Владивосток: с асфальтированной дорогой, автобусами и трамваем, с большими каменными домами.

В последующие дни знакомство с окрестностью продолжилось.

Уже через два дня после приезда пошел в ближайшую школу. Ею оказалась семилетняя школа № 15³.

Наш дом стоял на чётной стороне улицы Микояновской⁴ и был предпоследним перед хлебосухарным заводом⁵. К школе приходилось идти по главной дороге, спускаясь до контрольно-пропускного пункта⁶, который находился в районе стоящего сейчас памятника «Танк Т-34», а затем поворачивать влево, к нынешнему рынку. Школа размещалась в большом бараке с коридором. По сторонам коридора были классы. Они отапливались печками, топки выходили в коридоре. Учительницу звали Зоя Владимировна.

В ближайшее воскресенье я ходил с отцом на базар покупать кухонный стол и табуретки. Базар оказался метрах в трёхстах от дома, напротив теперешней краевой больницы, и назывался барахолкой.

Народу было много. На земле, на расстеленных газетках, брезенте и каком-то тряпье лежали поношенные вещи, всякие старые предметы, обувь, железки и даже ржавые гвозди. Красова-

лись нарисованные на клеенке котята и лебеди. Вереница людей тянулась змейками вдоль таких торговых рядов. В большинстве люди были одеты в фуфайки или ватники, старые длиннополые пальто и шинели, брезентовые плащи. Шапки напоминали солдатские. На ногах красовались резиновые или кирзовые сапоги. В ботинках редко кто был.

Нам пришлось обойти почти весь базар, прежде чем мы нашли столяров-кустарей. Стол и табуретки были не окрашены. Отец нёс стол и две табуретки, мне же досталось две табуретки.

Потом я часто ходил на базар поглазеть.

Дома находились больные брат и сестра. Еще на пароходе у брата поднялась температура, на теле появилась сыпь, и пришлось вызывать судового врача. Он определил, что это корь. Мама сразу сказала, что подхватил он её на владивостокском вокзале. На следующий день по приезду в Петропавловск появилась сыпь и у сестры. Врач определила, что они оба болеют корью и scarлатиной одновременно.

До ноябрьских праздников снега не было. Рядом с домом пылили редкие машины. Я усаживался на кучу бревен у дома и смотрел на дорогу. Она была более чем на полтора метра ниже, нежели сейчас⁷, поэтому я с небольшого откоса видел, что находится в кузовах грузовиков. В селе в основном были газогенераторные машины, для которых топливом служил газ, выделяемый из деревянных кубиков, загружаемых в специальный бункер. Мы любили играть этими кубиками. Здесь же машины ездили на бензине. Часто на глаза попадались незнакомые и громоздкие грузовики и тупоносые вездеходы⁸.

Через несколько дней я уже стал ориентироваться в окружающем дом пространстве и научился определять, что где находится. Через дом от нас стояли за забором около десятка складов с мукой для хлебопечного завода. Далее находился сам завод. Ниже дома стояло небольшое одноэтажное здание конторы Камчатторга, а за ним гараж. Слева от гаража был вырытый котлован⁹. Вода в нём замерзла, и я с пока незнакомыми мальчишками гонял по льду консервную банку.

На этом заканчивалась граница моего познания окрестностей в 1954 г.

Примерно в середине ноября 1954 г. после занятий в школе, которые во вторую смену заканчивались затемно, меня у школы встретила ватага мальчишек и с криком: «Бей новенького» — стала избивать. Как мог, я отмахивался от ударов. В неравной

потасовке потерял все пуговицы на пальто и шапку. На улице в это время начинался снегопад с сильным ветром. Мокрый и продрогший, еле-еле приплёлся домой. Ночью у меня начался жар. Я заболел. С того момента три недели был почти в беспамятстве.

Происходившее тогда помню урывками. Слышал незнакомые голоса. Говорили о каком-то мальчике, болеющем корью, скарлатиной и воспалением легких одновременно. О том, что в поликлинике нет пенициллина, а без него мальчик вряд ли выживет. Я не понимал, что речь шла обо мне. Когда приходил в сознание, рядом видел осунувшееся лицо мамы. В такие моменты просил соленых огурцов и воду. Потом опять забытьё. На голоса родных почему-то не реагировал, а отзывался только на чужие. На этот раз говорили мужчина и женщина. Мужчина был черноволос и с усиками, а женщина с длинными вьющимися волосами. Женщина сделала мне укол. Теперь, когда она приходила, я просыпался, и она делала укол.

Вскоре мне стало легче, и днем я не спал. Однажды трясло дом, но я думал, что это проехал трактор. За окном иногда сильно завывал ветер, и окна залеплял снег. Там, где я жил раньше, зимой ветров не было.

Выздоровел только перед новым, 1955 г., но на улицу, кроме хождения в школу, меня не выпускали.

Мама рассказала, что я стал здоров благодаря помощи соседей из ближайшего дома. Они были врачами — муж и жена и, когда узнали, что я в тяжёлом состоянии и требуется пенициллин, достали его по своим каналам и делали мне уколы. Фамилия врачей была Чолокян¹⁰. Мой младший брат называл Чолокянов Океанами. Они имели личный автомобиль ГАЗ-64, стоявший у них во дворе.

Только отболел я, как заболел воспалением лёгких отец. Он болел очень редко, но тяжело. Опять досталось маме. Врачи посоветовали отцу бросить курить, что он и сделал. Его оставшиеся папиросы «Север» я летом таскал уличным мальчишкам. Курящих женщин приходилось видеть редко. Для курильщиков были папиросы «Казбек», «Беломорканал», «Прибой», «Север» и сигареты «Памир», «Звездочка».

Днями я находился дома. Иногда приходила соседка из квартиры за нашей стенкой и просила немного соли, но сразу не уходила. Вела на кухне разговор с моей мамой.

Говор соседки был своеобразный: немного нараспев, с неправильным ударением и коверканьем отдельных слов. Лицо её было небольшим и тёмным. У нее были чуть-чуть как бы прищурен-

ные глаза. Я с трудом понимал, о чем она говорила. (Так же разговаривала новенькая в классе, которая переехала в город из села Авача. Только лицо её было круглее и полнее. Вообще новенькая удивила нас стрижкой наголо, сделанной ножницами. Постригли её из-за того, что нашли вшей.)

Соседка рассказывала о недавнем землетрясении и большой волне, смывшей город на Курилах¹¹. И о том, что наш город спасли ворота, не давшие волне войти в бухту. В моём воображении рисовались громадные ворота, какие бывают для въезда во двор. Где они находятся, понятия не имел.

Из любопытства потом спросил у мамы о соседке: кто она такая? Мама рассказала. Запомнилось, что она чукча и родилась в Уэлене на Севере, что муж её — бывший пограничник, служивший там.

У наших соседей по дому было четверо детей: три сына и дочь. С младшим я вскоре познакомился. Он был года на два-три старше меня. Однако разница в возрасте не мешала иногда общаться. Его имя стёрлось из памяти. У него были золотые руки. Он делал модели парусников. Один из них подарил мне, и я ходил летом пускать его на Култучное озеро.

В то же время своё умение что-то делать он затрачивал на опасные игрушки и проказы. У него были «поджиг» и модель пушки, из которых он стрелял во дворе (за стрельбу его ругал участковый уполномоченный). Для того чтобы быстро разжечь костёр на Зеркальной сопке, он стащил в гараже бензин и случайно облил им, а когда разжигал костёр, на нём вспыхнула одежда. Долго пролежал в больнице с ожогами и потом немного хромал.

Однажды он пригласил меня к себе, чтобы показать модели кораблей. Они мне понравились, но больше я рассматривал комнату. Раньше не очень приветствовалось посещение чужих квартир. На стенке висели сабля и то ли револьвер, то ли маузер с выгравированной пластинкой.

«Чьё это?» — спросил я.

«Отцовские награды».

Со временем мне стала известна фамилия соседей — Купчишины¹². Кажется, в 1957 г. младший Купчишин погиб, взорвавшись на трофейной японской мине¹³.

За день до нового года отец принес ёлку. Она была какой-то странной. На деревянную палку были набиты кедровые ветки. Живший рядом с дальневосточной тайгой, я знал ёлку. Отец перед новым годом приносил из леса маленькую красавицу, и мы наряжали её игрушками.

Зима с 1954 на 1955 г. была снежной и пуржливой. Пурги длились несколько дней. По радио объявляли отмену занятий в школах. Сильным ветром почти всегда обрывало электрические провода, и порой несколько дней в доме не было света. На этот случай у нас была готова керосиновая лампа. Её стекло мама тщательно чистила бумагой. Вечерами у такой лампы вся семья играла в лото.

После продолжительных пург обычно до обеда на улице стояла тишина. Только слышалось иногда, что где-то заводится трактор. В тишине даже было слышно, как на Халактырском аэродроме прогревали двигатели на Ан-2. Снег лежал белый-белый. Кочегарок в те годы практически не было.

После пурги, если снег был пушистым, я вместе с детворой прыгал в сугробы с крыш сараев. Если он был мокрым, а затем прихвачен морозом, мы катались на Зеркальной сопке на фанерках по насту, копали пещеры и ходы в сугробах. Высота сугробов была под два-три метра. Однажды, поскользнувшись на насте, я схватился за висящий на столбах провод под напряжением. По локоть почувствовал удар электрическим током.

Дома часто заносило снегом по самые крыши. Не зря в петропавловских домах входные двери открывались внутрь, а лопаты на всякий случай стояли на кухне или в коридоре. Если занесёт, можно было быстро откопать дверь дома. Из занесённого снегом дома о помощи не докричишься. Порой ещё до пурги кошка, доставшаяся нам от старых хозяев, забиралась в отверстие под дом ловить мышей. Снег закрывал ей путь назад, и она диким «мяу» звала на помощь. В погожие дни кошка уходила охотиться на мышей на хлебозаводские склады с мукой. После таких вылазок приходила вся белая.

Хозяйством в доме занималась мама. Она не работала. Ходила в магазины за продуктами. Готовила еду. На её шее были мы.

Самым обильными по части продуктов был «Третий магазин»¹⁴ в АЖО¹⁵. В продаже ещё имелись заграничные мясные консервы, кажется аргентинские, оставшиеся, видимо, от ленд-лиза. Консервные банки были квадратные, с маленьким ключиком на боку для открытия. Говяжья тушенка и колбасный фарш были вкусными. Иногда мама ездила на рынок в центр города и привозила живых крабов, а чаще камбалу. Её называли морской курицей. В продаже, хотя и нечасто, появлялись китайские яблоки. Обычно покупали килограммов пять. Один килограмм стоил 10 рублей — по деньгам образца 1947 г. Продавалась развесная икра. Высший

сорт стоил около 30 рублей за килограмм, первый сорт — 27, а третий — 21—23 рубля. Всегда в продаже была солёная рыба (кета и кижуч). Жупановская селедка стоила 11—12 рублей за килограмм. К картошке покупали селёдку, а иногда солёную кету, которую отмачивали и затем отваривали.

Дом отапливался дровами. Печку топили обычно вечером. Еду готовили кто на чем: у одних был примус, у других — керосинка или керогаз. Мы применяли керогаз. Электроплитками никто не пользовался. Во-первых, нужно было платить «за розетку», а во-вторых, напряжение в городе была таким слабым, что плитки почти не грели. За электроэнергию платили по количеству лампочек и розеток. Счётчики в домах отсутствовали. Белье гладили чугунными утюгами на углях.

Мне часто приходилось ходить в хлебный ларёк (слово «киоск» ещё не привилось) на КП. Порой долго ждал, когда привезут хлеб. Его привозили на конской повозке. Хлеб продавали на развес. Белый хлеб не помню, а вот булки, называемые сайками, помню хорошо.

К весне 1955 г. наконец разобрался, в каком районе города мы живём. В те годы городом назывался только его центр на улице Ленинской. Районы за его пределами имели каждый своё имя. Наш район, где мы жили, назывался «Сухарный»; у контрольно-пропускного пункта — «КП»; слева по дороге на Халактырку — «75-й участок». От КП до Озерновской косы район назывался «АКО».

За хлебосухарным заводом располагался совхоз, в народе именуемый Ближним или Совхозом. От него шла дорога в сторону села Елизово. Поселения по сторонам дороги не имели названий, и их привязывали к километрам, на которых они находились: 4-й километр, 5-й километр и так далее.

Южная часть города мне была не знакома¹⁶.

Каждый район жил обособленно. Автобусы стали ходить по городу регулярно за год до нашего приезда. В 1955 г. их маршрут пролегал от Дома офицеров флота до хлебосухарного завода.

Каждую субботу был банный день. К вечеру мама приготавливала отцу и нам с братом сменную одежду, мыло, мочалку, полотенца. Приходил отец, забирал банный саквояж, и мы шли на конечную автобусную остановку, благо она была недалеко, напротив хлебосухарного завода. В те времена на автобус занимали очередь. Автобусы были маленькие, с одной дверью¹⁷. Чтобы её открыть, водитель двигал специальный рычаг.

Здесь же, на остановке, мы решали, в какую баню поедem: в аковскую, что была напротив третьего магазина, или в городскую¹⁸. Мы с братом всегда высказывались за городскую. Во-первых, она была больше, и не нужно было долго стоять в очереди. Во-вторых, после бани мы заходили в центральный гастроном на улице Ленинской, и отец покупал нам кулёк конфет. В-третьих, лишний раз хотелось проехаться в автобусе. От хлебосухарного завода в сторону города остановок было немного: «КП»; «Третий магазин»; «Озерновская коса» или «Мехзавод»; «Баня»; «Сквер Свободы» или «Почта»; «Горбольница»; «ГВФ» и конечная — «Облисполком» или «Дом офицеров флота».

Иногда по воскресеньям мы с братом ходили на детский киноутренник в ДОСА (Дом офицеров Советской Армии).

Несколько раз за зиму я ходил на барахолку. Тряпки и другие вещи меня не интересовали. Я подходил к периферии базара, к месту, где продавали разную живность: кур, поросят, кроликов, щенят и котят. Тут же, на краю барахолки, приезжие из окрестных сёл оставляли свои нарты с упряжками собак.

Впервые увидев упряжку собак с нартами, был крайне удивлён. Казалось, что кто-то таким образом забавляется. Раньше ведь не приходилось видеть такое. Оказалось, что на Камчатке езда на собаках — обычное и вынужденное занятие.

У базара собаки вели себя по-разному. Одни спали на снегу, свернувшись клубком, другие сидели и глазели на людей, иные постоянно крутились волчком. Порой при появлении новой упряжки собаки начинали драться с грозным рычанием, запутывали постромки. Один из хозяев в таком случае разнимал свору, угрожая остолом, а порой бил им самых непослушных. Другой растаскивал собак и распутывал постромки.

С 1955 г. стали приносить местную газету «Камчатская правда». Конечно, я её еще не читал, но почему-то в нашей семье стали следить за уловами. В газете на первой странице печаталась сводная таблица количества рыбы, пойманной каждым сейнером трапового флота. Кто больше выловил, тот стоял выше в строчке. Каждый из нас выбрал имя траулера и болел за него. Я выбрал траулер «Механик Лесовой»¹⁹. Поэтому, как только приходила газета, изучал эту таблицу, выискивая свой траулер.

Через несколько месяцев после приезда на Камчатку я уже редко вспоминал старое место жительства. Новые впечатления вытеснили память о прошлом.

В школе поближе познакомился с одноклассниками. Большинство из них были детьми военнослужащих. Чистенькие, вежливые и чуточку высокомерные. Они отличались хорошим поведением и послушанием. Хорошо учились и для своего возраста обладали неплохими знаниями. Всё в них говорило, что они не местные. Другая часть класса состояла из детей местных жителей или недавно приехавших с побережий полуострова. Одеты они были попроще, говорили по-деревенски и соответственно вели себя. Я попадал в серединку этого среза общества малолеток.

Запомнился один забавный случай. В ходе занятий одна из учениц спросила у Зои Владимировны: «Где находится город Материк? Мы поедем туда в отпуск». Только часть класса засмеялась. Остальные молчали. Они не знали, что это такое.

К школьной одежде и внешнему виду учеников в те времена предъявлялись неписаные требования, которые необходимо было неукоснительно соблюдать. Так, девочки в косички могли заплетать ленты только коричневого или чёрного цвета. Носить платья и фартуки — таких же цветов. Другие цвета не допускались. Нельзя было ходить в школу с распущенными волосами.

По материалу, который использовался для шитья формы, определялся достаток в доме и уровень жизни. Каждый из учеников, несмотря на невеликий, казалось бы, жизненный опыт, отлично разбирался в этих тонкостях. Особенно болезненно разницу в материале переносили девочки. Большинство учеников были в опрятной одежде, но недорогой.

Для мальчиков имелись свои ограничения и правила. До пятого класса разрешалось носить только чёлочку и ни в коем случае чуб. Если пришёл в школу не в белой рубашке, то обязательно нужно было, чтобы был белый воротничок. Пришедших в школу не по форме отправляли домой переодеваться.

Перед школой находились магазины: военторга и «Военная книга». Ближе от них пробегал ручей. За школой размещался гараж городских автобусов, где было чуть больше двадцати небольших автобусов. За военторгом, школой и гаражом был овраг, по которому бежал другой ручей в Кулгучное озеро. За ручьём район назывался «Мангруппа». Там была вотчина военных, и особо выделялись четыре двухэтажных деревянных дома. В одном из них сейчас размещается театр кукол. Где сейчас рынок на КП, находились склады. А напротив контрольно-пропускного пункта № 1 (теперь в этом районе стоит памятник «Танк Т-34») размещалась гарнизонная гауптвахта.

В конце мая, перед летними каникулами, наша учительница Зоя Владимировна провела с нами экскурсию в город.

Шли от своей пятнадцатой школы по улице МаксUTOва (до 1954 г. называлась Култучной, Мангруппа). Там, где сейчас начинается стадион «Спартак», через ручей был деревянный мост. Рядом с ним были круглые домики, которые называли фанзами (однако это были не фанзы, а такой формы утеплённые домики постройки середины 1930-х гг.). В них жили корейцы (портные). Затем мы шли по пыльной набережной вдоль берега Култучного озера. На берегу озера был деревянный причал и стоял небольшой склад (напротив нынешнего здания краевого суда). По ходу нашего движения учительница рассказывала о городе.

Первым посетили краеведческий музей. Он размещался близко от озера в маленьком деревянном домике с небольшим палисадом. Рядом в таком же домике размещался областной военкомат. Выше них на склоне сопки стояла городская баня, построенная в конце 1930-х гг. Ближе к Никольской сопке находился городской продовольственный рынок.

Три комнаты музея были заполнены разными экспонатами. Среди них: знамя Гибралтарского полка морской пехоты Великобритании, найденное после боя с англо-французами в августе 1854 г. (муляж. — *Ред.*); макеты пакетботов «Святой Пётр» и «Святой Павел», ружья старых образцов, чучела животных и птиц, многое другое.

После посещения музея прошли к одноэтажной старой школе (построена в 1912 г.) и деревянному зданию областного драматического театра (построено в 1939 г.). И вот первый увиденный мною памятник в городе — «Часовня», рядом — земляные холмики могил погибших защитников города и захоронений неприятеля, пушки, якорные цепи. Ранее, до экскурсии, я не замечал то, что увидел в ходе её, а ведь каждую неделю ходил в баню в этот район.

Через полчаса на Никольской сопке рассматривал памятник «Слава» и памятник батарее № 3 А. П. МаксUTOва, слушал рассказ учительницы об обороне Петропавловска в августе 1854 г. Из него хорошо запомнил, что осенью 1954 г. в городе было празднично отмечено столетие Петропавловской обороны. Об этом напоминала панорама боя батареи № 3 с англо-французскими кораблями, нарисованная к этой дате, которую мы рассматривали под рассказ учительницы²⁰. С тех пор памятники Петропавловска не оставляют меня равнодушным. Как и история города.

Растаявший снег сделал город неприглядным. На дороге машины поднимали пыль, её смачивали, поливая моечной машиной. Однако пыль поднималась со склонов сопки, изрытых под огороды. Сопки были почти голыми. Не было деревьев и около домов Петропавловска. Только островки зелени были у ДОСА, административного комплекса Камчатрыбпрома в АКО. Даже в центре города, не считая Никольской сопки и вершины Петровской сопки, деревьев практически не было, кроме как в скверах Свободы, Лаперуза и горбольницы да на Советской улице²¹. Голыми были и улицы на «красной линии» в сторону СВВ.

Летом 1955 г. ниже нашего дома началось возведение областной больницы. Рядом был построен небольшой заводик по производству блоков, которые шли на её строительство²².

Каникулы проводил дома. Я был в том возрасте, когда ещё привязан к родителям и не смел ослушиваться. Но не только это задерживало у дома. Некуда было пойти и чем-то заняться. Ни спортивных, ни детских площадок в округе не имелось. Не было и свободного места или пустыря. Кругом находились частные дома с огородами. Спасением была Зеркальная сопка. Она была занята не только огородами: одну её треть покрывал молодой березняк. В нём мы строили шалаши. В начале лета искали пучку²³ и, очистив ядовитую оболочку, с удовольствием ели.

Видя, что мы с братом маемся во дворе, родители купили нам трехколесный велосипед. Его можно было превратить в двухколесный. Правда, для меня он уже был маловат, но для брата пришёлся впору. Иногда я переделывал велосипед в двухколесный и катался в проулке между домами.

В двух случаях мы мигом бросали свои игры или катание на велосипеде. В первом — если уши улавливали звуки похоронного марша. Мы сразу бежали к дороге. Городское кладбище находилось недалеко — напротив совхоза²⁴, и похоронная процессия проходила по Микояновской улице мимо нашего дома. Одни процессии были многолюдны, другие нет. Откиннутые борта машины, на ковре или дорожке гроб. Рядом в скорби родственники. Только детское любопытство заставляло смотреть на это. В другом случае — при взрывных работах в карьере²⁵ на Мишенной сопке. Услышав первый взрыв, мы бежали на Зеркальную сопку, откуда взрывы были хорошо видны.

Ребята старше меня сбивались в ватаги и от безделья бродили по улицам. Тогда подростки разных районов враждовали между собой. Из-за этого редко кто из них отваживался в одиночку

появляться в чужом районе — обязательно побьют. Противостояли друг другу ватаги: «аковские» (район современных улиц Ленинградской, Ключевской, Виллюйской, Фрунзе и выше на склоне Мишенной сопки), «карьерские» (нынешние улицы Батарейная, Карьерная и Дзержинского) и «совхозские» (район нынешних улиц Владивостокской, Кроноцкой и Ботанической). Иногда заключались союзы, и «аковские» вместе с «карьерскими» выступали против «совхозских». Порой «карьерские» и «совхозские» — против «аковских». Стычки проходили на склонах Мишенной и Зеркальной сопки. Обычно стояли толпой друг против друга и выкрикивали угрозы, а затем смельчаки с обеих сторон выходили драться на кулаках. Мелюзга вроде меня стояла поодаль и не участвовала в потасовке, а только наблюдала, иногда перекидываясь камнями. Кровавых потасовок с тяжёлыми последствиями не помню, но носы битыми были.

У родителей летняя пора проходила в заботах. В июне сажали картошку. Старожилы Петропавловска-Камчатского говорили, что делать это нужно в период хода уйка (мойвы по-современному).

Картофельное поле находилось на 12-м километре Елизовского шоссе, напротив военных ремонтных мастерских. Сейчас там дома. Ехали в открытой машине. Пыльная дорога. По сторонам — редкие городки военных. За «тёщиным языком» слева корейцы делали бетонные кирпичи (шлакоблоки). Они сушились на полянах.

В лунку для картофеля вместо навоза кидали протухшую камбалу и суперфосфат. Сорты картофеля — «Берлинка» и «Имандра».

Другой заботой была заготовка дров. Соседи объединялись и договаривались о том, сколько надо рейсов одного грузовика на лесосеку, чтобы каждому привезти по машине дров. Вместе с друзьями или родственниками уезжали утром ещё затемно. Лесосека располагалась на 62-м километре. Там спиливали берёзы, и брёвна везли к себе. В одну из таких поездок водитель машины напился в стельку, и пришлось вести машину шестнадцатилетнему сыну одного из хозяев.

Вечерами и по воскресеньям отец с мамой распиливали брёвна на чурки. Не слишком толстые брёвна распиливал я с отцом. Дрова складывали в поленницу на улице и осенью заносили в сарай. (В 1961—1963 гг. распилкой и колкой дров занимались уже мы с братом. Та пила верой и правдой до сих пор служит мне на даче.)

Летом отец с сослуживцами совершил восхождение на Авачинский вулкан. Тогда ещё редко поднимались на него. До вул-

кана они добирались на двух «студебеккерах» по Елизовской сухой речке. Сейчас дорога к Аваче идёт по этому же маршруту. После восхождения отец приехал с массой впечатлений. Его лицо было опалено солнцем и похудевшим. Через несколько дней он принес фотографии восхождения. Я с интересом рассматривал их и стал мечтать о походе на вулкан. Последнее, что поразило меня по сравнению с материком, — то, что часть огородов в городе была обнесена рыболовной сеткой, и холодное лето, за которое ни разу не бегал по улице в трусиках и в майке.

В августе мама хлопотала по поводу подготовки брата к школе. Он шёл в первый класс. Она купила ему костюм и портфель. Долго искала хороший букварь и купила его на распродаже школьных учебников во дворе школы № 14²⁶.

31 августа или 1 сентября в доме была кутерьма перед школой. Мама готовила школьную одежду мне и брату. И сама готовилась пойти с младшим сыном и дочкой. Занятая этой работой, когда заплакала проснувшаяся сестрёнка и запросилась на горшок, мама сказала мне, чтобы я посадил сестру на горшок. Я поднял Лену с постели и хотел было поставить её у горшка, но только выпустил ее из рук, она упала. Я еще пытался ставить её, но она вновь падала и плакала. Мама отругала меня. Но когда и у неё Лена упала, мама встревожилась. Сестра не могла стоять на ногах — они отнялись.

В облике и поведении матери вдруг всё изменилось. Я сразу понял, что мы с братом для неё теперь мало значим. Металлическим, каким-то чужим голосом приказала мне собрать брата и отвести в школу. Сама взяла Лену на руки и понесла её в поликлинику.

Подавленный, шёл с братом в школу на торжественную линейку, посвященную 1 сентября. К школе стекались празднично одетые школьники и родители с будущими первоклашками. У многих были в руках цветы, а на лицах счастливые улыбки. Во дворе школы военный оркестр играл бравурные марши. В толпе народа я долго не мог найти класс брата, и был очень расстроен. Хотелось, чтобы он запомнил этот праздник. Когда же нашёл, заплакал.

Когда после школы мы с братом вошли в дом, то не узнали его. Пахло больницей. Две тётки в белых халатах разбрызгивали в комнате и кухне из распылителя, каким белят, вонючую жидкость. Мама в ванну с такой же жидкостью кидала постельное бельё и занавески, сестрёнkinу одежду и что-то ещё. Сестры дома не было.

«Лену положили в больницу, а это дезинфекция карболкой, чтобы вы не заболели тоже полиомиелитом», — сказала мама и заплакала. Так в наш дом пришла беда.

После того как у сестры отнялись ноги, жизнь стала восприниматься иначе. Это событие повлияло на жизнь нашей семьи и на нас, детей. Не будь его, наша судьба, может быть, складывалась бы по-другому. Мы с братом и раньше не просили ни игрушек, ни новой одежды. Теперь вообще не позволяли себе этого...

Зима с 1955 на 1956 г. ничем не отличалось от предыдущей. Те же пурги и детские забавы. Только в эту зиму не так одиноки были родители. Ещё летом в Петропавловск из Литвы приехала полукровная сестра отца Наталья Фоминична. Как понял из разговоров взрослых, в Литве она работала в системе КГБ (секретаршей или делопроизводителем), и её стали вербовать «зелёные братья». Она отказалась с ними сотрудничать, и те стали угрожать расправой. Начальники предложили ей уехать куда захочет. Она выбрала Петропавловск-Камчатский, к брату. Теперь Наталья Фоминична часто приходила в гости. Родители сдружились с соседями через дом, и порой посиделки проходили у нас. Играли в лото и карты. В очень редких случаях с выпивкой. Пели старинные песни.

В то время женщины повально занимались вышиванием болгарским крестиком и гладью. Помню: пальцы, канва, разноцветные нитки мулине постоянно были в руках мамы. За мулине в магазинах стояли большие очереди. Из толстых ниток «ирис» крючком вязали салфетки и половички. Квартиры были маленькие, и невольно приходилось слышать разговоры. При случае женщины вели беседу о вышивке и показывали друг другу свои изделия. Говорили и о тканях. Тогда на слуху были крепдешин, креп-жоржет, драп и бостон.

Мама, когда вышивала, пела вполголоса старинные русские песни.

Заправка кроватей с никелированными спинками была тогда непростой и требовала умения. Мало было набросить на неё покрывало. Вначале укладывался подзор — полотно с кружевами с одной стороны, так чтобы они ровно висели над полом. Только потом покрывало. Взбитые подушки обязательно укладывались на кровати пирамидкой и накрывались кружевной накидкой. Ценились перины и кровати с панцирной сеткой.

Тогда почему-то модным было выращивать фикусы. Даже в маленьких комнатках, где повернуться было почти невозможно, держали большие, как деревья, фикусы. Они росли в бочках.

Вместо полок в доме были этажерки. На них стояли немногочисленные книги, слоники и висели кружевные салфетки. У некоторых в доме имелся комод.

У нас фикуса, этажерки и комода не было. Зато был большой кованный сундук. В нём мама хранила постельное бельё и свои вещи.

Как и в 1955 г., в мае 1956 г. Зоя Владимировна организовала для класса экскурсию. На этот раз — на городской пищекомбинат. Экскурсию проводила родительница ученика нашего класса. Пищекомбинат находился на КП, справа в начале дороги на улицу Ключевскую²⁷. Из всего, что рассказывали, запомнил, что комбинат выпускал пряники, печенье, газводу и пиво. Последний продукт запомнил из-за больших, под потолок цеха ёмкостей, в которых он зрел, и из-за запаха распаренного солода. Перед уходом с комбината нас угостили пряниками.

Теперь в школу ходил, немного сокращая путь. Шёл по обочине дороги до нынешней остановки «Краевая больница», а дальше сворачивал влево, продвигался между складом и двумя бараками²⁸.

Ещё зимой подружился с одноклассником Славой Стародубцевым. Выходили из школы вместе и о чём-то болтали. Порой подходили к бараку, где он жил. Шли мимо хозяйственного магазина (он был правее автобусной остановки «Комсомольская площадь» в сторону центра города) и маленькой парикмахерской за ним. Барак Славы был за большим, не так давно построенным трёхэтажным каменным зданием на Ключевской, 56²⁹. Бараков там стояло несколько рядов — от Ключевской улицы вниз до Микояновской. Около каждого барака находилась уборная (туалетом их стали называть значительно позже) с помойкой, и вонь от них разносилась на всю округу.

Однажды был у Славы в гостях. Живший в двухквартирном доме, я не знал барачной жизни (через два месяца наша семья переехала в барак) и с любопытством разглядывал строй примусов, керосинок и керогазов в длинном полутёмном коридоре. Большинство из них горело, и на них гнездились кастрюли и сковородки, в которых что-то булькало и шипело. В помещении стоял смрад. Пахло гарью и дымом, керосином, борщом, жареным мясом и рыбой одновременно. Некоторые хозяйки дежурили у своих кастрюль и сковородок. Было предобеденное время. Двери вели в однокомнатные квартиры. В них жило столько народу, сколько хватало места на полу, чтобы спать. От одного до пяти-восьми человек! Большинство жителей Петропавловска-Камчатского десятилетиями жили в таких диких условиях.

Семья Стародубцевых была в сборе и готовилась к обеду. Я тут же развернулся, чтобы уйти, но мама Славы не отпустила меня и пригласила за стол. На обед были пельмени. За едой искося

рассматривал обстановку в комнате. Отметил, что у нас нет приёмника с проигрывателем и стульев. Как нет этажерки с книгами, ковра, штор на окне и слоников на полке. Мы жили беднее. У нас был простой стол в комнате и кухонный на кухне. Вместо штор занавески. Имелось пять табуреток и три кровати. Мы с братом спали вместе.

У Славы был младший брат. За столом все разговаривали, смеялись. Когда расправились с пельменями, Славина мама спросила, кому попал «счастливчик».

«Мне!» — закричал радостный и, видимо, ждавший этого вопроса брат Славы и показал копейку.

Все дружно поздравили его с этим счастьем. Такая шутка, когда в пельмень вместо мяса закладывается что-то иное, мне была незнакома. Кому попал — тот счастливчик. Дома я поделился этим открытием с мамой, и она тоже стала так делать.

Отец Славы работал кем-то в порту и однажды взял нас со Славой на катер. Мы прокатились до Тарьи, что лежала на той стороне Авачинской губы. Еще Славин отец строил дом на склоне Петровской сопки³⁰ — выше поворота на улицу Набережную в районе нынешнего стадиона «Спартак» — и сделал нам из дощечек кораблики. Мы пускали их в Култучном озере.

В течение лета мы с братом несколько раз ходили с отцом на рыбалку. Рыбу ловили во внутренней бухточке в центре Петропавловска — в так называемом ковше. К нему подходили со стороны строившегося на бывшей косе городского холодильника. В ковше почти не было рыболовных судов. Мы забирались на стоящую у берега баржу и с неё ловили удочками из бамбука. В основном попадались навага и бычки.

В одну из таких рыбалок неожиданно пошёл вулканический пепел. Как позже узнали, его выбросил вулкан Безымянный, который тогда извергался³¹.

В 1955—1956 гг. в окрестности, где был наш дом, никакого строительства не велось, не считая здания областной больницы. Трёхэтажное здание было одно, о котором уже писал. В районе Мангруппы было около десяти двухэтажных домов по улице МаксUTOва (они стоят до сих пор), в районе нынешнего рынка на КП — одно каменное, построенное в 1953 г. (в нём сейчас поликлиника УФСБ по Камчатскому краю), а другое деревянное, почти напротив военторга. По нечётной стороне Микояновской улицы один двухэтажный дом стоял напротив хлебосухарного завода, а второй — у нынешней автобусной остановки «Краевая

больница». За ним находился ещё один двухэтажный дом. Остальные были одноэтажные дома индивидуальной застройки с приусадебными участками и государственные, двухквартирные. Район АКО мне был знаком плохо.

ПЕРЕЕЗД НА ЧЕТВЁРТЫЙ КИЛОМЕТР. ДЕТСКИЕ ЗАБАВЫ (1956—1958)

Около двух лет наша семья жила в районе хлебосухарного завода. В середине лета 1956 г. мама с моей сестрой уехала в Крым в Евпаторию: родители надеялись, что морская вода и солнце будут способствовать восстановлению подвижности ног Лены. Мы же в это время с отцом переехали в район 4-го километра в барак³². Родители уже думали об учёбе моей сестры. Именно с этим был связан переезд. Школа находилась менее чем в ста метрах от барака, в котором нам теперь предстояло жить. Кроме того, место работы отца стало ближе, и он не тратил много времени на дорогу.

На 4-м километре до переезда был несколько раз. Туда от хлебо-сухарного завода вдоль городского кладбища вела дорога, а рядом с дорогой — тропинка. На кладбище ещё не было больших зарослей из деревьев и кустарника, и хорошо были видны надгробные памятники не так давно похороненных артистки драматического театра³³ и погибших летчиков. Памятник артистке представлял собой беседку с вазой внутри, а летчикам — постамент с закреплённым на нем пропеллером самолета. За кладбищем начинались улицы Батарейная и Карьерная, состоявшие из частных домов.

На противоположной от кладбища стороне дороги стояли домики совхоза. Приусадебные участки упирались в обочину. На месте нынешней автобусной остановки в сторону 10-го километра стоял километровый столб с цифрой «4».

В районе бывшего кинотеатра «Родина», где сейчас размещается храм Николая Чудотворца, был высокий откос с валунами. Выше рядами стояло около двадцати бараков. От этого откоса улица называлась Зеркальной. Ниже неё — Зеркальный проезд. На этих двух улицах ко времени нашего переезда стояло примерно десять двухэтажных зданий и около двадцати пяти бараков и одноэтажных домов. В этом небольшом районе жили строители города, в основном СМУ-6. Наш барак находился в конце Зеркального проезда. За ним были исправительно-трудовая колония и пустыри. Дальше располагался район улиц Дачных, а в распадке — берёзовая роща.

Теперь пришлось знакомиться с новым местом жительства. Знакомство прошло быстро. Стояло лето, и уже через несколько дней я был среди ровесников, живших рядом, и подключился к их играм и занятиям. Детворы было больше, чем на Микояновской улице. Местом игр стала берёзовая роща ниже нашего барака. В те времена в городе деревья рядом с жилыми домами можно было пересчитать по пальцам, так их было мало. Зелёным кусочком на 4-м километре была эта берёзовая роща, и поэтому мы стремились попасть в её заросли. Жгли костёр, пекли в золе картошку, лазили по деревьям.

В один из таких походов в рощу новые друзья, приложив палец к губам, дали мне знать, чтобы я молчал, и, как заговорщики, пролезли через дырку в колючей проволоке. Я за ними. Через несколько десятков метров от забора пробегал быстрый глубокий ручей, который не в каждом месте перепрыгнешь. В нём мы пытались руками поймать небольших гольцов. На ручье была запруда и стояла водокачка. Вода из неё шла по трубам в город³⁴. Запруда, водокачка и ручей охранялись военизированной охраной. Я видел охранников — женщин в чёрных беретах и с револьвером на боку. (В 1959 г. перестали забирать воду из ручья. Летом мы пытались купаться в холодной воде бывшего водозабора. Потом его затянуло песком и илом. Остались целыми только бетонная плотина и торчавшие из нее трубы.)

На южной окраине рощи стояла семилетняя школа № 30, которая размещалась в бараке, в доме № 18 по Зеркальному проезду, рядом с нашим бараком. В этой школе мне предстояло учиться³⁵.

От 4-го до 6-го километра в это время было всего три школы: семилетняя школа № 7 в Ближнем совхозе и две школы между 4-м и 5-м километрами — начальная № 26 и семилетняя № 30, о которой сказано выше³⁶.

Начальная школа № 26 находилась на возвышенности, где сейчас стоит храм (барак, в котором она размещалась, снесли в 2010 г.). Рядом с этой школой располагались магазин и хлебный ларёк. За продуктами ходили именно сюда. Около магазина имелся стихийный базарчик, где по мере созревания продавалась камчатские дикоросы: черемша, жимолость, грибы, черёмуха, кедровые шишки (варёные) — и зелень, лук, картошка. Иногда из полотняного мешка продавалась браконьерская рыба.

В магазине было два отдела: продуктовый и промышленных товаров. Выкрашенный в зелёную краску магазин звали «Зелёный попугай». Отец захаживал в него по субботам. С собой брал пустую

чекушку (0,25 л) и покупал граммов двести чистого спирта, чтобы пропустить стопку после бани. Спиртом повсеместно торговали на разлив из бочек. В бутылках водку в то время почти не продавали.

К месту следует сказать о бывшем совхозе «Камчатский пионер имени И. В. Сталина». В 1950-х гг. он стал совхозом Петропавловским. Располагался он ниже школы № 30. Мы называли его Ближним³⁷. Поля совхоза раскинулись рядом. Сейчас на их месте — микрорайоны «Зазеркальный», «Горизонт», «Горизонт-Юг» и «Горизонт-Север». Иногда мама отправляла меня в совхозский ларёк за свежим, почти парным молоком. Помнятся улочки деревянных домов с палисадниками и сараями, коровники, конюшня, кухня, совхозский клуб.

По приходу в школу никаких сложностей не возникло. Большинство одноклассников были знакомы по совместным играм летом. 5 декабря 1956 г., в День Конституции, меня приняли в пионеры. Ни о какой идеологической подоплеке этого мы понятия не имели. Это была одна из ступенек осознания того, что ты уже не маленький. В классе пионеры разбивались на звенья и избирали звеньевоего. В каждом классе был председатель пионерского отряда, а в школе — председатель школьной пионерской организации (дружины). С третьего-четвёртого класса, если ты пионер, ношение пионерского галстука в школе было обязательным. Галстуки шили из различной ткани: красного штапеля, шёлка.

На углу школы старшие ученики покуривали папиросы и играли в зоску. Это была такая штучка, типа воланчика для бадминтона, только сделанная из меха и закреплённой на нем свинцовой пластинки. Ценился мех медведя и россомахи. У них шерсть длиннее, чем у других животных. Зоску подкидывали ногой (в районе лодыжки) раз за разом, пока не роняли. После потери зоску подкидывал следующий игрок. И так по кругу. Побеждал тот, кто подкинет её больше всех. Виртуозы набивали до пятисот раз, а то и больше. Девочки, по морально-этическим нормам того времени, в зоску не играли. Учителя стращали подростков паховой грыжей.

Тут же, на углу школы, играли на деньги в орлянку, чеку и пристенок. Суть последней сводилась к тому, чтобы отскочившая от стенки монета упала как можно ближе к предыдущей. Если пальцами дотягивался от одной монеты к другой, то забирал свою монету и ту, до которой дотянулся, и продолжал играть. Не дотянулся — оставлял свою монету и предоставлял ход следующему игроку. Здесь тоже выявлялись специалисты высокого класса, и их карманы оттопыривались от выигранных монет.

Общешкольных мероприятий почти не помню. Их проводили редко, по всесоюзным праздникам. Разучивали песни: «Взвейтесь кострами», «У дороги чибис» и другие. Хотя одно мероприятие запомнилось. 22 апреля 1957 г., в день рождения вождя, пионеры ходили принимать новых членов в свою организацию к памятнику В. И. Ленину. Он стоял рядом с памятником Лаперузу в центре Петропавловска-Камчатского. Нас собралась приличная колонна. От школы через весь город шли пешком, со знаменем пионерской дружины, с барабанами и горнами. Из всего этого действия в памяти осталась только пасмурная погода со снегом, гравийная дорога в лужах и грязные брызги, разлетавшиеся во все стороны.

Ребятам нравилось в дни выборов в Советы стоять в почётном карауле у избирательной урны и отдавать пионерский салют каждому, кто в неё опускает бюллетень. Особенно ценилось участие в этом действе при открытии избирательных участков. Тогда они открывались в шесть часов утра. Накануне дня выборов первая смена пионерского караула ночевала в школе. Однажды в такой первой группе был и я. Особенно приятно было, когда к урне подходили соседи по дому или знакомые.

Многие горожане являлись на выборы спозаранку, чтобы зайти в буфет и купить мандарины, апельсины, хорошую колбасу. Обычно в продаже их почти не было, но в день выборов они появлялись на избирательных участках. Мои родители стремились прийти на выборы пораньше, чтобы купить нам деликатесы.

Помню, единственный раз 19 мая, в день рождения пионерской организации, на окраине совхозского поля, где сейчас микрорайон «Горизонт-Юг», горел большой пионерский костёр. Долго веселились у него. Пели песни, танцевали.

Тогда же мы распевали песенку: «Берия, Берия вышел из доверия, а товарищ Маленков надавал ему пинков!»

В 1957—1958 гг. детские забавы уже отличались от игр малолеток. Теперь я, в отличие от прежних лет, стремился быстрее улизнуть из дома куда-нибудь подальше. Зимой катались на санках и лыжах в роще.

Однажды городской полк, стоявший в районе бывшего магазина «Российская книга», проводил на совхозских полях (район микрорайонов «Горизонт-Север», «Горизонт-Юг» и «Зазеркальный») тактические учения со стрельбой холостыми патронами. Стреляли не только из автоматов Калашникова (в то время этот автомат был ещё секретным; за пределами военных городков его

носили в брезентовом чехле, как охотничье ружье), но и из пулемётов. Со стороны Зеркального проезда многие жители наблюдали за учениями. Затаив дыхание, смотрели и мы, подростки. Порой там раздавались негромкие взрывы.

После окончания учений Толя Плотников, Ваня Омельченко, я и ещё кто-то из мальчишек рванули на место учений. Кроме стреляных гильз мы выбрали несколько круглых картонных коробок с бикфордовым шнуром. Внутри коробок что-то булькало. Какой мальчишка выдержит, чтобы не испытать такую находку в действии! У кого-то из нас нашлись спички. В роце мы взорвали одно изделие. Заряд внутри коробки разорвал картонную оболочку, и жидкость жёлтым облаком поднялась в воздух и осела в диаметре нескольких метров. Сразу же у нас заслезнились глаза, стало их щипать, хотя разорвалась коробка не так близко от нас. Потом перестало. На нашу беду, недалеко катались на санках первоклассники под руководством учительницы. Её мы не заметили и рядом с учениками взорвали вторую коробку. Конечно, мы тут же убежали.

Эта шалость едва не закончилась исключением нас из школы. Нескольким первоклассникам и учительнице досталось от жидкости больше всего. Они обратились даже в больницу с жалобой на боль в глазах. Дознание никто не вёл. Исключать — и всё. Положение спас новый физрук школы Валентин Прохорович, недавно демобилизовавшийся из армии. Он попросил принести ему целую коробку. Что мы и сделали. Изучив её, он объяснил учителям, что жидкость не опасна. Она на воздухе превращается в слезоточивый газ. В армии применяется для того, чтобы на учениях заставляя солдат надевать противогаз.

Зимой с 1957 на 1958 г. на совхозские поля совершил вынужденную посадку Ан-2. Из окон школы это хорошо было видно. Все ученики бросили занятия и кинулись к самолёту, протоптав в снегу хорошую тропинку. Зимой у самолётов колеса заменялись лыжами. Что случилось, нам не сказали, но вскоре рядом приземлился второй Ан-2. Через некоторое время оба они улетели.

Опасными забавами и игрушками мы продолжали заниматься летом. Привлекало всё горящее, взрывающееся и стреляющее.

Стреляли из «арлекона». Для его изготовления бралась гильза от крупнокалиберного пулемёта системы «Арлекон» и гильза от трёхлинейки или винтовки системы Мосина. Гильзу от «арлекона» спиливали до того уровня, чтобы винтовочная гильза могла

плотно войти в отверстие, но не полностью. Дальнейший процесс был прост. Небольшой кусок киноплёнки или фотоплёнки сворачивался рулончиком и вставлялся в винтовочную гильзу так, чтобы немного выглядывал из неё. Затем он поджигался и быстро вставлялся в «арлекон». Лента стремительно тлела, и выделяющийся дым выталкивал гильзу. Она летела метров на пятьдесят. Чтобы не обжигать руки, удобнее заряжать «арлекон» и прицеливаться, на нём оставляли одно звено от пулемётной ленты. Повторить такую стрельбу в наше время невозможно: с конца 1950-х гг. фото- и киноплёнка стала негорючей.

Другой забавой было устройство из плёнки «дымовухи». Рулон плёнки заворачивали в фольгу от шоколадных конфет и поджигали. Пламя тушили, и выделялся едкий дым. «Дымовуху» кидали обычно в соседний подъезд барака.

Небезопасно шалили с карбидом, но подробности лучше опущу, чтобы не появились последователи наших забав тех лет.

Развлекались «стукалочкой». Заранее готовили иголку, гайку и катушку ниток. В иголку продевали нитку и через несколько сантиметров привязывали гайку. Когда стемнеет, подходили к окну и втыкали иголку в переплёт. От гайки тянули нитку как можно дальше и прятались. Затем подёргивали нитку, и гайка стучала по стеклу. В квартире гасили свет и долго всматривались в окно. Мы гоготали.

С нитками проводилась и другая операция, но только на дороге. Фонарей на них ещё не было, как и асфальта. В потёмках через дорогу быстро протягивали белую нитку. Нитка в пыли водителю машины казалась канатом, и он резко тормозил.

Конечно, эти поступки возмущали взрослых, и, если мы попадались, нам надирали уши или говорили о нашем хулиганстве родителям. Те никогда в этих случаях нас не выгораживали, как нынче, а задавали нам трёпку.

Подальше от дома занимались и другими забавами, не менее опасными, чем стрельба из «арлекона» или возня с карбидом. На 9-м километре, справа от дороги в сторону Елизово, находилось захоронение боеприпасов, амуниции и снаряжения, захваченного у японцев в ходе Курильской десантной операции в августе 1945 г. Район, куда их скинули в траншеи, в то время был далек от населённых пунктов. Опасную свалку огородили забором из колючей проволоки и до 1955 г. охраняли, постепенно уничтожая её. О ней знали сведущие подростки, и после снятия поста они ринулись туда.

Мы тоже не избежали похода на бывшую свалку. До 9-го километра добирались на попутных машинах. Благо тогда было много военных автомашин, и солдаты останавливались и подбিরали нас. На свалке мы ещё находили в земле гранаты, мины, артиллерийский порох, пулемётные ленты, патроны, японские каски. Находили даже японские клинки. Также на попутных машинах добирались до своего района, трофеи уносили в роццу и прятали. Потом всё, что взрывалось, кидали в костёр и, спрятавшись подальше, ждали взрыва. Артиллерийский порох был пластинчатый и трубчатый. Последний поджигали с обеих сторон и кидали вверх. Он вращался и летал по воздуху.

После одной такой вылазки на свалку я притащил домой противотанковую мину и спрятал её под кроватью. Отец случайно обнаружил её и задал мне такую трепку, что после неё у меня остался шрам на ноге, который виден до сих пор. Ведь не обходилось без гибели и увечий подростков в опасной игре с боеприпасами, как на материке в районах бывших боёв во время Великой Отечественной войны. Меня же с друзьями смертельная опасность обошла стороной.

На другой, только самолётной, свалке, что на 6-м километре³⁸, мы разбивали клапаны самолётных двигателей и вынимали из них натрий, кидали в воду. Он шипел, «бегал» по воде, а затем взрывался. С самолётных колес сбивали обода, они были сделаны из магния. Потом в роцце нагревали обод в костре до свечения, а затем били по нему палкой. Он как бы взрывался и белыми, большими искрами разлетался. Был красивый фейерверк!

Конечно, почти у каждого мальчишки была рогатка. Стреляли по консервным и стеклянным банкам. Бутылки, если они были целы, сдавали в приёмный пункт. Они стоили 90 копеек или 1 рубль 20 копеек (по деньгам образца 1947 г.). Поэтому целые бутылки не разбивали. Также не били оконные стёкла. За такую шалость могли хорошо побить. Делали луки и стрелы. Из них стреляли по самодельным мишеням. Единственный тир, как помню, был в парке культуры и отдыха на Никольской сопке. Там стреляли из «воздушки».

Мы не были трудными подростками, как бы сказали сейчас. Мы были обыкновенные мальчишки — дети послевоенного времени. Поэтому и игры у нас были военизированные и опасные. Предоставленные самим себе, мы не переходили грань недозванного. Почти никто друг другу не завидовал. В местах, где я жил, не было высокопоставленных чиновников и начальников и их детей,

не было элитных школ и классов. Все были равны по уровню жизни. Одинаково полубедные, живущие в бараках с печками и имеющие «удобства» на улице да сараи с кое-какой живностью.

В 1957 г. сестрёнка стала первоклассницей. Подвижность её ног не восстановилась. Чтобы как-то стоять и передвигаться с помощью костылей, её ноги были почти закованы в ортопедические аппараты из металла и кожи. Они были тяжёлые. Ходить самостоятельно далеко она не могла, передвигалась только в помещении. Хотя школа была рядом, родители или я отвозили Лену в школу на сделанной коляске с велосипедными колесами. Таким же образом привозили из школы. Зимой — на специальных санках. И так несколько лет, пока сестра не подросла и не окрепла, чтобы могла самостоятельно передвигаться на костылях.

ЖИЗНЬ МЕНЯЕТСЯ. ПОДРОСТКОВЫЕ ЗАБОТЫ (1958—1960)

Почти каждое лето мама возила сестру на материк в санатории и разные больницы, надеясь вылечить её. В 1958 г. улетала на Ту-104, который стал делать рейсы на Камчатку. То были первые полёты. Я с любопытством рассматривал самолёт. Тогда ещё провожающие могли заходить в салон.

С отъездом мамы мы с братом оставались на попечении отца. Чем могли, помогали ему. Вместе с ним сажали, пололи, окучивали и убирали картошку. Собирали жимолость. За ней на машинах ездили на 20-й и 41—42-й километры, в район Кеткино. Моста через реку Авачу на 41-м километре тогда ещё не существовало, а был паром, который работал не всегда. В таких случаях через реку переправлялись на батах.

От нашего барака в вечернее и ночное время хорошо были видны ночные стрельбы на полигоне, который находился в районе нынешнего «Северо-Востока». Были не только слышны пулёмётные очереди, но и видны в небе следы от трассирующих пуль. На бомбёжном поле часто раздавались взрывы бомб, выстрелы из самолётных пушек. Если хорошо всмотреться, можно было увидеть пикировавшие в том районе самолёты. Ночные бомбометания и стрельбы с самолётов впечатляли. Перед этим на парашютах сбрасывались осветительные ракеты. Они светили так ярко, что было видно подножие Авачинского вулкана.

Окрестности Петропавловска-Камчатского в то время были заполнены воинскими частями. Тема войны нигде не звучала, но

в 1957 или 1958 г. отец принёс с работы памятку, как себя вести при ядерном взрыве. В ней рисунки показывали воздушные, наземные и морские атомные взрывы, как прятаться от воздействия проникающей радиации и ударной волны. Жуть от этого наглядного пособия берёт только сейчас.

Во дворе подростки пользовались особым языком. К месту и не к месту произносились слова «законно», «харэ». Если кто-то что-то просил из съестного — говорил «дай сорок». Пробовали покуривать. Обычно вытягивали у курящих отцов папироску, и нам одной хватало затянуться по разу-два. Конечно, сразу кашляли от дыма. Однажды в лесу набрали на кучу выброшенных папирос «Казбек» с плесенью. Набрали, кто сколько мог, и в нашей роще стали курить. Обкурились так, что рвало до желчи. С тех пор не переносу папиросного дыма, а курить начал только после службы в армии, когда появились в продаже болгарские сигареты.

Перед открытием в 1958 г. нового здания школы около неё высаживали деревья. Прошло более пятидесяти лет с тех пор, а некоторые из них ещё стоят.

Классным руководителем нашего пятого «А» класса был Евгений Александрович Головин. Он преподавал историю. Его рассказы о ней были интересны. Он был пожилым человеком и нам казался уже стариком. Ученики его уважали. В руках Евгения Александровича постоянно была указка. Вечером он к пиджаку пристёгивал квадратный фонарик. В школе часто отключали электричество.

В начале учебного года почти две недели не учились, а ездили на 17-й километр убирать картофель. В те годы практиковалось такое. Весной 1959 и 1960 г. в Петропавловском совхозе в парниках пикировали капусту. Летом окучивали картофель. Поля находились, где сейчас микрорайоны «Кирпичики» и «Зазеркальный». Ходили пешком. Однажды там гоняли лису. Она далеко от нас не убежала, была худой и вся в клочьях меняющейся шерсти. Видимо, рядом была нора с лисятами. Скулеж лисы напоминал противный собачий лай.

В сентябре 1959 г. почти неделю работали на полях на 24-м километре, слева от главной дороги перед аэродромом. Жили в маленьком клубе. Спали на полу. Кормили нас за счёт совхоза. Вместо чая и компота нам давали молоко. Работали целый день с перерывом на обед. А было нам по двенадцать-тринадцать лет. Взрослые «помощники» из города работали до двух-трёх часов, уходили на обед и часто больше на поля не возвращались. Потом из

лесопосадок слышались их пьяные голоса и застольные песни. Мы же трудились до вечера.

Целые дни над нашими головами пролетали военные и гражданские самолёты. Заходили на посадку. Почти каждый из них мы провожали взглядом. В один из дней, также провожая взглядом полёт Як-12, пришлось увидеть, как в него врезался военный самолёт МиГ-15. Як летел высоко, а МиГ заходил на посадку, потом резко взмыл. На его пути оказался несчастный Як. Срезав одну из его плоскостей, МиГ ещё немного пролетел выше, а затем резко почти по той же траектории, что летел до столкновения, пошёл вниз и врезался в землю более чем в двух километрах от нас. Взрыва не слышали. Было видно, как перед самой землёй летчик катапультировался, но парашют раскрыться не успел. А Як продолжал падать, крутясь по спирали. В мгновения катастрофы, казалось, наступила тишина, и только слышно было, как шелестит оторванная на Яке перкаль. Он упал с треском, но взрыва тоже не было.

В этот же год Халактырский авиаотряд подарил школе самолёт Як-12. Он стоял во дворе школы. Авиаторы обещали вести кружок по устройству самолёта, но так и не исполнили своего обещания. Самолёт, ставший бесхозным, был вскоре мальчишками разобран.

У нас в семье водилась живность — куры. Чтобы они неслись зимой, мама по вечерам зажигала в курятнике лампу «летучая мышь». В году 1959-м мы с братом уговорили родителей купить на базаре кроликов. Отец сделал клетки. Летом мы с братом кроликам рвали траву в роще. Зимой кормили овсом, овощами. Кролики продержались года два. За это время их было более двадцати штук. Шкурки сдавали в приёмный пункт сельхозпродукции, находившийся у кладбища на 4-м километре. Потом мама держала гусей и уток. Это было небольшим подспорьем к скудному рациону. Иногда мама в духовке пекла булочки. Тогда комната наполнялась вкусным ароматом, запомнившимся на всю жизнь.

Изредка бывал в центре Петропавловска. Добирался автобусом. Проезд одной остановки стоил 20 копеек (образца 1947 г.). Дорога туда и обратно обходилась в 1 рубль 60 копеек или 2 рубля. Осенью (1957—1958 гг.) ходил на областную сельскохозяйственную выставку, проходившую на футбольном поле на сопке Никольской (в 1961 г. там сдали в эксплуатацию здание телецентра и телевышку). Запомнились снопы ржи или ячменя из Мильковского района и первые механические дойки коров.

В эти годы город интенсивно застраивался. На улице Ленинской к видным зданиям — гостинице «Восток», обкому КПСС и кинотеатру «Камчатка» — к 1959 г. добавились многоэтажные дома, где разместились аптека, рыбный магазин и магазин культуртоваров. Строились здания для УТРФ, ГУМа, почты, политпросвещения. Меняла свой облик и улица Советская. На бывшей косе возводился городской холодильник. На главной улице стали укладывать асфальт. В 1960 г. асфальт уже был на 5-м километре. К этому времени там достраивались дома в будущих камчатских «Черёмушках» и закладывали фундамент многоэтажек, где сейчас размещаются английский лицей и наркологический диспансер.

На Култучном озере работала лодочная станция³⁹. Детям лодки не давали, так мы с братом уговаривали отца пойти в выходные дни на озеро и покататься на лодке. Отец учил нас грести. Озеро было ещё большим.

В 1958—1959 гг. я подружился с Геной Беловым. Нас сблизило увлечение самолётами. Мечтали сделать планер. Частенько бывал у него в доме. У Беловых в комнате вместо ковра на полу лежала громадная шкура медведя с мордой и когтистыми лапами. Приятно было поваляться на ней, утопая в длинной шерсти.

Отец Гены работал в милиции. Когда он уходил на работу, и в доме никого не было, мы занавешивали шторами окна, и Гена из-под подушки отца доставал немецкий вальтер. Нам было по тринадцать лет, и мы уже умели обращаться с оружием. Вынимали магазин, проверяли, нет ли патрона в патроннике, и только после этого играли с ним. Мне нравился этот элегантный небольшой пистолет. После войны у многих её участников имелись пистолеты. (Мама рассказывала, что у моего отца был дамский пистолет «Беретта». Когда они еще только познакомились в 1945 г. и отец в компании похвалился им, она не сдержалась и сказала, что эта «пукалка» не пробьет и табуретку. Тут же на стол поставили табуретку, и отец выстрелил в неё. Все удивились, что пуля её пробил.)

Однажды, находясь в роще, мы с Геной натолкнулись на военных, стрелявших по мишени из пистолета ТТ. Они нас не прогнали, и мы наблюдали, как они стреляют. Неожиданно они спросили: «А не хотите пострелять?»

Кто из мальчишек откажется пнуть из настоящего пистолета! Первому протянули пистолет Токарева мне. Он был какой-то квадратный и тяжёлый. После выстрела в мишень я развернулся с оружием к военным. И тут произошло неожиданное: все они, как по команде, бросились на землю. Я думал, что они зарядили один

патрон, а они снарядили обойму. Один из них крикнул: «Поверни ствол в сторону мишени и стреляй, пока не кончатся патроны!»

Поразило, с каким проворством офицеры всё это проделали. Сказывался их военный опыт. Большинство служивших в 1950—1960-х гг. офицеров были участниками Великой Отечественной войны. Они-то хорошо знали, что нужно делать, когда на тебя направлено оружие. Ведь я мог случайно выстрелить. Это только в фильмах при обстреле все стоят, как истуканы.

Там же, в роще, отец Гены Белова учил нас стрелять из малокалиберной винтовки. Дважды он устраивал соревнование между нами по стрельбе из винтовки по мишеням.

Игра с оружием иногда заканчивалась трагически. Так, мальчишки, играя дома с малокалиберной винтовкой, случайным выстрелом убили моего одноклассника Володю Абоимова.

В 1958—1960-х гг. мы уже не ограничивались прогулками до Кирпичной речки. Ходили на Синичкино озеро. Купаться в нём было невозможно из-за холодной воды, но идти туда интересно. Шли по пробитой военными связистами тропинке вдоль воздушной линии связи от пехотного полка (район «Силуэта») до посёлка Чапаевка. Мы называли ее столбовушкой. Вдоль рос редкий каменноберёзовый лес. Когда-то он был густым. Об этом говорили пни, торчавшие вокруг. Они удивляли своей высотой: два-два с половиной метра. Объяснялось это просто. В годы Великой Отечественной войны гражданским и военным уголь для топки печей почти не выдавали. В окрестностях Петропавловска-Камчатского на десятки километров берёзовый лес был вырублен. Заготовливали дрова зимой. Берёзы спиливали на уровне снега. В те годы зимы были многоснежными. Снежный покров достигал двух-трёх метров. Вот и оставались такие высокие пни.

Еще до Кирпичного ручья иногда заворачивали к армейской пекарне, чтобы попросить у солдат хлеба. Недалеко от пекарни стоял санитарный батальон (пекарня и санбат находились в начале нынешнего проспекта Карла Маркса).

В декабре 1959 г. мы с Геней несколько раз ходили на лыжах на Халактырский аэродром. Лыжи были очень простыми, с креплением, сделанным из автомобильной камеры. От совхозских теплиц (сейчас там городская оранжерея) выходили на тундру и по ней шли в сторону аэродрома. Приходили к нему в сумерках, а возвращались уже в темноте. Издалека смотрели на стоявшие на лётном поле Ан-2 и Ли-2. Зимой на них вместо колёс устанавливали лыжи. Мы заходили в деревянный аэровокзал погреть-

ся. Он был всегда полон людей, ожидавших своего рейса в районной области, в большинстве местных жителей, одетых в кухлянки, торбаса и малахаи.

С Геной Беловым связан один забавный случай. В 1960 г. мне исполнилось четырнадцать лет. Тогда не очень-то было принято отмечать дни рождения детей. На следующий день после дня рождения я похвастался своей «датой». Саша Вдовиченко предложил отметить её. Из дома он утащил маленький бидончик браги. Пили мы её в роще с Геной, Сашей и моим братом Юрой. Брага показалась нам сладенькой и приятной, как квас. Однако мы не знали коварства этого напитка. Через некоторое время все опьянели, а Гене и Юре стало плохо. Хорошо, что было на улице солнечно и тепло. Мы с Сашей уложили своих «собутельников» в тенёчек и регулярно обмывали их холодной водой, благо ручей тёк рядом. К вечеру они пришли в нормальное состояние. Мне было тоже мутрно. С того времени не терплю запах браги.

Свои дальние вылазки мы всегда делали большой ватагой, человек шесть-восемь. Вроде нам ничего не угрожало, но в меньшем количестве далеко никуда не ходили.

Рядом с домами, где мы все жили, размещалась исправительно-трудовая колония. Сидели в ней воры, мошенники, убийцы, хулиганы, разбойники и другой преступный люд. Те, кто из них имел нестрашные статьи и в свою отсидку хорошо себя вёл, попадали в «расконвойку» и днём находились за пределами зоны на различной работе без охраны. Однажды такой расконвойник разговорился с нами в роще. О чём шёл разговор, не помню, но почему-то запомнилась его фраза: «Пацаны, не верьте интеллигенции — художникам, писателям, музыкантам и артистам. В зоне они первые шестёрки!»

Сильное землетрясение в Петропавловске в мае 1959 г. застало меня дома. Наш барак скрипел и ходил ходуном. Мы выбежали на улицу, но землетрясение продолжалось. Земля гудела и подрагивала, ходила, словно волнами. Печные трубы раскачивались, а некоторые переломились и скатились с крыши. Одна из труб едва не придавила бабуку из соседнего подъезда с внучкой на руках. После этого землетрясения некоторые жители города уехали на материк.

В августе 1959 г. с Петровской сопки смотрел открытие стадиона «Спартак». Его построили методом «народной стройки», как говорили по радио и писали в газетах. На его месте ещё в 1940-х гг. было озеро. Болельщики потом смотрели футбольные матчи с Петровской сопки, откуда их гоняла милиция.

Зимой 1959 или 1960 г. ходил в Дом пионеров⁴⁰ в авиамодельный кружок. Кружок помещался на втором этаже, к нему вела лестница с улицы. Внизу перед лестницей стояла клетка с медведем. В кружке я долго не задержался. Почти не было материала для авиамodelей. Кто его имел, тот и мастерил что-то. Места хватало только для них. Был, как говорится, на подхвате — что-то подержать, убрать помещение, на улице помочь запустить планер. Запускали планеры с Петровской сопки. Пожалуй, это было самое интересное. В памяти остался запах ацетона, казеинового клея, лаков и эфира, который использовали как горючее для микродвигателей самолётов.

У нас дома постоянно работал динамик городской ретрансляционной сети. Как только утром начиналась, с гимна СССР, трансляция, вставала мама, затем отец и мы, дети. (Занятия в школе начинались в восемь часов.)

Радио служило основным источником разнообразных сведений. Слушали новости, разные передачи, музыку. Конечно, помнится голос Юрия Левитана. Когда он читал сообщения ТАСС, мороз по коже пробегал. Порой динамик работал ночью: транслировали выступление Н. С. Хрущёва. Помню, как в литературной передаче изо дня в день читали роман М. Шолохова «Поднятая целина». Щукарь и Размётнов запомнились ещё раньше, чем мы проходили это произведение в школе. Из передачи «Театр у микрофона» помню «Оптимистическую трагедию» Вишневского. Не в пример нынешнему времени, по радио звучало много классических музыкальных произведений — Баха, Моцарта, Чайковского, Прокофьева, Шостаковича. Пели оперные певцы С. Лемешев и И. Козловский. Часто проигрывали арии и песни в исполнении Ф. Шаляпина. Мне до сих пор нравится его бас. Из-за частого повторения становились знакомыми голоса Бунчикова, Нечаева, Л. Руслановой, К. Шульженко, М. Бернеса и Г. Отса, а позже — эстрадных певцов В. Трошина, О. Онуфриева, М. Кристалинской и Э. Пьехи⁴¹.

В нашем бараке, да и в ближайших домах, жили одинокие женщины. Им было по тридцать пять — сорок лет. Они отличались одеждой и внешним видом от замужних: были напудрены, с крашеными губами, модно одетые. Замужние называли их фифочками и недолюбливали, не поддерживали дружеских отношений. Те тоже не оставались в долгу и неприязненно относились к замужним. В чём причина такого поведения я не знал и не догадывался⁴².

В конце 1950-х — начале 1960-х гг. в городе стали появляться молодые люди в необычной для того времени одежде и обуви: в узких брюках без манжет и в полуботинках на толстой подошве. Вместо стрижки полубокс они имели другую, с более длинными волосами, — канадку. Волосы зачесывали ёжиком. Этих людей прозвали стилиягами. Милиция почему-то задерживала их, и были случаи, когда им разрезали брюки, а подвыпивших стилияг обстригали наголо. В те годы из стрижки признавался только «полубокс».

Мужские брюки были с широкими мешковатыми штанинами, с манжетами внизу. Служащие учреждений и организаций и чиновники партийного и государственного аппарата носили шляпы, а основная масса тружеников — кепки. Модной тогда была восьмиклинка. Через два-три года многие стали носить узкие брюки и причёску «канадка». Стало привычным, что в тёплое время года молодежь и взрослые ходили на улице без головных уборов.

Менялся и облик женщин. Женщины и девушки избавлялись от кос. Старшие школьницы не отставали от них, стали делать короткие причёски, а вне школы носили брюки, что вообще было необычно.

Порой удавалось слышать незнакомое для уха звучание рока.

Постепенно былые шалости ушли в сторону. Играли в лапту, прятки, штандр, чехарду, ножички, классики, городки и другие, уже забытые игры (зимой играли дома в шашки, «чапаева», морской бой). Делали коллективные вылазки на Мишенную сопку и на 2-ю речку, называемую ещё Кирпичной. Петропавловский совхоз ещё не уничтожил лес и не распахал землю в районе нынешних микрорайонов «Горизонт-Юг» и «Горизонт-Север». Там росли жимолость и княженика. К осени, когда вся детвора собиралась к школе, и нас становилось больше, на спортивной площадке ближайшей воинской части играли в «американку» — футбол в одни ворота, в волейбол и баскетбол.

В 1956—1960 гг. в играх и забавах участвовали ребята из нашего барака и ближайших домов: Света и Гена Кувакины, Саша Вдовиченко, Саша Куплевахских, Ваня Омельченко, Валера Дегтярев, Гена Белов, Слава Мохов, три Тамары — Еникеева, Фролова и Ивденко, Ира Кузнецова, Люда Камнева, мой брат Юра, Вова Цыбышев и другие, имена которых не запомнил. Многие из ребят вскоре навсегда уехали с Камчатки, и судьба их мне неизвестна⁴³.

НА ПОРОГЕ ЮНОСТИ (1960—1962)

В 1960 г. в городе широко отмечали 220-летие Петропавловска-Камчатского. Об этой дате много говорили по радио, и поэтому с того времени 17 октября врезалось в память как день рождения города.

В этот день, когда пошёл за хлебом в ларёк, долго не мог перейти через дорогу. По ней в центр города двигалась большая колонна грузовых автомобилей с картошкой, капустой и с коровами. На машинах развевались красные транспаранты с надписями типа: «Подарок городу от Елизовского района». День стоял ясный, ветреный и холодный. Лужи подёрнулись ледком.

Учёба с пятого по седьмой класс ничем ярким не запомнилась. Русский язык и литературу преподавала Анна Ивановна Панкратьева (Фомина)⁴⁴. Уроки английского языка вела Анна Николаевна Мещерякова. Особой дисциплиной класс не отличался, и когда уже чересчур шумели, Анна Николаевна кричала: «Шат ап!» Зная её слабость к иностранной литературе на английском языке, ребята приносили ей книги. Она иногда читала их на уроке и нас не спрашивала. «Физиней» была Рива Александровна Маневич. Она сильно отличалась от остальных учителей модной короткой причёской. Рива Александровна умела держать дисциплину в классе и хорошо знала свой предмет. Если ей не нравился ответ по теме урока, она с особой интонацией говорила: «Тоска зелёная!»

В годы, когда я учился в школе, полы после занятий мыли ученики класса, в котором занимались. Дежурство осуществлялось по партам.

В мае и июне 1961 г. сдавали экзамены за седьмой класс. У меня чудом сохранился мой дневник, который вел в 1961—1962 гг. В нём коротко записывал главные для меня события. Запись об экзамене по математике:

«31 мая 1961 г. Мы зашли в свой класс. Он кажется немного непривычным. Рассаживаемся по партам. На доске написаны задача и примеры. На партах листочки с печатью. Вначале кажется страшно. Никак не мог решить примеры. Я сидел на первой парте, а сзади Люда Камнева. Я попросил шпаргалку. Она передала».

Письменный экзамен по русскому языку:

«3 июня 1961 г. Писали изложение на тему: “Смерть Тараса Бульбы Гоголя”».

После окончания в 1961 г. седьмого класса одноклассники и другие ровесники стали подумывать об учёбе в средних специальных учебных заведениях. Для подростков в городе было одно такое — Петропавловское мореходное училище. Поговорил о поступлении туда с родителями, ведь иначе им пришлось бы содержать меня ещё четыре года. Они посоветовали продолжить учёбу в школе. Аналогичный совет получил и Гена Кувакин, живший тоже в нашем бараке. А Слава Мохов вынужден был идти в мореходку: мать не могла его вытянуть столько лет, так как была одна. Оказалось, что Слава плоховато видит и мог не пройти медицинскую комиссию при поступлении в училище. Мать Славы достала таблицу по проверке зрения, и он её выучил. Так он поступил в училище⁴⁵.

В 1961 г. летом впервые посетил Паратунские и Начикинские горячие источники, озеро Котельное и берег Тихого океана. Полнее увидел камчатскую природу вне окрестностей Петропавловска. Конечно, она впечатлила своей дикостью и необычностью. Особенно горячая вода, вытекавшая просто так из земли, прибойные волны океана и ход лососевой рыбы.

На озере Котельном и берегу Тихого океана удалось побывать благодаря мужу отцовской сестры Павлу. Он служил в автомобильном батальоне на 75-м участке. Летом 1961 г. его подразделение участвовало в строительстве Радыгинского полигона. Сооружали танкодром для стрельбы из танков, артиллерии и стрелкового оружия. Я упросил его взять меня к себе на несколько дней. Жил я один в большой армейской палатке. Питался на походной кухне вместе с солдатами, строившими полигон. Чтобы жизнь мне «не казалась мёдом», Павел дал мне задание — занести в ведомость расход бензина, дизельного топлива и автомобильного масла за несколько месяцев работы техники на полигоне. Разнести их расход по дням. Задача оказалась несложной.

Самое большое впечатление на меня произвели Тихий океан и рыбалка на реке Котельной. Цитаты из дневника:

«18 июля 1961 г. Сегодня поехали на рыбалку. Это далеко, примерно 25 километров от полигона. Поймали сетью более 50 лососевых рыбин».

«19 июля 1961 г. Опять ездили на рыбалку. На этот раз с ночёвкой. Вечером поймали десять рыбин. Остановились на берегу озера Котельного на полевом стане Петропавловского совхоза. Там стоял летний скотник. Мы поели ухи, которую приготовили на костре, и легли спать в балке».

В дневнике не писал подробности о рыбалке и ночёвке на полевом стане, но кое-что хорошо помню. Почти рядом с устьем реки Котельной через неё протягивался подвесной мост. Его построили пограничники и использовали при охране границы. На меня взрослые возложили две задачи. Первая — следить за дорогой, что проходила по берегу реки, чтобы заметить приближение чужих машин. Вторая — стоя почти у устья реки, улавливать момент захода косяка рыбы из Тихого океана в реку и давать знать об этом рыбакам. Они были метрах в трёхстах от устья. По моему сигналу они сетью перегораживали реку, насколько могли. Стоит сказать, что мы рыбачили по нескольку часов, но никто на берегу не появлялся. На всякий случай у каждого была удочка, если вдруг появится рыбнадзор.

На полевом стане нас угощали парным молоком и сливками, как сметана. Бидоны с молоком после дойки до отправки в город хранили в запруде на ручье.

В восьмой класс из нашего седьмого пришло только двенадцать человек, менее половины. Часть бросила учёбу, другая поступила в техникумы и училища, перешла в другие школы.

В сентябре, как обычно, наша школа работала на совхозских полях. Цитата из дневника: «1 октября 1961 г. 26, 27 и 28 сентября убирали картофель под Паратункой. Купались в колхозном бассейне. 29 и 30-го работали на уборке капусты за Кирпичным ручьём».

В октябре в нашей семье появился фотоаппарат. Мы впервые выиграли в денежно-вещевой лотерее какую-то безделушку стоимостью около 80 рублей. С братом уговорили родителей не получать её, а взять деньги и на них купить фотоаппарат. Хватило на «ФЭД-2», плёнку, фотобумагу, реактивы и небольшой увеличитель. Инструктором по обучению стал я, так как ранее уже с друзьями немного занимался фотографией. Вскоре научились «щёлкать», а позже и другим премудростям фотодела не только брат и отец, но и сестра.

13 ноября 1961 г. получил комсомольский билет. Мотивом вступления в комсомол было одно — желание утвердиться, что я уже взрослый и могу что-то делать и решать.

А в середине ноября у мамы обнаружили опухоль в груди, и в конце месяца она улетела на обследование в Хабаровск. Опухоль оказалась злокачественной, и ей сделали операцию. Потом мама проходила облучение. Мы более трёх месяцев жили без неё. Хозяйством занимались отец, я и брат. Нужно было протопить печь, пригото-

вить еду, постирать бельё, прибраться в доме, покормить кур... Готовкой и стиркой по переменеке занимались я и отец. Брат был «на подхвате».

Самым трудоёмким делом была стирка. Сейчас, если женщина говорит, что она стирала, не значит, что она непосредственно занималась этим делом своими собственными руками. Стирка осталась, но в смысл данного слова нынче вкладывается уже иной. Тогда же стирка подразумевала целый комплекс действий. О стиральном порошке понятия не имели. Его заменяли хозяйственное мыло и щёлочь. Последняя использовалась для стирки белого белья. Некоторые хозяйки брали каустическую соду, моя же мама делала щёлочь из печной золы.

С приготовления щёлочи начинал стирку и я. Наливал в бак для кипячения белья воду, ставил на печь. Когда вода закипала, кидал в неё печную золу. После недолгого кипения убирал с печи бак, чтобы вся муть осела на его дно. Затем отстоявшийся раствор щелочи сливал. Замоченное и намыленное бельё складывал в бак, заливал приготовленным раствором и вновь ставил бак на печь. Не зря его называли вываркой. Бельё кипятилось. Потом начиналась сама стирка в цинковой ванне на стиральной доске. Стиральные машины тогда были ещё редкостью (у нас она появилась году в 1964-м; называлась «Сибирь»; была с ручкой и валиком для выжимки белья). Тёмное бельё не парили, так как оно выбеливалось. Постельное не только выстирывали, но и синили и накрахмаливали. Весь этот процесс и назывался стиркой. Занимал он несколько часов изнурительного труда. Но зато как было приятно вдыхать запах принесённого с улицы высушенного белья!

Зимой в 1962 г. вышли кинофильмы: «Человек ниоткуда», «Человек-амфибия», «А если это любовь», «Последний дюйм». Из последнего фильма понравилась песня: «Тяжёлым басом гремит фугас...» Все фильмы с удовольствием посмотрел, благо кинотеатр «Родина» был недалеко. В начале 1960-х гг. он был многолюдным местом, где вечерами собирались молодёжь и взрослые. На последние сеансы билетов обычно перед фильмом уже не было.

Интересна запись в дневнике за 11 января 1962 г.:

«Надо сфотографировать памятники Петропавловска. ...Город сейчас растёт! Он теперь не то, что семь лет назад. Тогда было три-четыре трёхэтажных дома и один кинотеатр “Полярная звезда”. Из транспорта было несколько больших автобусов и десятка два маленьких. А сейчас какой город! Новый район “Черёмушки”».

Восьмиклассников уже официально пускали на школьные вечера и балы. Они, в основном, сводились к танцам. Танцевали, кто как мог, под проигрыватель через усилитель. Запомнился новогодний бал перед новым, 1962-м годом. На втором этаже школы, где перед классами был не коридор, а большой зал, стояла ёлка. Стены зала во всю высоту украшали картины на зимнюю и новогоднюю тему, выполненные учителем рисования, настоящим художником. С потолка свешивались снежинки из ваты. Зал освещался цветными прожекторами, создавая праздничное настроение и особый уют. Многие старшеклассники пришли в карнавальных костюмах и масках. Было интересно и весело. Больше таких балов в школе не проводилось.

С 1961 г. стал постоянным читателем библиотеки № 3, которая находилась почти рядом с домом (улица Зеркальная, 58. В 1999 г. библиотека была закрыта). Читал много. Из книг помню: «Амур-батюшка» и «Капитан Невельской» Н. П. Задорного, «Честь» Г. А. Медынского, «Спартак» Р. Джованьоли, «Порт-Артур» А. Н. Степанова и другие.

В выборе книг для чтения большую роль играла мама. В 1940 г. она окончила Орловское педагогическое училище. Уехала на Дальний Восток и по 1946 г., до моего рождения, работала учительницей начальных классов в селах Амурской области Хабаровского края. Хорошо знала литературу и порой декламировала по памяти Пушкина, Некрасова. Она привила мне вкус к русской классике.

Кроме художественной, я читал и научно-популярную литературу. Мечтал стать лётчиком, поэтому значительная часть научно-популярных книг была про самолёты и ракеты. Мечте не удалось сбыться. В 1962 г. у меня обнаружили близорукость. Однако информация о самолётах и ракетах осталась в памяти.

Нынче камчатцев не удивить цветущей яблоней, вишней, сиренью и акацией. У многих сейчас на дачах растут диковинные когда-то для полуострова фруктовые деревья и декоративные кустарники. Однако ещё лет сорок-пятьдесят назад цветущая здесь яблоня вызывала удивление и восторг, а людей, занимавшихся садоводством, называли чудаками. Когда учительница Анастасия Александровна Морозова сказала, что пойдём работать во фруктовый сад, мы не поверили. На улице грязными островами ещё виднелся снег, а нам предлагали идти в сад. Тем более было удивительно, что сад, оказывается, здесь, на Камчатке.

Сад был почти под боком у школы № 30. На небольшом пятачке земли теснились низкорослые деревца. Они были прижаты друг к дружке, словно сбились в кучку, чтобы согреться. «Это вишни, а это яблони». С интересом мы смотрели на диковинные деревья. Большинство из нас видели их впервые. Потом, засучив рукава, работали в саду: окапывали, расчищали, ухаживали. Это было весной 1962 г. Как я узнал, сад принадлежал Поликарпу Михайловичу Агеенко⁴⁶.

С крыльца нашего барачного подъезда открывался чудесный вид на три сопки: Корякскую, Авачинскую и Козельскую. Всегда к себе манил Авачинский вулкан, в те годы постоянно паривший, и хотелось пойти к нему и заглянуть в его жерло. Однако в 1959—1961 гг. походы мальчишек нашего двора ограничивались только посещением озер — Синичкино и Плоское.

Первый поход к Авачинскому вулкану состоялся только в 1962 г., когда мы подросли. В конце июня погода стояла ясная, вулкан смотрелся привлекательно, и мы не выдержали и пошли к нему от порога дома, ориентируясь на вершину Авачи.

Мы — это Гена Кувакин, мой брат Юра и я. Старшему из нас было шестнадцать, а младшему четырнадцать лет.

До бомбёжного поля, что находилось перед подножием Авачинского вулкана и было размером примерно четыре на семь километров, шли знакомой дорогой через Синичкино озеро, а дальше была сплошная неизвестность. До 1960 г. «бомбёжка» была военным полигоном для самолётов Камчатской авиадивизии, и эта территория часто была закрытой. Мало кто из жителей Петропавловска-Камчатского отваживался ходить по «бомбёжке», боялись попасть под пушечный, пулемётный огонь и бомбы с самолётов. Поэтому дальше наша дорога к вулкану была незнакомой, но интересной. Попадались осколки от бомб и порой неразорвавшиеся бомбы. Ещё не все были убраны смотровые вышки, некоторые макеты военной техники и разных сооружений.

К вечеру мы подошли к Халактырской сухой речке и заночевали в сделанном шалаше рядом с зарослями кедрового стланика.

Утром, ещё до восхода солнца, пошли к Авачинскому вулкану, стоявшему перед нами во всем величии. Под ногами шуршал вулканический шлак, и земля отдавала каким-то гулом.

Окружающий ландшафт был необычен. По долине сухой речки громоздились глыбы вулканической породы, почти отсутствовала растительность. И тишина. Будто попали в фантастический мир. Это первое ощущение осталось навсегда.

Дальнейшее сужение долины сухой речки показалось нам угрожающим, и когда неожиданно слева увидели распадок с бегущим ручейком, то свернули в этот распадок.

В отличие от сухой речки, здесь был берёзовый лес. Мы ещё не знали, что ручей называется Камбальным. Он зародился на склоне хребта Монастырь, который находится перед конусом Авачинского вулкана.

Скоро мы покорили Монастырь. Перед нами возвышался конус Авачинского вулкана, начиная от нижних лавовых потоков, со щёками красного шлака, с белыми прожилками снежников и ледников. Справа от него стояла другая часть древнего конуса — Сарай. А внизу — то самое ущелье, которого мы испугались и от которого ушли сюда, на Монастырь. Если бы мы всё же пошли по ущелью, то путь на конус Авачи был бы короче. Однако мы не пожалели, что сделали громадный крюк. Теперь нам была видна полная картина подходов к вулкану и был виден оптимальный маршрут по руслу Халактырской сухой речки и по конусу.

Спустившись с Монастыря, стали подниматься на конус Авачи. Казалось, вершина рядом и мы вот-вот будем на ней. Однако мы всё шли и шли, и вершина только манила. Тогда-то впервые столкнулся с коварством гор — они заманивают и обманывают. Небо стало слабо-фиолетовым. Кругом громоздились застывшие лавовые потоки, сыпался шлак, были слышны шумы камнепадов и осыпавшейся вулканической породы. Вдруг конус накрыло облако, и стало как в сумерках. И жутко. Мы повернули назад⁴⁷.

ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБУЧЕНИЕ. ПОХОДЫ ПО КАМЧАТКЕ (1962—1964)

С 1958 г. в СССР осуществлялась реформа школы. По ней было определено, что начальное образование включает четыре класса, неполное среднее — восемь и среднее — одиннадцать классов с обязательным производственным обучением.

До девятого класса у нас ещё было время, никто из нас не задумывался: а как обстоит дело с производственным обучением в нашей тридцатой школе? на кого нас собираются учить? Из нас же собирались сделать строителей — штукатуров и маляров! Другим школам Петропавловска достались специальности швей-мотористок, секретаря и делопроизводителя, водителя автомобиля, слесаря, токаря и так далее. Мы, будущие девятиклассники, обсуждали эту проблему и пришли к выводу, что затеяно глупое

дело, ведь почти все желали после окончания школы учиться в высших учебных заведениях, а не работать на стройке. Однако среднее образование получать надо. Более одной трети бывших восьмиклассников не пришли в наш девятый «А», испугались строительной специальности.

Первую четверть учебного года (1962/63) мы не учились в школе, а проходили производственную практику на стройке. Осваивать профессию штукатура, занимаясь по два часа в неделю, как обучались другим профессиям в школах города, невозможно. Поэтому вся первая четверть и была посвящена производственной практике. Класс из двадцати трёх человек разбили на две бригады и закрепили за ними инструктора по обучению штукатурному делу. Бригадиром первой бригады, в которую я попал, мы выбрали Сергея Глушкова. Нам выдали рабочую робу, обеспечили нас инструментом. Девчонки робу подогнали под себя, а парни ходили в той, что дали: с широкими штанинами.

Сколько мы испортили штукатурного раствора, пока научились работать мастерком, знали только инструктор и прораб участка. Раствор почему-то у нас разлетался во все стороны, но только не попадал туда, куда надо. После обеда специалисты по строительству преподавали нам теорию. Мы добросовестно конспектировали. Записывали марки цемента, его свойства и свойства штукатурного раствора, строительные нормы и правила и т. д.

Первый дом, в котором мы работали, был на 6-м километре (Елизовское шоссе, 12; с 1967 г. — проспект 50 лет Октября, 12). В этом доме на первом этаже потом долгое время располагалось почтовое отделение № 6. Рядом готовился к сдаче дом № 14. Когда на стройке не было раствора, мы в этом доме помогали малярам готовить полы для покраски — подметали и мыли. Через дорогу от этого дома закладывались фундаменты домов, где затем открыли аптеку № 44, магазин «Спутник» и «Дом книги». Вокруг ещё были пустыри.

К нам на стройку иногда наведывался Михаил Порфирьевич Стельных⁴⁸, бывший в то время директором нашей тридцатой школы.

В 1963—1964 гг. работали на стройках не только 6-го километра, но и в районе школы № 9.

К 1963 г. отношения между ровесниками стали складываться по симпатиям и интересам. Теперь не играло роли, где живут товарищи, как раньше. Меня увлекали походы по Камчатке. Интерес к походам объединил в основном моих одноклассников.

Большую роль в этом сыграли наши с Геней Кувакиным рассказы о походе на Авачинский вулкан в 1962 г.

Зимой 1963 г. Гена Кувакин, Жора (Георгий) Пюкке, Сергей Глушков и я стали разрабатывать грандиозные планы путешествий по Камчатке. Часть из них летом мы воплотили в жизнь.

В начале июля 1963 г. наша четвёрка, учитывая наш с Геней опыт, ходила на Авачинский вулкан. Вершину брали в лоб, как она видна из Петропавловска.

Затем более большей группой (в составе группы были: Г. Пюкке, Г. Кувакин, А. Алейкин, В. Коперсак, А. Потапов и я) мы совершили поход от Северных Коряк через полевой аэродром и далее к Ганальским Вострякам. Завершили путешествие в Малках. В ходе его на Ганальском перевале меня чуть не подстрелили охотившиеся директор и парторг Начикинского совхоза, приняв в утреннем тумане за медведя.

В августе я вновь был в многодневном походе по маршруту: Пиначево — Налачевские горячие источники — долина реки Налачевой — устье реки Налачевой. Разношерстная группа состояла из старшеклассников нашей школы под руководством Василия Дмитриевича Фурсова⁴⁹. В этом путешествии были мои товарищи: Г. Кувакин, А. Ечевский, А. Потапов.

От 30-го километра до Пиначево добирались старой дорогой, проходившей до нынешнего СОТа «Малинка» и далее по ручью Железному и вдоль реки Пиначевой⁵⁰.

На Налачевских горячих источниках стояла база геологического отряда. Однако геологов мы не застали — они были в поле. Мы купались в горячих лужах и озере. Возмущало то, что скважина на источниках была разбита, вытекающая минеральная вода загубила большую роццу, а также то, что по бывшему лётному полю было разбросано множество железных бочек. Здесь в 1950-х гг. геологи искали проявление меди.

По дороге, пробитой тракторами геологов, прошли к устью реки Налачевой. Там наткнулись в лесу на бригаду Елизовского лесхоза, занимавшуюся изготовлением собачьих нарт из тальника.

У реки мы несколько дней помогали рыболовецкой бригаде в разделке и засолке кижуча. Его ловили ставными неводами, а на берег доставляли на батах. Наши девчонки шкерили рыбу, а мужская часть походников занималась засолкой. Засолили два чана.

Наши маршруты проходили по уникальным местам Камчатки, и увиденное произвело на нас большое впечатление. После этого нельзя было не полюбить завораживающие камчатские кра-

соты. Туристов, путешествующих, как мы, по полуострову, не встречали. Только геологов, редких охотников и рыбаков. Дикий туризм и сейчас любят немногие, а тогда из камчатцев редко кто ходил по туристическим тропам Камчатки.

В сентябре 1963 г. снимал на «ФЭД-2» виды Петропавловска-Камчатского и отдельные памятники. Через сорок семь лет фотографии стали уникальными и входят в число редких снимков города (морской вокзал, кинотеатр «Родина», памятник В. Берингу с пушкой, памятник освободителям Курильских островов с расположенными рядом с ним двумя фонтанами, в центре которых — мальчик с большой рыбиной, городская баня с драматическим театром и другие).

1963 г. запомнился некоторыми подробностями. Зимой на стадионе «Спартак» залили каток. Работали раздевалка и пункт по прокату коньков. Вечерами каток заполнялся народом. Стадион хорошо освещался, играла музыка. А летом рядом со стадионом работала танцевальная площадка. Молодёжь называла её «пятак».

В 1963 г. из продажи исчезла мука. В стране, оказывается, не хватало зерна. Моя мама вышла из положения: когда захотелось вдруг оладий, она размочила макароны. До этого года в столовых к обязательным на столе соли, перцу и горчице был чёрный хлеб на тарелке. Бесплатно!

Мороженое продавалось на улице на развес в бумажных стаканчиках. В вафельных стаканчиках его продавали редко.

На остановке в центр города, что находилась у северного подножия Никольской сопки (сейчас зона аттракционов), стояла пончиковая. Пончики при покупателе доставали из кипящего масла в противне.

По городским улицам в местах большого скопления народа стояли автоматы по продаже газированной воды. Пьяницы воровали из них гранёные стаканы.

В столовой, что находилась в бывшем здании администрации УТРФ, напротив нынешней остановки автобуса «Аллея флота», появились автоматы по продаже салатов и холодных закусок. Стоило только опустить в автомат металлический рубль.

Летом в 1963 г. геодезисты из проектного института «Ленгипрогор» на совхозских полях проводили топографическую съёмку для разработки проекта строительства на них большого жилищного комплекса (будущие микрорайоны «Зазеркальный», «Горизонт», «Горизонт-Север» и «Горизонт-Юг»). От главной дороги к полям геодезисты проходили мимо нашего барака, неся каждый

раз треноги, теодолиты и рейки. Тропинка проходила мимо нашего сарая, и они однажды попросили у моих родителей разрешения складывать там инструменты. У геодезистов рабочим целое лето трудился мой школьный товарищ Юра Бархатов.

В январе 1963 г. была открыта средняя школа № 7. Это был номер семилетней школы в Петропавловском совхозе, которую ликвидировали. Также была ликвидирована начальная школа № 26. Школа № 30 стала восьмилетней. Из неё в школу № 7 (для которой построили новое здание) перешли почти все учителя, преподававшие в старших классах, и перевели девятиклассников (в том числе и меня) и десятиклассников. Нашим классным руководителем до выпуска оставалась Анастасия Александровна Морозова, учитель химии и биологии⁵¹.

Зимой с 1963 на 1964 г. много читал. Сложилась привычка по субботам ходить в библиотеку не только для обмена прочитанных книг, но и читать журналы. Просматривал и читал журналы: «Наука и жизнь», «Смена», «Знание — сила», «Техника — молодёжи», «Юность» и другие. Были прочитаны: «Золотой телёнок» и «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова, «Солдатами не рождаются» К. Симонова и много других хороших и порой плохих книг. Большое впечатление произвела книга Г. Федосеева «Смерть меня подождёт», рассказывающая о буднях топографов, работавших в поле. Она подлила масла в огонь желания посвятить жизнь профессии, связанной с природой и путешествиями. Аналогичное впечатление произвела эта книга на школьного товарища Гену Кувакина. Из знакомых нам профессий больше подходила профессия геолога.

Мы с Геней прослышали, что в Камчатском геологоуправлении открылась для старшеклассников школа геологов, и стали ходить на её занятия. Они были интересны. Ведь их проводили геологи, вернувшиеся из поля. Нам давали азы поиска рудных проявлений и сведения о полезных ископаемых на Камчатке. Рассказывали о золотоносных, нефтяных и серных проявлениях на полуострове, о разведке нефти в Богачёвке и пароводяной смеси на Банных горячих источниках⁵². О перспективе постройки трубопровода от Банных источников до Петропавловска-Камчатского и о многом другом. Показывали любительские кинофильмы о красотах Камчатки. Учили пользоваться радиометром и счётчиком Гейгера, делать бумажные пакетики для образцов. Занимались с нами геологи от души и с большой любовью к Камчатке.

В это время в школе был создан фотокружок, руководителем которого стал Игорь Вайнштейн⁵³. С Георгием Пюкке, Сергеем Глушковым и Геннадием Кувакиным — моими школьными товарищами я сразу включился в работу кружка. Однако И. Вайнштейну удалось провести только два небольших теоретических занятия. В один из вечеров часть кружковцев в недостроенной фотолaborатории за распитием вина застал директор школы, который тут же распорядился кружок прикрыть.

Одновременно в другом месте, в областной детской станции по туризму, мы с Генной Кувакиным прослушивали курс по подготовке инструкторов по туризму. Планировали следующее лето, как и предыдущее, провести в путешествиях по Камчатке. Подумывали о походе в Долину гейзеров.

В марте-апреле 1964 г., во время весенних каникул, с Геннадием Кувакиным, Георгием Пюкке, Юрием Бархатовым, Сергеем Глушковым, совместно со старшеклассниками школы села Коряки, ходил в зимний поход на Большие Банные горячие источники. Он длился все весенние каникулы.

Два дня жили в школе села Коряки. Затем оттуда вместе с местными школьниками сходили на лыжах на только что заработавший прииск «Каменистый» по добыче россыпного золота. Это был первый прииск на Камчатке.

До села Начики добирались на грузовой машине. От него на лыжах двинулись к Большим Банным горячим источникам. Шли вдоль берега реки Плотниковой мимо Начикинского озера. Однако ни реки, ни озера видеть не пришлось. Всё завалил снег. Под его более чем двухметровым слоем остались кустарники и маленькие деревья, поэтому зимний лес казался просторным. Белизна слепила, но мы были в светозащитных очках. Снег, налипавший на лыжи, замедлял темп нашего движения.

Не обошлось без приключения. После первой ночёвки в зимнем лесу нас догнал трактор с санями, везший продукты для буровиков, работавших на горячих источниках. Обрадованные возможностью не нести рюкзаки, положили их на сани, в надежде, что трактор нас догонит и перегонит. Однако он нас не догнал ни в обед, ни вечером. Продукты, спальники и палатки остались в санях. Чтобы не замерзнуть, пришлось двигаться, не останавливаясь. Благо ночь наступила лунная. Далеко за полночь добрались до стоявшего в лесу по дороге на ключи балка. Натопили печь и вместо ужина попили кипятку. Утром налегке добежали до балков буровиков на горячих источниках. Нас хорошо покормили.

День прождали трактор, но он так и не пришёл. На следующий день с утра двинулись ему навстречу. Только в десяти километрах от ключей, почти рядом с балком, в котором мы ночевали, нашли поломанный трактор с санями и нашими рюкзаками.

Горячие ключи били на берегу реки Банной. С юга и севера русла реки возвышались сопки.

На источниках работали буровики. Они жили в нескольких балках. Их буровая вышка была почти рядом. Предполагалось, что несколько пробуренных скважин увеличат выход пароводяной смеси большой температуры, что позволит через трубы доставить её для теплоснабжения Петропавловска-Камчатского. Даже планировалось построить здесь геотермальную электростанцию.

У буровиков в этом маленьком поселке была столовая, в которой мы ночевали. Купались в небольшом крытом бассейне.

Первые походы по Камчатке, а затем занятия в кружках и на курсах, а также самостоятельное изучение немногочисленной краеведческой литературы помогли мне и моим товарищам кое-что узнать о нашем полуострове, его географии. Эти знания укрепили наше желание путешествовать по Камчатке в дальнейшем.

Весной 1964 г. неожиданно для себя сделался спортсменом и даже чемпионом своей седьмой школы по бегу. Получилось это случайно. В те годы были весьма популярными соревнования по легкой атлетике. Проводились они почти в каждой школе, а затем и в общегородском масштабе. Перед окончанием учебного года проходили они и в нашей школе. От класса не было представителя на дистанции 400, 800 и 1 000 метров. Предложили пробежать мне. Решил попробовать. На расстояниях 800 и 1 000 метров мне равных не нашлось. Потом, уже осенью 1964 г., участвовал в составе школьной команды в общегородских соревнованиях по лёгкой атлетике. Призовых мест не занимал, но входил в пятёрку сильнейших бегунов на дистанциях 800 и 1 000 метров. Тогда фаворитом в лёгкой атлетике считалась школа № 4, где физруком был Станислав Васильевич Кожемякин⁵⁴. Седьмая школа стала наступать ей на пятки, что беспокоило С. В. Кожемякина.

В летний сезон 1964 г. областным советом по туризму готовилась туристическая экспедиция по Восточной Камчатке. Руководителем экспедиции назначили Владимира Ивановича Семёнова⁵⁵. Однако туристы, зимой горевшие желанием участвовать в ней, летом передумали. С Семёновым согласились идти только три взрослых человека, среди которых был один опытный турист. Для длительного и трудного путешествия туристов было явно недо-

статочно. Каким-то образом он узнал о нашей «дикой» группе и решил с нами познакомиться. Было это в конце июня.

Встреча состоялась в его одноэтажном домике на улице Вилюйской. Дверь нам открыл мужчина средних лет. Пригласил в комнату. Жора Пюкке, Гена Кувакин и я раскрыли рты: казалось, что попали в краеведческий или геологический музей. На полках, стеллажах лежали породы необыкновенной красоты, природные экспонаты, гербарии, фотографии.

Владимир Иванович был немногословен, несуетлив, даже показался сердитым, но когда стал размеренно, неторопливо расспрашивать нас ровным и негромким голосом, впечатление изменилось на противоположное. Он заморозил нас. Расспросил о наших походах на вулкан Авача, Ганальские Востряки, Банные, Малкинские и Налачевские ключи и так далее. Он остался доволен выбором прошедших маршрутов и согласился на наше участие в экспедиции.

Экспедицию финансировал Камчатский областной совет по туризму, но всем необходимым для похода пришлось заниматься самим. Договаривался, пробивал всё Владимир Иванович, а мы были исполнителями. Возили, таскали и складывали продукты и экипировку в дом Семёнова.

Экспедиция длилась с июля по сентябрь 1964 г. Карымский вулкан и Карымское озеро, Долина гейзеров, вулканы Кихпиньч и Крашенинникова, кальдера Узон, Кроноцкое озеро, Богачёвка, река Тюшевка — наши опорные точки, не считая маленьких, побочных маршрутов. Нас было двенадцать человек. Среди них мои товарищи-одноклассники: Гена Кувакин, Жора Пюкке, Толя Ечевский, Юра Бархатов и Лина Клемина.

11 июля на теплоходе «Николаевск» или «Петропавловск» (забылось, на каком из них) из Петропавловска-Камчатского отправились в посёлок Жупаново — на нашу базу для походов.

Первый маршрут был к Карымскому вулкану и Карымскому озеру.

Я был завхозом и распределял продукты не только для еды, но и каждому, чтобы их нести. Их расчёт был на 10—12 дней, и каждому досталось от двенадцати до семнадцати килограммов продуктов, а с учётом необходимой амуниции, фотокиноаппаратуры вес рюкзака у некоторых туристов доходил до сорока килограммов. Владимир Иванович выбрал себе ношу сам: двадцать две банки тушёнки, восемь килограммов сливочного масла и пять килограммов гороха. Итого: двадцать два килограмма. Кроме того, у него было

три фотоаппарата, кинокамера, фотопринадлежности, кинофотоплёнка и многое другое. Вес рюкзака близился к сорока пяти килограммам!

По внешнему виду Владимира Ивановича, мы приняли его за мужчину средних лет, но когда в походе узнали, что ему пятьдесят девять лет, — были этим поражены! Походные тяготы он разделял вместе со всеми. Был добр и вежлив. На привалах усаживался в сторонке и записывал свои впечатления от маршрута в путевой дневник. Порой рассказывал подробности маршрута, с географическими названиями. От него не приходилось слышать дикого восторга по поводу красот, окружающих нас. Он просто приводил нас в нужное место, и надобность в его комментариях отпадала. Красота природы рассказывала о себе сама. Потом в его книгах находил великолепные описания посещённых в том походе мест.

Описывать подробно походы нет необходимости. Сейчас об этом достаточно много литературы. Однако не могу не отметить, что в первом маршруте на Карымский вулкан запомнилось многое. Пихта грациозная, водопады на реках Карымской и Новый Семячик, бирюзовый цвет озера на вулкане Малый Семячик, извергающийся Карымский вулкан и Карымское озеро и многие другие места в этом районе закрепились в памяти на всю жизнь. Как и дикий олень на отрогах Малого Семячика, и палатки у Карымского вулкана группы вулканологов под руководством Иванова.

По возвращении с Карымского вулкана в посёлок Жупаново три человека покинули наш отряд. Им тяготы походной жизни оказались не под силу. В посёлке питались в столовой, где кормили по-домашнему. Вечером зашли в местный клуб, напоминавший большой склад, и посмотрели на танцы местной молодёжи. Лина Клемина выдала им рок-н-ролл и твист.

Следующий поход состоялся в Долину гейзеров. На складе оставили винтовку и дробовик. Слишком тяжело. Охотиться в пути некогда, тем более что в Кроноцком заповеднике запрещено. По этому же маршруту (всесоюзный туристический маршрут № 264) впервые шли организованные туристы. Руководителем базы «Долина гейзеров» и маршрута был Юрий Малюга.

Впечатление о Долине гейзеров не с чем сравнить. Только ей принадлежит пар, высоко вырывающийся из-под земли, словно вздох гигантского кита, и с клёкотом фонтанирующая горячая вода; в цветах радуги глина; омываемые минеральной водой бугорки гейзерита, будто рассыпанный жемчуг; причудливые норки и пещеры... Фантастический мир, который создала природа, на

фоне зелёных и цветных склонов с прожилками снега. Долина ещё не была обустроена специальными дорожками и смотровыми площадками⁵⁶.

Для описания маршрутов от Долины гейзеров до вулканов Таунциц и Унана и других ближайших сопок оставалась группа из пять человек во главе с В. И. Семёновым. В том числе А. Ечевский, Г. Пюкке и Л. Клемина. Группа в составе Г. Кувакина, Ю. Бархатова, меня и опытного туриста В. Г. Коновалова отправлялась в дальний маршрут: Долина гейзеров — река Тюшевка.

Наш маршрут был достаточно интересный. До нашего похода редкие камчатские туристы были в этом районе. От Долины гейзеров мы прошли к вулкану Крашенинникова, а затем спустились с плато к Кроноцкому озеру. На плато встретили группу туристов из города Братска. Они помогли потом нам перебраться через реку Кроноцкую. У них была одноместная резиновая лодка. Дальше наш путь лежал по берегу Кроноцкого озера, напоминающего Авачинскую губу. Несколько дней справа величественно возвышалась красивая сопка Кроноцкая.

В северной части озера подошли к реке Лиственничной. На её берегу стояла гидрометеостанция, где работали три человека. Они снимали показания температуры, влажности воздуха и направления ветра и несколько раз в сутки эти и другие данные по радию передавали в Камчатский гидрометеоцентр.

Несколько дней прожили у них. Из нашей муки они напекли белого хлеба. Нам надоели лепёшки из неё. Нас угощали местной рыбой кокани. Мы помогли разобрать плоты из лиственничных брёвен и вытащить их на берег.

Здесь же застали геологов, которые занимались визуальной съёмкой выхода коренных пород с целью поиска сопутствующих проявлению нефтеносности пород в районе Кроноцкого озера. С геологом по фамилии Мужиков и техником Вадимом я с Геней⁵⁷ ходил в маршрут на реку Северную. До неё добирались по озеру на лодке под вёслами. В долине реки медведица загнала нас на деревья. Там же впервые увидел пролетающих над рекой камчатских лебедей.

На гидрометеостанции мы оставили собаку В. Г. Коновалова, которая путешествовала вместе с нами, и двинулись в верховье реки Лиственничной (здесь был край непуганых медведей). Затем пошли по берегу её левого притока к перевалу между сопкой Шмидта и вулканом Комарова, чтобы пройти в посёлок нефтеразведчиков Богачёвку. С перевала хорошо просматривался

хребёт Железнодорожный. Имя ему дал явно не камчатский житель. Он с перевала напоминал железнодорожную насыпь. Вдоль хребта протекала река Богачёвка.

К посёлку Богачёвка подходили в сумерках. Неожиданно выскочившего медведя спугнули выстрелом из дробовика (оружие было у шедшего с нами в Богачёвку сотрудника метеостанции). Справа от тропы перед Богачёвкой возвышалась шестидесятиметровая буровая вышка (рассказывали, что в 1930-е гг. её построили японцы).

Посёлок Богачёвка представлял собой десятка три небольших деревянных домиков. Здесь имелись электростанция, магазин и даже «гостиница» для приезжих (в ней — печь и четыре железные кровати без постельных принадлежностей). В Богачёвке жили буровики и геологи с семьями. Буровые вышки находились в нескольких десятках километров от посёлка, поэтому работали на них вахтовым методом.

Мы с одной из сменных бригад на машине добрались до Богачёвского аэродрома, находившегося далеко от поселка. Пока дожидались другой машины, шедшей в Кроноки, помогли разгрузить прилетевший из Петропавловска самолёт Ли-2, доставивший продукты, шампанское, водку и коньяк. За это время сотрудники аэродрома убили молодого медведя. Нас угостили фаршем из его мяса. Только к вечеру мы добрались на машине до Кронок и, несмотря на надвигавшуюся ночь, пошли к Тюшевским горячим источникам. К ним вела пробитая тракторами дорога.

Тюшевские горячие источники находились на террасе перед бурной, пробегавшей в глубоком каньоне рекой Тюшевкой⁵⁸. Ванна с горячей водой была обшита досками. Над ней — настил. Рядом стоял балок, доставленный буровиками. В нём — нары и печка. Утром вокруг выпал иней. Осень здесь наступала рано, стоял конец августа.

В другой группе Тюшевских источников, находившихся на противоположном берегу реки, побывать не удалось: не могли найти брода. Два дня пробыли на источниках и вернулись в Кроноки.

Кроноки — небольшое селение на берегу Тихого океана. В нём находился портпункт, куда доставляли грузы для буровиков Богачёвки, и размещалась застава пограничников.

С Богачёвского аэродрома мы улетели в Петропавловск.

Длительное путешествие по уникальным местам Камчатки позволило близко познакомиться с её природой, узнать многое, о чём ещё не писалось в книгах. А впечатление о нём вдохновило

меня на написание в последующие годы множества путевых очерков и привело к занятию журналистикой, ставшей одним из моих хобби на длительное время.

В этом походе фотографированием занимались только В. И. Семёнов и я. Кроме фотоаппарата «ФЭД-2», у меня была шестнадцатимиллиметровая кинокамера «Красногорск», данная областным советом по туризму. Были отсняты сотни фотокадров и десятки метров киноплёнки⁵⁹. Мною вёлся походный дневник⁶⁰.

О большом путешествии по Камчатке я вместе с Геной Кувакиным написал заметку, которая в октябре 1964 г. вышла в молодёжной газете «Камчатский комсомолец». Она стала моей первой газетной публикацией. Затем эта заметка была напечатана вместе с моей фотографией Кроноцкого вулкана в двенадцатом номере журнала «Смена» за 1964 г.

ВЫПУСКНОЙ КЛАСС (1964—1965)

В сентябре-октябре 1964 г. мы не учились, а работали на стройке. Последний дом, на котором трудились, стоял на Елизовском шоссе (проспект 50 лет Октября), № 9/6. Мы к этому времени уже овладели навыками штукатурного дела и заработали кое-какие деньги. Мне их даже хватило на покупку дешёвого магнитофона «Чайка».

Два месяца практики позволили близко познакомиться с новыми одноклассниками, которые пришли из параллельного десятого «Б» класса. В основном в нем были девчонки, что внесло определенный интерес мужской части бывшего десятого «А». Наш одиннадцатый класс был единственный в школе.

После практики сдали теоретические экзамены и получили свидетельства о квалификации штукатура. Никто из нас не стал строителем, но в памяти сохранились названия инструментов: мастерок, терка, полутер, сокол, хомут. А также виды работ: фаска, падуга, руст, откос. Навыки остались на всю жизнь и пригодились при строительстве собственной дачи.

В сентябре 1964 г. произошла трагедия. Покончил жизнь самоубийством мой школьный товарищ Юра Бархатов. Прошло только три недели, как мы вернулись из большого похода. Юра всегда не был словоохотлив и чаще молчал, чем говорил. Мы вечерами вместе тренировались, готовились к соревнованиям по бегу. Бежали вдоль дороги от 4-го до 5-го километра.

11 сентября после пробежки он попросил принести его рюкзак, который хранился у меня. Был Юра ещё молчаливее, чем обычно, и перед уходом домой ничего не говорил.

Утром он не пришёл на стройку. Перед обедом нам сказали, что Юра Бархатов застрелился. Для нас, одноклассников, это был потрясение! Не верилось, что спокойный, уравновешенный и надёжный Юра мог сделать такое. Его поступок ввёл меня в ступор. Мне несколько дней было просто плохо. Я пытался найти объяснение его добровольному уходу из жизни и не находил (это мучает меня до настоящего времени). Не проливала свет на такое решение оставленная им записка (привожу по памяти): «Я тюфяк. Жизнь таких не любит. Искал способ уйти из жизни, но хватило духа только на выстрел из ружья. Не ругайте Саньку».

«Не ругайте Саньку» — это обо мне. Ведь я принес ему рюкзак, в котором было злополучное ружьё. Он купил его в 1963 г. на деньги, заработанные у топографов. Юра прожил всего семнадцать лет и четыре месяца.

В октябре 1964 г., когда мы работали на стройке, нам кто-то сказал, что с должности сняли Н. С. Хрущева. Почему-то с радостью восприняли эту весть. За 1959—1964 гг. он уже всем в стране надоел своими речами, реформами. Газеты писали о нем только так: «наш Никита Сергеевич». Попахивало культом личности.

В учебном 1964/65 году директором школы № 7 стал известный в те годы на Камчатке педагог и воспитатель Иван Петрович Олейников⁶¹. Для нашего одиннадцатого класса за непродолжительное время Иван Петрович стал кумиром. То был неординарный человек! Целеустремленный, со своей жизненной позицией, жёсткий и требовательный. На фоне незаметных учителей школы он стал светлым лучом в нашей школьной жизни. Если раньше директор седьмой школы был, по сути, завхозом и мямлей, то И. П. Олейников все бразды правления взял в свои руки: учебный процесс и обустройство школы, и её общественной жизни. Маленькая деталь: когда он входил в класс, вставали не только ученики, но и учителя. По его требованию учащиеся старших классов стали ходить в школу в белых рубашках и при галстуках.

Он относился к нам не как к школьникам, а как к взрослым людям. Это было непривычно. Так, он обнаружил в нашем классе вечером пустые бутылки из-под вина. Не стал поднимать шума и морализировать. Утром зашёл в класс и сказал, чтобы мужская часть осталась после занятий.

Иван Петрович стал рассказывать нам о Великой Отечественной войне. Тогда о ней говорили ещё мало правды. Один героизм преподносился. Иван Петрович же рассказывал, как страшно на войне, как жесток каждый бой с противником и как много смертей. Как тяжело терять боевых товарищей. О том, что им для смелости давали перед боем спирт. Одни напивались и гибли в первые минуты боя. Другие шли трезвые, но после боя пили свою норму и норму погибшего товарища. На фронте у многих началось привыкание к постоянной выпивке.

«Их можно понять, они воевали, они спиртом снимали психологическую нагрузку от жестокости войны. А вы почему пьёте?» — спросил он.

Мы молчали. Нам было стыдно.

В другой раз он зашёл в класс и сказал, что школьный кочегар запил и котлы уже холодные. Если сейчас не разжечь их, отопительная система школы будет разморожена. «Нужны добровольцы поработать сутки кочегарами». Первым поднялся Юра Чеботарёв.

Ближе к весенним каникулам Петропавловский городской отдел народного образования (гороно) решил для учителей города провести день открытых дверей в нашей седьмой школе. Учителя других школ должны были посмотреть своими глазами, как живет школа № 7, о которой стали уж слишком хорошо отзываться в городе. Конечно, руководство школы приняло все меры, чтобы внешний вид помещений был в надлежащем состоянии. Стали вешать занавески на окна, постелили ковровые дорожки. Мы возмутились и сказали директору, что это показуха. На ближайшем уроке литературы (Иван Петрович преподавал нам литературу) он начал разговор не о литературных героях, а о буднях школы, о внешнем виде её помещений.

«Неужели вам не приятно, что в школе занавески на окнах и дорожки на полу? Что делает хозяйка в доме, когда ждёт гостей? Она всё вылизывает в доме и выставляет самое лучшее, что у неё есть. Школа — наш дом. Мы ждём гостей. Занавески и дорожки останутся и после гостей».

С приходом И. П. Олейникова школьная жизнь стала иной. С пафосом и громкой риторикой проходили общешкольные линейки. Раньше они были серые и нудные. Теперь же — с горном, барабанным боем и выносом знамени школы. Было это необычно и ярко. Стали проводиться тематические вечера, учащиеся стали готовиться к разным смотрам и олимпиадам, спортивным соревнованиям. Иван Петрович организовал общественную работу так,

что у нас появился к ней интерес и даже азарт. Имел острое чутье по обнаружению таланта и умел возвысить ученика, когда тот в чём-то преуспел.

В декабре 1964 г. в школе появился свой гимн, слова которого написала одноклассница Рая Семёнова:

*Наш город из лестничных ступок
глядит в мир очками домов.
У бухты, средь дышащих сопок
живёт гражданин-рыболов.*

Припев:

*В «Черёмушках» петропавловских
юность на верном пути.
Ты, школа седьмая, по-флагмански
дорогою смелых иди!
Пусть солнце возьмём мы в ладошки,
так мало его, всё туман.
По сердцу нам тучки-горошки,
в душе с бирюзой океан.*

(Припев)

*Из окон седьмой он нам виден,
и сопки-сестрицы видны.
А в классах — Безу и Фонвизин,
театр и поэты свои.*

(Припев)

*Товарищ в фуражке с кокардой
и парень в руке с мастерком,
девчонки, мальчишки, прорабы, —
мы вместе построим наш дом.*

(Припев)

*Пускай хорошеет наш город,
и спорят цветы пусть со льдом,
но наш экипаж ещё молод,
дорогою смелых идём!*

(Припев)

О школе № 7 и её директоре заговорили в городе⁶².

С одноклассниками было интересно. Практически мы были уже взрослыми людьми. Нам исполнилось по восемнадцать — девятнадцать лет. Мы сильно отличались от десятиклассников: по возрасту уже должны были быть студентами, рабочими или служащими, но государство так распорядилось, что мы ещё сидели за школьными партами. Тогда же где-то вычитал, что до начала

1960-х гг. выпускники средних школ считались «полуинтеллигентами». Так оно и было. Мы интересовались современной музыкой, танцами, прозой и поэзией. Устраивали вечеринки. Читали Есенина и Евтушенко, танцевали твист и другие «зарубежные» танцы. Влюблялись в своих одноклассниц.

Осенью 1964 г. подружился с одноклассницей Раей Семёновой. Я знал её ещё по параллельному классу. Теперь почти все вечера мы проводили вдвоём. Слушали туристического барда Юрия Визбора, первые номера музыкального журнала «Кругозор». Ходили в театр.

В марте 1965 г. прошли выборы в местные Советы. Впервые мы с Раей голосовали. Были такие гордые!

В последний школьный год с головой окунулся в общественные дела. Был заместителем секретаря комсомольской организации школы, редактором фотогазеты. Сам фотографировал и делал её. Снимал субботники, школьные линейки и другие мероприятия, плохих и хороших учеников.

Довелось мне выступать на пленуме Петропавловского горкома ВЛКСМ, посвящённом школьному комсомолу. Деталей, как я на него попал, не помню. Он проходил в Доме офицеров флота. Когда вышел на трибуну, полный зал делегатов меня испугал, и язык, кажется, прилип к нёбу. Но когда начал говорить, скованность исчезла, и я эмоционально, без бумажки, рассказал о работе школьного комсомольского комитета и о школьной жизни. В зале пару раз даже раздавались хлопки.

Зимой 1965 г. стал сотрудничать с газетой «Камчатский комсомолец». Писал заметки о школьной жизни. В газете участвовал в подготовке специальной ежемесячной страницы для старшеклассников «Ровесник». Там же познакомился с Александром Марениным, учащимся школы № 15⁶³.

В школе по инициативе директора И. П. Олейникова для второгодников пятых и шестых классов открылась вечерняя школа, в которой они учились по программе соответственно шестого и седьмого классов и после её окончания могли бы догнать своих бывших одноклассников. Преподавали в этой школе мы, одиннадцатиклассники. Набралось две группы таких учеников. Я преподавал литературу в шестом классе. Наши ученики долгое время считали нас студентами Камчатского государственного педагогического института, работавшими на практике.

9 мая 1965 г. я последний раз выступал на спортивных соревнованиях за честь школы. Впервые за послевоенные годы в этот

день стали вновь праздновать День Победы в Великой Отечественной войне (1941—1945 гг.). Участников войны впервые назвали ветеранами. В честь праздника в Петропавловске-Камчатском проходила спортивная эстафета по центральным улицам города, в которой участвовал и я.

Выпускной вечер был 27 июня 1965 г. В полночь меня поздравили с девятнадцатилетием, а менее чем через месяц я уже служил в армии в Приморском крае.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мои родители: Пирагис Петр Антонович (1924—1998), Пирагис (в девичестве Горченкова) Любовь Алексеевна (1921—1986). Отцу шёл в год приезда на Камчатку тридцать первый, маме — тридцать третий год. Только сейчас понимаешь, какими молодыми они тогда были!

² То были Зеркальная и Петровская сопки. Их названия узнал значительно позже.

³ С переездом школы № 15 в новое здание в 1960-е гг. в старом помещении стало размещаться Камчатское музыкальное училище.

⁴ В 1957 г. улица Микояновская переименована в Ленинградскую.

⁵ Хлебосухарный завод начали строить в 1937 г. В 1942 г. в его недостроенном корпусе размещалось общежитие строителей Петропавловского торгового порта. Завод вступил в строй в 1948 г. Здание снесено в 1979 г.

⁶ За этим районом закрепилось название «КП». Оно сохранилось и после ликвидации контрольно-пропускного пункта. Чтобы как-то оправдать такое имя района, в 1962 г. его назвали «Комсомольская площадь».

⁷ До второй половины 1940-х гг. в Петропавловске-Камчатском были грунтовые дороги, которые размывало, и их полотно углублялось в землю. Только улица Ленинская была гравийной.

⁸ Это были американские «студебеккеры» и «доджики», которые поставлялись в СССР по ленд-лизу в годы Великой Отечественной войны. Часть грузов шла через петропавловские порты, и кое-что доставалось Камчатке, в том числе и автомобили.

⁹ Котлован был вырыт под главный корпус Камчатской областной больницы, строительство которой началось в 1955 г.

¹⁰ Практически я находился при смерти, и пенициллин Чолокянов спас мне жизнь. В конце 1990-х гг. в архиве управления внутренних дел Камчатской области случайно натолкнулся на фамилию Чолокян. Арам Минасович Чолокян, майор медицинской службы. Спасибо ему и его супруге.

¹¹ Землетрясение и последующее цунами, произошедшие на Камчатке и Курильских островах 4 ноября 1952 г. В результате землетрясения были разрушения, а цунами смыло город Северо-Курильск и ряд населённых пунктов на полуострове Камчатка. Это сопровождалось многочисленными жертвами.

¹² В 1980-х гг. я узнал, что Александр Степанович Купчишин был пограничником и в 1930-е служил на Чукотке. Участвовал в спасении челюскинцев, за что был награждён именным боевым оружием.

¹³ Сейчас мало кто знает и помнит, что трофейные японские боеприпасы после Курильской десантной операции в августе 1945 г. свезли с островов в район 9-го километра Елизовского шоссе для хранения и утилизации. В 1955 г. охранение было снято.

¹⁴ Магазин № 3 стоял рядом с нынешней ДЮСШОР, в магазине тогда были продуктовый и промышленные отделы вместе. Здание снесено в начале XXI в.

¹⁵ Так называли в то время бывший посёлок Акционерного Камчатского общества (1927—1945). Посёлок стал строиться на западном берегу Култучного озера и склоне Мишенной сопки в 1930 г.

¹⁶ В те годы по дороге на судоремонтную верфь от Дома офицеров флота районы назывались: «Красная сопка», «Водников», «Богородское озеро», «СРВ».

¹⁷ Года через два появились двухдверные автобусы большей вместимости. Нижняя часть их была выкрашена в красный цвет, остальная, вместе с крышей, — в жёлтый. С появлением этих автобусов очередь на посадку соблюдать перестали.

¹⁸ Аковская баня стояла на берегу Култучного озера, напротив нынешнего здания ДЮСШОР; городская — на месте здания правительства Камчатского края.

¹⁹ Новые рыболовные траулеры «Капитан Закхеев» и «Механик Лесовой», поступившие в траловый флот в первой половине 1950-х гг., получили имена капитана рыболовного траулера «Восток» Сергея Леонидовича Закхеева и механика этого же траулера Александра Ивановича Лесового. Экипаж траулера «Восток» погиб в Авачинском заливе 14 января 1952 г.

²⁰ Считаю, что мне повезло в жизни — узнать историю Петропавловска-Камчатского в детском возрасте. Потом, учась в школах № 30 и № 7, от учителей не приходилось слышать рассказов о городе.

²¹ Каменноберёзовый лес, в котором стояло поселение на берегу Петропавловского ковша, был спален в печках ещё в бытность начальника Камчатки П. И. Рикорда. Не зря же он в свое правление (1817—1822) заложил у своего дома парк из тополя. Преемники Рикорда поддерживали парк, и только в начале 1950-х гг. остатки вековых тополей уничтожили. Часть аллеи располагалась в районе лестницы с улицы Ленинской на Советскую около бывшего ГУМа.

²² Блоки имели сечение 50 на 60 сантиметров и метровую длину. Потом из таких же блоков построили административное здание УТРФ и общежитие мореходного училища.

²³ Пучка — борщевик шерстистый, сладкая трава. Для еды употреблялся ствол с бутоном соцветий. Неочищенный, он горький. А если плохо очистить, то можно получить ожог от выделяемого белого сока.

²⁴ Место для городского кладбища на 4-м километре было определено решением Петропавловского горисполкома в 1937 г. Кладбище закрылось в конце 1950-х — начале 1960-х гг.

²⁵ Карьер действовал в 1940—1950-х гг. Он выдавал тысячу кубометров бутового камня и щебня в месяц. От него получила имя улица Карьерная.

²⁶ Школа № 14 размещалась в бараке на повороте с улицы Ленинградской на Озерновскую косу, справа по дороге в центр города.

²⁷ С 1939 года по 1947 г. в этом здании находилась пекарня АКО, затем Петропавловский пищекомбинат, завод пивобезалкогольных напитков.

²⁸ То были бывшие ээковские бараки стоявшей на этом месте в 1930—1950-х гг. исправительно-трудовой колонии № 7. Сейчас на этой территории находятся медицинское училище и комплекс зданий краевой больницы.

²⁹ Это было одно из четырёх-пяти трёхэтажных зданий в Петропавловске в тот период. Его возвели примерно в 1952 г. На первом этаже находился универмаг и 2-е отделение милиции, обслуживавшее северную часть города. Потом на месте милиции размещалась почта.

³⁰ Там в начале 1950-х гг. начали строить частные дома. В 1951 г. вновь образованную улицу назвали именем И. Д. Папанина, известного полярного исследователя, во время Великой Отечественной войны со специальной комиссией побывавшего в Петропавловске-Камчатском. В декабре 1957 г. её переименовали в улицу Дежнёва.

³¹ Одно из извержений вулкана Безымянного. Вулкан начал извергаться 22 октября 1955 г. Катастрофическое извержение Безымянного произошло 30 марта 1956 г.

³² Наша семья прожила в бараке до декабря 1964 г. В 1971 г. я получил квартиру в бараке, и каково было моё удивление, когда узнал, что это та квартира, в которой жил с родителями. В дверном проёме ещё сохранились зарубки, отмечающие наш с братом рост. В бараке с женой и сыном мы прожили четыре с половиной года.

³³ Славина Александра Владиславовна (24.08.1886—24.03.1954), актриса Камчатского драматического театра, заслуженная артистка РСФСР (1950). Родилась в Нижнем Новгороде. Окончила Нижегородский институт благородных девиц. Играла в любительских спектаклях. Профессиональную сценическую деятельность начала в городе Сумы в 1913 г. На Камчатке жила с 1934 г. С этого года играла на сцене Камчатского драматического театра, где исполнила более 115 ролей. Пользовалась большой любовью зрителей и жителей Петропавловска-Камчатского. Её могила в настоящее время утеряна.

³⁴ Водозабор построили в 1937 г. Водопровод от него, протяжённостью четыре километра, был протянут до посёлка АКО. Это был один из первых водопроводов в северной части Петропавловска-Камчатского.

³⁵ Школу № 30 построили примерно в 1954 г. В 1957 г. в ней обучался 361 учащийся. В этот же год она стала десятилетней. В 1958 г. шко-

ла переехала в новое типовое здание. Сейчас в нём размещено профессиональное училище № 4.

³⁶ До 1957 г., чтобы получить среднее образование, ученикам этих районов и далее на километрах приходилось пешком добираться до ближайшей средней школы № 2 на улице Ключевской. С открытием в 1963 г. на 6-м километре новой школы, которой присвоили номер 7 (сейчас в этом здании школа № 43), были ликвидированы семилетняя школа № 7 и начальная № 26, а десятилетняя школа № 30 стала восьмилетней.

³⁷ Совхоз был обособленным от Петропавловска селением. В 1945 г. в нём проживало 1 486 чел. Горожане называли жителей поселка «совхозскими». В 1950 г. в нём имелось четыре улицы. В совхозе трудилось 363 чел., имелось семь автомобилей, семь тракторов, 189 лошадей, 226 голов крупного рогатого скота и 263 га посевных площадей.

³⁸ Первый сухопутный аэродром размером 360 на 85 метров в окрестностях Петропавловска в 1936—1946 гг. находился в районе нынешнего рынка на 6-м километре. В июле 1941 г. решался вопрос о расширении взлётно-посадочной полосы аэродрома до размеров 625 на 100 метров. В 1947 г. на его месте построили склады.

³⁹ Лодочную станцию закрыли в 1969 г. по санитарным показаниям. Открывали затем в 1991 г., но потом вновь закрыли.

⁴⁰ Дом пионеров находился на месте нынешнего здания Камчатского выставочного центра на улице Ленинской.

⁴¹ Учась в старших классах, не пропускал концерты приезжих исполнителей. Здесь, в Петропавловске, слушал джаз-оркестр Э. Рознера, симфонический оркестр под управлением Ивановой, концерт Я. Френкеля, смотрел спектакли кукольного театра С. Образцова.

⁴² То была естественная реакция одиноких и замужних женщин на сложившуюся к тому времени демографическую ситуацию в стране после Великой Отечественной войны. Многие их ровесники-мужчины погибли на войне, и женщины не могли создать семью. Замужние же боялись её потерять.

⁴³ Гена Белов уехал в Махачкалу, а Люда Камнева — в Кемеровскую область, в Новокузнецк. Продолжали жить на Камчатке брат и сестра Кувакины, Вячеслав Мохов, Александр Вдовиченко, Ирина Кузнецова.

⁴⁴ Панкратьева (Фомина) Анна Ивановна. На Камчатке живёт с 1950 г. В 1956—2004 гг. работала учителем в школах Петропавловска-Камчатского. Начинала в семилетней школе № 7, затем преподавала русский язык и литературу в школах № 30 и № 43. В 2001 г. награждена медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

⁴⁵ Вячеслав Мохов окончил Петропавловское мореходное училище. Работал третьим помощником капитана, капитаном, капитаном-наставником. Умер в начале XXI в.

⁴⁶ Агеенко Поликарп Михайлович приехал в Петропавловск в начале 1940-х гг. С детства он любил заниматься садоводством. И на Камчатке решил продолжить своё увлечение. Однако в районе АКО, где он

жил, рядом с домами свободной земли было мало. В 1951 г. П. М. Агеенко переехал в Ближний совхоз. Там на приусадебном участке завёл сад. В саду хорошо росли яблони — антоновка, белый налив, шафран; груша, слива, вишня. Цвели яблони, груши и вишни. Они были чудным островом среди унылых дворов совхозских домов. Среди верб вдоль ограды сада росли сирень и акация, что также преображало улицу. В 1959 г. П. М. Агеенко уехал на материк, а сад передал сыну Юрию, который в 1962 г. подарил его школьникам школы № 30. С мая 1964 г. сад стал опытным участком областной станции юннатов. В 1971 г. станцию перевели на новое место, дом вместе с садом снесли. На этом месте сейчас территория школы № 30.

⁴⁷ С того первого похода на Авачинский вулкан ещё тринадцать раз ходил по отрогам его древнего и современного конусов. Семь раз стоял на его вершине. Водил на вершину одноклассников, друзей и родственников, туристов из Прибалтики.

⁴⁸ Стальных Михаил Порфирьевич (1924—07.03.1972), педагог, историк, член Союза журналистов СССР. Трудовую деятельность начал в Хабаровском крае учителем в школе, затем был директором Славянской и Троицкой школ. На Камчатке с 1953 г. В 1953—1964 гг. был учителем, директором школ № 30 и № 6, заведующим отделом народного образования Петропавловск-Камчатского горисполкома. В 1964—1970 гг. старший преподаватель Камчатского государственного педагогического института. С 1970 г. преподавал историю и обществоведение в школе № 4 Петропавловска-Камчатского. Одним из первых на Камчатке стал заниматься историей дореволюционного Северо-Востока России и становления советской власти в Охотско-Камчатском крае. Публиковался в периодической печати Камчатки. Автор книги «Победа Великого Октября на Камчатке» (1975).

⁴⁹ Фурсов Василий Дмитриевич в 1950—1960-х гг. преподаватель пения в школе № 30. В период нашего похода работал директором Камчатской областной детской экскурсионно-туристической станции. В 1970-х гг. директор туристической базы «Долина гейзеров», где проходил один из всесоюзных туристических маршрутов под № 264.

⁵⁰ По этому маршруту ходил в 1908 г. известный ботаник В. Л. Комаров — участник Камчатской экспедиции Ф. П. Рябушинского 1908—1910 гг.

⁵¹ Морозова Анастасия Александровна долгое время работала в школе № 7. В начале 1970-х гг. была одним из первых директоров средней школы № 33.

⁵² В марте-апреле 1964 г. мы с Геней Кувакиным и друзьями, вместе со школьниками села Коряки были на золотодобывающем прииске Каменистом, где стояла драга, а затем на Банных горячих источниках. В августе — у нефтеразведчиков в посёлке Богачёвка.

⁵³ Вайнштейн Игорь Владимирович, журналист, фотохудожник. В 1957—1962 и 1973—1977 гг. работал в газете «Камчатский комсомолец». С 1977 года по 1999 г. был собственным корреспондентом фотохроники ТАСС.

Работы В. И. Вайнштейна как фотомастера получали высокую оценку. В его объектив попадали люди и природа Камчатки. Он автор многих фотоальбомов о полуострове: «Северные зори» (1984), «Камчатка» (1984; совместно с Ю. Я. Муравиным), «Кроноцкий заповедник» (1979; совместно с М. Я. Жилиным) и других.

⁵⁴ Кожемякин Станислав Васильевич (07.02.1934—14.07.2009), преподаватель физической культуры, заслуженный учитель России, отличник просвещения, отличник физической культуры. Окончил педагогическое училище в городе Рыльске. На Камчатке с начала 1950-х гг. Работал учителем физкультуры в селе Мильково, служил в военно-морских частях в Петропавловске-Камчатском. Затем — учитель физкультуры в школе посёлка Дальнего. С 1959 г. до последних дней преподавал физкультуру в средней школе № 4 Петропавловска-Камчатского. Десятилетиями ученики школы под его руководством занимали призовые места на соревнованиях по лёгкой атлетике, проходивших на Камчатке, завоевав более 160 различных кубков, призов, других наград.

⁵⁵ Семёнов Владимир Иванович (16.03.1905—23.10.1996), почётный гражданин города Петропавловска-Камчатского (1990), инженер, краевед, основоположник спортивного туризма на Камчатке, мастер спорта СССР по туризму (1970).

⁵⁶ Не было смотровых площадок и специальных дорожек и в 1970 г., когда мы вчетвером: я, жена Рая и наши друзья Галина Белова и Виктор Сиркия — «дикарями» ходили в Долину гейзеров.

⁵⁷ Кувакин Геннадий Владимирович. С 1970-х гг. работает в камчатской геологии. Руководил геологоразведочными партиями. Сейчас главный геолог. Начиная с разведочных работ на Оганчинском и Агинском месторождениях золота. Награждён медалью «За трудовую доблесть» (1975).

⁵⁸ Река названа именем В. Н. Тюшова. Тюшов Владимир Николаевич (24.05.1866—11.1936), врач Петропавловского округа (уезда) в 1894—1912 гг., исследователь Камчатки.

⁵⁹ Большинство проявленной фотоплёнки осенью было приложено к отчёту о работе туристической экспедиции. Сдал я и киноплёнку. Судьба их неизвестна. Сейчас очень сожалею об этом.

⁶⁰ Дневники моих походов по Камчатке 1962—1965 гг. опубликованы на сайте www.piragis.ru.

⁶¹ Олейников Иван Петрович (1914—13.05.1987), педагог, заслуженный учитель школы РСФСР. Родился в г. Минеральные Воды. Там же окончил институт литературы и немецкого языка. Участвовал в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., служил в войсках связи. Перед войной работал директором школы в Приморском крае. На Камчатке жил с перерывами с середины 1950-х гг. Был директором средней школы № 2 в селе Усть-Большерецке, затем директором средней школы № 2 в Петропавловске, работал в отделе народного образования Камчатского облисполкома. В 1959—1964 гг. жил в Мурманске. В 1964 г. вернулся на Камчатку и в 1964—1972 гг. был директором средней школой № 7

в Петропавловске, потом средней школой № 2 в Елизово. С 1978 по 1984 г. возглавлял Петропавловский межшкольный учебно-производственный комбинат. Был активным сторонником макаренковского принципа: «воспитание в коллективе и через коллектив». Наиболее полно свои педагогические методы воплотил, работая в петропавловской средней школе № 7. Последние годы провёл в подмосковном городе Димитрове.

⁶² Об И. П. Олейникове хорошо отзывались И. А. Платонова в книге «Уроки и перемены» (Петропавловск-Камчатский, 2002. — С. 47—96) и Л. П. Лельчук в воспоминаниях «О времени и о друзьях-товарищах» (Камчатка во второй половине XX века. — М., 2005. — С. 367).

⁶³ Маренин Александр Михайлович. Окончил Камчатский государственный педагогический институт. Долгие годы работал тележурналистом на Камчатском телевидении.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Агеев П. М.** — 543, 563—564
 Акимов — 303
 Акуленко И. З. — 297, 305, 309
 Алейкин А. — 546
 Александров — 292, 302—303
 Алексеев — 367, 369—370, 375—377, 379
 Алексеев-Крамник — 361—362
 Алексеев В. И. — 497
 Алексеев Н. — 301
 Альфонский — 496
 Андерс — 126
 Андреев — 240, 308
 Анкудинов В. В. — 63—64, 73—74, 77, 79, 89—90, 185—186, 190
 Антоновский — 503
 Апенкин И. А. — 479
 Арсеньев В. К. — 376
 Атласов В. — 247, 252—258
 Атласов В. С. — 290
Бабин Н. — 478
 Бабкин-Байкалов А. И. — 346, 404
 Баженов — 487
 Баженов М. В. — 299
 Байрон — 128
 Бархатов Ю. — 548—549, 551, 553, 555—556
 Бек Г. Г. — 405, 408, 410, 413—414
 Беккер — 108
 Белей Ф. Я. — 395
 Белов Г. — 533—535, 537, 563
 Беломойнов — 184—185
 Бельх Е. К. — 369
 Беляев А. — 198
 Беляева М. — 198
 Бережков — 471
 Березовский А. М. — 310—311
 Беринг — 71
 Бессмертный Е. Д. — 492
 Бизеев П. И. — 291
 Биллингс — 42
 Бирич П. П. — 403, 405, 410
 Бирич Х. П. — 290, 299, 304, 309—312, 314, 319—320, 336—338, 342, 344, 347, 349, 350—351, 359, 386, 398, 402—408, 410
 Бирюков — 488
 Блонский — 218
 Бобриков Н. — 161—162, 164
 Богатырёв С. П. — 497
 Богданович — 206
 Богомолов В. Д. — 294, 301, 309, 388, 425
 Богоро(а)з — 116, 132
 Божко П. Д. — 369
 Болтенко — 291
 Большеголовый Н. С. — 307—308
 Борисов В. И. — 291—292
 Боровик — 503
 Бородина М. П. — 316—317, 324—326
 Бочкарёв В. И. — 299, 338—343, 348, 360, 362, 366, 371, 373, 398, 404—405, 414—415, 417, 431—432, 436, 441, 444, 448—451, 456—457
 Брагин — 55, 186
 Брагин А. — 291
 Брагин В. — 190
 Брагин В. К. — 289—290
 Брагин П. — 357, 376
 Брагины (кушцы) — 187, 189

Брекаловские — 329
Бринер — 108—109, 199
Брюгген — 228, 230, 233, 238
Булатов — 239
Буренков Ф. А. — 396
Бурлуцкий Н. А. — 464
Буткевич И. П. — 339
Бучинский Т. И. — 370
Бушуев — 205
Буянов И. Е. — 290, 291, 301
Вайнштейн И. В. — 549, 564—565
Валентин (иеромонах) — 187
Васильев А. А. — 337
Васильев П. Я. — 289, 291, 321
Вахрин Г. П. — 289, 295, 297—300, 306, 309
Вдовиченко А. — 535, 537, 563
Векентьев — 222, 227—228, 234, 237
Вениаминов И. — 158
Верещагин — 187
Винтовкин Д. Р. — 487
Витгенберг С. — 360
Власов — 471
Водопьянов Ф. Я. — 329
Вольский М. П. — 340, 388, 425, 452, 456
Врангель — 42,
Выгузов С. — 201
Гаврилин И. П. — 361—362, 373—375
Гаврилов — 200, 449
Галинский А. — 295, 298, 306
Галямов В. Н. — 307—308
Геденшторм — 210—212
Гек — 113—115
Герасимов Е. И. — 300
Геске А. И. — 343
Гилевский — 479
Гинер — 474
Глушков С. — 545—546, 549
Гриб В. В. — 464
Григорьев И. Н. — 358
Гринвальд — 105—107
Гриневецкий — 44, 69—70, 88
Гринько А. А. — 463
Года-Мицимоса — 111
Голованов И. Ф. — 390, 435
Головащенко И. П. — 308
Головин Е. А. — 531
Гольден-Орулье — 121
Гондатти Н. Л. — 41—42, 44, 49, 55—64, 69—74, 76—79, 81—92, 185, 239
Горбунов М. С. — 289, 295, 297—298, 305, 308
Гоценко — 290
Гребницкий Н. А. — 213, 215, 226, 233—238, 240—243
Грибов — 290, 293
Грундульс К. П. — 438—439
Грюмберг П. К. — 291
Гультен Э. — 277—278
Гундзи — 230—231, 233, 236
Давыдов Г. Д. — 493
Данилов П. М. — 497
Датекукакул Икако — 248, 269
Дворников — 479
Девягин Е. — 201
Дегтярёв В. — 537
Дедков — 473
Демби А. Г. — 289, 299—300, 309, 338, 341
Демичев Д. — 289, 298
Дитмар — 267, 277

Дитерихс М. К. — 314, 339, 347, 357, 359, 391, 394, 399, 435
Дмитриев — 292, 303
Добрынин С. И. — 502
Домашнев Н. Я. — 100, 108, 112, 115—118, 125—127, 132, 137
Домра Н. С. — 502
Дубков А. Ф. — 310
Духовской С. М. — 60, 62, 91
Дыбовский — 277—278, 281
Дыштан — 301
Дьячков А. И. — 383
Евойловский Е. — 231
Евстафиади И. Г. — 482
Елизов Г. М. — 326—327, 331—332, 334—335
Еникеева Т. — 537
Енисейский И. — 252
Ерофеев Я. — 295, 298
Ерохин М. — 380—382
Ерошкин С. С. — 373
Ечевский А. — 546, 551, 553
Жаба — 230—231
Жаворонков В. М. — 365
Живонадзе — 290
Жилин М. Я. — 565
Жуковский П. Я. — 483, 485, 493
Забалин — 189
Завойко В. С. — 138, 157
Загородный Н. Я. — 362
Закхеев С. Л. — 561
Замошников В. А. — 187, 190, 198
Замятин — 503
Заочный К. П. — 333
Зеленский М. Е. — 486, 493
Зенков В. — 325
Зиновьев М. — 256
Зику — 291
Золовкин П. А. — 369
Зубарев — 487
Зубков — 105—106, 107—110, 113, 291
Зуев А. С. — 251—252
Зюкер — 291
Ивайловские Н. К. и Д. К. — 330
Иванов Л. Т. — 399
Иванова-Мумжиева Л. П. — 400—401
Иванов-Мумжиев П. М. — 359, 391—393, 395—398, 401
Ивашицев — 107
Ивашкин-Ларичев П. Г. — 315, 345
Ивденко Т. — 537
Ивлев Г. А. — 360, 408, 412
Игрушечкин-Акимов И. (А.) — 323
Ильин Б. П. — 344, 347, 353, 355—359, 380—381, 383—384, 387—389, 391, 393—397, 400
Исангожин И. — 297, 306—307, 309
Кадег И. Д. — 495
Камнева Л. — 537—538, 563
Калинкин — 196, 198
Канторович г. А. — 465, 474
Капель В. О. — 295, 299—300, 304—305
Карамзин — 129
Карандаш В. — 138
Карандашиха (Карандашева) А. И. — 138—140
Каргопольцев — 291
Карлов — 306
Картакай В. И. — 352
Карымов Х. — 304
Карякин П. — 119, 124, 126—127
Катов В. В. — 290

Кахгин — 108
Кейзерлинг — 108
Келль — 267
Кибличенко — 487
Ким С. Я. — 323—324
Киселёв П. Д. — 465, 467, 469, 473—475, 478—479, 483, 490, 496
Кларк И. — 286
Кларксон — 129
Клемина Л. — 551, 553
Кобелев Т. Р. — 245, 247—249, 251—252, 256—260, 267
Кобцев А. И. — 384
Кодылев К. И. — 390
Коекарский Г. А. — 361
Кожемякин С. В. — 550—551, 565
Козырев Г. А. — 464, 479, 486
Козырев И. Д. — 321
Колесов Г. — 291
Колесов В. — 256
Колесов Е. — 291
Коллегов Г. — 236
Колмаков Е. А. — 314, 390—391, 395—396, 420, 427
Колмаков — 204
Коломеец А. Д. — 487, 493
Колчугин — 289
Колюбакин — 239—240
Комаров В. Л. — 262, 265, 274, 276—277, 564
Коновалов В. Г. — 553
Конради С. А. — 267, 280
Коперсак В. — 546
Копылов А. А. — 291, 364
Корабейников Е. Е. — 293
Корнилов Н. Н. — 329, 332
Косицин И. Я. — 289
Косыгин И. Н. — 381
Косыгин Ф. — 184
Котельников И. — 389
Кочеров А. А. — 349
Кочетов Н. П. — 289, 295, 297—298, 305, 309
Кравцов А. С. — 295
Кравчук — 295
Крамар В. А. — 361
Краснояров И. И. — 370—371
Крафт-Эбинг — 224
Крашенинников С. П. — 247—248, 254—255, 266—267, 269, 271, 275—276, 278, 280—282
Кривенко В. Е. — 310
Кроун — 219—221
Крупенин — 291
Крупенин П. А. — 385, 434
Кручина В. М. — 343
Крылов — 471
Кувакины — 537, 563
Кувакин Г. — 539, 543, 546, 548—549, 551, 553, 555, 564—565
Кужель Л. И. — 487, 503
Кузнецов В. В. — 312, 314, 336, 338, 348, 350—351, 391
Кузнецов Н. И. — 333
Кузнецова И. — 537, 563
Кулаженко — 473
Кулиш — 473
Кумпан Е. И. — 286—287, 388, 457
Кушлевахских А. — 537
Купчишин А. С. — 511, 561
Куропаткин А. Н. — 211—212
Кутьин А. — 259
Кухлянто — 71

Лабут В. П. — 487
Лавров Д. Е. — 289, 295, 300, 305
Ландин И. Н. — 361
Ларин И. Е. — 289, 301, 304, 309, 322, 333, 360, 436, 439
Лассиниус П. — 270
Латыпов — 376
Левитан Ю. — 536
Лельчук Л. П. — 566
Ленин В. И. — 286
Леонов В. Л. — 279
Лесовой А. И. — 561
Лех С. М. — 214, 229, 242—243
Липский — 291
Лисица — 471
Луганский — 503
Лукашевский А. С. — 292—293, 301—304
Лукьянов — 471
Лукьянов Я. Н. — 478
Логинов А. — 276
Ломбак И. Я. — 335, 444—445, 456, 460
Лонгинов П. В. — 364, 374
Лохвицкий — 138
Лысак В. Л. — 376, 379
Любимов — 187, 190
Мазуров — 471
Майдель — 42
Максутов А. П. — 516
Малкин С. В. — 487
Мальшев — 503
Мальшев Я. И. — 385
Малюга Ю. — 552
Малюкович В. Н. — 334
Мамаев — 295
Мамин А. — 291
Маневич Р. А. — 538
Макаренко — 110
Макаров С. О. — 219
Макштас П. М. — 473, 500
Марамзин М. Я. — 352
Маргаритов — 207
Маренин А. — 559, 566
Махоркин Ф. — 326, 383—384, 395
Машихин Г. А. — 333, 386, 395—396
Машихин Е. В. — 289
Машихина А. Н. — 334
Маримото — 111
Медведев — 471
Меркулов С. Д. — 391, 394, 415
Мерлин Ю. — 281
Мещерякова А. Н. — 538
Миклашевский М. С. — 313
Миллер Г. Ф. — 42, 249, 273
Мирошкин Н. А. — 370
Мирошкина А. В. — 378
Митрофанов В. — 306
Михайлова Д. — 161
Михайлов С. Я. — 293
Миценко — 488
Многогрешный М. — 259
Могилёв И. — 249
Могутин Б. П. — 360
Моллериус — 239
Молодовы (купцы) — 187
Молодых — 190
Морев С. Е. — 386
Морозко Л. — 252

Морозова А. А. — 542, 548, 564
Москалёв П. Н. — 303
Моско — 290
Мохнаткин М. А. — 464
Мохов В. — 537, 539, 563
Муравин Ю. Я. — 565
Муравьёв-Амурский — 113—114, 132, 203
Муратовский А. В. — 354, 389, 391
Мурашёв С. — 161—164
Мусатов И. С. — 309
Мухачёв Б. И. — 327, 393
Назаренко Е. Т. — 291
Назаренко В. Т. — 289
Налач — 248
Ненсберг А. А. — 324—326, 353
Ненсберг В. Б. — 317
Нестор (псаломщик) — 364
Никаноров А. П. — 329
Никитин А. И. — 304
Никифоров Ф. А. — 364
Николин С. Н. — 296—297
Новаковский — 116
Новограбленова И. Т. — 387
Новограбленов П. Т. — 278, 316, 320, 355, 388, 390
Новокрещенов — 463
Новосельцев П. В. — 288—289, 295, 309
Норденши(е)льд — 71
Огородников — 108
Огородников В. А. — 434
Одынец Е. Ф. — 314, 389
Олейников И. П. — 556—557, 559, 565—566
Омельченко И. — 527, 537
Орлов — 207
Орлов М. Ф. — 351
Оссе А. А. — 317, 427
Остапчук Ф. М. — 369
Остроумов А. Г. — 267
Охалкин — 302—303
Ошурков П. А. — 119, 133—134, 137, 152, 157, 159—160, 163, 216
Павленко Я. П. — 87
Павлов — 473
Павлуцкий — 260
Павский — 217, 234—235
Падерин — 184
Падерин И. — 193
Пенезин В. К. — 370
Панкратьева (Фомина) А. И. — 538, 563
Панкарин С. С. — 361
Панов — 503
Папанин И. Д. — 562
Пересвет-Солтан В. П. — 327, 335, 421
Петрухнов В. З. — 295—297, 305—306
Петухов А. — 201
Пийп Б. И. — 277—278, 281
Пирагис П. А. — 560
Пирагис Л. А. — 560
Писня М. К. — 369, 379
Пичугин — 503
Платонова И. А. — 566
Плеве В. К. — 234
Плотников А. — 527
Подгорный А. А. — 310, 337
Подругин — 158—159
Подругин В. В. — 331, 334
Подругин Г. — 150
Подругин Н. С. — 329

Подрезов — 307
 Полевой Б. П. — 245—246, 250—253, 256—257, 265—269, 273—274, 279
 Полищук К. А. — 339
 Поляков Н. А. — 309, 332, 348, 351, 360, 398, 407, 415, 441, 448, 451, 453
 Помазкин М. — 297
 Попов — 205, 209, 211—212
 Попов А. А. — 379
 Попов А. Г. — 376
 Попов А. П. — 480
 Попов Е. И. — 289, 291, 293
 Попов Л. Ф. — 373
 Попов П. — 293
 Попов Ю. Г. — 360, 370—371, 373, 376, 379
 Попович — 479
 Поротов К. Н. — 329
 Потапов А. — 546
 Преснецов Р. — 245—247, 249—250, 258—260, 262, 264—268, 270, 272—277, 279—
 280, 282—283
 Пржевальский — 185, 190
 Пригоровский Д. И. — 382, 391, 433
 Примак Т. Н. — 361
 Притчин А. М. — 377
 Притчин А. Н. — 377
 Притчин В. М. — 377
 Прозоров — 233—234
 Просвиркин К. Г. — 473
 Прот — 113—114
 Пурин А. А. — 314—315, 391, 416, 423
 Пустовит В. П. — 419
 Пчёлкин А. — 339
 Пюкке Г. — 546, 549, 551, 553
Раевский — 301
 Расторгуев А. — 290
 Расторгуев В. А. — 290
 Ремезов С. У. — 258
 Реутовы — 307
 Реутов И. — 299
 Рикорд П. И. — 561
 Рубцов Б. — 445—446
 Руднев С. П. — 393
 Русанов — 216
 Русин Ф. — 330
 Рыжов Е. Л. — 291
 Рябиков И. В. — 289, 317—321, 382
 Рябушинский П. Ф. — 564
 Рядченко В. М. — 496
Савримович — 207
 Савич — 369—371, 375
 Савченко-Славский М. И. — 357, 388, 393
 Сайфранов А. — 297, 306—307
 Сакегучу С. — 335
 Салатко-Петрище Р. Я. — 316—317, 325—326, 380, 408, 410, 413
 Сани — 247
 Сарафанников А. А. — 365, 373
 Сахаров А. А. — 306, 381, 383
 Свенсон О. — 340—341, 375, 404
 Селиванова А. Н. — 321—322
 Семёнов В. И. — 322, 329, 331, 375, 550, 553, 555, 565
 Семёнова Р. — 558—559
 Сергиенко Г. Ф. — 362
 Серошевский — 211
 Серюков П. — 247, 251—253, 257
 Сигежи Абе — 335
 Сигехара (Синехара) Абе — 336—337
 Сильницкий А. П. — 5—6, 229, 232, 244
 Скаврунский Е. И. — 503

Сковородько В. Д. — 291, 295
Славина А. В. — 562
Слободчиков Е. И. — 361, 373
Слободчиков Л. Л. — 321
Слободчиков Ф. — 383—384, 395
Слюнин Н. В. — 153, 278, 281
Смердов Т. — 249
Сметанин М. П. — 386
Смит — 142, 144
Сновидов В. И. — 365
Сновидов И. Ф. — 293
Сноу — 120
Соболевская О. В. — 279
Созутов Я. М. — 303
Соловей И. Ф. — 343, 351
Сомкин П. Ф. — 361
Сотников И. — 291
Сотников М. И. — 110—111, 216, 236
Сото — 111
Сперанский — 203
Старк Г. К. — 391, 393
Стародубцев С. — 521
Стеллер Г. В. — 248, 259, 265, 272
Стельных М. П. — 545, 564
Стецюк Ф. Д. — 351—352, 354, 357, 390
Столяров А. — 290
Стрепетиллов С. Г. — 349, 417
Стрий К. Г. — 383
Ступак И. П. — 464
Суздаев И. — 368—369
Суликовский — 503
Сусляк П. Я. — 309—310, 314—317, 320—321, 352, 355, 423
Сухорученко — 473
Сычѳев Е. П. — 377
Таратин И. — 247
Таушканов Д. В. — 492
Тое Г. Л. — 310
Толстихин В. А. — 369, 379
Толстихин И. А. — 370
Толстихин П. А. — 370
Томилов Ф. — 290—291
Трухин Г. — 301, 304, 325, 425
Трындин — 193
Тулупов А. П. — 293
Тулупов М. — 293
Турилов Б. И. — 388
Тюменцев Г. — 330—331
Тюменцев С. — 330
Тюшов В. Н. — 136, 216, 224—225, 565
Удачин П. — 290
Унтербергер П. Ф. — 113, 133, 372
Успенский Н. М. — 382—383
Ушаков В. Ф. — 289
Ушаков В. — 291
Ушаков Е. Ф. — 291
Ушаков К. — 289
Ушаков С. — 290
Файвишевич — 398
Федоренко Н. А. — 323
Федорин Н. М. — 398, 417
Фѳedorов — 362, 373—374
Фѳedorов Н. П. — 297, 306—307, 309, 321
Филиппеус — 205—206
Флетчер П. Н. — 365, 373, 421
Флетчер П. П. — 363

Фокас (Пирей) В. И. — 338—339, 348
Фокин — 374
Фокин И. — 295, 298, 300
Фомин Г. Ю. — 391
Фролов Г. — 201
Фролов Н. П. — 316, 321, 327—328, 330, 344—345, 357, 379, 421, 424—425, 430—431, 455
Фролова Т. — 537
Фурсов — 479
Фурсов В. Д. — 546, 564
Халитов — 295
Холмс Д. А. — 310
Херсонский А. С. — 493
Храмов П. А. — 387
Хрещатицкий — 241
Хрущёв Н. С. — 536, 556
Цимбал Н. А. — 465—466, 496
Цыбышев В. — 537
Чекерский — 107
Чекмарёв — 357
Червянский Н. Н. — 387
Черемпей П. К. — 361—362
Черногонов П. И. — 329—330
Черных П. Е. — 290
Чиликин — 207
Чистяков — 295
Чичагов — 93, 98
Чолокян А. М. — 510, 560
Чубаров Г. И. — 363, 438, 447—449, 452
Чубатов А. М. — 496
Чудин М. — 329
Чуйко П. М. — 293
Чураков — 301
Чуркин П. Я. — 293
Шамбарова-Косыгина Н. — 334
Шапетов — 503
Шатинский Ф. Т. — 344
Шевцов Т. Н. — 333
Шевцова Е. С. — 287
Шевчунас — 339, 437, 441—444
Шекспир — 128
Шерстобитов — 295
Шехерёв Т. И. — 329
Ширинкин — 291, 304
Шишкин Ю. Ф. — 273
Шмидт К. — 277
Шолохов М. — 536
Штабель — 263
Шуганов — 488
Шумко — 300
Шунько — 289
Щенников Г. И. — 293
Щепихин Д. — 298
Щербакова — 287
Щипчинский Ч. К. — 391, 394, 435
Эрик О. — 128—129
Юсупов Ф. — 297, 306
Юшин М. И. — 371
Юшин П. И. — 360, 368, 371—373, 375, 378, 426
Юшин Р. — 373—375, 438—439, 445, 448, 459
Яворский М. Я. — 292, 301
Яковлев А. П. — 329—330
Янковский — 185—186, 190
Янсон — 503
Ясиновский П. П. — 291

Петропавловск в 1889 г., во время посещения клипером «Разбойник»

Склады американской компании в Петропавловске в 1889 г.
За складами — клипер «Разбойник»

Вид Петропавловска со стороны входа в портовый Ковш, лето 1889 г.

Вид Авачинской губы. У мыса Сигнального стоит
клипер «Разбойник»

Грузы Анадырской экспедиции 1889 г. на шканцах клипера «Разбойник»

Вход в устье реки Анадырь и место, где был основан Ново-Мариинск

Первый анадырский окружной начальник Л. Ф. Гриневецкий, чиновник Дмитриев, десятник Павлов и казаки в Ново-Маринском посту, июль 1889 г.

Строительство дома в Ново-Маринском посту, 18 июля 1889 г.

Освящение дома в Ново-Мариинском посту, 22 июля 1889 г.

Чукчи на палубе клипера «Разбойник», июль 1889 г.

Чукчанки с детьми в Ново-Мариинском посту. Сзади — матрос клипера «Разбойник», 1889 г.

Чукотский танец

Виды селения Никольского на острове Беринга

Эта и предыдущие фотографии взяты из «Альбома фотографических видов к отчёту о северном плавании клипера “Разбойник” и устройстве Ново-Мариинского поселения в устье реки Анадырь», составленного в 1889 г.

Петропавловские окружные начальники: слева Петр Александрович Ошурков (1895—1903), справа Антон Петрович Сильницкий (1903—1904)

П. А. Ошурков ведет аукцион по продаже конфискованного японского невода, лето 1901 г. (из собрания ДВНГБ)

Встреча приамурского генерал-губернатора С. М. Духовского с жителями Петропавловска, 5 мая 1897 г.

Старики-петропавловцы, ветераны Петропавловской обороны 1854 г. на причале Русского товарищества котиковых промыслов (из собрания ДВГНБ)

Приамурский генерал-губернатор С. М. Духовской беседует с ветеранами Петропавловской обороны 1854 г., 5 мая 1897 г.

Петропавловск, май 1897 г. В городе имелось 85 дворов и 322 жителя (из собрания ДВГНБ)

Легендарная «Карандашиха» — участница Петропавловской обороны
1854 г. Агафья Ивановна Карандашова с сыном Иваном
(из собрания ДВГНБ)

Камчатские казаки, лето 1901 г.
(из собрания ДВГНБ)

Офицеры военного транспорта «Якут» и петропавловский окружной начальник П. А. Ощурков. Петропавловск, лето 1901 г.

На палубе парохода «Гирин», лето 1901 г.
Альбом А. П. Сильницкого
(из собрания ДВГНБ)

Жильё для служащих на рыбоконсервном заводе Камчатского
торгово-промышленного общества. Третий справа В. Г. Богораз,
его супруга С. К. Богораз сидит справа, лето 1901 г.

Камчатский охотник с лыжами, подбитыми нерпичьей шкурой,
и соболёвой собакой, стоящей 200 руб., 1901 г.

Альбом А. П. Сильницкого
(из собрания ДВГНБ)

Жители селения Коряки, лето 1901 г.
Альбом А. П. Сильницкого
(из собрания ДВГНБ)

Члены экспедиции В. П. Маргаритова и жители села Мильково, 1897 г.

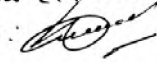

Гижигинский летник, 1901 г.
Альбом А. П. Сильницкого
(из собрания ДВГНБ)

Памятник партизанам в районе облстатуправления до 1977 г. (слева), он же, перенесённый на сопку Зеркальную после строительства дороги (справа)

Металлический
Крест, установленный
тигильскими казаками Ю.Г.
Тюновым и В.А. Писка-
ром с помощью А.А.
Тюнова в августе
2003г. на предположе-
тельном месте захоро-
нения событий в 1922г.
дела казаков.
Крест установлен в
2,5-3 км от с. Тигиль.
фото мал:
Ю. Р. Полев.

Тигильский крест в память погибших белых казаков, 2003 г.

Надпись на мемориальном кресте на месте кровопролитного захоронения солдат. Крест изготовлен из оцилинкованной трубы в с. Тигиль, с надписью сделана в Елизове, шепоте проживает тигильчанин Ю. Г. Попов. Он по архивным материалам установил имена погибших не только на р. Тигиль, но и захоронения в с. Тигиль валамистре Дордохина и в Угас-Тигиле полковника Алексева. Средств на о последнем уже решено директор ЦОИМО В. Г. Тизенштейн.

Тигильский крест. Табличка с именами погибших.
Фото Ю. Г. Попова, 2003 г.

Прапорщик по Адмиралтейству
В. А. Кулий (1892—1923)

Полковник П. М. Иванов-Мумжиев
в годы Первой мировой войны

Последний начальник Камчатской
области генерал-майор П. М. Иванов-
Мумжиев в эмиграции, 1920-е гг.

Могила П. М. Иванова-Мумжиева
на русском кладбище в Шанхае,
1930-е гг. Ныне утрачена

Чины Северного экспедиционного отряда
в Петропавловске: ротмистр Муратовский,
чиновник Морозов, капитан Любвин,
подъесаул Захаров, капитан Лукьянов,
чиновник Сушили, капитан Башков,
11 июля 1922 г.

Капитан 1-го ранга
Б. П. Ильин, начальник
всех войск и сил флота,
оперирующих в водах
Камчатской области,
1922 г.

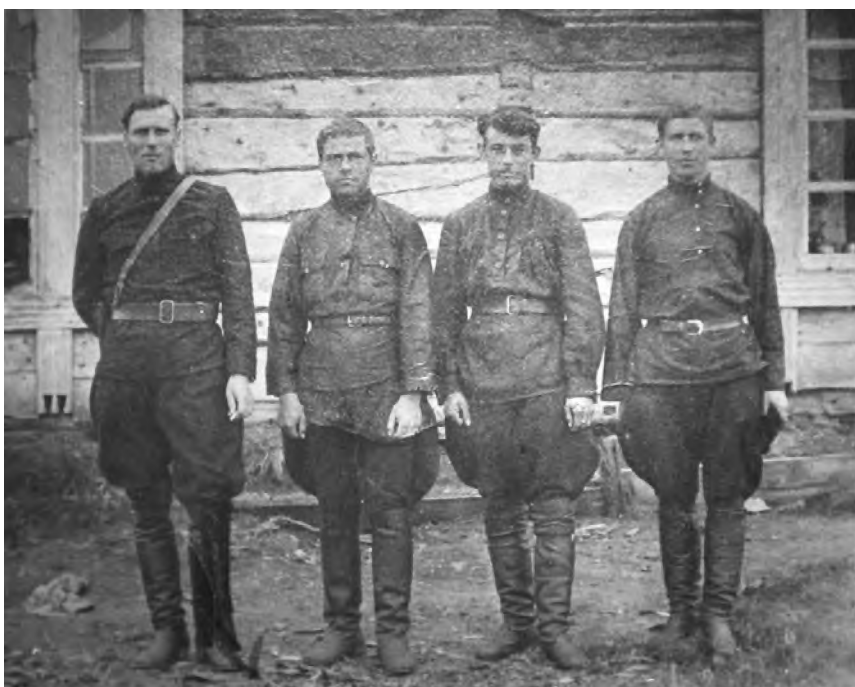
Группа чинов Северного экспедиционного отряда после эвакуации
из Петропавловска. Шанхай, 1922 г.

П. Н. Пиликин (справа) в предреволюционные годы.
Снимок сделан в петропавловском фотоателье
Е. А. Колмакова

«Город Гжигга. Вид с реки Гжигинки. Отметка крестиком казармы белых, с которыми вели перестрелку»

«Участники разгрома белых Бочкарева и генерала Полякова в Гжигге и Найхане. Слева второй Никитин Денис, третий Козлов Парамон, четвёртый Русин Филипп, первый командир взвода, принявший командование от Чубарова, Плеханов»
(из фондов ГАКК)

Г. И. Чубаров, командир сводного отряда красных ликвидаторов

А. Д. Чернов. Гижига, 1923 г.

Сводный отряд Г. И. Чубарова в Гижиге. Памятная фотография, сделанная в момент проводов командира (из фондов ГАКК)

П. Г. Козлов, гордившийся тем, что «собственноручно размозжил» голову В. И. Бочкареву. 1937 г.

Г. Тюменцев, участник паратунского партизанского отряда (из фондов ГАКК)

Слева направо: сидят Захарушкин, Сувейзда, А. Ю. Чернов, стоят Пайченко, Бережнев, жена Чернова, Никитин (из фондов ГАКК)

Тигильские партизаны, участники экспедиционного отряда 5-й Краснознаменной армии под руководством Г. И. Чубарова в Няяхане, 1923 г.
Слева направо: Т. Ф. Косыгин, Н. А. Пенизин, Н. Г. Наседкин,
Н. Я. Панкарин, Н. Е. Баранников, А. А. Мухин, П. В. Лонгинов,
П. М. Чертовской, А. Ф. Найнов

Тигильский отряд возвращается домой после ликвидации «белых банд» на шхуне «Руби», 1923 г. (из фондов ГАКК)

Слава Мохов и Александр Пирагис, 1959 г.

Александр и Юра Пирагис, 1959 г.

Мальчишки 6-го «А» класса петропавловской школы № 30, 1960 г.

Александр Пирагис, апрель 1962 г.

Пушка у памятника В. Берингу.
Фото А. П. Пирагиса, 1963 г.

Улица Ленинская. Фото А. П. Пирагиса, 1963 г.

Восхождение на Авачинский вулкан. Слева направо: Георгий Пюкке, Геннадий Кувакин, Александр Пирагис, 1963 г.

На стройке. Слева направо: Александр Пирагис, Сергей Глушков;
крайний справа — Геннадий Кувакин, 1963 г.

Морской вокзал. Фото А. П. Пирагиса, 1963 г.

Рыбный порт. Фото А. П. Пирагиса, 1963 г.

Памятник В. И. Ленину на ул. Ленинской. Фото А. П. Пирагиса, 1963 г.

Площадь у Камчатского областного драматического театра. Слева — городская баня. Фото А. П. Пирагиса, 1964 г.

Кинотеатр «Родина». Фото А. П. Пирагиса, 1963 г.

Рая Семенова и Александр
Пирагис, 1965 г.

Фонтан у памятника освободителям
Курил. Фото А. П. Пирагиса, 1963 г.

Семья Пирагис, 1965 г.